ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

No 1.

Январь.

1913.

М О С К В А. Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ. 1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. Статьи:	0
Руссо—гражданинъ Женевы. М. М. Ковалевскаго	. 51 . 76
II. Воспоминанія.	
А. В. Поджою. Записки декабриста. Съ предисловіемъ. А. И. Яковлева	. 134
10. Матеріалы.	
Л. Н. Толстой о Наполеон'в (письма Л. Н. Толстого въ А. И. Эртель П. И. Бирюкова	. 171 0- . 174 0.
V. Критика и библіографія.	
1) Э. Целлеръ. «Очерки исторіи греческой философіи». В. Перцева; 2) Кулаковска «Исторія Византіи». Бенешевичъ «Очерки по исторіи Византіи». П. Безобразов 3) «Историческое обозрѣніе» т. XVII. Е. Тарле; 4) Fueter. «Geschichte de neueren Historiagraphie» и Billeter «Die Anschauungen vom Wesen de Griechentums. Д. Егорова; 5) А. Мулюкинъ. «Очерки по исторіи юридич. положен иностран. купцовъ въ Моск. государствѣ». А. Гильеушева; 6) Вальденбергъ. «Гесударственныя идеи Крожанича». В. Пичета; 7) С. Платоновъ. «Статьи по руской исторіи». В. Пичета; 8) А. Ляховъ. «Основныя черты соціальных и экон мическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху Александра І». В. Семевскаго; 9) К. Защевъ. «Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ». В. Семевскаго 10) Шуазель-Гуффье. «Историч. мемуары объ импер. Александрѣ І». В. Бочкарев 11) С. Рождественскій. «Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія г. Россіи». И. Соловьева; 12) Всеволодскій. «Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественой войны». К. Покровскаго; 13) Горнфельдъ. «О русскихъ писателяхъ». Н. С. дорова; 14) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискъ т. І.—П. Ч. Въттринскаго; 15) А. Кони. «На жизненномъ пути». Ч. Въттринскаго; 16) А. Кразе. «Исторія греческой литературы». В. Перцева; 17) Маштусу Straszewski «Dzie filozoficznej mysli polskiej». Л. Козловскаго; 18) Н. Горбовъ. «Донателло»—В. Становой; 19) Памятники искусства Тульской губ. В. Адарокова; 20) Труды Сартовской Ученой Архивной комиссіи, в. 29; 21) Минцловъ. Обзоръ записокъ. Вы І—ІV. К. Сиєкова; 22) Новыя книги.	а; еег еев пія оо- ос- оо; а; въ н- и- и- у- fe ее- а- п.
Новая работа объ Александре I (по поводу изследованія В. Кн. Николая Миха	й-
ловича). С. П. Мельеунова	. 232

	V. Обзоръ журналовъ.	Cmp.
	Статьи и мецкихъ авторовъ по русской исторіи въ и менецкомъ журналь Те	0-
	дора Шимана. А. А. Кизеветтера	. 248
	Изъ иностранныхъ журналовъ (Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи; Наполеон	ТЪ
	и восточный вопросъ). А. М. Васютинскаго	. 255
	Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова). М. Н	A.
	Покровскаго	. 257
т	T V NOUTER	
,	Г. Хроника. Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. Ө. Д. Батюшкова	. 265
		. 271
	» В. Е. Якушкина. В. И. Семевскаго	
	» П. И. Шукина. А. В. Оръшникова.	
	» Артура Гёргея. А. К. Дживелегова	
	П. А. Кропоткинъ, какъ историкъ французской революціи (къ семидесятильті	
	рожденія)	. 284
	Тадеушъ Корзонъ (къ пятидесятилътію научной дъятельности)	
	М. О. Казаковъ (къ столетію рожденія). И. Е. Бондаренко	
	Акварель Е. Lami въ Румянцевскомъ музев. Н. И. Романова	
	Музей Александра III въ Москвъ. В. Е. Степановой	
	Выставка 1812 года. Е. Ө. Корша,	. 298
	Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія	. 300
	Къ роману Лили Браунъ	. 304
V	II. Приложеніе:	
•	«Письма маркизы». Романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в.), пер	
	Э. К. Пименовой	
	O. Its Artimomobolic and a second a second and a second a	. 000
P	исунки:	
	1. Портретъ А. В. Поджіо (изъ коллекціи В. Я. Адарюкова)	. 136
	$\left\{ egin{array}{lll} 2. \\ 3. \end{array} ight\}$ Сатира на театръ (поморскіе лубки изъ коллекціи А. А. Бахрушина)	56,64
	4. Портреты В. Е. Якушкина (1899 и 1908 гг.)	. 272
	5. Портреты II. A. Кропоткина (1861, 1863, 1871 гг.)	. 284
	6. Русскій отдёль на выставкё въ Лондоне 1851 г. Акварель Lami (Румян	H-
	цевскій музей)	. 292
	Въ текстъ портреты: Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. И. Щукина, П. И. Бартенен	вa,
	Т. Корзона, М. Ө. Казакова, С. Кржемницкаго	5-277
	Заставки заимствованы изъ франкфуртского изданія «Rerum allamanicarum scri	p-
	tores> 1730 r.	

F. Sangapung, 131 A. Lee. of S. proceeding spring S. Dangapung, [5] A. Say

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

За послъднее время, какъ видно по цълому ряду признаковъ, въ обществъ непрерывно растетъ интересъ къ исторіи, къ прошлому, своему и чужому. Этотъ фактъ, несомнънно, свидътельствуетъ о ростъ сознательнаго отношенія къ жизни, о стремленіи продумать и осмыслить событія, которыя не такъ давно пережила Россія и которыя дали ей такой огромный толчокъ на пути культурнаго и политическаго развитія. Преемственность эта вполнъ логична и воспроизводитъ смъну настроеній, хорошо знакомыхъ намъ по исторіи Франціи и Германіи. Эпоха реставраціи во Франціи, пятидесятые годы въ Пруссіи были временемъ такого же оживленія интереса къ исторіи, какое мы наблюдаемъ теперь у насъ: французами были пережиты потрясенія революціи и имперіи, нъмцами—1848 годъ. Новыя политическія и культурныя цънности, брощенныя въ общественный оборотъ, нужно было приводить въ систему, пріобщать къ усложненному жизнью міровоззрѣнію.

Положеніе новаго историческаго журнала при такихъ условіяхъ едва ли требуетъ объясненія. Въ Россіи имѣются историческіе журналы. Среди нихъ есть почтенныя изданія, оказавшія неоцѣнимыя заслуги наукѣ, но совершенно недоступныя для широкой публики по программѣ и по характеру изложенія. Этожурналы для спеціалистовъ. Есть изданія, преслѣдующія какъ разъ противоположную цѣль: занимать, во что бы то ни было, научными, или ненаучными пріемами — все равно.

И все-таки существующіе журналы не въ состояніи насытить такъ сильно поднявшійся за послѣднее время интересъ къ прошлому. Въ промежуткѣ между двумя полюсами, которые представлены указанными двумя типами историческихъ журналовъ, есть обширное мъсто, незанятое еще, — то мъсто, гдѣ научные интересы занимаютъ подобающее имъ положеніе, но соображенія широкой доступности находятъ полное признаніе. На этомъ именно мъстъ редакція хочетъ строить свой журналъ.

«Голосъ Минувшаго» не будетъ примыкать ни къ тому ни къ другому типу. Отъ перваго его будетъ отличать желаніе дать широкимъ кругамъ публики доступное и по возможности интересное чтеніе, отъ второго—стремленіе сдѣлать всѣ статьи вполнѣ научными.

«Голосъ Минувшаго» хочетъ, чтобы его не могъ упрекнуть въ ненаучности спеціалистъ и въ недоступности образованный читатель.

Таковы тѣ задачи, которыми редакція задается по отношенію къ содержанію. Эти задачи достижимы только при самомъ широкомъ сотрудничествѣ въ журналѣ русскихъ ученыхъ и писателей. На страницахъ журнала встрѣтятся люди разныхъ политическихъ и общественныхъ міровоззрѣній. Это одно уже исключаетъ какую-нибудь опредѣленную партійную окраску. Журналъ будетъбезпартійнымъ, какъ безпартійна сама наука.

Но редакція всегда будеть помнить зав'ьты лучшихъ д'вятелей на нив'ь русской науки и русской общественности. По ея глубокому уб'ьжденію, результаты независимой научной работы всегда идуть на пользу не избраннымъ, не немногимъ, а трудовому большинству.

Программа журнала намѣчалась въ зависимости отъ всѣхъ этихъ соображеній. Редакція хочеть, чтобы каждая книжка журнала могла быть прочитана, а, прочитанная, дала бы что-нибудьдля выработки опредѣленнаго міровоззрѣнія читателя.

Это же стремленіе сдѣлать журналъ интереснымъ для болѣе широкихъ круговъ читателей опредѣляетъ отношеніе редакціи къ искусству. Не имѣя возможности удѣлять много мѣста спеціальной области искусства, «Голосъ Минувшаго», хотя и въ ограниченномъ количествѣ, будетъ печатать статьи по исторіи искусства и помѣщать иллюстраціи, воспроизводящія портреты, картины и рисунки, не знакомые или мало знакомые публикѣ.

Будетъ, наконецъ, историческая беллетристика (въ приложеніи), которую редакція допускаетъ лишь тогда, когда она удовлетворяетъ двумъ условіямъ: не отступаетъ отъ исторической правды и обладаетъ художественнымъ достоинствомъ.

ways, estatano nogressimilhen na noordugen appare merepoer, ne noone

Руссо — гражданинъ Женевы.

I.

Въ знаменитой «Исповъди» Руссо высказываетъ, между прочимъ, свое удивление по поводу того, что книга, изданная въ Голландіи, могла сдълаться предметомъ преслъдованій во Франціи и навлечь на ея автора громы парижской юстиціи. Этой книгой быль знаменитый «Эмиль», а причиной, по которой эта книга была признана преступной, являются тъ главы его, въ которыхъ затрогиваются вопросы свободы совъсти и народнаго суверенитета. Испов'єдь Савойскаго викарія и передача вкратц'є главныхъ положеній «Общественнаго договора»—таковы инкриминируемыя въ книгъ мъста. Руссо недоумъваетъ, что преступнаго въ изложении началъ естественной религіи, подкрѣпляющей истину христіанства, и какое дъло парижскому парламенту до его мыслей о разумныхъ основахъ демократическихъ порядковъ Женевской республики. Еще раньше выхода въ свътъ «Эмиля» Руссо посвятилъ свой трактатъ «Объ источникъ неравенства между людьми» властямъ Женевской республики. Въ позднъйшемъ сочинении, написанномъ въ защиту «Общественнаго договора» онъ открыто говоритъ о томъ, что это сочинение написано не для монархій, а въ разсужденіяхъ по вопросу о наилучшемъ устройствъ Польши и, позднъе, Корсики онъ паетъ несомнънныя доказательства тому, что принципы изложенные въ его философско-историческомъ трактатъ о природъ и источникъ государственнаго суверенитета, должны найти себъ примънение въ конституціяхъ отдъльныхъ странъ только въ той мъръ, въ какой они могутъ быть согласованы и съ историческимъ прошлымъ народовъ, и съ той физической обстановкой, въ которой протекаеть ихъ жизнь.

Изъ всего сказаннаго, повидимому, легко сдълать тотъ выводъ, что Руссо взялся за составленіе «Общественнаго Договора», имѣя въ виду поучать не французовъ, а прежде всего, своихъ собственныхъ согражданъ, что его интересовала судьба не монархій, а республикъ. Въ «Исповъди» имъется одно мъсто, болъе точно опредълнющее, когда именно Руссо впервые сталъ интересоваться тъми вопросами, которые сдълались предметомъ обсужденія въ его трактатъ «Общественный договоръ». Онъ жилъ въ Венеціи секретаремъ французскаго посла, въроятно, въ большей степени, чъмъ французскаго посольства. И, пользуясь досугомъ, заинтересовался судьбами республики Св. Марка. Въ этихъ судьбахъ онъ нашелъ много общаго съ тъми, какія переживала въ это время его собственная родина Женева, но только въ одномъ отношеніи въ смыслъ перехода державныхъ правъ всего народа въ руки тъсныхъ олигархическихъ совътовъ и Коллегіи сановниковъ. Желая объяснить, прежде всего, самому себъ природу и источникъ государственной власти, а затъмъ причины сосредоточенія ея во все меньшихъ и меньшихъ рукахъ — Руссо сталъ читать книги о политикъ и заниматься исторіей, какъ собственной родины, такъ и Венеціи, древняго Рима и Авинъ. Въ числъ его неизданныхъ и недоконченныхъ работъ найденъ очеркъ исторіи Женевы; въ числѣ упоминаемыхъ имъ авторовъ имѣются и Алтузій и Спиноза: они оба раньше его подымали вопросъ о происхожденій суверенитета или верховной власти и подобно ему считали его принадлежащимъ первоначально всему народу.

Переписка Руссо съ друзьями укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что онъ писалъ свою книгу, имъя въ виду отозваться на событія происходившія въ Женевъ. Въ его дни нарушено было старинное согласіе ея гражданъ, а это грозило возобновленіемъ той внутренней распри, свидътелемъ которой онъ былъ въ юности во время одного изъ тъхъ странствій, какія предпринимались имъ изъ Савои, изъ Шамбери и имъній г. Де-Варенсь, а затъмъ и въ первые годы его поселенія въ Парижъ. Тогда уже Руссо, пробывъ короткое время въ Женевъ, проникся гордостью гражданской. Онъ въ стихахъ называетъ себя membre du Souverain, т.-е. членомъ самодержавнаго народа не въ силу одного факта рожденія въ Женевъ, а потому что его семья принадлежала къ меньшинству тъхъ, которые пользуются правами citoyens, а не принадлежать къ жителямъ предмъстій bourgeois или къ позднъйшимъ поселенцамъ (advenaires, domiciliés): ихъ не призывали нъ участію въ большомъ Совъть, сосредоточивавшемъ въ себъ осуществление Верховной законодательной власти.

Когда Руссо поставленъ былъ въ необходимость покинуть Францію въ виду висящаго надъ нимъ приговора Парижскаго парламента,—онъ сразу ръшилъ тать въ Женеву и поселиться въ ней. Онъ, видимо, разсчитывалъ принять участіє въ ея политической

жизни, по крайней мъръ, въ смыслъ руководительства кружкомъ единомышленниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ державныхъ правъ народа и одновременно внутренняго мира въ государствъ. Еще ранъе въ одну изъ своихъ поъздокъ онъ сошелся съ De-Luc'омъ, предпринялъ въ его обществъ поъздку по Леманскому озеру и, очевидно, ознакомился, благодаря этому, съ тъмъ отношеніемъ, какое къ господствующей въ республикъ олигархіи заняли сторонники демократическихъ теченій. Въ Женевъ споръ шелъ о томъ, не захватили ли синдики, т.-е. коллегія высшихъ сановниковъ, республики, и тъсный совъть, составленный изъ олигарховъ, тъ полномочія, которыя по праву должны принадлежатъ всей совокупности «гражданъ» (citoyens), собирающимся на Большой Совътъ (grand Conseil). Де-Люкъ и его партія поддерживали это послъднее мнъніе и стремились къ возстановленію державныхъ правъ гражданства, хотя бы и цѣной революціи. Руссо, дѣятельность котораго, какъ политическаго писателя, началась съ изложенія взглядовъ аббата Сенъ-Пьера на условія упроченія въчнаго мира среди людей, проникся подобно ему желаніемъ избъгать войнъ столько же внъшнихъ, сколько и внутреннихъ. Онъ, очевидно, не могъ примкнуть всецъло къ революціонному движенію De-Luc'a.

Убъдившись въ то же время, благодаря изученію исторіи, главнымъ образомъ исторіи республикъ, начиная отъ Рима и Абинъ, переходя къ Флоренціи и Венеціи и заканчивая Женевой, что на первыхъ порахъ верховенство принадлежало всему народу и что власть перешла къ тъснымъ совътамъ и коллегіямъ сановниковъ не безъ захвата съ ихъ стороны, Руссо поставленъ былъ въ невозможность поддерживать и противоположную сторону—сторону предержащихъ властей г. Женевы. Онъ счелъ нужнымъ поэтому разобраться въ претензіяхъ объихъ сторонъ и дать теоретическое обоснованіе взгляду, который онъ считалъ и наиболъе отвъчающимъ требованіямъ справедливости, и политической свободъ, и всецъло отражающимъ въ себъ исконные историческіе порядки.

Въ уцѣлѣвшемъ наброскѣ его исторіи Женевы мы нашли мѣсто, въ которомъ онъ говорить объ епископѣ Адемарѣ Фабри и о дарованной имъ гражданамъ Женевы грамотѣ. Въ этой грамотѣ значится, что они никогда не могутъ потерять предоставленныхъ имъ правъ, даже въ томъ случаѣ, если бы эти права временно не нашли примѣненія. Въ числѣ же этихъ правъ имѣется право сходиться на собранія, на своего рода «вѣче», выбирать въ немъ властей республики и рѣшать законодательные вопросы. Такъ какъ эта грамота извѣстна было Руссо, то одному изъ женевскихъ комментаторовъ «Общественнаго договора» Учу пришла мысль слѣдующаго рода: не заимствовалъ ли Руссо своего ученія о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ изъ самаго текста грамоты, дарованной въ серединѣ XIV вѣка гражданамъ города—его держав-

нымъ владъльцемъ-епископамъ. Такая точка зрънія могла показаться правдоподобной, т.-е. въ синтетической передачъ грамоты епископъ Фабри дъйствительно говорить о такой неотчуждаемости народнаго суверенитета. Сомнъніе возбуждало и возбуждаетъ, однако, то обстоятельство, что въ глазахъ кальвинистовъ, какими были женевцы временъ Руссо, едва ли большой авторитетъ могла имъть грамота католическаго епископа, нъкогда бывшаго феодальнымъ владъльцемъ ихъ города. Новъйшіе писатели Женевы, въ числѣ ихъ Гаспаръ Валлетъ въ своей недавней книгѣ о Руссо, считаетъ излишнимъ восходить до XIV въка при толкованіи того источника, изъ котораго Руссо могъ извлечь свои данныя о значеніи, какое большой Совъть Женевы имъль для осуществленія народнаго суверенитета. Валлетъ полагаетъ, что государственный строй, заведенный въ Женевъ ея реформаторомъ Кальвиномъ, отправлялся отъ признанія державныхъ правъ общаго собранія гражданъ. Руссо могъ, поэтому, не гръща противъ истины и не восходя въ глубь въковъ, поддерживать ту точку эрънія, что въ Женевъ, какъ и во Флоренціи, какъ и въ Римъ, и въ Авинахъ, верховная законодательная власть, а равно и выборъ сановниковъ,-принадлежать по праву не кому иному, какъ собранію всѣхъ гражданъ, подъ какимъ бы именемъ оно ни выступало: подъ именемъ ли въча, или aringa, какъ въ городскихъ республикахъ Италіи, подъ именемъ ли народныхъ комицій, какъ въ древнемъ Римъ, или экклезіи древнихъ Афинъ, или подъ именемъ Большого Совъта, какъ въ Венеціи и Женевъ.

На вопросъ о томъ, каковы были въ серединъ XVIII въка политическія учрежденія Женевы, Валлетъ говоритъ:

Эдиктами 1543 г., подвергшимися пересмотру въ 1568 году, признанъ былъ принципъ народнаго суверенитета и въ то же время установленъ аристократическій образъ правленія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что за тѣснымъ совѣтомъ признано было право почина законодательныхъ предложеній, поступавшихъ къ Большому Совъту; во-вторыхъ, въ томъ, что малые совъты получили олигархическое устройство. Что касается до временъ самого Руссо, то въ сочиненіяхъ его противника Антуана Тронше, озаглавленномъ «Современное положение правительства г. Женевы», написанномъ въ 1721 году, значится: конституція Женевской республики слъдующая — суверенитетъ принадлежитъ общему совъту гражданъ и жителей пригородовъ (citoyens et bourgeois); дважды въ годъ этотъ совътъ собирается для выбора «синдиковъ» и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ сановниковъ. Онъ созывается еще для того, чтобы дать свою санкцію новымъ законамъ, а также въ тъхъ случаяхъ, когда малый совъть считаетъ это нужнымъ. Въ 1738 году Франція, въ союзѣ съ Берномъ и Цюрихомъ, вмъшивается во внутреннія распри г. Женевы и 8-го мая

издають свой «эдикть посредничества». Эдикть этоть признаеть за Большимъ Совътомъ право принимать или отклонять предлагаемые ему законопроекты, право выбирать ежегодно важнъйшихъ сановниковъ; утверждать или отклонять проекты новыхъ налоговъ и договоры о союзахъ. Тотъ же эдиктъ 8-го мая 1738 г. освящаетъ право гражданъ дълать представленія (represantations) совъту: рядомъ съ этимъ Малый Совътъ и Совътъ двухсотъ призваны пополнять другь друга путемъ кооптаціи. Имъ ввърено исключительное право вносить въ Большой Совътъ законопроекты. Никакой практической санкціи не дано праву граждань д'влать представленія Сов'ту двухсоть и Малому. Все это благопріятно, съ одной стороны, признанію суверенитета народа, а съ другой,аристократическаго образа правленія: никакой гарантіи не дано индивидуальнымъ правамъ гражданъ. Государственная церковь, церковь кальвинистская, продолжаеть управляться неизмънными церковными правилами ея учредителя.

Сопоставимъ съ этимъ основныя ученія Руссо. Они изложены имъ трижды: во-первыхъ, въ 5-ой книгѣ «Эмиля», гдѣ резюмированы мысли «Общественнаго договора», во-вторыхъ, въ болъе полномъ видъ — въ самомъ «Общественномъ договоръ» и, въ-третьихъ, въ той защитъ, какую доктрина «Общественнаго договора» нашла въ 6-мъ изъ писемъ, написанныхъ съ «Горы»... Въ 5-ой книгъ «Эмиля» Руссо объявляеть, что «Общественный договорь», — т.-е., скажемъ мы, не насиліе, а соглашеніе, - кладетъ основу гражданскому сообществу. Соглашение касается передачи совокупности всъхъ гражданъ имущества, личности, жизни всъхъ участниковъ соглашенія. Отнынъ руководительство переходить къ общей воль гражданъ, и каждый становится составною и нераздъльною частью общаго цълаго. Суверенъ, которымъ является совокупность всъхъ гражданъ, не можетъ высказывать ничего, кромъ общей воли; его велънія должны касаться общихъ всъмъ вопросовъ; ихъ выраженіемъ служать законы, т.-е. общія нормы. Народъ, какъ суверенъ, не въ правъ постановлять по частному вопросу. Что касается до правительства, то это посредствующее тъло, установленное между подданными, съ одной стороны, и сувереномъ-съ другой. Оно приводитъ ихъ въ сношение между собою. Ему поручается исполнение законовъ и охрана, какъ гражданской, такъ и политической свободы. Нельзя безъ опасности разрушить государство--упразднить ни одного изъ этихъ трехъ составныхъ его частей: суверена, т.-е. народъ, князя, т.-е. правительство, и подданныхъ, т.-е. население государства.

Разъ суверенъ вздумаетъ править, а князь издавать законы, разъ подданные откажутся отъ повиновенія, то наступить анархія и государство будетъ разрушено.

Та точка зрѣнія, согласно которой Руссо имѣлъ въ виду изданіемъ своего «Общественнаго договора» достигнуть практиче-

ской цъли — реформы Женевскаго государственнаго строя, — нахопить себъ подтверждение и отъ противнаго. Ссылаясь на его собственныя слова, столько на изданныя имъ сочиненія, сколько и на письма, очевидно, не разсчитанныя на распространеніе въ широкихъ кругахъ, мы имъемъ возможность доказать: во-первыхъ, что Руссо не имълъ въ виду колебать общественные или государственные порядки Франціи и вообще любого народа, им'тющаго исторически сложившійся строй, во-вторыхъ, что принципіально онъ былъ врагомъ революціи и, въ-третьихъ, что эта вражда вызывалась темъ обстоятельствомъ, что въ принципе онъ отрицалъ существованіе такъ называемой «лучшей формы правленія», полагая, что учрежденія создаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ какъ физическихъ, такъ и историческихъ причинъ, что государственные порядки каждаго народа должны имъть, въ виду сказаннаго, свои особенности, и что эти характерныя черты всякаго народнаго уклада не могутъ подвергнуться произвольнымъ измъненіямь безь вреда для народнаго благополучія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ своихъ мысляхъ, Руссо вовсе не былъ противникомъ Монтескье, какимъ выставляли и выставляютъ его весьма часто. И у Монтескье государственный порядокъ народовъ признается далеко не случайнымъ, а обусловленъ протяженіемъ страны, климатомъ и историческимъ прошлымъ. Подъ климатомъ разумъется вся совокупность физическихъ условій, даже столь трудно подводимыхъ подъ понятіе климата, какъ длина береговой линіи и плотность населенія. На Монтескье, какъ и на Руссо, въ сущности, отразилась точка зрѣнія древнихъ писателей, которые разсматривали государственный порядокъ, какъ нѣчто придуманное мудрецомъ-законодателемъ, взвъсившимъ всъ обстоятельства даннаго случая и надълившимъ свой народъ только соотвътствующими ему учрежденіями.

Такими законодателями были Миносъ, Ликургъ, Солонъ. Ихъ примъру не прочь быль послъдовать и авторъ «Общественнаго договора», серьезно взявшійся за предложенную ему полякомъ Вьельгорскимъ работу — начертать проектъ конституціи для Ръчи Посполитой. И позднъе, послъ отпаденія Корсики отъ Генуэзской республики, Руссо, по просьбъ Буттадюко, задался мыслью объ устройствъ общественныхъ и политическихъ порядковъ острова.

Отрывокъ изъ этого неоконченнаго сочиненія дошелъ до насъ и отпечатанъ среди другихъ уцѣлѣвшихъ фрагментовъ. На работѣ, произведенной Руссо, какъ для Польши, такъ и для Корсики, весьма наглядно выступаетъ присущая ему основная идея, что государственныя учрежденія обусловливаются рядомъ причинъ. Онъ ставитъ государственные порядки въ непосредственную зависимость отъ объема государства: демократіи возможны только въ предѣлахъ ограниченной территоріи, монархіи свойственны обширнымъ политическимъ тѣламъ, государства среднія по размѣрамъ

аристократическія учрежденія. Недостатокъ всѣхъ этихъ построеній лежить, разумъется, въ томъ, что они не считаются съ той истиной, которая гласить, что учрежденія растуть, что государственные порядки измѣняются съ поступательнымъ ходомъ исторіи, по мъръ развитія все большей и большей сознательности въ массахъ и пробуждающемуся въ нихъ стремленію къ самодъятельности и самоуправленію. Иначе нельзя было бы объяснить перехода европейскихъ народовъ отъ неограниченной монархіи и олигархическаго образа правленія, свойственнаго немногимъ уцълъвшимъ еще въ XVIII въкъ республикамъ, къ демократическимъ, конституціоннымъ или парламентарнымъ порядкамъ съ наслъдственнымъ или избирательнымъ главою. Но Руссо, разумъется, такъ же неосновательно было бы винить за недопущеніе имъ идеи прогресса общественныхъ и политическихъ порядковъ, какъ и несправедливо противополагать ему Монтескье. Современная имъ Европа представляла скоръе картину политическаго регресса, нежели развитія. Монтескье указываль на то, что народы устремляются въ объятія абсолютизма съ тою же неудержимостью, съ какой ръки текутъ въ море. Онъ отмътилъ въ своемъ дневникъ, что въ Голландіи и въ Швейцаріи, въ которыхъ удержались еще республиканскіе порядки, произошелъ сдвигъ въ сторону олигархіи и плутократіи. То же, разумъется, долженъ былъ отмътить и Руссо при изученіи какъ венеціанскихъ порядковъ, такъ и женевскихъ. Идея прогресса, чуждая писателямъ середины XVIII въка, по крайней мъръ, во всемъ, что касается общественнаго и политическаго уклада, зарождается вмъстъ съ той ликвидаціей «стараго порядка», начало котораго было положено переворотомъ 1789 года. Не даромъ же Кондорсэ, разрывая съ теоріей круговращательнаго движенія гражданственности и политическихъ порядковъ, съ теоріей прохожденія однимъ и тъмъ же народомъ цълаго цикла, составленнаго изъ слъдующихъ другъ за другомъ государственныхъ формъ, перешелъ къ идет безостановочнаго развитія или прогресса. Первая точка зрънія, какъ извъстно, нашла выразителя себъ въ современникъ Монтескье -Вико, вторая неразрывно связана съ Кондорсэ, участникомъ и жертвой революціоннаго движенія. Для Руссо, какъ и для Монтескье, политические порядки не совершенствуются, а вырождаются. Монтескье отм'втилъ черты этого вырожденія во Франціи. Он'в обнаружились въ томъ, что сословно-представительная и уравновъщенная монархія среднихъ въковъ, называемая имъ «готической», уступила мъсто единовластію, вмъсть съ паденіемъ генеральныхъ штатовъ и политической роли судебныхъ парламентовъ. Власть монарха потеряла всякую удержь. Нъть болъе границъ произволу. Руссо также указаль на вырождение и въ республикахъ н въ монархіяхъ. Съ этимъ надо привести въ соотвѣтствіе его пророчество грядущей революціи; оно относится къ послѣднимъ годамъ его жизни и должно быть признано далеко не первымъ по времени. Маркизъ д'Аржансонъ десятками лѣтъ ранѣе предсказывалъ ее въ своихъ «Considérations sur la France». Подтвердимъ нѣсколькими цитатами изъ собственныхъ сочиненій Руссо выставленныя нами положенія.

Вотъ, кажется, мъсто, не оставляющее сомнънія въ томъ, что въ лицъ Руссо мы не имъемъ дъло съ сторонникомъ государственныхъ переворотовъ. Еще задолго до появленія въ свъть первыхъ разсужденій «о вредѣ наукъ и искусствъ» и «о причинахъ неравенства» Руссо въ посланіи къ Паризо, заключающемъ въ себъ болъе трехсотъ стиховъ, признается, что пребывание въ Парижъ и вообще во Франціи заставило его отказаться отъ тъхъ крайнихъ принциповъ, которые привиты были ему воспитаніемъ и превратностями судьбы въ юношескомъ возрастъ. «Я навсегда отказался, пишетъ онъ, -- отъ этихъ жестокихъ принциповъ горькихъ и незрълыхъ плодовъ родного миъ края; они подобно дрожжамъ, подымающимъ «опару», порождаютъ въ юныхъ сердцахъ республиканскую гордость. Я научился уважать дворянство, славное своими подвигами, умѣющее самой добродѣтели придавать особый блескъ; нежелательно, чтобы въ обществъ существовало меньшее неравенство ранговъ». Это стихотворение написано между 1741 и 1742 годами, за 20 лътъ до обнародованія «Общественнаго договора». Въ своей «Исповъди» Руссо сознается, что, когда нъсколько лътъ спустя, онъ въ томъ же Парижъ выступалъ въ роли противника деспотизма и гордаго республиканца, онъ чувствовалъ въ то же время нѣкотоpoe пристрастіе (une prédilection) къ той самой французской націи, которую онъ объявлялъ рабской, и къ тому самому правительству, противъ котораго онъ фрондировалъ. «Забавно то, —пишетъ онъ, —что, стыдясь такого влеченія, столь противнаго моимъ принципамъ, я не ръшался даже признаться въ этомъ».

Извъстно, что Руссо объяснялъ впослъдствіи ръзкій тонъ своихъ первыхъ разсужденій вліяніемъ, оказаннымъ на него Дидро. Въ «Исповъди» прямо сказано, что ръзкость, сатирическій тонъ и желаніе изображать все въ мрачномъ свъть—черты, которыя развились въ немъ въ общеніи съ тогдашнимъ его другомъ, редакторомъ великой «Энциклопедіи». Но и въ этихъ уже разсужденіяхъ Руссо признается, что онъ не желалъ бы жить въ республикъ новой формаціи, созданной недавнимъ переворотомъ.

«Народы,—пишеть онь,—разъ привыкшіе имъть властителей, лишены возможности обходиться безъ нихъ. Попробують они низвергнуть существующій порядокъ, и они удалятся еще въ большей степени отъ свободы: въдь такъ легко принять за нее необузданный разгулъ, который, на самомъ дълъ, является ея противоположностью. Революціонные перевороты выдаютъ (народы) съ головою «соблазните-

лямъ» (séducteurs)—мы теперь сказали бы льстецамъ-демагогамъ—а эти, въ концѣ-концовъ, сдѣлаютъ только болѣе тягостными ихъ цѣпи».

Кто любитъ открывать въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ опредъленное пророчество грядущихъ событій, могъ бы привести это мъсто для обоснованія того взгляда, что Руссо предвидълъ и Наполеонскую диктатуру и декабрьскій перевороть 1851 года. Революціи, по мнѣнію Руссо, надо избѣгать, даже въ томъ случав, когда она вызвана справедливыми мотивами. «Можеть показаться,-пишеть онъ,-что человъкъ имъетъ право отказаться отъ зависимости. Но ужасные раздоры, безконечныя нарушенія порядка, которыя вызвало бы пользование этимъ правомъ, вполнъ доказывають, насколько правительство нуждается въ болбе прочномъ базисъ, чъмъ тотъ, который представляетъ разумъ и какъ было необходимо для общественнаго порядка, чтобы власть верховная пріобрѣла отъ божественной воли характеръ чего-то священнаго и ненарушимаго, что отняло у подчиненныхъ ей право уклоняться отъ повиновенія. Если бы религія не оказала людямъ другого блага, кромъ этого, то и одного его было бы достаточно, чтобы дорожить ею и слъдовать ей, несмотря на всъ ея злоупотребленія».

Въ извъстномъ письмъ къ Даламберу Руссо весьма опредъленно обнаруживаетъ свою консервативную тенденцію. «Между народами, -- говоритъ онъ, -- необходимо отмътить большое различіе въ нравахъ, въ темпераментъ, въ характеръ. Разумъется, человъческая природа всюду одна и та же, но она подвергалась измѣненію подъ вліяніемъ различныхъ между собою религій, государственныхъ порядковъ, законовъ, обычаевъ, предразсудковъ, климатовъ или физическихъ условій». Думаешь, что Руссо какъ бы предугадываеть то направление современной соціологической мысли, которая полагаеть, что не одни физическія, но и общественныя условія опредъляють собою и массовую и индивидуальную психологію людей. Изъ того положенія, что люди крайне разнятся между собою подъ вліяніемъ среды, Руссо д'влаетъ тотъ выводъ, что необходимо не довольствоваться шаблонными, общими для всъхъ порядками, а искать то, что можеть быть полезнымъ въ данное время и въ данной странъ. «Необходимо привесть въ такое соотвътствіе сводъ законовъ съ тъмъ народомъ, для котораго онъ написанъ, чтобы самое исполнение его вызывалось этимъ соотвътствіемъ». (Письмо къ Даламберу, часть II.)

Въ анализъ проекта «Въчнаго мира», написаннаго аббатомъ Сенъ-Пьеромъ, Руссо пишетъ, между прочимъ: «Система европейскихъ государствъ имъетъ ту степень устойчивости, которая, сохраняя ихъ въ постоянномъ броженіи, устраняетъ въ то же время мысль о возможности низвергнуть установившійся порядокъ. Нашимъ бъдствіямъ не предвидится конца, такъ какъ всякая серьезная революція отнынъ является невозможной». Въ другомъ своемъ

сочиненіи, которое также вызвано критикой аббата Сенъ-Пьера и предлагаемой имъ системы множественности совътовъ, Руссо пишетъ: «Попумайте только объ опасности взволновать массы, изъ которыхъ слагается французская монархія. Кто въ состояніи будеть воздержать начавшееся напряжение или предвидъть тъ послъдствія, какія оно можеть имѣть? Если бы даже безспорными были всѣ преимущества новаго порядка, то какой человъкъ съ здравымъ смысломъ ръшился бы отмънять древніе обычаи, измънять исконные принципы и придавать государству другую форму, чемъ та, къ которой оно было приведено 1300-лътнимъ существованіемъ? Все равно-будеть ли правительство тёмь же, какимь оно было искони, или подвергшимся изміненіямь въ теченіе столітій — одинаково неосторожнымъ было бы вызывать въ немъ перемъны. Если оно сохранилось неизмѣннымъ — надо относиться къ нему съ уваженіемъ: если оно выродилось, то подъ вліяніемъ времени и исторіи человъческая мудрость безсильна измънить все это». Очевидно, что съ такимъ утвержденіемъ не стоитъ въ противоръчіи извъстная фраза «Общественнаго договора»; «народы, стремившіеся владычеству и завоеванію и создавшіе благодаря этому обширныя политическія діла, должны надолго отказаться отъ свободы».

Чѣмъ же, спрашивается, обязаны Руссо не монархіи, а народоправства? Въ чемъ состоитъ его доктрина народнаго суверенитета, съ одной стороны, и его ученіе объ отношеніяхъ государства и церкви — съ другой? Какія практическія примѣненія нашли обѣ доктрины, въ какой степени существующія въ мірѣ республики устроили по его образцу свои гражданскія и духовныя власти?

Руссо ввъряетъ законодательство всему народу и считаетъ законъ выраженіемъ общей воли. Отсюда то послідствіе, что общеобязательная норма не можетъ быть издана народной представительной камерой, что послъдняя въ сущности только устанавливаетъ проекты новыхъ законовъ и что народу въ его избирательныхъ округахъ предоставлено принять или отвергнуть эти законы. Руссо является, поэтому, не только отцомъ движенія, приведшаго нъ установленію начала всеобщаго голосованія на выборахъ. но еще въ большей степени тъхъ различныхъ пріемовъ, которыми обезпечено народу первое и последнее слово въ законодательствъ. Плебисцить, референдумъ, прямой законодательный починъ одинаково могуть быть возводимы къ нему, какъ къ первоисточнику. Это, разумъется, не значить, чтобы и въ практикъ народоправствъ XVIII вѣка, съ которой Руссо легко могъ быть знакомъ, не заключалось зародышей референдума. И въ Бернской республикъ и одно время въ зависимомъ отъ нея Валлист отъ мъстныхъ союзовъ зависъло окончательное принятіе ръшеній, выработанныхъ на представительномъ собраніи государствъ, а къ принятію или къ отправленію прошедшихъ черезъ народныя камеры законопроектовъ

призываемо было все взрослое мужское населеніе. Подъ вліяніемъ идей Руссо составители конституціи первой республики—республики 1793 года-предложили подвергнуть ее народному плебисциту, и этотъ плебисцить, какъ извъстно, не разъ повторялся во Франціи въ эпоху объихъ имперій. Плебисцитарный характеръ носить и та конституція Гельветской республики 1802 года, которую, согласно прямо выраженному въ ней требованію, подвергли затъмъ голосованію по избирательнымъ округамъ, при чемъ поставленъ былъ вопросъ исключительно объ ея принятіи или отверженіи. Въ 1874 году референдуму подверглась и нынъ дъйствующая съ немногими измъненіями конституція Швейцаріи. Гораздо раньше тѣ же порядки утвердились въ кантонъ Цюрихъ - столько же по отношенію къ конституціи, сколько и по отношенію къ простымъ законамъ. А съ того времени практика референдума усвоена была и всъми другими кантонами. Она принята также и по ту сторону Атлантики во многихъ штатахъ, иногда, съ характеромъ факультативнымъ, т.-е. отъ самой палаты зависить обратиться къ референдуму или обойтись безъ него. Такъ было, напр., съ народнымъ представительствомъ штата Мэнъ, впервые задавшимся вопросомъ о борьбъ съ алкоголизмомъ путемъ запрещенія самой продажи спиртныхъ напитковъ. Законы, устанавливающіе новые виды налогового обложенія, или увеличивающіе самый разм'єрь налогового обложенія или создающіе тѣ или иныя сообщества для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ, омнибусовъ и т. д., обыкновенно также поступаютъ подъ контроль народа въ формъ референдума.

Отъ политической доктрины Руссо перейдемъ къ нормированію имъ отношеній государства и церкви.

Высказываясь въ смыслъ терпимости, если не религіозной свободы, Руссо требоваль признанія гражданами нікоторыхь «основных» истинъ», столько же религіознаго, сколько и гражданскаго характера. Въ письмъ къ своему другу въ Женевъ Мульту отъ 17 февраля 1763 года онъ заявляетъ: «Я въ отношеніи къ религіи терпимъ по принципу, какъ христіанинъ, Я отношусь терпимо ко всему за исключеніемъ нетерпимости». Въ своихъ «письмахъ съ Горы» онъ высказываеть то же начало, говоря: «Сановники и короли не могутъ имъть власти надъ душами, если только люди повинуются законамъ государства. Не дъло сановниковъ и монарховъ вмѣшиваться въ то, что будетъ въ загробномъ мірѣ, надъ которымъ они не имъютъ наблюденія». Все это не мъщаеть тому, что въ «Общественномъ договорѣ» тотъ же Руссо различаетъ въ религіи двоякаго рода догматы: одни, устанавливая принципы нашихъ обязанностей, служатъ основой морали, а другіе носятъ спекулятивный характеръ. Первые, однако, «подлежать въдънію правительства». «Въ письмахъ съ Горы», защищая ту же мысль, Руссо поясняетъ, что, поступая такъ, правительство изгоняетъ вредныя

мнънія, направленныя къ тому, чтобы разрубить соціальную связь, соединяющую гражданъ одного государства. Не отрицаетъ также Руссо за государствомъ и права регулированія культа гражданъ. Въ своей «Исповъди Савойскаго викарія» онъ говорить: одинъ суверенъ имъетъ право устанавливать этотъ культъ. Во всемъ этомъ онъ мало расходится съ Бейлемъ, и оба одинаково примыкаютъ къ тъмъ порядкамъ отношеній между государствомъ и церковью, какія установлены были въ Женевъ Кальвиномъ. «Я желалъ бы, —пишетъ Руссо въ X книгъ «Общественнаго договора», — чтобы въ каждомъ государствъ имълся сводъ морали или нъкоторое гражданское въроисповъданіе, которое въ своей положительной части содержало бы соціальные принципы, обязательные для каждаго челов'вка». Догматы этой гражданской религіи должны быть, по мнѣнію Руссо, простыми и малочисленными. Существованіе божества могущественнаго, разумнаго, благод втельнаго, всевидящаго и пекущагося о людяхъ, загробная жизнь-блаженство для праведныхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ-таковы положительные догматы. Отрицательные же догматы, т.-е. догматы, недопускаемые въ государствъ, всъ сводятся къ одному-къ нетернимости. Религіи, ея придерживающіяся, должны быть изгнаны изъ предъловъ государства. Такимъ образомъ Руссо, подобно Кальвину, видитъ основаніе къ исключенію католиковъ изъ предѣловъ кальвинистской гражданственности, -- но только потому, что католики не желаютъ допускать терпимости по отношенію къ другимъ церквамъ. Въ то же время онъ не отрицаетъ за властью права удаленія изъ государства каждаго, кто не придерживается перечисленныхъ имъ догматовъ. Изгнать его слъдуетъ не какъ нечестивца, а какъ человъка антиобщественнаго, неспособнаго, говоритъ Руссо, уважать законы, справедливость и жертвовать жизнью ради долга. Если ктонибудь, признавъ публично эти догматы, поступаетъ такъ, какъ будто онъ не въритъ въ нихъ, - да будетъ онъ наказанъ смертью. Онъ совершилъ величайшее изъ преступленій — онъ солгалъ передъ лицомъ народа.

И эта сторона ученія Руссо, въ значительной степени обусловленная религіозно - политическимъ укладомъ кальвинистской Женевы, въ свою очередь, къ сожалѣнію, оказала вліяніе на тѣ первые опыты регулированія отношеній государства къ церкви, какія представила собою революціонная Франція. Такъ называемая «constitution civile du clergé, предложенная аббатомъ Грегуаромъ, какъ и вынуждаемая страхомъ наказанія религія «верховнаго существа», установленная во Франціи Робеспьеромъ, имѣютъ своимъ прототипомъ тотъ «гражданскій катехизисъ», соблюденіе котораго вынуждается государствомъ и властями идеальной республики, задуманной Руссо. Куда шире его смотритъ на отношеніс церкви и государства Л. Н. Толстой, котораго такъ часто и не вполнѣ вѣрно сравниваютъ съ Руссо. Толстому чужды всякая мысль ограниченія свободы личности и ея духовнаго самоопредѣленія.

Поступательное развитіе учрежденій заставило и демократію во многомъ отойти отъ ригоризма Руссо. Представительная система, которой онъ не допускалъ, нашла примѣненіе себѣ въ республикахъ съ обширной территоріей. Горячему приверженцу Руссо аббату Сійэсу пришлось въ этомъ отношеніи разойтись со своимъ учителемъ. И съ этого времени нѣтъ республикъ, за исключеніемъ шести мелкихъ кантоновъ Швейцаріи (Ури, обоихъ Унтервальденовъ, обоихъ Аппенцелей и Гларуса), которыя бы считали возможнымъ обходиться безъ представительства.

Отношеніе церкви къ государству въ передовыхъ демократическихъ странтахъ и прежде всего, въ Америкѣ, сложились по иному образцу, чѣмъ тотъ, который рекомендуемъ былъ Руссо. Они сложились по началу отдѣленія церкви отъ государства, устраняющаго всякую мысль о возможности для какой бы то ни было государственной власти настаивать на исповѣданіи религіознаго или гражданскаго катехизиса.

Но доктрина Руссо продолжаетъ жить въ народоправствахъ, во-первыхъ, въ томъ смыслѣ, что всякая власть въ нихъ признается исходящей отъ народа, какъ первоисточника, и что исполнительные органы—сановники—считаются не болѣе, какъ прямоуполномоченными того же народа, который ежечасно можетъ отнять у нихъ власть въ случаѣ несоблюденія даннаго имъ повелительнаго мандата.

Сказаннымъ не исчерпывается еще жизненное вліяніе политической философіи Руссо. Вслѣдъ за Монтескье онъ провозгласилъ пользу установленія между государствами федеративной связи и посвятилъ развитію этой мысли особый трактатъ, только потому не дошедшій до насъ, что онъ былъ уничтоженъ виконтомъ Дантрегомъ изъ страха создать благопріятное теченіе въ пользу жирондистовъ. Но и по тому немногому, что намъ извѣстно изъ разсужденія Руссо о польской конституціи и изъ нѣкоторыхъ главъ «Общественнаго договора», федеративный образъ правленія казался ему обезпечивающимъ возможность прямого народоправства, съ одной стороны, и оборонительной силы государства — съ другой.

Мысль Руссо была использована не одними дъятелями Американской революціи и сотрудниками журнала «Федералисть»— она нашла примъненіе себъ одинаково и въ Старомъ и въ Новомъ Свътъ, и въ Швейцаріи, въ составъ которой по Вънскому конгрессу вошла его родина — Женева, и въ томъ рядъ союзныхъ государствъ, изъ которыхъ послъднимъ является зарождающаяся на нашихъ глазахъ Балканская федерація.

Максимъ Ковалевскій.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ, преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

Разгромъ съ восшествіемъ на престолъ имп. Николая І тайнаго общества декабристовъ, стремившихся къ измѣненію государственнаго строя и въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніяхъ, привелъ къ тому, что вниманіе русской интеллигенціи направилось преимущественно на подготовку рѣшенія главной соціальной задачи — уничтоженія крѣпостного права. Подъ вліяніемъ литературы и жизненныхъ явленій Западной Европы нѣкоторые передовые русскіе люди уже ранѣе стали интересоваться, а затѣмъ и увлекаться соціалистическими ученіями.

Еще въ XVIII в. труды предшественниковъ соціализма вызывали нѣкоторый интересъ среди русскихъ писателей, какъ доказываетъ переводъ «Утопіи» Томаса Мора и вліяніе позднѣйшихъ утопій на творчество нѣкоторыхъ русскихъ писателей времени Екатерины II. При Александрѣ I дѣятельность Оуэна и его попытка практическаго рѣшенія рабочаго вопроса на хлопчатобумажной мануфактурѣ въ Нью-Ланаркѣ въ Шотландіи обращали на себя вниманіе какъ высшихъ сферъ (самого государя), такъ и нѣкоторыхъ русскихъ образованныхъ людей: декабристъ кн. Шаховской уже книжнымъ путемъ знакомится съ идеями Оуэна; другой декабристъ, Лунинъ, входитъ въ личныя сношенія съ Сенъ-Симономъ въ Парижѣ, а Пестель подъ вліяніемъ частію наблюденія общиннаго землевладѣнія въ Россіи, частію чтенія нѣкоторыхъ произведеній французской литературы проникается мыслью о прявѣ каждаго на пользованіе землею.

Въ царствованіе имп. Николая І въ одномъ изъ журналовъ («Атеней» 1828 г.) появляется первое на русскомъ языкъ описаніе «Нью-Ланарской бумагопрядильни въ Шотландіи», но лишь въ первой половинъ тридцатыхъ годовъ Герценъ и Огаревъ знакомятся съ идеями сенъ-симонистовъ и начинаютъ проповъдывать въ кружкахъ молодежи освобожденіе женщины, союзъ съ нею, какъ съ равною, реабилитацію плоти, необходимость обновленія міра созданіемъ новаго общественнаго строя, соціальнаго воз-

рожденія. Одновременно съ основами сенъ-симонизма Герценъ и Огаревъ узнаютъ изъ французскаго журнала и объ ученіи Фурье. По словамъ Герцена, «сенъ-симонизмъ легъ въ основу» ихъ «убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ», но Огаревъ свидѣтельствуетъ о большомъ значеніи для развитія ихъ міросозерцанія и фурьеризма. На двухъ драматическихъ произведеніяхъ Герцена, не вполнѣ сохранившихся,—«Лициній» (1838 г.) и «Вильямъ Пеннъ» (1839 г.) — отразились эти раннія соціалистическія вліянія: во второмъ изъ нихъ устами своего главнаго героя онъ отрицаетъ право собственности на землю англійской аристократіи и вспоминаетъ о первыхъ временахъ христіанства, когда у вѣрующихъ было все общее.

Послъ возвращенія изъ административной ссылки Герценъ сближается въ 1840 г. съ Бълинскимъ, своимъ вліяніемъ помогаетъ ему освободиться отъ стремленія оправдывать «гнусную россійсную д'вйствительность», и съ тъхъ поръ оба знаменитые писателя идутъ «рука объ руку» въ своей литературной деятельности, руководствуясь, насколько это допускали цензурныя условія, основными принципами соціализма, но преимущественно отводя душу-Герценъ въ своемъ дневникъ, Бълинскій въ перепискъ съ друзьями. Изъ отзывовъ Герцена въ его дневникъ о прочитываемыхъ сочиненіяхъ видно, что онъ заимствовалъ матеріалы при выработкъ своего общественнаго міросозерцанія и изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье и ихъ учениковъ и изъ произведеній Прудона и пришелъ къ убъжденію въ необходимости измѣненія права собственности «установленіемъ управленія недвижимою собственностью и капиталами, артельной или коммунальной жизни, организаціи работь и вознагражденія за нихъ». Бълинскій ранье Герцена поняль, что соціализмъ «не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановляеть ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ основаніяхъ»; онъ также ранъе Герцена оцъниль и даже нъсколько преувеличилъ великія положительныя стороны общиннаго землевладънія. Оба друга одинаково отрицательно относились, и въ статьяхъ, и въ перепискъ съ друзьями, къ западно-европейской буржуазіи, одинаково горячо защищали интересы пролетаріата; но у нихъ обоихъ отрицательное отношение къ тогдашнему конституционному строю, при которомъ господство принадлежало дворянству и буржуазіи, вовсе не связывалось съ отрицаніемъ необходимости измѣненія политическаго строя вообще, необходимости политическихъ переворотовъ. Въ беседахъ съ друзьями Белинскій высказываль прямо революціонные взгляды, и Достоевскій называеть его страстнымъ соціалистомъ, а Гончаровъ-Бълинскаго трибуномъ, Герцена-бойцомъ-проповъдникомъ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій съ его горячимъ увлеченіемъ фурьеризмомъ, съ его сочувствіемъ республиканскому строю, съ

его признаніемъ необходимости широкой пропаганды для подготовки коренного измѣненія политическаго и общественнаго строя Россіи является непосредственнымъ идейнымъ преемникомъ Герцена и Бѣлинскаго—съ тою только разницею, что и свойства личныхъ способностей и неблагопріятныя цензурныя условія дали перевѣсъ въ его дѣятельности устной пропагандѣ сравнительно съ печатною.

Въ нѣкоторыхъ моихъ очеркахъ мнѣ приходилось уже говорить о Петрашевскомъ, но только теперь, располагая обширнымъ неизданнымъ матеріаломъ, я могу попытаться дать возможно полное изображеніе его личности и подробно характеризовать его міросозерцаніе и его общественную работу въ Петербургѣ въ 1840 гг.

I.

Отецъ Петрашевскаго.—Воспитаніе въ Царско-Сельскомъ лицев.—Поступленіе на службу.—Петрашевскій—вольнослушатель въ университетъ.—«Мои афоризмы», Петрашевскаго.—«Запасъ общеполезнаго».—Попытка вступить на педагогическое поприще.—Полицейскій надзоръ.

Отецъ Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, Василій Михайловичъ, родился въ 1787 г. Въ 1806 г. изъ полтавской духовной семинаріи онъ перешелъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ медико-хирургической академіи и, еще будучи студентомъ, сталъ исполнять обязанности помощника прозектора. Ревностныя занятія его анатомією и успъшное подготовленіе препаратовъ обратили на него особенное вниманіе академической конференціи, и по ея докладу въ 1809 г. императоръ Александръ I наградилъ молодого анатома золотыми часами. Въ томъ же году В. М. Петрашевскій окончиль курсь академіи съ званіемь ліжаря и съ серебряною медалью. Оставленный при академіи, онъ продолжалъ нести обязанности прозектора и въ то же время быль ординаторомъ сухопутнаго госпиталя, гдъ практически занимался хирургіею 1). Въ декабръ 1810 г., получивъ званіе медико-хирурга, Петрашевскій началъ нести тяжелую службу лъкаря при разныхъ полкахъ. Въ 1811 г. онъ находился по обязанностямъ службы въ Молдавіи, въ апрълъ 1812 г. былъ опредъленъ главнымъ хирургомъ 2-ой западной арміи, а въ началъ сентября назначенъ главнымъ докторомъ при гр. Милорадовичъ и находился въ арміи во время Бородинскаго сраженія. Онъ зав'єдываль медицинскою частью по всему л'явому

¹⁾ В. М. Петрашевскій изобріль дві машины: одну—для вытягиванія вывихнутыхь суставовь пальцевь, другую—для прижатія вінечной губной артеріи при невозможности ее перевязать, изъ которыхъ первая была признана особенно полезной.

флангу арміи, наблюдалъ за дѣйствіями докторовъ при операціяхъ и перевязкахъ, распоряжался отправкою раненыхъ въ подвижные госпитали, а въ 1813—14 гг., во время заграничнаго похода, находился при русскомъ войскѣ во время многихъ кровопролитныхъ сраженій.

Въ 1819 г. Петрашевскій быль назначень петербургскимь штадть-физикомъ и инспекторомъ лазаретовъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи, а также гланымъ докторомъ при заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1821 году медико-хирургическая академія признала В. М. Петрашевскаго безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи. 14 декабря 1825 г. онъ былъ приглашенъ, какъ врачъ, къ смертельно раненому на Сенатской площади гр. Милорадовичу. Въ 1830 г. Петрашевскій занимался устройствомъ холерныхъ больницъ, въ 1839 г. уволенъ отъ должности штадтъ-физика и съ 1841 г. состоялъ по особымъ порученіямъ при главномъ инспекторѣ медицинской части, баронетѣ Вилліе. Умеръ онъ 29 мая 1845 г. ¹).

Сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, родился 1 ноября 1821 г. ²). Въ 1832 г. онъ поступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ ³) въ лицей, который находился тогда въ Царскомъ Селѣ, числился съ 1822 г. въ военномъ вѣдомствѣ и состоялъ подъ главнымъ начальствомъ вел. кн. Михаила Павловича. Ученики дѣлились въ то время на два возраста, съ шестилѣтнимъ пребываніемъ въ этомъ заведеніи, но въ 1835 г. введено было дѣленіе на 4 класса, изъ которыхъ въ каждомъ воспитанники учились по полтора года; число ихъ было съ 50 увеличено до 100, и строго замкнутая жизнь лицеистовъ была ослаблена разрѣшеніемъ домовыхъ отпусковъ на Рождество и Пасху, а затѣмъ и проведеніемъ Царско-Сельской желѣзной дороги, которая была открыта въ 1837 г.

Директоромъ лицея въ это время былъ генералъ Гольтгоеръ, о которомъ прежній директоръ лицея Энгельгардтъ писалъ, что онъ «о воспитаніи имѣетъ столько же понятія, какъ о кавалерійскомъ маневрѣ». Онъ «всю жизнь свою провелъ» при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и «педагогіи научался въ Дворянскомъ полку» (впослѣдствіи Константиновское военное училище). Хуже всего то, что онъ ввелъ въ лицеѣ тѣлесныя наказанія, часто при немъ примѣнявшіяся, несмотря на то, что въ положеніи о лицеѣ о нихъ вовсе не упоми-

¹⁾ Женать быль на Өеодорѣ Дмитріевнѣ Фалѣевой, которая надолго пережила своего мужа и умерла 7 февраля 1867 г., черезъ два мѣсяца по смерти сына. «Русскій біографическій словарь, изд. имп. русскаго историческаго общества, Павелъ-Петръ». СПБ. 1902 г.

Онъ считался крестникомъ имп. Александра I, замъстителемъ котораго на крестинахъ былъ гр. Милорадовичъ.

³⁾ Съ платою по 2000 р. ассигнаціями въ годъ.

налось, а циркулярами министра народнаго просвъщенія гр. Разумовскаго (1811 и 1814 гг.) они были даже прямо запрещены. Гольтгоеръ и назначенъ быль директоромъ лицея въ 1824 г. съ тою цълью, чтобы подтянуть въ немъ дисциплину; есть, впрочемъ, указанія, что съ годами его усердіе въ этомъ отношеніи нъсколько охладъло. Лицеисты его не любили: это видно, напр., изъ того, что они не пригласили его на спектакль въ лицев въ 1840 г. Инспекторъ Оболенскій, преподававшій нравственную философію и затъмъ психологію, былъ, по словамъ Энгельгардта, «низкій фарисей», основавшій «все воспитаніе на постыдной системъ подслушиванія за дверьми, на изловленіи и кражъ записочекъ по ящикамъ». Онъ даже пріучалъ воспитанниковъ дълать тайные доносы на товарищей; понятно, что его ненавидъли. Гувернеры въ низшихъ классахъ были плохи, въ старшихъ гораздо лучше.

Изъ профессоровъ наибольшимъ расположениемъ учениковъ пользовался, и какъ человъкъ и какъ талантливый учитель, И.П. Шульгинъ, преподававшій статистику и географію. Напротивъ, преподаватель всеобщей исторіи Кайдановъ уже совершенно въ это время выстарился и держался своихъ учебниковъ, оканчивая курсъ воцареніемъ Людовика XVI и умалчивая о французской революціи. П. Е. Георгіевскій, читавшій русскую словесность, пінтику, риторику и проч. (а также и латинскую словесность), быль до мозга костей пропитанъ семинарской схоластикою и не пошелъ далъе нашихъ классиковъ XVIII въка, свысока относясь къ Пушкину и вовсе не зная уже вышедшихъ въ свътъ первыхъ произведеній Гоголя. Точно такъ же «профессоръ» французской литературы Жилле игнорировалъ В. Гюго и писателей романтической школы, но зато профессоръ нъмецкой литературы де Олива, горячій поклонникъ Шиллера, Гёте и Лессинга, умълъ возбудить любовь къ произведеніямъ этихъ писателей въ нъкоторыхъ своихъ ученикахъ.

Исторія римскаго и русскаго права очень сухо преподавалась до 1837 г. человѣкомъ, хорошо знавшимъ свой предметъ, барономъ Врангелемъ. Его замѣнилъ Я. И. Баршевъ, вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы (гдѣ онъ въ Берлинскомъ университетѣ въ теченіе 6 семестровъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ у Савиньи, Эйхгорна и др., исторіи у Раумера и Ранке), но онъ излагалъ теорію уголовнаго права мертвенно, монотонно. Напротивъ, одновременно съ нимъ занявшій каоедру политической экономіи и статистики профессоръ Игн. Ак. Ивановскій въ то время живо читалъ лекціи, указывалъ и на спеціальныя сочиненія, иногда приносилъ книги для своихъ слушателей, а также бесѣдовалъ съ ними и во внѣклассное время. Неудовлетворительное преподаваніе многихъ предметовъ не безъ большого затрудненія могло пополняться чтеніемъ: въ низшихъ классахъ чтеніе постороннихъ ученію книгъ было совсѣмъ запрещено, а старшимъ ученикамъ было очень трудно до-

биться ихъ изъ лицейской библіотеки отъ завѣдывавшаго ею инспектора. Къ счастію, разрѣшено было подписаться въ складчину въ одной частной библіотекѣ и выписывать журналъ Сенковскаго «Библіотека для чтенія». Но большое вліяніе имѣлъ на пробужденіе любви къ литературѣ царившій въ лицеѣ культъ Пушкина, и многіе лицеисты писали стихи. Во время пребыванія Петрашевскаго въ лицеѣ издавался его товарищами, опередившими его по классу, рукописный ежемѣсячный литературный журналъ, гдѣ помѣщались стихи, повѣсти, оригинальныя и переводныя, критическія статьи, лицейская хроника. Трагическая смерть поэта произвела на лицеистовъ потрясающее впечатлѣніе, и геніальное стихотвореніе по этому поводу Лермонтова многими произносилось наизусть.

Петрашевскій почти вовсе не сближался съ товарищами. Одинъ изъ нихъ, Яхонтовъ, учившійся съ нимъ въ младшемъ курсъ, говоритъ, что Петрашевскій «выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки... не выказываль ни особенныхь способностей, ни оригинальности ума... Онъ часто поражалъ непослъдовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ..., ни съ къмъ не дружился и вообще не быль любимъ товарищами» 1). Другой товарищъ Петрашевскаго по лицею, впослъдствіи писатель, Вл. Раф. Зотовъ, въ воспоминаніяхъ котораго 2) есть, впрочемъ, значительныя неточности, говоритъ о немъ уже въ старшіе его годы. По словамъ Зотова, Петрашевскій въ 15 льтъ быль отмъчень гувернерами, какъ воспитанникъ «крайне строптиваго характера и либеральнаго образа мыслей». Учился онъ хорошо 3), «но держалъ себя, какъ-то странно, даже по отношенію къ товарищамъ. Угрюмый, неразговорчивый, сосредоточенный въ себъ, онъ почти ни съ къмъ не сближался и внъклассное время проводилъ не въ бесъдахъ или играхъ, а уединялся въ рекреаціонной залѣ или въ саду съ книгой въ рукахъ. Столкновенія съ лицейскимъ начальствомъ, къ которому онъ относился весьма недружелюбно и непочтительно, сдълались, наконецъ, часты и ръзни» 4). По словамъ М. Е. Салтыкова, въ его

Д. Ө. Кобеко. «Имп. царско-сельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811— 1843 г.» СПБ. 1911 г.; «Памятная книжка лицея» на 1898 — 99 г.; *Ахонтовъ*, «Воспоминанія лицеиста», «Русск. Стар.» 1888 г. № 10, стр. 107.

²⁾ См. «Историч. Вѣстникъ» 1890 г. т. 40; № 6, стр. 536 — 537.

³⁾ Третій товарищъ Петрашевскаго по лицею, К. С. Веселовскій, свидѣтельствуетъ объ его «несомнѣнно хорошихъ способностяхъ и живости ума». «Русск. Ст.» 1900 г. № 9, стр. 459.

⁴⁾ Однако, по словамъ того же Зотова, Петрашевскій дружилъ съ М. Н. Лонгиновымъ, веселымъ, живымъ и добродушнымъ, впослъдствіи извъстнымъ библіографомъ, авторомъ стихотвореній «не для дамъ» и до сихъ поръ неустаръвшей книги о Новиковъ и московскихъ мартинистахъ, а позднъе сдълавшимся свиръпымъ начальникомъ по дъламъ печати.

показаніи въ Вяткъ во время слъдствія по дълу Петрашевскаго, онъ «былъ нелюбимъ своими товарищами» и «большую часть свободнаго времени проводилъ въ низшихъ классахъ». Это повело къ сближенію его съ Салтыковымъ, который уже въ низшемъ классъ обнаруживалъ «большую склонность» къ литературнымъ занятіямъ.

Въ весьма любопытной стать в Герцена о Петрашевскомъ, написанной въ 1851 г. по-французски для извъстнаго историка Мишле и лишь недавно появившейся въ печати, авторъ говоритъ, что Петрашевскій куриль только въ лицев, потому что тамъ это было запрещено. «Шалостями онъ далеко превосходилъ своихъ товарищей, зараженныхъ аристократическою спесью 1) и дътскими понятіями о приличіяхъ; вслъдствіе этого многіе изъ нихъ, и особенно нъмцы, прекратили съ нимъ всякія товарищескія отношенія. Петрашевскій ни въ чемъ не признавалъ золотой середины, столь свойственной нѣмецкому характеру, и когда дѣло шло о какомънибудь заговоръ, затъянномъ учениками, чтобы проучить гувернера, онъ тотчасъ предлагалъ свои услуги даже товарищамъ, враждебно къ нему относившимся, бралъ на себя все выполнение мщенія» и заручался только об'вщаніемъ не выдавать его. «Но затъмъ онъ обыкновенно превосходилъ желанія своихъ соратниковъ и подвергался ихъ упрекамъ за то, что навлекъ на всъхъ ихъ «порицаніе за отступленіе отъ царившаго въ лицев корпоративнаго духа». К. С. Веселовскій разсказываеть о томъ, какъ Петрашевскій изводилъ одного гувернера, Коха, длинными диспутами. Кохъ былъ человъкъ очень раздражительный, капризный и взбалмошный; лицеисты его ненавидъли, а Петрашевскій забавлялся тъмъ, что, заведя съ нимъ какую-нибудь бесъду, доводилъ его своими возраженіями и софизмами до крайняго изступленія ²). Въ одномъ документъ III Отдъленія Е. В. канцеляріи (1848 г.) сказано о Петрашевскомъ, что онъ «еще въ лицев былъ вольнодумцемъ, за что товарищи его называли сумасшедшимъ».

¹⁾ Въ числъ товарищей Петрашевскаго по курсу были Рейтернъ и баронъ Николаи (впослъдствіи министры), кн. Голицыпъ, гр. Сиверсъ, А. В. Головнинъ (впослъдствіи министръ народнаго просвъщенія). Изъ одной рукописной замътки Петрашевскаго видно, что онъ поддерживалъ съ Головнинымъ сношенія еще въ копцъ 1841 г., черезъ два года по окончаніи курса въ лицеъ. Большинство другихъ товарищей достигло также высокаго служебнаго положенія. Во время пребыванія государя въ Царскомъ Селъ лицеисты наравнъ съ пажами назначались дежурными при дворъ и приглашались на танцовальные вечера и спектакли, но Петрашевскому, при его дурномъ поведеніи, въроятно, не случалось бывать на придворныхъ увеселеніяхъ.

^{2) «}Русс. Стар.» 1900 г. № 9, стр. 452; Воспоминанія Яхонтова, «Р. С.» 1888 г. № 10.

Неизвѣстно, былъ ли Герценъ лично знакомъ съ Петрашевскимъ 1), но, какъ увидимъ, онъ подробно описываетъ его наружность, карактеръ и привычки; во всякомъ случаѣ видно, что онъ имѣлъ о немъ свѣдѣнія изъ хорошаго источника. Многое могъ разсказать ему о Петрашевскомъ Энгельсонъ, который учился въ лицеѣ, вышелъ изъ него, не окончивъ курса, въ одинъ годъ съ Петрашевскимъ, но ранѣе его привлекался къ слѣдствію по его дѣлу, сдѣлался потомъ эмигрантомъ и одно время находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ.

Петрашевскій окончиль курсь въ 1839 г., при чемъ, —случай крайне рѣдкій, -- получиль чинъ не IX, X и даже не XII, а только XIV класса 2). Если принять во вниманіе, что на экзаменахъ лицеисты отвъчали по поддъльнымъ билетамъ, что давало каждому возможность заучить лишь одинъ билетъ, то такая неудача Петрашевскаго объясняется не отсутствіемъ въ немъ способностей (Зотовъ, какъ мы видъли, свидътельствуетъ, что онъ «учился хорощо»), а нерасположеніемъ къ нему лицейскаго начальства ³) Въ аттестатъ, выданномъ Петрашевскому 16 марта 1840 г., было сказано: «Оказалъ успъхи: въ Законъ Божіемъ, нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, въ географіи, статистикъ, исторіи, французской словесности и въ англійскомъ языкъ весьма хорошіе; въ математикъ, физикъ и латинской словесности удовлетворительные, въ нъмецкой словесности хорошіе, въ политической экономіи и русской словесности отлично хорошіе; сверхъ того обучался рисованію, фехтованію и танцованію». По свидътельству Герцена, «при раздачѣ дипломовъ Петрашевскій возбудилъ большое удивленіе всёхъ присутствовавшихъ столь мало обычнымъ въ Россіи произнесеніемъ рѣчи, въ которой самымъ серьезнымъ тономъ благодарилъ начальство заведенія за его заботу о воспитаннинахъ и убъждалъ товарищей предать забвенію всѣ прежнія несогласія. Пораженное тъмъ, что такую благоразумную ръчь произнесъ Петрашевскій, начальство лицея публично выразило ему сожалѣніе, что

¹⁾ Возможно, что онъ могь встръчать Петрашевскаго, когда въ 1846 г. хлопоталъ въ Петербургъ о заграничномъ паспортъ. 12 октября 1846 г. Никитенко отмътилъ въ своемъ дневникъ: «Третьяго дня познакомился съ Герценомъ... Замъчательный человъкъ». Это было вскоръ послъ того, какъ ръшено было не выпускать въ свътъ задержанный цензурою второй выпускъ «Словаря иностранныхъ словъ», редактированный Петрашевскимъ, котораго знали многіе въ кругу писателей и могли познакомить съ Герценомъ.

²⁾ Высоч. повельніе о выпускъ его изъ лицея съ чиномъ коллежскаго регистратора состоялось 20 янв. 1840 г.

³⁾ Его поведеніе было названо въ аттестатѣ «довольно хорошимъ», что, конечно, по офиціальной терминологіи имѣло весьма пехорошее значеніе. Въ докладѣ гр. Орлова государю о Петрашевскомъ (утвержденномъ 21 апрѣля 1849 г.) сказано: «по дерзости своего характера и по вольнодумству его, онъ былъ выпущенъ изъ лицея съ чиномъ XIV класса».

до сихъ поръ не сумъло оцънить по достоинству одушевлявшія его чувства. Оно не поняло, что эта рѣчь была только фарсомъ, разыграннымъ Петрашевскимъ, чтобы смутить педагоговъ, и такъ далеки были отъ того, чтобы въ выраженіяхъ его благодарности видъть иронію», что «Петербургскія Въдомости» ее напечатали 1). Что эта ръчь могла быть только ироніею, подтверждается словами Петрашевскаго, сказанными имъ какъ-то Антонелли (который сыграль такую подлую и губительную роль въ его дълъ), что «если у него проявились теперешнія идеи и нам'вренія», то за это онъ долженъ быть благодаренъ Гольтгоеру, бывшему въ его время директоромъ лицея, который гналъ его до того, что, наконецъ, ожесточилъ противъ себя». Петрашевскій прибавилъ, что «старается отомщать» (вести противоправительственную пропаганду) «тъмъ же оружіемъ,-т.-е. черезъ учителей, -- какимъ и его поражали». Горькимъ сарказмомъ звучатъ слъдующія слова Петрашевскаго въ его запискъ, представленной 5 іюля 1849 г. слъдственной комиссіи (въ то время Петрашевскій быль уже въ психически-ненормальномъ состояніи): «Ваше вниманіе чего-то ищеть около 1840 г. Вамъ, видно, за то время угодно имъть мое profession de foi; если хотите, —оно есть и печатное въ моихъ бумагахъ. Это экспромптомъ отвътъ на актъ при выходъ изъ лицея на ръчь протојерея Кочетова. Дайте мнъ растолковать значеніе этого и увидите, что тъ же чувства тогда и теперь меня одушевляли... Слова иныя-положение то же во всъхъ отношеніяхъ... Мое настоящее положеніе представляетъ мнъ слъдующую картину: на берегу широкой ръки стоитъ густая толпа народа, изъ нея слышатся крики: «Поймали колдуна, поймали очарователя, планиту небесную знать хотълъ. Приворотныя травы найдены... Топить его! топить его!..» Несуть человъка по рукамъ и ногамъ связаннаго!.. бросаютъ въ воду!.. Туманъ мнъ застилаетъ глаза».

25 марта 1840 г. Петрашевскій поступиль на службу въ департаменть внутреннихъ сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ третьимъ переводчикомъ (съ жалованьемъ 400 р. асс., или 114 р. 39 к. сер. въ годъ) ²), и съ осени этого года воспользовался пра-

¹⁾ А. Herzen. Petrachevsky. «Revue politique et litteraire. Revue Bleue» 1908 г. № 13, р. 387 — 388. По замыслу Петрашевскаго его письмо въ газету было, въроятно, пародією на офиціальныя описанія подобныхъ торжествъ, и у многихъ лицеистовъ оно должно было вызывать громкій смѣхъ, но посторонняя публика могла принять все это за чистую монету. Указаніе Герцена во всякомъ случаѣ даетъ истинное освѣщеніе намѣреніямъ Петрашевскаго, а внести яснѣе ироническую струнку, конечно, мѣшали цензурныя условія. Примѣры подобной, но болѣе ясной ироніи мы встрѣтимъ далье, когда будемъ говорить о «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ».

²⁾ Кром'в принесенія присяги, Петрашевскій, какъ и вс'в другіе, долженъ быль дать сл'вдующую подписку, въ которой д'вло не обошлось безъ школьничества, выразившагося въ случайной будто бы описк'в: «Я, нижеподписав-

вомъ, предоставленнымъ воспитанникамъ лицея, посъщать (по закону въ продолжение двухъ лътъ), въ свободное отъ службы время, лекции въ университетъ въ качествъ вольнослушателя.

Тогдашніе профессора юридическаго факультета—Калмыковъ, занимавшій кабедру энциклопедіи и русскаго государственнаго права, Шнейдеръ, профессоръ римскаго права, Ивановскій, профессоръ общенароднаго (т.-е. международнаго) права и дипломатіи, Я. Баршевъ, профессоръ русскихъ уголовныхъ и полицейскихъ законовъ (два послъдніе были извъстны уже Петрашевскому по лицею), Рождественскій, читавшій законы благочинія и благоустройства, Кранихфельдъ, занимавшій каоедру законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, --- могли сообщить Петрашевскому въ своихъ лекціяхъ извъстныя знанія по предмету ихъ преподаванія, но до нъкоторой степени содъйствовать развитію въ немъ опредъленнаго міросозерцанія могь только Викторъ Степ. Порошинъ, читавшій политическую экономію и статистику. Въ офиціальной исторіи Петербургскаго университета мы находимъ такой отзывъ о немъ: «Послъ лекцій Бутырскаго 1), который ни словомъ не упоминалъ о существованіи соціалистической школы въ политической экономіи, чтенія Порошина показались студентамъ удивительно глубокими ²), и вскорѣ, благодаря разнообразію своей образованности и гуманистическимъ тенденціямъ при благородствъ характера, сдълался онъ, несмотря на полное отсутствіе красноръчія 3), однимъ изъ самыхъ любимыхъ профессоровъ въ университетъ и пріобрълъ въ немъ почти такое же значеніе, какъ Грановскій въ Московскомъ».—«Слушатели», отозвался о немъ Плетневъ въ университетскомъ отчетъ за 1847 г., «привыкли приходить въ аудиторію его съ пріятнъйшими ожиданіями и выходить оттуда съ новыми каждый разъ идеями, глубоко обдуманными и полными многоразличнаго приложенія къ общественной жизни» 4). Сдѣлавшись профессоромъ,

шійся, симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложв и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи ни внъ ея не принадлежу и обязываюсь впердь (вмъсто «впредь») къ онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имъть». Въ іюнъ 1840 г. Петрашевскій былъ откомандированъ въ канцелярію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Эссена для занятій тамъ во время, свободное отъ служебныхъ обязанностей по Министерству Иностранныхъ дълъ.

¹⁾ Профессоръ словесности, которому послъ ухода изъ университета профессоровъ Балугьянскаго и Плисова поручили читать политическую экономію.

²⁾ Нъкоторая язвительность этого отзыва объясняется тъмъ, что онъ въ этомъ мъстъ основанъ на запискъ проф. И. Я. Горлова, ничтожество котораго такъ хорошо показано было Чернышевскимъ.

³⁾ Это видно и изъ письма Плетнева къ Гроту. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб. 1896 г. I, 170».

⁴⁾ В. Григорьевъ. «Имп. С.-Петербургскій университеть въ теченіе первыхъ 50 лізть его существованія.» СПБ. 1870 г., стр. 168—170.

Порошинъ жилъ, какъ студентъ, занимая лишь одну комнату, загроможденную книгами. И другія потребности его были болъе чъмъ умъренны: онъ всегда ходилъ пъшкомъ, не курилъ, не пилъ вина, не игралъ въ карты. Его лекціи годъ отъ году пріобрътали все большую извъстность, аудиторія его становилась тъсною, и еще полго его бывшие слушатели передавали свои воспоминания о немъ, какъ о замъчательномъ педагогъ. Часть этихъ лекцій (1847 г.) сохранилась въ записи одного изъ слушателей, и намъ придется говорить о нихъ въ другомъ мъстъ. Что Порошинъ былъ человъкъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства, - показываетъ инциденть, вслъдствіе котораго онъ оставиль университеть 1). Подъ вліяніемъ Порошина нѣкоторые студенты, какъ, напр., пострадавшіе впослъдствіи вмъстъ съ Петрашевскимъ А. В. Ханыковъ и Ипп. Матв. Дебу, заинтересовались политическою экономією и изучали сочиненія Фурье, Прудона, Луи-Блана, Лоренца Штейна и Гакстгаузена. Нужно замътить, однако, что самъ Порошинъ не былъ соціалистомъ: въ своей ръчи: «О земледъліи въ политико-экономическомъ отношеніи», прочитанной на актъ Петербургскаго университета въ 1846 г., онъ восхвалялъ услуги, оказанныя въ Англіи народу аристократіею, и даже готовъ быль признать «естественную основу» ея привилегій относительно поземельной собственности 2). Въ процессъ Петрашевскаго промелькнуло показание одного изъ подсудимыхъ, Толя, упомянувшаго о словахъ Порошина объ Александровской колоннъ: «столбъ столба столбу», но лицо, на которое сослался Толь, не подтвердило этой ссылки, и слъдователи оставили Порошина въ покоъ.

Прекрасно сдавъ выпускной экзаменъ, Петрашевскій получилъ 19 авг. 1841 г. кандидатскій дипломъ 3). По поводу кандидатской диссертаціи у него произошло столкновеніе съ проф. Ивановскимъ, о чемъ мы узнаємъ изъ донесенія агента Антонелли. Петрашевскій разсказалъ ему, что нѣкоторые экзамены онъ отложилъ до послѣ-

¹⁾ Однажды въ 1847 г. онъ опоздалъ на ивсколько минутъ на лекцію, и находившійся въ это время въ аудиторіи извъстный своею грубостью попечитель Мусинъ-Пушкинъ ръзко замѣтилъ ему: «Вы опоздали». Порошинъ взглянулъ на часы, отвѣтилъ только: «да, дѣйствительно», и съ этими словами взошелъ на каоедру. Попечитель приказалъ оштрафовать профессора, сдѣлавъ вычетъ изъ его жалованья, но ректоръ отвѣчалъ, что это будетъ трудно исполнить, такъ какъ Порошинъ жертвуетъ все свое жалованье въ пользу университетской библіотеки. На слѣдующій день онъ подалъ въ отставку. «Русс. Стар.» 1882 г. № 10, стр. 209; ср. *Григоръевъ*, 169, «Переписка Грота съ Плетневымъ» III, 153.

²⁾ Неодобрительный отзывъ объ этой ръчи см. въ «Критическихъ опытахъ» В. Н. Майкова, СПБ., 1891 г., стр. 683—696.

³⁾ Въ немъ сказан), что Петрашевскій признапъ «достойнымъ степени кандидата юридическаго факультета» «во уваженіе прим'єрнаго поведенія и отличныхъ усп'яховъ».

каникулярнаго времени и, у хавъ на лъто къ себъ въ деревню въ четырехнедъльный отпускъ, совершенно забылъ о диссертаціи. а затъмъ поручилъ своему знакомому Орлову написать ее за 100 рублей ассигнаціями на тему о развитіи духа аристократіи въ Россіи. Университетскій сов'ять нашель ее неудовлетворительною, и Петрашевскому было предложено написать другую. Онъ представилъ профессору Рождественскому ранъе написанное имъ сочинение «Теорія образованія юношества въ Россіи» и получиль отъ него одобрительную записку, которую и представиль проф. Ивановскому. Но тотъ не одобрилъ его сочиненія, потому что оно «не проникнуто довольно духомъ учености». Тогда Петрашевскій написаль третью диссертацію. Въ это время Ивановскій, по словамъ Петрашевскаго. покровительствовалъ студенту Гейнрихсону и далъ ему изъ архива чью-то диссертацію, съ тѣмъ, чтобы тотъ, переписавъ ее, выдалъ за свою собственную. Петрашевскій, желая одурачить Ивановскаго, ссылался въ своей диссертаціи на множество сочиненій, по большей части никогда не существовавшихъ, и даже замътилъ въ ней, что не знаетъ, должно ли «основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нътъ здраваго смысла, или на собственномъ здравомъ смыслѣ». Представивъ эту диссертацію Рождественскому, онъ сказалъ ему, что если и теперь Ивановскому не угодно будетъ ее одобрить, то онъ потянеть его въ уголовной судъ за подлогъ, который онъ сдълалъ съ диссертаціей студента Гейнрихсона. Угроза эта дошла до Ивановскаго, и онъ потомъ отомстилъ Петрашевскому. Эпизодъ этотъ хорошо рисуетъ всѣ продѣлки, на которыя онъ былъ способенъ (въроятно, между нимъ и Ивановскимъ были еще старые счеты по лицею). Не даромъ Герценъ сравниваетъ Петрашевскаго съ уличнымъ мальчикомъ (gamin), но такимъ который «идетъ умирать на баррикады, не заботясь о томъ, вспомнитъ ли о немъ кто-либо послъ его смерти, а послъ побъды забываетъ требовать для себя мъста или ордена. Онъ былъ уличнымъ мальчикомъ не по системъ или заранъе обдуманному намъренію, онъ быль имъ по природѣ».

Въ эту пору жизни Петрашевскій пережилъ тяжелый кризисъ, одна изъ причинъ котораго могла заключаться въ дурныхъ отношеніяхъ къ нему родителей и нравственномъ одиночествѣ. Въ одной изъ записокъ, написанныхъ позднѣе, во время заключенія въ крѣпости, онъ говоритъ:

«Три м всяца занимала меня мысль о самоубійств в. Три м всяца лежаль подлів меня заряженный пистолеть... Не любовь, не блажь, подобная этому, привела меня къ этимъ помысламъ, но чисто философское размышленіе. Я заставленъ былъ холоднымъ размышленіемъ признать зависимость совершенную всіхъ жизненныхъ явленій въ человік в отъ общихъ законовъ природы; я заставленъ былъ признать ничтожность своей личности передъ лицомъ природы, отбросить въ сторону всякое самолюбивое мечтаніе, отвергнуть въ себъ то, что называется свободою произвола и высшею, мудростью признать — стремленіе

правильно последовать законамъ природы или разбить въ дребезги всв горделивыя мечты. Мною было это сорершено, — и тогда я призналъ безразличіе для себя жизни и смерти... Три м'всяца разр'ящалъ я себ'в этоть вопросъ. Ему бъ не тяготить меня, если бъ у насъ гдъ-нибудь давалось толковое философское образование. И этоть вопросъ себъ я такъ разръщиль: «Все въ природъ между собою находится въ тъсной связи и зависимости. Всякое существо имъетъ свое назначение. Назначение же каждаго существа состоитъ въ полномъ развитіи его свойствъ, — это и составляетъ его счастье. Такъ какъ все въ природъ состоитъ въ тъсной связи, то необходимо, чтобъ всякое существо выполняло его назначеніе для сохраненія общей гармоніи... Насильственное или преждевременное уничтожение всякаго существа въ природъ разрушаеть общую міровую гармонію». Почему я, въ какомъ бы положеніи ни находился, уничтожить свою жизнь не въ правъ, равно какъ не въ правъ въ пользу своей личности наносить какой бы то ни было вредъ существамъ, мит по природт равнымъ, но обязанъ заботиться о сохранении своего благосостоянія и благосостоянія ближняго...

«Въ двадцать лѣтъ судьба заставила меня имѣтъ равнодушіе къ жизни, свойственное старости. Не находя ничего достойнымъ своей привязанности — ни изъ женщинъ, ни изъ мужчинъ, — я обрекъ себя на служение человъчеству, и стремление къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самоохранения, уважение къ истипъ подавило во мнъ всякую вспышку самолюбія. Вы найдете за 7 лѣтъ или болѣе предъ симъ писанные стихи, они есть въ монхъ бумагахъ, быть-можетъ, не слишкомъ складные, выражающіе чувства заключеннаго, подобно мнѣ; они почти то же выражаютъ, что и теперь я вамъ въ себъ обнаружилъ. Чтобъ найти приличное мѣсто для употребленія монхъ способностей, мнѣ не зачѣмъ было ходить вдаль, мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество».

По словамъ офиціальной записки о Петрашевскомъ (1848 г.), въ университетѣ онъ считался «человѣкомъ свободныхъ мнѣній» относительно религіи и правительства. Это будто бы побудило нѣкоторыхъ изъ его университетскихъ товарищей прекратить съ нимъ сношенія, тѣмъ болѣе, что, по ихъ словамъ и по отзывамъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, его знавшихъ, онъ не только въ кругу своихъ знакомыхъ, но даже при встрѣчѣ въ домахъ и на улицѣ готовъ былъ выражать гласно свой образъ мыслей».

Полученіе степени кандидата нѣсколько улучшило служебное положеніе Петрашевскаго ¹). Въ министерствѣ онъ исполнялъ обязанности переводчика въ тѣхъ случаяхъ, когда живущіе въ Петербургѣ иностранцы имѣли столкновенія съ полицією ²).

¹⁾ Онъ утвержденъ былъ Сенатомъ (28 апръля 1842 г.) въ чинъ коллежскаго секретаря, при чемъ жалованье его повысилось до 250 р. с., а черезъ годъ сдъланъ былъ вторымъ переводчикомъ. Въ 1844 г. жалованье его было увеличено до 495 р. въ годъ. Въ мав 1846 г. онъ былъ произведенъ въ титулярные совътники и дальнъйшаго повышенія въ чинъ заслужить не успълъ.

²⁾ Въ офиціальной запискъ о Петрашевскомъ, написанной предъ его арестомъ, сказано: «онъ, повидимому, пользуется большою довъренностью начальства, потому что имъетъ у себя въ квартиръ множество дълъ.., которыя всъ относятся къ французскимъ, германскимъ и Царства Польскаго подданнымъ».

Это вызвало его личныя сношенія съ столичными полицейскими офицерами, по словамъ Герцена, — «гнусный классъ людей, которыхъ населеніе Петербурга не могло видѣть хладнокровно, но зато это дало ему возможность вывести изъ затруднительнаго положенія многихъ бѣдняковъ, попавшихъ въ когти полиціи» 1).

Кромѣ того, Петрашевскій сдѣлался ходатаемъ по частнымъ дѣламъ, преимущественно въ Сенатѣ, и называлъ себя адвокатомъ «офиціально признаннымъ», что было напечатано и на его визитной карточкѣ.

Въ запискъ слъдственной комиссіи было сказано, что Петрашевскій «и въ лицеъ, и въ университетъ былъ замъченъ, какъ человъкъ съ чрезвычайно либеральными идеями. Такое направленіе ума доказывается найденными нынъ у него бумагами, или рукописными сочиненіями, къ тому времени относящимися». Слъдственная комиссія обратила вниманіе на рукопись Петрашевскаго «Мои афоризмы, или обрывочныя понятія мои обо всемъ, мною самимъ порожденныя», которыя Петрашевскій сталъ записывать, начиная съ 30 октября 1840 г. Приведемъ нъкоторые изъ этихъ афоризмовъ.

«Государства должны быть основаны по народамъ, и каждое государство должно вмѣщать въ себѣ одинъ народъ. Отношенія между народами должны быть, какъ между штатами въ С. Америкѣ или провинціями одного и того же государства. Пошлинныхъ таможенныхъ сборовъ не должно существовать. Должна быть дана промышленности полная свобода, чтобы цѣль и назначенье человѣчества были постигнуты, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительно-республиканское. Всѣ должности замѣщаемы по выборамъ. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы не нужпы, ибо война не

¹⁾ Въ запискъ, поданной въ военно-судную комиссію, утверждая, что у насъ въ тюрьмахъ существуютъ пытки, Петрашевскій говорить: «Что это такъ случается, могуть служить подтвержденіемъ многія дізла, имізющіяся въ Аудиторіатскомъ департаментъ. Сверхъ того о семъ мною было узнано путемъ службы изъ допросовъ арестантовъ изъ иностраниевъ, кои жаловались неоднократно на кормленіе ихъ сырымъ хлѣбомъ, равно какъ изъ разсказовъ другихъ переводчиковъ Министерства Иностранныхъ дълъ. Такъ, одинъ изъ переводчиковъ заявилъ, что отъ одного изъ арестантовъ требовалась какая-то взятка. Когда ему случилось вторично допрашивать этого же арестанта, то тоть «пеняль очень... что переводчикъ (это быль г. Мехелинъ), о семъ сказалъ, ибо ему, т.-е. арестанту, было очень худо въ тюрьмъ. Это заставляеть предполагать, что не въ одномъ С.-Петербургв между тюрьмой и судьями существуеть дружественное отношеніе, удручительное весьма для арестантовь, и то, что тюремное заключение служить часто средствомъ къ вымогательству взятокъ не только съ виновныхъ, но даже и невинныхъ... Еще долженъ сказать, что въ городахъ губернскихъ дома умалишенныхъ служать мъстами, гдъ производится иногда пытка. Все это могу подтвердить фактами».

могла бы имѣть мѣста. Въ религіи совершенная терпимость, и относительно сего не должно быть никакихъ постановленій, но христіанская (религія) должна быть признана господствующей».

Позднѣе (24 августа 1841 г.), чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанія экзаменовъ въ университетѣ, Петрашевскій записалъ такую мысль: «Мнѣ думается, что Сибирь замѣнитъ настоящую Россію, и что въ ней-то и возникнетъ народность русская безъ примѣси, и правленіе республиканское будетъ въ ней господствующимъ» 1).

Въ числъ бумагъ Петрашевскаго, видимо ранняго періода, но все же написанныхъ нъсколько позднъе предыдущихъ записей, есть одна статейка, которая начинается такъ: «Что общество существуетъ для человъка, а не человъкъ собственно для общества, и что общество служить для человъка только средствомъ, облегчающимъ ему достижение тъхъ высокихъ цълей, которыя ему осуществить свыше предназначено, -- справедливость и истинность этого положенія очевидны». На вопрось, для чего же существуєть самъ человъкъ, Петрашевскій отвъчаеть: «для совершенствованія, какъ доказалъ Кантъ, но мы переиначимъ нѣсколько это выраженіе и скажемъ, что онъ существуетъ для наслажденія черезъ совершенствованіе». Отсюда авторъ пытается вывести «значеніе и необходимость образованія вообще и показать то вліяніе, которое оно можетъ и должно имъть на самое благосостояние общественное». Различными примърами онъ показываетъ ту великую роль, которую играютъ въ воспитаніи человѣка время, общественныя учрежденія и личныя обстоятельства жизни. «Образованность народная отражается ясно въ самомъ образъ жизни общественной... У тъхъ народовъ, которые не пользуются плодами образованности и пребывають въ состояніи ихъ первобытнаго невѣжества, всѣ ихъ учрежденія политическія столь же грубы, дики и мало способны къ содъйствію ихъ нравственнаго развитія (sic), какъ и самые творцы ихъ». Далъе Петрашевскій высказываеть такую мысль: «Вниманіе людей, истинно желающихъ содъйствовать къ всестороннему усовершенствованію челов'вчества, не должно (ли) быть обращено на самый корень зла, на самое уничтожение тъхъ ужасающихъ душу всякаго благороднаго человъка учрежденій, которыя служать неопровержимыми препятствіями челов'єку сд'єлаться истинно постойнымъ

¹⁾ Большая часть этихъ обоихъ абзацовъ приведена въ запискъ слъдственной комиссіи какъ доказательство «чрезвычайно либеральныхъ идей» Петрашевскаго. 10 декабря 1841 г. онъ выражаетъ въ своихъ афоризмахъ желаніе, чтобы было изложено «развитіе понятій объ образъ наказаній въ Россіи въ разныя времена или въ обширномъ смыслъ исторіи философіи уголовнаго права, съ показаніемъ логическихъ причинъ составленія таковыхъ понятій изъ образа жизни народа, характера его, правовъ его и обычаевъ, изъ степени просв'єщенія высшихъ его классовъ и простого образа его религіозныхъ или нравственныхъ върованій».

имени человъка, не должны ли они стремиться преобразовать совершенно тѣ формы общежитія и всѣхъ отношеній, какого бы рода они ни были..., которыя являются помъхою къ благоденствію полному и совершенному человъка, взятаго въ отдъльности и въ совокупности, т.-е. цълаго человъчества безъ изъятія». Петрашевскій признаетъ необходимость для большинства людей заниматься механическимъ трудомъ, но «изъ этого не слъдуетъ..., чтобы одна часть общества была живой движущейся машиной, предназначенной служить для доставленія предметовъ роскоши другой части онаго, какъ мы это можемъ замътить въ нъкоторыхъ промышленныхъ государствахъ, въ Англіи особенно, гдѣ цѣлыя тысячи фабричныхъ работниковъ въ дъйствительности нисходятъ на степень движущихся машинъ». Въ эту пору жизни Петрашевскій еще наивно думалъ, что «введеніе школъ для первоначальнаго образованія простого народа можеть предотвратить явленія такого рода... Вотъ все», прибавляетъ онъ, «что можетъ сдѣлать правительство... въ дълъ образованія».

Въ области соціальныхъ вопросовъ воззрѣнія Петрашевскаго въ это время были еще совершенно не выяснены (хотя онъ уже интересуется положениемъ фабричныхъ рабочихъ), но онъ успѣлъ проникнуться ненавистью къ правительству. Написавъ приведенныя выше слова о томъ, что можетъ сдълать оно въ дълъ образованія, Петрашевскій снабжаеть ихъ следующимъ примечаніемъ: «Мы, говоря это, вовсе не разумѣемъ такъ называемыя законныя и богоучрежденныя правительства, которыя, напротивъ того, подъ видомъ покровительствованія образованности и просв'ященія тысячами тайныхъ инструкцій и инквизиціонныхъ учрежденій стараются всячески остановить умственное развитіе тъхъ народовъ, забота о благъ которыхъ должна бы была составлять ихъ единственное и исключительное стараніе, которые предписывають всёмъ завёдывателямъ общественнымъ воспитаніемъ знать и преслёдовать тёхъ изъ ихъ питомцевъ, въ которыхъ замётять они хотя нъкоторый проблескъ самостоятельности воззрънія на міръ и общество» (въроятно, намекъ на преслъдованія, которымъ онъ подвергался въ лицев). «Презрвніе и ненависть къ нимъ», энергически заканчиваетъ онъ это примъчаніе, «должны священнымъ долгомъ быть каждаго человъка, въ сердцъ котораго не умерло сознаніе человъческаго достоинства».

Выражая увъренность, что «сознаніе народное, освъщаемое увеличивающимся свътомъ просвъщенія, будетъ указывать на тъ улучшенія, которыя будетъ потребно сдълать въ существовавшихъ уже учрежденіяхъ», Петрашевскій хорошо понимаетъ, что «это не иначе можетъ быть достигнуто, какъ при совершенной свободъ книгопечатанія и отсутствіи унизительной для разума человъческаго цензуры, ужаснаго орудія угнетенія и деспотство-

ванія». Изъ дальнъйшихъ словъ видно, что онъ хорошо понималь весь вредъ отсутствія гласнаго судопроизводства («таинственныхъ скрытыхъ судовъ») и все ничтожество высшихъ представителей нашей администраціи. «Взгляни на любого министра, — говорить онъ о «несчастной Россіи», — можно сказать, что всякій изъ нихъ почти совершенный невъжда по своей части. Такъ что, право, иногда кажется, что будто бы у насъ совершенное невъдъніе въ какомъ-нибудь предметъ есть наилучшій патентъ къ публичному признанію знающимъ въ этой части и несомнънный путь къ общественному почету и уваженію».

Петрашевскій върить въ великую силу образованія, не стѣсняемаго цензурой, и думаеть, что, съ распространеніемъ образованія въ обществъ, «внъдрится» въ немь и благосостояніе, такъ какъ всякій членъ его, понимая, что его личныя выгоды неразрывно связаны съ общественными, будетъ содъйствовать введенію общеполезныхъ учрежденій. Съ распространеніемъ образованія уменьшится и количество преступленій. Онъ въритъ также въ великую силу закона и полагаетъ, что большая часть преступленій обусловливается неумъніемъ достигнуть законными средствами «своихъ цълей». Статейка заканчивается мыслью, «что поощреніе и содъйствованіе къ распространенію общественнаго образованія должно быть дъломъ не одного только попечительнаго правительства, но и всякаго истинно благонамъреннаго человъка».

Замѣтку эту Петрашевскій, кажется, хотѣлъ озаглавить: «О значеніи образованія въ отношеніи благосостоянія общественнаго». Повидимому, это не то сочинение, которое онъ подавалъ въ видъ кандидатской работы въ университетъ подъ названіемъ «Теорія образованія юношества въ Россіи», но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта послъдняя носила такой же характеръ, т.-е. заключала въ себъ общія разсужденія и представляла не научную работу, а лишь рядъ мыслей на данную тему почти безъ всякихъ доказательствъ. Весьма въроятно, что проф. Ивановскій, который, по крайней мъръ въ лицев, въ концъ 1830 годовъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей, имълъ основание сказать, что сочиненіе Петрашевскаго «не проникнуто довольно духомъ учености», хотя возможно, что ему не понравилось и направленіе работы (см. ниже). Петрашевскій, очевидно, истолковаль это замічаніе въ томъ смыслъ, что для Ивановскаго признакомъ учености является обиліе цитать и ссылокь на литературу предмета, и въ новой работъ не только на зло Ивановскому сдълалъ ссылки на множество сочиненій, большая часть которыхъ никогда не существовала, но и поставиль вызывающимь тономь вопросъ: должно ли «основывать свои мнѣнія на сочиненіяхъ другихъ, въ которыхъ нътъ здраваго смысла, или на собственномъ здравомъ смыслѣ».

Изъ «Моихъ афоризмовъ» Петрашевскаго видно, что въ 1841 г. онъ мечталъ объ основаніи журнала. «Я былъ сегодня поутру»,-пишетъ онъ, -- у Орлова (очевидно, то же лицо, которому онъ заказалъ свою первую диссертацію); между прочимъ говорили мы о предпринимаемомъ нами журналъ». Для перваго номера его Петрашевскій собирался писать статью «Критика критикъ», въ которой предполагалъ развить «теорію критики, ея назначеніе.... показать, какою она должна быть и, можетъ-быть, мимоходомъ, какою она была или бывала». Онъ даже набросалъ планъ статьи отъ временъ глубокой древности до последнихъ дней, въ которомъ сказывается скептицизмъ въ области религіи; авторъ отмѣчаетъ «сомнъніе въ лицъ апостоловъ», упоминаеть о препятствіяхъ къ развитію критики въ средніе вѣка: тогда «религіозность, вѣрованіе замѣняло убѣжденіе». Наибольшее значеніе для общежитія и вліяніе на его развитіе им'єють, по мнівнію Петрашевскаго, исторія, словесность, политическая экономія и философія. Въ это время онъ еще считаетъ главною задачею журнала «возбудить, разбудить, вызвать чувство народности и самобытности во встхъ отношеніяхъ; главною идеей, главнымъ предметомъ должна быть Русь» 1).

Задумывая издавать журналь, онъ предлагаль участвовать въ немъ своимъ товарищамъ по лицею. Такъ какъ онъ поддерживаль отношенія къ Салтыкову и послѣ окончанія курса, то, пріѣзжая въ Царское Село, онъ приглашаль своего лицейскаго пріятеля въ сотрудники. Такія же предложенія сдѣлаль онъ двумъ другимъ лицеистамъ: Д. А. Засядко (впослѣдствіи служиль въ Сенатѣ) и Влад. Степанову, позднѣе исключенному изъ лицея и поступившему въ Дерптскій университеть.

Петрашевскій записываеть и другія свои предположенія. Первое изъ нихъ показываеть, что въ его націоналистическомъ настроеніи не было никакого шовинизма, не было желанія подавить родственныя русскимъ народности. «Если вывесть войско изъ Польши, то сколько выиграетъ этимъ денегъ и увеличится русская армія? Если на Польшу, сверхъ сего, ничего не употреблять изъ общихъ государственныхъ доходовъ, то сколько увеличатся доходы ежегодно и постоянно? Разумъется, ни въ какомъ случаъ не увеличивая налоговъ, не забывая, что увеличивается населеніе, — какъ увеличатся эти доходы?» Тутъ, очевидно, предполагалось предоставить автономію Царству Польскому, въ которомъ послъ возстанія 1830 года была уничтожена конституція; не были ли мысли Петрашевскаго направлены въ эту сторону чтеніємъ донесенія слъдственной комиссіи по дълу декабристовъ и пред-

¹⁾ По поводу найденныхъ въ бумагахъ Петрашевскаго «Афоризмовъ» слъдственная комиссія задала ему вопросъ, излагалъ ли онъ эти мысли въ своихъ ръчахъ на собраніяхъ—у него или въ другихъ мъстахъ. Петрашевскій отвъчалъ отрицательно.

положеніями Пестеля о полной самостоятельности Польши? О послѣдней при имп. Николаѣ, конечно, безполезно было и мечтать!

Петрашевскій считаль необходимымь соединить духовныя и медицинскую академіи съ университетами (т.-е., очевидно, превратить ихъ въ медицинскіе и богословскіе факультеты), «соединить училища цуховныя со свътскими» и «уничтожить принужденіе въ выборъ образа общественнаго служенія». Тутъ, очевидно, имълось въ виду уничтожение наслъдственности духовнаго звания (объ этомъ и объ учрежденіи «богословскихъ лицеевъ» при университетахъ говориль въ «Русской Правдъ» и Пестель), а также и отмъна обязательной службы за получение образования. Послъдняя мысль была, очевидно, навъяна тъмъ, что, именно, въ это время произошло очень существенное пониженіе правъ окончившихъ курсъ лицея. Прежде воспитанники этого заведенія, поступавшіе на гражданскую службу, могли оставлять ее во всякое время. Напротивъ, утвержденнымъ государемъ (2 апръля 1841 г.) положеніемъ Комитета Министровъ было постановлено, что не только воспитывавшіеся въ лицев на казенный счеть должны были прослужить не менье 6 льть, но и своекоштные не менье 4 лѣтъ ¹).

Что касается предположеній Петрашевскаго относительно преобразованія государственнаго управленія, то онъ считаль необходимымъ упростить его механизмъ и правильнѣе распредѣлить завѣдываніе разными частями управленія; въ это время онъ считалъ еще возможнымъ «занять этими дѣлами членовъ Царской Фамиліи» 2).

О женщинахъ Петрашевскій былъ очень невысокаго мнѣнія. На основаніи данныхъ русскаго языка онъ собирался доказать, что «худыя свойства» — женскаго рода, и въ видѣ примѣра приводилъ слова: ревность, зависть, злоба, ненависть, «а посему», дѣлалъ онъ отсюда смѣлое и неожиданное заключеніе, — «женщины источники худого». Я не сомнѣваюсь, что это обобщеніе основывалось не на данныхъ филологіи, а на семейныхъ впечатлѣніяхъ. Его матушка, Ө. Д. Фалѣева, была существо весьма несимпатичное: мальчикомъ я бывалъ въ ея домѣ въ самомъ началѣ 1860 го-

¹) 2-ое Пол. Соб. Зак. т. XVI, № 14421.

²⁾ Какъ образчикъ критическихъ замѣчаній Петрашевскаго, отмѣчу слѣдующую мысль: «Есть три рода поэзіи: поэзія мысли, чувства и словъ. Часто встрѣчалъ послѣднюю, рѣже вторую въ соединеніи съ послѣдней и весьма рѣдко первую съ двумя послѣдними въ стройномъ гармоническомъ сочетаніи». На это замѣчаніе его навели стихотворен:я Аполл. Н. Майкова, въ которыхъ Петрацевскій «нашелъ послѣднее только», т.-е. поэзію словъ. Съ Майковымъ онъ былъ лично знакомъ, такъ какъ одновременно сь нимъ держаль выпускные экзамены въ университетъ.

довъ и помню эту антипатичную старушку въ синемъ песцовомъ платкъ. Несмотря на то, что у нея были собственные дома и вообще хорошее состоніе, она была крайне скупа и такъ дурно кормила свою младшую дочь, что совершенно разстроила ея органы пищеваренія, и у нея сдълалась впослъдствіи фистула въ кишкъ. Скупость Ө. Д. видна и изъ того, что, какъ мнъ документально извъстно, она по смерти мужа, давая сыну деньги взаймы, брала съ него векселя. Что касается сестеръ, то съ двумя изъ нихъ, Ольгою и Елизаветою, по крайней мъръ, въ концъ 1840 гг., онъ былъ, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ, младшая Александра, которая въ это время была еще ребенкомъ, впоследствіи, во время ссылки брата, помогала ему и была съ нимъ въ родственной перепискъ, объ отношеніяхъ же къ четвертой сестръ свъдъній не имъю. Виновницею приведеннаго выше афоризма о женщинахъ была, въроятно, главнымъ образомъ матушка, но, быть-можеть, отчасти и сестры. Петрашевскій говориль Антонелли въ 1849 г., что къ своимъ «роднымъ, даже самымъ близкимъ, онъ очень холоденъ, и.., какого бы они ни были поведенія, - ему рѣшительно все равно».

Уже и въ это время Петрашевскій задумывался надъ печальною судьбою земледѣльческихъ рабочихъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, записанныхъ непосредственно послѣ афоризма о женщинахъ: «Я думаю всякому изъ васъ случалось если не самому видѣть, то, по крайней мѣрѣ, читать въ какомъ-нибудь романѣ или путешествіи описаніе Понтійскихъ болотъ, картину вредоноснаго вліянія ихъ мефитическихъ испареній, убійственныхъ для развитія жизни, что, при представленіи этого изображенія населенія живыхъ мертвецовъ.., невольно они, какъ тѣни изъ гроба, возставали передъ глазами вашего воображенія, и на васъ, пораженныхъ невольно этой картиной разрушенія, вамъ казалось, навѣвало могильною сыростью, и... невольный ужасъ оледенялъ вашу кровь. Навѣрно, въ это время вы бы не пожелали быть на мѣстѣ сихъ несчастныхъ».

Герценъ въ своей статъв о Петрашевскомъ утверждаетъ, что онъ началъ вести пропаганду среди молодежи и раздавать въ чтеніе запрещанныя книги еще въ университетв. Трудно сказать, насколько точно это показаніе. Во всякомъ случав ни въ «Афоризмахъ», ни въ изложенной выше запискв объ образованіи нвтъ еще следовъ соціализма. Ранве Петрашевскій пришелъ къ скептицизму относительно религіи и къ политическому радикализму. Если точны сведвнія Герцена, въ развитіи міросозерцанія Петрашевскаго сыграла большую роль изв'єстная книга Барюэля. «Достойно зам'єчанія, — говоритъ Герценъ, — что трудъ, которому Петрашевскій приписывалъ большую силу революціонизированія, былъ старый, дурной русскій переводъ книги... аббата-іезуита... Барюэ-

ля 1). Эта книга, —продолжаетъ Герценъ, —написанная съ тою неистовою яростью, которую встръчаешь только у писателей клерикальной партіи, изображаеть французскую революцію, какъ заранъе обдуманное послъдствіе заговора, издавна замышленнаго главою иллюминатовъ Вейсгауптомъ, Вольтеромъ, Руссо, Робеспьеромъ и нъкоторыми другими лицами. Авторъ интересовалъ Петрашевскаго постольку, поскольку онъ довольно замысловато изображалъ вымышленныя имъ комбинаціи обширнаго заговора. Петрашевскій рекомендоваль эту книгу всьмь своимь знакомымь, судя по себъ, что для всъхъ, кто принимался за ея чтеніе, дъло шло не о томъ уже, чтобы узнать, желательна ли и законна ли революпія въ Россіи, а о томъ, чтобы найти средство для ея осуществленія 2). Всл'єдствіе такого взгляда на настроеніе умовъ въ Петербург'є онъ отвергъ не одного молодого человъка изъ тъхъ, которые, вслъдствіе ихъ либеральничанія, казались было ему вольнодумцами, но которые вовсе не предполагали серьезно относиться къ дълу революціи. Вмъстъ съ тъмъ роковая книга іезуита привила Петрашевскому, помимо его собственнаго сознанія, мысль, что революціи могуть быть дёломъ нёсколькихъ отдёльныхъ личностей, а не сиъдствіемъ возбужденія народныхъ массъ силою вещей, ошибками правительства и распространенія извъстныхъ идей». Послъднія слова Герцена невърно изображають взгляды Петрашевскаго: мы увидимъ, что, по его мнънію, именно широкая пропаганда соціалистическихъ и радикальныхъ идей должна была предшествовать революціи.

Липранди въ своей запискѣ для слѣдственной комиссіи (17 августа 1849 г.) утверждаетъ, будто бы общество Петрашевцевъ существовало съ 1842 г. ³), но это невѣрно.

Какъ постепенно расширялся умственный горизонтъ Петрашевскаго, какъ многое его интересовало, ясно видно изъ списка темъ или вопросовъ (подъ общимъ заглавіемъ «Запасъ общеполезнаго»), которые онъ записалъ для памяти въ 1842—43 г., имъ́я ихъ въ

^{1) «}Волтеріанцы, или исторія о якобинцахъ, открывающая всѣ противухристіанскія злоумышленія и таинства масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ европейскія державы. Сочиненіе г. Барюэля, переводъ съ франц. г. Домогатскаго, 12 частей. 1805—9». Французскій подлинникъ въ 5-ти томахъ (Barruel «Mémoires sur jacobinisme, изд. 1797 и 1813). Авторъ начинаетъ съ французскихъ писателей и философовъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Монтескьё, Кондорсе, Рейналя, Мабли, ватѣмъ переходитъ къ Вейсгаупту и иллюминатамъ, къ масонамъ и оканчиваетъ якобинцами.

²) Свидътельство Герцена о пользованіи книгою Барюэдя съ цѣлью пропаганды организаціи тайныхъ обществъ подтверждается показаніемъ Момбелли, хотя онъ, повидимому, получилъ эту книгу не отъ Петрашевскаго (см. ниже).

^{3) «}Русск. Стар.» 1872 г. т. VI; перепечатано въ книгъ «Петрашевцы» изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 14.

виду, какъ темы или для статей журнала, о которомъ онъ мечталъ съ Орловымъ, или для рефератовъ въ своихъ собраніяхъ, объ устройствѣ которыхъ онъ, быть-можетъ, уже думалъ. Въ это время онъ начиналъ знакомиться и съ соціалистическою литературой, какъ видно изъ темы «Объ эмансипаціи женщинъ вообще», подъ которою записано по-французски слѣдующее изреченіе, взятое изъ сочиненія Жюля Лешевалье: «Ребенокъ и женщина соединены самыми могущественнѣйшими связями; женшина можетъ достигнуть освобожденія лишь въ тотъ день, когда будетъ освобожденъ отъ опеки ребенокъ». Лешевалье былъ сенъ-симонистъ, перешедшій въ фурьеризмъ 1). Другая тема по женскому вопросу была такова: «О женщинѣ, ея назначеніи и томъ значеніи или правахъ, которыми она должна пользоваться въ обществѣ».

Вліяніе фурьеризма уже чувствуєтся въ вопросѣ: «Очерки состоянія Россіи, какъ государства, т.-е. одной изъ случайныхъ формъ ассоціацій человѣческихъ (картина ея несоотвѣтственности въ этомъ отношеніи)». Вліяніе сенъ-симонизма или фурьеризма чувствуєтся и въ темѣ «О системѣ взаимнаго содѣйствія». Этими же вліяніями, вѣроятно, навѣяна задача «О началахъ распредѣленія богатствъ или дивиденда между производителями» ²).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выписавъ заглавіе предположенной статьи, Петрашевскій набрасывалъ нѣсколько соотвѣтственныхъ мыслей. Такъ, напр., на тему: «Неужели человѣчество обречено на вѣчность застоя и умственнаго оцѣпенѣнія», онъ написалъ слѣдующее:

«Нъть ничего труднъе, какъ освободиться отъ вредоноснаго вліянія предубъжденій, предразсудковъ и суевърій всякаго рода (безотчетное схоластическое върование въ авторитетъ я отношу къ суевъріямъ); нътъ ничего опаснъе тамъ, гдв нътъ ареопага мудрецовъ или мудръйшихъ по общему разумному избранію 3) для личной гарантіи всякаго изрекателя истины противу безсмысленныхъ нападокъ общественнаго мнънія, напитаннаго допотопными предубъжденіями, гд'в н'вть суда присяжныхъ изъ истинныхъ знатоковъ всякаго д'вла и всякаго искусства для воздаянія нелицепріятнаго суда всякому под'вламъ его, тамъ нътъ ничего опаснъе и даже гибельнъе, какъ изречение миъния, не сходственнаго съ общественнымъ, какъ смълое, открытое, благородное возстаніе противъ ужасной гидры предубъжденія, предразсудка и суевърія, освященныхъ, деифированныхъ» (обожествленныхъ) «за давностью ихъ внъдренія нев'єжественнымъ большинствомъ общества... И горька бываетъ часто судьба того, кто, подобно проповъдникамъ первыхъ въковъ христіанства, осмъливается убъждать нравственныхъ язычниковъ въ ничтожествъ предметовъ ихъ боготворенія, кто осмълится называть ихъ идоловъ не богами, а идолами. Милліоны рукъ на него поднимутся, дождь камней польется на него, и его, какъ учениковъ истиннаго Христа, обвинятъ въ проповъди безбожія, проклянутъ всенародно, какъ атеиста, и причтутъ въ заключение къ сонму свя-

¹⁾ См. о немъ Bourguin. Fourier, Р. 1905 (по указателю).

²⁾ Интересовалъ Петрашевскаго и вопросъ «о результатахъ размноженія человіческаго рода при настоящемъ положеніи вещей и общества».

³⁾ Очевидно вліяніе ученія Фурье. Ср. *Bourguin*. Fourier. p. 293.

тыхъ антихриста. Просимъ покорно послъ этого разсуждать и думать, говорить истину. Что станешь делать съ предубежденіями, где найти тоть судь, гдъ была бы принята на него апелляція противу приговора, имъ произнесенпаго. Patit exitus... страдай, гибни, несчастный, осмълившійся върнъе другихъ смотръть на предметы, ты осужденъ на мученіе, зачъмъ осмълился подумать объ истинъ, дерзнулъ внимать словамъ разума. Кто осмълится за тебя, осужденнаго какъ преступника, молвить слово защитительное, гдъ найдется тоть смылый адвокать, который дерзнеть, если не сказать, то хоть полумать о запретительномъ словъ истины, приговоренной къ торговой казни, къ ссылкъ на каторгу прежде предварительнаго слъдствія о дъйствительности ея виновности. Вотъ образчикъ общественнаго правосудія, сатанинской насмъшки надъ природою и человъчествомъ. Вотъ кодексъ общественной добродътели, вотъ сама добродътель — идеалъ высокій, истинный, начертанный рукою древнихъ философовъ человъческаго совершенства въ его осуществленіи. Вотъ вамъ патентъ, за который не взыскивается нигдъ привилегіальной таксы, грамота на общій почеть и уваженіе».

Эта тирада, въ которой находимъ и отрицательное отношеніе къ религіи, и признаніе необходимости суда присяжныхъ, о которомъ Петрашевскій такъ много думалъ и говорилъ впослѣдствіи, служитъ доказательствомъ, что, начиная пропаганду своихъ идей, онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какая судьба ему предстоитъ. Относительно религіи онъ записалъ еще слѣдующія темы: «Объ относительныхъ началахъ такъ называемой христіанской религіи или философіи». — «Въ чемъ состоитъ религіозное чувство и отчего тяжело разставаться съ нимъ и съ вѣрою. (Соотвѣтствіе себя съ природою)». Тутъ, быть-можетъ, уже сказывается вліяніе книги Фейербаха «Сущность христіанства», вышедшей въ свѣтъ въ подлинникѣ въ 1841 г. 1)

Въ связи съ теоретическими взглядами на религію Петрашевкій интересовался и практическими вопросами о положеніи чернаго и бѣлаго духовенства, о духовномъ образованіи, о преобразованіяхъ въ этой области, и вопросомъ «о вліяніи духовенства на развитіе Россіи въ умственномъ отношеніи». Онъ задумывался надъ тѣмъ, что слѣдуетъ «дать священно-служителямъ жалованье, отнять всѣ церковныя имущества ²) и ихъ самихъ сдѣлать совершенными чиновниками». Пестель также высказывался въ «Русской Правдѣ» за то, что духовенство должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками, съ тѣмъ, чтобы дѣти ихъ пользовались одинаковыми правами со всѣми гражданами. По мнѣнію Петрашевскаго, въ священники и монахи не слѣдуетъ поставлять ранѣе 25 или 30 лѣтъ. Пестель предлагалъ для этого значительно повышенные сроки: для поступленія въ бѣлое духовенство не ранѣе 40, а въ монахи даже не ранѣе 60 лѣтъ. Мона-

¹) Русскій переводъ ея подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго изданъ въ Спб. въ 1908 г.

²) Была, впрочемъ, тема и менъе радикальнаго характера: «Объ обложени земель церковныхъ и монастырскихъ податью».

стыри Петрашевскій хотѣлъ преобразовать въ богадѣльни. «Доходы духовенства со всею милостынею и т. п.» онъ предлагалъ ввести въ бюджетъ государственныхъ доходовъ. По его мнѣнію, «священникамъ и дьяконамъ необходимо имѣть общія медицинскія свѣдѣнія» и произносить проповѣди «о пьянствѣ и воздержаніи» отъ него. Кромѣ того, онъ записалъ мысль Орлова (съ которымъ, видимо, находился въ частыхъ сношеніяхъ) «о введеніи преподаванія въ семинаріи и духовныя академіи общихъ началъ права и преподаванія каноническаго въ особенности». Услышавъ отъ какой-то неизвѣстной ему дамы мысль о томъ, что слѣдуетъ требовать знанія грамоты для допущенія къ причащенію, онъ записываеть ее и отмѣчаетъ, что это было 8 мая 1843 г.

Петрашевскаго, какъ юриста, очень интересовали вопросы юридическіе, и особенно изъ области судопроизводства. Первою изъ «темъ для юридическихъ сочиненій» онъ отмѣчаетъ: «Сравнительное изложеніе европейскаго и русскаго... судопроизводства (tribunaux à portes ouvertes — это главное)» и нѣсколько далѣе ставитъ, какъ особыя темы: «О необходимости отправленія суда открытымъ, а не инквизитивнымъ образомъ, о преимуществахъ открытыхъ судовъ передъ закрытыми»; «о введеніи мирныхъ» (т.-е. мировыхъ) «судей»; о порученіи надзора за тюрьмами не полиціи, а гражданскимъ судамъ; «о негодности Свода Законовъ», «о строгой соотвѣтственности наказаній съ преступленіями и о выводѣ ихъ изъ сущности самыхъ преступленій» (затѣмъ перечислены четыре сочиненія — два англійскихъ и два нѣмецкихъ о смертной казни и одно французское о французскомъ уголовномъ кодексѣ).

Поживъ въ 1841 г. въ отцовской деревнѣ, Петрашевскій, видимо, заинтересовался не только практическими вопросами сельскаго хозяйства ¹), но, что гораздо важнѣе, и устройствомъ экономическаго быта помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ, въ тотъ же день Петрашевскій записываетъ такую тему: «Расчетъ о томъ, что необходимо для помѣщика имѣть запаханной земли количество по крайней мѣрѣ — и луговъ, — равное тому, которое отведено крестьянамъ, съ прибавкою количества земли на прокормленіе дворовыхъ» и ихъ семействъ «съ приращеніями». Въ николаевское время отведеніе крестьянамъ количества пахотной земли, почти равнаго съ помѣщичьею запашкою, считалось весьма для нихъ благопріятнымъ; обыкновенно количество послѣдней значительно превосходило размѣръ крестьянской пашни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (10 мая 1843 г.) Петрашевскій считаетъ необходимымъ разсмотрѣніе и болѣе общаго вопроса объ «образѣ устройства освобождае-

¹⁾ Какъ свидътельствуетъ запись, заимствованная (въ сентябръ 1842 г.) съ нъкоторыми измъненіями изъ «Отеч. Зап». 1842 г. т. 24, отдълъ «Хозяйство», стр. 1

мыхъ крестьянъ». Со временемъ мы увидимъ, какъ радикально желалъ онъ ръшить этотъ вопросъ.

Рекрутскіе наборы Петрашевскій, повидимому, котѣлъ замѣнить денежнымъ налогомъ (соотвѣтственное мѣсто написано не совсѣмъ ясно). Отмѣтимъ тему: «Общество доставленія работы бѣднымъ». Задумался Петрашевскій и надъ необходимостью театральныхъ представленій для народа, какъ видно изъ темы объ «играніи на театрѣ пьесъ въ извѣстные дни года для народа безденежно или за малую цѣну» и надъ вопросомъ «о томъ, какими должны быть народныя пѣсни въ настоящее время, чтобы имъ быть въ существѣ народными». Слѣдъ прежняго націонализма сказался въ темѣ: «О введеніи національной одежды». Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть тема: «О томъ, что пожаръ Москвы есть болѣе признакъ грубаго варварства, нежели истиннаго патріотизма, и показаніе..., въ чемъ долженъ состоять патріотизмъ».

Интересовать его также вопросъ «о значеніи журналистики въ отношеніи къ общественной жизни и томъ направленіи, которое она должна получить (или принять) въ скоромъ времени»; онъ желалъ обсудить планъ издательскаго общества вообще и въ частности изданія переводовъ хорошихъ иностранныхъ книгъ (ср. ниже проектъ его знакомаго Баласогло, прочитанный на одной изъ пятницъ Петрашевскаго.

Придавая великое значеніе воспитанію, онъ предполагаль составить плань «учрежденія новаго воспитательнаго учебнаго заведенія, откуда бы выходили люди — людьми и граждане — гражданами». Для этого онъ считаль необходимымъ написать сочиненіе о воспитаніи или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться съ подобными сочиненіями и, если возможно, «сдѣлать практическіе опыты о способахъ психологическаго развитія мышленія» 1). Любопытень еще слѣдующій вопросъ: «Какъ великъ капиталъ, утрачиваемый въ Россіи постоянно въ наше время въ формѣ знаній, или умственнаго образованія по неимѣнію возможности съ пользою примѣнить (ихъ). Разсужденіе психолого-политико-экономическое, основанное на математическихъ, физическихъ и нравственныхъ данныхъ».

Петрашевскій, видимо, чрезвычайно цѣнилъ «ясное изложеніе», считалъ необходимымъ обсудить его «методъ» и съ очевидною ироніею прибавилъ: «философъ долженъ быть теменъ — сказалъ Гегель» ²).

Интересовали его и вопросы личнаго времяпрепровожденія: есть тема о вредъ картъ (позднъе на одной изъ пятницъ Петра-

¹⁾ Есть и такая курьезная тема: опыты надъ цивилизаціей обезьянъ чрезъ бритье (воспитаніе) и развитіе du sentiment de la sociabilité».

²⁾ Тема: «что такое человъкъ въ одной идеѣ и съ идеей на прокать, пли свой смыслъ изъ чужой головы», вѣроятно, предполагала осмѣяніе уче-пыхъ и педантовъ.

шевскаго Момбелли читаль докладь на эту тему); есть и шутливая тема: «Защита обритыхъ бороды и усовъ отъ нападеній пев'єждъ. Философское, политическое, нравственное, религіозное и гигіеническое разсужденіе». Предполагалось обсудить и «что такое мода, и какъ должно ей сл'єдовать, или искусство од'єваться со вкусомъ».

Интересовали также Петрашевскаго темы изъ области технологіи и промышленности: о лампахъ, о соединеніи освѣщенія съ отопленіемъ, «дешевой системѣ пароходства и паровозства», о заведеніи бумажной фабрики, типографіи, о пряденіи льна машинами, о фаянсовомъ, гончарномъ и фарфоровомъ заводѣ, о заведеніи фабрикъ для удовлетворенія потребностей азіатскихъ и пограничныхъ съ Россіею народовъ, объ улучшеніи овечьей шерсти химическими и механическими способами 1). Но нѣкоторыя темы обнаруживаютъ интересъ и къ теоріи естествозванія, какъ, напр., изъ области физики.

Комиссія, разсматривавшая бумаги петрашевцевъ, доставляя въ слѣдственную комиссію по ихъ дѣлу этотъ «Запасъ общеполезнаго», отмътила въ немъ 19 темъ, «явно выказывающихъ преступное направление мыслей Петрашевскаго въ отношении политическомъ и нравственномъ». При этомъ прежде всего было указано приведенное выше разсуждение на тему: «неужели человъчество обречено на въчность застоя и умственнаго оцъпеньнія». На одномъ изъ допросовъ Петрашевскаго спросили, были ли имъ или къмъ-либо другимъ изъ его знакомыхъ написаны статьи на эти темы, и гдъ онъ были читаны. Онъ отвъчалъ, что онъ нигдъ не были прочтены, имъ было написано только то, что найдено въ его бумагахъ. Слъдственная комиссія въ своей запискъ о дълъ петрашевцевъ не только усмотрѣла, что «по окончаніи университетскаго курса либеральное направленіе стало еще болье укореняться» въ Петрашевскомъ, но даже нашла въ его замъткахъ «преступное стремленіе къ перемънъ нынъ существующаго въ Россіи порядка вещей».

Лѣтомъ 1844 г. Петрашевскій сдѣлалъ попытку начать педагогическую дѣятельность ²): вѣроятно, ему хотѣлось перемѣнить мало симпатичную ему должность чиновника на дѣятельность, которая дала бы возможность вести пропаганду среди юношества. Онъ обратился съ письмомъ къ главнозавѣдующему лицеемъ, принцу Петру Георгісвичу Ольденбургскому, въ которомъ просилъ

¹⁾ Повидимому, Петрашевскій задумываеть даже ніжоторыя практическія предпріятія. Такъ, онъ, между прочимъ, записалъ «о покупкі земель по московской дорогів (осмотріль Усова деревню), місто по Англійскому проспекту и о кирпичныхъ заводахъ, ассарагаде на топливо (уголь и дрова).

^{2) 16} октября 1844 года начальство выдало ему свидѣтельство о дозноленіи «заниматься въ свободные отъ службы часы преподаваніемъ уроковъ въказенныхъ учебныхъ заведеніяхт».

принять его на должность преподавателя юридическихъ наукъ въ лицеѣ¹), — мысль довольно неудачная въ виду прежнихъ отношеній его къ лицейскому начальству. Быть-можетъ, онъ возлагалъ надежды на то, что директоромъ въ это время былъ уже не Гольтгоеръ, а генералъ-майоръ Броневскій, но и онъ былъ лишь «добрымъ, исправнымъ службистомъ», который, однако, часто сажалъ лицеистовъ въ карцеръ²). По желанію принца Ольденбургскаго, новый директоръ, какъ онъ писалъ впослѣдствіи офиціально Дубельту, «входилъ въ ближайшее сношеніе съ Петрашевскимъ» (т.-е., вѣроятно, вызвалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ) «и, не найдя въ немъ надлежащихъ свойствъ къ занятію этихъ должностей», довелъ о томъ до свѣдѣнія принца, вслѣдствіе чего Петрашевскому было отказано въ его просьбѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября того же 1844 г. начальство лицея узнало, что нъкоторые изъ воспитанниковъ младшаго курса, а именно Алексъй Мих. Унковскій, извъстный общественный дъятель въ эпоху крестьянской реформы 3), Влад. Константиновъ и Александръ Бантышъ (въ то время уже выключенный изъ лицея за плохіе успѣхи въ ученіи), юноши 14 — 16 лѣтъ, находясь по праздникамъ у родствениковъ, изръдка посъщали Петрашевскаго, «не испросивъ», по словамъ директора», «на то позволенія у своихъ ближайшихъ начальниковъ (хотя, казалось бы, имъ и не было основаній спрашивать о томъ у начальства, особенно, если эти посъщенія были извъстны ихъ родственникамъ). Въ это время случилось еще слъдующее происшествіе: Унковскій, тогда 15-льтній юноша, отличавшійся остроуміемъ и уміньемъ міткимъ словомъ характеризовать слабости людей, написаль либретто къ оперъбуффъ (опереткъ) подъ заглавіемъ «Походъ въ Хиву», въ которой осмъивалъ лицъ, бывшихъ въ то время у власти. Подлинникъ былъ уничтоженъ, но копію нашли у одного лицеиста во время обыска, произведеннаго въ лицев въ 1844 г. Унковскій сознался, что онъ авторъ либретто. Неизвъстно, что случилось ранъе: былъ ли обыскъ слёдствіемъ раскрытія посёщеній Петрашевскаго тремя воспитанниками лицея, или, наобороть, это последнее обстоятельство обнаружилось при допросахъ по поводу найденнаго либретто. По словамъ Унковскаго въ его позднъйшихъ запискахъ, не удивительно,

 $^{^{1})\ {\}rm B}$ ъ 1843 г. это заведеніе было переведено изъ Царскаго Села въ Истербургъ.

²⁾ А. А. Рубецз. «Наставникамъ, хранившимъ юность нашу. Памятная книжка членовъ имп. Александровскаго лицея». СПБ. 1911 г., стр. 212. А. М. Унковскій также говоритъ о Броневскомъ: «человѣкъ добрый, но мало образованный,—одинъ изъ генераловъ того времени». «Русск. Мысль», 1906 г. № 6, стр. 185.

³⁾ Унковскій быль переведень въ лицей изъ московскаго дворянскаго института въ самомъ концъ 1842 или въ началъ 1843 г. и поступилъ въ первый (младшій) классъ.

что лицей могъ вызывать подозрѣнія, такъ какъ «не было ни одной запрещенной иностранной книги, которая бы не появилась «въ его ствнахъ» у малышей 14-15 лють» 1). Какъ бы то ни было, по офиціальному свидътельству директора, оказалось, что Унковскій и Константиновъ (Бантыша уже не было въ то время въ липеѣ) «были вовлечены въ знакомство» съ Петрашевскимъ «суетнымъ обаяніемъ новыхъ идей», которыми онъ «прельстилъ ихъ умы, далеко не имъвшіе достаточной зрълости, а еще менье опытности для наплежащей опфики ихъ. Вліяніе на нихъ этого знакомства обнаружилось въ особенности скептическимъ настроеніемъ мысли относительно предметовъ въры и существующаго общественнаго порядка, якобы несовмъстнаго съ благопенствіемъ люпей» 2). «Пиректоръ лицея», говоритъ Броневскій, «убъдясь, что А. Унковскій. особенно склонный къ подобнымъ увлеченіямъ и болъе товарища своего Вл. Константинова подчинившійся этому лжемыслію 3). могъ быть вреденъ для другихъ воспитанниковъ лицея», испросилъ согласіе принца Ольпенбургскаго на исключеніе его изъ завеленія. что же касается Вл. Константинова, то ръшено было «ограничиться тълеснымъ наказаніемъ, во вниманіе къ меньшей умственной зрълости его и къ чистосердечному раскаянію въ своемъ заблужденіи». Унковскій зам'вчаеть, что по тогдашнему времени онь отдівдался еще очень легко: могли бы сослать, отдать въ кантонисты, и утъщаеть себя тъмъ, что если бы не обыскъ 1844 г., то впослъдствіи онъ угодиль бы вм'єсть съ Петрашевскимь въ Сибирь.

Унковскій не сохраниль о лицев добрыхь воспоминаній; по его словамь, въ немъ были непрестанныя драки: «колотили учителей, побили инспектора Оболенскаго, въ последніе дни Царско-

¹⁾ Гр. Джаншіевъ, «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ». М., 1894 г., стр. 7—8; «Записки А. М. Унковскаго» въ «Русск. Мысли» 1906 г., № 6, стр. 186. Ср. слова Герцена, что университетская молодежь и даже царскосельскіе лицеисты въ срединъ 40 годовъ отличались совершенно реалистическимъ, т.-е. положительнымъ и научнымъ направленіемъ.

²⁾ Когда на допросъ въ 1849 г. въ слъдственной комиссіи Петрашевскому сообщили приведенную характеристику его вліянія на воспитанниковълицея и потребовали объясненія, онъ отвъчаль: «отъ этого не отрицаюсь», но впослъдствіи, по переходъ дъла въ военный судъ, Петрашевскій не призналь, что внушаль антирелигіозныя и противообщественныя мысли тремъ воспитанникамълицея, при чемъ прежнее признаніе объяснялъ своимъ бользненнымъ въ то время состояніемъ («тупоуміемъ и безпамятствомъ»), утверждалъ, что директоръ лицея Броневскій обвинилъ его, чтобы оправдать свой недосмотръ за воспитанниками, «изъ которыхъ одинъ, и какъ кажется Константиновъ, внучекъ Броневскаго, въ чемъ-то еще прежде свиданія» съ нимъ «попался», Петрашевскій требовалъ очной ставки съ лицами, о томъ показавшими, а также съ инспекторомъ лицея Миллеромъ и учителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ Геслеромъ.

³⁾ Въ журналъ конференціи лицея вина Унковскаго квалифицирована, какъ «безнраветвенное поведеніе».

Сельскаго лицея» (1843 г.) «разорили свой собственный садъ, поломали деревья и вообще показали себя порядочными вандалами». Относительно ученія онъ замѣчаетъ, что оно отличалось характеромъ разноязычнаго энциклопедизма ¹).

Унковскій быль одинь годь товарищемь по лицею М. Е. Салтыкова, который находился въ старшемь классё, когда Унковскій быль въ младшемь. Воспитанники старшихъ классовъ сближались съ младшими товарищами въ то время, когда дежурили въ низшихъ классахъ для надзора за порядкомъ. Салтыковъ, который зналь Унковскаго почти только въ лицо, пользовался общимъ расположеніемь, но относительно лицея онъ сохранилъ, какъ видно изъ его сочиненій, еще болѣе неблагопріятныя воспоминанія. Однако свидѣтельство Унковскаго о распространеніи въ лицеѣ запрещенныхъ сочиненій показываеть, что у многихъ его воспитанниковъ проявлялось то оппозиціонное настроеніе, о которомъ при Александрѣ І свидѣтельствовалъ извѣстный доносъ о лицейскомъ духѣ.

Несмотря на недопущение Петрашевскаго въ лицей въ качествъ преподавателя и воспитателя, несмотря на исключение Унковскаго и Бантыша и наказаніе Константинова, все же въ послъдующее затъмъ пятилътіе не порвалась связь лицеистовъ съ Петрашевскимъ, но, повидимому, лишь по выходъ изъ заведенія. Трое изъ нихъ-А. И. Европеусъ, Н. С. Кашкинъ (оба выпуска 1847 г.) и неокончившій курса лицея Н. А. Спъшневъ — пострадали впослъдствіи вмъстъ съ Петрашевскимъ, а кромъ того привленались къ слъдствію М. Е. Салтыковъ (выпуска 1844 г.), Н. Я. Данилевскій, извъстный публицисть, столь почитаемый неославянофилами (выпуска 1842 г.), Евг. И. Ламанскій, извъстный впослъдствіи директоръ государственнаго банка, А. П. Беклемишевъ, В. Р. Зотовъ, писатель (оба выпуска 1841 г.), Н. Д. Ахшарумовъ, извъстный романистъ (одного выпуска съ Петрашевскимъ, 1839 г.), Е. С. Есаковъ (выпуска 1844 г.), товарищъ Петрашевскаго по курсу Н. И. Кайдановъ, Энгельсонъ, впослъдствіи эмигрантъ и одно время пріятель Герцена, и Кузнецовъ (не окончившій курса въ лицев). Бывалъ у Петрашевскаго и Н. П. Семеновъ (выпуска 1842 г.), извъстный впоследствіи членъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дълу и ихъ лътописецъ, а также, какъ видно изъ показаній Петрашевскаго, и Вл. Степановъ, о которомъ онъ прибавилъ: «изъ лицея» 2).

^{1) «}Русская исторія преподавалась въ младшихъ классахъ на англійскомъ языкъ англичаниномъ Броуномъ, исторія греческой литературы на французскомъ языкъ французомъ Досси, нъмецъ Байеръ читалъ зоологію на нъмецкомъ языкъ».

 $^{^2)}$ О К. С. Веселовскомъ (выпуска 1838 г.) можно было бы здѣсь не упоминать, такъ какъ онъ лишь однажды, и то на короткое время, посѣтилъ Петрашевскаго.

Очевидно, была въ Петрашевскомъ какая-то притягательная сила, если съ нимъ стремились сблизиться бывшіе воспитанники лицея, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, которымъ они подвергались въ этомъ привилегированномъ заведеніи.

Чтобы покончить съ Унковскимъ, замѣтимъ, что сближеніе съ Петрашевскимъ не могло не оставить слѣда въ его міросозерцаніи: не даромъ въ своей обширной запискѣ объ уничтоженіи крѣпостного права, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ этого вопроса, онъ представилъ обширный планъ преобразованій и въ томъ числѣ введенія суда присяжныхъ 1), но ненависть къ крѣпостному праву сложилась въ Унковскомъ еще дома, въ родовой деревнѣ Тверского уѣзда, до поступленія въ московскій дворянскій институтъ, подъ вліяніемъ его воспитателя, бывшаго офицера саксонской службы въ наполеонской арміи, Ив. Ив. Энгельгардта.

Случай съ Унковскимъ и двумя его товарищами вызвалъ особенное вниманіе принца Ольденбургскаго, и онъ довелъ о немъ до свѣдѣнія тогдашняго генералъ-губернатора С.-Петербурга, А. А. Кавелина, при чемъ заявилъ, что пребываніе въ столицѣ Петрашевскаго кажется ему опаснымъ для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Кавелинъ вызвалъ къ себѣ инспектора лицея для личныхъ объясненій по этому предмету.

Не ограничиваясь сношеніемъ съ Кавелинымъ, принцъ Ольденбургскій заявиль шефу жандармовь, гр. А. Ө. Орлову, что Петрашевскій «говорунъ», и что его нужно «унять». Орловъ велълъ учредить надъ Петрашевскимъ секретный надзоръ и узнать, какого онъ «поведенія, какія знакомства, кто бываеть у него въ гостяхъ и чъмъ занимается». Оказалось, что онъ живетъ у Покрова, въ Коломнъ, въ собственномъ домъ, «поведение его тихое и благородное, но такъ какъ отъ отца, человъка скупого и своенравнаго, получаетъ весьма мало, кромъ того, что живетъ въ отцовскомъ домъ на всемъ готовомъ, то постоянно нуждается въ деньгахъ и отъ кредиторовъ его поступали жалобы въ полицію»; она «обращалась къ отцу», но тотъ «ръшительно отказался платить за сына. Отецъ Петрашевскаго живетъ довольно уединенно, а сынъ бываетъ болѣе въ кругу» своихъ «сослуживцевъ, которыми любимъ». Развъдыванія о Петрашевскомъ продолжались ²). Прошло около двухъ мъсяцевъ; Орлову доложили, что «наблюденіе» за Петрашевскимъ «по сіе время ничего... предосудительнаго не обнаружило», и велжно было снять напзоръ.

Повидимому, это была единственная попытка Петрашевскаго вступить на педагогическое поприще. Правда, впоследствіи (въ

¹⁾ См. А. И. Скребицкій. «Крестьянское дѣло» І, 785 — 799.

²⁾ Впослъдствін агентъ Шапошниковъ сообщиль со словъ дворника дома Петрашевскаго, что при жизни отца онъ все спориль съ нимъ о томъ, что нужны новые законы.

1843 г.) агентъ Антонелли доносилъ, что Петрашевскій, по его словамъ, «въ какомъ-то заведеніи держалъ пробную лекцію, и быль одобренъ, но проф. Петербургскаго университета Ивановскій «донесъ на него, что онъ желаетъ вступить учителемъ... съ цѣлью распространять между молодыми людьми идеи либеральныя, и вслѣдствіе этого доноса... ему учтиво отказали». Но возможно, что эту пробную лекцію Броневскій предложилъ Петрашевскому прочесть въ лицеѣ, а Ивановскій, бывшій тамъ профессоромъ, даль о ней неблагопріятный отзывъ.

Въ томъ же донесеніи Антонелли сообщаетъ еще относительно Петрашевскаго, съ его словъ, слѣдующее: «По поводу чтенія какого-то его сочиненія противъ правительства какимъ-то ученикомъ училища правовъдънія... принцъ Ольденбургскій писалъ о немъ въ III отдъленіе, и если онъ избавился отъ преслъдованія, то только потому», что, по его словамъ, «имълъ изъ третьихъ рукъ какое-то сочинение противъ Россіи, принадлежащее какому-то генералу, находившемуся» при III отдъленіи. «Этоть донось... принца Ольденбургскаго заставилъ его быть чрезвычайно осторожнымъ и разузнать о всёхъ лицахъ, которымъ правительство поручило наблюдать за подобными ему людьми». Въ дълъ Петрашевскаго въ ИИ отдъленіи есть только одно, приведенное выше, обращеніе къ гр. Орлову принца Ольденбургскаго въ 1844 г., и слово «говорунъ» болье соотвытствуеть разговорамь Петрашевского съ лицеистами, чъмъ разсказу о чтеніи какого-то антиправительственнаго его сочиненія. Поэтому всего въроятнье, что Антонелли перепуталь разсказь Петрашевскаго объ инцидент $^{\pm}$ въ лице $^{\pm}$ 1).

В. Семевскій.

(Продолжение слъдуеть).

¹⁾ К. К. Арсеньевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ училищѣ правовѣдѣнія свидѣтельствуетъ, что среди его «сверстниковъ, учившихся въ лицеѣ... было гораздо больше интереса къ политикѣ и литературѣ, чѣмъ между правовѣдами. Имена Сенъ-Симона, Фурье» автору этихъ воспоминаній «пришлось услышать въ первый разъ — въ самомъ началѣ 1850 годовъ — не отъ товарищей по училищу, а отъ лицеистовъ. Преданія, шедшія еще отъ пушкинскихъ временъ..., подлерживали между лицеистами такое умственное броженіе, къ которому правовѣды были совершенно непричастны». («Русск. Стар.» 1886 г, т. 50, стр. 201).

Театръ и зрители.

I. Русскіе зрители начала XIX в.

Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества и, могущественно дъйствуя на душу въ настоящемъ, оно неуловимо въ прошедшемъ. Такъ писалъ Бълинскій объ актеръ, и, конечно, до тъхъ поръ, пока техника не достигнетъ возможности запечатлъвать навъки не только звукъ голоса, оттънки волненій, жесты и мимику актера, но и тъ токи сочувствій, которые постоянно идутъ отъ зрительной залы къ сценъ и отъ сцены въ зрительную залу, — до тъхъ поръ полнаго представленія объ игръ когда-то возбуждавшаго столько восторговъ, но невидъннаго нами актера, мы имъть не будемъ.

Неполное представленіе, однако, остается, и въ этомъ отношеніи будущее не въ такой уже степени неблагодарно къ актеру. Въ рецензіяхъ, въ мемуарахъ, въ статьяхъ, посвященныхъ спеціально театру, мы находимъ матеріалъ для сужденія объ актеръ; мы узнаемъ, какъ онъ произносилъ ту или другую фразу, какъ жестикулироваль, гдъ поднималь голось, гдъ говориль шопотомъ. О знаменитомъ Мочаловскомъ шопотъ мы знаемъ не изъ одной статьи Бълинскаго. Но есть нъкто въ театръ, кто забывается почти совершенно, о комъ сохраняются ничтожныя воспоминанія, кто умираетъ, почти не оставивъ слъда, и кто необходимъ для сцены въ такой же степени, какъ одна половина ножницъ необходима для другой. Мы говоримъ о зрителѣ. Какую физіономію имѣлъ онъ въ данную эпоху, чѣмъ проявлялъ себя въ театрѣ, чего желаль, какими впечатлъніями жиль, изъ какихъ элементовъ населенія состояль, считаль ли театрь чімь-то важнымь и нужнымь или отдавалъ ему ничтожную часть своего времени, относясь къ нему только съ терпимостью? Всъ эти вопросы разръшаются необыкновенно трудно. Еще труднъе отвътить на вопросъ, какъ вліялъ театръ на зрителя, какія измѣненія вносиль въ его психологію,и обратно, какъ дъйствовалъ зритель на измъненія въ репертуаръ и въ игръ, какъ подъ его вліяніемъ измънялась физіономія театра и развивался актеръ. Въ рецензіяхъ, въ статьяхъ, посвященныхъ театру, даже въ мемуарахъ вы почти не находите отвъта на эти вопросы. Лишь въ незначительной части записокъ найдете вы характеристику театральной публики. Такіе драгоцѣнные въ этомъ отношеніи матеріалы, какъ записки Жихарева, передающія день за днемъ впечатлѣнія юнаго зрителя, или воспоминанія Аксакова, попадаются какъ рѣдкость. О психологіи зрителя приходится судить косвеннымъ путемъ, изслѣдуя репертуаръ, сопоставляя съ данными о состояніи общества, собирая мелкія крупицы намековъ, разбросанныя въ разныхъ запискахъ, воспоминаніяхъ, письмахъ. Объясненіе требованій зрителя и измѣненій въ его психологіи такимъ образомъ не будетъ лишено значительной доли произвольности.

Для первыхъ десятилътій (не боясь очень много ошибиться, можно сказать даже для перваго стольтія) русскаго театра трудности еще увеличиваются. Возникновеніе театра въ Петербургъ, какъ и позднъйшее его учреждение въ Москвъ не было результатомъ духовной дъятельности народа, чъмъ-то родившимся естественнымъ путемъ, какъ рождаются различныя върованія, какъ возникаютъ извъстные обычаи. По справедливому замъчанію Анненкова, «русскій театръ никогда не рождался, а былъ устроенъ сходно съ другими примърами сего рода». Волковъ былъ сынъ народа, но созданный, благодаря его иниціативъ, театръ не быль народнымъ дѣломъ, или, по замѣчанію того же Анненкова, «театръ явился безличнымъ и сохранилъ это качество, когда ревнители просвъщенія, ужаснувшись мысли, что россійскому государству недостаетъ театра, воспользовались готовымъ фактомъ и перевели его въ Петербургъ, снабдивъ приличнымъ помъщеніемъ». Итакъ, не рожденный, а сотворенный театръ не имълъ ни въ моментъ своего возникновенія, ни въ послідующія близкія эпохи той тъсной связи со зрителями, которая выражается въ воздъйствіи посл'єднихъ на эволюцію репертуара, на игру, на всю физіономію сцены. Не рожденный театръ занималь зрителей, но они долго смотръли на него, какъ на нъчто чужое, любопытное, но постороннее.

Къ этому надо прибавить вліяніе русской цензуры. Нигдѣ, можетъ-быть, не дѣйствовала такъ опустошающе страшно цензура, какъ въ области театра, гдѣ въ теченіе долгихъ десятилѣтій она совершенно препятствовала свободному развитію творчества, обрекая театръ на ничтожное существованіе. Уже много позднѣетой эпохи, о которой сейчасъ идетъ дѣло, въ 1847 году, Ө. Кони, отвѣчая на вопросъ, почему, несмотря на заботы правительства, въ нашемъ театрѣ такъ слабо все, — и пьесы, и публика, и критика, — отвѣчалъ: «Наша политическая жизнь слишкомъ молода, чтобы могла служить источникомъ для драмы... Наша жизнь

гражданская тъсно связана съ административной и не всъхъ пружинъ ея можно касаться въ драмъ... Драма изъ общественнаго современнаго быта въ настоящихъ его проявленіяхъ ръшительно невозможна; формы нашей жизни слишкомъ опредъленны и положительны, чтобы можно было допустить мысль, что страсти у насъ могутъ иногда шагать за показанные предълы... Итакъ, нашему театру остаются въ достояніе однъ драмы съ трескучими эффектами, безъ истины и силы моральной, съ громкими фразами, безъ внутренняго чувства, и водевили съ карикатурами, не изображающими, а корчащими общество, и исключенія изъ общихъ пьесъ народныхъ — pièces de genre. Весь обиходъ русскаго воображенія и юмора на сценъ ограничивается въ драмъ тремя общими характерами добродътельныхъ лицъ, двумя эпохами нашей исторической жизни, а въ комедіи двумя-тремя стереотипными формами мелкихъ чиновниковъ и купцовъ Щукина двора». (Репертуаръ и Пантеонъ театровъ 1847 г. «Театральная лѣтопись».)

При такихъ условіяхъ трудно было бы полностью воспроизвести физіономію зрителя, даже привыкшаго къ театру, даже требовательнаго и сознающаго свои требованія. Тёмъ болѣе трудно оно со зрителемъ, еще не опредълившимся, колеблющимся, незнакомымъ съ театромъ. Зритель, привыкшій къ театру, сроднившійся съ нимъ, постоянно предъявляетъ къ нему запросы, заставляя увеличивать ту сумму впечатленій, которая преподносится сценой. Постепенно, но не измѣняя себѣ, онъ стремится возвысить волну чувствъ, поднимающуюся на сценъ, передающуюся въ залу и бьющуюся въ готовыя воспріять ее груди слушателей. Неизб'єжное усиленіе эффектовъ, даваемыхъ сценой, неръдко ведетъ къ развитію новыхъ драматическихъ формъ, къ исчезновенію использованныхъ, иногда къ искаженію цълыхъ драматическихъ жанровъ. Въ жизни русскаго театра начала XIX столътія мы видимъ только одинъ примъръ, когда театръ начиналъ эволюціонировать подъ вліяніемъ требованій русскаго зрителя (я говорю о трагедіяхъ Озерова), но это быль исключительный факть, вызванный особыми историческими условіями, временно уничтожившими преграду между сценой и зрителями. Это былъ единственный примъръ, когда не сформировавшійся, не почувствовавшій еще свою молчаливо признаваемую власть зритель вліяль на быструю эволюцію опредъленнаго драматическаго жанра. Въ другихъ же случаяхъ мы такого яснаго вліянія не видимъ: эритель начала XIX столътія не требуеть оть репертуара быстрыхъ измѣненій, — онъ очень устойчивъ въ своихъ вкусахъ, и эта устойчивость показываетъ намъ мирную, наивную, любящую тихія слезы и отдъляющую театръ оть жизни публику. Лишь въ ръдкихъ случаяхъ она, эта публика, сливаетъ сцену со своимъ существованіемъ, и тогда для нея, какъ для непривычныхъ посътителей театра, нътъ разницы между иллюзіей и дѣйствительностью: она кричить, волнуется, хочеть принять участіе въ томъ, что происходить на сценѣ, бросаеть кошельки актерамъ, когда тѣ по пьесѣ производять сборъ на патріотическія нужды, подаеть реплики, превращаеть театръ въ «собраніе». Въ большинствѣ же случаевъ она смотрить на то, что совершается на сценѣ, какъ на чужое, и сочувствуеть этому чужому, не очень глубоко проникаясь его страданіями.

1.

И внъ театра, и въ театръ она чувствуетъ себя какъ бы стряхнувшей какой-то тяжелый кошмаръ. Еще такъ недавно и по улицамъ, и въ зрительной залъ она, по выраженію сатирика, «ходила опасно», даже исключительно опасно. Еще такъ недавно, еще въ 1800 году, она читала такое «распоряжение относительно театральной дисциплины»: «Его императорское величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣть изволилъ, во время послѣдняго въ Гатчинъ бывшаго театральнаго представленія, что нъкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки прежде уже отданныхъ приказаній по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда его величеству одобренія своего изъявлять было неугодно и, напротивъ, воздерживались отъ плесканія, когда его величество своимъ примъромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ»... «Почему принужденнымъ нашелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать входъ въ театръ и церковь, кромъ малаго числа имъющихъ входъ на вечернія собранія и, 'наказавъ удаленіемъ отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія, приказать соизволиль сділать приглашеніе всему городу для предосторожности жителей столицы»... («Русскій Архивъ» 1873 № 11.) Но и этимъ вновь приглашеннымъ приказъ грозилъ судомъ за возможныя провинности

Не одинъ гатчинскій зритель чувствовалъ надъ собой опасность неожиданностей, и когда эта опасность показалась устраненною, онъ почувствовалъ радость и восхищенно заплакалъ въ театрѣ... «Московскій Телеграфъ» уже въ 1829 году, характеризуя эту эпоху, говорилъ: «Тогда находили удовольствіе въ томъ, чтобы плакать, и когда плакали, то были веселы».

XIX вѣкъ засталъ русскій театръ и въ плачевномъ, и въ плачущемъ состояніи. Плачевнымъ онъ былъ и раньше и много позже, но плачущимъ въ такой степени, кажется, никогда. Было время какой-то удивительной отзывчивости на все слезоточивое, плаксивое и возвышенно-грустное. Щедринъ придалъ градоначальнику этой эпохи названіе Грустилова, наградивъ его любовью

видѣть, какъ токуютъ тетерева и такою же любовью смотрѣть, краснъя, какъ съкутъ дъвочекъ. Свойствами Грустилова была одарена театральная публика того времени. Восторженность соединялась съ готовностью лить слезы; способность стыдливо потуплять очи и краснъть съ потребностью присутствовать при жестокихъ зрѣлищахъ. Восторгались въ жизни, и эту способность къ восторженности передавали въ театръ слезами. Должно-быть, ни въ одну эпоху не было такого восторженнаго отношенія къ государю, какъ въ эти годы къ Александру Первому. Бывшій студентъ, молодой чиновникъ, большой любитель театра, С. К. Жихаревъ пишетъ въ своемъ дневникъ 2-го сентября 1806 года: «Сегодня, наконецъ, Богъ привелъ увидъть государя. Сколько дней ходилъ я всюду, чтобы гдъ-нибудь встрътить его, и никакъ не удавалось, но за нынъшній день насмотрълся на него вдоволь. Какая величавая наружность! Какой красавецъ, и ко всему этому — какая душа! Что за ангельское лицо и плънительная улыбка!.. Когда за объдомъ я объявиль семейству Лабата, что видъль государя, оно было въ восхищеніи. Эти добрые люди такъ ему преданы, такъ его любять, что не могуть иначе говорить о немь, какь съ величайшимъ восторгомъ и почти со слезами... Я недавно въ Петербургъ, а ужъ не отъ нихъ однихъ слышу подобные отзывы». «Я люблю чрезвычайно, — пишетъ въ ежемъсячномъ журналъ «провинціалъ», пріъхавшій въ Петербургь, — видъть нашего прекраснаго молодого императора и всю его высокую фамилію; никогда не могу насмотръться на нихъ и при этомъ случаъ ощущаю какое-то райское удовольствіе». (Аглая. Іюнь, 1810 г. Ст. «Провинціаль въ Петер-

Легко и съ любовью восхищаясь, посътители тогдашняго театра съ такою же любовью и легкостью плакали. Это было потребностью души, сердечной радостью, удовлетвореніемъ духовнаго голода. Плакали надъ пьесами Коцебу, надъ драмами Ильина и Өедорова. Это было время «Коцебятины», время, когда зритель требоваль отъ сцены слезъ, страданій, но, если можно, не непоправимыхъ страданій, а такихъ, которыя оканчиваются благодатнымъ плачемъ, облегчающимъ и радостнымъ. И для этого нужно было прежде всего, чтобы пьесы скользили по поверхности души зрителя, не задъвая глубинъ, чтобы онъ не оставляли долгаго слъда, чтобы, присутствуя въ театръ, зритель не переживалъ своей драмы, не слышалъ чего-нибудь нарушающаго привычный образъ его думъ, не возмущался неожиданностью высказываемыхъ мыслей и выражаемыхъ чувствъ.

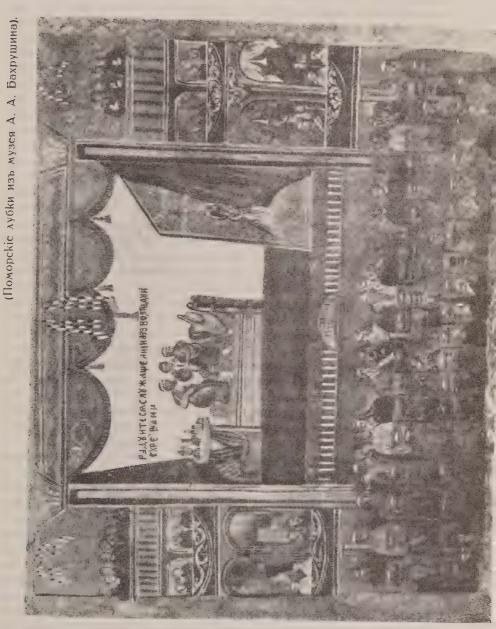
Онъ любилъ, конечно, и жестокія зрѣлища, какъ Грустиловъ любилъ присутствовать при поркѣ; но надо было имѣть увѣренность, что жестокость не относится къ нему, что на той сценѣ, которую лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ сливалъ съ

жизнью, говорится о чемъ-то, въ чемъ никогда онъ самъ, мирный и способный на недолгое бездъятельное сочувствее, зритель не будетъ участникомъ. Онъ требовалъ, чтобы трагикъ его потрясалъ и «страшность» образа считалъ однимъ изъ неоцѣнимыхъ свойствъ трагическаго актера; онъ требовалъ крика, неистовства, метаній по сценъ и надолго сохранилъ эти вкусы; но и крики, и вопли трагика воспроизводили не его чувства, не его страданія: они были выражениемъ чего-то отдаленнаго, о чемъ можно говорить, надъ чъмъ можно поплакать, но чему нельзя глубоко и долго сострадать. «Плавильщиковъ, — пишетъ Жихаревъ послъ представленія «Дидоны», — поразиль меня: это — рыкающій левъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли и особенно въ концѣ второго дѣйствія, онъ такъ былъ страшенъ, что даже у меня, привыкшаго къ ощущеніямъ театральнымъ, невольно билось сердце и застывала кровь; а о сестрахъ я уже не говорю: бъдняжки до смерти перепугались. По возвращеній изъ театра я записаль тъ мъста, которыя показались мнъ превосходнъе. Семейство князя Михаила Александровича, къ которому я входилъ въ ложу во время антракта, встрътило меня радостнымъ вопросомъ: «А каковъ нашъ Лекень?» — «Нечего и говорить», — отвѣчалъ я, — «превосходенъ». «Вотъ то-то же, а у васъ только и на языкъ, что Штейнсбергъ да мамзель Штейнъ».

Отъ трагическаго актера Яковлева публика требуетъ крика. По собственнымъ его признаніямъ, когда онъ пытался говорить «тихо, скромно, но съ твердостью», публика оставалась холодна; и только когда онъ «рявкалъ» тотъ же стихъ «инже самому стало совъстно», публика восторгалась и хвалили товарищи актеры.

Публика требовала «рявканья», «рыканья», потому что она желала отдаленія отъ жизни. Драма, близкая къ дъйствительности, чувства, вызываемыя обыденностью, ей еще казались недостойными сцены. Какъ неопытный читатель увлекается, главнымъ образомъ, тъмъ, что далеко отъ жизни, какъ не можетъ деревенскій житель, полуграмотный и темный, заинтересоваться описаніемъ своего быта, а находить удовольствіе въ «милордѣ глупомъ», отдавая этимъ дань своей несознаваемой эстетической потребности, такъ не можетъ неоформившійся зритель наслаждаться реальностью, находить въ «естественности» сцены ея достоинство. Именно неестественнаго, «рявканья», «рыканья», того, что далеко отъ «этой жизни вялой», ему и нужно. Было бы ошибкой предполагать, будто мысли о реальномъ театръ не приходили въ голову драматургамъ, будто наблюдение надъ дъйствительностью не представлялось благодарной задачей для сценическаго воспроизведенія. Такія мысли уже съ давнихъ поръ занимали умы писателей. «Я думаю, — говорилось еще во «Всякой Всячинъ», — что не въ однъхъ книгахъ должно держать правила, чтобъ русскимъ предста-

CAINDA HA TEATP B.

влять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ; ибо маркизъ на русскомъ театръ уши дереть, а къ свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываеть. Она хочеть видъть то, что ее ежечастно окружаетъ и чъмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые»... «Всякая Всячина» ошибалась: тетушка именно не хотела видеть того, что ее «ежечастно» окружало. Она хотъла «ужасаться» въ театръ, но не потому, что жизнь страшна, а потому, что жизнь вяла; она временно хотъла отрываться отъ нея и не желала ничего большаго. Въ театральныхъ рецензіяхъ начала XIX в. мы нерѣдко натыкаемся на требование естественности, но какъ только актеръ начинаетъ говорить просто, критика замъчаетъ: «Тонъ обыкновеннаго разговора неприличенъ для трагедіи въ стихахъ». (Цеттникъ, 1809 года, № 5.) Критика негодуетъ на «взятую изъ Мольерова театра» комедію «Фалалей Скотининъ» за ея полную нев фоятность. Она считаетъ невозможнымъ, чтобы русская дворянка выходила «середи бълаго дня, въ Москвъ на улицу для разговоровъ со своимъ любовникомъ, — поступокъ сей нельзя извинить ни вътренностью, ни легкомысліемъ и ничёмъ: порядочная горничная врядъ ли это сдълаетъ...» Приводя другія несообразности пьесы критикъ продолжаетъ: «Быть не можетъ, чтобы когда-нибудь русская мужичья дочь — не только русская дворянка — ръшилась на такую подлость...» (Цвютникъ, 1809 г., № 1.) Однако критикъ принужденъ сознаться, что пьеса имъла большой успъхъ: зрители смъялись и аплодировали. И обусловливался успъхъ пьесы именно ея невъроятностью, именно тъмъ, что зрители не хотъли реальности. Если бы публика на самомъ дълъ нуждалась въ воспроизведеніи дъйствительности на сцень, она добилась бы своего, и услужливые авторы, конечно, поторопились бы исполнить ея требованіе.

Желая «страшностей» въ трагедіи, смѣха въ невѣроятныхъ комедіяхъ, публика хотъла и другихъ зрълищъ, менъе пугающихъ, чемъ трагедія, но столь же далекихъ отъ жизни. Она хотела плакать, но плакать тихими слезами умиленія, — тъми слезами, которыя такъ ръдки въ жизни. Она не хотъла безпокоить себя какими-нибудь неожиданно возникающими сложными жизненными вопросами. Театръ долженъ былъ вертъться въ области чувствъ не тревожныхъ и не пугающихъ своими житейскими послъдствіями. Представить неразръшимыя коллизіи дъйствительныхъ, пугающихъ и въ жизни чувствъ театръ не смълъ: онъ не исполнилъ бы своего назначенія-быть мѣстомъ развлеченія и успокоенія. Долженъ ли былъ онъ морализировать? О, да, конечно; но мораль никогда не должна была удаляться отъ того, что принято, что усвоено зрителемъ и что соотвътствуетъ тому образу жизни и тъмъ обычаямъ, въ которыхъ выросъ зритель. Почему такъ нравились пьесы Коцебу? Что въ житейскихъ перипетіяхъ

его персонажей такъ волновало и притягивало къ себъ зрителей? Успъхъ обусловливался прежде всего нетребовательностью автора. Онъ не дълалъ никакихъ насилій надъ зрителями, не предъявляль къ нимъ излишнихъ требованій, не возлагаль на ихъ рамена слабыя бремена тяжкія. Онъ не вышибалъ ихъ изъ колеи обычной морали, не говорилъ зрителю: ты безиравствененъ, ты несправедливь, ты заблуждаешься. Напротивь, онъ повторяль: и ты хорошь, и твои близкіе хороши, и все, что ты любишь, хорошо, и какъ хороши тъ, кого я изображаю; взгляни на нихъ. посочувствуй имъ, умились ихъ благородствомъ, пролей слезы по поводу ихъ скорбей, порадуйся ихъ счастью. Бываютъ времена, когда успъхъ имъютъ произведенія дерзкія, требованія чрезмърныя, когда авторъ оскорбляетъ читателя или зрителя, когда онъ кричитъ ему, какъ въ извъстномъ разсказъ Горькаго: вы -- слъпые черви, о васъ ни пъсенъ не споютъ, ни сказокъ не сложатъ. И зритель, восторженно настроенный по отношению ко всему, что крушить и ниспровергаетъ существующее, съ бѣшенымъ азартомъ рукоплещетъ этому вызову и повторяеть: да, мы — слѣпые черви, — подразумѣвая, впрочемъ, что черви это -- рядомъ сидящіе, а онъ, слившійся съ авторомъ въ признаніи слѣпоты и негодности мѣщанъ, уже тъмъ самымъ сталъ выше и достойнъе ихъ. Въ дни успъха Коцебу ничего подобнаго не было. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» характеризовалось надеждами на переустройство, но эти надежды жили лишь въ небольшомъ кружкѣ, а огромная масса общества и большая часть тъхъ, кто приходилъ въ театръ, пе чувствовали нужды въ переустройствахъ и пересозданіяхъ. Хорошо или плохо складывалась жизнь, преобладали ли въ ней радости надъ печалями или наоборотъ, — все это казалось дъломъ личной судьбы, а не общественныхъ неустройствъ. Для большинства мирно настроенныхъ зрителей, не чувствовавшихъ въ глубокихъ тайникахъ души даже смутной склонности къ протесту противъ общихъ условій, громкіе протестующіе крики были бы или непонятны или возмутительны.

Жаждущій временнаго отръшенія отъ дъйствительности, зритель смотръль на театръ, какъ на всякое другое зрълище, какъ на нѣчто ему, зрителю, чуждое и лишь временно развлекающее. Между театромъ и, напримъръ, знаменитыми «выъздами» гр. Орлова все различіе было въ томъ, что выъздами только восхищались, въ театръ же восхищались, ужасались, плакали и соглашались съ моральными сентенціями авторовъ. Послушайте, какъ современникъ, постоянный посѣтитель театра, самъ неудачный драматургъ, Жихаревъ описываетъ катанье 1-го мая въ Сокольникахъ. «Впереди, на статномъ фаворитномъ конъ своемъ «Свиръпомъ», какъ его называли, ъхалъ графъ Орловъ, въ парадномъ мундиръ и объвъшанный орденами. Азіатская сбруя, съдло, мундштукъ и ченъ

ракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князъ Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной пошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго вельможи, съ такою блестящею свитой съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную».

Еще бы не дъйствовать! Конечно, дъйствуеть и привлекаеть. какъ привлекаютъ скачки, куда стекаются зрители, не какъ въ наше время съ надеждой выиграть или съ рискомъ проиграть, а исключительно съ желаніемъ посмотръть и полюбоваться, какъ ъздитъ гр. Орловъ, и какъ онъ «исчезаетъ». «Что ни говори, а графъ Орловъ — личность очень замѣчательная», резюмируетъ впечатдънія восторженный современникъ. Любовь къ зрълищамъ простирается до того, что вздять смотрыть освыщенныя окна и собравшіеся у подъёзда экипажи, когда нёть возможности попасть на самый балъ. «Мы съ Петромъ Ивановичемъ твадили взглянуть на освъщенныя комнаты дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пънника. Этопо-барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и алагренъ такъ и заставляють подпрыгивать»... Въ балахъ, вечерахъ, маскарадахъ, устраиваемыхъ богатыми людьми, видять какое-то служение обществу. «Преимущества богатства безцънны, достойны зависти, когда обращаются они къ пользъ или удовольствію цълаго общества. Примъръ того и другого видимъ мы 29 февраля въ маскарадъ, данномъ московской публикъ Петромъ Адріановичемъ Позняковымъ... Нътъ сомнънія, что одинъ, доставляющій удовольствіе тысячть, есть счастливь и что пользующеся ими благодарны. (Аглая, мартъ 1812 г. Статья «О прекрасномъ маскарадѣ»)... Привлекаютъ и кулачные бои, когда какой-нибудь «курятникъ» изъ Охотнаго ряда «Сычевъ съ трехъ ударовъ уничтожаетъ противника», за что публика накидываетъ побъдителю «чуть не полную шляпу» серебряныхъ рублей и поитъ его виномъ.

Театръ только одно изъ такихъ занятныхъ зрѣлищъ. У него есть публика постоянная, любители, видящіе каждую новинку и даже возвращающіеся смотрѣть ту же вещь, чтобы сравнить ак-

теровъ; есть и такіе, которые ничего не понимають и нуждаются въ разъясненіяхъ сосѣдей. «На партерной лавкѣ» купецъ пристаетъ къ сидящему рядомъ Жихареву: «Выйдетъ ли на сцену Сандунова, вопросъ: «Въдь это, батюшка, Сандуниха?»—«Да-съ».—«Вишь какая эдоровенная». — «Да-съ». Появится ли Волковъ: «Въдь это, батюшка, тотъ, что Тарабара представляетъ?»—«Да-съ».—«Вишь какой красноносый».—«А зачѣмъ же, батюшка, онъ въ парикѣ?»—«Такъ надобно-съ». «Этакой Марксбрунь. А позвольте спросить, мой отець, въдь это комедія, что ли?» — «Нътъ-съ опера». — «Такъ-съ»... Иногда одинаково непонимающіе зрители берутся другъ другу разъяснять, въ чемъ дѣло. «Брадатые», т.-е. купцы, титулуютъ безбородыхъ сосѣдей «благородіемъ», получая въ отвътъ снисходительное «братецъ». Въ Цвътникъ (апръль 1809) разсказывается сцена въ зрительномъ залѣ послѣ представленія «Танкреда» Вольтера. Вызывали Семенову, Яковлева, переводчика, автора. «Сперва показались зрителямъ г. Яковлевъ и г-жа Семенова, потомъ появился въ ложъ и переводчикъ; зрители всъмъ имъ рукоплескали. Автора! Автора! кричали еще нъсколько знатоковъ изъ райка и изъ партера; но надменный авторъ какъ будто глухой лежалъ покойно въ могилъ»... «Когда показался въ ложъ переводчикъ и когда еще нъсколько голосовъ требовали автора, то какой-то важный брадатый судія сказаль сидъвшему подлъ него въ партеръ молодому человъку: «Ваше благородіе! это не авторъ, я видълъ автора нынъ зимою, онъ совсъмъ не таковъ; это кто-то другой». Молодой человъкъ улыбнулся и отвъчалъ ему тономъ наставника: «Это, братецъ, переводчикъ, а авторъ или сочинитель былъ Расинъ, котораго уже бол ве пятидесяти лътъ нътъ на свътъ».

При темнотъ въ зрительномъ залъ публика теряетъ сдержанность. «Передъ самымъ представленіемъ такая поднялась въ темнотъ возня, что Боже упаси. Тамъ кричатъ: «ай!» Тамъ слышны: «ахь!» Тамъ чмоканье губъ; тамъ жалобы на невъжество, крикъ матушекъ и тетушекъ: «Что такое, Маша? что съ тобою Лиза». Тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: «да перестаньте!» Словомъ такая суматоха и такой соблазнъ, что мочи нътъ». Но по большей части публика ведетъ себя чинно, аплодируетъ сравнительно съ настоящимъ мало, вызововъ почти нътъ; кто удостоится одного вызова, долженъ это ценить, два-три вызова это-уже почти непрактикующаяся роскошь. Въ нѣмецкій театръ приходятъ женщины съ работой, съ вязаньемъ и въ чувствительныхъ мъстахъ вытираютъ слезы косынкой или чулкомъ, за вязанье котораго принимаются, успокоившись. Въ русскихъ театрахъ чувствительность проявляется иначе. «Я не въ состоянии объяснить, какое непріятное дъйствіе производить это безпрерывное чиханье и сморканье, этотъ безпрестанный кашель райской и даже партерной публики русскаго театра во время патетическихъ сцень драмы или трагедіи,—жалуется Жихаревъ,—мнѣ кажется, можно бы изъ уваженія къ другимъ посѣтителямъ какъ-нибудь и скрыть свою чувствительность, проявляющуюся въ такихъ непристойныхъ симптомахъ». «Драматическій Вѣстникъ»,—театральный журналъ, издававшійся въ 1808 году,—очень недоволенъ присутствовавшей въ театрѣ публикой. «Партеръ нашъ,—говоритъ журналъ въ № 30,—въ комическихъ мѣстахъ или трогательныхъ положеніяхъ смѣясь или плача, никогда почти не изъявляетъ своего благоволенія рукоплесканіемъ; напротивъ же, когда услышитъ что-нибудь бранное противъ иностранцевъ, какое-нибудь двусмысленное слово, къ мѣсту или не къ мѣсту вклеенное поученіе, то хлопанье въ ладоши раздается по всему театру».

Изъ кого состояла театральная публика? Трудно отвътить на вопросъ вполнъ опредъленно. Позднъе, во второй части стольтія, мы уже въ состояніи разсказать, кто сиділь въ разныхъ містахъ зрительной залы, кто какъ держалъ себя во время представленія: тогда составъ публики уже зафиксировался. Теперь постоянныхъ посътителей мало; но уже есть они, есть театралы-любители, хотя ихъ еще сравнительно небольшой кружокъ. Большинство состоитъ изъ случайныхъ посътителей. Въ первыя времена русскаго театра актеры, какъ Дмитревскій и другіе, «имѣли судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его (т.-е. парижскихъ актеровъ) видъли». Но въ началъ XIX въка дъло обстояло иначе: «Самая малая часть въ ней (въ публикъ) принадлежала къ среднему состоянію, остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни». («Записки Ф. Ф. Вигеля», т. II, стр. 51—52.) «Русскій нашъ театръ, —писаль тотъ же авторъ, быль оставлень толив прівзжихъ поміщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тощій нашъ репертуарь ей казался неистощимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемыя передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина, національныя оперы: Мельникъ, Сбитенщикъ, Розана и Любимъ, Добрый солдатъ, Оедулъ съ дътьми, Иванъ-Царевичъ» («Записки Вигеля», т. I, стр. 154).

Эта, состоявшая изъ «прівзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ», публика ставила свои посѣщенія театра въ зависимость отъ самыхъ разнообразныхъ условій: отъ времени года, отъ торговихъ дѣлъ, отъ погоды, состоянія дорогъ, дешевизны или дороговизны извозчиковъ. Октябрь — мѣсяцъ, который теперь уже является разгаромъ театральнаго сезона, когда столицы полны, театры не вмѣщаютъ всего количества желающихъ, тогда былъ самымъ скуднымъ для театральной кассы мѣсяцемъ. Помѣщикъ въ это время сидѣлъ въ деревнѣ и ждалъ снѣга, который открылъ бы дорогу въ столицу. Въ 1818 году (а въ этомъ отношеніи начало столѣтія не отличалось отъ 1818 или 20 года) управляющій московскими театрами А. Д. Майковъ возражалъ противъ гастролей Семеновой въ

Москвѣ между прочимъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: «Для самой г-жи Семеновой нѣтъ никакой выгоды быть здѣсь въ концѣ сентября и октябрѣ мѣсяцахъ, ибо никогда не бываетъ городъ малолюднѣе этого времени. Купечество развлечено ярмарками, кои большей частью бываютъ по осенямъ въ разныхъ мѣстахъ. Дворянство, сколько по распутицѣ, столько же и для учрежденія дѣлъ, послѣ сбора хлѣба остается до перваго пути въ деревняхъ. Самая грязь въ городѣ и дороговизна извозчиковъ дѣлаютъ, что въ театрѣ собирается людей менѣе» (Погожевъ, книга первая, стр. 252).

Къ актерамъ этотъ прівзжій издалека поміщикъ или купець не можеть, конечно, относиться такъ, какъ постоянный посътитель театра. Но и любители, и уже сформировавшіяся группы театраловъ обнаруживаютъ къ артистамъ какое-то двойственное отношеніе. То актеръ является для нихъ полноправнымъ членомъ общества, постояннымъ посътителемъ гостиныхъ и столовыхъ въ домахъ титулованныхъ господъ; онъ громко разсуждаетъ и не стъсняется; то онъ въ пренебреженіи, шактерское ремесло презрѣнное, унизительное для чиновника и человъка общества; иногда въ актеръ онъ вспоминаетъ раба и не протестуетъ, когда къ рабу примъняется способъ физическаго воздъйствія. У князя Долгорукова, на объдъ, Жихаревъ встръчаетъ актеровъ Плавильщикова, Померанцева, Ураносова и Злова. «Ораторствовалъ Плавильщиковъ». И не видно со стороны любителей театровъ, такъ же какъ со стороны другихъ, ни малъйшаго пренебреженія къ актеру. Напротивъ, Плавильщиковъ совершенно свободно излагаетъ свои мысли и импонируетъ присутствующимъ. Правда, онъ дворянинъ, окончилъ университеть; онъ-авторъ и актеръ. Но и другіе почитаются. Когда Жихаревъ идетъ къ артисту Яковлеву, онъ полонъ почтенія къ нему: можно подумать, что онъ имъетъ дъло съ начальникомъ. Актриса Семенова обдаеть любителя театровъ такой высокомърностью, что онъ болъе не отваживается къ ней обращаться. Да и выходить она потомъ замужь за князя Гагарина, сливая артистическій міръ съ міромъ аристократическимъ. Все говоритъ какъ бы за признаніе актера своимъ челов вкомъ въ кругу любителей театра. Но вотъ нѣкто изъ «своего круга», студентъ Граве, которому предстоитъ хорошая чиновничья карьера, захотёлъ актерствовать. Этого нельзя допустить, нельзя дать человъку «погибнуть»; надо употребить всв усилія, чтобы оторвать его оть пагубной мысли. «Завтра же, —ръшаетъ заботливый товарищь, —отправлюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобы не допускать такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, студентъ, получившій золотую медаль и котораго имя, какъ отличнъйшаго воспитанника, осталось на золотой доскъ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частью передъ

вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отчего съ ума сойти!» Уговоры не дъйствують; убъдить театральную администрацію не удается; доброжелатели несчастнаго студента ръшаются прибъгнуть къ свисткамъ, чтобы разъ навсегда отучить заблудшаго товарища отъ мысли едѣлаться актеромъ: «авось, свистки отучать его отъ паясничества». Единственная уступка, которую делаеть оскорбленнымъ товарищамъ Граве, заключается въ измѣненіи имени: онъ будетъ выступать не подъ своей фамиліей, а подъ именемъ Nemo. Настаетъ назначенный день дебюта. Доброжелатели Граве готовятся свистать. Но неожиданно для нихъ дебютантъ оказывается до такой степени талантливымъ, такъ хорошо играетъ, такъ забавляетъ публику, такъ великолъпно загримированъ, что «публика встрътила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять». «Мы (товарищи Граве, доброжелатели) было хотъли пошикать и посвистать, -- куда тебъ! Никто изъ насъ не въ состояніи быль сжать губъ отъ смѣха... мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находипись въ припадкъ истерическаго конвульсивнаго смъха... Всъ находившіеся на сценъ актеры не могли воздержаться отъ хохота... Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймейстеръ В., хотя и самъ помиралъ со смёху, принужденъ быль обратиться къ публикѣ съ просьбой объ ум'треніи своего восторга»... Къ счастью для товарищей, дебютомъ Граве все дѣло и ограничилось: хорошій студенть, будущій чиновникъ, самъ отказался отъ предположеннаго актерства.

И такъ же неодобрительно отзывается Жихаревъ о женитьбъ на актрисахъ. «Сегодня, — разсказываетъ онъ 10 сентября 1806 года, — неожиданно посътилъ меня прі хавшій изъ Петербурга Бахертъ, чиновникъ, очень порядочный, который, по страстной любви къ мадамъ Кафка, намъренъ на ней жениться и вступить въ актеры. Нечего сказать, охота пуще неволи!.. Не думаю, однакожъ, чтобъ Бахертъ сдълалъ глупость жениться на актрисъ, и еще на какой? на актрисъ раг excellence. Потолкуютъ и будетъ съ нихъ».

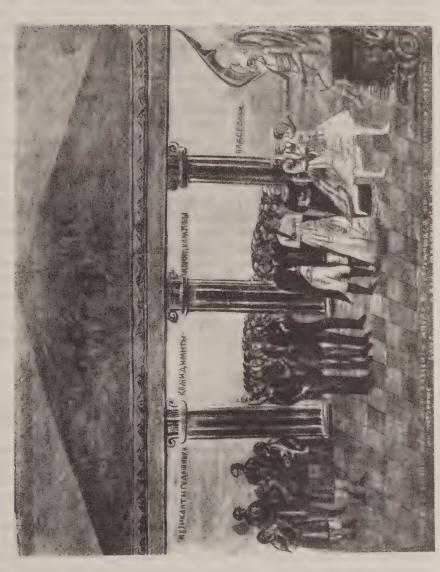
Отношенія къ актерамъ отличаются двойственностью и не потому только, что самое ремесло актера не успѣло завоевать уваженія, но и потому, что актрисы комплектуются въ значительной части изъ крѣпостныхъ. Противъ ихъ именъ на афишахъ не ставятъ буквы г., которая предшествуетъ именамъ болѣе ихъ счастливыхъ товарищей не изъ крѣпостного состоянія. Уваровъ, Куровъ, Баранчеева, Лисицына—лишены почтенной буквы г., «и когда они зашибаются, что,—говоритъ современникъ,—случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода». Какого рода выговоръ, видно хотя бы изъ письма того же Жихарева отъ 18 октября 1805 года, обѣщающаго разсказать «исторію о томъ, отчего изъ двухъ актрисъ, сестеръ Лисицыныхъ, старшая сдѣлалась госпожою Бутенброкъ и почему она передъ самымъ вѣнчаніемъ была высѣчена

розгами». Съчение практиковалось и много поздиже, но къ нему тогда уже само начальство относилось какъ къ чему-то унизительному и недопустимому въ артистической семьъ. Въ 1815 году музыкантъ Московскаго театра изъ столыпинскихъ крѣпостныхъ Тимовей Фроловъ Муромцевъ убѣжалъ изъ Москвы, прожилъ долго въ Костромской губерніи, гдъ занимался обученіемъ игръ на фортепіано пом'вщичьихъ дітей. Пойманный, онъ объясниль: «цітью побъга сего было дабы укрыться отъ начальства». Такъ какъ Муромцевъ, кромъ побъга, обвинялся въ покражъ фортепіано и такъ какъ онъ былъ нуженъ въ оркестръ, какъ хорошій музыкантъ, то о немъ завелась длинная переписка. Начальство не сомнъвалось, что въ данномъ случат безъ тълеснаго наказанія обойтись никакъ невозможно, но «если онъ послъ публичнаго тълеснаго наказанія, которому можеть быть подвержень, возвратится въ театръ, то не можеть быть помъщенъ ни въ оркестръ, ни въ другія должности по театру употребленъ». Петербургское высшее начальство вмъстъ съ московскимъ управляющимъ нашло выходъ изъ затрудненія: «Хотя преступленія музыканта Муромцева и заслуживають законное и примърное наказаніе, но изъ уваженія къ званію артистовъ, Контора, по представленію Вашего Превосходительства, соглашается дабы оный Муромцевъ былъ наказанъ отцомъ келейно, со всею строгостью, и послѣ посажень подъ строгій аресть, но гдѣ и на сколько времени-сіе представляется на благоразсужденіе Ваше. Въ случать если и послть сего наказанія оный Муромцевъ не исправится, то будеть отдань въ солдаты. О чемъ благоволите приказать ему объявить» (В. П. Погожевъ. «Столътіе организаціи Императорскихъ московскихъ театровъ», книга вторая, стр. 276—282).

Прівзжій поміщикь, купець, вздившій по ярмаркамь, еще въ провинціальныхъ городахъ им возможность вид втихъ кр впостныхъ артистовъ. Они видъли, что «все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увъряли, будто на лицахъ сквозь румяна и бълила были иногда замътны синія пятна» («Записки Вигеля», т. II, стр. 69). Зритель зналь, что «на благоразсужденіе» ближайшаго начальства отдавались не одни кръпостные актеры. Каждый разъ, какъ возникало недоразумъніе между актеромъ и поставленнымъ надъ нимъ начальствомъ, послъдніе указывали на отсутствіе у актера правъ. Артистка Елизавета Горбунова, выходя въ отставку и явясь въ контору вмѣстѣ съ теткой своей, «россійской актрисой Баранчеевой», отказалась подписать обязательство не играть на общественныхъ и частныхъ сценахъ. «Мнъ не оставалось другого способа, — рапортовалъ управляющій московскими театрами А. А. Майковъ главному директору, — какъ за дерзость сію и за ослушаніе передъ симъ ею учиненное въ непринятіи ролей въ наказаніе посадить ее (Баранчееву) въ контору». Генералъ-губернаторъ

CATUDA HA TEATP B.

(Поморскіе лубки изъ музея А. А. Бахрушина).

ПодписЪ вверху: "ИЗзыпантим гЗденриви комидианты плаканицый". ПодписЪ внизу: "Придете во лие чада моведнаа лиого во потрединила ли предя человецы и сотворите ли

Ростопчинъ, которому была подана жалоба, призналъ дѣйствія Майкова правильными (В. П. Погожевъ, книга первая, стр. 141). Тотъ же Майковъ, какъ видно изъ записокъ Каратыгина, заставилъ игратъ смертельно больного актера Кондакова подъ угрозой отставки отъ службы; Кондаковъ игралъ и умеръ на сценѣ («Записки П. А. Каратыгина», стр. 113). Властъ болѣе высокихъ начальниковъ была безгранична. Изъ тѣхъ же записокъ Каратыгина мы узнаемъ объ участи несчастной Новицкой, умершей отъ страха передъ всесильнымъ Милорадовичемъ, угрожавшимъ посадить се въ смирительный домъ («Записки Каратыгина», стр. 85).

Положимъ, непріятности могли случаться и со зрителемъ. Тотъ же Милорадовичъ сначала запретилъ Катенину входъ въ театръ въ дни, когда играетъ Семенова, а потомъ и совсѣмъ выслалъ изъ столицы за неугодные всесильной актрисѣ Семеновой вызовы. Но это лишь убѣждало зрителя, что есть что-то двойственное въ самомъ существованіи актера: съ одной стороны, «синія пятна», порка передъ самымъ вѣнцомъ, съ другой стороны, власть, простирающаяся до того, что въ угоду актрисѣ высылаютъ извѣстнаго человѣка изъ столины. И зритель убѣждался, что въ немъ, въ этомъ представляющемъ графовъ, князей, принцевъ столичномъ актерѣ скрытъ не крѣпостной, и не власть имущій человѣкъ, а что-то непонятное, далекое отъ обычной жизни и потому необычайно пригодное для изображенія передъ нимъ далекихъ по обстоятельствамъ существованія, но близкихъ по сентенціямъ пьесъ Коцебу, Ильина, Өедорова и другихъ.

2.

Онъ, эти пьесы, переносили въ міръ необыкновенно благородныхъ существъ, благородныхъ чувствъ, благородныхъ мыслей и по большей части благороднаго происхожденія. Онъ заставляли плакать и умиляться надъ доброд втелью челов вчества, надъ прекрасными чувствами, въ немъ разсыпанными. Но, странное дѣло, изъ этого міра благородныхъ, чувствительныхъ, плачущихъ, умиляющихся графовъ, князей, принцевъ, признательныхъ «поселянъ» и добродътельныхъ слугъ было необыкновенно легко перейти въ привычный міръ крѣпостныхъ отношеній, «синихъ пятенъ», жестокой порки. Послъ умиленія надъ благодарностью признательныхъ слугъ легко было «стараго Гаврилу за измятое жабо хлестать въ усъ да въ рыло». И не только, несмотря на умилительныя драмы, но какъ-то въ связи съ ними, съ молчаливаго ихъ разръшенія. Театръ Коцебу, театръ его русскихъ подражателей былъ въ полномъ соотвътствіи съ тъмъ, къ чему привыкли эти прітхавшіе изъ дальнихъ странъ, долго ждавшіе первопутка, покончившіе съ хлѣбомъ помѣщики, эти постоянные театралы, изъ жаждавшихъ повышенія чиновниковъ, стремившихся написать, наконецъ, о давно желанномъ производствѣ въ далекія помѣстья родителямъ, которые изъ-за радостной новости должны были прислать двойную порцію провизіи, денегъ и родительскихъ поцѣлуевъ. Вся эта городская жизнь, всѣ эти зрители, и случайные и постоянные, были въ непосредственно близкой связи съ деревней, съ ея «устоями», съ ея воззрѣніями; и въ такой же связи съ ея устоями и воззрѣніями стояли представляемыя пьесы. Онѣ были далеки отъ дъйствительности, но онѣ стояли въ непосредственной зависимости отъ нея, поддерживались ею и поддерживали ее.

Коцебу вмъстъ со зрителями стоялъ за мораль, носящую названіе прописной. Хорошо быть благороднымъ, т.-е. не помнить зла и творить добро; хорошо быть благодарнымъ, т.-е. помнить благодъянія; хорошо предпочитать деревенскую простоту городской роскоши; хорошо не имъть гнъвныхъ чувствъ къ родственникамъ. Все это хорошо не только какъ исполнение нравственнаго требованія, неоспоримаго и несомнъннаго, но хорошо даже по своимъ непосредственнымъ результатамъ, потому что награда за всѣ эти прекрасныя качества наступаеть уже эдёсь, въ земной жизни. Изъ добродътельныхъ, достойныхъ, честныхъ людей, помнящихъ и исполняющихъ только что указанную мораль, никто не гибнетъ, никто не дълается несчастнымъ. Гибнутъ только герои, - такіе какъ Баярдъ, который, помимо общихъ добродътелей, раздаетъ имущество и сражается за добродътель. Героями, понятно, не могутъ быть всв люди; поплачемъ надъ героями и умилимся надъ судьбою остального человъчества. Оно почти все добродътельно; а все добродътельное получаеть земную награду. Если несчастное стеченіе обстоятельствъ принуждаетъ добродътельныхъ людей испытывать горе, -- а это часто бываеть и это заставляеть проливать слезы зрителей, — то, будьте увърены, что сами обстоятельства почти безъ участія добродѣтельныхъ героевъ, повернутся въ ихъ пользу. Если кто-нибудь, несмотря на свою добродътель, потеряль сына или дочь, — не такъ потерялъ, какъ это случается въ жизни, т.-е. отъ болъзни или отъ другихъ напастей, безвозвратно уносящихъ дорогое существо въ иной міръ, а просто (для Коцебу это просто) имѣлъ и потерялъ, какъ теряютъ вещь — то, будьте увѣрены, что пройдуть годы и потерянное найдется; оно откроется въ тотъ мигъ, когда, казалось, существование не представляло уже никакихъ радостей, когда неожиданныя перспективы новаго счастья вдругъ придадутъ жизни сладостное очарованіе. И какъ не плакать умиленными и радостными слезами надъ счастьемъ этого награжденнаго добродътельнаго человъка?! Какъ не сочувствовать, не трогаться до глубины души, когда въ «Ложномъ стыдъ» сестра совътника послъ многихъ годовъ отсутствія, потерявъ много-много дътъ назадъ дочь, приходить въ домъ своего брата и находить здъсь неизвъстную сироту, которую брать призръль, не зная, чья она и какъ ея имя; и это счастливое совпаденіе возвратившейся сестры, найденной дочери, призръвавшейся сироты со всеобщей доброжелательностью и отсутствіемъ злобы трогало зрителя до слезъ. Въ «Бланкъ фонъ Монфоконъ» пустынникъ, благородный человъкъ благороднаго происхожденія, когда-то имълъ родовой замокъ, имълъ благопріобрътенную семью; замокъ у него отняли, дочь была утеряна. Прошли годы; нынъшній владътель замка, не знавшій о насиліи, произведенномъ надъ имъніемъ былого владъльца, нынъшняго пустынника, тоже потеряль замокъ. Но благопріятное стеченіе обстоятельствъ и любовь крестьянъ возвращаетъ благородному человъку все его имущество и въ томъ числъ замокъ, который онъ благородно передаетъ прежнему владъльцу. Одновременно съ этимъ пустынникъ находитъ дочь.

Понятно что въ міръ, гдъ такъ легко исчезають и находятся дъти, гдъ пропажа трогаетъ и печалитъ до слезъ, а нахождение до слезъ радуетъ и умиляетъ, — въ этомъ мірѣ очень много «неизвъстныхъ». Они пришли неизвъстно откуда, таятъ въ себъ неизвъстно что, и эта неизвъстность, эта тайна волнують, заставляють насторожиться, подготовляють къ развязкъ, которая неизбъжно должна взвинтить нервы и вызвать слезы зрителей. Кто они, эти неизвъстные? Можетъ-быть, потерянныя при неизвъстныхъ обстоятельствахъ дъти, можетъ-быть бъжавшіе отъ горькихъ испытаній мужи, можетъ-быть, злодёи? Нётъ, только не злодёи. Зачъмъ мучить напрасно, зачъмъ пугать зрителя, зачъмъ показывать ему жизнь какъ западню, устраиваемую злодъйскими силами? Неизвъстность есть, тайна существуеть, но это - тайна добродътели, ожидающей времени, чтобы проявиться во всей силь, чтобы потрясти зрителя своимъ величіемъ, растрогать его своей красотой. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» называется также «Баронъ Мейнау»; необходимый въ то время союзъ «или» соединяетъ оба названія. Пьеса могла бы называться «Неизвъстные или благородный баронъ Мейнау и его супруга», потому что неизвъстные главныя лица. Это неизвъстный ненавидить людей до такой степени, что бъжитъ отъ нихъ; это онъ не допускаетъ къ себъ никого, это онъ произноситъ печальные монологи о человъчествъ. Но, ради Бога, не думайте, что ненависть къ людямъ порождаетъ преступленіе. Неизв'єстный, ненавидящій людей, помогаеть б'єднымъ, думаетъ о нихъ, заботится, бросается въ воду для спасенія чужой жизни, рискуєть собой и не принимаєть благодарности спасенныхъ. Своей заботливостью онъ привлекаетъ къ себъ сердца, о немъ шлетъ молитву къ небу бъднякъ, къ нему привязывается всей душой его върный слуга. Не бойтесь такой неизвъстности, не пугайтесь такой ненависти къ людямъ... А жена барона Мейнау, Эйлалія? Пускай она въ свое время совершила проступокъ противъ

върности мужу, но, Боже мой, какую мучительную и, прибавьте, добровольную пытку должна была она вынести, чтобы превратиться въ ту добродътельную неизвъстность, которая плодитъ добро, скрывая его отъ другихъ. Бросивъ свътъ, явилась она подъ именемъ г-жи Миллеръ къ графинъ Винтерзее и попросила гостепріимства. Графиня не спрашивала. кто неизвъстная, въ чемъ ея мученія, откуда она прошла, — она просто (до чего все это просто) приняла незнакомку, и немедленно, въ тиши, въ тайнъ отъ всъхъ послъдняя начала помогать бъднымъ, заботиться о несчастныхъ. Она молчала о своихъ благодъяніяхъ, но не могли молчать о нихъ бъдняки, становившіеся, благодаря имъ, счастливыми. Они громко заявляли о благородствъ сердца, о возвышенности дъйствій неизвъстной и неизвъстнаго и, благодаря ихъ крикамъ, узнавали о нихъ и умилялись другія дъйствующія лица, узнавали и умилялись зрители.

Можно подумать, что весь міръ состояль наполовину изъ неизвъстныхъ. Зрители, знавшіе малъйшія детали частной жизни своихъ знакомыхъ, легко принимали неизвъстныхъ въ театръ. они освоились съ ними и любили ихъ. Въ «Серебряной свадьбѣ» неизвъстный является въ маленькое селеніе на границъ съ королевствомъ, гдъ онъ занималъ важный придворный постъ. Его ищутъ враги, но имъ и въ голову не приходитъ найти бывшаго всесильнаго придворнаго здёсь, рядомъ, подъ скромной одеждой крестьянина; не приходить и никому изъ крестьянь въ голову, кто этотъ пришлецъ, почему онъ «сълъ на землю» и въ потъ лица добываетъ хлъбъ свой. Гдъ придворный научился пахать землю, зрители не спрашивали; тъмъ менъе спрашивали дъйствующія лица пьесы: достаточно, что онъ былъ добродътеленъ, кротокъ и счастливъ. Онъ женился, но вышедшая за него дъвушка не знала, кто онъ, откуда пришелъ, чъмъ занимался раньше; прошло 25 лътъ, и она не полюбопытствовала узнать большія подробности въ его предшествовавшей біографіи. Она не полюбопытствовала, но полюбопытствовали зрители: для нихъ неизвъстность представляла притягательную силу, возбуждала вниманіе, подстрекала интересъ, побуждала къ волненіямъ раньше, чёмъ поводъ къ нимъ обнаруживался яснъе. И авторъ не стъснялся съ неизвъстными, онъ посылалъ ихъ въ разныя пьесы, посылалъ иногла по нѣскольку въ одну. Въ «Серебряной свадьбъ», кромъ неизвъстнаго «поселянина» Веллина, подъ именемъ котораго скрывался могучій придворный, баронъ Веллингроде, есть еще сынъ министра, Людовикъ, живущій въ качествъ неизвъстнаго. Въ «Ненависти къ людямъ» два неизвъстныхъ, — баронъ Мейнау и Эйлалія; въ «Бланкъ ф.-Монфоконъ» -- два неизвъстныхъ: пустынникъ и найденная имъ дочь; въ «Ложномъ стыдъ» --- два неизвъстныхъ: пришелица, въ которой узнается сестра совътника и неизвъстная сирота, узнаваемая пришелицей, какъ родная дочь; въ «Клейнбергахъ» — три неизвъстныхъ: дъвица Амалія Штейнъ (въ дъйствительности замужняя баронесса ф.-Штейнъ), молодой неизвъстный Штейнъ (въ дъйствительности баронъ ф.-Штейнъ), швея Генріетта Штейнъ (въ дъйствительности дочь барона ф.-Штейнъ).

Эти уравненія съ однимъ и болѣе неизвѣстными рѣшаются легко и неизмѣино по одному и тому же правилу: неизвѣстные благородные люди, благороднаго происхожденія, вполнъ заслуживають, послѣ ряда мытарствь, того счастливаго исхода, которымъ кончаются мытарства. Ихъ благородное происхожденіе, конечно, необходимо, чтобы неизвъстные мужчины могли сочетать свою судьбу съ дочерями бароновъ и графовъ, а неизвъстныя дъвицы съ сыновьями титулованныхъ особъ. И сами неизвъстные, и другія лица могутъ говорить о прелестяхъ простого сословія, но зачёмъ же примерами тревожить зрителя? Зачёмъ возбуждать вопросы о неравенствъ въ серьезной требующей разръшенія формъ? Волненія должны быть; безъ нихъ никакой зритель не одобритъ пьесу, даже не станетъ смотръть на нее; но для зрителей начала XIX стольтія волненія должны какъ бы умирать на мьсть, не переходить за порогъ театра. Зрители не должны уносить съ собой фермента, вносящаго брожение въ спокойную гущу ихъ обыденной жизни: для этого не настало время. Зритель пришелъ въ театръ со всъмъ своимъ житейскимъ укладомъ, спокойный, довольный, далекій отъ запросовъ обществу и судьбъ. Его непріятноститолько его личныя непріятности, изъ-за которыхъ можно тревожить людей, но не передвигать учрежденія, не нарушать обычаевъ. Если бы ненависть къ людямъ барона Мейнау доходила до проклятій судьбъ, до порицанія учрежденій, до ниспроверженія общественныхъ основъ, захватила ли бы она зрителей, довольныхъ обществомъ и не помышлявшихъ о перемѣнахъ? Конечно, Карлъ Мооръ уже въ это время произносилъ свои противообщественные монологи, но лъса, въ которыхъ онъ держалъ свои ръчи, были такъ далеки, условія его жизни такъ непохожи на наши, что ихъ можно было слышать, не возмущаясь и ничего изъ нихъ не вынося для жизненнаго руководства. Да и въ эпопеъ Карла Моора привлекали не тирады, не протестъ противъ извъстныхъ общественныхъ условій, — привлекала романическая внѣшность, столкнувшіяся благородство и злодъйство, злоключенія отца, любовь Амаліи и къ Амаліи. И тутъ волненія зрителя умирали на мъстъ.

Въ пьесахъ Коцебу, кромъ внъшняго интереса, привлекала мораль, спокойная, твердая, вполнъ сходная съ той, которую зрители вносили въ театръ. Она ясна была изъ всей фабулы пьесы, изъ поступковъ дъйствующихъ лицъ, но для большей убъдительности она преподносилась и въ видъ сентенцій, прославлявшихъ безспорную для зрителей добродътель. Герои говорили то, что

думали, чувствовали и говорили зрители. Къ какому бы рангу послъдніе ни принадлежали, на какой бы общественной ступени они ни стояли, они не отрицали, напримъръ, необходимость повиновенія слугь своимъ господамъ; и, знакомясь съ пьесами Коцебу, они слышали только подтвержденія своихъ взглядовъ: и неизвъстные, и извъстные въщали имъ, что въ числъ добродътелей, необходимыхъ въ обществъ, высоко стоитъ благодарность и признательность слугъ къ господамъ. Филиппъ, слуга изгнаннаго влапѣльца замка («Бланка ф.-Монфоконъ»), до такой степени старается помочь своему господину, что сознательно оставляеть свою невъсту въ опасности. «Судьба, — восклицаетъ онъ съ радостью, благоволила мнъ быть избавителемъ моего благодътеля. Благодарю Тебя, великій Боже. Я еще такъ молодъ и ты внушилъ сердцу моему поступокъ, который и на смертномъ одръ прольетъ въ сердце мое сладкую отраду и утъщеніе»... Крестьяне Бланки до такой степени обожають свою госпожу, что когда одному изъ нихъ Бланка пожала руку, всѣ крестьяне поторопились потереть свои руки о руку счастливца... Христіанъ, старый слуга барона Дурлахъ («Вязальныя иголки»), слъдить за каждымъ измъненіемъ физіономіи своего господина, страдая за него въ его несчастіяхъ; и когда все приходитъ къ радостному концу, онъ умиленно плачетъ одинъ въ отдаленіи. «Поди сюда и ты, Христіанъ, — говоритъ ему мать барона, — поди же, тебъ не нужно въ углу плакать, въдь ты равно принадлежишь одной фамиліи»... «Великая разница, — говоритъ пустынникъ въ «Бланкъ ф.-Монфоконъ», — сражаться за добраго господина, за отца своихъ дътей подданныхъ, и проливать кровь за разбойниковъ, которые имъютъ въ виду одну корысть, которыхъ вооружаетъ одна безразсудная дерзость».

Эта общая связь господъ и слугъ, основанная на преданности последнихъ и снисходительности первыхъ, не могла не трогать и не умилять зрителей. Не надо мънять ничего, не надо думать ни о какихъ соціальныхъ реформахъ: жизнь устраивается къ общему удовольствію. Что челов'єку надо? Сознаніе своей доброд'єтели и преданности другихъ. Зритель, какъ Хлестаковъ, любилъ радушіе, и ему больше нравилось, «если угождали отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса». Чистое сердце Христіана, крестьянъ, томившихся въ безкорыстной любви и преданности, Филиппа, забывшаго собственные интересы ради «благодътеля», не подлежало сомнѣнію. Оно трогало, волновало, заставляло оцѣнивать жизнь: такъ пріятно было сознавать себя добрымъ и любимымъ слугами. Если же въ дъйствительной жизни слуга почему-нибудь оказывался не преданнымъ членомъ семьи, если онъ обнаруживалъ лѣность, недостаточную готовность помнить всю жизнь лишь объ интересахъ господина, то тъмъ глубже долженъ былъ сознавать свою правоту господинъ и тъмъ строже долженъ былъ за провинность взыскивать. Театръ, гдѣ было пролито столько умиленныхъ слезъ надъ преданностью Христіана, Филиппа, добродѣтельныхъ крестьянъ Бланки, приглашалъ его къ строгости и требовательности.

Отъ него самого что требовалъ театръ? За кого ратовали пьесы, на кого онъ нападали? Конечно, есть на свътъ очевидные злодъи, — говорили онъ, — какъ тъ разбойники, о которыхъ сообщаетъ пустынникъ въ «Бланкъ ф.-Монфоконъ»; конечно, есть емѣшные люди, о которыхъ повъствуетъ комедія «Нещастные». Но отъявленнымъ злодъемъ средній зритель никогда не быль; сознательно и намъренно онъ «не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ». Маленькіе же смѣшные недостатки, упоминаемые въ комедіи «Нещастные», — да кто же ихъ не имъетъ и стоитъ ли противъ нихъ особенно вооружаться? И сама комедія ръшаеть, что если не полной, то нъкоторой награды люди съ такими смъшными недостатками все-таки заслуживають. Пьесы говорили: «будь человъкъ благороденъ, будь сострадателенъ, добръ». Каковы обязанности благороднаго человъка по отношенію къ государству, къ семьъ, къ ближнему? Государству въ крайнихъ случаяхъ, — само собой разумъется, въ крайнихъ, - слъдуетъ отдать все: надо быть Миниными. Вотъ «Гусситы подъ Наумбургомъ въ 1432 году», пьеса, имъвшая такой огромный успъхъ, заставившая проливать такую массу горючихъ слезъ. Гусситы, мстя за казнь Гусса, подступаютъ къ Наумбургу съ несмътными силами; черезъ герольдовъ объявляють они, что къ утру вев жители, -- старые, молодые, жены и дъти, — будутъ умерщвлены; пощады не будетъ, о снисхожденіи не можеть быть ръчи. Вольфъ, гражданинъ Наумбурга, рискуя пасть первой жертвой разгиваннаго врага, идеть къ богемскому вождю Прокопію съ мольбой о пощадъ города; онъ предлагаетъ свою голову; но убъжденія безсильны: начальникъ гусситовъ готовъ помиловать его за храбрость, но не пощадить другихъ. Вольфъ, полный мыслей о спасеніи города и жителей, устраиваетъ шествіе д'втей: матери, отцы, воодушевленные его р'вчами, приводять на площадь детей и, въ страшномъ безпокойствъ за ихъ участь, посылають ихъ къ безпощадному врагу. Вольфъ въ ихъ главъ. Но Прокопій возмущенъ назойливостью. «Хорошо, —соглашается онъ, однако, послъ долгихъ переговоровъ, пусть жертвой за всъхъ падутъ твои дъти». Самоотверженный и благородный Вольфъ готовъ на жертву, но самому указать, кто его дъти, у него не хватаеть силъ. Тъмъ временемъ дъти молятъ Прокопія: «Если нъжные материнскіе взоры тебъ пріятны, то сжалься надъ нами, отпусти насъ ихъ утѣшить».

Второй (хватая его за лювую руку): Если отеческому твоему сердцу пріятно лепетанье дітей, то сжалься надъ нашими біздными матерями—оніз плачуть объ насъ. Не убивай насъ.

Первый: Городъ нашъ малъ и тихъ. Мы всъ живемъ смирно. Пощади насъ.

Второй: За это Богь благословить тебя, когда ты придешь къ себъ домой. Богь воздасть дътямъ твоимъ за то, что ты къ намъ будещь милостивъ.

Прокопій: Друзья, не хочу боліве скрываться—сердце мое тронуто. Если вы согласны, если хотите пощалить ихъ, опустите внизъ конья. (Всть гусситы опускиють конья.) Изрядно. (Возвышая голось.) Я васъ прощаю. Встаньте, будьте веселы.

Дъти: Онъ прощаетъ насъ. (И всю тосиятся къ Прокопію, чтобы цъловать у него руки и кольна; онъ поднимаетъ кверху каждаго изъ нихъ по одиночкъ и цълуетъ.)

Дѣтямъ приносятъ вина, угощаютъ ихъ: «Надобно этихъ маленькихъ гостей успокоить послѣ ужасной ихъ тоски и страданія», говоритъ тонко чувствующій дѣтскую психологію свирѣпый гусситъ Прокопій.

Вольфъ (утирая слезы): Теките, радостныя слезы, и см'вшивайтесь съвеселымъ виномъ,

Онъ текли въ изобиліи, текли у всъхъ зрителей. Это были слезы умиленія. Умилительно было видіть готовность самопожертвованія со стороны Вольфа, со стороны матерей; умилительно слышать дътскіе голоса, молящіе о пощадъ и радостно провозглашающіе славу тому, кто ихъ пощадилъ; умилительно, наконецъ, было присутствовать при добромъ поворотѣ въ суровой душѣ грубаго воина, при восторженно-человъчномъ порывъ со стороны солдатъ. Умиленіе было тъмъ сильнъе, что подвиги Вольфа ни къ чему не обязывали зрителя: въдь такъ ръдко подступление неприятеля къ городу, такъ ръдко единичная жертва можетъ спасти государство. Зритель не рисковалъ ничъмъ, не вызывался ни на какой подвигъ: онъ только умилялся человъческой доблестью и радостно лиль слезы. Онь зналь, что благородныя чувства Вольфа и ему подобныхъ не побуждаютъ ни къ дъйствительной жертвъ, ни къ потерямъ: добродътель награждалась тотчасъ же, потому что порока не существовало. Чувство умиленія такъ сильно охватывало зрителя, что онъ не замізчаль ничего,--ни разумной аргументаціи дітей, ни ихъ опытности въ дълъ воздъйствія на сердце побъдителя, ни ихъ знакомства съ чужой психологіей. Онъ слышаль вопли, видъль молящіе взоры, воспринималь радостный переходь отъ тревоги къ веселью и благодарно вытиралъ проступившія слезы. Онъ не замъчалъ даже большаго. Коцебу, какъ и подражавшіе ему авторы, не сразу отпускаль зрителей: онъ возвращался къ использованнымъ эффектамъ, неожиданностью поддерживаль чувство тревоги въ зрителъ, повидимому, улаживалъ и эту тревогу и сейчасъ же изобръталъ новую; пьесы оканчивались какими-то затяжными каденціями, и когда все, казалось, готово было удалиться, новый поводъ для безпокойства наэлектризовывалъ вновь вниманіе залы. Въ «Гусситахъ», напримѣръ, прощеніемъ дѣтей не заканчивалась пьеса. Въ моментъ общаго веселья, поцълуевъ, радостей и слезъ вбъгалъ къ Прокопію часовой и запыхавшимся голосомъ кричалъ: «Государь! Въ долинъ видна вооруженная толпа воиновъ. Всѣ они покрыты бѣлыми щитами и медленными шагами приближаются къ горамъ»... «Измѣна!» кричалъ Прокопій. «Измѣна!» восклицали воины; хватались за оружіє. Но не было измѣны: это, — измученныя страхомъ и ожиданіемъ, въ смертельномъ страхѣ, шли къ непріятельскому лагерю матери отпущенныхъ малютокъ. Что же за «бѣлые щиты» видѣлъ прибѣжавшій гусситъ? Это были просто... зонты, бѣлые солнечные зонты, которые вэволнованныя матери не забыли взять съ собой, чтобы предохранить нѣжный цвѣтъ лица отъ солнца. Эти взятые «для защищенія отъ солнечныхъ лучей» зонты предохраняли въ то же время сердце зрителей отъ слишкомъ надрывной скорби: они говорили, что можно поплакать и утѣшиться.

Но въдь были же у зрителей вопросы, которыхъ они не могли рѣпить, были чувства, которыя по своей запутанности нуждались въ беллетристическомъ или драматическомъ освъщении. Искали ли зрители отвъта въ театръ? О, нътъ, они боялись постановки трудныхъ вопросовъ, не желали ихъ разрѣшенія въ условіяхъ обычной дъйствительности. Сама жизнь, тихая и установившаяся, давала ръдко поводъ для возникновенія чувствъ, которыя не могли бы найти своего разрѣшенія въ предѣлахъ установленнаго кодекса. Конечно, любовныя драмы были; конечно, и въ тъ времена тревожило состояніе, когда «такъ и рвется душа изъ груди молодой, проситъ воли она, проситъ жизни другой», но сила усвоенной морали была настолько велика, что борьба съ ней душт отдъльнаго челов вка была не подъ силу. Нельзя было безнаказанно удалиться отъ общаго кодекса нравственности. Зритель не ждалъ отъ театра разрѣшенія дѣйствительныхъ драматическихъ положеній. Онъ зналъ, что въ коллизіяхъ жизненной сутолоки возможна одновременная любовь мужчины къ двумъ женщинамъ, но когда театръ затрагивалъ эту тему, онъ не смѣлъ разрѣшать ее, оскорбляя мораль зрителей или представляя драму въ условіяхъ обычнаго существованія... Чтобы намекнуть на возможность такого положенія, надо было «дъйствіе перенести» не «въ Низу», а Богъ знаетъ куда, гдъ нътъ законовъ, нътъ Европы, нътъ привычныхъ намъ условій жизни. Если надо изобразить борьбу «чувствительнаго сердца» передъ двумя одинаково сильными обязательствами, если передъ мужчиной двъ женщины, которыя одинаково дороги ему и передъ которыми онъ одинаково чувствуетъ себя обязаннымъ, авторъ конца XVIII и начала XIX столетій не возьметь примерь изъ обыденной жизни. Это было бы слишкомъ серьезно, слишкомъ близко, можетъ-быть, болъе возмутило бы зрителя, чъмъ взволновало его сочувственными мотивами. Коцебу переносить дъйствіе на далекій необитаемый островъ, куда послѣ кораблекрушенія Лаперузъ, оставившій дома жену и дътей, заносится бурей, гдъ его спасаетъ и любитъ случайно иопавшая туда же «дикая женщина» Мальвина. Любовь длится много

лѣтъ, пока на необитаемый островъ не попадаетъ Аделаида, ищущая всюду своего пропавшаго супруга. Объ женщины имъютъ дътей, объ — одинаковыя права на Лаперуза, объ одинаково любятъ его и пользуются въ равной степени его любовью. Какъ ръшить вопросъ? «Какой варваръ, — спрашиваетъ Лаперузъ, — можетъ покинуть одну изъ этихъ женщинъ? какое чудовище можетъ бросить одного изъ этихъ младенцевъ? (Въ безпамятствъ, бросая направо и налъво дикіе взоры.) Мнъ надобно избирать. Хорошо, я избираю, (скоро) я избираю смерть»... Но, конечно, до смерти не попустить ни зритель, ни авторь. Борьба великодушій со стороны объихъ женщинъ, борьба двухъ долговъ со стороны Лаперуза кончается ръшеніемъ остаться на островъ и жить съ объими женщинами, какъ съ сестрами. Коцебу не могъ не отдать комической дани вліянію Руссо, заставивъ «дикую женщину» спасти соперницу отъ смерти, не помышляя о благородствъ своего поступка. «Я европеянка, — объясняеть ей Аделаида, — подверженная злобнымъ ухищреннымъ страстямъ и потому ты меня не понимаешь, ты не знаешь, что ты могла сдѣлать».

Зрители плакали и одобряли, но, конечно, не всѣ. Нѣкоторые протестовали; слово «Коцебятина» достаточно опредѣляетъ отношеніе этихъ нѣкоторыхъ. Кн. Шаховской, драматургъ, страдавшій отъ коцебятины, не могъ примириться съ ея «засильемъ» и уже много позднѣе съ негодованіемъ писалъ о томъ времени: «Московская сцена сдѣлалась постояннымъ жилищемъ германскихъ выходцевъ; публика разжалобилась не своими жалостями и пустилась навзрыдъ плакать. Тогда черная туча новыхъ нѣмецкихъ драмъ понеслась отъ древней русской столицы и, обрушась на петербургскую сцену, придавила тяжелой прозою драматическую поэзію» (Репертуаръ русскаго театра 1840 г., 11 кн.).

«Драматическій Вѣстникъ», издававшійся въ 1808 году, пробовалъ возставать противъ нѣмецкихъ драмъ «гдѣ дѣйствіе нерѣдко бываетъ безъ причинъ, гдъ оно останавливается по получасу, чтобы дать время какому - нибудь низкорожденноблагородному нравоучительно высказать все то, что авторъ затвердилъ изъ новыхъ философовъ и чъмъ онъ наполняетъ 2/3 драмы, оставляя послъднюю для узнанія законно или незаконнорожденныхъ дітей, для обмороковъ, утопленій, грому, дождя, объда, завтрака, ужиновъ, куренія табаку, описанія ничтожныхъ подробностей и, наконецъ, нъмыхъ картинъ, которыми кончается дъйствіе». Но уже въ № 37 того же года «Въстникъ» долженъ былъ признать, что «господинъ Коцебу, хотя и не такой великій стихотворецъ, какъ Вольтеръ, однакожъ писатель, заслуживающій уваженія (не по нравственной цъли его твореній, но по знанію его человъческаго сердца)»... И уже много посив того, какъ Коцебу потерялъ главенство на русской сценъ, Полевой писалъ въ «Московскомъ Телеграфъ»: «Коцебуне первоклассный писатель; объ этомъ уже не спорятъ. Трагедіи его несносны, фарсы большею частью несвязны и грубы, но комедіи его, или, лучше сказать, особенный родъ комедій, называемый пъмцами Schauspiel, никогда не потеряютъ своего достоинства. Въ нихъ недостатки выкупаются красотами и собраніе сихъ пьесъ, не всегда нравящихся на сценъ, можетъ быть кпигою всегда съ удовольствіемъ читаемою въ часы досуга» («Московскій Телеграфъ» 1826 года, стр. 389).

Коцебу обнаружилъ «знаніе человѣческаго сердца». Прежде всего, конечно, сердца зрителя. Сходясь съ авторомъ въ сентенціяхъ, во взглядахъ на отношенія людей, зритель не предъявлялъ къ театру иныхъ требованій и не измѣнялъ своихъ симпатій до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не вкладывали въ него то какогото смутнаго ожиданія, то совершенно ясныхъ потріотическихъ надеждъ и желаній. Но еще раньше, чѣмъ произошло это измѣненіе въ психикѣ зрителя, Коцебу породилъ русскихъ подражателей, драматурговъ, частью имѣвшихъ такой же, частью даже большій успѣхъ.

И. Игнатовъ.

(Продолжение слъдуетъ).

Королева Луиза и Александръ I.

Ī.

Въ самый разгаръ войны Пруссіи съ французской революціей, зимою 1793 года, король Фридрихъ Вильгельмъ II прівхаль со всёмъ дворомъ въ имперскій городъ Франкфуртъ - на - Майнѣ, чтобъ быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Ему очень хотѣлось отнять у французовъ завоеванный ими Майнцъ. А такъ какъ король не любилъ очень утруждать себя заботами, то совѣщанія его съ генералами безпрестанно смѣнялись увеселеніями. На одномъ изъ баловъ, данныхъ королемъ прусскимъ во Франкфуртѣ, появился впервые герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій съ двумя дочерьми Луизой и Фридерикой. Обѣ были красавицы и сразу плѣнили сыновей короля: Луиза кронпринца Фридриха - Вильгельма, Фридерика—принца Людвига. Въ апрѣлѣ 1793 года отпраздновали обрученіе двухъ молодыхъ паръ, а въ сочельникъ, уже въ Берлинѣ,—свадьбу. Веселый король обрадовался случаю, и берлинцы долго не выходили изъ полосы торжествъ.

Для кронпринцессы пришла критическая пора. Дворъ Фридриха-Вильгельма II быль однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ мѣстъ въ Европѣ. Откровенный цинизмъ королевскихъ похожденій не вызывалъ никакихъ протестовъ, а, наоборотъ, увлекалъ за собою придворную клику и аристократію. Берлинцы великолѣпно знали, кто отецъ дѣтей той или другой принцессы, сколько метрессъ у каждаго изъ принцевъ королевскаго дома. Гофмейстеры и гофмейстрины выбивались изъ силъ, чтобы сохранить хотя бы внѣшнія приличія, а въ казнѣ не хватало денегъ, чтобы оплачивать всѣ празднества и обєзпечивать побочныхъ дѣтей высокихъ и высочайшихъ особъ.

Высшее общество и офицерство очень старались не отставать отъ двора. Въ современныхъ мемуарахъ то и дъло упоминаются скандальныя исторіи, герои и героини которыхъ—люди, носящіе самыя громкія фамиліи Пруссіи. То обнаруживается, что одна представительница берлинской аристократіи имъетъ домъ свиданій,

куда заманиваетъ дамъ и дѣвицъ хорошаго происхожденія, то открывается, что группа дамъ-аристократокъ въ складчину нанимаетъ загородный домъ, спеціално для устройства тамъ оргій и вакханалій. «Публичныя женщины—весталки по сравненію со многими знатными дамами, которыя задаютъ тонъ въ обществѣ», горько замѣчаетъ одинъ современникъ. Мужья ихъ тоже не лучше. Офицеры открыто торгуютъ женами и устраиваютъ мѣны ими на срокъ. Распущенность достигла предѣловъ 1). Нѣтъ ничего удивительнаго, что когда вся эта гниль была сметена штыками наполеоновскихъ солдатъ, бюргерство не обнаружило никакого огорченія.

Въ моментъ появленія въ Берлинъ Луизы до французской чистки было еще далеко. Приходилось принимать все, какъ было.

Какъ на гръхъ, въ это опасное мъсто молодая женщина принесла два опасныхъ качества: веселый характеръ и большую склонность къ кокетству. Она была привязана къ своему мужу. Но ей было всего семнадцать лътъ, а Фридрихъ-Вильгельмъ, — съ его тяжелымъ умомъ, хмурый, некрасивый и грубо-чувственный — совсъмъ не годился въ герои романа. Для Луизы, воспитанной при нищемъ дворъ, была вновъ берлинская пышность. Все ее безумно занимало. Кругомъ было такъ много интересныхъ вещей, какихъ она раньше не видъла, интересныхъ людей, съ которыми ей было весело. Конечно, мужъ былъ влюбленъ въ нее, но его влюбленность была такая однообразная, онъ такъ явно хотълъ, чтобы для жены не существовало ничего, кромъ него. Отъ этой эгоистической мъщанской влюбленности въ Луизъ рождались странныя настроенія. Протестовала молодость, протестовало законное, какъ лучъ солнца весной, веселье. И этотъ безсознательный процессъ едва не привелъ къ катастрофъ.

Самымъ блестящимъ кавалеромъ прусскаго двора былъ принцъ Луи-Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго и кузенъ короля. Красивый, изящный, пылкій, одаренный какимъ-то хищнымъ инстинктомъ въ общеніи съ женщинами, онъ увлекался юной кронпринцессой и, повидимому, сумѣлъ затронуть въ ней такія струны, которыхъ не находили грубыя руки Фридриха - Вильгельма. Какъ далеко зашла взаимная симпатія, — этого не знаетъ никто, но наблюдательные люди 2) видѣли многое такое, что дѣлало вѣроятными всякія предположенія. Луиза опредѣленно кокетничала съ принцемъ, и когда ея оберъ-гофмейстрина, графиня Фоссъ, дѣлала ей свои представленія по этому поводу, ее поднимали насмѣхъ, а простымъ придворнымъ дамамъ, рѣшавшимся указать принцессѣ на недопустимость ея поведенія, доставалось еще горше. Кронпринцъ, ревнивую душу котораго жестоко терзала эта исто-

¹⁾ Ed. Vehse, Gesch des preussisch. Hofs und Adels. B. V., passim.

²⁾ Камергеръ Венгерскій, цит. у Vehse, V, 294.

рія, прибътъ къ энергичной мъръ. Онъ просто ръшилъ вырвать жену изъ растлевающей берлинской среды. Сначала онъ увезъ ее въ Потсдамъ, потомъ въ Ораніенбургъ и, наконецъ, еще дальше въ спеціально съ этой цълью купленное имъніе Парецъ, на берегу Гавеля. Это, быть-можетъ, спасло Луизу. По крайней мъръ, сестра ея Фридерика, такая же красивая, такая же веселая и кокетливая, какъ и она, не выдержала. Рано лишившись мужа, она поддалась соблазнамъ окружающей ее среды, наскоро была выдана замужъ за принца Зольмсъ, съ нимъ почти не жила, и изъ дневника Генца мы знаемъ, чъмъ стала она потомъ.

Вдали отъ двора Луиза провела почти четыре года. Кронпринцъ могъ быть доволенъ. Теперь, кромѣ него, у нея ничего не было. Такихъ опасныхъ людей, какъ принцъ Луи-Фердинандъ, къ своему двору онъ не пускалъ. Луиза носила и рожала съ регулярностью, приводившей въ восторгъ стараго короля: по ребенку въ годъ. Кромѣ того, она много читала, сначала просто отъ скуки, потому что кронпринцъ, занятый своими смотрами и ученіями, днемъ почти не бывалъ съ нею, а когда и бывалъ, не умѣлъ ее развлекать. Природа не надѣлила его общительностью. Наоборотъ, когда обществу бывало весело, его присутствіе быстро разгоняло всякое веселье. Поневолѣ вынужденная уходить въ себя, Луиза искала отвѣта на запросы души. И не сразу нашла ихъ она.

Душа у нея была воспріимчивая и богатая. Въ ней было много хорошихъ задатковъ, которые не находили лишь благопріятной почвы для развитія. На натуру, не столь одаренную, это долгое уединеніе, в'троятно, подфиствовало бы совствуть не такъ, какъ на Луизу: она бы завяла внутренне, отдалась цёликомъ семь в и тихому счастью въ уголк в забыла бъ о томъ, что есть высшіе запросы, на которые должна имъть отвъть и королева. У Луизы случилось обратное. Веселой, беззаботной хохотушкой, склонной къ флирту и радостно принимающей поклоненіе, увзжала она изъ Берлина. Когда она вернулась туда, чтобы украсить короной свою голову, она была, другой женщиной. Легкомысліе осталось гдь-то тамъ, въ лъсахъ Ораніенбурга, въ степномъ приволью Пареца. Луиза не утратила своей веселости. Ея прекрасные синіе глаза сохранили всю свою жизнерадостную ясность. Но она стала серьезнъе относиться къ своимъ чувствамъ, сознательнъе стала смотръть на жизнь. Быть-можеть, это сдълало большое горе, встрътившее ее у самаго порога и глубоко ее потрясшее: рожденіе мертваго первенца. Быть-можеть, сказалось вліяніе мужа, у котораго съ недюжинной ограниченностью уживались нѣкоторые твердые принципы: слѣпая готовность служить тому, что онъ считалъ своимъ долгомъ, и бережное, благоговъйное почитаніе собственнаго сана. Въ этомъ онъ совствиъ не былъ

похожъ на своего августъйшаго родителя, который словно съ какимъ - то удовольствіемъ топталъ въ грязь гогенцоллернскую корону.

Конечно, Луиза не была вполнѣ сложившимся человѣкомъ при вступленіи на престоль (ноябрь 1797 г.). Ей все-таки не было и двадцати двухъ лѣтъ. Ея умственная пища все-таки цѣликомъ сводилась къ писаніямъ Лафонтена, не французскаго, а нѣмецкаго, слащаваго, неистово-мѣщанскаго, нестерпимо-пістистическаго романиста, который былъ въ то время властителемъ думъ въ Германіи. Понадобилось пять лѣтъ, пять спокойныхъ, безмятежныхъ лѣтъ на тронѣ Фридриха Великаго, среди новаго двора, откуда исчезъ дебошъ и гдѣ водворилась пристойность, лишь изрѣдка, по старой памяти, нарушаемая; понадобилось усиленное, серіозное чтеніе, понадобилось тѣсное умственное и душевное общеніе съ выдающимися людьми, — чтобы Луиза сложилась вполнѣ.

Основой характера этой сложившейся женщины была попрежнему слегка восторженная жизнерадостность. Залежи веселья въ ея душъ казались неистощимыми. Его хватало на всъхъ окружающихъ, оно струилось изъ ея глазъ, отъ всей ея фигуры, разливалось вокругъ и захватывало всёхъ. Всё чувствовали себя въ ея присутствіи счастливыми. Даже холодныхъ дипломатовъ покоряла эта торжествующая, радостная красота. Это веселье рождалось не отъ экстаза счастья, потому что въ ея привязанности къ королю не было ничего восторженнаго: въ ея сердцъ были уголки, куда не быль вхожь прозаичный супругь, куда никто не быль еще вхожь. Жизнерадостность была просто натурой Луизы. Но начали вырабатываться и другія начества. Луиза, со всѣми таящимися еще въ ней возможностями бурныхъ вспышекъ и сумасбродныхъ метаній, сумъла выковать въ своей груди кръпкій, несокрушимый духъ и твердое мужество. Эта женщина, которая обожала балы, которая не пропускала ни одного thé-dansant, которая за полчаса до родовъ могла веселиться на танцовальномъ вечеръ, была все-таки королева съ головы до пятъ, гордо-привътливая ко встмъ, умъющая нести свое достоинство, готовая защищаться свои илеалы.

Луиза выросла умственно за эти пять лѣтъ. Лафонтена ни одинъ живой человѣкъ не могъ выдержать долго. Нуиза его выдерживала оттого, что онъ былъ любимцемъ Фридриха-Вильгельма. Ставъ королевой, она начала зачитываться Жанъ-Пслемъ, углубилась въ Гердера, полюбила Клейста, Шиллера, Гёте. У нея явились друзья, съ которыми она переписывалась.

Огромный тактъ помогалъ Луизъ устраивать свою умственную жизнь на сторонъ такъ, чтобы ея новые интересы не наносили ущерба требовательному супругу, не любившему, чтобы Лу-

иза надолго его забывала. Онъ былъ все-таки постоянно рядомъ съ нею, однообразный, какъ солдатская форма, со своими ласками, со своими разговорами о дѣтяхъ и о парадахъ. Луиза продолжала оставаться нѣжной и любящей подругой короля, весело, безъ всякаго усилія, выносила навѣваемую имъ скуку, съ прежней регулярностью, хотя въ нѣсколько болѣе замедленномъ темпѣ, носила и рожала принцевъ и принцессъ королевскаго дома, отдавала много любви и заботъ своему некрасивому—всѣ пошли въ отца—потомству. Фридрихъ-Вильгельмъ чувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ. Счастье Луизы не насыщало вполнѣ ея душу, жадно ожидавшую чего-то новаго, сильнаго, неизвѣданнаго.

Такъ наступилъ 1802 годъ.

II.

Прусскіе государственные люди считали, что Базельскій миръ 1795 года, положившій конець войнѣ сь французской республикою, вполнѣ обезпечиваеть интресы страны, и они твердо выдерживали эту точку зрѣнія. Всѣ усилія болѣе упорной Австріи, всѣ соблазны со стороны Англіи разбивались о спокойную рѣшимость — не воевать. Прусскіе политики понимали, что Австрія, истощавшая себя безславной борьбою, подрывала свой авторитегь въ Германіи, и ждали случая, чтобы воспользоваться плодами безхозяйнаго положенія, все больше и больше водворявшагося въ Священной Римской имперіи.

Фридрихъ - Вильгельмъ III былъ совершенно солидаренъ съ этой точкой эрвнія. Кронпринцемь онъ участвоваль въ военныхъ дъйствіяхъ противъ поляковъ, предшествовавшихъ третьему раздълу Польши (1795), и былъ увъренъ, что Пруссія сумъетъ вознаградить себя въ другомъ мъсте за миролюбіе къ Франціи. Къ тому же король отнюдь не обладаль воинственнымъ характеромъ. былъ очень доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, и боялся рисковать. Поэтэму когда въ 1799 году противъ Франціи образовалась грозная коалиція изъ Австріи, Англіи, Россіи и Нидерландовъ, когда послы всъхъ этихъ державъ въ Берлинъ истощали всъ усилія, чтобы привлечь къ коалиціи Пруссію, король оставанся непреклоннымъ. Маренго и Гоэнлинденъ охладили пылъ Австріи; ея недобросовъстность по этношенію къ русскимъ союзникамъ еще раньше побудили императора Павла выйти изъ коалиціи и сдёлать шаги къ сближенію съ Франціей. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ поздравлять себя. Его осторожность, которую прусская партія войны называла трусостью, принесла свои плоды. Пруссія послужила посредницею для Франціи и Россіи и готова была занять принадлежавшій Англіи Ганноверъ, который охотно уступали ей помирившіеся враги. Смерть Павна испортила дёло. Александръ столковался съ Англіей, и Пруссія Ганновера не получила. Это обстоятельство, естественно, повернуло прусскую политику въ сторону благопріятную Франціи, тѣмъ болѣе, что первый консулъ сумѣлъ великолѣпно воспользоваться создавшимся положеніемъ, чтобы привлечь ее къ себѣ.

Люневильскій трактать предусматриваль возможность широкихъ секуляризацій на всемъ почти протяженіи территоріи Свяшенной Римской имперіи. Бонапарть хотѣль, осуществляя ихъ, достигнуть сразу двойной цёли: расширить французскую территорію и увеличить территорію тёхъ нёмецкихъ государствъ, которыя были дружественны Франціи. И онъ сталь отбирать владѣнія Вюртенберга, Бадена, Гессена, находившіяся на лѣвомъ берегу Рейна, щедро вознаграждая ихъ внутри Германіи. Первыя предложенія Пруссіи въ этомъ смыслѣ Франція сдѣлала уже въ концъ 1801 года. 15 декабря прусскій посланникъ Луккезини имълъ опредъленную бесъду въ этомъ смыслъ съ Талейраномъ 1). Переговоры шли довольно долго. Лишь 2 марта 1802 г. прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гаугвицъ сообщилъ Луккезини, что король соглашается 2), а черезъ три дня Луккезини получилъ письмо отъ шефа королевскаго кабинета Ломбарда, въ которомъ впервые былъ выдвинутъ тотъ вопросъ, который въ панномъ случав насъ особенно интересуетъ. Ломбардъ выражаль опасеніе, какь бы эта операція не вызвала неудовольствія у Россіи, и предписываль посланнику изыскать въ Парижѣ способы избѣжанія конфликтовъ съ нею. То же Ломбардъ изустно сообщилъ французскому посланнику въ Берлинъ Биньону, который 6 марта доносиль Талейрану о бесть в 3). И цтиствительно, Талейрану въ Парижъ пришлось особо договариваться съ русскимъ посланникомъ гр. Морковымъ, а первому консулу одновременно съ письмомъ къ прусскому королю понадобилось писать и русскому императору 4).

Эта переписка вскрываеть, какъ намъ кажется, въ достаточной мѣрѣ исторію Мемельскаго свиданія. Кому это свиданіе было нужно? Не Россіи и даже не Александру, а Пруссіи. Ближайшимъ образомъ нужно было для того, чтобы гладко провести вопросъ о присоединеніяхъ къ Пруссіи. Какъ осуществилось свиданіе? В. к. Николай Михайловичъ подчеркиваетъ внезапность его и то, что оно было «рѣшено безъ вѣдома и Кочубея, и Чарто-

¹⁾ Донесенье Луккезини въ «Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomat. Corespondenzen» въ Publicationen aus d. K. Preuss. Staatsarchiven. XXIX. изд. Р. Bailleu; т. II, 61 и слъд.

²⁾ Письмо Гаугвица къ Луккезини. «Preus. und Frankreich» II, 75.

³⁾ Tamb жe, 77: «Le poids énorme de cette puissance dont une secousse irregulière peut faire le plus grand mal à ses voisins».

^{4) 23} Mas 1802 r. Cm. Sorel, L'Europe et la Révolution, VI, 231.

рыжскаго», тогдашнихъ руководителей русской иностранной политики 1). Но онъ уклоняется отъ объясненія этой впезапности. Между тъмъ, обстоятельства, ему предшествовавшія, были таковы, что оно только и могло быть ръшено мимо офиціальныхъ представителей иностраннаго въдомства 2). Въ январъ 1801 г., прусскій дворъ посътилъ наслъдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, Людвигъ, со своей молодой женою, в. к. Еленой Павловной. Великая княгиня была самой красивой изъ четырехъ дочерей императора Павла и произвела огромное впечатлъние на чувственнаго Фридриха-Вильгельма. Тогда быль еще живъ Павелъ Петровичъ, и какихъ-нибудь спеціальныхъ интересовъ прусская дипломатія въ Петербургъ не добивалась. Дъло ограничилось празднествами и весьма энергичнымъ флиртомъ между королемъ и великой княгиней. Елена Павловна, однако, скоро убхала, а лътомъ на пути въ Петербургъ снова посътила берлинскій дворъ. Теперь русскимъ императоромъ былъ уже Александръ, человъкъ, который былъ въ значительной мфрф узломъ переговоровъ о Ганноверф и о всякомъ территоріальномъ приращеніи Пруссіи. Прусская дипломатія не могла упустить такой оказіи. Великая княгиня повезла брату въ Петербургъ не только дружескій привътъ отъ короля, но и выраженія горячаго интереса и удивленія. Въ Петербургъ въ бесъдъ съ Александромъ великая княгиня и герцогъ Людвигъ впервые высказали мысль о свиданіи, котораго такъ хотель король. Возвращаясь изъ Петербурга, принцъ и принцесса опять побывали въ Берлинъ. Снова много веселились, снова король очень ухаживаль за «прекрасной Еленой». Но было уже и нѣчто очень серьезное. Герцогъ передалъ королю опредъленное желаніе Александра увицъться съ королевской четою, которая была отвътомъ на первые подходы со стороны Фридриха-Вильгельма. Король поторопился согласиться, объ этомъ началась переписка между нимъ и Александромъ, и свиданіе было назначено на іюнь въ Мемелѣ 3).

Свиданіе было рѣшено такимъ образомъ въ семейномъ кругу, среди родственныхъ привѣтовъ и родственнаго флирта. Возможно, что въ Петербургѣ въ пользу свиданія дѣйствовала и Марія Оеодоровна. Нѣтъ ничего страннаго, что Александръ не захотѣлъ открыть своихъ замысловъ Кочубею. Какъ бы онъ ихъ мотивировалъ? Что прусскій кузенъ — большой его поклонникъ и хочетъ лично выразить ему чувства своего удивленія? Онъ зналъ своего Кочубея, сдержаннаго, холоднаго, осторожнаго, и могъ себѣ представить, какъ бы онъ принялъ это извѣстіе... Прусскіе дипломаты сыграли на тщеславіи Александра, а такъ какъ тутъ была замѣ-

¹⁾ Имп. Александръ, I, 29.

²⁾ См. Р. Bailleu, Königin Luise, 135 слъд.

 $^{^3)}$ Cm. Bailleu, Briefwechsel Friedrich Wilhelmis III und d. Königin Luise mit Kaiser Alexander, NaNa 11, 14, 15, 421, 424.

шана еще и великая княгиня, то очень возможно, что ея разсказы о необыкновенной красотѣ королевы Луизы, отъ которой Елена Павловна была въ восторгѣ, раздразнили любопытство Александра и пробудили въ немъ его fatuité, желаніе испытать на прекрасной королевѣ свое неотразимое обаяніе,—мотивъ, который еще труднѣе было сдѣлать понятнымъ для Кочубея. Словомъ, можно, повидимому, считать несомнѣннымъ, что Александръ ѣхалъ въ Мемель безъ всякой опредѣленной, политической цѣли, въ то время, какъ прусскаго короля Гаугвицъ и Ломбардъ безжалостно натаскивали именно на политическія темы.

А королева? Она знала, что на нее возлагается отвътственная миссія — содъйствовать сближенію Александра съ королемъ на тверпой политической почвѣ, и относилась къ своей запачѣ съ полнымъ сознаніемъ ея важности. Но въ то же время она полжна была быть полна и другими чувствами, увъренная въ своей всепокоряющей красотъ, знающая, какъ эта красота пъйствуетъ на всѣхъ окружающихъ, остававшаяся въ душѣ такой же веселой кокеткой, какою была въ семнаппать леть. Кокетство ея, къ тому же, было особаго, очень опаснаго вида, того самаго, о которомъ говорила г-жа Сталь: «Когла кокетничають нъмецкія женшины. онъ кокетничають сь энтузіазмомь; французскія женщины пропитывають свое кокетство умомъ и шуткой» 1). Опасность этого національнаго нъмецкаго вида — въ томъ, что «энтузіазмъ» скоро увлекаетъ женщинъ за рамки простого кокетства и производитъ настоящія опустошенія въ сердцахъ. Луиза не предчувствовала, въроятно, что съ ней случится что-нибудь подобное. Но, она была заинтересована. Она, конечно, слышала, что Александръ красивъ, рыцарски-плънителенъ съ дамами, весь полонъ очарованія. Едва ли она подъвзжала къ Мемелю безъ радостнаго и трепетнаго любопытства.

Александръ прівхаль въ Мемель 10 іюня и увхаль 16-го. Оба монарха были очень заняты смотрами и парадами, много времени посвятили соввщаніямъ наединв на политическія темы 2). Но большую часть времени проводили въ семейномъ кругу. Луиза разливала чай. Шла непринужденная бесвда. Александръ острилъ насчетъ ухаживанія короля за Еленой Павловной, король наме-

¹⁾ См. красивый французскій этюдъ о Луизъ у M. Palèologue, Profils de femmes.

²⁾ Какихъ-нибудь точно опредвленныхъ вопросовъ, повидимому, не касались. Трейчке, который видвлъ много неопубликованныхъ документовъ, говоритъ (Deutsch Gesch. I, 179—180), что бесвды касались общей опасности со стороны Франціи, при чемъ оба друга клялись во взаимной върности. Сорель (VI, 236) предполагаетъ, что у Александра уже тогда шевелились въ душъ планы пасчетъ гегемоніи въ Европъ и объ объединеніи Польши подъ властью Россіи. Ломбардъ въ письмъ къ Луккезини («Preus. und Frankreich», II, 103) предвидитъ самыя счастливыя послъдствія для Пруссіи отъ свиданія.

калъ на какіе-то дорожные романы Александра съ двумя рижскими дамами. Монархи весело пикировались, какъ два обыкновеннѣйшихъ армейскихъ поручика; танцовали, веселились всячески. Неоднократно и подолгу Луиза оставалась съ молодымъ царемъ наединѣ. Разставались со слезами¹). Окружающимъ казалось, что свою политическую задачу Луиза исполнила. Въ письмѣ къ Луккезини Ломбардъ пишетъ: «Вы понимаете, конечно, что чаровница (l'enchanteresse) немало содъйствовала укрѣпленію узъ, соединяющихъ нынѣ обоихъ монарховъ. Это фея, которая все покоряетъ власти своихъ чаръ».

Но бѣдная «фея» сама попала въ сѣти. И этого нужно было ожидать. Послѣ оборвавшагося такъ рано флирта съ принцемъ Луи-Фердинандомъ она не видѣла вокругъ себя мужчинъ, скольконибудь приближавшихся къ ея мечтательному идеалу. Достоинства короля были очень прозаическія и, повидимому, быстро разогнали дѣвичью влюбленность. Къ тому же въ послѣднее время Фридрихъ-Вильгельмъ началъ обнаруживать большой интересъ и къ другимъламамъ 2).

Женщины, какъ Луиза, избалованныя поклоненіемъ, привыкшія ежедневно слышать восторженные гимны своей красотъ, очень требовательны къ человъку, которому онъ принадлежатъ. Въ нихъ какая-то особенно обостренная ревность. Оказывать вниманіе другимъ могутъ, по ихъ мнѣнію, мужья некрасивыхъ женщинъ, мужья всёхъ остальныхъ женщинъ, только не ихъ мужья. И малъйшее уклонение отъ рыцарской върности со стороны мужа создаетъ обиды. Въ письмахъ Луизы нигдъ нътъ упоминанія о томъ, что ей непріятны флирты короля. Иногда она даже какъ бы даетъ понять, что разговоры о нихъ только веселять ее. Но Луиза была горда и никогда никому не призналась бы, что она обижена. Она, «вънценосная Афродита!» Развъ можетъ быть ей страшно какое бы то ни было соперничество? Но едва ли могутъ быть сомнёнія въ томъ, что обида сидёла въ ея груди, когда она вхала въ Мемель. Замътилъ это Александръ или нътъ, мы не знаемъ. Но онъ, несомнънно, замътилъ другое: восторженную душу Луизы и вспышки веселаго кокетства, загоравшіеся въ синихъ глазахъ королевы. Несмотря на молодость, Александръ имъть опыть въ уловленіи женскихъ сердець, и туть онъ пустиль въ ходъ все: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желаніе послужить идеаламъ человъчности, пылкое стремленіе къ славъ, намърение стать на защиту «угнетенной» Европъ, готовность каж-

¹⁾ Подробный разсказь въ мемельскомъ Дневникъ Луизы, напечатанномъ Балье въ «Briefwechsel König Friedrich, Wilhelm's III und der Königin Luis'e mit Kaiser Alexander» (тоже въ «Publ. aus d. Kön. Peuss. Staatsarchiven» LXXV), стр. 531 и слъд.

²) Briefwechsel, 535.

дый моменть спѣшить на помощь послѣднимъ изъ послѣднихъ. забывъ о своемъ высокомъ санъ, повинуясь только чувству гуманности 1). Это была тонкая игра со стороны «прельстителя». Она достигла и вли. Луиза по настоящему влюбилась въ Александра. Уже мъсяцъ спустя послъ его отъвзда въ письмъ ея къ брату мы находимъ настоящую осанну Алексаниру. Братъ ей писалъ о своей поъзпиъ по Альпамъ и, очевидно, очень восторгался природою. Луиза отвъчала 2): «Я не видъла никакихъ Альпъ, но я винъда люпей или лучше сказать человъка въ полномъ смыслъ этого слова, который воспитанъ альпійскимъ жителемъ, и знакомство съ которымъ дороже миъ, чъмъ всъ Альпы міра. Ибо Альпы не могутъ ничего дълать, а онъ дъйствуетъ, распространяетъ вокругъ себя счастье и благословение кажлымъ своимъ ръшениемъ. Каждый его взглядъ создаетъ кругомъ счастливцевъ, людей осчастливленныхъ его милостями (Huld), его небесной добротой. Что я оворю объ императоръ, о единственномъ Александръ, ты, конечно. ноняль съ первыхъ же словъ. Милый Георгъ! Ахъ, какъ дорого, какъ дорого миж это знакомство! Ни одно слово, которое говорять въ похвалу ему, не можетъ звучать лестью, ибо онъ заслуживаетъ всего хорошаго, что только можно сказать!..» Самому Александру Луиза писала письма, полныя грусти. На другой день послѣ его отъѣзда, 17 іюня, она воспользовалась отправкой курьера, чтобы спѣшно напарапать нъсколько строкъ 3): «Я тщетно буду стараться изобразить вамъ горе, въ которое повергъ меня вашъ отъвздъ. Онъ былъ ужасенъ. Только напежна увилъть В. И. В. черезъ пва года нъсколько утъшила меня»... Въ томъ же тонъ было написано и слъдующее сохранившееся письмо отъ 31 іюля 4). Луиза явно тосковала.

III.

Каковы были настоящія чувства Александра къ Луизъ? Нужно думать, что прекрасная королева нравилась ему, что его самолюбію было пріятно вспыхнувшее въ ней увлеченіе. Онъ дълаль

¹⁾ Въ «Дневникъ» Луиза разсказываетъ такой случай. «Былъ конченъ одинъ изъ танцевъ; императоръ отдыхалъ, сидя рядомъ со мною, мы разговаривали. Вдругъ всъ устремились къ окнамъ, спрашивали, въ чемъ дъло, говорятъ кто-то утонулъ. Какъ вътеръ, Александръ бросился внизъ, чтобы помочь. Это былъ маленькій мальчикъ, когораго уже успъли вытащить изъ воды. Я вижу въ окно, какъ императоръ возвращается съ мальчикомъ восьми или девяти лѣтъ на рукахъ. Войдя, онъ самъ далъ ему чаю, который тотъ пьетъ съ удовольствіемъ. И приходитъ ко мнѣ, какъ будто ничего не случилось. Я ему говорю о томъ, какъ онъ добръ, какъ я растрогана. «Всякій сдълалъ бы это на моемъ мѣстъ», отвъчаетъ онъ. «Briefwechsel», 535.

^{2) «}Briefwech». 537, отъ 13 іюля 1802 г.

^{3) «}Briefwech». 449.

⁴⁾ Тамъ же, 450.

все, что умѣлъ, для поддержанія его. Но, кажется, глубоко задѣтъ онъ не былъ. У Александра вообще было странное отношеніе къ женщинамъ. Онъ любилъ побѣды, но пользовался ими рѣдко ¹). Въ его жаждѣ успѣховъ у женщинъ было больше тщеславія, чѣмъ темперамента ²). Такъ было и здѣсь. Тогда чѣмъ объяснить эту жестокую игру? Потому что, повторяемъ, Александръ не упустилъ ни одного средства, чтобы покорить сердце Луизы. Опять передъ нами трудный вопросъ, въ которомъ разобраться можно только догадками, такъ какъ прямыхъ указаній не имѣется.

Когда въ іюнѣ 1802 года Александръ покинулъ Полангенъ и внезапно перешелъ границу Пруссіи, направляясь въ Мемель, его совѣтники по иностраннымъ дѣламъ, были очень недовольны. Александръ съ ними не посовѣтовался и потомъ едва держалъ ихъ, особенно Кочубея, который его сопровождалъ, въ курсѣ своихъ бесѣдъ съ королемъ. Впослѣдствіи Чарторыжскій напоминалъ Александру о мемельской поѣздкѣ, которую считалъ однимъ изъ его капризовъ. Онъ писалъ царю въ апрѣлѣ 1806 г. 3): «Тѣсная дружба, которая завязалась въ теченіе нѣсколькихъ дней у В. В. съ королемъ, была причиною, что В. В. перестали смотрѣть на Пруссію, какъ на политическую единицу, а видѣли въ ней личность, которая Вамъ была дорога и по отношенію къ которой В. В. считали себя связаннымъ особыми обязательствами».

Такъ же, какъ и в. к. Николаю Михайловичу, намъ кажется, что Чарторыжскій ошибался, думая и намекая, что привязанность

¹⁾ См. мою статью «Александръ и Наполеонъ» въ сборникъ «Война и Миръ» подъ ред. В. П. Обнинскаго и Т. И. Польтера изд. Т-ва «Задруга». 2) Эту особенность Александра отмъчали многіе. Именно по поводу Мемеля Чарторыжскій (Мемуары, пер. под. ред. А. А. Кизеветтера) говорить: «Со времени этого перваго свиданія русскаго императора съ прусской королевой, началось ихъ «платоническое кокетничанье». Такого рода отношенія особенно нравились Александру, и онъ всегда былъ готовъ посвящать имъ немало времени. Лишь въ очень ръдкихъ случаяхъ добродътели дамъ, которыми интересовался монархъ, угрожала дъйствительная опасность». Не было недостатка и въ попыткахъ объяснить это свойство Александра. Э. М. Аридтъ, долго жившій въ Петербург'в въ 1812 г. и вращавшійся въ аристократическихъ салонахъ, нишетъ («Meine Wanderungen und Wandelungen mit Reichsfreiherrn F. vom Stein», изд. Гердса, стр. 72 — 73): «Было изв'єстно, что въ Россіи, поэдиве въ Германіи и Франціи, Александръ усердно ухаживаль за всякой смазливой дамочкой въ салонахъ. Придворные врачи говорили по этому поводу, что все это --- одна видимость, совершенно безопасная, что мужья могли безъ всякой тревоги позволять ему увиваться вокругъ своихъ женъ»... «Почемъ я знаю?» прибавляеть Аридть. «Но такіе намеки врачей и людей знающихъ указывають на н'вчто, что помогаеть понять и политическую роль, которую въ нъкоторыхъ случаяхъ игралъ Александръ или которую его заставляли играть». Последнія слова Арндта, довольно темпыя, приводимъ потому, что чувствуется въ нихъ какой-то намекъ на событія 1805 года, о которыхъ сейчасъ будеть ръчь.

³⁾ Цит. у В. К. Николая Михайловича «Имп. Александръ», I, 29.

къ Луизъ играла здъсь какую-то роль. Она была ни при чемъ. Поведеніе Александра въ Мемелъ станетъ понятно, только если мы сопоставимъ его съ предыдущими и послъдующими дипломатическими отношеніями между Россіей и Пруссіей.

Въ 1802 году Александръ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что союзъ его съ Франціей, къ которому шелъ Павелъ, опасенъ. Опасенъ, быть-можетъ, не для Россіи, но несомнѣнно для него самого, такъ какъ онъ вызывалъ самое энергичное противодѣйствіе среди дворянства. Естественно, что отказываясь отъ союза съ республикою, онъ долженъ былъ искать союзниковъ иныхъ. Пруссія подвертывалась какъ нельзя болѣе кстати, и Александру важно было заручиться дружбою короля. Ъдучи въ Мемель, какъ мы указывали, онъ не имѣлъ опредѣленныхъ плановъ. Ему нужно было произвести рекогносцировку, узнать людей, на которыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать, ихъ слабыя стороны, ихъ мѣста наименьшаго сопротивленія. Это ему удалось. Картина придворныхъ отношеній выяснилась для него. Онъ рѣшилъ, что ключъ позиціи—королева. И задумалъ завоевать королеву.

Для Александра его наблюденія не представляли новости. Три года назадъ во время войны русско-австрійской коалиціи противъ Франціи русскій посоль въ Берлинъ графъ Н. П. Панинъ. видя, какое вліяніе на короля имъетъ Луиза, пробовалъ использовать его для политическихъ цълей. Онъ писалъ въ Петербургъ 1). что, по его мнънію, было бы весьма полезно, если бы императрина Марія Осодоровна, какъ родственница прусской королевской семьи, завязала съ Луизою интимную переписку, чтобы черезъ нее попъйствовать на короля и побудить его примкнуть къ коалиціи. По причинамъ, которыя не вполнъ ясны, переписка не состоялась. Но наблюдение опытнаго дипломата о вліяній королевы на короля забыто не было. Марія Өеодоровна не могла о немъ не знать. И такъ какъ поъздка Александра въ Мемель ръщалась въ семейномъ кругу, императрица-мать могла напомнить Александру о панинскихъ проектахъ. То, что царь увидълъ въ Мемелъ, очень совпадало съ тъмъ, что онъ зналъ раньше. Стараясь покорить Луизу, онъ думалъ не о флиртъ, а о томь, чтобы сдълать самаго вліятельнаго человъка у прусскаго трона слъпо-преданнымъ себъ, т.-е. интересамъ русскаго правительства.

Въ какой мѣрѣ наблюденія Панина и Александра отвѣчали дѣйствительному положенію дѣлъ? Какова была настоящая политическая роль Луизы? Въ 1799 году Луиза стояла совсѣмъ въ сторонѣ отъ политики. Она была цѣликомъ занята своими балами и своими дѣтьми. Въ этомъ очень быстро убѣдился самъ Панинъ 2).

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 104.

²⁾ Bailleu, тамъ же, 104.

Но уже въ 1801 году, когда шелъ вопросъ о занятіи Пруссіей Ганновера, Луиза была освъдомлена о ръшеніяхъ и предположеніяхъ короля ¹). Въ 1802 году ея вліяніє, несомнѣнно, еще возросло. А послѣ Мемеля она старалась стать ближе къ дѣламъ уже отъ одного желанія быть пріятной Александру.

Такъ, дипломатъ, который съ молодыхъ лѣтъ сидѣлъ въ Александрѣ, одержалъ въ Мемелѣ свою первую серьезную побѣду. Луиза предлагала ему свое сердце, а онъ велъ политическій флиртъ, увѣренный, что ему скоро придется воспользоваться его плодами. Фридрихъ Вильгельмъ тоже былъ доволенъ результатами мемельскаго свиданія. Договоръ о земельныхъ приращеніяхъ Пруссіи былъ ратификованъ Александромъ безъ малѣйшихъ затрудненій. О будущемъ король пока не думалъ. Что касается до отношеній жены къ русскому императору, то онъ зналъ, что они «чисты и благородны».

Политическая атмосфера, царившая въ Европъ, едва ли очень располагала къ оптимизму. Правда, уже въ мартъ былъ заключенъ миръ Франціи съ Англіей (Амьенскій миръ), и казалось, что Европа можетъ успокоиться. Но это только казалось. И Бонапартъ, и Питтъ это великолъпно понимали. Быть-можетъ, чувствоваль это и Александръ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ далекъ отъ этихъ мыслей. Онъ твердо върилъ, что его дипломатическій девизъ — не нарушать мира ни въ какомъ случаъ — отлично устраиваетъ прусскія дъла. Его совътники Гаугвицъ, Ломбардъ, Луккезини были настроены въ пользу Франціи и давали Талейрану усыпить себя. А сами эти совътники совсъмъ не понимали, въ чемъ нервъ грядущихъ перемънъ.

Экономическое соперничество французской и англійской буржуазіи Аменьскимъ миромъ устранено не было. Наоборотъ, миръ только еще ярче подчеркнулъ всю непримиримость интересовъ Франціи и Англіи при существовавшихъ условіяхъ. И эти четырнадцать мѣсяцевъ мира были, въ сущности, рядомъ отчаянныхъ попытокъ соблюсти Амьенскія условія. Столкновенія происходили на каждомъ шагу, и, въ концѣ-концовъ, въ маѣ 1803 г., разрывъ произошелъ. Снова Франція и Англія въ полномъ вооруженіи стали другъ противъ друга, и ни одна не могла нанести другой рѣшающаго удара. Но такъ какъ экономическое соперничество громко требовало положительныхъ мѣропріятій, ни Англія, ни Франція не могли сидѣть сложа руки. Для континентальныхъ державъ Европы опасность заключалась въ томъ, что, не будучи въ состояніи достать Англію за моремъ, Бонапартъ долженъ былъ

¹⁾ Bailleu, тамъ же, 134. Спеціальные посланцы изъ Ганновера просили ее вмѣшаться, чтобы устранить предполагаемую оккупацію. О томъ же хлопоталь у нея ея отецъ. Луиза твердо отвѣчала, что оккупація королемъ рѣшена.

бороться съ ней на континентъ, и слъдовательно вовлечь въ конфликтъ и другія державы. Англія, со своей стороны, безсильная противъ Франціи на континентъ, естественно, должна была искать союзниковъ. Была, однако, еще одна причина, которая неудержимо вовлекала въ конфликтъ съ Франціей какъ Австрію, такъ и Пруссію. Англійская эскадра стерегла море и блокировала французскіе порты. Французскимъ фабрикатамъ, слъдовательно, нужно было расширять сухопутный рынокъ. Онъ былъ, правда, достаточно обширенъ: Люневильскій миръ широко раздвинулъ границы республики. Но у этихъ границъ стояли два протекціонистскихъ барьера, закрывающихъ путь для французскихъ товаровъ на востокъ: Австрія и Пруссія. Это не могло такъ продолжаться.

Словомъ, причинъ для безпокойства въ Европъ было много. Нужно было имъть глаза, чтобы ихъ випъть. А глаза были открыты не у всъхъ. Прусскій король упорно держалъ ихъ закрытыми, а его совътники, быть-можетъ, не совсъмъ безкорыстно, не старались открыть ихъ ему. Александръ, несомнънно, предчувствоваль необходимость взяться за оружіе, но онь хотёль сначала разобраться, какъ слѣдуетъ, въ положеніи. Этимъ было вызвано предложение съ его стороны посредничества, затъя явно не могущая расчитывать на успъхъ, но удобная тъмъ, что съ ея помощью выигрывалось время. Дъйствительно, переговоры о посредничествъ наполнили лътніе мъсяцы 1803 года ¹). Потомъ событія пошли быстръе: заговоръ Кадудаля, процессъ Моро, судъ надъ герцогомъ Энгьенскимъ и его разстрълъ, провозглашение имперіи. Дъйствія Наполеона начинали казаться Александру тревожными. А такъ какъ все личное у царя всегда играло доминирующую роль, то умышленно грубый намекъ Наполеона на его участіе въ убійствъ отца, окончательно возстановиль его противъ новаго императора. Разрывъ съ Франціей совершился. Новосильцевъ повхалъ въ Лонпонъ. Это было въ сентябръ 1804 года. Настала пора утилизировать мемельскія отношенія.

IV.

Въ это время вообще складывались взгляды Александра на вопросы внѣшней политики и складывались подъ очень сильнымъ вліяніемъ Чарторыжскаго. Если въ іюнѣ 1802 года у царя была только одна честолюбивая юношеская мечта — освободить Европу отъ «ига», то теперь началъ вырисовываться опредѣленный планъ. Польша въ этомъ планѣ занимала очень замѣтное мѣсто. Поэтому отношенія къ Пруссіи, которой принадлежала наиболѣе значительная часть территоріи Рѣчи Посполитой, требовали очень большой

³) Sorel, VI, 314 слъд.

деликатности. Пруссія, нечувствительно ділалась узломъ дипломатическихъ отношеній.

Въроятность войны между Франціей, съ одной стороны, Россіей и Англіей, съ другой, становилась тѣмъ временемъ все больше и больше, и Пруссія уже по одному своему географическому положенію пріобрътала огромное значеніе. Объ стороны старались наперерывъ привлечь Пруссію къ себъ.

Наполеонъ отлично зналъ, что съ русской стороны будутъ дъйствовать весьма энергично, и онъ очень заблаговременно началъ работать для противодъйствія русскому вліянію. У него въ рукахъ былъ одинъ очень крупный козырь, Ганноверъ, который онъ предлагалъ Пруссіи, какъ даръ за союзъ. Уже въ мартъ 1803 года онъ присылалъ съ этимъ предложениемъ Дюрока въ Берлинъ. Прусскихъ политиковъ очень соблазняла перспектива подучить Ганноверъ, и они очень энергично старались склонить короля въ пользу Франціи. Но переговоры долго не приводили къ видимымъ результатамъ. Король, по обыкновенію, колебался; къ тому же онъ опасался принимать важное ръшеніе, не узнавъ мнънія Россіи. Сказывались мемельскія совъщанія. Секретные переговоры съ Россіей тянулись все время. Въ запискъ, составленной Гаугвицемъ и въ инструкціяхъ министрамъ, набросанныхъ королемъ (объ въ серединъ февраля 1804 года 1), проводится мысль, что необходимо затягивать переговоры съ Франціей, пока не выяснятся намфренія Россіи. Союзъ, въ концф-концовъ, не состоялся, потому что Россія объявила, что не признаетъ присоединенія Ганновера.

Для насъ самое любопытное во всъхъ этихъ дипломатическихъ зигзагахъ то, какъ смотрѣли обѣ стороны на роль королевы Луизы. У Наполеона, несомнънно, были очень въскія указанія на то, что королева является дъятельнымъ проводникомъ русскаго вліянія. И онъ всячески старался воздействовать на нее. Въ іюль 1803 года Жозефина написала Луизъ очень милое письмо 2), и послала ей въ подарокъ шляпы изъ Парижа и брюссельскія кружева. Но Луизу трудно было сбить. Она не забывала Мемеля. А туть случилось еще событіе, которое вообще набросило на Наполеона мрачную тънь въ глазахъ всъхъ монархическихъ элементовъ Европы — казнь герцога Энгьенскаго (21 марта 1804). Она какъ бы объединила легитимныхъ государей Европы въ ненависти противъ «исчадія революціи». Александръ утилизировалъ и Венсенскую трагедію въ свою пользу, а Луиза ему помогла. Сначала при прусскомъ дворъ были только огорчены и возмущены, но въ началѣ мая получилась вѣсть о томъ, что Александръ объявилъ придворный трауръ по герцогъ. Луиза сейчасъ же ръшила

^{1) «}Preussen und Francreich», 243-245.

²⁾ Bailleu, Kön. Luise, 143.

послѣдовать примѣру Петербурга и почти уговорила короля. «Королевѣ, писалъ Гарденбергу Ломбардъ ¹), до-смерти хочется облечься въ трауръ по герцогѣ Энгьенскомъ». Гарденбергъ, который только что вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сумѣлъ удержать короля. Но какъ разъ къ этому времени выяснились предложенія Россіи, и король, уступая частью настояніямъ королевы ²), подписалъ соглашеніе съ Россіей, почти равное союзу. Это было сдѣлано подъ большимъ секретомъ, 24 мая, и Наполеону оставалось неизвъстнымъ.

Отношенія между Франціей и Пруссіей оставались дружественными. 28 іюля король очень тепло поздравилъ Наполеона съ императорскимъ титуломъ ³).

Прусскіе министры въ очень спокойныхъ выраженіяхъ отвъчали Талейрану на его вопросъ, пропустить ли Пруссія русскія войска черезъ свою территорію, и отвічали отринательно. Вопросъ о Ганноверъ тоже не считался окончательно похороненнымъ. Что касается казни герцога Энгьенскаго, то Наполеонъ чувствоваль, что она не будетъ ему прощена, и придумалъ еще одинъ способъ, чтобы подогръть остывавшія франко-прусскія отношенія. Онъ предложиль королю принять императорскій титуль. Луизу очень соблазняло стать императрицей 4), но короля убъдили, что принять императорскую корону изъ рукъ Наполеона было бы позоромъ для Пруссіи, и сдълка снова расклеилась. Дъла Франціи не подвигались при берлинскомъ дворъ, въ то время, какъ Александръ, благодаря Луизъ, имълъ тамъ твердую почву подъ ногами и смълъе могъ ръшиться на разрывъ съ Наполеономъ. Онъ и ръшился, хотя формально послы получили свои паспорта значительно позднъе, въ октябръ. Въ октябръ же бурность Наполеона едва не привела его и къ разрыву съ Пруссіей: произошелъ злополучный инцидентъ съ похищеніемъ англійскаго резидента въ Гамбургъ Рэмболда, который не вызвалъ нападенія Пруссіи на Францію, только благодаря миролюбію короля, уладившаго дёло путемь личнаго письма къ Наполеону.

^{1) «}Preuss. und Frankreich, 261 — 262. Былъ еще одинъ эпизодъ, мало выясненный, но показывающій съ несомнънностью, что Луиза въ угоду Алесандру дъягельно работала противъ Наполеона. Среди ея давнихъ знакомыхъ (съ первыхъ годовъ замужества) былъ французскій эмигрантъ Фошъ-Борель, агентъ Бурбоновъ. Она раньше была съ нимъ въ сношеніяхъ, но въ 1804 и 1805 годахъ эти сношенія сдълались очень интенсивными. Фошъ-Борель сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ фразу Луизы, сказанную ему во время аудіенціи: «Да, г. Фошъ. Мы вамъ поможемъ. Вы хорошо устроите здъсь свои дъла. Мы вамъ поможемъ». См. объ этомъ эпизодъ Bonnal de Ganges, «La Reine Louise de Prusse», 1891, стр. 121 и слъд.

²⁾ Sorel, VI, 377.

³⁾ Preuss, und Frankreich, 273.

⁴⁾ Донесеніе Лафоре Талейрану. Preuss, und Francreich, 297.

Но атмосфера оставалась сгущенной, и 7 ноября Александръ подписаль соглашеніе съ Австріей. Новосильцевъ успѣшно вель переговоры въ Лондонѣ. Окончательно англо-русскій союзный договоръ быль подписанъ спустя долгое время, 11 апрѣля 1805 года. 9 августа того же года, къ нему примкнула Австрія, одновременно подписавшая военную конвенцію съ Россіей.

До разрыва Англіи съ Россіей содъйствіе Пруссіи не было столь важно для Наполеона. Когда разрывъ совершился, Пруссія получила для него сразу огромный въсъ. 8 августа французскій посолъ Лафоре снова предложилъ Ганноверъ на условіи заключенія союза. Но король и туть не захотъль нарушить своего нейтралитета. Труднъе, чъмъ съ Франціей было разговаривать съ Александромъ. Александру необходимо было притянуть Пруссію къ союзу и заставить подписать договоръ 11 апръля. Вопросъ этотъ имълъ не только теоретическое значеніе. При нейтралитетъ Пруссіи маршъ русскихъ войскъ на соединеніе съ австрійскими представляль очень большія трудности. Чарторыжскій ничего не имѣпъ противъ того, чтобы пройти черезъ прусскія земли, не спрашивая разръшенія: онъ зналь, что прусская армія находится на мирномъ составъ. Александръ былъ осторожнъе. Онъ понималъ, что это вещь опасная. И онъ пытался достигнуть цёли путемъ переговоровъ. 19-го царь писалъ Фридриху-Вильгельму, приглашая его вступить въ союзъ противъ Франціи, а 4 сентября уже прямо требоваль разръшенія пройти съ войскомъ черезъ прусскія земли.

Фридриха - Вильгельма стъсняли и даже оскорбляли назойливыя приставанія Россіи. Ему казалось, что они зад'вають его право принимать самостоятельныя ръшенія. Онъ отклониль какъ французскія предложенія, такъ и требованія Александра. 6-го онъ отправиль царю свой отвъть, а 7-го быль издань приказъ о мобилизаціи 80,000 чел., а черезъ 10 дней — остальной арміи: формально противъ Франціи, фактически противъ Россіи 1). Тогда Александръ ръшилъ прибъгнуть къ тому средству, которое ему всегда помогало: онъ предложилъ личное свиданіе. Королю не хотълось встръчаться съ Александромъ и онъ отвъчаль сначала довольно уклончиво, ссылаясь на дъла и соглашаясь съ большой оговоркой, но категорически отказать не ръшался. 4 окт. прі халь кн. П. П. Долгоруковь, котораго король приняль 6-го и которому вновь отказаль въ разрѣшеніи пропустить русскія войска черезъ Пруссію. Но въ тотъ же день король узналъ о фактъ, который сразу сбилъ его съ его миролюбивой позиціи; то быль проходъ французовъ и ихъ союзниковъ-баварцевъ черезъ владънія Пруссіи въ Аншпахъ. Король былъ внъ себя. 13-го Долгоруковъ побхалъ назадъ съ письмомъ, въ которомъ Фридрихъ-

 $^{^{1}}$) «Briefwechsel», письма подъ N = N = 68, 69 и 70.

Вильгельмъ соглашался пропустить русскую армію, но просилъ отложить личное свидание. Ему трудно было преодольть создавшееся у него въ послъднее время предубъждение противъ Александра. Отсрочка была непріятна его сов'єтникамъ, а въ женской половинъ дворца, видимо, вызывала большое негодованіе. У насъ нътъ никакихъ свидътельствъ объ отношении Луизь къ этому вопросу, но мы можемъ догадываться объ ея настроеніи по тому. что ея пріятельница, графиня Фоссъ, весьма непочтительно сравниваетъ короля за его упрямство съ муломъ. Нужно было очень много, чтобы коррективишая оберъ-гофмейстерина занесла въ свой дневникъ такое нехорошее слово. Александръ не обратилъ вниманія на просьбу объ отсрочкъ. 19-го онъ отправиль королю письмо, гдѣ извѣщалъ, что 25-го будетъ въ Берлинѣ. «Нужно ковать желъзо, пока оно горячо», говорилъ онъ окружающимъ. Въ назначенный день онъ прі вхаль. Среди обычных высочайших развлеченій, баловъ, парадовъ, осмотровъ всякихъ достопримъчательностей, шли переговоры о союзъ и объ условіяхъ вступленія Пруссіи въ коалицію. З ноября договоръ быль подписанъ, но для выигрыша времени ръшено предъявить ультиматумъ Пруссіи Наполеону черезъ четыре недъли. А ровно черезъ четыре недъли былъ день (2 дек.) Аустерлица.

Что дѣлала и что чувствовала королева во время пребыванія Александра въ Берлинѣ? Она попрежнему была во власти обольщенія 1). Три съ половиной года она берегла и лелѣяла образъ Александра въ своемъ экзальтированномъ воображеніи. Три съ половиной года жила мыслью увидѣть его вновь. И когда Алесандръ пріѣхалъ, страсть Луизы дошла до того, что она не всегда могла владѣть собою. Въ Потсдамѣ, какъ и въ Мемелѣ, королева часто оставалась наединѣ съ «кузеномъ», и, если мы вѣрно понимаемъ нѣкоторыя позднѣйшія письма, Александру приходилось останавливать пылкую королеву.

Вотъ что писала Луиза царю 13 августа 1806 года 2):

«Герцогиня Курляндская на седьмомъ небѣ отъ вашего посѣщенія. Если бы вы когда-нибудь посѣтили и меня! Должна ли я признаться вамъ въ своей слабости! Вѣдь всѣ военныя приготовленія... Нѣтъ, я не рѣшаюсь кончить... Но я думала, что все это дастъ мнѣ счастье вновь увидѣть васъ,—счастье, о которомъ я перестала мечтать. Я сдѣлалась теперь, когда мнѣ уже 30 лѣтъ, такой разсудительной. Я вполнѣ разсудительная особа, и увѣряю васъ, вы будете вполнѣ довольны мною. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пріѣзжайте сюда, и вы повѣрите...»

¹⁾ Балье (Kön. Luise, 162) утверждаеть, что она начала именно тепери разгадывать Александра. Ничто не подтверждаеть такого взгляда.

^{2) «}Briefwechsel», № 455, ctp. 459.

Письмо написано въ то время, какъ Пруссія лихорадочно готовилась къ борьбъ съ Наполеономъ. Королева не только признается, робко, какъ влюбленная шестнадцатилътняя дъвушка, — что военныя дъла имъютъ для нея лишь тотъ смыслъ, что могутъ опять призвать Александра въ Берлинъ. Мъшая шутку и серьезное, она намекаетъ ему на какіе-то, очевидно, имъ двоимъ только извъстные факты. Слово «разсудительная» подчеркнуто. Оно повторено дважды и за нимъ слъдуетъ объщаніе: «вы будете мною довольны». Значитъ, въ послъднюю встръчу, г.-е. передъ Аустерлицемъ, Луиза не была «разсудительной», и Александръ былъ отсутствіемъ «разсудительности» недоволенъ. Таковъ, кажется, ключъ къ секретамъ потсдамскихъ unter vier Augen. Это подтверждается и съ другой стороны.

Къ Потсдамскимъ днямъ 1805 года относятся, очевидно, и нескромныя припоминанія Чарторыжскаго: «Послѣ одного изъ свиданій съ прусскимъ дворомъ императоръ, въ то время сильно увлекавшійся кѣмъ-то другимъ, разсказывалъ мнѣ, что былъ серьезно встревоженъ расположеніемъ комнатъ, смежныхъ съ его опочивальней и что на ночь онъ запираетъ дверь на два замка изъ боязни, чтобы его не застали врасплохъ и не подвергли бы слишкомъ опасному искушенію, котораго онъ желалъ избѣжать. Онъ даже высказалъ это обѣимъ принцессамъ, при чемъ былъ болѣе откровененъ, нежели учтивъ и любезенъ» 1). Все это какъ нельзя больше подходитъ къ намекамъ письма.

Александръ весь тутъ: холодный, расчетливый, думающій только о томъ, чтобы поскорѣе привлечь короля къ союзу... Въ промежуткахъ между бесѣдами съ Гарденбергомъ и Меттернихомъ онъ продолжалъ кокетничать съ Луизой, говоря о высокихъ матеріяхъ, изображая рыцаря. А когда обольщенная словами женщина тянулась къ нему вся, отстранялся, не умѣя отвъчать на ласки, недовольный. Изъ политическаго флирта онъ не хотѣлъ или не могъ сдѣлать красиваго романа.

Каковы были причины, заставлявшія Александра играть мало свойственную ему роль Іосифа Прекраснаго? Тѣ ли, на которыя указываетъ Чарторижскій, или тѣ, о которыхъ въ 1812 году будетъ говорить Арндтъ? Мы не знаемъ и, вѣроятно, не узнаемъ 2). Ясно одно, что Александръ своими ухаживаніями добивался только

¹⁾ Мемуары князя Адама Чарторыжскаго, пер. под. ред. А.А. Кизеветтера, т. I, стр. 260. «Объ принцессы» — Луиза и Фредерика. Въ Мемелъ въ 1802 г. Фридерики не было и Александръ жилъ отдъльно. Поэтому естественно отнести эти строки къ Потедаму.

²⁾ Поиски за новыми письмами Александра къ Луизъ и Луизы къ Александру, предпринятые Паулемъ Балье въ Парижъ, гдъ онъ предполагалъ ихъ существование въ Нац. Архивъ, и въ Петербургъ, гдъ онъ искалъ ихъ съ помощью в. к. Николая Михайловича, пе привели ни къ какимъ результатамъ.

одной цѣли, политической. И все-таки, повидимому, не былъ увѣренъ, что добился. Онъ чувствовалъ, что король недостаточно твердъ и придумалъ — на такія вещи онъ былъ мастеръ — патетическую, хотя и немного лубочную, сцену прощанія у гроба Фридриха Великаго 1). Передъ отъѣздомъ Александръ выразилъ желаніе взглянуть на гробницу короля - героя. Онъ, король и королева, втроемъ спустились въ Гарнизонную церковь, сырую и мрачную, которую едва успѣли освѣтить. Фридрихъ - Вильгельмъ остался у порога. Александръ объ руку съ Луизой подошелъ къ гробницѣ и благоговѣйно къ ней приложился. Потомъ молча вышли. Царь обнялъ обоихъ, вскочилъ въ карету и уѣхалъ. Это было 4 ноября.

Для публики, для окружающихъ, для всего свъта, отношенія Александра и Луизы, тъмъ не менъе, представлялись въ достаточной степени сомнительными. «Королеву нельзя узнать со временъ визита императора Александра», писалъ французскій посланникъ послъ отъъзда царя. Не такъ скроменъ въ выраженіяхъ былъ Наполеонъ. Годъ спустя, 25 октября 1806 года, послъ разгрома прусской арміи, изъ Потедама, изъ того самаго дворца, гдѣ Александръ и Луиза предавались «платоническому кокетству», онъ выпустилъ свой 17-й бюллетень. Въ немъ онъ припоминалъ событія предшествовавшаго года. О королевъ тамъ говорилось: «Съ этого момента (посъщенія Александра) королева оставила серьезныя заботы о туалетахъ, чтобы вмѣшаться въ государственныя дъла, вліять на короля и встхъ зажигать ттмъ огнемъ, который горъль въ ней. Здоровая часть прусской націи смотрить на путешествіе Александра какъ на одно изъ самыхъ большихъ несчастій, постигавшихъ Пруссію..» Упомянувъ затъмъ о «знаменитой» клятвъ у гробницы Фридриха II, бюллетень продолжаетъ: «черезъ два дня послъ свиданія оно было изображено на картинкъ, которую можно видёть во всёхъ лавкахъ и которая заставляетъ смъяться даже мужиковъ. На ней изображены: русскій императоръ, очень красивый, съ нимъ рядомъ королева, а съ другой стороны король, который поднимаеть руку надъ гробницею Фридриха Великаго. Сама королева, закутанная въ шаль въ родъ того, какъ лондонскія картинки изображають лэди Гамильтонь, прижимаєть руку къ сердцу и смотритъ при этомъ на императора. Невозможно понять, какимъ образомъ берлинская полиція позволила распространять такую злую сатиру» 2).

Намекъ тутъ былъ больше, чѣмъ ясенъ, а сопоставленіе съ лэди Гамильтонъ, дамой, которая отнюдь не отличалась большой супружеской вѣрностью, поясняла этотъ намекъ для самыхъ не-

¹⁾ Эту сцену называють клятвою, что не вполнъ повидимому, правильно.
2) Corresp. de Napoléon, т. XIII, 11069.

понятливыхъ. Наполеонъ, въроятно, зналъ, что въ его инсинуаціяхъ и тъни правды и, должно-быть, понималъ недопустимость такихъ инсинуацій, но онъ преслъдовалъ опредъленную цъль: убить моральный авторитетъ королевы Луизы, котораго онъ боялся. И, быть - можетъ, кое - какихъ результатовъ онъ добился. Если бы нравственный авторитетъ королевы Луизы стоялъ въ 1806 году такъ же высоко, какъ въ 1813 г., когда ея уже не было въ живыхъ, трудно было бы объяснить то безучастное отношеніе широкихъ народныхъ круговъ къ невзгодамъ королевской семьи, какія несомнънно наблюдались въ дни Іены, Штетина, Магдебурга и даже Фридланда.

Въ 1805 году Александръ такъ далеко не заглядывалъ. Его флиртъ имѣлъ въ виду близкія цѣли, и ихъ онъ достигъ. Если, въ концѣ-концовъ, король согласился вступить въ союзъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ это было угодно Александру и Меттерниху, вліяніе Луизы помогло имъ очень. И уѣзжая, Александръ зналъ, что въ Луизѣ онъ будетъ имѣть вѣрнаго и надежнаго союзника. Насколько король былъ пасмуренъ и жалѣлъ о сдѣланномъ, настолько Луиза со своими дамами были радостны и полны надеждъ. Онѣ обрабатывали Гаугвица передъ его отъѣздомъ въ главную квартиру Наполеона и уговаривали его быть непреклоннымъ. Онѣ не убирали со стола карты военныхъ дѣйствій, посылали пожеланія побѣдъ «нашему императору», распространяли русскіе бюллетени объ успѣхахъ союзниковъ 1)...

Среди всѣхъ этихъ надеждъ разразился Аустерлица, — и все было перевернуто. Австрія вышла изъ союза, а Россія была разгромлена такъ, что о немедленномъ продолженіи войны не могло быть и рѣчи. Гаугвицъ, вмѣсто того, чтобы говорить Наполеону строгія слова и предъявлять ультиматумъ, неожиданно для себя и для своего короля поздравилъ его съ побѣдой и 15 декабря заключилъ съ нимъ союзъ, получивъ давно желанный Ганноверъ ²). Положеніе измѣнилось кореннымъ образомъ.

Александръ сообразилъ, что въ такой моментъ со стороны Пруссіи было бы верхомъ неблагоразумія объявлять войну Франціи. Ему нужна была прусская помощь, но не теперь, когда онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать, а позднѣе, когда онъ оправится. Единоборство Пруссіи съ Наполеономъ могло кончиться только пораженіемъ ея, и тогда Александръ лишился бы союз-

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 164.

²⁾ Игра Наполеона съ неповоротливымъ Гаугвицемъ, который прівхаль къ нему въ лагерь 27 ноября, велась артистически. Марбо (Мем. І, сh. 26) разсказаль намъ одинъ изъ пріемовъ, при помощи которыхъ Наполеонъ охлаждалъ воинственный пылъ прусскаго дипломата. Немало помучилъ его и Талейранъ въ Вѣнъ, къ которому императоръ отправлялъ этого опереточнаго дипломата, когда онъ очень надовдалъ ему.

ника въ будущемъ. Поэтому онъ писалъ королю 1), что считаетъ Пруссію свободной отъ обязательствъ по отношенію къ Россіи. но что готовъ всегда поддержать ее, если король этого захочеть. Настроеніе короля послѣ Аустерлица, конечно, сдѣлалось еще болже миролюбивымъ. Онъ надъялся сговориться съ Наполеономъ по-хорошему. Совсѣмъ другими чувствами была одушевлена Луиза. Аустерлицъ былъ для нея жестокимъ ударомъ. Ея рыцарь, разбитый, бъжаль съ поля битвы и теперь спъшиль въ Россію. Она плакала горькими слезами и, когда кругомъ эти слезы вызывали удивленіе, старалась скрыть ихъ настоящую причину: «Нужно не быть нъмкой, чтобы не чувствовать всего этого». Но она не только плакала. Съ упорствомъ влюбленной женщины она начала подготовлять для Александра реваншъ. Она агитировала за войну почти открыто, и военная партія, въ главъ которой стоялъ принцъ Луи-Фердинандъ, была въ восторгъ. «Скажи королевъ, —писалъ принцъ сестръ, - что, если бы были извъстны ея чувства и ръшительность, съ какой она высказывается за хорошее дъло и за энергичныя мъры, - всъ благомыслящіе люди и вся армія воздвигали бы ей алтари». Но агитація королевы все-таки была вещью не совсёмъ нормальной. Могъ разразиться скандалъ. Совётники короля не могли не обратить его внимание на это. И, кажется, въ первый разъ между Луизой и Фридрихомъ Вильгельмомъ стали происходить несогласія, нерѣдко переходившія въ ссоры. Одинъ русскій дипломатъ пишетъ изъ Берлина: «Бѣдная королева — настоящій нашъ другъ. Ее очень жалко. Стоитъ только разсказать всѣ сцены съ королемъ, которыя она выдерживала, всѣ слезы, которыхъ мы ей стоили. А какъ хороша она, между прочимъ!»..2) Луиза предпочитала проливать слезы и выдерживать сцены съ королемъ, чъмъ отказаться отъ работы для любимаго человъка. И въ общественномъ мнъніи она съ каждымъ днемъ находила все больше поддержки. Шенбруннскій договоръ 15 декабря быль пересмотрѣнь и подтвержденъ въ Парижъ 15 февраля 1806 г. въ болъе тяжелой для Пруссіи редакціи, а вскор'в всл'єдь за т'ємь началась демобилизація. Квартирующія въ Берлинъ части возвращались домой, не выпустивъ ни одного ядра, но разстроенныя зимними переходами, стужей и дезертирствомъ. Настроеніе офицерства было бурное. Королева, про которую всѣ знали, что она за войну, становилась все популярнъе. Первая манифестація арміи произошла 5 марта 1806 года. Полкъ Аншпахскихъ драгунъ еще при Фридрихъ Великомъ получилъ привилегію высказывать свои желанія королю непосредственно. Пользуясь ею, командиръ полка графъ Калькрейтъ на смотру попросилъ короля назначить шефомъ полка королеву

¹) 6 декабря, Briefwechs., № 84.

²⁾ Bailleu, Kön. Luise, 168.

Луизу. Королю было невозможно отказать, хотя демонстрація была болъве чъмъ ясная. Онъ быль очень недоволень, но армія ликовала...

Мало-по-малу королева сдѣлалась какъ бы выразительницей того чувства недовольства и униженія, которое разливалось въ верхнихъ кругахъ общества, какъ протестъ противъ тупости и неумълости дипломатіи и трусости короля. У нея было свое горе, но причина ея горя лежала тамъ же, гдъ была причина горя арміи и воинственной аристократіи. И она сдълалась вождемъ той части общества, которая въ то время одна создавала общественное мнѣніе. У нея собирались «патріоты», люди, не боявшіеся войны, старавшіеся спасти престижь и самостоятельное существованіе Пруссіи: Штейнъ, Гарденбергъ, Блюхеръ, Рюхель, принцъ Луи, его сестра Луиза Радзивиллъ, Маріана, жена принца Вильгельма, которая не хотъла отставать отъ Луизы и которую ея поклонники звали «Германской Велледой» 1). Выходя отъ королевы, молодые гвардейскіе офицера выбили однажды стекла у Гаугвица, виновника союза съ Франціей. Патріотическое возбужденіе не шло дальше арміи и очень ограниченнаго круга общества; но дипломаты волновались. Въ разговоръ съ французскимъ посломъ Лафоре, кабинетъ-министръ Ломбардъ дважды какъ бы оправдывалъ короля, то ссылаясь на «женское вліяніе и на неблагопріятное настроеніе двора», то указывая, что «въ семь короля сильно русское вліяніе» 2).

Нъмецкие панегиристы Луизы стараются затушевать воинственныя выступленія королевы, и даже Балье гръшить этой патріотической слабостью. Свидътельства современниковъ не оставляютъ никакихъ сомнъній на этотъ счетъ. Весною Луиза поъхала лъчиться въ Пирмонть, потому что здоровье ея сдълалось дъйствительно очень ненадежно. Тамъ вдали отъ сдерживающаго вліянія короля, окруженная своими дамами и нъсколькими воинственными принцессами, Луиза не всегда соблюдала мъру. Слухи основаніи Рейнскаго союза довели ея раздраженіе до посл'єдней степени. «Это не можеть такъ продолжаться. Наполеонъ — негодяй (ein Elender)», восклицала она въ негодованіи. Разумъется, эти маленькія манифестаціи производили большой шумъ въ Германіи и очень не нравились во Франціи. Берлинъ тревожился. Французскій дипломать Биньонь, долго жившій въ это время въ Германіи и исполнявщій даже обязанности посла въ Берлинъ года за три предъ тъмъ, пишетъ по этому поводу 3): «Направленныя противъ Франціи нескромныя заявленія королевы въ Пир-

¹⁾ Palèologue, «Profils de femmes», 124 — 125.

²) Лафоре Талейрану 22 февраля и 18 марта 1806 г. Preussen und Francreich, №№ 336 и 338, стр. 443 — 445.

³⁾ Histoire de France, V, 402.

монтъ, были сдъланы такъ открыто, что о нихъ узнала вся Германія. Не могли не узнать о нихъ и въ Берлинъ. Кабинеть почувствоваль, какь опасны эти неблагоразумныя выходки, и королева получила замъчание насчетъ ихъ неудобства». Она сдълалась осторожнъе. Но когда она 1 августа 1806 года вернулась въ Потсдамъ и вновь попала въ гущу военной партіи, она опять заразилась общимъ настроеніемъ. Отношенія съ Франціей были таковы, что предотвратить разрывъ было уже невозможно. Манифестаціи противъ Франціи становились шумнъе. Въ театръ, гдъ шелъ шилеровскій «Валленштейнъ», раздавались воинственные крики. Принцы подали королю всеподданнъйшее заявленіе, въ которомъ требовали отставки Гаугвица, Ломбарда и Бейля, какъ сторонниковъ мира. Офицеры ходили точить свои сабли на перронъ французскаго посольства. Началась мобилизація. Армія стала передвигаться къ границамъ. 18 сентября Луиза встрътила свой драгунскій полкъ у воротъ Берлина верхомъ, одътая въ его цвъта. Она стала въ главъ его и повела его черезъ весь городъ въ Шарлоттенбургъ, гдъ ему была назначена послъдняя остановка передъ походомъ. Во дворцъ для офицеровъ былъ устроенъ банкетъ, и всъ восторженно привътствовали тостъ за шефа, предложенный командиромъ. Наполеонъ не оставилъ этой демонстраціи безъ ядовитаго отзыва. Въ его 1-мъ бюллетенъ было сказано: «Королева прусская, одътая амазонкой, въ формъ своего драгунскаго полка, пишетъ по двадцати писемъ въ день, чтобы зажечь пожаръ со всъхъ сторонъ. Она напоминаетъ Армиду, которая въ ослъплении поджигаетъ собственный дворецъ»... 1)

Эти очень не рыцарскія выходки французскаго императора сильно дъйствовали на Луизу, но ее утъшало одно: мысль, что она увидится съ Александромъ. У насъ имфется нфсколько писемъ ея за 1806 годъ. Въ нихъ много настоящаго чувства, которое сдерживается изо всъхъ силъ, но рвется наружу неудержимо и властно. Для Луизы дорого всякое событіе, такъ или иначе связанное съ Александромъ. 17 апръля она пишетъ ему о желательности брака вел. кн. Екатерины Павловны съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ и прибавляетъ: «Вы знаете мое сердце, вамъ нетрудно будетъ повърить, что, войдя въ среду семьи, которая васъ любитъ, оказавшись близъ меня, ваша сестра будетъ предметомъ моей любви и моихъ ласкъ». 20 мая она шлетъ ему рекомендацію для герцогини Курляндской, которая вдеть въ Петербургъ. И опять восклицаніе: «Будеть ли мив суждено когда-нибудь увидъть этотъ прекрасный городъ и его прекрасныхъ жителей». «Прекрасный житель», которому было адресовано письмо, отлично понималь эти робкія признанія. 21 мая она пи-

¹⁾ Correspondance de Napoléon, T. XIII, 10967.

шетъ ему отять, приглашая его въ Берлинъ, и опять рядъ какихъ-то, только имъ обоимъ понятныхъ намековъ. То, прося Александра прислать ей свой бюстъ, она играетъ словами и говорить о «первенствъ своихъ правъ», то щутя разсуждаетъ о разныхъ свойствахъ воздуха въ Петербургъ, который заставляетъ забывать «старыхъ знакомыхъ», и въ Шарлоттенбургъ, который «укръпляетъ память и воспоминанія». Сл'вдующее письмо написано уже посл'в возвращенія въ Потсдамъ, 13 августа. Это-то самое, гдѣ Луиза зоветь Александра въ Берлинъ и объщаеть ему быть умницей. Черезъ мъсяцъ, когда война уже готова вспыхнуть, Луиза въ тревогъ. Она собирается сопровождать короля въ армію и пишетъ Александру трогательныя слова, что «върить въ него, какъ въ Бога и что дружба ея кончится только вмъстъ съ ея счастьемъ». Въ письмъ изъ Веймара отъ 29 сентября Луиза, чтобы сдълать удовольствіе Александру, посвящаеть нѣсколько ласковыхъ словъ М. А. Нарышкиной, которая какъ разъ въ это время провзжала черезъ Веймаръ и отношенія которой и Александра были ей хорошо извъстны. Она готова на все, лишь бы снова дождаться счастья — увидъть Александра. А онъ на всъ эти робкія, сдержанныя, скрывающія страсть, письма отв'єтиль однимь холодно-офиціальнымь, гдъ нътъ ни одного слова, идущаго отъ сердца, гдъ онъ ссылается на мать, какъ онъ это сдълалъ въ 1810 году съ Наполеономъ, отказывая герцогу Брауншвейгскому въ рукъ своей сестры.

У Луизы было нехорошо на душѣ, когда она уѣзжала въ армію. Прощаясь съ Луизой Радзивиллъ, она шепнула ей: «Скажите ему, что на него вся моя надежда». «Онъ» — это ея старый обожатель, принцъ Луи, котораго при дворѣ считали самымъ способнымъ изъ прусскихъ генераловъ. Но она бодрилась. Ей казалось, что солдаты, которые такъ восторженно привѣтствовали ее, не могутъ быть побѣждены. Но черныя крылья несчастія уже были распростерты надъ ней.

10 октября при Заальфельдѣ Ланнъ на-голову разбилъ прусскій авангардъ, и принцъ Луи, надежда страны, палъ отъ руки французскаго солдата.

Луиза была въ ужасѣ, но Наполеонъ не далъ ей долго горевать. 14 октября были Іена и Ауэрштедтъ. Луиза едва ускользнула отъ французскихъ разъѣздовъ. О королѣ она не имѣла извѣстій три дня. «Гдѣ король, гдѣ армія», спрашивала она одного офицера, который обогналъ ее по дорогѣ. «Король не знаю. Армія не существуетъ болѣе», былъ отвѣтъ. 17-го передъ Берлиномъ она получила письмо короля, въ тотъ же день прибыла въ столицу, гдѣ равнодушный народъ обнаруживалъ больше любопытства, чѣмъ участія 1), за ночь собрала, что было можно во дворцѣ, на утро

¹⁾ Luise Radziwill, 45 Jahre aus meinem Leben, crp. 171.

вывхала и 19-го была въ Штеттинв. Оттуда она повхала въ Кюстринъ, гдв ее ждалъ король. Потомъ уже бвжали вмвств: изъ Кюстрина въ Грауденцъ, изъ Грауденца въ Остероде, изъ Остероде въ Ортельсбургъ, изъ Ортельсбурга въ Кенигсбергъ. Туда прибыли 9 декабря.

Наполеонъ не оставилъ ее въ покоъ и теперь. Чуть не въ каждомъ бюллетенъ онъ возвращался къ ея роли и не щадилъ ее. Въ 8-мъ бюллетенъ говорилось: «Наканунъ (сраженія при Іенъ) она дълала смотръ своему полку. Она безпрестанно возбуждала короля и его генераловъ. Она хотъла крови...» 9-й бюллетень нъсколько мягче: «Повидимому, правда, что про нее (королеву) говорять: она была здісь (въ Веймарів), чтобы раздуть пламя войны. Это женщина съ красивымъ лицомъ, но съ малымъ умомъ, неспособная предсказать послѣдствія своихъ поступковъ. Теперь нужно не обвинять, а жалъть ее; ибо она должна горько раскаиваться въ тъхъ несчастьяхъ, которыя она причинила своей родинъ». Въ 11-мъ бюллетенъ — опять воспоминанія о томъ, какъ королева подстрекала короля къ войнъ: «Она передала ему, что о немъ говорять, будто ему недостаеть храбрости и что онъ не хочеть воевать только потому, что боится стать во главъ арміи». И туть же лицемърная защита короля: «А на самомъ дълъ король такъ храбръ, какъ ни одинъ изъ прусскихъ принцевъ». Мы уже знаемъ, какъ непристойно была высмъяна Луиза въ 17-мъ бюллетенъ. 18-й продолжаеть въ томъ же духѣ: «Перемѣна, происшедшая съ тъхъ поръ (все съ того же визита Александра), въ королевъ, которая изъ боязливой и скромной женщины, занятой своими домашними дълами, сдълалась буйной и воинственной — была внезапной революціей» 1).

Послѣ этого бюллетеня, словно сообразивъ, что начинаетъ повторяться и, быть-можетъ, понявъ, что травля несчастной женщины, не принесетъ ему большой славы, Наполеонъ оставилъ Луизу въ покоѣ.

Катастрофа, съ одной стороны, эти армейскія оскорбленія—съ другой, не могли не дъйствовать на Луизу. Королева была совершенно убита горемъ, но врожденное благородство не покидало ее ни на минуту. Она много плакала, особенно сначала, но потомъ взяла себя въ руки и не только справилась съ собою, но сумъла поднять духъ и у короля. А это было нелегко. Онъ былъ до такой степени оглушенъ и перепуганъ, что первое время могъ говорить и думать только о миръ. Лишь неудача его попытокъ найти пріемлемую базу для переговоровъ привела и его къ сознанію, что борьба — единственный выходъ. Всъ свидътельства сходятся на томъ, что Луиза принимала большое участіе въ этомъ

¹⁾ Correspondance de Napoléon, T. XIII, 11018, 11026, 11064, 11094.

поворотѣ 1). Современники и историки громко восхваляютъ ее за это, что, конечно, заслуженно. Пруссія не могла мириться, не подписавъ смертнаго приговора своей роли въ Германіи. Но что побуждало Луизу дъйствовать въ этомъ направленіи: одно ли инстинктивное пониманіе положенія, или что-нибудь еще? Миръ Пруссіи съ Наполеономъ— это было ясно— привелъ бы къ разрыву Пруссіи съ Россіей. Кровь русскихъ, которые погибли бы въ единоборствѣ Наполеона и Александра, могла навсегда помѣшать новому сближенію Пруссіи съ Россіей. Луиза, которая, подготовляя войну, мечтала только о томъ, чтобы еще разъ увидѣть Александра, не могла забыть этихъ печальныхъ для нея возможностей. Еще разъ сказались послѣдствія мудраго флирта Александра: срюзникъ его въ домѣ прусскаго короля былъ энергиченъ и настойчивъ.

Миръ не состоялся. Отъ прусской арміи послѣ капитуляцій при Пренцлау и Швартау, сдачи Штеттина и Магдебурга не осталосьничего кромѣ нѣсколькихъ тысячъ подъ начальствомъ Лестока и гарнизоновъ Кольберга, Грауденца, Данцига и Кенигсберга. Затоприближались русскія войска. Началась польская кампанія 1807 года.

VI.

20 декабря былъ Пултускъ, Беннигсенъ кричалъ о побъдъ, но отступалъ. 28 была стычка при Зольдау и разбитъ Лестокъ. Кенигсбергъ оказался открытымъ Наполеону. Луиза должна была бъжать дальше. Король былъ при арміи. Больная, она еле добралась до Мемеля, гдъ стала ждать дальнъйшихъ извъстій. И извъстія стали лучше. 7 и 8 фервля разразилось кровопролитное сраженіе при Эйлау, Наполеонъ отошелъ на западъ. Опасность, грозившая Кенигсбергу, прошла. Мало того Наполеонъ самъ началъ переговоры о міръ. Въ Мемель пріъхалъ его адъютанть, генералъ Бертранъ, который имълъ, кромъ прочаго, еще особое поручение къ королевъ; Наполеонъ высказывалъ сожалъние о нападкахъ на Луизу и выражалъ надежду, если миръ будетъ заключенъ, черезъ двъ недъли лично представиться ей въ Берлинъ. Луиза отвъчала Бертрану очень холодно, королю совътовала «оставаться твердымъ», а Гарденбергу, который былъ теперь призванъ къ совъщаніямъ, успѣвала шепнуть на ухо: «упорство!» 2)

Гарденбергъ, конечно, взвѣшивалъ всѣ соображенія, высказываясь противъ отдѣльнаго отъ Россіи мира съ Наполеономъ. Но Луиза прежде всего думала объ Александрѣ: отдѣльный миръ съ Франціей былъ равносиленъ разрыву съ Россіей.

¹⁾ Bailleu, Königin Luise, 215.

²⁾ Bailleu тамъ же, 221.

Александръ, однако, встревожился. Онъ не очень надъялся на твердость короля, четыре мъсяца назадъ умолявшаго Наполеона о миръ, и ръшилъ при первой же возможности освъжить привязанность и симпатію къ себъ при прусскомъ дворъ. 2 апръля онъ прівхалъ въ Мемель. Луиза не могла сдержать слезъ при свиданіи съ нимъ и снова вся цъликомъ отдалась во власть очарованія. «Я не могу передать, — писала она сестръ, — что я чувствовала, когда я хотъла благодарить его, выразить ему нашу признательность. Никакъ не удавалось мнъ это, слезы душили каждое слово, самъ онъ былъ такъ растроганъ, такъ печаленъ, но въ то же время такъ великъ, такъ благороденъ, когда говорилъ съ идущимъ изъ глубины души убъжденіемъ: я выполняю только свой долгъ!» 1).

А этотъ растроганный и печальный рыцарь торопился добиться у короля того, что ему было нужно. Цастровъ, настроенный въ пользу мира, былъ удаленъ, Гарденбергъ, стоявшій за войну, сдѣланъ первымъ министромъ. Но этого Александру было мало. Ему нужна были увѣренность, что Пруссія не заключитъ отдѣльнаго мира съ Наполеономъ. Бартенштейнская конвенція 26 апр. дала ему эту увѣренность 2).

Для Луизы, казалось, настали лучшіе дни. Она вздила съ мужемъ и Александромъ въ Кидуллы на смотръ (еще до Бартенштейна, 10 апр.), но держалась по отношенію къ Александру очень осторожно, чтобы не дать новой пищи злословію враговъ. Оттуда она повхала въ Кенигсбергъ и написала ему письмо, въ которомъ объясняетъ, почему она была такъ сдержанна съ нимъ въ Кидуллахъ. Тутъ она даетъ волю своему чувству: «Безконечное удовольствіе, которое я переживаю, бесъдуя съ вами, дълаетъ меня эгоисткой. Я думаю только о себъ, о наслаждении, которое даетъ мнъ письмо къ вамъ... Въ васъ воплотились всъ совершенства, которыя люди всегда любять, какъ прекрасный идеаль, наполняющій душу, но неосуществимый въ жизни. Нужно знать васъ, чтобы върить въ совершенство. Но нельзя узнать васъ, не подвергаясь опасности привязаться на всю жизнь нъ эмблемъ добродътелей... Все, о чемъ я васъ прошу — не сжигать этого письма. Оно доказываетъ вамъ, какъ я васъ люблю. Пока я буду сама хорошей, пока я буду любить добродътель, я буду привязана къ вамъ всёми тёми чувствами, которыми я привязана къ Провидёнію»... 3) Искренны или нътъ эти изліянія? Нътъ никакихъ основаній сомнѣваться въ этомъ? Наивная нѣмецкая восторжен-

³⁾ Bailleu, тамъ же, 223.

²⁾ Есть мивніе (его раздвляеть и В. К. Николай Михайловичь), что Бартенштейнь быль выгодень исключительно Пруссіи, что Александрь лишь по непонятному ослвиленію согласился на договорь. Съ этимъ трудно согласиться. Въ данный моменть Бартенштейнъ нуженъ быль только Александру.

³⁾ Briefwechsel, № 458.

ность даеть только слова, которыя звучать нѣсколько странно на французскомъ языкѣ ¹). Чувство идетъ изъ души. Луиза лишена возможности видѣться съ Александромъ, хотя онъ совсѣмъ близко отъ нея. Она отъ этого страдаетъ и горько жалуется въ другомъ письмѣ, отъ 10 іюня ²): «Одна изъ самыхъ большихъ жестокостей Бонапарта — то, что онъ нашелъ способъ отдалить насъ другъ отъ друга и лишить меня счастія принять васъ въ моей собственной странѣ... Я буду жаловаться на эту жестокость, пока вы будете жить въ Тильзитѣ; моимъ долгомъ было бы отправиться туда, но это чудовище сумѣло разорвать отношенія, гакія невинныя...»

Это было послѣднимъ письмомъ Луизы изъ Кенигсберга. 14-го былъ Фридландъ, а послѣ Фридланда очень скоро потянулись дни Тильзита. Бѣдная Луиза опять очутилась въ Мемелѣ, и оттуда 25 іюня послала Александру еще одно письмо, жалобный стонъ, трогательный и безнадежный. Луиза словно предчувствуетъ, какую злую игру поведетъ ея «Провидѣніе».

Тильзить — одинь изь самыхь характерныхь эпизодовь жизни Александра. Его отношенія къ Наполеону, съ одной стороны, къ Фридриху-Вильгельму и Луизѣ, съ другой — показывають, какъ жестоко заблуждались тѣ изъ современниковъ, въ томъчислѣ и Луиза, которые считали Александра ангеломъ и идеаломъблагородства. Послѣ Фридланда Александръ не задумался сдѣлать то, чего такъ опасался со стороны Пруссіи, для предупрежденія чего подписалъ Бартенштейнскую конвенцію: самостоятельно, безъ соглашенія съ Пруссіей, заключилъ перемиріе съ Наполеономъ.

Это было явнымъ нарушеніемъ договора съ Пруссіей, и нѣмецкіе историки съ Трейчке во главѣ справедливо называютъ тильзитскія прелиминаріи вѣроломствомъ. Вѣроломство притомъ было не только политическое, но и личное. Александръ тысячи разъ давалъ прусскому королю завѣренія въ дружбѣ, настойчиво звалъ его въ союзъ противъ Франціи, убѣдилъ несчастную Луизу въ томъ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ—единственное счастіе для Пруссіи, увлекъ ее блестящими перспективами и неискреннимъ павосомъ на погибельный путь. А теперь, когда Пруссія осталась безъ войска, безъ денегъ, безъ территоріи, не задумался покинуть ее на произволъ судьбы. Политическія соображенія подсказывали ему, что послѣ Фридланда, когда пропала надежда поднять Австрію, лучше мириться одному, а не ставить на вѣсы рядомъ съ собою совершенно безсильную, уничтоженную Пруссію. Но по мѣрѣ того, какъ для него выяснялись намѣренія Наполеона

¹⁾ Cp. Sorel, VII, 161, прим.

²⁾ Briefwechsel, № 461.

насчетъ Польши, онъ сталъ приходить къ пониманію, что невозможно допустить полное сокрушение Пруссіи. Возстановленіе Польши было угрозою Россіи даже въ невинной сравнительно формъ Герцогства Варшавскаго. Если бы Пруссія была окончательно выброшена изъ ряда державъ, Александру не на кого было бы опираться въ своихъ планахъ противъ Польши. Вотъ почему по мъръ того, какъ подвигались переговоры, Александръ все энергичнъе защищалъ интересы Пруссіи. Подсказывало ему эту политику вовсе не рыцарское чувство по отношенію къ королевъ Луизъ, какъ утверждаетъ вел. кн. Николай Михайловичъ 1), а холодный расчеть сознание возможности будущихъ осложнений изъ-за Польши ²). Александръ еще разъ показалъ себя великолъпнымъ дипломатомъ.

Для Луизы измъна Александра была двойнымъ ударомъ: и политическимъ и личнымъ. Очевидно, подъ вліяніемъ этого удара она пыталась сблизиться съ представителями Англіи въ Мемелъ, на что такъ горько жаловался русскій повъренный въ дълахъ, баронъ Криднеръ 3). Но въ политикъ трудно было найти путь для новой системы, а въ сердцъ-для забвенія старой привязан-

Когда все было кончено, миръ заключенъ, Александръ увхалъ въ Россію, королевская семья перебралась въ Кенигсбергъ, Луиза писала однажды 4) своей подругъ, г-жъ Бергъ: «Онъ (Александръ) не заслуживаетъ больше писемъ отъ меня, такъ какъ онъ могъ забыть обо мнъ (me nègliger) въ моментъ, когда все соединялось, чтобы сдълать меня такъ безпощадно несчастной, когда не оставалось страданій, съ которыми бы я не познакомилась. Нътъ, правда, міръ — не лучшій изъ міровъ, и люди въ немъ не лучшіе изъ людей. Не нужно Лагарповъ для моихъ сыновей. Нужны Ансильоны».

Эти строки, полныя отчаянія и глубокаго пессимизма, ставящія чиновника съ продажными убъжденіями выше свободолюбиваго ученаго республиканца, могла написать только женщина, задътая

^{1) «}Имп. Александръ», I, 48. Сознательно или безсознательно Александръ послівдоваль совіту матери, убіждавшей его (еще до Бартенштейна, письмомь отъ 14 марта) мириться съ Наполеономъ «не тогда, когда захочеть этого Пруссія, а когда вы захотите этого и сочтете почетнымъ и необходимымъ для вашего государства». «Имп. Александръ», тамъ же.

²⁾ Ср. Вандаль, «Наполеонъ и Александръ», т. І, 101.
3) Въ письмъ къ Румянцеву. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 89, стр. 93. Криднеръ отпосить это ко времени, непосредственно слъдовавшему за Кидуллами, по онъ ошибается (письмо написано 12 окт. п. с.). Намеки на ухаживанія за англичанами им'єются въ письмахъ Луизы къ королю въ Тильзитъ.

⁴⁾ Briefwechsel, стр. 469, прим. Балье относить это письмо къ іюню 1808 года. Намъ кажется что опо написано въ концъ лъга или осенью 1807 г., когда еще впечатавнія Тильзита были св'єжи.

въ своихъ личныхъ чувствахъ. Но такъ сильны были эти чувства, что Луиза не сразу повърила въ измъну Александра, а потомъ, оплакавъ эту измъну, долго носила въ своей душъ нетронутой старую привязанность. Это можно доказать документально.

Все время пребыванія короля въ Шавляхъ, Пиктупененѣ и Тильзитѣ между нимъ и королевой шла самая дѣятельная переписка, найденная и опубликованная все тѣмъ же неутомимымъ Паулемъ Балье 1).

Въ этихъ письмахъ раненая душа несчастной женщины раскрывается вся пъликомъ.

Король быль въ Мемелъ, когда пришло извъстіе о Фридландскомъ разгромъ. Это было 16 іюня. Какъ только выяснилось, что Мемелю французы непосредственно не угрожають, онъ поъхалъ въ Шавли, къ Александру, куда прибылъ 21-го. И то, что онъ тутъ увидалъ, сразу наполнило его безпокойствомъ. Было ясно, что Александръ не думалъ продолжать войну, что переговоры о перемиріи уже идуть, что союзникь распорядился безъ въдома Пруссіи, что, быть-можетъ, предстоитъ видъться съ Наполеономъ. Все это онъ добросовъстно сообщиль королевъ въ первомъ письмъ 2). Луиза пришла въ ужасъ. Наполеону она расточаетъ самыя кръпкія слова, которыя она находить въ своемъ французскомъ лексиконъ 3), но даже не задумывается надъ тъмъ, что тутъ дъйствуетъ воля Александра. «Всъ его прекрасныя намъренія испорчены, исковерканы этимъ ужаснымъ Беннигсеномъ. Неужели онъ не прикажетъ его разстрълять или, по крайней мъръ, лишить командованія!» Два дня спустя она опять возращается, къ той же мысли: «Передайте мой привътъ императору. Я его очень жалъю. Его добрыя намъренія исполнялись такъ плохо, и онъ не въ силахъ справиться съ толпою злонам вренных в людей, во глав которыхъ — великій князь» 4). Король съ своей стороны, очевидно, со словъ самаго Александра, разсказываетъ Луизъ о «гигантскихъ усиліяхъ», которыя дёлалъ императоръ, чтобы спасти Пруссію, о его дружбѣ къ нему, о его расположении къ Пруссии и проч. Вся подъ впечатлѣніемъ этой вѣры въ Александра со стороны короля. Луиза сама написала ему. Это единственное письмо къ царю за время Тильзита 5). Съ каждой строки его брызжуть слезы, но надежда

¹⁾ Deutsche Rundschau, B. XXVIII, 4 n 5. «Die Verhandlungen in Tilsit (1807). Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III und der Königin Luise», veröff, von P. Bailleu.

²⁾ D. Rundschau, XXVIII, 4, crp. 32.

³⁾ D. R. XXVIII, 4, crp. 34: «Voir l'origine du mal! le fléau de la terre! tout ce qu'il y a d'infame et de méchant réuni dans une personne» etc.

⁴⁾ Константинъ Павловичъ. D. R., тамъ же, стр. 37.

^{5) &}lt;sup>12</sup>/₂₅ (?) іюня. Briefwechsel, № 462.

еще теплится, подогрътая болье нъжнымъ личнымъ чувствомъ: «На сердце, которое вмѣщаеть всѣ добродѣтели, возлагаю я всѣ надежды на будущее. Что станетъ безъ васъ съ этимъ будущимъ, что станетъ съ королемъ, съ моими дътьми... Ахъ, дорогой кузенъ, не покидайте насъ. Если бы вы могли видъть мое сердце, прочесть тамъ всю мою признательность за благодъянія, уже совершенныя, вы, в роятно, были бы тронуты необъятностью моей преданности и моей въры въ васъ». И Луиза прибавляетъ слова еще болъ трогательныя: «Здоровье мое пострадало отъ всъхъ этихъ безпокойствъ. Но это все равно, лишь бы вы и король устояли передъ всъмъ. Я — существо столь мало интересное и если я не выдержу, это ничего, лишь бы быль спасень король и не было отнято будущее у моихъ дътей; лишь бы король жилъ счастливый и независимый. Тогда я буду рада сдълаться жертвою за все это». На другой день, въ письмъ къ королю, оплакивая его свиданіе съ Наполеономъ, какъ послъднее унижение, Луиза пишетъ: «Но у меня одно утъшеніе, что будучи вмъстъ съ императоромъ... вы раздѣлили скандалъ съ человѣкомъ большого авторитета и признанной всѣми честности» 1).

Но мало-по-малу даже въ неповоротливомъ мозгу Фридриха Вильгельма зашевелилось подозрѣніе: хлопочеть, хлопочеть Александръ, а толку мало. 29-го іюня, посылая Луизъ письмо фельдмаршала Калькрейта, прусскаго уполномоченнаго въ переговорахъ, считавшаго необходимымъ ея прівздъ въ Тильзить, король уже не скрываеть, что у него нъть надеждь, умоляеть ее быть осторожной въ выраженіяхъ и прибавляетъ по-нъмецки (переписка вся на французскомъ языкъ): «Отнынъ у насъ нътъ другого выхода, съ тъхъ поръ, какъ и Россія измѣнила свою систему, вынужденная (если бы въ другое время это случилось съ нами, сочли бы за преступленіе) измѣнила...» 2) Луиза живо почувствовала сдержанный горькій упрекъ Александру вь этихъ жалобныхъ скобкахъ. И она вся на сторонъ своего несчастнаго, не смъющаго даже громко пожаловаться, мужа: «То, что Россія измѣнила свою систему, меня удивляеть, но еще больше то, что вы допускаете здъсь nothgedrungen (вынужденность). Во-первыхъ, Россія не потеряла ни пяди земли; она не заплатила ни копейки своимъ войскамъ, потому что мы платили имъ. Провіантъ только теперь начинаетъ приходить изъ Россіи, великольпные резервы находятся въ пути» и т. д. Но нъсколькими строками ниже опять старая музыка: «Какъ мнъ жаль милаго (cet excellant) императора Александра. Я увърена, что его сердце разрывается отъ того, что при столькихъ добрыхъ намъреніяхъ онъ не можетъ ничего сдълать, чтобы видъть васъ такимъ счастли-

¹⁾ D. R., ibid., crp. 97.

²⁾ D. R., XXVIII, 5, crp. 205.

вымъ и могущественнымъ, какъ бы ему хотълось. Слава Богу, что Силезія спасена изъ когтей, но наши милыя Kern-Provinzen! Ach, Gott!» 1). И въ письмъ она, какъ будто, не хочетъ понять того, на что давно намекаетъ ей мужъ: что Александръ самъ лично не хочетъ настаивать передъ Наполеономъ больше, чъмъ ему кажется удобнымъ. Король не говоритъ пока этого прямо, и Луиза, пользуясь этимъ, проводитъ свою теорію: что Александръ весь полонъ добрыми намфреніями, а окружающіе вредять ділу и вредять Пруссіи. Король почувствоваль, наконець, это, и въ послъднемъ письмъ, отъ 4 іюля, которое Луиза получила уже по дорогъ въ Тильзитъ, онъ высказываетъ свое мнъніе открыто. Это было необходимо: Луиза могла повредить делу со своей теоріей. «Было бы напрасно, - пишетъ Фридрихъ-Вильгельмъ, - надъяться, что императоръ Александръ когда-нибудь заговоритъ съ Наполеономъ энергично. Все, что онъ сможетъ получить для меня путемъ разговоровъ, онъ, конечно, получитъ. Но ничего болъе, я вамъ ручаюсь. Въ этомъ отношении всъ слъды энергии исчезли со стороны России. Ръшили, повидимому, примириться съ необходимостью, какъ говорять зпѣсь» 2).

Это письмо должно было внести ръшительныя поправки въ теорію Луизы насчетъ Александра, и если у нея вообще оставались какія-нибудь иллюзіи, то за два дня пребыванія въ Тильзитъ исчезли и онъ.

VII.

Александръ поставилъ себъ въ Тильзитъ очень трудную задачу: внушить Наполеону увъренность, что онъ весь подъ обаяніемь его величія и готовъ передъ нимъ преклоняться, какъ передъ міровымъ геніемъ. Онъ уб'вдился, что до поры до времени ему трудно открыто мфриться силами съ французскимъ императоромъ, и старался о томъ, чтобы выиграть время. Для этого ему нужно было усыпить малъйшія подозрънія Наполеона. Онъ ръшиль не останавливаться для этого ни передъ чемъ, даже передъ униженіями. Ненависть къ Наполеону не утратила ни въ силъ, ни въ остротъ, но онъ сумълъ ее скрыть и опасался ее обнаружить какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ. Добившись того, что Пруссія не будеть вычеркнута изъ числа державъ, онъ успокоился и пересталь о ней заботиться. Короля онъ не любиль и мало огорчался его несчастнымъ видомъ. Что насается Луизы, то онъ былъ увъренъ въ своей власти надъ ней и зналъ, что она проститъ ему все.

¹⁾ D. R., ib., crp. 208.

²) D. R., ib., 216.

Прівздъ Луизы въ Тильзить быль вызвань желаніемъ Наполеона видъть ее. Но Наполеонъ не выразилъ прямо своего желанія. Мюрать сказаль объ этомъ какъ-то въ бесъдъ съ Калькрейтомъ, а Наполеонъ въ тотъ же день (29 іюня) за объдомъ поднялъ бокалъ «за здоровье королевы Прусской». Такъ какъ дѣла Пруссіи шли очень плохо, то совътники короля настаивали на ея прівздъ, Король, повидимому, быль не въ очень большомъ восторгъ отъ предстоящаго визита. Онъ понималъ, что для переговоровъ будетъ польза, но его смущали разныя другія вещи. Наполеонъ утверждалъ впослъдствіи, что король ревновалъ Луизу къ Александру. Въ этомъ, можетъ-быть, есть нѣкоторая правда. По крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ письмахъ короля изъ Тильзита встрѣчаются намеки на Александра въ совсъмъ неожиданной формъ. «Мелочи военнаго быта французской арміи интересують его очень сильно, но не меньше и хорошенькія тильзитскія д'вицы» 1). А потомъ его смущало другое: самъ Наполеонъ не сказалъ ему, что ему будеть пріятень прівздь королевы. Какь относился къ прівзду Луизы Александръ, понять мудрено. Самой Луизъ онъ говорилъ теперь, что имъ лучше быть подальше другъ отъ друга, чтобы не давать пищи разговорамъ, и мы видъли, какъ оплакивала Луиза въ письмахъ къ нему это его ръшеніе. Въ разговоръ съ Наполеономъ онъ, въроятно, все-таки говорилъ о Луизъ съ оттънкомъ фатовства, такъ ему свойственнымъ. Иначе трудно было бы объяснить намеки Наполеона ²). Бесъдуя съ королемъ, онъ сокрушался, что прівздъ Луизы обставленъ съ внъшней стороны не совсъмъ такъ, какъ нужно 3). Вообще онъ путалъ. Естественнъе всего предположить, что Александръ былъ нерадъ прівзду Луизы, потому что ему было совъстно передъ нею и потому еще, что онъ предчувствовалъ свое безсиліе ей помочь. Онъ угадываль, что играть свою роль съ Наполеономъ въ присутствіи Луизы — а не играть было нельзя значило погубить если не симпатіи ея, то, по крайней мірь, то восторженное поклоненіе, которое такъ ему льстило. Но Александру нельзя было высказываться противъ прівзда Луизы: это разсердило бы Наполеона и огорчило прусаковъ, такъ сильно уповавшихъ на свою королеву.

¹⁾ Mémorial de Sainte-Hélène, двухтомн. изд. 1905 г., І, 737: «On a pensé que le roi l'en avait empeché jusque-là par le commencement de jalousie contre un grand personnage. Et cette jalousie n'était pas, assurait-on, sans quelque léger fondament. Принцесса Луиза Радзивиллъ передаетъ и другой случай. Когда оба императора проъзжали мимо дома, назначеннаго для Луизы, Наполеопъ воскликнулъ, указывая на него Александру: «Ну что! Ничего не говоритъ вамъ ваше сердце?» («45 Jahre aus meinem Leben», 222).

²⁾ Deut. Rundschau, XXVIII, 5, crp. 215.

³⁾ Mémorial, I, 738—739.

⁴⁾ Deutsche Rundschau, ihid., 215.

Для самой Луизы прівздъ въ Тильзитъ былъ настоящей Голговой. Она чувствовала себя отвратительно и потому, что была по обыкновенію беременна, и потому, что ее терзало несчастье. Ъхать, зная, что король соглашается на это нехотя, что Александръ этого не хочетъ 1), не получая прямого приглашенія отъ Наполеона — она считала такъ же, какъ и король, униженьемъ для себя, и это мучило ее еще больше. Вся гордость, все достоинство ея возмущалось, когда она думала о томъ, что должна встрѣтиться съ человѣкомъ, такъ грубо обидѣвшимъ въ ней женщину, и не только встрѣтиться, но быть съ нимъ любезной, расточать передъ нимъ просьбы, выносить послѣ казарменныхъ оскорбленій казарменныя любезности... «Въ груди моей—кинжалъ», писала она королю. И все-таки поѣхала. То была великая жертва королевы и женщины, и Моммзенъ правъ, называя Луизу Ифигеніей освободительныхъ войнъ 2).

Наполеонъ былъ радъ и гордъ, что Луиза ръшила прівхать. Насколько пріятенъ быль ему ея прівздь, видно изъ того, что онъ писалъ о ней Жозефинъ нъсколько разъ 3). 6-го онъ сообщаетъ ей: «Прекрасная королева прусская будеть сегодня объдать у меня». На другой день: «Другъ мой, королева прусская вчера у меня объдала. Я долженъ быль быть насторожъ, чтобы не слаться на ея настоянія и не уступить еще чего-нибудь ея мужу. Я быль галантенъ, но держался своей политической линіи». 8-го іюля: «Прусская королева дъйствительно очаровательна. Она очень кокетлива со мною. Но не ревнуй. Я — какъ клеенка, по которой все это только скользить. Изображать любезнаго кавалера стоило. бы мнъ слишкомъ дорого». Впечатлъніе, произведенное на Наполеона Луизою, было гораздо сильнее, чемъ онъ изображалъ его Жозефинъ. На св. Еленъ онъ признавался, что если бы она пріъхала къ началу переговоровъ, Калькрейтъ добился бы гораздо большаго 4). Даже за тъ два дня, что она провела въ Тильзитъ, онъ былъ однажды (въ первое свиданіе) совсёмъ готовъ уступить. Но какъ разъ въ это время въ комнату, гдъ происходилъ политическій tête-à-tête, вощель король. Наполеонь говориль потомь Александру: «Король вошель во-время. Приди онъ на четверть часа позже, я объщаль бы ей все» 5). Красота и благородство Луизы

¹⁾ D., R. ib., 207: L'empereur de la Russie a assez témoigné qu'il ne voulait point de rapprochement (т.-е. чисто территоріальнаго) avec moi pour les raisons à vous connus, et en disant que pour traiter d'affaires, les femmes ne devaient point être presentes.

²⁾ Mommsen. Reden und Aufsätze, 64 (ръчь, посвященная памяти Луизы).

³⁾ Correspondance, XV, 12861, 12869, 12875.

⁴⁾ Mémorial, тамъ же.

⁵⁾ Prinzessin Luise von Preussen, Fürstin Radziwill, «45 Jahre aus meinem Leben», crp. 225.

заставили Наполеона совершенно перемѣнить отношеніе къ ней. Съ этихъ поръ, говоря о ней, онъ неизмѣнно выражалъ восхищеніе и уваженіе, всегда расточалъ ей похвалы 1).

Луиза видѣла, какое она производить впечатлѣніе, и старалась этимъ воспользоваться. Тѣмъ болѣе тяжело было ей разочарованіе. Въ послѣдній обѣдъ Наполеонъ протянулъ ей розу, и Луиза въ отвѣтъ на кокетливую и трогательную мольбу: «Съ Магдебургомъ?» услышала холодный отказъ. Легче было добиться чего-нибудь отъ тонкой толедской шпаги императора, чѣмъ отъ него самого.

Политическая миссія ея была безуспѣшна. Жертва на алтарь родины пропала даромъ. Нечеловѣческое нервное напряженіе больной женщины не принесло пользы Пруссіи. Но если Луиза уѣзжала изъ Тильзита истощенная въ конецъ, то этому была и другая причина, болѣе интимная. «Она видѣла,—говоритъ Сорель ²),— за этимъ столомъ пытокъ, въ этомъ салонѣ униженія, друга, который вызываль такое преклоненіе и который теперь былъ неузнаваемъ, такого Александра, о какомъ она не подозрѣвала: полную противоположность прежняго, карикатуру на него, съ игривой улыбкой на довольномъ лицѣ кукольнаго архангела». Луиза искала и не находила въ его глазахъ вдохновенія мемельскихъ дней 1802 года, рыцарской восторженности, готовности на подвигъ, илѣнявшей ее въ Потсдамѣ полтора года назадъ. Она уже не думала теперь сравнивать его съ Альпами.

И все-таки Тильзитъ не прошелъ даромъ для Луизы. Въ какихъ-то тайникахъ ея души, не чуждой мистическаго порыва, она нашла горькое утѣшеніе: что чаша испита до дна и что отнынѣ для Пруссіи начнется возрожденіе. Но она вовсе не думала спокойнождать, когда придетъ возрожденіе. Она работала. Сначала объ руку со Штейномъ, потомъ поддерживая Гарденберга, пока хватало силъ, она дѣлала все, чтобы облегчить Пруссіи борьбу съ результатами разгрома. Мало того, во внѣшнихъ дѣлахъ, когда можно было это сдѣлать по секрету отъ страшнаго Наполеона, она своими нѣжными руками ковала первыя звенья коалиціи 1813 года. На этой почвѣ у нея возобновились отношенія и съ Александромъ.

Послѣ Тильзита Александръ не могъ не чувствовать, какое тяжелое впечатлѣніе онъ долженъ былъ произвести на Луизу. И онъ не пробовалъ напоминать ей о себѣ въ теченіе цѣлаго года. Онъ зналъ женщинъ и хотѣлъ дать зажить ранамъ Луизы. Написалъ онъ ей, повидимому ³), въ первый разъ послѣ Тильзита, 30 авгу-

¹⁾ Гертруда **Кирхейзенъ.** Женщины вокругъ Наполеона, стр. 328. Bailleu, Kön. Luise, 250.

²⁾ L'Europe et la Révolution, VII, 148.

³⁾ Письмо не сохранилось. Предположеніе о дат'є принадлежить Балье. Briefwechs., стр. 469.

ста 1808 года, когда онъ уже ръшился ъхать въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ и такъ или иначе долженъ былъ дично увъдомить объ этомъ Луизу. Такъ какъ ни для кого не было секретомъ, что въ Эрфуртъ будутъ обсуждаться отношенія Франціи съ Австріей, такъ какъ уже въ это время война между двумя этими имперіями считалась возможной, то Луиза сочла своимъ долгомъ предупредить Александра. Она начинаетъ свое письмо 1) словами, въ которыхъ слышится упрекъ за Тильзитъ: «Ваше письмо носить на себъ отпечатокъ ващей души, т.-е. дышитъ только 2) нъжностью и добротой»... Потомъ она переходить къ политикъ, и мудрыя, дальновидныя слова ея, въроятно, - отголосокъ мнъній Штейна: «Вы увидите снова Наполеона, человъка, который, я знаю, внушаетъ вамъ ужасъ, какъ и мнъ... Я заклинаю васъ, дорогой кузенъ, со всей нѣжностью, на какую способна моя дружба, будьте осторожны съ этимъ ловкимъ обманщикомъ и прислушайтесь къ моему голосу, который говорить только ради вась, ради вашей славы, которую я люблю, какъ свою собственную: не давайте увлечь себя на какія-либо шаги противъ Австріи. Я увърена, что онъ будетъ васъ на нихъ подбивать... Слъдуйте вашему сердцу, вашимъ наклонностямъ. Я никогда не перестану взывать къ этому сердцу, которому присущи всв добродвтели, которое хочетъ добра, не терпитъ зла и несправедливости. Дайте ему твердо и энергично увидъть эту добродътель. Вы могущественны, вы должны, вы можете еще, слава Богу, имъть желанія, имъть намъренія, которыя вы хотите вид'ять выполненными. Пусть софизмы не путаютъ вашихъ мыслей, которыя чисты и просты, потому что онъ принадлежатъ добродътели, любви къ добру. О, дорогой кузенъ, почему душа моя не можетъ незримо сопровождать васъ, чтобы быть вашимъ геніемъ-хранителемъ. Прислушайтесь къ моему голосу. Это — голосъ друга, какого у васъ нѣтъ второго на свѣтѣ»...

Мы намъренно выписали чуть не цъликомъ это длинное письмо. Какая разница съ прежними! Въ тъхъ были простыя слова и настоящее чувство, здъсь сплошная риторика. Чувство умерло или умираетъ. Потребность общаться прошла, и только необходимость заставляетъ браться за перо. Слъдующее письмо, написанное черезъ три недъли, 29 сентября, уже носитъ чисто дъловой характеръ 3). Александръ въ Эрфуртъ, и нужно, чтобы онъ выхлопоталъ у Наполеона облегчение въ порядкъ уплаты тильзитской контрибуціи.

У насъ имѣются и прямыя свидѣтельства о томъ, что чувство Луизы къ Александру, принесшее ей столько горя, уже не согрѣ-

¹) Briefwechsel, № 464.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Briefwechsel, № 465.

вало послъднихъ годовъ ея жизни. Въ самомъ концъ 1808 года Луиза съ мужемъ и съ нъкоторыми другими членами прусскаго королевскаго дома поъхала по приглашенію царя въ Петербургъ. Пребываніе ея тамъ, подробно описанное ею въ дневникъ 1), а Елизаветой Алексъевной въ письмахъ къ матери 2), было настоящей мукой. У нея были опять всъ признаки беременности, къ тому же она, очевидно, простудилась, а отъ нея требовали, чтобы съ ранняго утра до поздней ночи она присутствовала на парадахъ, на смотрахъ, на церковныхъ службахъ, пълала визиты, принимала визиты, ходила въ театры, просиживала на парадныхъ объдахъ и ужинахъ, танцовала, танцовала, танцовала... Не даромъ бъдная женщина чуть не каждый день записываетъ въ дневникъ: «Мало спала, чувствую себя отвратительно, тошнить, болять зубы, вообще вев горести». «Устала какъ собака». «Умираю отъ усталости», и проч. Александръ явно избъгалъ интимныхъ бесъдъ, такихъ, какъ въ Мемелъ и въ Потсдамъ. Они почти не видълись не на людяхъ. Только разъ Луиза воспользовалась его посъщениемъ и заговорила съ нимъ «о дълахъ». Послъ этого она занесла въ дневникъ слъдующія слова по-нъмецки: «Ахъ, будущее! Почему ты такъ давишь мое сердце! И почему слезы тоски выступають на глазахъ!» Нужно думать, что Александръ не сказалъ ей ничего утъшительнаго ни относительно Австріи, которая совствить была готова ввязаться въ войну, ни о Пруссіи. И будущее, будущее ея дътей вдругъ представилось ей въ еще болъе уныломъ, съромъ свътъ.

Луиза была очень признательна царской семь за вниманіе и за подарки, которые пополнили ея оскудѣвшій до послѣдней степени гардеробъ. Но петербургская атмосфера ее не удовлетворяла. Петербургскій дворъ представлялся ей черезчуръ «матеріальнымъ», не «духовнымъ», какъ и ея прежній кумиръ, Александръ. Она пишетъ о немъ своему вѣрному другу, г-жѣ Бергъ: «Человѣкъ, который любитъ только форму и только внѣшность — это еще очень мало» 3). Нужно было увидѣть Александра именно въ холодномъ, пышномъ, рабскомъ Петербургъ, чтобы раскусить его окончательно.

Послѣ петербургской поѣздки они почти не переписывались: сохранилось всего два письма Луизы и одно Александра 4). Они и не випѣлись больше.

Луиза скоро умерла, 19 іюля 1810 года. Передъ смертью она могла переъхать изъ Кенигсберга въ Берлинъ, освобожденный, наконецъ, французскимъ оккупаціоннымъ отрядомъ.

¹⁾ Briefwechsel, crp. 538—553.

²⁾ В. К. Николай Михайловичъ, Императрица Елизавета Алексъевна. II, стр. 308 слъд.

³⁾ Bailleu, Kön. Luise, 304.

⁴⁾ Briefwechsel, NeNe 466-468.

Для Пруссіи смерть ея была настоящимъ несчастьемъ. Она отнимала умную и чуткую совътницу у неумнаго и нечуткаго короля. Она лишала опоры дъятелей прусскихъ реформъ. Она устраняла изъ числа враговъ Наполеона одного изъ самыхъ сильныхъ 1). Ее оплакивали поэты въ безчисленныхъ стихахъ. Но самая мъткая оцънка смерти королевы сдълана была Фридрихомъ Генцемъ въ недавно опубликованномъ письмѣ 2) его къ веймарскому журналисту Беттигеру: «Смерть королевы прусской, —пишетъ Генцъ, самый тяжелый ударь, который могь еще поразить это государство. Съ ней исчезаетъ не только единственный дъйствительный элементъ жизни, который одушевлялъ эту умирающую машину, но и единственное крупное украшеніе, которое удерживало за нимъ извъстное уважение извнъ. Для всего, что зовется общественнымъ мивніємъ, паже пля обычнаго денежнаго кредита Пруссіи — не могло случиться ничего, болъе ощутительнаго».

Къ счастью для Пруссіи Луиза зав'вщала свою любовь къ Пруссіи своимъ друзьямъ и почитателямъ. Они благоговъйно подняли знамя, выпавшее изъ ея прекрасныхъ рукъ, и понесли его дальше, къ реформамъ и къ побъдамъ.

XIII.

Королева Луиза была крупная женщина. Ея страданія подняли ее на вершины духа и пріобщили ее къ сонму героинь нъмецкой исторіи. Въ 1806 году она хотъла разыграть валькирію, но двигали ею земные помыслы, и боевой порывъ ея не увънчала слава. Она сожгла на жертвенномъ алтаръ свою страсть и, очищенная мукой, отдала Пруссіи всю любовь, на какую была способна ея восторженная душа. Мирный подвигъ ея сталъ угоденъ судьбъ.

Королева Луиза была крупная женщина. Но она была женщина прежде всего. Въ этомъ обаяніе ея образа, обаяніе котораго не хватаетъ такъ называемымъ великимъ женщинамъ, въ родъ Елизаветы англійской, Маріи Терезы или нашей Екатерины. Луиза сдълана изъ того же матеріала, что Марія Стюартъ. Чувствительность и восторженность, любовь къ жизни и къ удовольствіямъ были у нихъ одинаковы, только у одной была французская кровь,

2) Briefe von und an F. von Gentz, herausg. von F. C. Wittichen. 1909, т. І, 309.

¹⁾ Мы знаемъ, какъ она предостерегала Александра передъ его поъздкой въ Эрфурть. Еще раньше, 29 нояб. н. с. 1807 г. бар. Криднеръ жаловался Румянцеву, что королева своими «imprudences si affichés» очень затрудняеть его задачи. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 89, стр. 238.

болѣе живой темпераментъ, больше вѣтрености. Душа Луизы складывалась подъ холоднымъ небомъ Мекленбурга, въ туманахъ Балтійскаго моря. У нея было больше мечтательности и больше мягкости.

Нѣмцы долго считали, что Луизу погубилъ Наполеонъ. Войны 1813 — 1815 годовъ для прусаковъ были столько же войнами за освобожденіе, сколько отплатой Наполеону за королеву Луизу. «Ея свѣтлый образъ несся высоко въ воздухѣ, показывая путь передъ бойцами освободительныхъ войнъ», говоритъ Трейчке 1). «Наконецъ будетъ отомщена королева Луиза», восклицалъ Блюхеръ, когда прусскія войска завидѣли Парижъ въ мартѣ 1814 года. Какъ патріотическая легенда въ 1813 — 1815 годахъ, такая версія была очень удобна. Французскій коршунъ заклевалъ бѣлую прусскую голубку. Французскому коршуну, значитъ, нужно обломать за это хищныя крылья. По старой памяти нѣмецкіе біографы еще и теперь охотно повторяютъ эту патріотическую легенду. Но факты ей противорѣчатъ.

Преждевременная смерть королевы Луизы не лежить на совъсти Наполеона. Ея здоровье было подорвано рано, въ первые годы замужества, невозможными условіями жизни въ Потсдамѣ, гдѣ царили сырость и холодъ. Затѣмъ за семнадцать лѣтъ замужества Луиза имѣла десять человѣкъ дѣтей, при чемъ въ этотъ счетъ не входить мертворожденный первенецъ. Что касается до униженія Пруссіи, то Наполеонъ виноватъ въ нихъ не больше, чѣмъ тѣ, которые подбивали миролюбиваго короля къ разрыву съ Франціей, и прежде всего Александръ. За Наполеономъ слишкомъ много настоящихъ грѣховъ, чтобы была еще необходимость приписывать ему фантастическіе.

Правда, Наполеонъ быль къ ней безжалостенъ. Но уже послѣ того, какъ онъ убѣдился, что Луиза сама ополчилась на него, мирную голубку не тронулъ бы онъ. А она захотѣла стать орлицей и взлетѣть такъ высоко, куда голубки не залетаютъ. Наполеонъ былъ солдатъ. Кто шелъ на него, тотъ долженъ былъ знать, что онъ шутить не любитъ. Его нападки на Луизу въ бюллетеняхъ отвратительны и недостойны его. Но въ пылу борьбы, отъ исхода которой зависѣла судьба имперіи и его собственная, у него не было времени золотить конецъ шпаги, которой онъ наносилъ ударъ обступившимъ его отовсюду врагамъ. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ не совершилъ по отношенію къ Луизѣ предательства: не обольщалъ ее, не увлекалъ ее и, обольстивши и увлекши, не покинулъ ее на произволъ сульбы въ самый тяжелый моментъ ея жизни.

¹⁾ РЕчь 1878 года въ память кор. Луизы. Deutsche Bücherei, вып. 88.

На удары Наполеона Луиза отзывалась страданіями и слезами. Ея страданія соткали ей у потомства ореоль почитанія и славы. Изъ каждой ея слезы, падавшей на прусскую землю, вырасталь вооруженный воинъ; ихъ были тысячи и они завоевали для Пруссіи такое положеніе, о какомъ не рѣшалась мечтать Луиза въ самыхъ смѣлыхъ своихъ золотыхъ грезахъ.

Дружба Александра навлекла на Луизу дурныя подозрѣнія при жизни. А въ потомствѣ ея почитатели стараются обходить этотъ эпизодъ, чтобы не быть вынужденными дѣлать упреки королевѣ за легкомысліе, за слѣпую довѣрчивость, за отсутствіе женской чуткости.

И неизвъстно, что было хуже для Луизы: Тильзить, гдъ ее грубо по-солдатски, заставили нести тяжелый крестъ, или полная внъшняго вниманія и лицемърной ласки, усыпанная цвътами, пышная, но скучная и безплодная петербургская встръча.

Королева Луиза была дъйствительно несчастная женщина. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ ен мужемъ, Александръ — другомъ, Наполеонъ — врагомъ.

А. Дживелеговъ.

Народничество Н. Н. Златовратскаго 1).

I.

Годъ прошелъ, какъ не стало Николая Николаевича Златовратскаго. Чувствуется душевная потребность еще разъ вызвать передъ собой его образъ, вдуматься въ характерныя черты его психологіи и идеологіи.

Н. Н. Златовратскій быль однимь изъ «дютей освобожденія». Въ задушевныхъ своихъ воспоминаніяхъ съ тихой лаской и нѣжной поэзіей разсказаль онъ намъ, «какъ это было», какъ наступалъ «канунъ великаго праздника» — освобожденія крестьянъ. Еще въ юные годы жадно вдыхалъ онъ воздухъ раскрѣпощавшейся Россіи. Это быль особенный воздухъ: широко вздымалась отъ него молодая грудь; онъ такъ обильно насыщалъ всѣ фибры молодого организма, что его хватало на всю дальнѣйшую жизнь. Въ центрѣ общественныхъ и даже правительственныхъ интересовъ стояла тогда крѣпостная деревня. Лучшая часть литературы съ энтузіазмомъ разрабатывала проблему о народномъ благѣ, объ экономическомъ и правовомъ положеніи освобождаемаго мужика. Къ кающемуся дворянину присоединился разночинецъ.

Разночинцу понятнъе была въковая драма русской жизни, чъмъ его собрату — дворянину. «Какой глубокій смыслъ скрыть въ рядъ этихъ страдальческихъ біографій, этихъ психическихъ мартирологовъ, изъ которыхъ каждый такъ внушительно и назидательно повторялъ и подтверждаетъ другой, что болью сжимается сердце и глубокою скорбью наполняется душа!» говорилъ самъ Н. Н. Златовратскій, припоминая «судьбу всъхъ русскихъ писателей-разночинцевъ недавняго періода». Вначалъ — школа, «баснословно дикая и мрачная»; далъе — «жажда свъта новой жизни», поиски «душевнаго дъла» и — «рядъ голодныхъ годовъ борьбы за существованіе, борьбы сомнънія съ надеждою, въры съ отчаяніемъ»;

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 15 декабря 1912 г. въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, посвященномъ памяти Н. Н. Златовратскаго. Съ любезнаго разрѣшенія семьи покойнаго писателя мы могли воспользоваться и нѣкоторыми рукописями Н. Н—ча.

мгновенные «проблески зари» и, казалось, уже въ виду самсй обътованной земли, скорбь «за кого-то» и «сквозь жгучія слезы» невольныя проклятія чему-то 1). Быстро получивъ качественный перевъсъ въ идейной жизни страны, разночинецъ углубилъ и демократизировалъ общее направленіе интеллигентской мысли.

Прошли шестидесятые годы, грустно закончившись торжествомъ реакціи; ярко заблистали на время семидесятые годы съ «хожденіемъ въ народъ», съ попытками выработать идеологію русскаго народничества. Высоко поднялась было волна жизни нашего интеллигента, и снова упала, казалось, надолго. Но подспудно крѣпли свѣжія силы; скованный духъ народной свободы, возмужавъ, гордо поднялъ свою голову. Событія 1905—1906 гг. показали, что нѣтъ такихъ преградъ, которыхъ не опрокинула бы народная мощь.

Мънялись времена, мънялись общественныя настроенія, мънялись идеологіи передовой интеллигенціи. Но оставался незыблемымъ кардинальный фактъ, что судьбы Россіи всецьло зависятъ отъ экономическаго и соціальнаго положенія народа и прежде всего крестьянства.

ŢŢ

Н. Н. Златовратскій пережиль всѣ мучительныя перипетіи русской жизни за цѣлые полвѣка. Тернистый путь русскаго разночинца и народника быль пройдень имь до конца, и пройдень твердымь, увѣреннымь шагомъ. Еще въ «старомъ домѣ» околдовала его великая идея, и стала пафосомъ всей его жизни. Здѣсь разгадка его психологіи, здѣсь — корни его идеологіи.

Въ высокихъ, торжественныхъ тонахъ была настроена душа Николая Николаевича. Жутко было ему въ атмосферѣ умѣренности и аккуратности, среди проповѣдниковъ постепеновщины и малыхъ дѣлъ. Его невыразимо возмущалъ «принципъ средняго образа мыслей», который исповѣдовали многіе петербургскіе литераторы уже во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Въ письмѣ къ Нефедову отъ 17 іюля 1877 г. Н. Н—чъ съ грустью констатируетъ «торжество златой средины во всемъ: средняго либерализма въ политикѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ,—и вслѣдствіе этого—ничего оригинальнаго, живого, свѣтлаго, новаго, и, мало того, даже озлобленіе противъ всего, что хотя немного заявитъ желанія выйти изъ этой тины средняго образа мыслей». Петербургская пресса разругала «Новь» Тургенева, «это, конечно, оригинальнѣйшее произведеніе послѣдняго времени», разругала, «несмотря на то, что Тургеневъ своимъ Соломинымъ, такъ ска-

¹⁾ Собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго. Изд. «Просв'єщенія». Т. V. С.-Пб. 1912. Золотыя сердца. Стран. 209—210.

зать, санктироваль и втащиль на пьедесталь либераловь златой средины». «Намь не нужно героевь!—кричать люди середины.—Мы не хотимь изъ нашей тины и болота созерцать ихъ величественные образы! Они не для нашего времени! Довольно наша молодежь подражала героямь и несла свои помыслы (sic) за идею! Она должна выступить на новый путь — эксплуатирующей науки, муравьинаго труда и среднихъ нравственныхъ доблестей, ибо геройство и идеализмъ есть индивидуальный аристократизмъ, а мы проповъдники либеральной равноправности!» 1)

Съ негодованіемъ отвернулся Златовратскій отъ глашатаевъ «малаго дѣла», которые почувствовали подъ собой особенно твердую почву въ 80-хъ годахъ, въ періодъ правительственной и общественной реакціи.

Съ теоріей малыхъ дѣлъ сплетали тогда толстовство въ его вульгарномъ истолкованіи и особенно принципъ непротивленія злу. Все это лишало жизнь яркихъ красокъ, превращало ее въ сѣрые, хлопотливые будни.

Можетъ-быть, въ указанныхъ условіяхъ лежала причина того, что Николай Николаевичъ не сразу оцѣнилъ внутренній смыслъ ученія Л. Н. Толстого. Принципъ непротивленія злу казался ему горькой насмѣшкой надъ тѣми, кто всю свою жизнь былъ жертвой насилія. Въ письмѣ къ А. М. Скабичевскому отъ 9 янв. 1885 г. Златовратскій весьма рѣзко высказался противъ Толстого, полагая, что послѣ шестидесятниковъ трудно кому бы то ни было говорить «новое слово» 2). Въ концѣ-концовъ, именно у Толстого нашелъ Н. Н—чъ поддержку своему взгляду на жизнь, какъ на великое таинство, и на народъ, какъ на носителя высшей правды жизни.

«На-дняхъ былъ у Толстого, — записываетъ Н. Н. Златовратскій ³). — Что за прелесть этотъ человѣкъ, какъ душа, какъ талантъ, какъ умъ! Только увидавъ этого человѣка, только подышавъ нѣсколько минутъ однимъ воздухомъ, начинаешь понимать, что къ жизни нельзя относиться такъ, какъ мы всѣ относились къ ней, — она не то, что видѣли мы въ ней и какъ представляли её.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ всѣмъ своимъ существомъ:—жизнь есть храмъ! Да, храмъ... Это не торжище, не арена для удовольствій, не юдоль скорби, не нѣчто преходящее, которую нужно «прожигать», какъ что-то не важное, эфемерное, или «сносить», какъ тяжелую ношу горя и страданій, не стихійный и безсмысленный процессъ,

¹⁾ Изъ литературныхъ переживаній Н. Н. Златовратскаго. «Старый Владимірецъ», 1911, 17 дек., № 274.

²⁾ Черновикъ письма—въ бумагахъ Н. Н. Златовратскаго. Тѣ строки, гдѣ Н. Н—чъ излагалъ свой взглядъ на Толстого, потомъ были зачеркнуты.

³⁾ Эта замътка оказалась въ бумагахъ Н. Н. Златовратскаго, къ сожалънію, безъ даты и въ неоконченномъ видъ. Въроятно, она относится къ 1885 г., когда были писаны «Мои видънія».

который нужно какъ-никакъ пережить для чего-то высокаго, торжественнаго тамъ, за гробомъ... Нѣтъ, жизнь сама есть это высокое, глубокое и торжественное, какъ храмъ... утвердитесь въ этой мысли, попробуйте ваглянуть на неё такъ,—и моментально вы поймете ея смыслъ, и каждый моментъ этой жизни будетъ полонъ для васъ значенія, и для васъ не будетъ страха жизни и смерти... Вы увидите, что вы одна изъ частицъ молящихся въ этомъ храмѣ, что никто здѣсь ни больше, ни меньше васъ, что вы не имѣете права и смысла думать, что можете разрушить этотъ храмъ и возсоздать его...» 1)

Въ 1885 г. Н. Н. Златовратскимъ были написаны «Мои видѣнія» (разсказъ одного маленькаго человѣка), гдѣ подъ именемъ «Большого человѣка» изображенъ Л. Н. Толстой. Большой человѣкъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Ив. Петр. Кузнецова, «маленькаго человѣка», «выписавшагося изъ крестьянъ мѣщанина, литератора, живописца, гравера,—однимъ словомъ, свободнаго художника». Особенно поразилъ его анализъ жизни, данный Большимъ человѣкомъ, его взглядъ на народъ и общій смыслъ жизни. Большой человѣкъ говорилъ: «Маленькіе люди, кишѣвшіе внизу, были пахари, люди труда, мира и вѣры, что въ этомъ-то и есть смыслъ жизни, вложенный въ нее Богомъ, что жизнь—не эти залы, не пирамида человѣческой борьбы за самосовершенствованіе, что жизнь—это храмъ безъ идоловъ, безъ жерецовъ, безъ жертвъ...»

Н. Н. Златовратскій постигь религію жизни и ея глубокій смысль. За будничной д'ыствительностью онъ прозр'яваль идеальную ц'яль, и жизнь представлялась ему, какъ высокій подвигъ.

«Не рыбацкій парусъ малый, корабли мнѣ снятся», могъ бы сказать о себѣ Н. Н—чъ, избравшій эти слова Некрасова эпиграфомъ къ «Барской дочери». Въ былинѣ «Безумецъ» (1887) онъ поетъ настоящій гимнъ идейному безумію. Изнуренный, покрытый пылью, спаленный солнцемъ, идетъ его Безумецъ по суровому, невыносимо тяжелому пути. Порою онъ изнемогаетъ отъ усталости. Но, крѣпко прижимая руку къ груди, онъ чувствуетъ, что драгоцѣнный кладъ, имъ найденный, лежитъ около самаго сердца, и ему становится легко и отрадно, невидимыя крылья подхватываютъ его и несутъ все дальше и дальше, пока, наконецъ, не придетъ онъ къ родному порогу и съ радостной улыбкой, уже ослабѣвшей рукою не передастъ драгоцѣннаго клада своимъ дѣтямъ—преемникамъ.

Безумецъ — художественный символъ героическаго народничества въ пониманіи Николая Николаевича. Онъ не боялся прослыть мечтателемъ и романтикомъ. Напротивъ, убѣжденно и открыто проповѣдуетъ онъ власть мечты, т.-е. идеала, и создаетъ цѣлую психолого-соціологическую теорію «свътлаго романтизма».

¹⁾ Дальше идуть слова: «Вы ничто, только». На нихъ запись и обрывается.

Если въ глазахъ шестидесятниковъ романтизмъ получилъ одіозное значеніе, какъ остатокъ барской культуры, то народники снова провозгласили его основнымъ двигателемъ жизни. Старая романтика воскресаетъ, но въ новой соціальной обстановкъ и, слъдовательно, въ новыхъ формахъ. Это былъ уже демократическій романтизмъ.

Н. Н-чъ любилъ повторять мысль, хорошо знакомую намъ по литератур в 30-хъ-40-хъ годовъ, что русскій народъ по преимуществу идеалистъ и романтикъ. «И еще можно поспорить, -- говорилъ онъ въ «Золотыхъ сердцахъ», --что лучше: солидная культура съ опредъленными и очень узкими идеалами, или безкультурный романтизмъ». По убъжденію Н. Н. Златовратскаго, идеализмъ и чувство-важнъйшіе факторы исторіи. Такъ думаль не онъ одинъ, но и другіе народники. Въ 1882 г., когда уже заканчивались «Устои» Н. Н-ча, вышла книга І. Юзова «Соціологическіе очерки. Основы народничества». Изученіе соціальныхъ законовъ, доказывалъ Юзовъ-Каблицъ (41), должно начинаться съ психологіи. Большую роль въ жизни человъка играетъ чувство, а не умъ, такъ какъ «отъ склада чувствъ» прежде всего зависятъ «системы распредѣленія экономичеснихъ благъ» (56-7). «Прогрессъ соціальныхъ формъ заключается по преимуществу въ прогрессть соціальных чувство» (63). Еще Спенсеръ утверждалъ въ своемъ сочиненіи «О причинахъ разногласія съ философіею Конта», что «идеи не управляють міромъ и не ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатъ не на мнъніяхъ, а исключительно на характерахъ» (63). Значитъ, самымъ важнымъ факторомъ общественнаго прогресса является «чувство», и тъ дъятели, которые желають вліять на прогрессивное движеніе соціальныхъ формъ, сами должны въ высокой степени обладать соціальными чувствами, т.-е. «любовью къ человъчеству, сильно развитымъ чувствомъ справедливости и, такъ сказать, боевымъ характеромъ» (65).

Въ отличіе отъ стараго, барскаго романтизма, демократическій романтизмъ народниковъ можно назвать соціальнымъ романтизмомъ (чъмъ, впрочемъ, онъ былъ уже отчасти у раннихъ славянофиловъ). Его эмоціональное содержаніе обусловливается опредъленнымъ комплексомъ соціальныхъ идей.

III.

Русское народничество не было однимъ романтическимъ порывомъ, одной «вѣрой сердца», но и опредѣленной идеологіей. По крайней мѣрѣ, оно стремилось выработать себѣ идеологію, чтобы внести сознательность и планомѣрность въ свою работу.

У Н. Н. Златовратскаго мы находимъ сочетание обоихъ элементовъ—эмоціональнаго и идеологическаго.

«Я-не теоретикъ, а практикъ. Я-не отвлечение, а жизнь. Яне обобщение, а фактъ. Я-не догматъ, а въра. Я-не умъ, а сердце. Я — не месть, а всепрощение. Я — не рефлексия, а ощущение. Я слабый отблескъ того, что-народъ...» Такъ говоритъ въ своемъ письмѣ Башкировъ, одинъ изъ героевъ «Золотыхъ сердецъ» 1). «Народное сеппие вспоило и вскормило меня, - продолжаетъ онъ: - и я преклоняюсь предъ нимъ. Чтобы отплатить ему, я долженъ быть имъ.—иначе немыслима отплата. За сердце—сердце. Я сжигаю все и преклоняюсь предъ нравственной силой народа». Башкировъ готовъ дѣлать все, чего потребуетъ отъ него народъ, не разсуждая, не анализируя, а повинуясь единственно «непосредственному чувству». Здѣсь психологическія основы народничества самого Николая Николаевича. «Непосредственное чувство» болъе всего сообщало тональную окраску его творчеству. Но вмёстё съ тёмъ, въ качествё беллетриста и публициста, онъ принималъ живое участіе въ выработкъ теоретической идеологіи народничества.

Литературное творчество, по мнѣнію Н. Н. Златовратскаго, должно быть идейной работой «на соціологической подкладкѣ».

Наблюдаемый въ 80-хъ годахъ упадокъ литературы Н. Н—чъ (въ письмѣ къ Скабичевскому отъ 9 янв. 1885 г.) объяснялъ тѣмъ, что у писателей нѣтъ «сильныхъ, вдохновляющихъ мотивовъ для общественнаго служенія». Писатель не можетъ видѣть въ жизни людей одинъ только богатый складъ «живого матеріала» для разныхъ «объективныхъ» упражненій надъ нимъ; нѣтъ, онъ «самъ живыми нервами связанъ съ этимъ живымъ матеріаломъ и чувствуетъ боль при каждомъ конвульсивномъ содроганіи этого живого матеріала» (ib.); онъ не просто изображаетъ дѣйствительность, а переживаетъ ее и старается осмыслить ея явленія.

Особенно трудна задача беллетриста-народника. Надлежащимъ образомъ народная жизнь можетъ быть понята и воспроизведена лишь «художникомъ изъ народа». Только истинныя «дѣти народа», «родившіяся и выросшія въ атмосферѣ общинной жизни, могутъ вызвать непосредственно изъ своей души образы этой жизни; только имъ возможно будетъ, въ полномъ объемѣ, осуществить идеаль того искусства на соціологической подкладкть, если можно такъ выразиться, о которомъ мечтаютъ современные философы. Народная жизнь и въ характерныхъ, величавыхъ картинахъ исторической борьбы, и въ своихъ современныхъ будняхъ представляетъ неисчерпаемое богатство для вдохновеній истинно-народнаго

¹⁾ Цитируемое письмо въ печатный текстъ не вошло, а сохранилось въ рукописяхъ Н. Н—ча.

«соціальнаго художника» 1). Пока такой большой художникъ изъ народа еще не явился: его «мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли скоро». Волей-неволей приходится браться за эту работу писателю, вышедшему изъ культурнаго класса. Но такому писателю нужно, по крайней мѣрѣ, носить въ своей душѣ идеалы мірского, общиннаго человѣка, «нужно проникнуться его духомъ и умѣть вдохновляться тѣмъ, чѣмъ вдохновляется онъ... Задача нелегкая!» 2)

Эту нелегкую задачу «истинно народнаго «соціальнаго» художника» сознательно береть на себя Златовратскій. Больше всего стремится онъ быть правдивымъ. Онъ тщательно изучаетъ народную жизнь, ведетъ записи того, что видитъ и слышитъ. Онъ боится повторить ошибку прежнихъ писателей, которые давали сентиментальныя или поверхностныя картины народной жизни; онъ боится впасть въ идеализацію народа, «въ приторно-сладкій тонъ». Ему хочется воспроизводить какъ свътлое, такъ и темное въ народномъ быту. «Деревенскіе будни» кончаются описаніемъ покоса въ Нижнихъ Лопухахъ и слъдующими характерными словами автора: «Прекрасная, радующая и умиляющая картина быль этоть нижнелопухинскій покосъ! Но... Безъ но и вообще ръдко бываеть чтолибо на свътъ, а въ крестьянской жизни тъмъ паче. Можетъ-быть, и я, какъ всякій сторонній наблюдатель, пришель бы въ умиленіе отъ картины лопухинскаго покоса, если бы не видалъ я раньше другой картины, -- картины «распредъленія», если бы не зналъ я, что среди этихъ «помилу» собравшихся вытей немало работаетъ батраковъ, если бы не видалъ я забитыхъ избъ, если бы не окружала меня въ деревнъ душная атмосфера «двоедушія и двуличія», если бы... если бы... О, читатель, какъ много этихъ «если бы!» Къ счастію, существованіе этихъ противоръчій сознаетъ самъ народъ»... Эти мысли Златовратскаго особенно важны въ виду частыхъ упрековъ въ томъ, что онъ слишкомъ идеализируетъ народную жизнь.

Не безъ основанія въ тѣхъ же «Деревенскихъ будняхъ» Н. Н—чъ предостерегалъ самихъ литературныхъ критиковъ отъ возможности ошибки при разрѣшеніи вопроса, что правдиво и что ложно въ народнической беллетристикѣ. Существуетъ огромная разница, говорилъ онъ, «между отношеніемъ интеллигентнаго читателя къ воспроизведеніямъ жизни общества и къ воспроизведеніямъ жизни народной, въ особенности у насъ». Литературные судьи сами еще «не имѣютъ критерія въ оцѣнкѣ произведеній, касающихся народной жизни»; при провѣркѣ степени художественной правды народнической беллетристики, критика опирается лишь на «общія психологическія основы и имя автора». «Чтобы вынести мало-мальски справедливое

^{1) «}Деревенскіе будни». Гл. VI.

²⁾ Ibidem.

сужденіе, приходится прибъгать нъ предположеніямъ, сопоставленіямъ, догадкамъ, логическимъ умозаключеніямъ». Если разбирается произведение писателя интеллигента, «рисующаго народный быть, то постоянное и упорное недовъріе встръчаетъ его самыя задушевныя страницы, самыя правдивыя картины». Чтобы отстранить возможность такой предвзятой точки зрвнія, добросовъстный писатель - народникъ принужденъ «испещрять страницы своихъ повъстей публицистическими и иными соображеніями, или же пѣлать ссылки и приводить цѣлыя научныя цитаты». Такъ вообще будуть писаться «добросовъстные романы изъ жизни народа тъми, кому дорого торжество истины, торжество своихъ убъжденій. И будеть это до тёхъ поръ, пока или читателемъ не будеть самъ народъ, или писателями не выступять люди изъ народа, мірскіе, общинные люди, или же пока научное изучение народнаго быта не займетъ почетнаго мъста, и выводы науки не войдутъ въ общее сознаніе».

Характерная мотивировка того, почему народническая беллетристика уклонялась отъ принциповъ чистой художественности. Почти буквально то же самое говоритъ намъ и Г. И. Успенскій.

Самъ Н. Н—чъ живо чувствовалъ красоту и поэзію. Эстетическія наклонности составляють не послѣднюю черту его положительныхъ героевъ (напр., въ «Мечтателяхъ» и въ «Устояхъ»). Мосей Волкъ, основатель Волчьяго поселка въ «Устояхъ», былъ «мужикъ эстетикъ, одинъ изъ тѣхъ дѣтей природы, которыя ея великіе феномены наградили такими нѣжными и ласкательными именами, каковы: «зоринька ясная», «солнце красное», «мать земля - кормилица» и т. п. Мосей «влюбился» въ дергачевскую рощу и употребилъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти ее у барина для мужицкаго поселка.

А какъ умѣлъ Н. Н—чъ изображать природу, когда давалъ волю своему «эстетизму», можно судить, напр., по описанію березовой рощи въ разсказѣ «Скиталецъ».

Соприкосновеніе съ природой и народной жизнью будило въ Н. Н. Златовратскомъ свойственный ему лиризмъ настроенія. Тогда яркій свѣтъ «романтизма» падалъ на изображаемыя имъ картины, и позади конкретнаго міра возникала какая-то глубокая перспектива. Н. Н—чъ зналъ въ себѣ это свойство и старался вводить свое творчество въ строгія границы реальной правды. Основной фактъ тотъ, что Златовратскій подходилъ къ своей писательской задачѣ весьма осторожно, вѣчно опасаясь, какъ бы не взять фальшиваго тона, какъ бы не дать ложнаго истолкованія наблюдаемымъ фактамъ народной жизни.

Главной своей цѣлью, какъ писателя - народника, Н. Н—чъ считалъ раскрытіе соціальныхъ основъ крестьянскаго быта, безъчего невозможно понять ни психологіи ни идеаловъ русскаго мужика.

«Мужицкій типъ, характеръ во всей его полнотѣ и цѣльности,— писалъ Н. Н—чъ,—можно воспроизводить въ тысячу разъ всестороннѣе на почвѣ общинно-бытовой, чѣмъ на избито-шаблонной канвѣ психическихъ коллизій въ узко-индивидуальной сферѣ любовныхъ и имъ подобныхъ отношеній» 1).

Результатомъ долгихъ и вдумчивыхъ наблюденій Н. Н-ча явилось убъждение въ томъ, что народъ имъетъ свои опредъленные идеалы, и что ихъ корни уходятъ въ глубь общиннаго строя деревенской жизни. Община это — вообще высшая форма естественнаго союза людей. Вопреки мнѣнію многихъ, она не только не подавляетъ личности, но «является покровительницей нравственной индивидуальной свободы» 2). Въ словахъ «община», «общинный мірской человѣкъ» формулируется одна сторона мужицкой души, «въ смыслъ солидарности на основахъ извъстныхъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній». Но крестьянинъ еще хочетъ быть «хозяиномъ», хочетъ «хозяйствовать». Здёсь обнаруживается другая сторона,— «сторона исключительно индивидуальныхъ стремленій къ обособленію, къ господству, къ достиженію благосостоянія путемъ иныхъ экономическихъ и нравственныхъ основъ». Въ общинъ происходитъ синтезъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ, --тотъ синтезъ, о которомъ вообще мечтаютъ соціальные мыслители. Можетъ-быть, именно народная община и представляеть «воплощение той желаемой гармоніи, въ которой естественно, безъ малъйшаго насилія, примиряются начала общаго и личнаго, альтруистическихъ и эгоистическихъ стремленій». Община любовно принимаеть въ свои нѣдра не только сильныхъ субъектовъ, но и слабыхъ; она, такъ сказать, каждому даетъ по его потребностямъ и отъ каждаго требуетъ по его силамъ и способностямъ. Община — «краеугольный камень нашей народной жизни»; на ней «покоится все міровозэрѣніе народа, его инстинкты, его стремленія, его будущее». Зд'єсь конкретизировались искомые идеалы народа. Какъ золотой песокъ, они разсыпаны по жиламъ народнаго организма. Порой они завалены всякимъ соромъ и хламомъ, нанесеннымъ внъшней силой; но тамъ и сямъ еще попадаются «цълые самородки, блистающіе яркимъ, свътлымъ отблескомъ первобытнаго идеала» 2).

Въ качествъ добросовъстнаго наблюдателя, Н. Н. Златовратскій констатировалъ, что нарождается новая деревня, которая стремится къ «дезорганизаціи устоевъ деревни старой, какъ представительницы принципа труда и экономическаго равенства». Деревня переживаетъ глубокій кризисъ; противоръчіе между личнымъ и общимъ, которое, повидимому, община умъла успъшно разръшать, ръзко обострилось.

 $^{^{1}}$) «Деревенскіе будни». Глава VIII.

²) «Деревенскіе будни». Глава IV.

³⁾ Ibid. Главы XIII и IV

«Сила иныхъ вліяній медленнымъ ядомъ подбирается къ самому сердцу общины. Убьетъ ли этотъ ядъ общину? Или же община ръшится на ампутацію и съ корнемъ вырветъ разъвдающую ее гангрену?» Вотъ гамлетовскій вопросъ, который ставилъ передъ собой Н. Н. Златовратскій еше въ 80-хъ годахъ (въ «Деревенскихъ будняхъ»).

Только зная это, мы поймемъ фактическое содержаніе и тонъ самаго значительнаго произведенія Н. Н—ча, его «Устоевъ». Это въ сущности величавая эпопея борьбы старой и новой деревни. Авторъ не скрылъ отъ читателя, что его собственныя симпатіи на сторонѣ старой деревни, что онъ раздѣляетъ идеи Мосея Волка, Ульяны Мосевны и Мины Аванасьича. Онъ стойко держится своей вѣры въ силу «беззавѣтнаго романтизма», тѣхъ идеальныхъ началъ, — «поэзіи, вѣры, любви», — безъ которыхъ, какъ говоритъ Лиза Дрекалова въ эпилогѣ «Устоевъ», власть земли обратится «въ страшную, могильную власть животнаго, хотя бы и мирнаго прозябанія», власть міра, общины станетъ «условною мертвою формой, деспотически принижающею неоживленную духомъ «порыва» личность»; «власть труда сдѣлается страшною властью машины и, наконецъ, самая власть «ума», власть интеллигенціи, превратится въ сухое, вялое доктринерство или умственный деспотизмъ».

Вотъ чего боялся Николай Николаевичъ. Онъ боялся, какъ бы всеодухотворяющій идеализмъ не покинуль тѣло народной общины.

По весьма понятнымъ причинамъ авторъ «Устоевъ» не могъ въ печати съ полной опредъленностью формулировать свои конечные идеалы. Приходилось ограничиваться фразами, что «замъчательная эластичность и живучесть общинныхъ началъ въ народъ гарантируетъ въ будущемъ ихъ высокое значеніе въ соціальномъ прогрессъ человъчества». Теперь пора уже прямо сказать, что Н. Н. Златовратскій исповъдывалъ идеи народническаго соціализма.

Внимательно слъдилъ онъ за эволюціей дорогихъ ему идей и отъ времени до времени подавалъ свой голосъ въ возникавшихъ спорахъ. Особенную важность имъли выступленія Николая Николаевича въ срединъ 80-хъ годовъ.

IV.

Однажды (въ концѣ девяностыхъ годовъ) Н. Н. Златовратскому пришлось взять на себя роль историка народничества въ одномъ энциклопедическомъ словарѣ. Народничество, писалъ онъ тогда, «имѣло свои корни еще въ воззрѣніяхъ 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ основѣ его и теперь лежала та же вѣра въ народъ, какъ въ новую историческую силу, несущую обновленіе, и въ его трудовую общину, какъ въ залогъ дальнѣйшаго правильнаго экономическаго развитія, и то же стремленіе найти нравственное успокоеніе въ непосредствен-

номъ служеніи народу, вплоть до крайнихъ формъ «опрощенія» и «сліянія» съ нимъ. Только теперь, вмъсть съ кающимся дворяниномъ выступали на этотъ путь новыя, болье свъжія силы, люди интеллигентнаго труда, реальнаго знанія и болье цъльнаго характера и сильной воли. Эта широкая волна демократическаго настроенія того времени нашла выраженія во многихъ беллетристическихъ произведеніяхъ...Это движеніе имъло и своихъ теоретиковъ (Михайловскій, Южаковъ, Юзовъ, В. В., В. Пругавинъ, Приклонскій, Соколовскій, Щербина и др.), но до сихъ поръ попытки теоретическаго обоснованія народничества вызывали оживленную полемику даже между писателями, очень близкими по основнымъ стремленіямъ, и были не всегда удачны, какъ вслъдствіе сложности самой психической основы этого движенія, такъ и вслъдствіе крайняго разногласія у самихъ теоретиковъ во взглядахъ на активную роль народа въ культурной исторіи. Во всякомъ случать это направленіе общественной мысли составляло наиболъе характерную сторону періода 70-хъ годовъ и имъло большое значение въ постановкъ и выясненіи важнъйшихъ вопросовъ историко-національнаго развитія».

Такъ «объективно» характеризовалъ Н. Н—чъ происхожденіе, сущность и значеніе народничества. Но для него это было свое, жизненное, кровное дѣло.

«Передъ нашимъ поколѣніемъ,—писалъ онъ въ послѣдніе годы (изъ бумагъ Н. Н—ча),—всталъ роковой, ничѣмъ не отстранимый вопросъ объ органической связи между нами и народной массой. Это уже былъ вопросъ далеко не одного литературно-теоретическаго интереса къ народу, разсматриваемому, какъ объектъ для наблюденія, и не одного гуманизма сверху, каковымъ онъ стоялъ для предшествовавшаго поколѣнія. Это былъ для разночинца вопросъ уже о неотвратимомъ разрѣшеніи проблемы кровнаго взаимоотношенія между личностію и народомъ — массой». Безъ уясненія этого вопроса немыслима была полнота разумнаго существованія личности. Рѣшеніе, конечно, не могло быть достигнуто сразу.

Одинъ изъ важныхъ моментовъ въ исторіи народничества падаетъ на первую половину 80-хъ гг., когда, послѣ тяжелыхъ испытаній, которыя пришлось пережить нашимъ народникамъ, явилась настоятельная потребность въ новомъ самоопредѣленіи. Дороги перепутались; вѣхи, повидимому, такъ увѣренно разставленныя по пути, частью попадали, частью перенесены въ другое мѣсто. Куда итти? Гдѣ союзники и друзья? Какъ, наконецъ, осмыслить явленія, происходящія въ самой деревнѣ? Эти и подобные вопросы съ неотразимой силой возникали въ сознаніи и требовали рѣшенія.

Въ 1885—1886 г. въ Москвѣ происходилъ съѣздъ народниковъ, на которомъ рѣшено было пересмотрѣть «основные тезисы» народничества. Н. Н. Златовратскій, тогда уже авторъ «Устоевъ», принялъ дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда. Можно думать, что именно

для него Н. Н—чъ написалъ свое «Credo», сохранившееся въ его бумагахъ. Высказавъ уже не въ первый разъ свою жалобу на отсутствіе у молодыхъ народниковъ «преемственности сознанія», т.-е. внимательной критической работы надъ тѣмъ, что говорилось и дълалось въ недалекомъ прошломъ, Николай Николаевичъ набрасываетъ цѣлую исторію народническаго движенія.

Зародилось народничество, говориль онъ здѣсь, въ концѣ 60-хъ гг.; тогда подъ его знамя встала почти вся интеллигенція, «отождествившая свои надежды и чаянія съ надеждами и чаяніями народа, но въ то же время и свои интересы съ интересами народа, безъ яснаго анализа тѣхъ и другихъ по существу. Логически построенная система доказывала, что должно было совершиться при самомъ незначительномъ усиліи». Въ этой стадіи народничества было много справедливаго, «но много и совершенно ложнаго, фиктивнаго, зависѣвшаго прямо отъ полной оторванности и незнанія народа у огромнаго большинства интеллигенціи». Среди народниковъ были тогда и сторонники рабочей программы Лассаля, и поклонники русской общины, и послѣдователи Прудона съ его народнымъ банкомъ, и коммунисты, и «всѣ просто недовольные люди въ Россіи, для которыхъ все одно — что бы ни вышло, только бы вышло».

Увъренно ждали всъ политическаго возстанія народа. Когда этого не случилось, интеллигенція сдълала выводъ, что народъ не оправдалъ «нашихъ надеждъ». Въ концѣ 70-хъ гг. большинство ръшило временно оставить народъ въ покоѣ; слышались даже рѣчи о «зоологичности» мужика. Признано было за лучшее «принять на свой рискъ и страхъ обязанность осуществить надежды какъ для него, такъ и для себя». «Все для народа, но не при посредствѣ его», какъ говорилось тогда съ большимъ апломбомъ. Такимъ образомъ, народъ былъ устраненъ отъ активной роли, и интеллигенція взялась сама осуществлять его идеалы.

Взгляды интеллигенціи, какъ и слѣдовало ожидать, оказались весьма разнокалиберными, и идеаловъ за разъ выставлялось нѣсколько. Противъ этого хаоса возвысила свой голосъ небольшая группа «народниковъ-самобытниковъ». Она осталась въ народѣ и постаралась уяснить себѣ, почему народъ не оправдалъ надеждъ интеллигенціи, и каковы дѣйствительные идеалы деревни. Событія начала 80-хъ годовъ еще болѣе осложнили вопросъ, и къ срединѣ этого десятилѣтія господство, повидимому, стала получать та фракція народниковъ, которая приняла девизъ: «развязать руки интеллигенціи для служенія интересамъ народа». Эту фракцію Златовратскій готовъ назвать «либерально-радикально-демократической» и горячо доказывалъ, что она идетъ по ложному пути, что нужно служить не интересамъ, а идеаламъ народа. Интересы не исключаются идеалами, но идеалы нужно поставить «выше всего и прежде всего», «ибо только идеалами опредѣляются интересы, а не наоборотъ, и по-нашему, — писалъ

Н. Н—чъ, —крайне опасно, когда думають иначе, т.-е. что нужно добиться сначала удовлетворенія интересовъ, а потомъ уже думать объ идеалахъ, или что они тогда скажутся сами собой». Европейская исторія испробовала этотъ путь стремленія къ интересамъ и доказала его ошибочность. Несмотря на то, что пролиты цѣлыя моря крови, «человѣчество еще дальше стоитъ отъ осуществленія идеаловъ, чѣмъ прежде, такъ какъ къ идеаламъ приходится итти путемъ органическаго вырожденія и деморализаціи массъ. Несомнѣнно, что лучшіе умы тамъ уже сомнѣваются, чтобы подобнымъ путемъ интересовъ массъ можно было достигнуть осуществленія идеаловъ. Это приведетъ только къ квадратурѣ круга». «Очевидно, — заключаетъ Н. Н—чъ свое Сгедо, — что наибольше (sic) гармоничной является жизнь человѣка, когда интересы и идеалы взаимно опираются одни на другіе и не противорѣчатъ другъ другу».

Отсюда роль интеллигенціи сводится къ тому, чтобы сознать подлинные идеалы народа и помогать ему въ ихъ осуществленіи, а не превращать народъ въ объектъ воздѣйствій хотя бы и самыхъ благожелательныхъ.

Въ основныхъ пунктахъ своего Credo H. Н. Златовратскій быль болъ или менъ близокъ къ идеологіи В. В. (Вас. Павл. Воронцова) и Юзова-Каблица. «Народные интересы, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его қоллективною мыслью, или другія, соотвътствующія его желаніямъ, какъ средство, и самостоятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи»---вотъ формула народничества въ опредъленіи В. В. 1) Возставая противъ опеки культурныхъ классовъ надъ народомъ, Юзовъ также требовалъ «предоставленія простора развитію встах группъ народа» (305) и народникомъ считалъ лишь того. кто «уважаеть народь, какъ коллективную единицу, воплощающую въ себъ относительно высокій, для нашего времени, уровень справедливости и человъчности» (319). Истинный народникъ убъжденъ, что «только коллективная мысль народа можеть безошибочно опредълить, что должно считаться практической общественной задачей нашего времени и каково должно быть ея разръшеніе» (319). Нельзя навязывать народу своихъ идеаловъ, интересовъ и формъ жизни.

Съвздъ 1885 — 1886 г., съ своей стороны, полагалъ ²), что народническая интеллигенція должна взять на себя миссію, подобную той, которую выполняли проповвдники первыхъ въковъ христіанства и гуманисты XVII — XVIII вв., въ убъжденіи, «что высшія истины морали суть истины элементарныя, присущія сознанію каждаго человъка, какъ бы низко онъ ни стояль на общественной тъстниць. Онъ составляють ту «совъсть человъчества», которая,

¹⁾ В. В. «Наши направленія». Стр. 7.

Здёсь мы пользуемся пашей статьей «Подвижникъ великой пдеп», папечатанной въ «Р. Въд.», 1911, № 286.

въками затмеваемая и порабощаемая стихійнымъ процессомъ жизни, въ извъстные моменты, при благопріятныхъ условіяхъ, всныхиваетъ въ общемъ сознаніи и ищетъ себъ соплощенія въ дъйствительности. Эти простыя и потому великля истины не только доступны усвоенію народныхъ массъ, но народъ самъ таитъ ихъ въ глубинъ своей души. «Принимая на себя высокую миссію борца за идеалы и интересы трудящихся и угнетенныхъ народныхъ массъ, народникъ признаетъ, что самая широкая пропаганда среди народа грядущаго торжества народной правоты, обязательность ея, какъ высшей справедливости, неустанный призывъ къ таящемуся въ глубинъ народной души чувству общаго братства и равенства и постоянное поддержаніе народнаго духа на высот'в самаго св'єтлаго романтизма, должно стать альфой и омегой народнической дѣятельности». Это самый существенный изъ «основныхъ тезисовъ»; онъ, какъ видимъ, весь обвъянъ духомъ «свътлаго романтизма» народниковъ 70 — 80-хъ годовъ. На собраніи была выработана и программа-тіпітит, которая могла бы удовлетворить насущныя потребности «двухъ количественно преобладающихъ трудовыхъ классовъ: земледъльцевъ и разночинцевъ (въ широкомъ смыслъ слова: ремесленниковъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, мелкихъ торговцевъ и служащихъ и лицъ такъ называемыхъ «свободныхъ профессій», — учителей, врачей, техниковъ, писателей, художниковъ и т. п.)». Программа требовала: а) учрежденія м'єстныхъ (областныхъ) и общаго соборовъ изъ свободно избранныхъ представителей всъхъ классовъ и національностей государства; б) націонализаціи всёхъ земель и природныхъ богатствъ страны; в) «признанія общины, какъ формы земледъльческаго союза, и производительныхъ артелей пользующимися преимущественнымъ покровительствомъ государства» и г) суда представителей общественной совъсти по всъмъ преступленіямъ. Выдвигая подобную программу и опредъляя различные способы борьбы за нее, съъздъ настойчиво предостерегалъ, чтобы народникъ не вносиль въ политическую борьбу «доктринерства, какъ бы оно ни казалось логически обоснованнымъ, зная, что за нимъ стоятъ живое тъло и живая кровь народныхъ массъ».

Изложенные «основные тезисы» народниковъ были руководящими идями и самого Ник. Ник. Златовратскаго. Не даромъ
лѣтъ пять тому назадъ онъ собственноручно переписалъ ихъ въ
особую книгу, «листы которой не гніютъ и не тлѣютъ», — книгу,
поднесенную ему по случаю сорокалѣтняго юбилея московскимъ
правленіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Покойный писатель какъ бы хотѣлъ сказать намъ, что нѣтъ тлѣнія и
смерти для «основныхъ тезисовъ» народничества. Его несокрушимая
преданность идеямъ народничества не превращалась, однако, въ «доктринерство» и узкій догматизмъ. Ему дорога была вся народническая идеологія, но еще дороже то ядро, которое содержится

въ идеологической скорлупѣ, именно то основное положеніе, что трудящійся народъ, являясь у насъ жертвой высшей соціальной неправды, въ то же самое время служитъ основой всего государственнаго бытія. «Крестьянство — держава всему! — говорилъ Мину Аванасьичу прохожій старичокъ (въ «Устояхъ»). — Все крестьянствомъ крѣпится... Всѣ имъ сыты: царева казна и солдатикъ, и баринъ». Минъ Аванасьичъ, съ своей стороны, полонъ вѣры, что «объявится правда, и будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ—мужичокъ!»

Здѣсь содержится та повелительная идея, съ которой Николай Николаевичь прожиль длинный рядъ годовъ. Ея немолчные зовы онъ слышаль каждую минуту; пытливо озираясь вокругь себя, онъ ловиль родные звуки въ новыхъ формахъ литературной жизни или государственнаго строительства. Появятся на сценѣ босяки Горькаго и особенно его старикъ Лука, — Златовратскому въ новизнѣ старина слышится, онъ радуется новому союзнику. Заговоритъ русская деревня, охваченная политическимъ возбужденіемъ, раздадутся горячія рѣчи организованныхъ друзей народа, — Златовратскій привѣтствуетъ эти яркіе симптомы приближающагося торжества соціальной справедливости.

Много важныхъ думъ передумалъ старый народникъ въ декабръ 1905 г., когда забаррикадированная Москва была подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Выстрълы потрясали воздухъ и доносились до скромнаго кабинета Н. Н—ча въ его демократической квартиръ на Бронной. Кажется, видишь, какъ Николай Николаевичъ въ безсонную ночь нервно ходитъ по комнатъ или сидитъ за письменнымъ столомъ, оперевъ на руку свою красивую голову. Передъ его взоромъ проносится вся драматическая исторія борьбы русскаго народа за правду и свободу.

Въ одну изъ такихъ минутъ, дрожащей отъ волненія рукой, набросаль онъ замѣчательныя строки, подъ заглавіемъ «Три легенды. Къ воспоминанію о 14 декабря 1905 г.». (14 декабря для Н. Н—ча было втройнѣ знаменательной датой: это — день его рожденія, память о событіи 1825 г., и, наконецъ, память о московскихъ событіяхъ 1905 г.).

Настоящее пробудило въ памяти Николая Николаевича двѣ старыя «легенды», которыя плѣняли его воображеніе еще на зарѣ сознательной жизни; теперь къ нимъ присоединилась и третья «легенда».

«Одна легенда шла изъ нѣдръ народа... Ее несли къ намъ цѣлыми потоками вздоховъ, скорби, надеждъ и упованій, порывовъ взволнованной «правды», отъ времени до времени, какъ раскаты грома, потрясавшихъ стогны городовъ и селъ, какія-то маленькія, ничтожныя существованія, жалкіе тѣломъ, бѣдные и униженные, — но высокіе всескорбящимъ своимъ духомъ, эти маленькіе «народные Христы», которые, какъ блуждающіе огни, неустанно вспыхивали то тамъ, то здѣсь надъ молчаливой и тяжелой юдолью народной жи-

зни, освъщая и согръвая все, въ чемъ теплилась неутолимая пуховная жажда... Цъльми столътіями и цъльми тысячами проходили по стогнамъ народной жизни эти маленькіе Христы, и погибали... въ снъгахъ Сибири и застънкахъ городовъ, неустанно мучимые и распинаемые, — но неустанно призывавшіе великій и грозный судънадъ мучителями... и говорившіе народу о грядущемъ воплощеніи для всъхъ угнетенныхъ и скорбящихъ царства Божія, — тамъ, ибо отчанлись они видъть его на землъ.

«Другая легенда тоже стольтіями созидалась въ тьхъ верхахъ..., гдъ ковались народныя цъпи... Ее создавали и воплощали тъ кровныя дъти этихъ насильниковъ, которыя пріобщились древа познанія добра и зла, которыя очистили свои души невыразимыми душевными муками за преступленія своихъ отцовъ и, просвътленные, огненными ръчами обличали своихъ кровныхъ насильниковъ народныхъ... И опять легенда уносилась съ ними... въ сибирскіе снъга.

«Прошло 50 лѣтъ и началось созиданіе грандіознѣйшей изъ гранціозныхъ третьей легенды о выступленіи крестоносцевъ народныхъ трудовыхъ массъ, подъ знаменемъ новаго креста, какъ символа освобождающагося изъ-подъ гнета страданій труда... Они идутъ и идутъ толпа за толпой, сосредоточенные, прокопченные дымомъ фабричныхъ трубъ, обвътрънные стужей и изможденные голодомъ родныхъ деревень... Они идутъ, безоружные, съ горящей върой въ глазахъ, устремленныхъ на развъвающееся впереди знамя съ крестомъ труда, призывавшее ихъ къ воплощенію царства Божія уже здѣсь, на землъ. И передъ необозримыми толпами ихъ начинала стонать земля, падали твердыни насилія, какъ по мановенію жезла, замирала кругомъ жизнь, останавливались воды, замирали вътры и мельницы переставали молоть хлъбъ, потухали огни въ жерлахъ заводскихъ печей и не расплавляли болъе свинца для смертоносныхъ орудій... — и смолкли залпы орудій, которыхъ нечьмъ было обновить и заряжать... и бросали ихъ полчища рабовъ, чтобы убъжать въ ужасъ отъ нихъ и присоединиться къ тъмъ, которые все шли и шли за развъвающимся знаменемъ новыхъ крестоносцевъ, молчаливые, сосредоточенные, безоружные, но могучіе и непобъдимые... И подоблачный міръ огласился могучимъ гимномъ въ честь торжества новой жизни-преддверія воплощенія парства Божія на землъ, созидаемаго великимъ творчествомъ духа человъческой солидарности во имя братства, свободы и справедливости!.. И новое: «да будетъ такъ!» пронеслось отъ края и до края міра».

Вотъ она, великая, воочію творимая народомъ легенда. Н. Н—чъ благоговъйно занесъ въ свою поэтическую лътопись это «послъднее сказаніе» земли родной. Старый народникъ распростеръ благословляющую десницу и надъ фабричнымъ рабочимъ и надъ голоднымъ мужикомъ родныхъ деревень, надъ всъмъ «народомъ», который торжественно шелъ на завоеваніе свободы съ върой въ царство

Божіе на землѣ. Любовными очами провожалъ Н. Н. Златовратскій этихъ новыхъ крестоносцевт, и, вѣрный паладинъ народныхъ идеаловъ, духовно онъ былъ въ ихъ рядахъ.

Недавніе годы московскаго движенія, читаемъ въ другой замѣткѣ Н. Н— ча (въ его бумагахъ), «съ очевидностію доказываютъ, что на смѣну разночинцевъ уже готовы выступить элементы, еще болѣе кровно связанные съ массами народа, для которыхъ рѣшеніе поставленной задачи явится безусловно органически неизбѣжнымъ». Историческая миссія разночинца завершилась. Онъ былъ «передаточной инстанціей между верхами и народомъ и, какъ и слѣдовало ожидать, внесъ съ собою массу недоразумѣній. Но теперь его, какъ передатчика, роль уже кончается». Наблюдая «недавніе годы великаго массоваго движенія», Н. Н—чъ съ большимъ правомъ, чѣмъ его Пугаевъ могъ бы сказать: «Нынѣ отпущаеши!.. Я видѣлъ... и больше мнѣ ничего не кужно!.. Я умру полный вѣры, которой у меня никто не отниметъ!.. Теперь я спокоенъ и за васъ, и за себя: кто разъ видѣлъ это, для того нѣтъ отчаянія, нѣтъ страха смерти!..»

Есть красота формъ, есть красота мысли, есть красота жизни. Мы говоримъ о служеніи чистой красотѣ, чистому искусству. Но есть и другое, столь же святое служеніе, — служеніе чистой идеѣ: оно превращаетъ всю жизнь человѣка въ стройное художественное созданіе. Такова и была жизнь Николая Николаевича Златовратскаго. Трогательнымъ обаяніемъ дышитъ его нравственная личность, неизмѣнно вдохновляемая одной непоколебимой вѣрой въ творческую силу народа и въ святость его идеаловъ. Эта вѣра, говорилъ онъ о себѣ («Три легенды»), была «той драгоцѣнной нитью, которая вела меня цѣлое полустолѣтіе сквозь мракъ и хаосъ метущейся жизни, готовой перервать ее ежеминутно, чтобы сразу утопить меня въ своемъ стихійномъ водоворотѣ... И я не разъ утопалъ и погибалъ, но драгоцѣнная нить снова выводила меня не открытый путь...»

Какъ мечтатель-безумецъ его былины, въ полной неприкосновенности сберегъ Николай Николаевичъ свой драгоцѣнный кладъ. Передавая его всѣмъ намъ, онъ говорилъ:

«Это — перлы, которые досталь я съ глубины народнаго моря... Въ нихъ залогъ его и вашего воскресенія и спасенія... Я чувствую, — мой конецъ близко... Мои силы изсякли... Взлельйте же вы эти перлы въ своей душь... Освятите ихъ творчествомъ мысли и теплотою сердца... Когда же вы будете достойны, чтобы возвратить ихъ народу въ блескь и сіяніи торжества и славы, — скажите тогда: твоя от твоихъ тебю приношу...

«Послѣ этого мечтатель-безумець тихо скончался».

-

Записки А. В. Поджіо.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Александръ Викторовичъ Поджіо (1797 — 1873), членъ южнаго тайнаго общества, не принималь особенно замътнаго участія въ организаціи тайныхъ обществъ и вообще въ движеніи, закончившемся 14 декабря. Его арестовали въ кіевской деревнъ во время сборовъ въ Америку, куда онъ думалъ переселиться, выйдя въ отставку задолго до рокового событія, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ заняться общественной дъятельностью среди русскихъ условій. И, тъмъ не менъе, значеніе его личности велико, она привлекала и привлекаетъ къ себъ вниманіе. Именно такіе, по первому впечатлънію, незамътные участники общественнаго движенія высоко несуть и кръпко держать въ своихъ рукахъ его нравственное знамя. Своимъ присутствіемъ въ рядахъ участниковъ они объединяють разнородные элементы. Колеблющіяся и расходящіяся теченія они скръпляють своею искренностью и твердостью. Лучшимъ представителемъ этого типа людей и былъ А. В. Поджіо.

Отецъ А. В. Поджіо вышелъ изъ среды Пьемонтскаго дворянства. По словамъ доктора Бълоголоваго, фамилія Поджіо доселѣ принадлежитъ къ виднымъ представителямъ итальянской аристократіи и, когда А. В. въ 60-хъ годахъ поселился во Флоренціи, итальянскіе родственники его поспъшили возстановить свои связи и отношенія съ далекимъ представителемъ семьи, оказавшимся политической жертвой, принесенной на дальнемъ сѣверѣ за благо чуждаго имъ народа. Отецъ Поджіо сдѣлалъ карьеру на русской службѣ, и его дѣти, Александръ и Іосифъ, вступили въ жизнь полноправными членами господствующаго сословія Россіи. Они вышли офицерами въ Преображенскій полкъ и въ началѣ 20-хъ годовъ блистали въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Александръ Викторовичъ пользовался особымъ успѣхомъ, благодаря своей замѣчательной красотѣ и южной живости.

14-е декабря снесло ихъ обоихъ, но Іосифъ Викторовичъ поплатился тяжеле. Женатый на дочери статсъ-секретаря Бороздина и оторванный отъ молодой жены черезъ нъсколько мъсяцевъ послъбрака, онъ не былъ сосланъ въ Сибирь, подобно другимъ декабри-

стамъ, а по ходатайству своего высокопоставленнаго тестя быль заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, дабы молодая жена не послѣдовала за нимъ въ ссылку. Сосланный въ Сибирь только послѣ 8-лѣтняго одиночнаго заключенія, онъ быль физически сломленъ и умеръ въ 1848 г.

Александръ перенесъ и каторгу и ссылку. Выйдя на волю, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и пробовалъ удачу въ золотопро-

мышленности.

Въ Сибири онъ женился на Лариссъ Андреевнъ Смирновой, и послъдніе годы его были согръты семейнымъ счастьемъ; главной заботой его сдълалось воспитаніе страстно имъ любимой дочери.

Въ 1858 году онъ получилъ вмъстъ съ другими декабристами разръшение вернуться въ Россію и поселился подъ Москвой, а когда обстоятельства позволили, выъхалъ за границу и жилъ съ семьей въ Швейцаріи и Италіи. Но итальянецъ по крови, по наружности, по духу и по своимъ вкусамъ, чувствовавшій себя, какъ дома на родинъ своихъ предковъ, въ Италіи, въ совершенствъ владъвшій итальянскимъ языкомъ, Поджіо всъми силами своего страстнаго сердца былъ привязанъ къ новому суровому отечеству Россіи и болълъ его горестями и заботами. Онъ горячо любилъ Сибирь, въ которой провелъ свои лучшіе годы, и даже въ горахъ Швейцаріи сумълъ отыскать уголокъ, напоминавшій ему Забайкалье. Умирающій онъ собраль послъднія силы, чтобы доъхать живымъ до Россіи и сложить свои кости подлѣ могилы друга и товарища по изгнанію князя Сергъя Григорьевича Волконскаго.

«Я много странствовалъ по свъту, —пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» біографъ Поджіо, докторъ Бълоголовый, —много знавалъ хорошихъ людей, однако другого такого идеальнаго типа альтруиста мнѣ не приходилось встръчать, хотя, въруя въ человъчество, не сомнъваюсь, что, можетъ-быть, пока въ ръдкихъ экземплярахъ онъ существуетъ вездѣ... Будучи человъкомъ средняго невыдающагося ума, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на окружающихъ, главное, своею нравственною чистотою и духовною ясностью, и всякій въ бесѣдѣ съ нимъ ощущалъ, какъ съ него постепенно сходила черствая кора условныхъ привычекъ и ходячей морали, и въ его присутствіи всякій чувствовалъ себя чище и становился примиреннѣе съ людьми. Зато всѣ знавшіе его не только къ нему сильно привязывались, но у многихъ любовь эта доходила до боготворенія».

Для ближайшаго ознакомленія съ прекраснымъ образомъ Александра Викторовича Поджіо отсылаемъ къ цитированнымъ «Воспоминаніямъ» Н. А. Бѣлоголоваго, ученика и воспитанника его. Ученикъ описалъ намъ своего учителя съ такимъ умѣніемъ, правдивостью, искренностью и любовью, что страницы, отведенныя въ «Воспоминаніяхъ» Александру Викторовичу Поджіо, — лучшія въ

текстъ превосходно написанной книги доктора Бълоголоваго.

«Записки» Поджіо были въ рукахъ д-ра Бѣлоголоваго. Рукопись «Записокъ» перещла затѣмъ къ дочери А. В. — Варварѣ Александровнѣ по мужу Высоцкой, а ею была передана для храненія въ «Комнату людей 40-хъ годовъ» при Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Нынѣ онѣ печагаются съ этой рукописи съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка и фразировки автора Нѣкоторые отмѣченные пунктиромъ пропуски обусловлены цензурными соображеніями.

Въ «Запискахъ» есть интересныя подробности о ходѣ процесса декабристовъ, но онѣ любопытны не столько этими подробностями, сколько чрезвычайно яркимъ отраженіемъ въ ихъ слогѣ, его нервности, страстности, порывистости, столь интересной фигуры автора ихъ. Конечно, никому не придетъ въ голову критиковать эти часто отрывочныя замѣтки съ точки зрѣнія архитектурной стройности изложенія или отчетливости общихъ историческихъ взглядовъ автора. Ихъ интересъ не въ этомъ, а въ силѣ мыслей, чувствъ, настроеній, въ нихъ выраженныхъ 70-лѣтнимъ старикомъ.

Изъ краткаго предисловія къ рукописи, написаннаго рукою В. А. Высоцкой, видно, что въ 1877 году «Записки» приготовлялись къ печати, но намъреніе это почему-то не было осуществлено ни г-жей Высоцкой, ни докторомъ Бълоголовымъ, также выражавшимъ въ статъъ, посвященной А. В. Поджіо, намъреніе опублико-

вать ихъ.

А. Яковлевъ.

Отецъ мой, Викторъ Яковлевичъ Поджіо, былъ выходецъ изъ Пьемонта. Темныя сказанія матери моей не объяснили мнѣ ясно причины, побудившей его оставить свое отечество. Я могъ догадываться, что, преслѣдуемый за нанесенную опасную рану, въ порывѣ ревности, какому-то счастливому сопернику въ любви, онъ воспользовался предложеніемъ Рибаса, отплылъ съ нимъ изъ Ливорно и, такимъ образомъ, избѣгнулъ преслѣдованія уже и безъ того ненавистнаго ему правительства.

Тогда же Рибасъ участвовалъ въ экспедиціи графа Орлова, которому онъ оказалъ большое содъйствіе въ похищеніи Таракановой. Эта гнусная, въроломная продълка была прикрыта, какъ водится, всею важностію государственнаго дъла, а потому дъятели этой плачевно кончившейся драмы были не опозорены во мнъніи общественномъ, но превозносимы, какъ будто упрочившіе право, всегда шаткое, похитительницы престола. Вотъ начало сношеній моего отца съ Рибасомъ,—сношеній, которыя продолжались до конца его жизни.

Во время прибытія отца моего въ Россію, неопредѣленная будущность нашего юга волновала всѣ умы. Екатерина бредила Византіею и направила на нее всѣ свои помыслы и силы. Мы видимъ, какъ, вслѣдъ за мановеніемъ ея мыслей, стеклась туда лучшая молодежь того времени, всѣ знаменитые французскіе эмигранты и выходцы всѣхъ земель. Увлеченный потокомъ этихъ рыцарей-странниковъ, возставшихъ противъ иновѣрцевъ, отецъ мой отправился, какъ принято было, волонтеромъ; послѣ чего вступилъ въ дѣйствительную военную службу. Не знаю, какіе его были подвиги и служба вообще; знаю только, что онъ участвовалъ въ турецкой компаніи, былъ при взятіи Измаила, всегда съ гордостію носиль этотъ крестъ и вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ. Знаю, въ чемъ я впослѣдствіи и могъ убѣдиться, что онъ своею честностію

А. В. Поджіо. изъ коллекцін В. Я. Адартокова).

и правотою на службѣ пріобрѣлъ уваженіе и дружбу многихъ замѣчательныхъ лицъ того времени. Не говоря о Рибасѣ и его братьяхъ, которые постоянно, исключительно къ нему были расположены, могу назвать герцога де-Ришелье, графа Ланжерона, князя Григорія Семеновича Волконскаго (тогда еще въ здравомъ умѣ и наводящаго страхъ на турокъ) и самого Суворова, который постоянно останавливался у него проѣздомъ чрезъ Одессу. Помню разсказы матушки о посѣщеніи этого полководца-чудака великаго. Какъ, въ угодность ему, выносились изъ каменнаго нашего дома, едва ли не единственнаго тогда въ Одессѣ, всѣ зеркала и позолоченная мебель, обшитая штофомъ, выписанная изъ Неаполя, и на мѣсто этой мебели становились простыя скамьи. Ему готовилась самая простая пища; съ какимъ горячимъ увлеченіемъ говаривалъ онъ съ матушкой по-итальянски!

Отецъ былъ одинъ изъ первыхъ четырехъ обитателей, или, правильнъе сказать, основателей Одессы, тогдашняго Хаджибея: инженернаго генерала Ферстера, полковниковъ Вердеревскаго и Ивашева (отецъ того Ивашева, который подвергнутъ одинаковой сомной изгнаннической участи).

Десятаго іюля 1826 года часовъ въ 11 утра явился ко мнъ плацъ-адъютантъ съ обыкновеннымъ словомъ «пожалуйте!» Этимъ словомъ выражалось приглашение въ комитетъ. Такое приглашеніе въ необычный часъ (въ комитетъ насъ всегда водили ночью, съ какою-то таинственностью, набрасывая на голову платокъ) меня нъсколько удивило; но вскоръ, взойдя по боковому крыльцу въ одну изъ комнатъ дома коменданта Сукина, я и товарищи, которыхъ я тамъ нашелъ, догадались что дъло наше приходило къ концу. За нами вводились и другія, незнакомыя для меня лица; наконецъ захлопнувшаяся дверь возвъстила намъ, что число наше ограничится присутствующими. Здѣсь находились Трубецкой, Оболенскій, Барятинскій, Якубовичь, Вадковскій, близкіе мнѣ друзья, и кромъ ихъ-члены славянскаго общества, для меня вовсе неизвъстные, именно: братья Борисовы, Горбачевскій, Спиридовъ, Безчасный. Предполагая по данному ходу дѣла, что Трубецкой и Оболенскій были обвиняемы болье многихъ другихъ, мы удивились встръчь съ людьми, дъйствія которыхъ были намъ совершенно неизвъстны, а что еще больше насъ сбивало въ нашихъ догадкахъ, это отсутствіе главныхъ членовъ общества, т.-е. Пестеля, Сергъя Муравьева и нѣкоторыхъ другихъ.

Едва успъли мы обняться и передать другъ другу наши догадочныя заключенія, какъ растворилась противоположная дверь и взошель къ намъ съ спокойнымъ видомъ священникъ Баженовъ. Протянувъ горячо руку Трубецкому и Оболенскому.

которыхъ онъ такъ часто посѣщалъ въ темницѣ, принося имъ утѣшеніе въ вѣрѣ, онъ сказалъ: «Господа, вамъ будетъ читаться приговоръ, но будьте спокойны. Государь не хочетъ смертной казни, сердце царево въ руцѣ Божіей».

Послѣ этихъ словъ онъ поспѣшно удалился, имѣя, вѣроятно, передать порученіе и въ другія комнаты, гдѣ также были собраны члены общества по категоріямъ, какъ мы узнали это впослѣдствіи. Нельзя не смутиться при мысли, что, забывъ святость сана священника, его же употребили быть вѣстникомъ такой гнусной лжи, какъ впослѣдствіи оказалось при казни пятерыхъ.

Вскорѣ потребовали насъ въ сосѣднюю комнату, изъ которой мы могли слышать какія-то громкія, перерывающіяся слова, которыхъ смыслъ объяснили намъ послѣ, прочтеньемъ приговора смертной казни надъ пятью лицами, осужденными на смерть.

То были: Пестель, Сергъй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Рылъевъ и Каховскій.

Когда все смолкло, насъ начали вызывать поименно и ввели по одному въ комендантскую залу, вытянули вдоль по стънъ въ стройную шеренгу, имъвшую по бокамъ у каждой двери и у каждаго сзади насъ окна по два павловскихъ гренадера съ ружьями у ноги. Павловскіе гренадеры, въ родъ потъшныхъ и поэже лейбъ-кампанцевъ, были въ ходу. Построеніе насъ въ шеренгу при застрѣльщикахъ направо и налъво и при мърахъ такой вызванной безопасности должно быть крайне одобрено фронтовиками-судьями. Здъсь-то, наконецъ, стала выясняться вся эта таинственная задача, болъе любопытная, чъмъ мучительная. До того всъ эти движенія, передвиженія и вев неожиданности подстрекали наше вдругь воскресшее чувство къ жизни. Все это, такъ неожиданно представившееся эрълище насъ не только не смутило, а скажу, напротивъ, вновь оживило какими-то уснувшими у насъ силами. Правота дъла, всѣ наши убѣжденія, вѣрованія какъ будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при видъ такого безправья, беззаконія и насилія назначеннаго надъ нами суда, неизвъстнаго для насъ. Какъ! Самоуправная власть назначаетъ судъ, произвольно назначаетъ судей, облекаетъ ихъ чудовищнымъ правомъ жизни и смерти надъ ста двадцатью подсудимыми, и эти подсудимые не знають, не въдають даже о такомъ назначении.

И первый, и послъдній произволь его существованія, его дъйствій выразился смертнымъ приговоромъ. Спросите хоть одного изъ этихъ поддъльныхъ, заказныхъ судей, ужели, прежде чъмъ обмокнуть свое перо въ кровавую чернильницу, не дрогнула его совъсть и не почувствовалось ея угрызеній? Ужели до того забиты были въ немъ всъ чувства человъчества, что не пришло ему на умъ для своего же успокоенія выслушать, прослушать хотя бы одного изъ насъ? Въдь знали же они всъ, что подсудимые не имъ

ли никакихъ огражденій для своей защиты, что всѣ почти обвиненія основывались почти на словахъ, чёмъ на дёйствіяхъ, и ни одинъ изъ нихъ не отозвался въ пользу встхъ этихъ чудныхъ юношей, обреченныхъ заранъе на явную гибиль. Спрашивается, какой судья ръшится приговорить къ смерти самаго лютаго убійцу, разбойника, не выслушавъ его и не провъривъ слъдствія? Спрашивается, ужели предсмертный, великій возгласъ Рылъева не поколебалъ болѣе чѣмъ совѣсть одного 1), если бы этотъ великій гражданинъ, достойный другого времени и поприща, былъ допущенъ лично къ оправданію или защитѣ своей передъ судомъ? Нѣтъ, судъ этотъ, при глубоко заданномъ себъ чувствъ какого-то звърства, не только не имѣлъ, не хотѣлъ руководствоваться первоначальными понятіями о справедливости, но какъ будто ругался или, даже не сохраняя и приличія, требуемаго правосудіемъ, хотя бы и искаженнымъ произволомъ. Здѣсь я не говорю о тѣхъ огражденіяхъ, съ которыми защищались подсудимые во всъхъ хотя нъсколько благоустроенныхъ государствахъ; не говорю я уже о свободъ слова и печати, о защитъ законнаго ходатая - нътъ. Положимъ, что эта роскошь права была для Россіи лишняя, — но можно ли было пренебрегать, отвергать самыя первоначальныя понятія о процессь и можно ли было этому суду основывать вст свои приговоры на ртшеніяхъ одной слъдственной комиссіи, представившей всъ показанія наши за полнисью нашей!

Просмотримъ теперь вкратцѣ, насколько эта комиссія заслуживала къ себѣ такого спѣпого довѣрія, какое оказалъ ей Верховный Уголовный Судъ. Начнемъ съ состава лицъ.

Предсъдателемъ былъ назначенъ военный министръ графъ Татищевъ. Если выборъ для такого мъста долженъ быть пасть на человъка, вовсе чуждаго къ изслъдованію дъла, то, конечно, лучшаго для назначенія для этой цъли не могло и быть. Всегда безмолвный и, въроятно, углубленный въ свои министерскія дъла, онъ равнодушно смотрълъ и на насъ, и на всъ бъшеныя выходки.

Чернышевъ—главный двигатель всего слѣдствія. Пообокъ его засѣдаетъ... кто же?

Михаилъ Павловичъ!

Несмотря на его, такъ скажу, истинно рыцарскія выходки относительно Пестеля, Кюхельбекера и въ особенности меня, нельзя не подивиться встрѣтить его въ дѣлѣ столь близкомъ какъ для него, такъ и для всего своего семейства. Вопросъ главный былъ чисто династическій, и онъ, неслыханное дѣло, былъ, какъ говорятъ французы, juge et partie, т.-е. судья въ собственномъ своемъ дѣлѣ! Какое огражденіе для виновника, чтобы не встрѣтить ядѣсь непримиримое пристрастіе!

¹⁾ Въ текств такъ.

Александръ Николаевичъ Голицынъ, человъкъ quasi-духовный и выдвинутый изъ опалы, — онъ долженъ былъ заглаживать гръхи

стараго усердія гръхами новаго.

Дибичъ, всегда военный, какъ онъ это воображалъ, ръдко являлся и заявлялъ всегда свое присутствіе, ударяя не на центръ, который находился въ кръпости, а во флангъ дъла, растянутаго по Россіи. Такъ онъ допытывался всегда объ участіи Николая Николаевича Раевскаго и Ермолова, лавры которыхъ лишили его сана. Вліяніе его на ходъ слъдствія было одностороннее, разсматривая его въ отношеніи лишь военномъ.

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ — плоть и кость династическая — не способенъ былъ отдълять долгъ привязанности личной отъ долга къ родинъ, хотя для него и чужой.

Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, бывшій забулдыга и что еще ужаснѣе или достойнѣе — заговорщикъ, какъ хотите, заговорщикъ и на этотъ разъ успѣшный въ убійствѣ отца, долженъ былъ, конечно, оправдываться, заявлять себя поборникомъ его сына. Когда Кутузовъ замѣтилъ Николаю Бестужеву, обвинявшемуся въ умыслѣ предположеннаго цареубійства, говоря:

- Скажите, капитанъ, какъ могли вы рѣшиться на такое гнусное покушеніе?
- Я удивляюсь, отвъчалъ ему Бестужевъ съ обычнымъ и находчивымъ своимъ хладнокровіемъ, что это вы мнъ говорите.

Бъдный Кутузовъ почти что остолбенълъ, сынъ убитаго отца былъ здъсь. Какъ бы то ни было, Кутузовъ за успъшное убійство достигъ всъхъ почестей русскаго міра, а Бестужевъ умеръ въ изгнаніи!.. Тамъ была une révolution de sérail, переворотъ гнуснаго царедворца,—переворотъ личнаго побужденія, здъсь — переворотъ цълый, общественный. Но объ этомъ въ другомъ мъстъ.

Былъ еще г-нъ Потаповъ, всегда сдержанный, благородный, также имъвшій слабое вліяніе на ходъ слъдствія.

Итакъ, двигатель, и, можно сказать, единственный всего дѣла, быль кто же? — Чернышевъ! Достаточно одного только этого имени, чтобы обезславить, опозорить все это слѣдственное дѣло. Одинъ онъ его и велъ, и направлялъ, и усложнялъ, и растягивалъ, насколько его скверной злобной душѣ было угодно! Нѣтъ хитрости, нѣтъ коварства, нѣтъ самой утонченной подлости, прикрытой маскою то поддѣльнаго участія, то грознаго усугубленія участи, которыхъ бы не употреблялъ безъ-устали этотъ непристойный дѣятель для достиженія своей цѣли. Начавши дѣло съ самаго Таганрога и ведя его самъ лично, онъ зналъ, что только съ нашей погибелью онъ и могъ упрочить свою задуманную имъ будущность. Онъ такъ далеко зашелъ, успѣлъ такъ увлечь за собой Николая, подготовленнаго и весьма способнаго къ воспріимчивости системы

казней и гоненій во всемъ ея объемѣ, что попятиться назадъ было невозможно и необходимо было итти впередъ по вѣрно проложенному кровавому пути. И этотъ путь прокладывать гдѣ же? — по Россіи, по этой подобострастной смиренницѣ, чуждой всякихъ тѣхъ потрясеній, которыми отличаются отъ нея всѣ государства Европы.

И какимъ образомъ всѣ эти судьи, зародившіеся при Екатеринъ и возникшіе при Александръ, не были проникнуты духомъ кротости этихъ двухъ царствованій, чтобъ такъ скоро, внезапно отказаться отъ всего прошедшаго и броситься, очертя голову, въ пропасть казней и преслъдованій! Какимъ образомъ ръшились они такъ быстро, необдуманно перейти эту черту, такъ ръзко отдълявшую правленіе милосердное, челов колюбивое отъ правленія жестокаго, безчеловъчнаго! Скажите, гдъ и когда они видъли во всю долголътнюю жизнь и эти висълицы, и эти каторги въ такомъ числѣ и въ такомъ размъръ? Что могло ихъ подвинуть къ такому рѣзкому перелому всей нашей правительственной системы? Положимъ, что по оказавшимся мнѣніямъ, какъ видно изъ дѣла, были затронуты ихъ собственные интересы, что цъль ограниченія монархической власти лишала ихъ важной для себя опоры; что съ введеніемъ представительнаго правленія и вообще выборнаго начала по всъмъ отраслямъ управленія, значеніе ихъ и всей господствующей единобюрократіи весьма ослабъли бы; что съ предположеннымъ уничтоженіемъ рабства они были задѣты въ самомъ жизненномъ условіи; что послѣдній вопрось касался ихъ больше всякаго другого. Но одни ли мы такъ думали, и всъ эти, наконецъ, всплывшіе по времени вопросы, взятые вмѣстѣ, не требовали ли тогда же обсужденія необходимо здраваго, хладнокровнаго, долгаго, чъмъ однимъ почеркомъ пера убить не только тъхъ, но и духъ ихъ оживлявшій! Убили и что же?—Власть при Александръ, хотя и была дремлющая, но при Николав она сдвлалась притъснительною и, постигши до высшей степени своевластія, она тяжко и непробудно залегла смертельнымъ гнетомъ на все мыслящее въ Россіи! И мы ли не слыхали еще въ отдаленной Сибири слабые отголоски забитаго слова и печати, жалобные отзывы о подавленномъ развитіи всёхъ силъ Россіи. И когда понадобились для нашей же Россіи эти силы, оказались ли онъ гдѣ и въ чемъ-нибудь? Бездарность, безсиліе, неспособность высказались повсюду, и Николай могучій, всеобъемлющій сдулался мътой всъхъ упрековъ, всъхъ пореканій, причиною всъхъ

Николай, нѣтъ, не онъ одинъ былъ виновникомъ всего пройденнаго, а виновники были именно тѣ судьи, передъ которыми я стоялъ и отъ которыхъ я на время отклонился, чтобы возвратиться къ нимъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Передъ судомъ исторіи Николай стоять будетъ не одинъ, стоять будуть и всв эти государственные члены, присутствовавшіе при зарожденіи его на царство. Николай быль не болье, не менье, накъ бригадный командиръ; свыкшись съ такимъ скромнымъ званіемъ, могъ ли онъ въ предълахъ своихъ дъйствій пріобръсти опыть въ дёлахъ высшаго управленія, могь ли онъ, имёль ли онъ малъйшее вліяніе на тогдашніе умы, къ какому бы кругу или сословію они ни принадлежали? Могъ ли онъ усвоить всѣ тѣ привычки, слабости и даже страсти, которыя не врожденны въ насъ, а пріобрѣтаются при данныхъ условіяхъ и при данной средѣ? Вы своимъ низкопоклонствомъ, потворствуя положеннымъ, закравшимся уже дурнымъ наклонностямъ, дали дайся намъ, или возьми насъ съ собой путемъ права, мы повели бы его къ славъ Россіи и всъхъ насъ вмъстъ. Мы хотъли ограниченія его власти, вы же -- ея расширенія. Вы начали его отравленіе, упрочивъ его власть, онъ докончилъ его. Вашимъ путемъ онъ медленно пошелъ на смерть, нашимъ же пошелъ бы онъ нъ безсмертію и остался бы незабвеннымъ при другомъ

Но вы кончили свой путь земной и къ вамъ я лично не злопамятенъ и прощаю за себя, но не прощу за выключенныхъ славныхъ людей изъ числа живыхъ и не прощу вамъ за Россію, . .

Однакоже я увлекся черезъ мъру и замъчаю, что изъ подсудимаго превратился самъ въ судью и, быть-можеть, при такомъ же безправіи, въ которомъ самъ ихъ упрекаю. Если могу я имъ сказать: «Кто ты такой, что судишь другихъ?» то не въ правъ ли и они обратить тотъ же вопросъ ко мнъ? Смиряюсь подъ неисповъдимымъ опредъленіемъ судебъ. И знаемъ ли, поистинъ, мы, что въ сущности творимъ? Кто правъ, кто виноватъ? Гдъ и въ комъ именно искомая истина? Почему онъ такой, а не другой широты? почему онъ тамъ, а не здѣсь? почему сегодня, а не вчера? Бъдное человъчество, долго ли оно будеть искать разръшенія своихъ судебъ?.. Долго ли будетъ все и вся раздваиваться, не находя должнаго понятія въ мнініяхъ и дійствіяхь? И при такихъ расходящихся цъляхъ въ правъ ли я осуждать моихъ судей, упрекать и въ злоумышленномъ какомъ-то настроеніи ума, находить дъйствія, странно решительно направленныя къ подавленію зарождающихся въ Россіи новыхъ идей, и, однимъ словомъ, заподозрить ихъ въ преслъдованіи какой-нибудь общепринятой ими ціли, - ціли, выражающей многія начала такой или другой политической партіи, всегда существующей и выказывающейся въ другихъ государствахъ.

Нътъ, всъ подобныя умствованія, выводы не примънимы къ этому собранію. Скажемъ просто и върнъе: всъ эти люди были людьми своего русскаго времени; люди, взросшіе, созрѣвшіе подъ вліяніемъ узкаго, односторонняго, государственнаго тогда военнаго духа. Они служили върнымъ отпечаткомъ того времени, вмъстъ славнаго и жалкаго! Всв являли въ себв всв противоположности, всъ крайности образовавшихся тогда характеровъ общественныхъ. Одностороннее, исключительное, поверхностное военное образованіе, при условіяхъ непремѣнной отчаянной храбрости, второстепеннаго честолюбія, грубаго обращенія съ низшими и низкопоклонства со старшими и вмъстъ съ тъмъ проявление полнаго великодушія къ врагу иностранцу. Какое-то относительное благородство, жалость, доброта и когда тоть же разгуль русскаго человъка съ свойственнымъ ему и буйствомъ, и безпечностью, и безумною расточительностью. Жизнь ихъ протекла въ походахъ; они ходили и на черкеса, и на турка, а болъе всего на француза. Въ промежуткахъ, особенно въ послъдніе дни Александра, занимались чтеніемъ военнаго артикула, изученіемъ наизусть военнаго устава-этого единственнаго мърила всъхъ достоинствъ тогдашняго офицера. Слъдили неутомимо за военными приказами, занимались построеніями, маневрами; но выше всего ставили первенствующую надъ всеми другими способность постановки и выправки, какъ говорилось тогда, солдата. На этомъ одномъ началъ остановилась военная наука; на немъ одномъ сосредоточивались всъ умственныя и тълесныя занятія, которыя должны были довести солдата и офицера до того превосходнаго совершенства, такъ жалобно заявившагося въ послъдовавшія кампаніи. Къ этому времени должно отнести зародившійся классъ офицеровъ, прославившихъ себя именемъ «служакъ-фрунтовиковъ» и такъ обезславившихся, когда, по выходъ изъ манежа, должно перейти на поле битвы.

Надо было быть того времени, быть свидѣтелемъ, очевидцемъ всего того, что творили съ солдатами и съ офицерами, чтобы повѣрить въ возможность тѣхъ неистовыхъ проявленій, коими ознаменована эта эпоха, справедливо названная фронтоманіею. Высшее варварство въ истязаніи человѣка, въ способѣ его обученія, въ непрестанномъ его движеніи, передвиженіи, въ отказѣ ему застаиваться, задумываться, недодача ему и сукна, и холста, и обуви, наконецъ, и самаго содержанія, — всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, и довели Константина Павловича до слѣдующаго мудраго изреченія: «дурной тотъ солдатъ, который доживаетъ срокъ свой двадцатицятилѣтній до отставки». Хорошій солдатъ, усердный не могъ дослужиться до увольненія! «Убей двухъ, поставь одного!» говаривалъ онъ; а другіе повторяли и доказывали усвоеніе правила этого на дѣлѣ. Все это дѣлалось спроста, по убѣжденію.

Я говорилъ — истязаніе. И кто не помнить, по крайней мѣръ по преданію, господъ Желтухина лейбъ-гренадерскаго, Головина лейбъ-егерскаго Шварца семеновскаго, Сухозанета, Арнольда и сотни сотенъ другихъ, наводившихъ страхъ и ужасъ на своихъ товарищей-однополчанъ. «Влъпить сотню, двъ, три, закатать ero!» было любимымъ выраженіемъ замашистыхъ офицеровъ. Палки и побои, побои и палки были однимъ ultima ratio, однимъ двигателемъ всего упрощеннаго по сему военнаго механизма. Палками встръчали несчастнаго рекрута при вступленіи его на службу, палками его напутствовали при ея продолженіи и съ палками его передавали въ ожидавшее его въдомство послъ отставки. Побои и родъ палокъ входили въ неотъемлемое право каждаго какого бы ни было начальника и въ какомъ бы онъ чинъ не былъ. Солдать быль собственно принадлежностью каждаго. Били его и ефрейторъ, и унтеръ-офицеръ, и фельдфебель, и прапорщикъ и такъ далъе до военачальника. Не было ему суда, и всякая приносимая жалоба вмънялась ему въ вину, и онъ наказывался, какъ бунтовщикъ. Однажды г-нъ Головинъ дълалъ инспекторскій смотръ и на вопросъ: «всъмъ ли вы довольны?»

- Никакъ нътъ-съ, ваше превосходительство, мнъ не додали холста, и мы не знаемъ счета артельныхъ денегъ.
- Поди-ко сюда, молодецъ, и выдвинувъ его изъ рядовъ, началъ выслушивать его просьбу слѣдующими вопросами: «Такъ ты не доволенъ? Что ты не одѣтъ и не обутъ? что не голоденъ ли ты? и государь не платитъ тебѣ жалованья? Бѣдный ты? А? Палокъ!..» Его разложили, живого на носилкахъ вынесли, а на другой день онъ умеръ въ госпиталѣ. Нѣкоторые передовые офицеры (вступившіе послѣ въ общество) Норовъ, Оболенскій и другіе пустили слухи по городу, многихъ взорвало, но тѣмъ и кончилось.

Тому же Головину на походѣ въ Вильну донесли, что рота одна зароптала на капитана. Онъ догналъ роту на ходу, остановилъ и тутъ же велѣлъ рыть могилу и домертва засѣкъ одного бунтовщика и... Дѣло случилось послѣ семеновскаго бунта и нужны были такіе примѣры. Малѣйшіе проступки подвергались шпицрутенамъ, послѣ которыхъ слѣдовало калѣчье и вчастую самая смерть. Не думайте, чтобы мѣры такого укрошенія касались однихъ проступковъ противъ нравственности, или порядка военнаго; нѣтъ, это гнусная безчеловѣчная строгость преслѣдовала солдата на каждомъ шагу тогда, когда вся жизнь его состояла именно въ однихъ шагахъ! Съ самаго ранняго утра начиналась выправка этого мученика — солдата. Во-первыхъ, учили его стойкости, т.-е. неподвижности болвана, не заявляя ни малѣйшаго движенія, за исключеніемъ глазъ, которые должны были до встрѣчи начальника пріучаться правильному повороту справа налѣво!

Любопытно было всматриваться въ выраженіе такихъ остолбенѣвшихъ, остекляненныхъ глазъ, заучивая при этомъ наизусть и
сливая въ одинъ голосъ три дозволительные дикіе крики: «Здравія желаю!» на «здорово, ребята», — «Рады стараться», на рѣдкое
«спасибо» и «ура» по данному знаку! Послѣ того начиналось выгибаніе, растягиванье ногъ, какъ самыхъ важныхъ членовъ для
достиженія усовершенствованія знаменитаго въ то время церемоніальнаго марша. Этотъ маршъ служилъ оселкомъ, провѣркой
достоинства полкового. Здѣсь лично государь повѣрялъ неподвижность рукъ, плечъ, равновѣсіе султановъ, ружей и, наконецъ, вытягиванье носковъ при требуемомъ уравненіи одного и того же
шага по всей арміи. Кларнетистъ нашего Преображенскаго полка
Шелгуновъ былъ облеченъ полнымъ довѣріемъ государя и ему
предназначено было право вводить однообразный по времени
шагъ.

Для этого онъ становился впереди полковой музыки и, не спуская глазъ съ своихъ часовъ, и правой рукой ударяя себя по бедру, давалъ должный размѣръ шагу. Г-нъ Шелгуновъ, какъ верховный установитель церемоніальнаго марша, долженъ былъ пріобрѣсть вскорѣ значеніе соотвѣтственно духу того великаго времени. Честили его полковые командиры гвардіи и вчастую выписывали его командиры частей арміи. Онъ даже былъ вызываемъ на маневры и принималъ въ нихъ участіе съ часами вѣрными въ рукахъ.

Такая личность, при полученномъ имъ значеніи, служитъ характеристикой, чертой, опредъляющей не только направленіе, но и уровень ходившаго тогда военнаго ума. Какую важность придавали судамъ, пересудамъ при разборъ этого церемоніальнаго шествія! Надобно было видъть вытянувшіяся лица стоявшаго, напримъръ, у развода генералитета, объятаго какимъ-то страхомъ до разрышенія вопроса, быть или не быть торжеству или неудачъ браннаго ученія! Здъсь въ зимнемъ манежъ началъ флигель-адыотантъ капитанъ Клейнмихель, числившійся въ Преображенскомъ полку, свою върную службу: прервалъ всъ сношенія свои съ однополчанами, чтобы стать выше всякаго подозрънія, онъ слъдилъ бъглымъ шагомъ за всъми построеніями, вносилъ ихъ въ книжечку и по окончаніи развода подносилъ ее съ своими замътками. Тутъ слышались поздравленія, отрывистыя похвалы или же рековыя порицанія.

Всѣ эти подробности, схваченныя съ искаженной природы, вовсе не такъ мелочны и ничтожны какъ онѣ съ перваго взгляда кажутся. Въ этихъ подробностяхъ отражается и заключается вся умственная дѣятельность того времени. Направлениая и сосредоточенная въ предѣлахъ самаго узкаго и ограниченнаго воззрѣнія, она не могла выдвигать изъ среды военной ни способныхъ, ни даровитыхъ людей. Будущіе полководцы, люди боя,

были немыслимы, невозможны, они впослѣдствіи и не оказались потому именно, что введенъ былъ учебный шагъ. Какъ ни ничтожна эта причина, но она произвела тѣ всеобъемлющія въ правленіи дѣйствія, которыхъ будемъ мы свидѣтелями и жертвами! Шагъ этотъ имѣлъ все то чисто историческое значеніе, которое я ему приписываю; ибо это былъ первый шагъ, сдѣланный правительствомъ по тому безсмысленному пути, по которому оно думало вести неподвижную Россію. Чтобъ объяснить данное мною значеніе въ смыслѣ гражданскомъ военному этому шагу, чтобы понять, какимъ образомъ такая, кажущаяся съ перваго взгляда маловажная, ничтожная сама по себѣ причина могла имѣть такія великія послѣдствія, нужно выслѣдить его отъ самаго первоначальнаго его появленія въ Россіи.

Но я уклонился отъ своего предмета, или лучше сказать, отъ своихъ судей, спокойно, смиренно расположившихся въ своихъ креслахъ. Такое отступление въ моемъ разсказъ было болъе естественно. чѣмъ умышленно. Переступивъ порогъ и взойдя въ это судилище, я невольно должень быль, прежде всякаго другого ощущенія, осмотръться, гиъ я? съ къмъ я? и что это за пестръющая картина, такъ эффектно раскинутая передо мной? Что это за разночинныя разноплеменныя личности, вставленныя въ нее? Признаюсь, послъ шестимъсячнаго одиночнаго тайнаго заключенія, почти одичалый, я при видъ такой картины подвергся невольно, не скажу смущенію, а скорѣе какому-то тревожному и даже радостному чувству, свойственному и доступному только одному заключенному, на мгновеніе выведенному изъ темницы въ міръ живыхъ! Невозмутимо такъ же я бросилъ испытующій свой взоръ на свою эту невъжественную, позорную толпу судей и спокойно возвратя его на самого себя, пришелъ къ тому, въ высшей степени страдательному заключенію, что люди, которыхъ я почти всѣхъ зналъ, если не лично, то по ихъ общественной извъстности, уронять, погубять насъ, себя, царя, а съ нимъ и всю Россію! Отступленіе мое, выше сдѣланное, объясняется этимъ возэрѣніемъ; я долженъ былъ при видѣ этихъ судей общими чертами высказать среду, изъ коей они были выдвинуты и назначены, долженъ былъ вкратцъ прослъдить и духъ того времени, и людей, выражавшихъ не только невъжественный застой мысли, но и малъйшее проявление ея въ смыслъ гражданскаго преуспъванія.

Обложивъ ихъ, какъ я сказалъ, этою жалкою данью, я долженъ былъ такъ же провърить и себя, и перенестись къ тому времени, и предстать предъ судьями при тогдашнихъ еще свъжихъ моихъ върованіяхъ. Нътъ! никакія десятки лътъ, никакія послъдовавшія ослабленія тълесныя и душевныя, никакія горькія разочарованія не могутъ изгладить впечатлънія, вынесеннаго нами по выслушиваніи приговора!...

Человъкъ, т.-е. подсудимый, живетъ, такъ сказать, въ этотъ моменть! Для осужденнаго это предълъ его духовной жизни, за которымъ прекращается весь процессъ его дъйствующей воли, безъ которой челов вкъ перестаетъ быть безконечно всеобъемлющею причиной, а остается только слабымъ и не всегда върнымъ ея слъдствіемъ. Я остановлюсь на значеніи этого окончательнаго дійствія будто бы мнимаго правосудія, выражающагося обществомъ обще-принятою формою, или приговоромъ. Здъсь я говорю исключительно о взводимыхъ преслъдованіяхъ чисто политическихъ. Рядъ этихъ проступковъ, преступленій имфетъ, или долженъ бы имъть, особый отдълъ, не подлежащій непреложному, неизмънному какому-нибудь установленному узаконенію. Во всякомъ гражданскомъ, уголовномъ дълъ-дъйствія, проступки, преступленія довольно ясно опредъляются и не подлежать истолкованіямь, оспаривающихъ самую сущность дъла. Воровство, поджоги, убійство и проч. вездъ будутъ преслъдоваться и подвергаться наказаніямъ. Способъ преслъдованія и мъры наказанія только могуть отличать законоположение государства одного съ законоположениемъ другого. Чѣмъ выше стоитъ уровень образованія, тѣмъ выше стоитъ и нравственность; чёмъ болёе имбеть человёкъ огражденій, тёмъ болёе онъ ихъ охраняетъ; чъмъ болъе онъ имъетъ правъ, тъмъ болъе онъ ихъ чтитъ въ другомъ; чъмъ болье онъ имъетъ, тъмъ болье дорожить достояніемъ и тѣмъ менѣе онъ падокъ на какія бы то ни было противозаконія. Уголовная статистика многихъ благоустроенныхъ государствъ своими фактами можетъ, несомнънно, служить основнымъ доказательствомъ. Итакъ, понятія относительно уголовнаго и гражданскаго проступка почти сходятся, почти сливаются и, болъе или менъе, приблизительны къ истинъ. Но таковы ли отношенія къ истинъ политической? Здъсь расходятся въ конецъ и мыслители, и друзья человъчества, и отъявленные его враги. Здъсь все подчинено такимъ или другимъ условіямъ господствующей въ государствъ власти. Какія ръзкія противоположности въ устройствъ общественномъ одной страны съ другой. За ръчкой, напримъръ, слышится свободное слово и, прислушиваясь, вы услышите всегда громкое слово здраваго смысла, заглушающаго слово желчное, страстное, не соотвътственное установленному порядку; тамъ же и свобода печати возстанетъ противъ всякой лжи и обнаружитъ и казни и направленія, зыблющія страну. Какіе бы ни были подняты вопросы, вев они обслуживаются гласно, а по тому самому здраво и благонамъренно. Право сходонъ содъйствуетъ нъ освъщенію и разръшенію возникающихъ новыхъ интересовъ земли. За ръкой или за океаномъ вопросъ одинъ и тотъ же (прошли тъ повърія, которыми утверждалось, что другая или иная широта необходима для условнаго развитія человъческой мозговицы) выборное начало примънимо какъ къ законодательной, такъ и къ исполнительной власти;

тамъ всякій быль для себя, какъ всѣ для всякаго; тамъ блюститель за всѣхъ и за всѣми—народъ весь, дѣйствующій посредствомъ своихъ выборовъ, за которыхъ онъ и порука, и отвѣтчикъ; онъ одинъ и повышаетъ свои власти, и смѣняетъ, и понижаетъ, оказывая имъ довѣріе или лишаетъ онаго.

Тамъ судебная власть стоитъ самостоятельно, отдёльно, не подчиняясь никакому другому вліянію, какъ вліянію сов'єсти и закону, установленному законнымъ большинствомъ. Тамъ судъ присяжныхъ, прим'єняемыхъ къ дёламъ гражданскимъ, уголовнымъ, политическимъ (если только могутъ они возникнуть) и дёламъ печати—служить огражденіемъ правъ каждаго.

Тамъ законодательная палата, свободно избранная большинствомъ неподкупнымъ, рѣшаетъ полновластно возникшіе общественные вопросы, оберегаетъ народное имущество, составляетъ, утверждаетъ смѣты, обнимаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ отрасли государственнаго управленія; она одна двигаетъ, направляетъ, устанавливаетъ ходъ, непремѣнно, вращающійся въ данномъ кругу правительствующаго снаряда. Тамъ исполнительная власть, закономъ ограниченная, дѣйствуетъ всегда правильно въ данныхъ предѣлахъ и по тому самому слагаетъ съ себя всякую личную отъвѣтственность, облекая лицо, ее представляющее, въ какую-то неприкосновенную святость, которою весь народъ дорожитъ превыше всего. Лицо это, поставленное внѣ домогательствъ временщиковъ, такихъ или другихъ сторонниковъ, всегда будетъ для нихъ чуждо, оставаясь вѣрнымъ одному народу, одному общему благу.

«The king cannot do wrong!» гласить англійская хартія. И подлинно: «всѣмъ добро, никому зла!» говорить и у насъ пѣсенка, но вѣнь это только пѣсенка!

Завидная участь тъхъ избранныхъ на царство, понявшихъ свое истинное значеніе. И такъ жизнь этихъ лицъ, обставленная закономъ, и счастлива, и спокойна, и безмятежна! Завидная, право, ихъ участь, хотя, конечно, прямыхъ мыслителей на престолъ было и есть мало! Спрашивается, почему же это число такъ мало? Лица ли лично виноваты, или люди, или среда, въ которой они кружатся до первой случайности, до первой ломки? Во всякомъ случав, скажу и я съ другими, что народъ имъетъ то правительство, которое онъ переноситъ, а потому и заслуживаетъ. Я по справедливости, а, можетъ-быть, по чувству чистой зависти, заглядывалъ въ чужое и невольно восклицалъ: «тамъ-то, тамъ хорошо и подручно и то, и другое, а у насъ-то!» Теперь воскликну, наконецъ: «да! у насъ-то, у себя, на дому, на Россіи!..» «Господи! прости намъ болѣе чѣмъ согрѣшеніе, прости намъ нашу глупосты!» Да, знать не знаемъ и въдать не въдаемъ, что сотворили въ теченіе тысячи лътъ! Обокъ насъ сосъди, современники этого времени, двигались, шли и опережали насъ, а мы, только и славы, что отдълались отъ татаръ, чтобы ими же и остаться. Посмотримъ на нашихъ просвътителей.

Петръ, напримѣръ, какъ тѣнь выступаетъ изъ царства этихъ мертвыхъ!

Конечно, онъ великъ! Въ немъ были всѣ зародыши великаго, но и только. Предпринятая ломка отзывалась все той же наслѣдованной татарщиной. Онъ не понималъ русскаго человѣка, но видѣлъ въ немъ двухножную тварь, созданную для проведенія его цѣли. Цѣль была великанская, невмѣстимая въ бывшихъ границахъ Россіи, и взялъ онъ ее, сироту, и связавъ ей и руки, и ноги, окунулъ головой въ иноземщину и чуть-чуть не упустилъ ее изъ длани и подъ Нарвою, и подъ Полтавою, и на Прутѣ.

Счастье вынесло его на плечахъ и выбросило его цѣлымъ во всей его дикой наготѣ на открытый имъ и имъ заложенный берегъ. Волны его смущали и обнимали страхомъ, который онъ не могъ и не умѣлъ побороть. Берегъ, напротивъ, его одушевлялъ, окрылялъ его воображеніе и придавалъ ему нужныя силы. Тамъ, на берегу, хотя пустынномъ, зарождались его мечты, замыслы и пророческія вдохновенія. Тамъ онъ вздумалъ отложиться отъ прошлаго, отъ всего русскаго и заложить основаніе новой Россіи. Онъ бросилъ старую столицу, перенесъ все свое кочевье на край государства только для того, чтобъ жить всѣмъ и ему въ особенности по-своему и по-новому!

Бросить Москву было немыслимо, но для него возможно. Москва еще стояла при всей своей въковой, исторической святости и это послужило ей въ гибель. Все былое его раздражало, язвило, и онъ, не выносивъ поповъ, началъ съ храмовъ. Тамъ священнодъйствуетъ патріархъ,—онъ санъ патріаршій хочетъ уничтожить и для этого православно заявить себя главой церкви!..

Тамъ великолѣпные царскіе терема, напоминавшіе византійскій складъ и вмѣстѣ строгость нравовъ царей; онъ хочетъ завести свое зодчество, свои нравы и пойдутъ пирушки, ассамблей и вмѣстѣ весь иноземный развратъ... Тамъ стояла изба, куда стекались выборные отъ всѣхъ городовъ, отъ всея земли русской и рѣшали въ земской думѣ чему быть; онъ не хотѣлъ этой старины, онъ заведетъ и свой синолъ, и свои коллегіи, и свой сенатъ!

Здѣсь будетъ все собственно свое и все свои! Тамъ были стрѣльцы; онъ ихъ перебьетъ тысячами и разгонитъ; у него на болотѣ и въ заводѣ ихъ не будетъ; наконецъ, тамъ одно чисто русское, а русскіе-то ему не подъ руку. Не съ нами же ему ломку ломать, да не съ нами же жить! Онъ обзаведется и нѣмцами, и голландцами, и одними чужими людьми! Москвѣ не быть, а быть на болотѣ Петербургу, сказалъ онъ себѣ и быть по сему.

Назвавъ кочевье свое не градомъ, а бургомъ,—онъ не Петръ, а уже Piter, да и говоритъ, и пишетъ по-русски уже ломанымъ язы-

комъ французско-нъмецкимъ и т. д. И чего стоитъ это задуманное на чужбинъ кочевье, сколько тутъ зарыто сокровищъ, казны, какъ говорили, а еще болѣе—сколько туть зарыто тысячь тѣль рабочихъ, вызванныхъ изъ отдъленія и падшихъ безъ помъщенія отъ холода и изнурительныхъ работъ! Нужны были пути сообщенія, правда, самъ онъ бродить по болотамъ, по лъсамъ: самъ онъ ръшаеть мъры. ставить въхи, -- но сколько здъсь пало народу! Нужно было для этой цъли его творенія стальная длань, при помощи мягкой, восковой руки русской! Но пусть Москва, пусть народъ молча глядитъ и переноситъ всю тяжесть ломки-то было ихъ время и то были люди того времени; но мы, отдаленные ихъ потомки, прямые наслъдники, съ одной стороны, этого чудовищнаго безправнаго своеволія, съ другой-безправія, подобострастія, которое не допустило нигдъ и ни въ чемъ выразиться ни малъйшему сопротивленію,могли ли мы, сочувствуя всёмъ бёдствіямъ, перенесеннымъ Россіею, и свидътели такихъ послъдствій Петрова строя, могли ли мы не остановиться надъ пройденною нами историческою жизнью и не отнестись съ полжнымъ вопіющимь негодованіемъ противъ того печальнаго прошедшаго, изъ котораго вырабатывался такъ послѣдовательно жалкій, плачевный русскій быть настоящаго времени? Ненавистно было для насъ прошедшее, какъ ненавистенъ былъ для насъ Великій, заложившій новую Россію на новыхъ, ничъмъ не оправданныхъ основаніяхъ. Ломовикъ-преобразователь отзывался какою-то дикостью, не соотвътствующею условіямъ призванія человъка на все творческое, великое! Онъ былъ варваръ безсознательно; быль варварь по природь, по наклонности, по убъжденію. Характеръ его сложился и развивался при обстоятельствахъ, тогда же вызванныхъ, но не менъе того раздражительно на него дъйствовавшихъ. Онъ шелъ неуклонно, безустально къ заданной себъ иъли и вездъ, и всегда, до конца жизни онъ видълъ... нътъ, ему чудились поборники всего стараго, а онъ, какъ неусыпный стражъ своего новаго дъла, долженъ казнить, преслъдовать мнимыхъ или дъйствительныхъ враговъ своихъ. Воля его росла, укоренялась наравнъ съ неистовой жестокостью. Сердце его не дрогнетъ даже надъ участью собственнаго сына, и онъ приносить его въ жертву съ какою то утонченной злобой! То быль не порывъ страсти, быть-можетъ, оправданной мгновеннымъ, запальчивымъ бъщенствомъ, понятнымъ въ такой натуръ, нъть, это было дъйствіе долгаго мышленія, и холодно и звърски исполненнаго-ужасно!

Каковъ онъ былъ къ сестрѣ, къ сыну и вообще ко всей своей семьѣ, таковъ онъ былъ и къ большой семьѣ русской... Онъ, канъ вотчину, точно любилъ Россію, но не терпѣлъ, не выносилъ и, что еще болѣе, не уважалъ собственно русскихъ. Достаточно было вида однѣхъ бородъ, зипуна, а не нѣмецкаго кафтана, чтобы приводить его въ преобразовательную ярость. Нѣтъ, онъ не только не

уважалъ, но презиралъ во всю привитую себѣ нѣмецкую силу все тѣхъ же русскихъ.

Всегда пьяный, всегда буйный, онъ неизмѣнно стоитъ тѣмъ же Piter'омъ и въ совътъ, и на полъ битвы, и на пирушкахъ! Не измънитъ онъ себя и останется себъ въренъ до конца, и какой конецъ! Конецъ самый позорный, самый поучительный для потомковъ и разъяснившій будто бы загадочную душу Великаго. Зд'єсь на смертномъ одрѣ мы его услышали, прослъдили и разгадали великую эту ничтожность. Великій отходить, отходить не внезапно, но долго при большихъ страданіяхъ, но при своемъ, какъ всегда, умъ. Часы торжественные, предсмертье. Здъсь человъкъ, какъ будто сбрасывая свою земную оболочку, облекается въ объленныя ризы предстоящаго суда (онъ же и былъ главой Христовой церкви), и высказываеть свое послъднее, завътное слово. Слушаемъ не мы одни, а вся вздрогнувшая Россія, ожидавшая этого царскаго слова... «Да будетъ вънчанъ на царство, нто будетъ болъе его достоинъ!» И вотъ какимъ неразгаданнымъ, неопределеннымъ словомъ подарилъ Великій несчастную, презрънную Россію. И это слово было произнесено при комъ же? При томъ же неопредъленномъ пока Данилычъ и при той же Катишъ, незадолго передъ тъмъ не безъ умысла коронованной! Слово это выказало Петра во всей его государственной или, лучше сказать, правительственной ничтожности; туть же онъ выказалъ свое могучее «я» во всемъ отвратительномъ, укоризненномъ смыслъ. Явленіе, объясняющее чисто одно эгоистическое чувство въ любви къ Россіи. Какъ человъкъ, обнимавшій всъ отрасли государственнаго управленія, конечно, насколько онъ были доступны для его полуобразованія; человъкъ, который силился все вводить и упрочивать (все-таки по своимъ недозръвшимъ понятіямъ), и этотъ самый человъкъ не думалъ и не хотълъ думать объ установленіи и упрочиваніи монархическаго послѣ себя престолонаслѣдія. Такое упущение мысли мы объясняемъ его собственнымъ развратомъ и чувствомъ того презрѣнія къ русскимъ, которые, по несчастію, безъ правильной законной передачи престола, онъ умълъ передать и тъмъ, которые случайно завладъли на произволъ брошеннымъ имъ престоломъ. Развратъ его, какъ ни былъ онъ постоянно великъ, превзошелъ всѣ предѣлы, когда, не уважая ни себя, ни русскихъ, онъ взялъ Катишу въ наложницы, а подъ конецъ сочетался съ ней бракомъ. Человъкъ, чувствуя за собой способности, какъ Сатурнъ, пожирать своихъ дътей, долженъ былъ, хотя бы съ цълью предусмотрительности, взять женщину свёжую, цёломудренную, съ силою производительною, а не развратную чухонку, переходившую изъ рукъ въ руки его любимцевъ и не способную къ дъторожденію. Онъ отходитъ и нътъ ему наслъдника, наслъдника зарыли въ могилу. Есть наслъдникъ прямой, но онъ малъ и не поднять, и не нести ему выпадающаго изъ охладеющей руки тяжелаго скипетра. Къ тому

же и обойти Катю, ту самую, которую хотѣлъ нѣкогда казнить, но не имѣлъ духу и не имѣлъ также духу обречь ее на царство: «Пусть,—сказалъ онъ,—вѣнецъ достанется достойнѣйшему». И сколько въ этихъ словахъ произвола. Во-первыхъ, онъ отвергалъ законное право въ лицѣ внука,—Петра II, во-вторыхъ, такимъ беззаконіемъ онъ узаконялъ всѣ происки, всѣ домогательства къ захвату престола, предоставленнаго произвольнымъ случайностямъ и, наконецъ, ввергалъ Россію во всю пропасть преслѣдованій, ссылокъ и казней, ознаменующихъ всякое водареніе.

Съ этой поры началась, какъ мы видъли, постыдная эра женскаго правленія, исполненная безнравственными примърами столь омерзительными, сколько и пагубными государству. Съ этой поры началь входить въ составъ высшаго правительственнаго слоя цълый рядъ временщиковъ, получавшихъ свое значеніе въ парскихъ опочивальняхъ. Число этихъ вводныхъ лицъ возрастало съ каждымъ царствованіемъ и, наконецъ, образовало поддѣльный классь той аристократіи, богатство которой служить свидътельствомъ, до какой степени доаускалось грабительство и расхищеніе народнаго достоянія. Такъ чувство презрѣнія Петра къ русскимъ переходило по наслъдству къ каждому преемщику съ возрастающей силой, и мы видимъ, до чего оно доходило въ царствование Екатерины, второй по имени, но шестой по своему полу. Въ жизни народовъ есть такія явленія, которыя никакъ не подходять подъ какое-нибудь приложение такого или другого историческаго начала. Спрашивается, какимъ образомъ могъ вторгнуться, безъ всякой естественной причины, этотъ являющійся вовсе новымъ, небывалый женскій элементъ въ непремѣнномъ условіи вводимаго управленія? Ужели это была ворвавшаяся случайность или же обдуманная система государственными людьми того времени? Шесть сряду правительницъ царятъ въ теченіе почти цълаго въка, и каждая изъ нихъ при особенныхъ обстоятельствахъ произвольно взводится на престолъ и при соблюденіи условленныхъ приличій будто бы законно завъдуетъ государствомъ! При такихъ непрерывныхъ случайностяхъ, при такомъ отсутствіи всякаго законнаго права на престолъ, можно спросить себя (конечно, не ихъ), нътъ ли тутъ навъванія польскаго духа, и престоль русскій не обратился ли въ престоль избирательный. И. проследя этотъ жалкій фактъ въ шести позорныхъ картинахъ. не въ правъ ли каждый отчасти мыслитель прійти къ этому заключенію? Избирательный престоль (положимь, хотя бы и входило это начало своекорыстныхъ временщиковъ, вельможъ того времени), но гдъ же тъ условія, которыя освъщають избраніе? Петръ вымолвиль-достойнъйшаго послъ себя; но кто же будеть опредълять это достоинство, и кому передалъ онъ это право? Ужели все тотъ же грабитель Данилычъ, человъкъ, котораго онъ пважны судиль, засуживаль, за все прощая, ужели, говорю я, онь, Меншиковь, будеть одинь рѣшать, кому быть? И кому же не быть, какъ не той же опять Екатеринѣ! Воть на чемъ остановилась, конечно, предсмертная мысль Петра. Его презрѣніе къ русскимъ не пошатнулось въ немъ и въ послѣдній, торжественный часъ его жизни! Онъ зналъ русскихъ, зналъ въ этотъ моменть и себя. Не имѣя ни воли, ни духа гражданскаго, онъ сложилъ съ себя гласную отвѣтственность передъ потомствомъ и дѣло порѣшилъ на смертномъ одрѣ.

Тутъ Питеръ, Катюша, Данилычъ, въ этомъ навсегда позорномъ тріумвиратѣ (это таинственное число имѣетъ всегда поверхностный и временный успъхъ) условились, чему и кому быть и тихо и быстро! И бъдная Россія, со введеніемъ начала, ничъмъ не узаконеннаго избирательнаго престола, подвергалась испытанію тіхъ нравственныхъ потрясеній, которыя такъ тяжко, такъ безотчетно отзывались на ея общественномъ бытъ. И развѣ Петръ не могъ отвратить этого зла? Развѣ не было у него внука, и если онъ находилъ его малолътнимъ, то не могъ ли онъ назначить ему соправителей? Если онъ и тутъ затруднялся, развъ не было у него Синода, и Сената и достаточно государственныхъ чиновъ, на которыхъ онъ долженъ былъ возложить обязанности такого назначенія, или же назначить временнаго, до совершеннолътія внука, соправителя? Нътъ, не стало, какъ говорится, Петра на такое дъло и русскіе, истинно русскіе, давно заклеймили должными порицаніями между прочими дібиствіями и действіе, по счастью, последнее его жизни. Петрь быль уже невыносимь для Россіи; онь слишкомь быль своеобразенъ, ломокъ, а, пожалуй, говоря односторонне, и великъ. Великъ! но не въ мъру и не подъ стать; онъ съ Россіей расходился во всемъ, онъ выражалъ движеніе, другая же-застой. За нимъ была сила, не имъ открытая и созданная, а подготовленная, и онъ ее умълъ усилить къ окончательному порабощенію. Преобразованія его не есть творчество вдохновительной силы, которая истекла бы изъ него самого. Нътъ, онъ не творитель, а подражатель и, конечно, могучій, но какъ подражатель полуобразованный и вмъстъ полновластный, введенныя имъ преобразованія отзываются узкимъ, ложнымъ воззрѣніемъ скороспѣлаго государственнаго человъка! Впечатлительный, воспріимчивый и нося въ себъ неоспоримо всѣ зачатки самобытнаго призванія, онъ не могъ при азіатской своей натур' постигнуть истинно великое и ринулся, увлекая за собой и Россію, въ этотъ коловоротъ, изъ котораго и поднесь не находится спасенія. Такъ глубоко запали и проросли корни надменной иноземщины! Способность его подражательности изумительна. Настойчивость его воли придавала ему силу исполненія, и мы видимъ, какъ всв пріемы его были и решительны,

и объемны, но вмъстъ съ симъ мы чувствуемъ, насколько его нововведенія были и насильственны, и не современны, и не на-

родны.

Не возстають ли теперь такъ гласно, такъ ожесточенно противъ такъ называемой нъмецкой интеллигенціи, подавляющей русскую въ конецъ? А кто же выдумалъ нъмцевъ, какъ не тотъ же Петръ? Не онъ ли сказалъ: «придите и княжите, и онъмечите Россію, и будеть вамъ благо!» И подлинно, на первыхъ же порахъ закняжилъ Остерманъ (вполнъ острый манъ) и давай играть русскимъ престоломъ и судьбами Россіи. Тутъ же вскоръ и Биронъ, но этотъ уже не закняжилъ, а зацарствовалъ и давай русскихъ гнуть, и ломать, и замораживать цёлыми волостями, выводя ихъ босыми ногами на морозъ русскій. Чего вы, бъдные русскіе, не вынесли отъ этихъ наглыхъ безродныхъ пришельцевъ! Но пришельцы эти были вызваны, водворены (они всѣ были бездомные) великимъ преобразователемъ для затѣяннаго имъ преобразованія. Но что это за званіе или прозваніе преобразователя? Есть ли это великое вдохновение, свыше данное собственно лицу, отдълившемуся отъ человъчества, или же это есть обязанность, назначение каждаго, отдъльно взятаго, изъ царской касты, вступающаго на престолъ? Что касается до меня, то, не вдаваясь ни въ какія догадочныя умозаключенія относительно преобразователей заморскихъ, я, не выходя изъ предъловъ нащихъ и основываясь на выводахъ историческихъ, чисто русскихъ, скажу, что духъ преобразовательный обнимаетъ не одно лицо въ силу какихъ-нибудь предопредъленій, а каждую и каждаго, появляющагося на царство. Петръ первый заявилъ себя ломкимъ преобразователемъ, имълъ эту манію, и манія эта такъ же, не съ такой силой, конечно, стала занимать, волновать, обуревать всъхъ, послъдовавшихъ ему вънценосокъ и вънценосцевъ. Нътъ ни одной, ни одного изъ нихъ, который бы не задумалъ себя показать и хоть чъмъ-нибудь да прославить себя, конечно, не расширеніемъ правъ народныхъ, но расширеніемъ своихъ въ видѣ измѣненія одного другимъ! Прослъдите повъствование наше, за исключениемъ обычнаго указа о возвращении сосланныхъ въ Сибирь, о прощении недоимокъ и о перемѣнѣ, конечно, не формы правленія, а формы мундира, вы усмотрите рядъ измѣненій, назначеній, исключеній, наградъ, и весь этотъ дъятельный шумъ и трескъ, сопровождающій всякое новое царство. Такая манія одинаково будеть дъйствовать, въ большемъ или меньшемъ размъръ, въ увеличиваньи налоговъ, а что главное — предъловъ Имперіи. Такимъ образомъ всъ они, волей или неволей и преобразователи, и завоеватели. Достойные, право, люди исторической памяти! Но для нихъ не настало время исторіи.

Итакъ, Петръ заявилъ себя неуклоннымъ упорнымъ преобразователемъ. Но что же вызвало и навело его на такое сложное и трудное поприще? Вопросъ естественный и крайне любопытный, но, признаюсь, не входящій въ мое изслѣдованіе. Здѣсь надобно бы призвать на помощь и самую психологію, она же оставалась для меня всегда какою-то terra incognita, и потому не нахожу надобности зарываться въ глубь этого человѣка. Къ тому же весь онъ и дѣла его налицо! Изъ таинственныхъ причинъ, подѣйствовавшихъ на его впечатлительный умъ, есть все-таки одна сторона, оставшаяся какъ бы не выслѣженною, а именно: первоначальные, заронившіеся въ немъ религіозные зачатки. Какъ человѣку исключительно властолюбивому, патріархъ ему мѣшалъ, и онъ заранѣе думалъ и мечталъ объ уничтоженіи такого равносильнаго ему вліянія.

Меня всегда приводило въ раздумье, какая мысль влекла его въ Саардамъ, почему онъ, слагая съ себя императорскій свой санъ, превращается вдругъ изъ Романова въ Михайлова? Почему этотъ неучъ, не жаждущій науки, взялся за топоръ, а не за книгу? Върь онъ въ Голландіи, подъ рукой и Гаага, и Лейденъ, и такъ же Амстердамъ, средоточіе тогдашняго движенія умовъ; тамъ гремъли уже ученія новаго права, тамъ... но онъ не ищетъ пера, а ищетъ съкиру, и находитъ ее. Но что за примъръ смиренія въ этомъ Михайловъ, изучающемъ плотничье мастерство?

Не такъ ли заявилъ себя и плотникъ Назаретскій? Нѣтъ ли тутъ искренней, чистой религіозности, и не увидимъ ли мы въ немъ новаго пророка или послѣдователя Христа? Да, онъ заявитъ себя пророкомъ и долго пророчество его будетъ служить путевой звѣздой для его преемниковъ. Да, онъ предрекъ паденіе патріарха и самъ своевластно замѣнилъ его и силою собственнаго указа призналъ себя главою церкви. Такимъ образомъ онъ подчинилъ не свободную, а раболѣпную церковъ государству, не свободному, а раболѣпному. Такимъ образомъ русское духовенство утратило навсегда право на пріобрѣтеніе возможности вліянія на общество и осталось такъ же невѣжественно, какъ оно было и какъ сіе и требовалось.

Спрашивается, какое же могло имъть вліяніе пастыря такого рода на паству въ отношеніи нравственнаго, христіанскаго преуспъванія.

Ничтожно, неподвижно и безотвътно стоитъ и по спо пору духовенство. И нътъ его въ часъ нравственнаго распаденія или же невзгоды и общаго горя. Но цъль достигнута: духовенство не вызываетъ опасенія двигателей противъ единодержавія и однимъ врагомъ меньше для него. Впрочемъ, допуская невъжество, слитое съ суевъріемъ и фанатизмомъ, конечно, такія мъры болъе, чъмъ необходимы; но при духовномъ образованіи, освъщенномъ духомъ истиннаго христіанства, найдется въ немъ не помощь, а пълая сила для поддержанія разлагающагося чисто общественнаго организма.

Пророчества Петра обняли почти всѣ отрасли правленія и во всей ломкъ онъ вносилъ духъ, поистинъ ему свыше вдохновенный. Какъ объяснить, хотя бы и подвигъ, совершенный противъ патріарховъ, подвигъ, равнявшійся въ то время величайшему святотатству, если не допустить въ немъ усвоенія свыше посланнаго ему призванія для совершенія такого д'вла. Есть люди, такъ странно и наскоро, въроятно, сколоченные, что трудно ихъ подвести подъ уровень самаго яснаго умственнаго мърила. Люди эти, по большей части, вынесенные судьбой на плечахъ народныхъ, достигая нѣкоторой степени высоты, подчиняются закономъ какой-то новой для нихъ формаціи и всёмъ явленіямъ процесса перерожденія. Туть, теряя бывшую точку земной опоры, они отпъляются отъ человъчества и, сближаясь съ искомымъ божествомъ, поступають въ его непосредственное въдъніе. Съ этой опоры не ищите въ нихъ воли собственной, они дъйствуютъ, какъ страдательныя существа, по волъ найденнаго ими по себъ бога. Они дълаются безотвътны и требуютъ слъпой покорности и повиновенія не къ себъ, а къ тому божеству, къ которому они сопричастны!...

И мало ли въ исторіи появленій такихъ странно перерожденныхъ личностей! Какъ обильна исторія этими примѣрами!

Іудеи жили на особенныхъ правахъ, и потому они- не могутъ служить мнѣ подтвержденіемъ моего довода. Къ слову: есть, однакоже, и у насъ одно сближеніе съ этими евреями, — это именно то, что, какъ они, такъ и мы о сію пору не поняли истиннаго Христа. Итакъ, примемся хотя бы за Македонскаго!

Посмотрите его въ Греціи, а впослѣдствіи въ Индіи, тамъ онъ сынъ Филиппа, здѣсь — самого уже Юпитера.

Магометъ посредствомъ архангела Гавріила оцъпляетъ современный ему міръ.

Александръ Благословенный, полуживымъ народомъ отрытый изъ-подъ пепла московскаго и имъ же выброшенный въ Парижъ, поставленный выше царей земныхъ, не довольствуется такой высотой и для дальнъйшихъ своихъ видовъ стяжаетъ славу другую, а именно: вступаетъ самъ на службу, какъ понималъ онъ ее по-своему. Для этого онъ не содрогнулся изорвать свой старый формулярный списокъ, исписанный, хотя и не большими подвигами любви къ народамъ, однакоже, довольно свидътельствовавшій прежнія его стремленія.

У старца Нумы была какая-то Эгерія, Александръ нашелъ себъ, если не нимфу, въ строгомъ смыслъ слова, то почти ей подходящую, а именно, баронесу Крюднеръ. Вотъ его путеводная вдохновительница, она его помирила съ самимъ собою, опредълила къ новой службъ и сблизила съ Богомъ, избравшимъ его своимъ орудіемъ, исполнителемъ верховной власти! Не ищите его бывшей

высочайщей воли; нѣтъ, онъ смирился, преобразовался, обновился другою плотью и отказался отъ бывшаго себя!

Волю онъ будеть выражать, но не свою. Подъ высшей надъ нимъ волей онъ перестаетъ быть ходатаемъ правъ народныхъ и дѣлается угнетателемъ и преслѣдователемъ нарождающагося тогда стремленія къ свободѣ. Облеченный въ ризы новаго Верховнаго жреца, Александръ образуетъ новый Священный союзъ. Охраненіе вѣры, правъ царскихъ и безправія народовъ служило основаніемъ этому союзу наравнѣ безчеловѣчному и безразсудному, какъ союзъ Пильницкій ¹), столь пагубный по своимъ кровавымъ и поднесь еще послѣдствіямъ. Съ какой бы точки зрѣнія не разсматривался этотъ союзъ, всѣ стороны его равно узки, насильственны и неестественны. Та же вѣра, которую онъ силился толковать въ свою пользу, его засудила, какъ несоотвѣтствующая любви и терпимости христіанской.

Братство царей уничтожилось ими же самими. Происки, козни туть же стали тайно появляться именно противъ главнаго основателя, котораго не выносили изъ-за полученнаго имъ въ Европъ вліянія. Они опасались найти въ Александръ Наполеона особеннаго рода. Союзъ противъ него былъ тутъ же заложенъ, хотя и тайный, но заявлявшій себя въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Меттернихъ, выбившій Александра изъ строя либераловъ, избилъ его нравственно въ конецъ. Въ Веронѣ, еще могучій, онъ торжественно заявлястъ, что Господь ему ввѣрилъ 700.000 штыковъ, конечно, для умиротворенія Европы, т.-е. подавленія всѣхъ народныхъ тогда стремленій и даже любимой имъ и Россією... кого же? Греціи!

Вотъ до чего этотъ человъкъ измънилъ себъ и всему человъчеству, которому онъ хотълъ посвятить всѣ силы, всѣ свои умственныя и душевныя стремленія. Стремленія? Но были ли онѣ его собственными и насколько онъ былъ ими проникнутъ? Вотъ вопросы, возникшіе при началѣ его царствованія и получившіе грустное свое разрѣшеніе, когда настало время выступить ему всецѣло, своеобразно на поприщѣ возрожденія народовъ. Восемьдесятъ девятый годъ прогремѣлъ при той освятительной, изгоняющей мракъ молніи: народы вздрогнули и стали внимать новому слову, новому праву. За словомъ началась ломка всего стараго, отжившаго, непримѣнимаго къ обновляющемуся обществу, но ломка первоначально производилась съ достойною рѣшительностью и въ предѣлахъ возможнаго при такомъ переворотѣ благоразумія. Противодѣйствія,

¹⁾ Въ Саксонскомъ городкъ Пильницъ быль изданъ въ августь 1791 г. мапифестъ австрійскаго императора Леонольда II и прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II, объявлявшій дѣло Людовика XVI дѣломъ общимъ для всѣхъ правителей Европы и приглашавшій государей на борьбу съ революціей.

конечно, какъ присущія старому строю, должны были возникать и препятствовать естественному ходу даннаго движенія. Но всѣ эти противодъйствія безсильно замерли бы и не помъщали бы законно и мирно водвориться новому искомому порядку. Вздрогнули народы, говорилъ я, но вздрогнули вмъстъ и ихъ правители, затронутые въ своихъ насильно увъковъчанныхъ правахъ. Они вздрогнули и взялись не за слово, а за оружіе! И здісь-то является тоть грозный замысель скучившихся государей, -- замысель страшный по своему объему, по силамъ, которыми они насильно распоряжались, по вмъщательству въ чужое дъло и, наконецъ, по заложенію начала той кровавой борьбы правителей съ народомъ. Воть какими пагубными, беззаконными началами ознаменовался замысель, обнаружившійся подъ системою Пильницкаго союза. Этоть историческій памятникъ, воздвигнутый хилыми руками, какъ не силились правители его поддержать въ цълости, рушился, наконецъ, въ видъ позорныхъ для того времени обломковъ! Эти обломки свидътельствують о тъхъ кровавыхъ буряхъ, которыя поднялись народами для низверженія памятника, сложеннаго изъ человіческихъ костей.

Пильницъ, какъ тотъ же сфинксъ, стоитъ еще въ исторіи. Нѣтъ, онъ недостаточно разгаданъ, недостаточно разобранъ въ безчисленныхъ его послѣдствіяхъ на судьбу народовъ и цивилизаціи. Вообще Пильницъ хотѣлъ своротить, попятить движеніе вѣка и онъ этого не смогъ сдѣлать и былъ самъ утопленъ въ вызванномъ имъ потокѣ крови. 89-й годъ правильно, безстрастно совершаетъ свое преобразовательное движеніе, какъ вдругъ раздается передъ нимъ дикій голосъ пильницкаго звѣря, и вскорѣ раздраженный и всей своей силой мстительный страсти, этотъ смиренникъ 89-й годъ превращается въ ожесточенный 92-ой годъ. Пильницъ раздвоилъ Францію, и одна изъ нихъ должна погибнуть, погибнетъ слабый Людовикъ, поддавшійся иностранному внушенію, погибнетъ королевское семейство и всѣ сторонники древняго порядка.

Ожесточеніе вызвало страсти, страсти—гоненія, и явился Конвенть въ пылу мстительнаго патріотизма, онъ дъйствуеть безпощадно, звърски; гибель людей — ничтожный исходъ при спасеніи лишь однихъ началь! Конвенть долженъ подавить внутренняго и внъшняго врага! Эшафотъ противъ перваго, 14 армій противъ другого. Революція измъняеть свой видъ, но характеръ движенія остается все прежній. Наполеонъ все тотъ же революціонеръ, тотъ же представитель новаго времени. «Лучшій день въ моей жизни, — пишетъ онъ изъ Италіи, —будетъ день водворенія эры республиканской». И пока онъ искренно или поддъльно идетъ въ этой цъли, народы въ какомъ-то ожиданіи почти ему сочувствуютъ! Какъ новый человъкъ, онъ все старое громитъ и громитъ старыхъ ничтожныхъ правителей, которые замыслили униженіе Франціи. Напо-

леонъ выказалъ всю ломкость тогдашнихъ престоловъ, онъ обнаружилъ всю слабость, ничтожность тогдашнихъ народовладѣльцевъ и до какой степени они прикосновенны и удобоуязвимы.

И не было ему ни предѣла, ни препонъ. За Пиренеями, за Альпами, за Рейномъ онъ всѣхъ ихъ равно поражаетъ, равно срываетъ съ нихъ личину и выставляетъ въ жалкой, презрительной наготѣ! Казалось, что часъ старины ударилъ, и возникнуть и быть новому міру на новыхъ началахъ.

Нътъ! Наполеонъ не понялъ духа времени, не понялъ своего назначенія и паль, какъ падають и всё строители на пескё, т.-е. на властолюбливомъ безправіи. Отуманенный громкими, но легкими успѣхами, удачами небывалыми, объясняемыми ничтожною посредственностью ему современных соперниковъ, — Наполеонъ становится тыломъ въ революціи и ищетъ силы другой, силы Божіей, которой онь сталь върить. Сбрасываеть съ себя фригійскую шапку (о которой онъ вспоминаетъ, но уже поздно, на островъ Елены) и хватается за вънецъ и за какой же другой, какъ не императорскій? Такое превращеніе требовало помощи свыше, и онъ дълается возстановителемъ не столько въры, церкви, но нужнаго для его цълей духовенства. Онъ хочетъ вънчаться на царство, какъ истый католикъ и сынъ церкви, и долженъ призвать для освященія своего того же Пія VII, котораго, какъ сынъ той же церкви, онъ впослѣдствіи позорно схватить и заточить. Возстановитель имперіи и престоловъ кончилъ подъ историческою тяжестью, и если онъ оказалъ человъчеству услугу, то она состояла въ разрушении Пильницкаго союза. Повторяю, не безъ умысла, союзъ этотъ вленъ вызовъ на бой народовъ, — вызовъ, ими принятый со встми ожесточеніями угнетенныхъ противъ притъснителей, вызовъ страстей во Франціи, отвътилъ самыми отчаянными порывами. Союзники сбили съ пути слабаго короля, завлекли его, австрійку и всѣхъ знатныхъ въ пропасть смерти. Они вызвали свой эшафоть, вызвали вст тт мтры, поражающія насъ своими ужасами, потому что и люди-дізтели и время то для насъ остались еще неразгаданными, они вызвали тотъ поголовный взрывъ, образовавшій 14 армій, которыя и служили послѣ честолюбію Наполеона, такъ же вызваннаго обстоятельствами...

Франція, предоставленная сама себѣ, безъ вмѣшательства, совершила бы, быть-можетъ, свой революціонерный путь при другихъ, конечно, условіяхъ, и Наполеонъ былъ бы немыслимъ и за нимъ п всѣ тѣ войны, которыя отзывались одинаковыми звѣрствами, какъ и уличныя побоища въ Парижѣ. Но эти мы клеймимъ печатью варварства, первыя же—печатью славы. Всѣ ужасы Франціи ограничиваются семьюдесятью тысячами человѣкъ, тогда какъ войны уносили милліоны.

Немыслимъ былъ Наполеонъ, говорю я, немыслимъ былъ и самъ Александръ, оевропеившійся въ ущербъ нѣкогда своей Россіи. Наполеонъ былъ чисто произведеніемъ случайнымъ случайныхъ обстоятельствъ, а по тому самому, почему не объяснятъ фактъ его возвышенія фактомъ, выходящимъ изъ непремѣнныхъ историческихъ законовъ. Заподозрѣнный и неоцѣняемый, онъ хотѣлъ удалиться изъ Франціи и итти искать счастья въ Турцію и даже въ Россію. 13-го Вандеміера онъ удачно покартечничалъ парижанъ и расчелъ, что число ихъ достаточно и для будущихъ уличныхъ его пріемовъ.

Мыслимъ ли былъ Александръ таковымъ, какъ мы его видѣли впослѣдствіи. Мирный, кроткій, почти юноша, чуждый порывамъ честолюбія или власти (все это было за нимъ), вдругъ превращается въ какого-то несозрѣвшаго воина и ищетъ славныхъ приключеній. Осторожность его уронила въ глазахъ собственныхъ, въ глазахъ соотечественниковъ. Съ тѣхъ поръ заронилась въ немъ та пагубная страсть къ военному дѣлу, обратившаяся со временемъ въ неотразимую манію. Тутъ уже Александръ, по несчастію, осуществляется и дѣлается жалкою дѣйствительностью не только для Россіи, которую онъ бросилъ, но и для Европы, которую онъ думалъ и усмирить, и устроить, и пр.

Онъ дважды идетъ еще на противника, удалитъ еще Сперанскаго, сдастъ Москву, взойдетъ въ Парижъ. Цѣлый годъ свободничаетъ, велитъ хилому Бурбону дать Франціи конституцію, слушаетъ
лекціи Вилльмена, ѣдетъ въ Лондонъ, слышитъ оппозиціонную рѣчь
Брума (Brougham), поздравляетъ его, жметъ ему руку, обѣщаетъ
немедленно завести и въ своемъ государствѣ оппозицію (онъ ее
и встрѣчаетъ въ Чугуевскомъ бунтѣ и въ другихъ мѣстахъ), ѣдетъ
на Вѣнскій конгрессъ, поражаетъ всѣхъ своими свободолюбивыми
рѣчами. 13-ая статья конгресса, вся въ сущности его, присваиваетъ
себѣ Польшу и только подъ могучимъ своимъ вліяніемъ склоняетъ
противниковъ согласиться на право, требуемое имъ неуклонно,
дать этой Польшѣ конституцію.

Дойдя до конца тетрадки, я только опомнился и ужаснулся передъ длинными моими отступленіями. Забылъ, что я передъ судомъ и какъ составители этого суда нетерпъливо меня ожидаютъ. Но долженъ сказать, что я счетовъ своихъ не кончилъ съ Петромъ и съ Александромъ еще менъе. Возвращусь къ нимъ на досугъ.

(Продолжение слъдуетъ).

Изъ далекихъ воспоминаній.

I.

Осенью 1861 года Петербургъ переживалъ безпокойное время. Появлялись первыя политическія прокламаціи; изъ Варшавы приходили печальныя въсти; въ разныхъ мъстахъ происходили волненія среди крестьянъ, вызванныя новыми мотивами, но усмиряемыя старыми способами. Все это тревожило и возбуждало даже мирныхъ людей, склонныхъ къ политическому оптимизму. Къ числу такихъ людей принадлежалъ тогда и я, дъля время между службой, къ которой я быстро охладъваль, и литературной работой, все больше и больше меня занимавшей. Опредъленно, но умъренно прогрессивно были настроены и мои ближайшіе товариши по Сенату и министерству юстиціи, изъ которыхъ иные, двумя годами раньше, образовали, вмѣстѣ со мною, небольшой юридическій кружокъ, имъвшій цълью подготовку къ ожидавшейся уже судебной реформъ, но касавшійся иногда и политическихъ вопросовъ. Душою этого кружка быль Дмитрій Васильевичь Стасовь, служившій тогда оберъ-секретаремъ во второмъ гражданскомъ департаментъ Сената. Старшій изъ насъ годами, хорошо знакомый съ лучшими представителями литературы, науки, искусства, онъ живо интересовался всъми сторонами умственнаго движенія и поддерживалъ въ насъ интересъ къ нему. У Стасова я въ первый разъ видълъ К. Д. Кавелина, Б. И. Утина; у него В. Д. Спасовичъ, вернувшись изъ Варшавы, разсказывалъ намъ о тамошнихъ событіяхъ. Менте чтмъ кто-либо другой, Стасовъ могъ остаться равнодушнымъ къ университетскимъ безпорядкамъ, начавшимся 25 сентября (шествіе на Колокольную) и очень скоро повлекшимъ за собою массовые аресты среди студентовъ.

29 сентября, въ Большомъ театрѣ, гдѣ я слушалъ «Пуританъ», ко мнѣ подошелъ Стасовъ и спросилъ меня, согласенъ ли я подписать адресъ или просъбу о помилованіи привлеченныхъ къ отвѣтственности студентовъ, мысль о которомъ возникла въ этомъ день въ Сенатѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ. онъ сказалъ, что зайдетъ ко мнѣ на другой день въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ я занималъ должность редактора и, за болѣзнью начальника уголовнаго отдѣленія (К. К. Петерса), временно

управляль отделеніемь. Не помню, быль ли готовь вь то время самый текстъ адреса; знаю только, что для ускоренія дѣла было ръшено собирать подписи на отдъльныхъ листахъ, съ тъмъ, чтобы потомъ попшить ихъ къ самому адресу. Такой листъ мнѣ и принесъ Стасовъ въ министерство 30 сентября. Безусловно довъряя Стасову, ни минуты не сомнъваясь въ томъ, что назначение листа именно таково; какъ онъ говоритъ, я подписался самъ и сталъ собирать подписи среди сослуживцевъ. Нъкоторые изъ нихъ отказались, можетъ-быть, въ виду отсутствія текста, можетъ-быть, по какой-либо иной причинъ; многіе подписались не колеблясь, подъ вліяніемъ тъхъ же побужденій, какъ и руководившія мною. Въ министерствъ юстиціи подписалось всего (по моему приглашенію или по чьему-либо иному) шестнадцать человъкъ (въ Сенатъ собрано было болѣе 50 подписей), въ томъ числѣ всѣ три столоначальника уголовнаго отдъленія: недавно скончавшіеся—членъ Госуд. Совъта И. И. Шамшинъ и первоприсутствующій сенаторъ гражданскаго кассаціоннаго департамента П. П. Веселовскій и нынъ здравствующій члень Госуд. Сов'єта А. А. Сабуровъ. Въ другихъ отдівленіяхъ подписались пріобръвшіе впослъдствіи громкую извъстность на разныхъ поприщахъ А. А. Книримъ, В. Н. Герардъ, А. Н. Апухтинъ, В. В. Берви (Флеровскій). Въ тотъ же вечеръ листь съ подписями быль отнесень мною къ Стасову, у котораго я встрътилъ оберъ-прокурора второго департамента, М. В. Полънова (умершаго въ 80-хъ годахъ первоприсутствующимъ гражд. касс. д-та), превосходнаго человъка, которому хорошо было извъстно все касавшееся апреса.

Въсть о собираніи подписей подъ адресомъ, намъренно или не намъренно извращенная, очень скоро дошла до третьяго отдъленія. Рано утромъ 2 октября Д. В. Стасовъ былъ арестованъ и отвезень въ зданіе у Цъпного моста. Когда я въ тоть же день пришель въ министерство, всъ управляющие отдъленіями были созваны къ директору департамента, М. И. Топильскому. Онъ спросиль насъ съ торжественнымъ видомъ, что намъ извъстно о подпискъ, за два дня передъ тъмъ происходившей въ зданіи министерства. Мои коллеги ничего о ней не знали; я отвътилъ, что я и другіе изъявили своею подписью согласіе на подачу Государю адреса о помилованіи студентовъ. Топильской сталь увърять, что я обмануть, что подписи предполагалось присоединить къ адресу о конституціи. Я выразилъ увъренность, что никакого обмана не было и не могло быть. Между тъмъ я узналъ, что листы съ подписями уже уничтожены или должны быть уничтожены съ минуты на минуту. На требование письменнаго объясненія я отв'єтиль поэтому такъ: «Подписью на особомъ листъ, 30 сентября данною, я изъявилъ согласіе на подачу Государю Императору всеподданнъйшаго прошенія о помилованіи студентовъ, арестованныхъ за сходки въ университетъ и на улицахъ. Въ настоящее время, за уничтоженісмъ листа съ подписями, подпись моя не будетъ имъть дальнъйшаго хода». Подчеркнутыя слова, какъ я тогда же отмътилъ въ сохранившемся до сихъ поръ моемъ дневникъ, я прибавилъ съ цълью показать, что я не отказываюсь отъ своей подписи и что она останется безъ послъдствій только вслъдствіе уничтоженія самаго листа. Съ такою же оговоркой подписали соотвътствующія заявленія всъ мои сослуживцы по уголовному отдъленію, а также В. В. Берви. Въ другихъ отдъленіяхъ заявленія оканчивались словами: «Я изъявляю согласіе на то, чтобы подпись моя не имъла дальнъйшаго хода». При объясненіи въ тотъ же день съ Д. Н. Замятнинымъ, управлявщимъ министерствомъ за отсутствіемъ гр. В. Н. Панина, я отвътилъ на вопросъ его, гдъ листъ съ моею и другими подписями, что листъ этотъ мною уничтоженъ.

Узнавъ на другой день, что меня предположено уволить по третьему пункту и что предупредить это можно только добровольнымъ уходомъ со службы, я 4 октября подалъ Топильскому просьбу объ увольненіи меня отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Оказалось, что по тогдашнимъ правиламъ такое увольненіе было возможно лишь въ началѣ года, а во всякое время можно было подавать въ отставку только по болъзни. На это я не рѣшался, потому что отставка по болѣзни затруднила бы возвращеніе мое на службу, которое, какъ я тогда имълъ основание думать, могло оказаться для меня необходимымъ въ виду моихъ семейныхъ обстоятельствъ. Между вліятельными въ то время въ министерствъ лицами начался по этому поводу довольно горячій споръ: мои недоброжелатели, подъ видомъ заботы о моихъ интересахъ, настаивали на томъ, чтобы я просиль объ отставкъ по болъзни; другіе, ко мит расположенные, убъждали меня этого не дълать, указывая на то, что до января мѣсяца, когда долженъ быть данъ ходъ поданной уже мною просьбъ, обстоятельства могуть измъниться къ лучшему. Я ръшился послъдовать эдому совъту. Въ то же самое время ко миъ обращались съ увъщаніями назвать лицо, отъ котораго я получилъ листъ для подписи. Ко мнъ пріъзжаль для этого одинъ изъ вліятельныхъ оберъ-прокуроровъ, М. Н. Любощинскій, къ которому меня приблизило участіе мое въ возложенной на него, въ 1857 г., работъ по составлению новаго устава гражданскаго судопроизводства. Уговаривалъ меня и добръйшій Д. Н. Замятнинъ, намекая на возможность непріятностей, независящихъ отъ министерства; уговаривали и другіе, указывая на то, что своимъ молчаніемъ я могу повредить выгораживаемому мною лицу, такъ какъ явится поводъ думать, что нам'тренія его д'тиствительно шли дальше ходатайства о помилованіи студентовъ. Въ томъ же смыслъ старались повліять и на В. В. Берви. Намъ пришло тогда на

мысль посовътоваться съ братомъ Дмитрія Васильевича Стасова, Владимиромъ Васильевичемъ—и его отвътъ окончательно убъдилънасъ въ правильности нашего образа дъйствій. Впослъдствіи мы узнали, что, назвавъ Стасова, мы оказали бы ему весьма плохую услугу.

5 октября состоялось зас'єданіе Консультація, на которомъ ръшено было всъмъ подписавшимся сдълать внушеніе, а Берви и меня, какъ болъе виновныхъ, подвергнуть административному взысканію по усмотрѣнію управляющаго министерствомъ. И послѣ того, однако, продолжались перемъшанныя съ «устрашающими» намеками увъщанія назвать «главнаго виновника». Они прекратились только 7-го числа, когда, по возвращении Д. Н. Замятнина изъ Совъта министровъ, стало извъстно, что особыхъ мъръ строгости къ участникамъ этой «исторіи» примѣнять не предполагается. 8 октября я получилъ бумагу, за подписью Д. Н. Замятнина и М. И. Топильскаго, въ которой мнъ сообщалось, что я не оправдаль довърія начальства и не могу оставаться въ должности, по которой мнъ подчинены другіе, почему и состоялось причисление меня къ министерству. Не прошло, однако, и двухъ дней, какъ я снова былъ призванъ къ Д. Н. Замятнину, объявившему мнъ, что я назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса. Ввърять мнъ начальническія надъ къмъ-нибудь права было признано невозможнымъ, но для занятія дълами у себя въ кабинеть я быль найдень годнымь. Въ тоть же день окончилось сравнительно благополучно и дъло Д. В. Стасова, которому угрожала одно время высылка изъ Петербурга: онъ былъ выпущенъ на свободу, но уволенъ въ отставку по третьему пункту. Нелегко дались ему девять дней, проведенныхъ въ заключении: арестъ застигъ его черезъ мъсяцъ послъ женитьбы. Нетрудно себъ представить, что перенесла въ это время его молодая жена... Въ концъ-концовъ, невольная перемъна въ его положеніи принесла ему только пользу. Оставшись безъ службы, онъ сталъ принимать на себя веденіе судебныхъ дълъ и пріобрълъ на этомъ поприщъ широкую и почетную извъстность. Потребность въ честныхъ, даровитыхъ и образованныхъ адвокатахъ была чрезвычайно велика и постоянно возрастала, по мъръ того, какъ близилось осуществление судебной реформы. Д. В. Стасовъ быстро выдвинулся на первый планъ. и въ 1866 г., послъ открытія въ Петербургъ новыхъ судовъ, естественно объединилъ вокругъ себя вновь созданную петербургскую присяжную адвокатуру, какъ первый предсъдатель совъта присяжныхъ повъренныхъ.

Какъ ни незначительна, сама по себѣ, описанная мною «исторія», въ ней нетрудно подмѣтить нѣкоторыя характерныя черты. «Эпоха великихъ реформъ» была тогда въ самомъ расцвѣтѣ; только что совершилось освобожденіе крестьянъ, намѣчалось преобразованіе суда, созданіе земства, расширеніе правъ печати. Но рядомъ съ

этимъ неприкосновенными оставались старые бюрократическіе навыки, старые полицейские пріемы: ничъмъ не регулируемыя подозрительность, наклонность сначала хватать, потомъ разследовать, нетерпимость къ самымъ невиннымъ проявленіямъ общественной самодъятельности. Что мъщало привести въ ясность цъль собиранія подписей, никого не арестуя и никому не угрожая? Какое «detrimentum» могла бы понести власть, если бы «консулы» не поспъшили съ своими мърами предупрежденія и пресъченія? Какою опасностью грозила просьба, не содержавшая въ себъ ничего прсступнаго? Велика ли была в роятность, что подъ видомъ ходатайства о помилованіи собираются подписи къ адресу о конституціисобираются между служащими въ Сенатъ и министерствъ юстиция! Не свидътельствовало ли самое отсутствіе текста передъ подписями о «политической невинности» предпріятія? И почему можно было предположить, что ходатайство, задуманное нѣсколько дней спустя послъ ареста студентовъ, вызвано не этимъ обстоятельствомъ. а направлено къ совершенно другой цѣли? Если и допустить, наконецъ, что намфреніе всфхъ или нфкоторыхъ его участниковъ шло дальше помилованія студентовь, то что въ сущности туть было такого ужаснаго? Мысль о необходимости политической реформы носилась тогда въ воздухъ, и если бы ей удалось вылиться въ спокойной, мирной, сдержанной формъ, это могло бы только способствовать очищению и освъжению атмосферы. Несчастьемъ для Россіи было именно то, что всякое стремленіе единичныхъ и, гъмъ болъе, коллективныхъ силъ, направленное къ выходу изъ путъ, становившихся все болье и болье нестерпимыми, тотчась же встрьчало всегда одинаковый отпоръ-и, вмъсто давно необходимаго шага впередъ, начинался сплощь и рядомъ ходъ назадъ. Въ октябрьской «исторіи» отразилось, въ миніатюрномъ видъ, многое изъ того, что наложило густую тень на последующія десятильтія... Есть, впрочемъ, и разница между тогдашними и позднъйшими репрессіями. Что не одинакова была степень суровости, проявленной правительствомъ, это объясняется прежде всего громаднымъ различіемъ въ степени серьезности движеній: осеннія волненія 1861 года были дътской игрой въ сравненіи съ движеніями конца шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Но вотъ что слѣдуеть отмѣтить: «выходъ за предѣлы необходимой обороны», къ которому подали новодъ студенческие безпорядки 1861 года, не прошель безследно для его виновниковь. Министръ народнаго иросвъщенія гр. Путятинъ, спб. генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ гр. Шуваловъ, оберъполицмейстеръ Паткуль, -- всъ въ скоромъ времени должны были оставить свои мъста. Позинъе такихъ послъдствій для лицъ, облеченныхъ властью, не имѣли «эксцессы обороны», гораздо болѣе тяжкіе...

H.

Оставшись на службъ, я тяготился ею еще больше прежняго и старался расширить кругъ своихъ литературныхъ занятій, чтобы получить возможность отдаться имъ всецёло. Съ 1858 г. я помъщалъ статьи въ «Русскомъ Въстникъ», сначала ръдко, въ 1861 году — гораздо чаще; семейныя обстоятельства заставляли меня искать дополнительнаго заработка. Сочувствіе мое къ органу Каткова, долго граничившее съ поклоненіемъ-я былъ очень молодъ, а журналь въ первые годы своего существованія стояль очень высоко, --уменьшалось по мірт того, какъ все ръзче и ръзче раздавались въ немъ новыя ноты, плохо гармонировавшія съ его прошлымъ. Съ большимъ удовольствіемъ поэтому я приняль въ томъ же памятномъ для меня октябръ 1861 года предложение сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ». Редакторами ихъ считались тогда А. А. Краевскій и С. С. Пульшкинъ, но на самомъ дълъ журналомъ руководилъ одинъ послъдній; съ Краевскимъ я познакомился лишь нъсколько мъсяцевъ спустя, когда онъ предложилъ мнъ сотрудничество въ затъвавшейся имъ тогда газетъ. Непосредственными помощниками Дудышкина были Н. В. Альбертини, завъдывавшій отдъломъиностранной политики, С. С. Громека, обозрѣватель внутренней жизни, и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, переводившій Бокля и писавшій статьи по русской исторіи. Въ этотъ тъсный кружокъ вошелъ и я, введенный въ него Громекой, съ которымъ познакомилъ меня мой брать, служившій вмъсть съ нимь въ министерствъ внутреннихъ дёлъ. Ничто не позволяло тогда предвидёть въ жизнерадостномъ, пылкомъ, иногда смѣломъ авторъ «Современныхъ Хроникъ» будущаго администратора-гонителя польскихъ уніатовъ. Дудышкинъ на время до своей преждевременной смерти, и Альбертини, въ продолжение своей долгой литературной дъятельности, прерванной въ 1866 г. арестомъ и ссылкой въ Архангельскую губернію. оставались ум френными либералами, убъжденными и стойкими; Бестужевъ-Рюминъ, уже тогда готовившійся къ ученой карьерѣ, стоялъ дальше отъ политическихъ интересовъ дня, но вполнъ подходиль къ общему настроенію своихъ товарищей. Въ теченіе всего-1862 года я работаль въ «Отеч. Запискахъ» очень много, нъсколько мѣсяцевъ сряду, замѣняя уѣхавшаго за границу Альбертини въ веденіи политическаго обозрѣнія.

У Дудышкина и Альбертини я встрѣчалъ А. И. Ничипоренко, молодого человѣка, близкаго въ то время ко многимъ литературнымъ кругамъ. При одной изъ такихъ встрѣчъ онъ разсказалъмнѣ, что проектируется ассоціація писателей для изданія газеты мли журнала на новыхъ, «артельныхъ» началахъ, и предложилъпознакомить меня съ главнымъ ея устроителемъ, Григоріемъ За-

харьевичемъ Елисеевымъ, извъстнымъ сотрудникомъ «Современника». Ассоціацію предполагалось образовать изъ представителей разныхъ прогрессивныхъ теченій, и участіе мое въ «Отечественныхъ Запискахъ» не могло поэтому помѣшать вступленію моему въ ея составъ. 27 января 1862 г. я поъхалъ къ Елисееву вмъстъ съ Ничипоренко и засталъ тамъ Н. А. Серно-Соловьевича, Н. В. Шелгунова, В. и Н. С. Курочкиныхъ, Н. Г. Помядовскаго, А. Н. Энгельгардта, Піотровскаго, П. А. Муллова, А. И. Европеуса, Г. Н. Думшина и художника Г. М. Боклевскаго (присутствовалъ и М. А. Антоновичъ, но безъ намъренія примкнуть къ ассоціаціи). Позднъе, кромъ этихъ лицъ, въ совъщаніяхъ участвовали А. П. Щаповъ, Н. А. Потехинъ, Н. С. Лесковъ, П. А. Бибиковъ, Н. Я. Аристовъ, А. С. Аванасьевъ-Чужбинскій и М. М. Стопановскій 1). Общія собранія происходили рѣдко (въ моемъ дневникѣ отмѣчено ихъ только четыре) и были большею частью довольно малочисленны. Ръшено было не основывать новаго органа, а пріобрѣсти еженедѣльную газету «Вѣкъ», которую съ 1861 года издавалъ П. И. Вейнбергъ, сначала при участіи К. Д. Кавелина, А. В. Дружинина и В. П. Безобразова, потомъ одинъ (я помъстилъ въ ней нъсколько статей). Въ первые мъсяцы она пошла очень хорошо, но къ концу года стала до такой степени безсодержательной и безцвътной, что подписчиковъ на 1862 годъ не было почти вовсе, и П. И. Вейнбергъ охотно уступилъ ее вновь образовавшемуся товариществу. Отъ кого получены были средства для покупки газеты и для ея веденія—я не знаю. Во время перваго совъщанія, происходившаго при моемъ участіи, шла ръчь о паяхъ, которые могли быть внесены или деньгами, или статьями; но уже во второмъ совъщаніи (30 января) предположение о паяхъ послъдней категории было оставлено и ръшено было платить за статьи на общемъ основаніи, въ нъсколько лишь повышенномъ противъ обычнаго тогда размѣрѣ. Необходимую для изданія сумму (около 12 тыс. руб.) предоставлено было внести желающимъ, съ уплатою за нее $10^{\circ}/_{0}$; остальной чистый доходъ подлежалъ раздѣлу между участниками ассоціаціи. Въ концѣ-концовъ, слъдовательно, члены ассоціаціи никакихъ обязательствъ на себя не принимали. Редакторомъ былъ избранъ Елисеевъ; для разбора споровъ, могущихъ возникнуть между нимъ и сотрудниками, образована была комиссія, въ составъ которой вошли Серно-Соловьевичъ, Энгельгардтъ и Ничипоренко. Около половины февраля вышелъ первый № обновленнаго «Вѣка». Чтобы яснѣе оттънить отсутствіе всякой связи между нимъ и старымъ «Въкомъ» (котораго въ 1862 г. вышло пять №№), онъ былъ помъ-

¹⁾ Чле ами ассеціаціи считались еще А. Ф. Головачевь, И. Ф. Горбуновь, С. В. Максимовь, М. О. Мик'впинь, Н. А. С.евановь, В. Г. Тихо-новичь, Н. В. Успенскій и П. И. Якушкинь, но я ихъ въ собраніяхъ ассоціаціи не встрівчаль.

ченъ № 1—6. Я помѣстилъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ обновленнаго «Вѣка» статью въ защиту равноправія евреевъ, направленную противъ Аксаковскаго «Дня».

27 марта состоялось въ только что открытомъ тогда (подъ имепемъ щахматнаго) литературномъ клубъ общее собрание членовъ ассоціаціи, сравнительно многочисленное созванное вслъдствіе спора между редакторомъ и комиссіею. Поводомъ къ нему послужила статья А. Н. Энгельгардта, напечатать которую Г. З. Елисеевъ отказался. Собранію было сообщено, что Г. З. соглашается остаться редакторомъ не иначе, какъ подъ условіемъ полновластія (т.-е. упраздненія комиссіи) и безсм'єнности въ теченіе четырехъ лість. При закрытой баллотировкъ большинствомъ 10 голосовъ противъ 8 1) было признано, что условія, предлагаемыя Г. З. Еписеевымъ, нарушають артельное начало, на которомъ построена ассоціація; но затъмъ при открытой баллотировкъ, двънадцать человъкъ (Аристовъ, Аванасьевъ-Чужбинскій, Бибиковъ, В. и Н. Курочкины, Пъсковъ, Мулловъ, Ничипоренко, Помяловскій, Н. Потъхинъ, Стопановскій и Щаповъ) согласились съ предложеніемъ Елисеева, двое изъ нихъ (Лъсковъ и Помяловскій) — съ оговоркой, что поступають такимъ образомъ только для пользы журнала. Остальные-Думшинъ, Европеусъ, Серно-Соловьевичъ, Шелгуновъ, Энгельгардтъ и я-тогда же заявили о выходъ своемъ изъ ассоціаціи, находя, что съ нарушениемъ артельнаго начала она теряетъ свой цервоначальный смыслъ. Мъсяцъ спустя изданіе «Въка» прекратилось, сколько мив извъстно, за недостаткомъ средствъ къ его продолженію.

Если принять во вниманіе, что двоє изъ основателей ассоціаціи—Ничипоренко и Серно-Соловьевичъ — вскорѣ послѣ того были привлечены къ большому политическому процессу ²), трое другихъ (Шелгуновъ, Щаповъ, Энгельгардтъ) въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени подверглись разнымъ политическимъ невзгодамъ, самъ Елисеевъ былъ однимъ изъ руководителей «Современника», лѣтомъ того же года запрещеннаго на восемь мѣсяцевъ, а Помяловскій, Піотровскій ³), Н. Успецскій, Н. Курочкинъ—постоянными сотрудниками этого журнала, то легко можетъ возникнуть предположеніе, что единственною или главною цѣлью основанія ассоціаціи было усиленіе радикальнаго теченія, господствовавшаго въ тогдашней петербургской журналистикѣ. Я думаю, однако, что для такого предположенія пѣтъ достаточныхъ

¹⁾ Г. З. Елисеевъ въ баллотировив не участвовалъ и, сколько мив помнится, не присутствовалъ въ собрании.

²⁾ Ничиноренко умеръ во время суда, а Н. А. Серно-Соловьевичъ былъ приговоренъ къ ссылкъ на поселение и умеръ молодымъ въ Сибири.

³⁾ Этотъ молодой, много объщав ній писател», самое имя котораго теперь забыто, дебютироваль незадолго передь тымь въ «Современникъ» и очень скоро умерь, кажется, еще до прекращенія «Выка».

основаній. Чъмъ болье крайней была бы политическая подкладка задуманнаго дѣла, тѣмъ нужнѣе быль бы однородный составъ его участниковъ, а этого условія, какъ видно уже изъ приведеннаго выше перечня именъ, налицо не было. Если Лъсковъ въ то время и быль еще близокь къ лъвымъ изданіямъ, то совершенно въ сторонъ отъ нихъ и даже вдали отъ политики стояли этнографъ Аванасьевъ - Чужбинскій, историкъ Аристовъ, переводчикъ Маколея Думшинъ, юристъ Мулловъ. Блестящую роль сыгралъ А. И. Европеусъ въ тверскомъ дворянствъ, рядомъ съ А. М. Унковскимъ (они вмъстъ подверглись, въ 1860 г., административной высылкъ), но прочныхъ связей съ міромъ политики и литературы у него никогда не было. Едва ли, въ виду всего этого, можно объяснить случаемъ, что ръзко - политическихъ нотъ въ собраніяхъ ассоціаціи я не слышалъ; едва ли можно предположить, что кромъ общихъ совъщаній происходили еще другія, болье малочисленныя и тщательно скрываемыя отъ большинства. Самый разладъ, такъ скоро происшедшій въ ассоціаціи, свидътельствуетъ о томъ, что она не задавалась тайными цълями. На разныхъ сторонахъ оказались люди, наиболте близкіе другь къ другу по образу мыслей (Елисеевъ, Ничипоренко, Щаповъ-съ одной стороны, Энгельгардть, Шелгуновь, Серно-Соловьевичь—сь другой). Мнъ казалось тогда и продолжаеть казаться теперь, что иниціаторы ассоціаціи съ Елисеевымъ во главѣ хотѣли именно того, о чемъ говорили: введенія въ періодическую литературу новой формы, болъе свободной отъ капиталистическихъ вліяній, болье благопріятной для большинства сотрудниковъ, болѣе, такъ сказать, демократичной. Само собою разумъется, что въ эту форму должно было вылиться содержаніе, отръшенное отъ гнета традицій, но съ тъмъ, чтобы оставался немалый просторъ для разномыслія и не все приводилось къ одному знаменателю. Первоначальный планъ былъ еще болъе широкъ, чъмъ приведенный въ исполнение: предполагалось, что всъ участники дъла внесутъ въ него равныя ивнности, одни-трудомъ, другіе-наличными деньгами, и всв съ одинаковымъ правомъ и въ одинаковой мъръ будутъ считать себя его хозяевами. Къ сожалънію, для большинства работа въ кредить была непосильна, и прекрасная мысль осталась даже безъ начала исполненія. Это было, можеть-быть, первою въ рядѣ неудачъ, постигшихъ ассоціацію.

Пагубною для ассоціаціи, хотя и вполнѣ разумною въ принципѣ, оказалась и разношерстность ея состава. Образъ дѣйствій Г. З. Елисеева, очень недолго мирившагося съ ограниченіемъ его редакторской власти и потребовавшаго для себя долгосрочной диктатуры, съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, нарушающимъ цѣльность его писательскаго облика; но такое заключеніе сдва ми было бы справедливо. Я думаю, что онъ предвидѣлъ

длинный рядъ разногласій съ комиссіей, поставленной подл. него или надъ нимъ, разногласій, вызванныхъ именно недостаткомъ единодушія въ средъ ассоціаціи. Онъ полагалъ, въроятно, что на первое время, пока члены ассоціаціи не споются между собою и самое дъло не станетъ прочно на ноги, вести его впередъ можеть только твердая рука, ничемъ не стесненная въ своихъ дъйствіяхъ, а предыдущая журнальная работа давала ему увъренность въ томъ, что рядомъ съ твердостью у него хватитъ и умънья. Понятенъ, однако, и отказъ меньшинства отъ дальнъйшаго участія въ дѣлѣ; слишкомъ быстро измѣнилась основа предпріятія, ассоціація, участіе въ которой переставало отличаться чъмъ бы то ни было отъ участія въ какомъ бы то ни было другомъ журнальномъ дёлё, продолжала существовать только по имени. Какъ велики были трудности, встръченныя первымъ опытомъобъ этомъ можно судить по тому, что онъ очень долго не повторялся, да и теперь періодическихъ изданій, основанныхъ на ассопіаціонномъ началь, можно насчитать лишь весьма немного.

Короткое соприкосновеніе, благодаря «Віку», съ той журнальной сферой, отъ которой большая часть моего литературнаго пути проходила довольно далеко, оставила во миъ свътлое воспоминание. Большое довъріе и уваженіе внушиль мнъ сразу Г. З. Елисеевь, уже тогда немолодой, серьезный, сдержанный, на видъ почти суровый, но полный доброты и снисходительности къ начинающимъ писателямъ. Глубоко симпатиченъ былъ Серно - Соловьевичъ этотъ русскій маркизъ Поза, горячо желавшій служить народу, безвременно загубленный восторжествовавшимъ застоемъ. Блестълъ умомъ Энгельгардтъ, тогда еще военный по мундиру, ученый по профессіи, но во многомъ уже такой, какимъ явился, 10-15 лътъ спустя, авторъ «Писемъ изъ деревни». О многихъ моихъ товарищахъ по ассоціаціи я не сохранилъ опредъленнаго впечатлънія, такъ какъ они говорили мало, держались въ сторонъ, да и я общительностью не отличался; такъ промелькнули мимо меня. къ сожальнію, Помяловскій, Щаповъ, Шелгуновъ. Загадочнымъ для меня, какъ, въроятно, и для многихъ, остался несчастный Ничипоренко, одна изъ безвъстныхъ жертвъ, безслъдно раздавленныхъ бюрократической колесницей 1). Для меня всъ эти лица отошли въ царство тѣней еще при ихъ жизни — и на старости льть мнь отрадно вызвать оттуда на мгновенье ихъ «колеблюшіяся очертанія».

К. Арсеньевъ.

¹⁾ Ничиперенко быль арестовань по такъ называемому дѣлу о сношеніяхъ съ лондонскими агитаторами. Онъ даваль слипкомь откровенныя показанія и подтвердиль ихъ на очныхъ ставкахъ, но затѣмъ это подтвержденіе взяль назадъ и какъ-то слишкомъ скоро скончался въ кріпости. См. ст. М. К. Лемке «Процессъ 32» въ его книгъ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», стр. 109—12.

Л. Н. Толстой о Наполеонъ I.

 Π о неизданнымъ документамъ (изъ переписки Π . H—ча съ A. U. Эртелемъ).

Въ «Письмахъ Эртеля» 1) есть нѣсколько писемъ Александра Ивановича ко Льву Николаевичу Толстому и къ Влад. Григ. Черткову, свидѣтельствующихъ, что Александръ Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе въ издательствѣ «Посредникъ» въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ то время, особенно въ срединѣ 80-хъ годовъ, А—ъ Ив—чъ интересовался взглядами Л. Н—ча и читалъ, получая ихъ отъ самого Л. Н—ча, тогда еще бывшія подъ запретомъ религіозныя сочиненія Толстого. О такихъ отношеніяхъ А. И—ча ко Л. Н—чу свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо отъ 17 сентября 1885 года, писанное собственноручно Львомъ Николаевичемъ:

Александръ Ивановичъ! ²)

Очень радъ исполнить ваше желаніе. Персписка стоить не менѣе 15 р. за каждую рукопись. И можеть быть готова черезъ мѣсяцъ. Очень жалѣю, что вамъ нельзя жить въ столицѣ, если это для васъ лишеніе. Но вѣдь это, вѣрно, не надолго. Желаю вамъ всего хорошаго. Попытайтесь написать разсказъ, имѣя въ виду только читателя изъ народа. Только бы содержаніе было значительное, а вы, вѣроятно, напишете хорошо. А обращаться исключительно къ народу очень поучительно и здорово.

Вашъ Л. Толстой.

На это письмо Ал. Ив. отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, хотя и сомнѣвался въ своихъ силахъ. Для начала онъ предполагалъ «переложить житіе святого, въ которомъ было бы поменьше мистики, а поболѣе подлиннаго, святого дѣла». Вскорѣ Ал. Ив. перешелъ на другую тему и написалъ для народа прекрасный разсказъ: «Жадный мужикъ», по справедливости высоко оцѣненный Львомъ Николаевичемъ. Затѣмъ были изданы «Посредникомъ» «Разсказы Ивана Өедотыча» изъ «Гардениныхъ». Видя успѣхъ

¹⁾ Изданы подъ редакціей М. О. Гершензона. Москва, 1909 г.

²⁾ Оригиналъ этого письма хранится въ Толстовскомъ музев въ Москвв.

своихъ опытовъ по народной литературѣ, Ал. Ив. начинаетъ изложеніе исторіи Будды, наведенный на это своимъ другомъ Влад. Григ. Чертковымъ. Работа эта осталась не оконченной.

Въ слѣдующемъ, 1890 году, Алекс. Ивановичъ принимается еще за новую работу опять по предложенію Черткова, именно за

писаніе народной книжки о Наполеонъ.

Матеріаломъ для этой книжки Ал. Ив—чу служило извъстное сочиненіе о Наполеонъ Ланфре, написанное безъ преклоненія передъ великимъ полководцемъ.

И вотъ Ал. Ив., желая взять върный тонъ при изложеніи этой книжки, обращается за совътомъ ко Льву Николаевичу Толстому.

У Льва Николаевича уже давно было вполнъ установившееся мнъніе объ этомъ человъкъ. Припомнимъ нъкоторыя характерныя черты, которыми обрисовалъ намъ Л. Н—чъ этотъ типъ въ «Войнъ

и Мирѣ».

Съ начала романа отношеніе къ Наполеону колеблется, видно даже нѣкоторое сочувствіе. Любимые имъ герои романа—князь Андрей и Пьеръ — оба поклонники Наполеона; первый сдержанно, второй наивно и смѣло заявляютъ передъ обществомъ свое преклоненіе. Но съ развитіемъ романа это преклоненіе ослабѣваетъ. Кн. Андрей вовлекается въ борьбу съ Наполеономъ и послѣ вторженія его въ Россію уже считаетъ его врагомъ человѣчества. Пьеръ изъ поклонника дѣлается его фанатическимъ ненавистникомъ и возбуждая себя апокалиптическими изысканіями, замышляетъ убійство Наполеона. Это измѣненіе взгляда Л. Н—ча на Наполеона вполнѣ совпадаетъ съ его болѣе глубокимъ изученіемъ историческаго матеріала.

Уже сдавъ въ печать I-ю часть «Войны и Мира», онъ записы-

ваеть въ своемъ дневникъ слъдующее:

19 марта 1865 года.

«Я зачитался исторіей Наполеона и Александра. Сейчасъ меня облакомъ радости сознанія возможности сдѣлать великую вещь охватила мысль написать психологическую исторію: романъ Александра и Наполеона. Всю подлость, всю фразу, все безуміе, все противорѣчіе людей ихъ окружавшихъ и ихъ самихъ. Наполеонъ, какъ человѣкъ — путается и готовъ отречься 18 брюмера передъ собраніемъ. «De nos jours les peuples sont trop éclairés pour pro-

duir quelque chose de grand» 1).

«Александръ Македонскій называетъ себя сыномъ Юпитера, ему върили. Вся египетская экспедиція — французское тщеславное злодъйство. Ложь всъхъ bulletins — сознательная. Пресбургскій міръ — еscamot'é. На Аркольскомъ мосту упалъ въ лужу, вмъсто знамя. Плохой ъздокъ. Въ итальянской войнъ увозитъ картины, статуи. Любитъ ъздить по полю битвы. Трупы и раненые — радость. Бракъ съ Жозефиной — успъхъ въ свътъ. Три раза поправлялъ реляцію сраженія Риволи — все лгалъ. Еще человъкъ первое время сильный своей односторонностью, потомъ неръшителенъ—чтобъ было! какъ? Вы, простые люди, а я вижу въ небесахъ мою звъзду. Онъ не интересенъ, а толпы, окружающія его и на которыя онъ дъйствуетъ. Сначала односторонность и beau jeu въ сравненіи съ Мюратами и

¹⁾ Въ наше время народы слишкомъ просвъщенны, чтобы создать что-либо великое.

Барасами, потомъ ощупью — самонадъянность и счастье и потомъ сумасшествіе — faire entrer dans son lit la fille des Césars 1). Полное сумасшествіе, разслабленіе и ничтожество на Св. Еленъ. Ложь и величіе потому только, что великъ объемъ, а мало стало поприще и стало ничтожество. И позорная смерть» 2).

И въ духѣ этого впечатлѣнія ведется дальнѣйшее изображеніе

Кромъ этого, личнаго отношенія къ нему на изображеніе личности Наполеона вліяль взглядь Льва Николаевича на исторію вообще, и на исторію наполеоновскихъ войнъ въ частности, усвоенный имъ и развитый въ философскихъ главахъ «Войны и Мира». Этотъ взглядъ, состоящій въ отрицаніи значенія власти, ея руководящей роли въ движеніи массъ, хорошо резюмируется въ слъдующихъ словахъ: «Наполеонъ, представляющійся намъ руководителемъ всего этого движенія (какъ дикимъ представлялась фигура, выръзанная на носту корабля, силою, руководящею корабль), Наполеонъ во все время своей дъятельности быль подобень ребенку, который, держась за тесемочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что онъ правитъ» 3).

И этотъ взглядъ на ничтожество Наполеона особенно ярко выраженъ Львомъ Николаевичемъ въ его письмъ къ Александру Ивановичу Эртелю, написанному въ отвътъ на выраженное имъ

намърение — написать для народа книжку о Наполеонъ:

«Ничего вамъ не могу сказать про Наполеона. Да я не измънилъ своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу имъ. Свътлыхъ сторонъ не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются всъ темныя, страшныя, к. представляеть это лицо. Самый драгоц вный матеріаль, это Mémorial de St. Hélène. И записки доктора о немь. Какь ни раздувають они его величіе—жалкая толстая фигура съ брюхомь, въ шляпъ, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаніями своего бывшаго quasi-величія, поразительно жалка и гадка. Меня страшно волновало всегда это чтеніе, и я очень жалбю, что не пришлось коснуться этого періода жизни.

Эти последние годы его жизни — где онъ играетъ въ величие и самъ видитъ, что не выходитъ — и въ кот. онъ оказывается совершеннымъ банкротомъ и смерть его — это должно быть очень

важной и большой частью его жизнеописанія.

На счетъ повъсти моей, вчера отдали ее Стороженко. Онъ хочетъ попытать пропустить ее съ выръзками. Переписываемъ теперь для переводчиковъ. Какъ будетъ время, то закажу для васъ. Помогай вамъ Богъ. Хороши у васъ работы затъяны и Будда и Наполеонъ, какъ я его вспомнилъ, охъ какую книгу — именно народную можно написать и именно вы. Ну, до свиданья. Всъ сем. вамъ кланяются» 4).

Письмо это было написано въ январъ 1890 года. (Почт. штемпель 16 янв.). Къ большому сожальнію, другія занятія отвлекан

Алекс. Ив. отъ исполненія этого нам'вренія.

 Π . Бирюковъ.

¹⁾ Принять въ свое ложе дочь кесарей.

²⁾ Л. Н. Толстой. Віографія, сост. П. Бирюковъ. Т. II, стр. 27. 3) Война и Миръ. Т. IV, стр. 92. Изд. Т-ва Сытина.

⁴⁾ Архивъ Толстовскаго музея въ Москвъ.

М. Е. Салтыковъ въ Ницив.

(1875—1876 гг.).

О нашей родинѣ унылой Въ чужомъ краю не позабудь. И возвратись, собравшись съ силой, На оный путь—журнальный путь... На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей, Но гдѣ мы снисхожденье купимъ Трудомъ у мыслящихъ людей. Трудомъ и безкорыстной цѣлью... Да! будемъ лучше рисковать, Чѣмъ безопасному бездѣлью Остатокъ жизни отдавать.

Такъ Некрасовъ писалъ Салтыкову при его «отъвздв за границу». Въ «Стихотвореніяхъ Н. А. Некрасова» это посланіе отнесено къ 1877 году. Но въроятиве, что оно написано раньше, въ 1875 году, передъ первой и, кажется, единственной при жизни Некра-

сова, заграничной поъздкой Салтыкова.

Нашъ великій сатирикъ впервые отправился за границу въ концѣ апрѣля 1875 года по настоятельному требованію врачей именно за тѣмъ, чтобы «собраться съ силой» послѣ тяжкаго недуга (острый сочленовный ревматизмъ, осложненный воспаленіемъ сердца и плевры), уложившаго М. Е. въ постель еще въ февралѣ того же года. Эта первая заграничная поѣздка писателя была и самой продолжительной: Салтыковъ прожилъ тогда за границей больше года, сначала лѣчился въ Баденъ-Баденѣ, а пстомъ, послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, отправился въ Ниццу, гдѣ и провель всю зиму 1875—76 гг.

Къ этому неріоду жизни писателя относятся воспроизводимыя ниже пять писемъ Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому. Первое изъ нихъ написано изъ Баденъ-Бадена (30 августа 1875 г.) передъ отъѣздомъ М. Е. въ Парижъ и въ Ниццу. Три слѣдующихъ письма (отъ 12 ноября 1875 г., 8 февраля и 22 марта 1876 г.) знакомятъ съ жизнью М. Е. въ Ниццѣ. Послѣднее послано (16 мая 1876 г.) изъ Парижа, гдѣ Салтыковъ остановился по дорогѣ домой. Нѣсколько строкъ изъ этого письма Н. А. Бѣлоголовый привелъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Салтыковъ («Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи». Москва, 1897 г. Стр. 263). Въ полномъ видѣ это письмо печатается здѣсь впервые; также впервые появляются въ печати первыя четыре письма.

T

Баденъ-Баденъ. 30 августа.

Очень вамъ обязанъ, многоуважаемый Николай Андреевичъ, за скорое увъдомление. Это очень пріятно, что въ самомъ Мекленбургъ нашлось помъщение и что, слъдовательно, много хлопотать не нужно. Жаль, что изъ вашего письма не видно, найдется ли въ Мекленбургѣ 1) соотвѣтствующее питаніе для дѣтей, ибо ежели мы и можемъ объдать внъ дома, то дътямъ положительно это невозможно. Впрочемъ, въроятно, въ отелъ найдется все, что слъдуетъ, на то онъ и отель. Мы выбдемь въ воскресенье въ 3 часа непремѣнно, ежели не случится что-нибудь чрезвычайное: въ противномъ случав я вамъ телеграфирую, чтобъ не поставить васъ въ фальшивое положение относительно вашего хозяина. Боткинъ 2) былъ здёсь въ субботу и останавливался въ Голландской гостинице, но у меня не быль. Я узналь только сегодня объ его прівздв изъ Badeblatt, и ходиль въ гостиницу, гдъ мнъ сказали, что онъ пробыль всего два часа и увхаль въ Парижъ. Очень понятно, что ему было не до меня. В вроятно, вы въ Париж в его увидите. Елисеевь 3) мнъ писаль изъ Нанси. Скажите ему, пожалуйста, что это совершенно безполезно припоминать о какой-то маркъ для хаускнехта, тъмъ болъе, что и хаускнехтъ, конечно, объ этой маркъ забыль. А я и не знаю даже, какому хаускнехту эту марку давать. Когда я вывду изъ Бадена, то ужъ, навърное, не буду мучиться, что я такому-то хаускнехту даль мало, а такой-то бадефрау и совсъмь позабыль дать на водку. Чорть съ ними, благо они изъглазъ пропали.

Пожалуйста, передайте отъ меня и отъ жены поклоны уважаемой Софьъ Петровнъ и Елисеевымъ. Я уже всюду написалъ, чтобы мнъ письма и газеты адресовали въ Парижъ Poste restante.

Прощайте, жму вашу руку и кръпко благодарю васъ. До ско-

раго свиданія въ Парижъ.

Искренно вамъ преданный.

М. Салтыковъ.

II.

Ницца. 12 ноября.

Очень я виновать передъ вами, многоуважаемый Николай Андресвичь, что до сихъ поръ не поблагодариль васъ за ту доброту, которую вы выказали относительно меня прошлымь лѣтомь. Я на васъ убѣдился, что на свѣтѣ не перевелись еще добрые люди, и что это хорошо. Я самъ въ этомь отношеніи нѣсколько попорчень: очень ужъ подла была среда, въ которой я провель большую часть своей жизни, и порядочно-таки она меня раздражила, но во всякомъ случаѣ человѣческая доброта въ моихъ глазахъ есть предметь достойный всличайшаго уваженія.

Названіе отсля, гдѣ жилъ Бѣлоголовый, а Салтыковъ предполагаль остановиться.
 С. И. Боткинъ, знаменитый врачъ.

з) Г. З. Елисеевъ, одинъ изъ трехъ первыхъ редакторовъ некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ».

Я болъе двухъ недъль ужъ какъ въ Ниццъ. Пробылъ въ Парижъ дольше, нежели предполагалъ, и не раскаиваюсь, потому что чувствовалъ себя почти хорошо. Почти все время проводилъ въ обществъ Лихачева¹), который былъ очень внимателенъ. Въ Ниццу прі халъ 20-го числа и, повидимому, вольно рано, потому что она и до сихъ поръ еще очень пуста. Погода здъсь стоитъ до сихъ поръ удивительная; днемъ жаритъ, и даже ночью тепло, хотя я по вечерамъ до сихъ поръ ни разу никуда не выходиль. Только вътры одолъвають, и хотя я избъгаю выходить въ это время, но даже если въ небольшой садикъ при домъ выйдешь, то чувствуешь опьяняющее дъйствіе. Вообще, говоря откровенно, я чувствую себя здёсь нёсколько хуже, нежели въ Парижъ. Серпце не совсъмъ покойно и слабость во всемъ тълъ. Но аппетить и всъ другія отправленія обыкновенныя. Руки все еще не сгибаются, но болей особенныхъ нътъ. Главное-слабость, сухость во рту и сухость кожи. Какъ будто изнываешь. Однако тоже сильная и усталость. Можеть - быть, впрочемь, что я еще не привыкъ къ здъшнему воздуху, и со временемъ слишкомъ гнетущее его дъйствіе на меня прекратится. Говорять, на всъхъ новопрівзжихъ Ницца такъ двиствуеть, но что потомъ всв остаются ею довольны. Ко мив вздить Ребергь, но особеннаго ничего не дълаеть. Я даль ему вашу исторію моей бользни и показаль рецепть arg. nitr. Онъ прописалъ мнъ нъчто подобное и сверхъ того принимать granula digitalis и совътоваль втирать вератринную мазь въ грудь со стороны сердца и вдыхать сосновую эссенцію. Это такъ много, что я, признаться, не все исполняю и, напримъръ, вдыханіе и втираніе частенько-таки позабываю. Ребергъ — человъкъ, повидимому, добросовъстный и очень мнъ нравится.

Ницца городъ неопрятный и далеко не такъ привлекательный, какъ Баденъ. Садовъ совсъмъ нътъ, а есть огороды, въ которыхъ растутъ довольно жалкія апельсинныя деревья. Знаменитая Promenade des Anglais есть довольно жалкая пародія на бульваръ. Тъни никакой нътъ, ибо жалкія пальмы, которыми онъ обсаженъ, имъютъ видъ въниковъ. Горы голыя, бълесоватыя. Море, правда, но на меня оно производитъ непріятно ослъпляющее дъйствіе. Вообще даже воздухъ здъсь до такой степени блестящъ, что я серьезно побаиваюсь за свои глаза. Говорятъ, что окрестности здъсъ хороши; я былъ до сихъ поръ только въ Villefranche, дъйствительно, видъ съ дороги (берегомъ моря) очень хорошъ, но какъто холодно великолъпенъ не такъ, какъ въ Баденъ, гдъ за каждой елью словно ъда чуется. Здъсь на этотъ счетъ очень подло, и въ гостиницахъ кормятъ скверно. Исключеніе составляетъ пансіонъ, въ которомъ я поселился и имъю очень здоровый домашній столъ.

Я поселился очень оригинально; у россійской барыни, которая 10 лѣть живеть въ Ниццѣ и точно сейчась изъ-подъ Тамбова пріѣхала. Улица, въ которой нашъ домъ, узенькая и пахнеть поносомъ. Но въ домѣ недурно, и садикъ есть. Я занимаю ту самую квартиру, которую въ прошломъ году занималъ Пеликанъ: ее указалъ мнѣ въ Парижѣ Гагъриновъ, который на-дняхъ пріѣхалъ въ Ниццу, но я его еще не видалъ и не знаю даже, гдѣ онъ

¹⁾ В. И. Лихачевъ, извъстный общественный дъятель, сотрудникъ «Въстника Европы», предсъдатель С.-Петербургскаго съъзда мировыхъ судей, поздиъе петербургскій городской голова.

живетъ, потому что у Реберга онъ еще не былъ. Я слышалъ, что Пеликанъ сюда прівдетъ въ февралв, и это было бы очень кстати. Дѣло вотъ въ чемъ: занимая квартиру, я сказалъ хозяйкъ, что пробуду по 1-е апрѣля: она и надѣется. Но очень можетъ статься, что въ февралв захочется въ Римъ или въ другое мѣсто, а оставить квартиру совѣстно. Поэтому было бы хорошо, если бъ Пеликанъ меня смѣнилъ. Ежели вы его увидите, то спросите, расположенъ ли онъ сдѣлать это, въ случать, ежели я ръшусь утъхать въ Римъ. Хозяйка будетъ рада такому жильцу, ибо она и теперь бредитъ Пеликаномъ. Въ февралв, говорятъ, здѣсь вѣтры начинаются, и мнѣ было бы небезполезно удрать.

Прошу васъ передать мой и жены моей нижайшій поклонъ многоуважаемой Софьъ Петровнъ, которая столь же добра, какъ и вы,—лучшей похвалы у меня нътъ. До свиданья въ Петербургъ.

Будьте здоровы на благо и радость націентамъ.

Вашъ М. Салтыковъ.

Адресъ: Nice, poste restane. На сколько времени Пеликанъ пріъдетъ въ Ниццу?

III.

Ницца. 8 февраля.

Считаю нелишнимъ сообщить вамъ, многоуважаемый Николай Андреевичь, о своихъ похожденіяхъ съ салиципликовой кислотой. Еще прежде, нежели я получилъ телеграмму Унковскаго 1), возвъщавшую о концъ ревматизмовъ, Ребергъ уже, съ свойственной таланту скромностью, предлагаль мнв испытать на себв это средство, о которомъ онъ вычиталъ изъ того же источника, какъ и Боткинъ. На предложение это я согласился, хотя вообще въ благоустроенныхъ обществахъ принято новыя средства испытывать на солдатахъ, а не на благородныхъ людяхъ. Но скромность истиннаго таланта имъетъ то свойство, что въ области неизвъстнаго онъ теряется и путается. Такъ было и съ нами относительно количества и въса пріемовъ. Первый разъ я принялъ 4 пріема по 1/2 грамма каждый—и никакого дъйствія не получилось. Потомъ Ребергъ усилилъ дозу, прописалъ 10 порошковъ по ½ грамма каждый и приказалъ принимать въ теченіе двухъ сутокъ. Послъ десятаго пріема получился слъдующій результать: ревматизмъ тотъ же и большой поносъ. Наконецъ, получивъ изъ Петербурга нъсколько настоятельныхъ писемъ съ описаніемъ чудесъ, я просилъ Реберга, чтобъ онъ взаправду испробовалъ на мнъ дъйствіе салицияликовой кислоты. Вслъдствіе этого, третьяго дня я приняль въ теченіе 7 часовъ 7 пріемовъ по грамму каждый. Послъ 5-го пріема появился въ ушахъ звонъ и довольно обильный поть, въ особенности въ головъ подъ волосами. Послъ 7-го пріема я оглохъ совсѣмъ и прекратилъ дальнѣйшіе пріемы. Цълыя сутки я быль глухь, но вчера къ вечеру слухъ уже началь возстанавливаться. Что касается до ревматизма, то хотя онъ и не оставилъ меня вполнъ, но миъ значительно легче. Думаю и еще разъ попробовать, когда погода будетъ лучше. А то, представьте

А. М. Унковскій, изв'єстный общественный д'єятель, тверской губерискій предводитель дворянства въ эпоху освобожденія крестьянъ.

себъ, здъсь съ 4-го числа такая стужа, что по ночамъ вода въ бас-

сейнахъ мерзнетъ. Забылъ сказать: вчера цѣлый день поносъ.

Впрочемъ, по почерку моему вы можете судить, что руки мои еще въ очень плохомъ положеніи. Это-то мнѣ и досадно. Вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я ничего не пишу, кромѣ короткихъ писемъ, а между тѣмъ теперь подписка идетъ и самое настоящее время писать. Ну, да невозможнаго и требовать нельзя. Все въ концахъ пальцевъ припухлость, да и въ сочлененіи пальцевъ съ рукою видимая на глазъ опухоль. Рука устаетъ очень скоро.

Пью по совъту вашему молоко. Теперь уже въ ходу 1 литръ или 4 стакана въ день. Наружный мой видъ хорошъ, такъ что,

по лицу судя, находять совсёмь здоровымь.

Ребергъ говоритъ, что, принимая кислоту салиц., можно не

стъснять себя въ пищъ. Такъ ли это?

Прощайте, будьте здоровы и передайте нашъ искренно-дружескій поклонъ многоуважаемой Софьъ Петровнъ.

Искренно преданный вамъ

М. Салтыковъ.

Отъ главнаго протоіерея «Отеч. Запис.» Елисеева никакихъ извъстій не имъю.

IV.

Ницца. 22 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевичъ!

Начну съ погоды, ибо въ природъ дълается что-то необыкновенное. Съ недѣлю тому назадъ началась здѣсь стужа, вчера и третьяго дня шла крупа, а сегодня идетъ снѣгъ съ дождемъ со-вершенно такъ, какъ въ Петербургѣ въ тотъ день, какъ я выѣєжалъ оттуда. Я покончилъ съ Ребергомъ, впрочемъ, больше го недоразумънію. Слыша безпрерывно о Чернышевъ и о чудесахъ, имъ творимыхъ, и не видя никакого облегченія своей бользни, которая въ послъднее время до того усилилась, что кашель мой собираль сосъдей, и сверхъ того, до такой степени страдала поясница, что я не могъ ходить иначе, какъ съ превеликимъ муче-ніемъ, я ръшился пригласить Чернышева, тъмъ больше, что онъ бываеть въ нашемъ пансіонъ у одной больной. Въ тотъ же день Ребергъ, узнавъ отъ жены, что былъ у меня Чернышевъ, высказался такъ, что нога его не будеть въ домъ, гдъ былъ Чернышевъ. Таковы здъшніе жестокіе медицинскіе нравы. Поэтому я теперь въ опекъ у Чернышева. Чернышевъ лъчитъ съ Божьею помощью, и больше надъется на Бога, чъмъ на помощь медицины. Я тоже началь уповать на Бога. Сверхъ того, онъ имъетъ такой видъ, что хотя ходитъ въ обыкновенномъ штатскомъ платъъ, но мнъ все кажется, что онъ въ вицмундиръ и занимаетъ должность акушера въ Ниццской врачебной управѣ. Это меня веселить и переносить въ Россію, гдъ я видаль-таки на своемъ въку членовъ врачебныхъ управъ, върующихъ въ Бога и въ гуммозный пластырь, который, какъ извъстно, тоже съ Божьею помощью выдуманъ. Чернышевъ предписалъ мнъ слъдующее: вдыхать каждый день по два фута кислороду, одинъ футъ утромъ и другой вечеромъ, пить зельтерскую воду съ молокомъ по четыре стакана въ день, не употреблять за объдомъ и завтракомъ здъшней воды, а пить Виши, въ качествѣ мочегоннаго (можно и съ виномъ). Для спины прописаль мит втираніе изъ вератрина, хлороформа и оливковаго масла. Кислородъ я вдыхаю уже 13-ый день, и прочее все исполняю. Кашель у меня уменьшился настолько, что я страдаю отъ него лишь утромъ и отчасти вечеромъ, ложась спать (прежде я круглый день неистово кашляль). Спина все еще болить, хотя лучше. Опухоли въ сочлененіяхъ руки дѣлаются меньше. Но сердце какъ будто пошаливаетъ. Во всякомъ случав, я не могу пожаловаться и буду держаться Чернышева, покуда сижу въ Ниццъ. Я хотъть было ъхать въ Парижъ 1 апръля, но теперь вижу, что это суетная мечта. Назначиль срокъ 16 числа въ день Пасхи, но удастся ли — не знаю. Говорять, въ Парижъ такое отвратительное время стоить, какого никто не запомнить. И Чернышевъ говоритъ, что ежели Богу угодно, такъ и въ маф такая же погода будетъ. Что тогда дълать? Мнъ тошно въ этомъ домъ терпимости, и всъ мои мечты теперь уже обращены къ Россіи, хоть и тамъ не Богъ знаетъ что ждеть. Но моментъ возвращенія для меня дорогъ. Черезъ пять минутъ, знаю, все пойдетъ попрежнему. Но въчное празднованіе, царствующее въ такъ называемыхъ stations de santé, положительно раздражаетъ нервы. Вы не испытывали этого, а я цѣлый годъ живу такъ, что предъ глазами моими происходить в чный храмовой праздникь, глупый, напоминающій нел'впую оргію. Воть это-то самое я и хот'вль изобразить въ «Культурныхъ людяхъ», и изображу, ежели Богу угодно будеть. А теперь не въ силахъ: мысли все мрачныя, точно меня обижають до крови. Подумайте: круглый годь не имъть своего угла и жить на юру — это кто перенесеть?

Пожалуйста, засвидѣтельствуйте отъ меня и отъ жены почтеніе многоуважаемой Софьѣ Петровнѣ и поклонитесь Елисеевымъ.

Впрочемъ, я Григорію Захаровичу недавно писалъ.

Весь вашъ

М. Салпыковъ.

V.

Парижъ. 16/4 мая.

Судя по письму вашему, многоуважаемый Николай Андреевичъ, я не предполагаль съ вами до осени встрѣтиться, такъ какъ вы писали, что поѣдете въ Лугано, слѣдовательно, на Вѣну. Но Гр. Зах. 1) пишетъ, что вы поѣдете на Берлинъ и будете тамъ между 18 и 20 ст. ст. Я, съ своей стороны, ѣду завтра въ Баденъ-Баденъ и былъ бы крайне вамъ обязанъ, если бы вы туда меня хорошенько увѣдомили, какого числа вы будете въ Берлинѣ (теперь ужъ вы, полагаю, можете опредѣлить), и гдѣ я могу васъ тамъ найти. Я непремѣнно тамъ буду въ день вашего пріѣзда. Парижъ меня достаточно-таки изнурилъ. Погода до сихъ поръ стояла гадкая и только теперь начинаетъ поправляться. Я простудился и очень кашляю, страдая во время принадковъ кашля ужаснѣйшею одышкой. Думаю, что нѣсколько дней отдыха въ Баденѣ поправятъ меня.

(Я встрътилъ здъсь у Тургенева одного доктора изъ Кобленца, Ретерсгаузера, который слегка оскультировалъ меня и нашелъ во мнъ четыре смертельныхъ болъзни: болъзнь правой почки, болъзнь лъвой стороны печени, страданіе сердца и общую анемію тъла. Вотъ увидимся въ Берлинъ, посмотрите, сколько въ этомъ есть правды. Одно скажу: астма страшно меня мучаетъ, и теперь, когда умеръ министръ Рикаръ и когда всякому приходитъ на умъ эта смерть, то и мнъ мнится какъ-то, не издохну ли и я такимъ же образомъ, то-есть задушенный 1).

До свиданья. Поклонитесь отъ насъ многоуважаемой Софьъ

Петровив. Я же остаюсь навсегда вашъ

М. Салтыковъ.

Свиданіе друзей въ Берлинъ, какъ и болъе ранній проектъ путешествія въ Римъ, не состоялось. Салтыковъ такъ спъшилъ помой, что засталь Бълоголоваго еще въ Петербургъ. Можно отмътить, что описанію Ниццы и своего тамъ тоскливаго житья на положеніи больного Салтыковъ посвятилъ яркую страницу въ «Кругломъ годъ» (1879 г.). «Помню,—пишетъ онъ,—нъсколько дътъ назапъ судьба заперла меня на цълыхъ полгода въ Ниццъ. Русскихъ въ этомъ городъ масса (что въ значительной степени обусловливается близостью Монте-Карло съ его рулеткой), и въ этомъ множеств' набралось челов' в съ десятокъ знакомыхъ, для которыхъ поъздки въ Монте-Карло представлялись не съ руки. Въ томъ числъ были: два земскихъ дъятеля, одинъ предводитель дворянства, одинъ непомнящій родства экономисть, одинь задыхающійся прокуроръ, одинъ малокровный штабсъ-ротмистръ, одинъ «старый дипломатъ» (съ совершенно голою, точно дътскою, головой), два государственныхъ младенца (послъдніе шестеро съ сохраненіемъ содержанія) и я. Всъ мы безъ отдыха кашляли, пили микстуры, ъли пилюли и претерпъвали адскую скуку. Кругомъ-блескъ и прозрачность: Средиземное море плещеть, померанцы благоухають, пальмы, олеандры, лавровыя деревья чарують взоры..... а мы сидимь, кашляемь и тоскуемь. Нъть у насъ ни собственнаго дъла, ни собственной жизни. Министерство Бюффе-Брольи падаеть, уступая министерству Бюффе-Дюфора, а намъ все равно. Гамбетта произносить ръчь за ръчью, а у насъ скулы болять отъ зъвоты. Префекть, мосье Декре балъ даетъ-насъ не приглашаетъ, и мы не печалимся этимъ, хотя понимаемъ, что въ качествъ «знатныхъ иностранцевъ» имъемъ право предъявить къ мосье Декре претензію. Ни намъ ни до кого дъла нътъ, ни до насъ никому дъла нътъ. Живемъ, какъ жили бы у себя въ Замосквор вчь в, и не понимаемъ, что тутъ такого, въ этой «заграницѣ», привлекательнаго. Развѣ вотъ услышимъ, что г. фонъ-Дервизъ столько-то десятковъ тысячъ пожертвовалъ въ пользу бъдныхъ города Ниццы и былъ по этому случаю почтенъ отъ мосье Декре визитомъ-ну, на минутку какъ будто оживимся, молвимъ: «вотъ истинно-русскій патріотъ, какъ высоко держитъ знамя Россіи!» И затъмъ-опять ничего, даже родная Русь-и та представляется воображенію, словно окутанная туманомъ, и ничъмъ не напоминаеть о себъ, кромъ замоскворъцкой скуки...»

¹⁾ Строки, заключенныя здѣсь въ скобки, были раньше напечатаны въ воспоминаніяхъ Н. А. Бѣлоголоваго.

Герои разсказа Щедрина для развлеченія отъ ниццской скуки образовали «комиссію объ искорененіи». Чего?.. Да такъ вообще всего и въ частности литературы. Этотъ послѣдній проектъ побуждаєтъ писателя произнести пламенную рѣчь, и для нашего времени ни чуть не устарѣвшую, на тему: scripta manent, semper manent, in saecula saeculorum, несмотря ни на какіе планы и ухищренія «комиссій объ искорененіи». «Да,—восклицалъ Щедринъ,—да, господа, литература не умретъ! не умретъ во вѣки-вѣковъ! А посему, какъ бы намъ съ нашей комиссіей не осрамиться!..» Но комиссія, конечно, приняла мнѣніе «штабсъ-ротмистра и прокурора» и единогласно постановила: «одну часть произведеній литературы сжечь рукою палача, а другую потопить въ рѣкъ, литераторовъ же водворить въ уѣздный городъ Мезень...»

Фантастическая комиссія «объ искорененіи» такъ живо напоминаетъ русскому читателю совсѣмъ не фантастическія комиссіи, многократно рѣшавшія судьбы литературы въ томъ же смыслѣ (только засѣдали онѣ не у Средиземнаго моря, а на берегахъ Невы), что невольно проникаешься вѣрой въ дѣйствительность этой сатирической картины. Но въ дѣйствительности русскіе «прокуроры» и «дипломаты» спасались въ Ниццѣ отъ «адской скуки» болѣе безобидными занятіями. Много лѣтъ спустя послѣ своего ниццскаго плѣна, въ 1884 году, Салтыковъ самъ вспоминаетъ въ письмѣ къ Бѣлоголовому (отъ 5-го апрѣля) объ одномъ изъ развлеченій нашихъ скучающихъ «знатныхъ иностранцевъ». Приведемъ здѣсь этотъ интересный отрывокъ изъ не появлявшагося еще въ печати письма

сатирика:

«Поздравляю васъ съ Пасхой, которую вы встрѣтите in partibus infidelium среди зелени и цвѣтовъ. Я помню, какъ въ 1876 году генералы Шаблыкинъ, Сенявинъ, Бутовскій и Батюшковъ хоронили въ Ниццѣ своего Бога, а русскія кокотки усыпали цвѣтами крестный путь. Помню, какъ André, homme de peine въ пансіонѣ г-жи Daniel, прибѣжалъ въ субботу и объявилъ, что се matin les russes ont enterré leur Dieu, mais ne craigner rien: pour nuit il ressuscitera! Вѣроятно, это и теперь происходитъ тѣмъ же порядкомъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, André. А у насъ здѣсь, послѣ двухъ недѣль изряднаго тепла, опять снѣгъ, а сегодня пять градусовъ мороза. Какой съ Божьей помощью оборотъ!..»

Въ то время, когда Сантыковъ воспоминалъ объ этомъ развлечении скучающихъ въ цвътущей Ниццъ генераловъ, въ Петербургъ, засынанномъ снъгомъ, шла особенно усердная работа по части «искорененія» литературы, и въ слъдующемъ же письмъ (отъ 22 апръля 1884 г.) М. Е. извъстилъ своего друга о томъ, что «Оте-

чественныя Записки» приказали долго жить...

Владимиръ Розенбергъ.

Новые матеріалы о Бакунинъ и Герценъ.

Къ біографіи М. А. Бакунина 1).

I. Мнтьніе Государственнаго Совъта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
«Быть по сему».
Въ С.-Петербургъ. 12 декабря 1844 года.

Государственный Совъть, въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дъль, разсмотръвъ всеподданнъйшій докладъ Правительствующаго Сената 5 Департамента, объ отставкъ прапорщика Михаилъ Бакунинъ, и признавая его, по обстоятельствамъ дъла, виновнымъ въ преступныхъ за границею сношеніяхъ съ обществомъ злонамъренныхъ людей и въ ослушаніи вызову Правительства и по Высочайшей волъ о возвращеніи въ Россію, —мнъніемъ положилъ: подсудимаго сего, согласно съ приговоромъ Сената, лишивъ чина и дворянства, сослать, въ случать явки въ Россію, въ Сибирь въ каторжную работу, а за тъмъ и въ остальной части дъла, объ имъніи его, утвердить заключеніе Правительствующаго Сената.

Предсъдатель Государственнаго Совъта, князь Н. Васильчиковъ. II. Краткая записка ко всеподданнъйшему докладу Правительствующаго Сената 5-го Департамента, 1-го отдъленія объ отставномъ прапорщикъ Бакунинъ, преданномъ суду по Высочайшему повельнію за невозвращеніе изъ-за границы вопреки Высочайшей воли.

Въ октябръ 1843 года, Генералъ-Адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ получено было свъдъніе, что отправившійся въ 1840 году по паснорту за границу сынъ помъщика Тверской губерніи отставной прапорщикъ, Михайла Бакунинъ, находясь въ Цюрихъ, входилъ въ сношеніе съ обществомъ злонамъренныхъ людей, и по принятіи Швейцарскимъ правительствомъ къ обнаруженію замысловъ сего общества, скрылся изъ Цюриха и переъзжалъ изъ мъста въ

¹⁾ Какъ извъстно, за отказъ возвратиться въ Россію по требованію правительства Бакунинъ былъ приговоренъ въ 1844 году заочно къ ссылкъ въ каторжныя работы. Помъщаемъ не бывшіе еще въ печати документы, къ этому дълу относящіеся. Они, помимо пролитія свъта на самое «дъло» и способы, которыми оно велось, имъютъ большую цънность еще и въ томъ отношеніи, что содержатъ въ себъ выписку «изъ формулярнаго списка подсудимаго» и черезъ то устанавливаются точнымь образомъ и нъкоторыя даты другихъ фактовъ, имъвшихъ мъсто въ жизни Бакунина до 1844 года.

мъсто подъ разными именами; Графъ Бенкендорфъ, обязавъ отца упомянутаго офицера, отставного-коллежскаго совътника Бакунина, чтобы онъ потребовалъ сына своего изъ-за границы и ни подъ какимъ предлогомъ не посылалъ къ нему денегъ, доколъ онъ не возвратится въ Россію, отношеніемъ къ Вице-Канцлеру графу Нессельроде просилъ объ объявленіи чрезъ наше посольство и миссію прапорщику Бакунину, чтобы онъ немедленно возвращался въ Россію.

На это Вице-Канцлеръ увѣдомилъ Графа Бенкендорфа, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ Швейцаріи, Коллежскій Совѣтникъ Струве, лично объявилъ въ Бернѣ 25 января означенное приказаніе прапорщику Бакунину: но сей послѣдній, хотя и обѣщалъ представить паспортъ свой для промѣна онаго другимъ на возвращеніе въ Россію; но не исполнивъ сего, уѣхалъ изъ Берна въ Германію, и письмомъ увѣдомилъ Струве, что опъ, Бакунинъ, по важнымъ для него дѣламъ необходимо долженъ отправиться въ Лондонъ.

Графъ Нессельроде въ слѣдствіе сего сообщилъ посольству нашему въ Лондонѣ, чтобы вразумить Бакунина, какой отвѣтственности онъ подвергаетъ себя неисполненіемъ требованій Правительства, и подтвердить приказаніе возвратиться въ Россію; послѣ чего доставилъ къ графу новое свѣдѣніе, полученное изъ Цюриха, что Бакунинъ во время пребыванія въ Швейцаріи былъ въ связяхъ со всѣми главными лицами, злоумышляющими объ измѣненіи настоя-

щаго порядка вещей въ Государствахъ.

Объ обстоятельствахъ сихъ Графъ Бенкендорфъ всеподданнъйше доводитъ до свъдънія Государя Императора и какъ, съ одной стороны, прапорщикъ Бакунинъ упорствуетъ въ исполненіи приказаній правительства, а съ другой—офицеръ сей обнаружилъ весьма вредныя качества, то Его Величество Высочайше повелъть соизволилъ: поступить съ Бакунинымъ такимъ же образомъ, какъ въ недавнемъ времени повельно поступить съ дворяниномъ Головинымъ, т.-е. подвергнуть его отвътственности по силъ законовъ.

Изь формулярнаго списка подсудимаго видно, что онъ 28 лѣтъ, изъ дворянъ, за родителями его 500 душъ крестьянъ въ Тверской губерніи, вступилъ въ службу фейерверкеромъ 1829 г. декабря « »¹) въ артиплерійское училище, переименованъ въ юнкера 1830 апръля 30, въ ономъ же училищъ, по Высочайшему приказу произведенъ по экзамену прапорщикомъ 1833 января 22, Высочайшимъ приказомъ 18 декабря 1835 года уволенъ отъ службы за болъзнію.

С.-Петербургскій Надворный Уголовный Судъ мивніемъ 27 апрвля и Палата Уголовнаго Суда рвшеніемъ 13-го іюня, 1844 года, присудила Бакунина за вышеуномянутое преступленіе, кълишенію всвух правъ состоянія и ссылкв въ Сибирь въ каторжную работу съ твмъ, чтобы имвніе его было взято въ секвестръ.

Съ ръшеніемъ симъ, пропущеннымъ Губернскимъ Прокуроромъ безъ протеста, согласился и С.-Петербургскій Гражданскій Губернаторъ, представившій дъло это въ Правительствующій Се-

натъ 21 іюля.

Правительствующій Сенать обращаль оные при указѣ отъ 14-го августа въ Уголовную Палату для учиненія подсудимому вновь вызова къ суду; по 16-го октября объявлено было Исправляющимъ должность Товарища Министра Юстиціи Высочайшее по-

¹⁾ Пропускъ въ подлинникъ.

велѣніе о томъ, что Государь Императоръ, принимая въ соображеніе, что послѣ безуспѣшности сдѣланныхъ Бакунину Высочайшимъ именемъ письменныхъ вызововъ черезъ посредство посольства и словесныхъ внушеній объ отвѣтственности, которой онъ долженъ подвергнуться за преслушаніе, новый вызовъ послужиль бы токмо къ напрасному промедленію дѣла, Высочайше повелѣть изволилъ: нынѣ же приступить къ разсмотрѣнію дѣла о Бакунинѣ для поступленія съ виновнымъ по законамъ, не дѣлая новыхъ вызововъ, а Правительствующему Сенату замѣтить неосновательность его дѣйствій по сему дѣлу, въ которомъ, если бы было сомнѣніе, то слѣдовало испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе.

По выслушаніи сего предложенія 18 октября, Сенатъ принялъ Высочайшее замѣчаніе къ исполненію въ подобныхъ случаяхъ, паче чаянія впередъ встрѣчаться могущихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ 19-го числа С.-Петербургской Уголовной Палатѣ о немедленномъ представленіи дѣла о Бакунинѣ его разсмотрѣніе, прекративъ

всякое по оному производство.

А 26 октября Уголовная Палата, испробовавъ настоящее дѣло изъ Надворнаго Уголовнаго Суда, представила оное въ Правитель-

ствующій Сенатъ.

Правительствующій Сенать, разсмотрѣвь это дѣло 26 октября, рѣшительнымъ опредѣленіемъ заключилъ: отставного прапорщика, Михайла Александрова Бакунина, согласно съ рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ первой и второй инстанцій, лишивъ чина, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, въ случаѣ явки въ Россію, сослать въ Сибирь въ каторжную работу; а имѣніе его, какое окажется гдѣ-либо собственно ему принадлежащимъ, взять на основаніи 271 ст. 15 тома Св. зак. Угол., теперь же въ секвестръ.

О таковомъ постановленіи Сената по силѣ 1308 ст. 15 т. поднести Его Императорскому Величеству всеподданнъйшій докладъ

и просить въ разръшении Высочайшаго указа.

Исправляющій должность Оберъ-Секретаря (подпись неразборчиво). Въ должности Секретаря, Зыбинъ.

Сообщилъ В. Богучарскій.

М. А. Бакунинъ.

I.

Въ Дрезденъ, въ 1854 году, была издана книга, не поступившая въ продажу и составляющая теперь величайшую библіографическую ръдкость; загнавіе ен въ переводъ гласить: «Указатель для германской политической полиціи на время ото 1 января 1848 г. до сихъ поръ. Руководство для всякаго нъмецкаго полицейскаго чиновника. Издаль — ръ» (Anzeiger für die politische Polizei Deutschlands auf die Zeit vom 1 Januar 1848 bis zur Gegenwart. Ein Handbuch für jeden deutschen Polizeibeamten. Herausgegeben von — г). Книга носитъ краспоръчивый эпиграфъ: Facta loquuntur. Имя Бакунина повторяется въ ней четыре раза:

повторяется въ ней четыре раза:
1) Стр. 69. *Бакунинъ* Михаилъ, вмѣстѣ съ Маццини и Руге составляетъ революціонный тріумвиратъ нашего времени. Родился

въ Торжкъ (Torschak) въ Россіи, былъ императорскимъ (k. k.) русскимъ артиллерійскимъ офицеромъ, позднѣе литераторомъ; соціалисть, товарищь Руге, Тодта, Кёхли; какъ личность въ высокой степени опасная политически, быль изгнань изъ Франціи, но, тъмъ не менъе, участвовалъ въ парижской февральской революціи, вступилъ въ союзъ съ Ледрю-Ролленомъ, писалъ возмутительныя воззванія къ русскимъ и австрійцамъ, сдружился въ Берлинъ съ Гексамеромъ, Рейхенбахомъ, Вальденомъ, д'Эстеромъ и Якоби, въ Саксоніи съ Шрекомъ, Рёкелемъ и литераторомъ Виттихомъ (теперь политическій эмигрантъ во Франціи), демократизироваль и возбуждалъ къ возстанію, въ союзъ съ польскими эмигрантами Гельтманомъ и Хршановскимъ, всю Саксонію, руководилъ дрезденскимъ возстаніемъ и дрезденскими поджогами, былъ арестованъ вмъстъ съ Гейбнеромъ, приговоренъ къ смертной казни и помилованъ къ пожизненному заключенію, и всл'єдь за тымь выдань Австріи, а ею-Россіи.

2) Стр. 130. Бакунинъ Михаилъ, русскій эмигрантъ. Необычайно одаренный духовно и физически, онъ былъ тѣмъ болѣе опаснымъ противникомъ монархіи, что не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли — введенія республики. Онъ руководилъ въ особенности пражскимъ и дрезденскимъ возстаніями и по подавленіи послѣдняго, бѣжавъ въ Хемницъ, былъ на дорогѣ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Кёнигштейнъ, откуда выданъ Австріи.

3) Тамъ же. Головинъ и Тургеневъ, русскіе эмигранты, за политическія и государственныя преступленія приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ, въ апрълъ 1848 года жили вмъстъ съ Бакунинымъ въ Берлинъ и состоятъ въ сильнъйшемъ подозръніи участія въ прусско-польскомъ возстаніи и вънской революціи.

4) Стр. 149. Бакунинъ и Либельтъ вождями революціи были избраны, на случай успѣха панславистскаго заговора 1848 года, въ

эмиссары послъдняго для Богеміи, Польши и Венгріи.

2.

Письмо неизвъстнаго къ матери А. И. Герцена изъ Праги, гдъ тогда, въ цъпяхъ, содержался Бакунинъ. Адресъ: А M-me Louise Haag, Maison Mallard de la mer, à Nizze. Подлинникъ по-нъмецки.

Милостивая Государыня!

Ваше почтенное письмо изъ Ниццы отъ 26 ноября 1850 г. съ приложенісмъ векселя на имя банкирскаго дома Леммель на триста франц. франковъ я исправно получилъ; по размѣнѣ я получилъ за вексель сто пятьдесятъ гульденовъ, каковая сумма будетъ употреблена въ пользу Бакунина согласно Вашему и его желанію. Онъ просилъ меня передать Вамъ его благодарность. При этомъ могу сообщить Вамъ, что физически онъ чувствуетъ себя прекрасно, вобще же его состояніе настолько хорошо, насколько это возможно въ его положеніи, которое по возможности, поскольку лишь это допустимо въ предѣлахъ закона, для него облегчается. Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга (подпись не разборчива).

Прага, 15 декабря 1850 г.

3.

Въ альбомѣ автографовъ, принадлежавшемъ А. И. Герцену, наклеена очень измятая, потомъ разглаженная, узкая полоска бумаги— записочка Бакунина, очевидно съ оказіей пересланная изъ Сибири; вверху почеркомъ Герцена написано: 1858.

«Я живъ, я здоровъ, я крѣпокъ, я женюсь, я счастливъ, я Васъ люблю и помню, и Вамъ равно какъ и себѣ остаюсь неизмѣн-

но въренъ —

Et si quelqu'un soupire, c'est moi! c'est moi! c'est moi!

4.

Изъ воспоминаній Карла Грюна о Бакунинѣ, напечатанныхъ въ Die Wage, herausg. von Guido Weiss, 18 Aug. 1876, 4. Jahrg. № 32.

«Я познакомился съ Михаиломъ Бакунинымъ въ серединѣ 40-хъ годовъ въ Парижѣ. Тогда всѣ стремленія были однородны, всѣ національности уравнены; задача состояла въ томъ, чтобы разрушить старое, и на его мѣсто водворить нѣчто новое, великое — точно не знали, что именно. Русскіе радикалы, смѣлостью превосходившіе всѣхъ другихъ, импонировали особенно сынамъ великаго царства середины. Если эти русскіе шли такъ далеко, чего же не могли ждать мы, остальные!

Однако наши личныя отношенія были весьма ограничены, прежде всего — всл'єдствіе полной противоположности нашего образа жизни. Бакунинъ и прочіе русскіе — изъ нихъ я припоминаю еще одного графа Толстого, Герцена же я никогда не видалъ, онъ жилъ тогда, кажется, въ Женев'є, —не занимались въ сущности нич'ємъ, кром'є чтенія газетъ; они превращали ночь въ день и день въ ночь. Они вставали не раньше полудня, завтракали, въ 6 часовъ об'єдали, и до 3, 4, даже 5 часовъ утра просиживали въ каф'є, потомъ отправлялись спать, и на завтра забубенный кругъ начинался сызнова. Притомъ въ Бакунин'є тогда оставался еще сл'єдъ изящной барственности, всл'єдствіе чего онъ, повидимому, не понималъ, что челов'єкъ долженъ жить трудами рукъ своихъ, а думалъ, наоборотъ, что «жить» есть н'єчто такое, что разум'єтся само собою.

Помъстья Бакунина въ Россіи были конфискованы, такъ какъ онъ жилъ за границею безъ разръшенія и вопреки приказу императора Николая. Но, въроятно, его родные находили пути доставлять ему необходимыя средства, потому что онъ рвалъ больше перча-

токъ, чъмъ мнъ обходился весь день.

Во второй разъ я встрътился съ нимъ двадцать лътъ спустя на берегахъ Роны, въ прекрасной Женевъ, на конгрессъ Лиги мира и свободы, въ 1867 году. Бакунинъ былъ все тотъ же, по крайней мъръ, внутренно; внъшне онъ посъдълъ, одежда на немъ была въ безпорядкъ, высокій станъ сломленъ, ротъ безъ зубовъ, ръчь большей частью непонятна. Но въ остальномъ онъ не измънился, больше того — сталъ еще сердечнъе, благодушнъе, внимательнъе.

Онъ показалъ мнѣ свою маленькую жену, свою «спасительницу». Я съ трудомъ сохранилъ серьезность. Эта маленькая, худенькая полька рядомъ съ русскимъ богатыремъ едва доставала ему до груди. Точно пони рядомъ со слономъ въ циркѣ. Онъ отправилъ жену

съ какимъ-то молодымъ русскимъ въ театръ, а для насъ заказалъ настоящаго китайскаго чая съ настоящимъ коньякомъ, и мы много и чолго болтали.

Онъ скупо удовлетворилъ мое любопытство относительно его романтическаго бътства чрезъ три части свъта, и когда я просто замѣтилъ: «Ты бы это описалъ когда-нибудь», онъ отвѣтилъ серьезно и сухо (мы говорили, ради него, по-французски). «Il faudrait parler de moi-même». Этого онъ не хотълъ, его личное «я» не имъло для него значенія. Потомъ онъ взялъ меня за руку: «Все-таки хорошо, что мы снова увидёлись и въ принципѣ такъ единодушны, атеизмъ, коммунизмъ...» Третій «измъ» я забылъ, но это былъ не нигилизмъ, а нъчто въ родъ «агамизма», или что-то въ этомъ родъ по смыслу.

Насколько мнѣ позволяютъ судить мои свѣдѣнія и мое знаніе людей, Бакунинъ былъ честный человъкъ. Онъ пострадалъ за свои идеи, жестоко поплатился за 48 и 49-й годы, и какъ бы безумны ни казались его убъжденія, въ немъ всегда было что-то здоровое, даже сердечное. Йусть его голова не разъ срывалась съ цъпи, но его чувствованія возбуждали симпатію. Никакой задней мысли, ничего желчнаго, никакого коварства, маніи величія, ни грана тщеславія въ немъ не было. Онъ уклонялся отъ славы, насмѣхался надъ извѣстностью. Онъ быль и остался веселымъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ страданій, которыя десять разъ сокрушили бы всякаго другого; только онъ, гигантъ, стряхалъ съ себя бремя рока и каждый разъ снова являлъ изумленнымъ друзьямъ улыбающееся лицо на богатырскомъ торсъ».

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Иностранцы о Герценъ.

1.

Арнольдъ Руге, изъ Парижа, 6 іюня 1849 г.¹):

«Я познакомился еще здъсь съ русскимъ Герценомъ, котораго, впрочемъ, скорже можно назвать немцемъ, чемъ русскимъ, съ темъ отличіемъ, что онъ обладаетъ талантомъ мечтательности (Schmärmen), какого я еще не встръчалъ. Съ тъхъ поръ, какъ мы знакомы, о снъ ночью нечего и думать. «Теперь революція, скоро она пройдетъ, - говоритъ онъ, - не будемъ расходиться по домамъ»; смотришь — по меньшей мъръ уже 5 или 6 час. утра. Я ужасаюсь тому, что могъ даже только три дня выдержать такой образъ жизни, но онъ не слушаетъ никакихъ доводовъ; и правда, нужно много досуга, чтобы узнать все, что произошло здёсь съ 1848 года, и чтобы притомъ дать время Герцену для неистощимыхъ изліяній его юмора. Я очень полюбилъ этихъ людей и желаю только, чтобы свътъ не сталъ слишкомъ филистерскимъ, потому что тогда, боюсь, снова водворится фатовство (Blasirtheit)».

¹⁾ Arnold Ruge's Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1826-1880. Herausgegeben von Paul Nerrlich, Berlin, 1886. Bd. II.

Онъ же, изъ Брайтона, 9 января 1862 г. ¹):

«Русская революція только еще усугубляєть безстыдство тѣкъ русскихъ, которые держать эту революцію на откупѣ, какъ Герценъ и Бакунинъ, и я готовлюсь услышать самыя надменныя рѣчи о «молодости Россіи» и «отжившей гнилой Германіи».

2.

Письмо Фр. Боденштедта къ женъ изъ Лондона, 9 мая 1859 г.²). «Вчеращній день я употребиль на визиты къ Герцену и Льюису. Первый живеть приблизительно въ полутора нъмецкихъ миляхъ отъ меня. Ъхать приходится черезъ самыя оживленныя части города; послъ часовой ъзды попадаешь въ мъстность, носящую преимущественно сельскій характеръ, гдъ маленькіе дома и садики перемежаются красивыми парками и виллами (безъ исключенія каменными). Въ одной изъ красивъйшихъ виллъ живетъ Герценъ; домъ расположенъ среди прелестнаго, осъненнаго величественными купами деревьевъ парка, почему и носитъ названіе Parkhouse. За все это жилище, съ полной богатой обстановкой, съ паркомъ и пр., Герценъ платитъ 300 ф. ст. въ годъ (нѣсколько больше двухъ тысячъ талеровъ), и весь его обиходъ и образъ жизни заставляютъ думать, что онъ спасъ все-таки значительную часть своего состоянія. Я прівхаль къ нему около 2 час. и просидвив приблизительно до 4-хъ, такъ что какъ разъ еще поспълъ къ Льюисамъ3), которые ждали меня въ 5 час къ объду и которые живуть далеко внъ Лондона. Герценъ изъявилъ большую радость видьть меня, и я долженъ признаться, что и мнъ было весьма интересно познакомиться съ этимъ во всъхъ отношеніяхъ очень замъчательнымъ человъкомъ, столь же остроумнымъ въ устной бесъдъ, какъ и въ своихъ писаніяхъ. Это неистощимое остроуміе — опасная вещь для политика; ему въ значительной мъръ и надо приписать политическую сбивчивость (Копfusion) Герцена; удачной остроть онь готовь пожертвовать всей всемірной исторіей. Онъ хочеть преобразовать мірь, и не умъеть держать въ порядкъ собственный домъ, въ которомъ царитъ изрядный кавардакъ. Многочисленная прислуга безнаказанно тиранизируетъ и обманываетъ его, такъ что въ Лондонъ разсказываютъ объ этомъ чудовищныя исторіи. При этомъ онъ, несмотря на ъдкую остроту своего ума, — само благодушіе, гостепріименъ, какъ русскіе въ старину (у него всегда открытый столъ), и любезнъйшій человъкъ въ обхождении. Что касается его наружности, то не знаю, съ къмъ бы изъ нашихъ знакомыхъ сравнить его, чтобы дать тебъ представленіе о немъ. Онъ-широкоплечій, плотный, значительная голова съ могучимъ лбомъ, острыми глазами и энергическимъ выраженіемъ лица. Волосы на головъ и бородъ были черными, но теперь уже съ сильной просъдью, хотя ему всего сорокъ шесть лътъ. Его дъти, въ томъ числѣ красавица-дѣвочка 14 лѣтъ, играли съ другими дътьми на травъ подъ цвътущими каштанами, между тъмъ какъ я съ нимъ и живущимъ у него русскимъ поэтомъ Огаревымъ ходили взадъ и впередъ по парку».

¹⁾ Тамъ же.

 ²) Westermann's Ieustr. Deutsche Monatshefte, Bd. 75, 1894 г., стр. 123.
 ³) Т.-е. Льюисъ и его жена, Джорджъ Элліотъ.

Изъ неизданнаго письма Карла Фогта къ Герцену,

23 іюня 1856 г. 1).

«Я проглотиль вашу книгу²). Великолѣпень особенно докторъ еъ его достаточными познаніями по анатоміи.

Прочитанное еще больше укрѣнило меня въ моихъ взглядахъ насчетъ Саши 3). Всѣ эти люди, такъ жизненно срисованные вами,— вѣдь это скорѣе тѣни, нежели живые люди. Всѣ они суетятся безъ цѣли, всѣ стараются чѣмъ-нибудь наполнить пустоту своего существованія — одинъ химіей, другой — кутежами, третій внѣшними формами, по каждый дѣлаетъ это единственно изъ скуки, отъ бездѣлья, велѣдетвіе инстинктивной потребности чѣмъ бы то ни было убить время. Никто не желастъ примѣнятъ къ жизни свои знанія; всякій доволенъ, если ему удалось для себя одного обмануть часы и календарь. Молодые люди занимаются философісй, теоретически изслѣдуютъ вопросы свободы, твердо зная, что имъ никогда не придется осуществить эти принципы, добытые даже съ опасностью; словомъ, ни дать ни взять — представленіе китайскихъ тѣней, гдѣ подъ конецъ говоришь себѣ: все-таки время прошло не безъ пріятности.

Не знаю, мой другь, правъ ли я, признавая этотъ педостатокъ прилежанія, особенно прилежанія общественнаго — главнымъ зломъ русской общественной жизни и вашего воспитанія вообще. Человъкъ — соціальное животное, и опъ влачить жалкое существованіе, если не употребляєть въ дѣло своихъ знаній какъ ради пользы другихъ людей, такъ и ради собственной. Нужна огромная сила духа, чтобы человѣкъ, не импющій профессіи, могъ наполнять свою жизнь полезнымъ дѣломъ,—а чтобы дѣятельность была хоть сколько-нибудь послѣдовательна, она должна сосредоточиваться въ опредѣленномъ кругъ, который чувствуетъ себя обязаннымъ выполнить, прежде чѣмъ приняться за что-либо другое».

Сообщилъ M. Гершензонъ.

 ¹⁾ Иѣсколько писемъ Герцена къ Фогту опубликованы Г. Вѣтринскимъ въ бронюрѣ «Странички Герцена». П.-Повгородъ. 1912.
 2) Повидимому, первыя части «Былого и Думъ» въ франц. переводъ.

Старини сыпъ Герцена, Александръ Александровичъ, внослъдствин извъстный физіологъ.

Критика и библіографія.

Эдуардъ Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Перевелъ С. Л. Франкъ. Москва, 1912. Стр. X+256. Цёна 1 р. 80 к.

Имя Эл. Целлера, какъ историка греческой философіи, стоитъ настолько высоко, что едва ли нуждается въ рекомендаціяхъ. Его больmoй трудъ (Philosophie der Griechen), несмотря на устарълость въ нъкоторыхъ частяхъ, является до сихъ поръ классической работой по исторія греческой философіи. Данный «Очеркъ» представляеть изъ себя краткую обработку того же предмета, предназначенную служить пособіемъ къ университетскимъ лекціямъ и для самообразованія. Въ Германіи и этоть «Очеркь» достаточно зарекомендоваль себя въ качествъ университетского учебника и выдержаль уже девять изданій (послёднее изданіе — уже посмертное 1), со многими поправками и дополненіями согласно нов'єйшимъ изсл'єдованіямъ, сд'єланнымъ н'ємецкимъ редакторомъ Ф. Лорцингомъ). И въ Россіи «Очеркъ» появляется уже второй разъ въ переводъ (первый переводъ его былъ сдъланъ еще 26 лътъ тому назадъ-въ 1886 г. – проф. М. И. Каринскимъ и уже давно сталь библіографическою рѣдкостью). Цѣнность настоящаго перевода увеличивается еще благодаря тому, что русскій переводчикъ, воспроизводя всъ поправки и дополненія нъмецкаго редактора, сдълаль еще и отъ себя краткія дополненія, взятыя изъ большого труда Пеллера. въ тъхъ мъстахъ, гдъ текстъ «Очерка» давалъ слишкомъ краткія и старыя свъдънія. Всъ эти добавленія взяты переводчикомъ въ примъчанія и потому нисколько не нарушають цільности краткаго руководства. Кром'в того, какъ немецкій редакторъ, такъ и русскій переводчикъ прибавили въ примъчаніяхъ значительное число указаній на новъйшую литературу (также и русскую).

Все это, въ соединени съ огромною эрудицією знаменитаго автора, точнымъ языкомъ его «Очерка», строго эволюціоннымъ методомъ, котораго онъ держится, придаетъ «Очерку» большой интересъ и для широкой публики, несмотря на конспективность и нѣкоторую сухость

изложенія, неизб'єжную при краткомъ объем'є книги.

Нужно ожидать, что книга и въ новомъ переводъ, сдъланномъ безукоризненно, будетъ имъть такой же успъхъ, какъ и въ старомъ.

В. Перцевъ.

¹⁾ Знаменитый ученый скончался 19 мая 1908 г.

10. Кулаковскій. «Исторія Византіи». Т. І и ІІ. Кієвъ. 1912 г. Очерки по исторіи Византій подъ ред. В. Н. Бенешевича, вып. І и ІІ. Спб. 1912.

Исторія Византін, долго находившаяся въ загонъ, стала пріобръ тать ніжоторую популярность о правіт гражданства среди другихъ наукъ. Въ большинствъ университетовъ курсъ византійской исторіи признанъ для студентовъ обязательнымъ, но не существуетъ соотвътствующихъ учебниковъ. Желая пополнить этотъ пробъль, проф. Бенешевичь предприняль издание переводной хрестоматии по истории Византіи, которая, по его мижнію, имжетъ целью служить интересомъ какъ учебнымъ, такъ и научнымъ. Къ сожалѣнію, выборъ сдъланъ не вполнъ удачно и первый выпускъ не можетъ сдълаться учебникомъ, пригоднымъ для университетскаго преподаванія или книгой для чтенія. Этоть очеркъ политической исторіи Византіи Гельцера, приложенный въ видѣ справочника къ извѣстной исторіи византійской литературы Крумбахера и переведенный съ нѣмецкаго. Тутъ на 193 страницахъ изложены важитышіе факты византійской исторіи, на каждой страницъ множество именъ и годовъ, что дъластъ очеркъ Гельцера очень полезнымъ для справокъ, но слишкомъ сухимъ для чтенія и труднымъ для заучиванія. Второй выпускъ гораздо удачнёе и его можно прочесть съ удовольствіемъ. Въ немъ пом'єщенъ краткій очеркъ государственнаго строя византійской имперіи изв'єстнаго англійскаго историка Бёри (а не Бьюри, какъ неправильно пишутъ переводчики) и очеркъ культурной исторіи Византіи Гельцера.

Публикъ можетъ показаться, что не зачъмъ было предпринимать переводную хрестоматію, когда появилась оргинальная Исторія Византіи. На такой подвигь дерзнуль проф. Кіевскаго университета Ю. А. Кулаковскій. Онъ задумаль многотомную Исторію Византіи, и его колоссальный трудъ следовало бы приветствовать, если бы онъ хоть скольконибудь соотвътствовалъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Но авторъ, спеціалистъ-филологъ, не имфетъ ни малфишаго представленія о тъхъ вопросахъ, которыми обязанъ заниматься историкъ. Уподобляясь летописцу, описываеть онь разныя событія по царствованіямь, не дълая исключенія даже для экономическихъ вопросовъ и происхожденія крѣпостного права, по самому существу своему не укладывающихся въ тъсныя хропологическія рамки. Общими вопросами онъ не задается. Какъ существуетъ батальная живопись, такъ это батальный историкъ по преимуществу. Въ мельчайшихъ подробностяхъ описываетъ онъ походы и сраженія, и также цеременіи византійскаго двора. Способъ его изложенія самый первобытный, можно сказать наивный. Онъ кладетъ нерель собой греческаго л'ятописца, иногда и законъ или какой-пибудь другой документь и добросовъстно излагаеть на русскомъ языкъ то. что вычиталъ въ источникъ, стараясь пичего не пропускать. Въ глубь событій авторъ проникнуть не старается. Разсказываеть опъ, напр.. кое-что о монофизитахъ и знакомить читателя съ догматическими тонкостями, по и не подозрѣваетъ, что монофизитство было не только церковнымъ ученіемъ, но и глубокимъ соціальнымъ теченіемъ. Проф. Кулаковскій ничего не говорить о томъ, чёмъ быль византинизмъ, съ какого времени надо начинать византійскую исторію, отличалась ли византійская имперія отъ римской или нътъ? Довольствуясь изложеніемъ отдельныхъ безсвязныхъ фактовъ, авторъ даже и не задается вопросомъ. существовала ли какая-пибудь связь между вифшией полнтикой, церковными ділами и экономическимъ состояніемъ византійской имперіи. Народопаселеніе византійскаго государства состояло изъ трехъ главибйшихъ элементовъ, римскаго, эллинскаго и восточно-азіатскаго, и тѣ же три теченія, римское, эллинское и восточное, красною ниткою проходять по всей византійской исторіи, сказываются и въ государственной жизни, въ искусствѣ и литературѣ. Прослѣдить эти разнообразныя культурныя основы и ихъ взаимодѣйствіе въ своеобразномъ государственномъ тѣлѣ, называемомъ Византіей, составляетъ интересную задачу для всякаго историка цивилизаціи. Ю. А. Кулаковскій предпочелъ написать скучную исторію фактовъ, которая неодолима для обыкновеннаго читателя и почти безполезна для ученаго.

П. Безобразовъ.

Историческое Обозръние. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетъ, издаваемый подъредакціей Н. И. Каръева. — 1912. — Томъ семнадцатый. Спб. 1912.

Этоть томъ составленъ весьма интересно и разнообразно. Мы находимъ здѣсь прежде всего обширную замѣчательно содержательную критическую статью самого редактора «Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за последнія десять леть». Съ отличаюшею Н. И. Каръева универсальностью познаній въ области исторіи XVIII въка авторъ разбираетъ нъсколько трудовъ, вышедшихъ въ послъднее время, и дълаеть при этомъ рядъ замъчаній, съ которыми въ той или иной мъръ должны булуть считаться авторы, даже если они и не согласятся безусловно со встми положеніями критика. Въ работт Н. И. Каръєва разобраны книги гг. Ковалевскаго, Лучицкаго, Тарановскаго, Вульфіуса, моя, Ардашева, Борового, а также нікоторыя статьи, появившіяся въ послъднее время въ русскихъ журналахъ. Въ протоколахъ засъданій «Société de l'histoire moderne et contemporaine» за январь 1912 года находимъ отчетъ о рефератъ, прочитанномъ Н. И. Каръевымъ въ Парижъ, въ засъдания этого общества и въ этомъ же отчетъ констатируется, съ какимъ интересомъ быль выслушанъ доклаль русскаго историка о трудахъ по исторіи французской революціи, появившихся въ Россіи. Повидимому, разсматриваемая статья является распространеннымъ и дополненнымъ парижскимъ докладомъ. — Кромъ этого обширнаго этюда, Н. И. Каръевъ помъстилъ въ «Историческомъ обозръніи» еще интересный критическій разборъ книги Berr'a «La Synthèse en histoire» (любопытно указаніе на ту путаницу, которую вносить Беррь, смъшивая единично случившіяся событія съ индивидуальными актами). Статья г-жи Глаголевой-Лакини «Крестьянскія волненія въ Дофинэ въ концъ XVIII въка» представляеть интересную и съ знаніемъ діла выполненную попытку освітить на основаніи архивныхъ матеріаловъ на примъръ одной провинціи — крестьянскія настроенія во Франціи предъ революціей. Статья г-жи Матафтиной «Изъ исторіи общественнаго мнінія во Франціи въ эпоху революціи» (вышедшая уже отдёльнымъ изданіемъ) является самымъ подробнымъ и хорошо документированнымъ спеціальнымъ изслъдованіемъ вопроса: какъ отнеслось общественное мнъніе во Франціи къ процессу и казни короля Людовика XVI? На протяжении ста страницъ убористаго шрифта авторъ на основаніи разнообразнъйшихъ матеріаловъ изъ брошюрной сокровищницы Національной библіотеки, а также газеть 1792 — 1793 гг. возсоздаеть живую и весьма характерную картину, которой недоставало для полной оценки трагическихъ событій этого момента. Авторомъ использованы также рукописныя петиціи, сохранившіяся въ національномъ архивъ. Г-жа Матафтина въ результатъ своихъ изысканій пришла къ заключенію, что «большинство во Франціи, въ частности въ Парижъ, не желало казни короля», что, во всякомъ случаъ, это — легче доказать, чъмъ доказывать противоположное. Авторъ признаетъ, конечно, что его матеріалы, по существу, не отражаютъ общественнаго мнънія во всей полнотъ, но и съ этою оговоркою результаты, которые были добыты, весьма любопытны. Книга кончается исторіографическимъ очеркомъ г. Бутенко о литературъ по исторіи реставраціи во Франціи.

Въ сборникъ — только одна статья, посвященная русской исторіи — М. А. Островской «Изъ жизни новгородскаго посадскаго міра въ XVII въкъ»: это разборъ одного архивнаго суднаго дъла второй половины XVII столътія, иллюстрирующаго классовую рознь между зажиточными и низшими слоями городского населенія при Алексъъ Михайловичъ.

Вообще этотъ 17-й томъ гораздо интереснъе и содержательнъе мно-

гихъ своихъ предшественниковъ.

E. Tapre.

E. Fueler. Geschichte der neueren Historioegraphie. 1911.

G. Billeter. Die Anschauungen vom Wesen des Griechentums. 1912.

О значеніи исторіографическихъ обзоровъ говорить не приходится: какъ немыслимъ самый простой рисунокъ безъ знанія перспективы, такъ невозможно и всякое историческое чтеніе безъ знакомства съ исторіографической перспективой. — Но было бы крупной ошибкой отмѣтить лишь, хотя бы и почтенную, но все же чисто служебную роль исторіи любой науки. При умѣломъ заданіи и хорошемъ исполненіи исторія исторіографіи превращается изъ книги о книгахъ въ работу о направленіяхъ, о смѣняющихъ другъ друга историческихъ школахъ, и необходимо при этомъ затрагиваетъ вопросъ о причинахъ этихъ смѣнъ; крупнѣйшія же причины коренятся въ настроеніи и потребностяхъ общества, и такимъ образомъ исторіографическій трудъ вырастаетъ въ исторію самосознанія опредѣленной общественной среды.

Работа цюрихскаго ученаго Фютера какъ разъ и является исторіей европейскаго самосознанія, начиная съ гуманизма и вплоть до нашего времени. Было когда-то время, когда исторію какойлибо отрасли человѣческаго умѣнія или знанія изображали въ видѣ портретной галлереи отдѣльныхъ дѣятелей, плохо или совсѣмъ не связанныхъ между собой: такъ, исторію искусства, начиная съ Вазари и вплоть до Винкельмана, писали въ видѣ біографій отдѣльныхъ художниковъ, исторію философіи, отъ Діогена Лаэртія и вплоть до Гегеля, — какъ изложеніе ученій отдѣльныхъ философовъ 1). Не избѣгла общей участи и исторія исторіи: атомизирующее, сугубо расчленяющее изложеніе держалось особенно долго (западнаго типа Wachler'а, не столько даже перечня, сколько послужнаго списка ученыхъ и историковъ, придерживалась еще исторіографія Осокина, изданная въ 1888 г.), и тѣмъ значительнѣе заслуга Фютера и предъ предметомъ, и предъ читателемъ.

Читан Фютера, мы, дъйствительно, все время не покидаемъ широкой сцены европейскихъ событій, ни разу не забираемся непрошенно и безрезультатно въ интимную детальную обстановку гелертера, всегда ощущаемъ точную и тонкую связь между жизнью

и исторіей.

¹⁾ Таково было и построеніе исторіи литературы, а въ одной ея области, исторіи среднетьковой литературы, типъ de viris illustribus преспокойно дожилъ до нашего времени: см. не только Ebert'a, но и т. І (1912 г.) Manitius'a.

Эпоха гуманистовъ, кормившихся отъ щедротъ меценатовъ. создаеть особую исторію красивую по форм'в, но легков'всную въ научномъ и непріемлемую въ моральномъ отношеніи. Реформація, великій бунть противь многихь в'іков в чныхь, какь будто исконныхъ, началъ, внесетъ вмъстъ съ полемическимъ задоромъ и критицизмъ, и обостренный, небывалый еще интересъ къ исторіи. Апеллировать къ исторіи, доказывать свою правоту ссылкой на прецеденты, на смыслъ прошлаго, станутъ оба лагеря, и католическій, и протестантскій, и въ своей аргументаціи они стремятся заинтересовать широкаго, рядового читателя; вредная тенденціозность историческаго писательства этой эпохи какъ бы уравновъшивается этимъ цъннымъ новоявленнымъ историзмомъ європейскаго общества. Но въ разгаръ же въроисповъдной полемики обнаружился и крупный недостатокъ — бѣдность историческаго матеріала, и вотъ XVII в. съ неслыханной энергіей принимаєтся за его накопленіе. Незабвенными трудами, главнымъ образомъ, католическихъ монашескихъ конгрегацій, не только создаются цълыя горы матеріала, но и кладется основаніе цълому ряду новыхъ наукъ, и прежде всего — самой исторіи: бывъ ранъе отрастью лите атуры, она теп рь, вслъдствіе особыхъ критическихъ ме одовъ, становится наукой, системой знанія съ опредъленной ученой традиціей. Получается даже какъ будто вредное переусердствованіе: изъ-за льса не видно дровь, и прежній живой интересъ къ исторіи зам'тно падаеть, скрывается въ тихіе ученые кабинеты; исторіи грозить просто сділаться «слишкомъ» спеціальной, достояніемъ лишь цеховыхъ ученыхъ. Въ видъ здоровой и непобъдимой реакціи противъ подобнаго положен я выступаетъ блестящая фаланга писателей - «просвътителей» XVIII в.; они не только воскрешаютъ погаснувшій было интересъ, они дълаютъ его... первенствующимъ; исторія, по ихъ властн му указанію, становится главнюйшимо знаніемъ: черпая изъ нея, и только изъ нея, возможно составить себъ «раціальное», т.-е. разумное, единственно достойное человъчества XVIII в. міровоззръніе, одинаково свободное какъ отъ невѣжественнаго незнанія, такъ и столь же невѣжественнаго лжезнанія. Исторія должена «просв'єщать», и этимъ, р зум'єтся, вносится опасный утилитарный отт внокъ; нер вдко преобладаютъ и чисто-публицистические мотивы, и все же XVIII в. дълаетъ свое великое дёло: создаются двё новыя замёчательныя отрасли исторія, такъ сказать, толковая, обнимающая именно тъ проявленія челов'тческаго духа (ésprit!), отт'тнить которыя считають особенно нужнымъ (изъ этого впослъдствіи разовьется такъ называемая исторія культуры), и истолкованіе исторіи и ея хода, «философическая» исторія или «философія исторіи»...

Не менъе наглядно и поучительно прослъжено вліяніе в ликой революціи, реакція 30-хъ и 48-хъ гг. и т. д.; повсюду несомнънная связь между исторической дъйствительностью и историческимъ изображеніемъ проведена просто и убъдительно, безъ всякой схема-

тики, съ полной реальностью.

И вообще, нужно сказать, въ трудъ Фютера безусловно преобладаетъ сторона положительная. Кромъ большихъ собственныхъ знаній (особенно въ области гуманистической исторіографіи), у автора громадная начитанность, отъ многольтней спеціализаціи; даже его швейцарское происхожденіе представляетъ крупный плюсъ: занимая какъ бы нейтральное, интернаціональное положеніе, находясь въ

сторонѣ отъ романскихъ и германскихъ ученій и увлеченій, онъ съ необыкновенной объективностью можетъ судить объ исторіографическихъ національныхъ божкахъ, находить несомнѣнныя пятна и на самыхъ признанныхъ солнцахъ, или, наоборотъ, воздать должное забытымъ или нарочито затертымъ. Признаться, на нѣмецкомъ языкѣ еще не приходилось читать столь убѣжденной и правдивой оцѣнки Фюстелъ-де-Куланжа, или столь рѣшительныхъ и отважныхъ поправокъ къ безусловному славословію Ранке, Зибеля и даже... самого Трейчке.

Пріятной особенностью является и, если не простое (вредить явная погоня за м'єткими словцами), то всегда яркое изложеніе, т'ємь болье что раньше фатальнымь удієломь всякихь исторіо-

графій почему-то всегда была педантическая сухая рѣчь.

Есть, конечно, и значительные изъяны: недостатки въ архитектоникѣ (спеціальность автора, гуманисты, занимаютъ непропорціонально много мѣста), неравномѣрное распредѣленіе интереса (обдѣлена, напримѣръ, такъ называемая «либеральная» школа историковъ), отсутствіе нѣкоторыхъ, несомнѣнно, крупныхъ именъ, не всегда справедливая оцѣнка и т. п., но въ общемъ нельзя не сознаться, что этотъ первый опытъ общеевропейской исторіографіи заслуживаетъ самаго широкаго интереса и распространенія.

Не менъе благопріятной должна быть оцѣнка и второй новинки, опять-таки написанной швейцарскимъ ученымъ, Биллетеромъ. Его книга необычайно будить и стимулируетъ мысль: въ области оцѣнки греческой античности, т.-е. тамъ, гдѣ все какъ будто ясно и извѣдано, указывается, — притомъ просто и безпретенціозно, но тѣмъ болѣе неотразимо, — масса проблемъ, неясностей, скороспѣлыхъ,

традиціонныхъ и противор вчивыхъ сужденій.

Книга Биллетера — тоже исторіографія, но совершенно особаго, не встръчавшагося еще въ новъйшей литературъ, типа. Это --параллель знаменитому «Sic et non» («Да и нѣтъ») Абэляра. Какъ тогда цълью великаго схоласта было выставить спорность и противорѣчивость авторитетовъ по цѣлому ряду самыхъ основныхъ ученій и вельній церкви и тьмъ самымъ способствовать дальныйшему ихъ разсмотрѣнію, такъ нынѣ Биллетеръ заставляетъ продефилировать предъ читателемъ всѣ главнъйшія положенія догмы объ античности, снабжая ихъ точными выписками (и тоже противоръчивыми!) изъ «авторитетовъ». Какъ твореніе Абэляра вызвало цѣлую бурю и на автора посыпались обвиненія въ явной неблагонадежности, такъ сходная судьба постигаетъ, повидимому, и начинаніе Беллетера: достаточно указать, что даже ученый такого широкаго почина, всегда взыскующій, признанный врагъ всякой предвзятости и самодовольнаго успокоенія, — Ө. Ф. Зелинскій, — не столько поддержалъ, сколько суверенно отстранилъ (замътки въ «Русской Мысли», октябрь) предпріятіе молодого швейцарскаго «вопрошателя».

Книга Биллетера уже по внѣшности своей глубоко оригинальна: цѣнности ея какъ разъ въ *отсутствіи* того, что мы считаемъ безусловной принадлежностью всякой значительной работы, — именно, мы почти не видимъ самого автора, его аргументаціи, его индивидуальности; пять шестыхъ всей книги принадлежатъ не Биллетеру, а являются сплошными выписками изъ чужихъ работъ, сведенныхъ лишь авторомъ въ общую, иногда слишкомъ дробную, но, несомнѣнно, остроумную, систему. Цѣль автора — произвести смотръ мнюній,

и, нужно сказать, этотъ ученый парадъ удался на славу: оказывается, что нътъ ни одного, не только крупнаго, но и второстепеннаго вопроса по исторіи античной Греціи, по которому мнѣнія признанныхъ авторитетовъ не расходились бы окончательно. Что одни считають «счастьемъ» для Греціи, то другіе — прямымъ несчастьемъ; гдъ одни видятъ преимущество, другіе усматриваютъ гибельность; когда одни (напримъръ, Фюстель-де-Куланжъ) констатирують всепроникающую, глубокую религіозность, (Ренанъ) отмѣчаютъ органическую иррелигіозность; гдѣ одни учатъ о согласованности, красотъ, радостности, - словомъ, о гармоніи греческаго міра во всѣхъ его проявленіяхъ, тамъ другіе, и не менъе убъдительно, указывають на вящшую дисгармонію въ тъхъ же областяхъ: что для однихъ «типично», то для другихъ — «исключеніе» и «случайность»... Словомъ, проблемъ, недоговоренностей, открытыхъ вопросовъ — безконечная вереница, и необычайное трудолюбіе, а также недюжинная начитанность Биллетера дали важный результать: ему воочію удалось доказать, что относительно античной Греціи, несмотря на двухтысячельтнюю (уже со времени римлянъ) разработку соотвътствующихъ вопросовъ, еще не насталъ день сельмый, въ который можно опочить отъ дълъ.

Фютеръ своими *отвътами*, Биллетеръ своими *вопросами* одинаково ставятъ читателя въ замѣчательно плодотворную позицію, заставляютъ его соприсутствовать и соучаствовать въ увлекательномъ дѣлѣ исторической творческой работы; въ *этомъ* смыслѣ обѣ

западныя новинки являются новинками крупными.

Д. Егоровъ.

Проф. А. С. Мулюкинг. «Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ». Одесса. 1912 г.

394 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

«Обозръвая все разнообразіе правъ иностранныхъ купповъ въ данномъ государствъ, мы можемъ изъ всей массы правъ извлечь такія, которыя ярче всего охарактеризують иностранцевь съ точки зрвнія ихъ положенія людей торговыхъ». Такими словами опредъляеть авторъ разсматриваемой книги ея цъль: Такая постановка вопроса, хотя и не вполнъ точна, но до нъкоторой степени правильна. Дъйствительно, если говорить о правахъ иностранныхъ купцовъ, то прежде всего необходимо выдёлить только торговому иностранцу свойственныя особенности его правового положенія изъ тёхъ отличныхъ отъ русскаго населенія правъ, которыми обладали всв вообще иностранцы, проживавшіе въ XVII в. въ Московскомъ государствъ въ довольно значительномъ количествъ. Но вмъстъ съ тъмъ такое опредъление авторомъ своей задачи еще далеко не полно. Въдь по смыслу поставленной авторомъ задачи необходимо еще выяснить, каковы были особенности юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ по сравненію съ купцами русскими. О необходимости такой постановки вопроса авторъ, повидимому, и не подумаль, и поэтому въ своемъ изложении онъ всякія ограниченія въ правъ торговомъ, касавшіяся какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ купцовъ, считаетъ особенностью юридическаго положенія только купцовъ иноземныхъ, а это лишаетъ его выводы какой бы то ни было опредъленности. Еще менъе опредъленными становятся выводы автора отъ того, что онъ, поставивъ рамки своего изследованія, очень быстро о нихъ забываеть и въ значительной части своей книги говорить попросту объ иноземцахъ и ихъ юридическомъ положеніи вообще, повторяя такимъ образомъ то, что давно уже извъстно, и исписывая цълые десятки страницъ фактами и выводами и ранбе извъстными и къ его темб не относящимися, а выдёлить, собственно, купеческія права онъ зачастую даже и не пытается. Но расширяя и этимъ совершенно обезцвъчивая и обезденивая свою тему, авторъ въ то же время безъ всякихъ оговорокъ суживаетъ ее въ отношение объекта своего изследования. Изъ его книги мы рѣшительно ничего, буквально ни единаго слова, не узнаемъ о томъ, что въ Московскомъ государствъ были иноземные куппы и не изъ Западной Европы. Такъ что, если бы авторъ былъ точнъе, ему и следовало бы озаглавить свою работу аналогично той, которая и послужила фундаментомъ для его книги (Д. В. Цвътаевъ «Протестанты въ Россіи»), именно «Протестантскіе купцы въ Московскомъ государ-CTBÉ».

Авторъ говоритъ объ юридическомъ положеніи западно-европейскихъ купцовъ вообще, купцовъ всъхъ національностей, нисколько не безпокоясь о томъ, возможна ли такая постановка вопроса. Думается, что такая постановка вопроса совершенно невозможна. Въдь какія бы гипотезы не приводилъ авторъ, но до Новоторговаго Устава, въ которомъ впервые ръзко противопоставлены интересы московскихъ купцовъ интересамъ иноземнаго купечества вообще, права иноземныхъ купцовъ были чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ того, къ какой національности они принадлежали. Особыя привилегіи или стъсненія въ торговлъ иностранныхъ купцовъ зависъли, помимо борьбы русскаго купечества съ иноземнымъ, отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, въ числъ которыхъ видную роль играли дипломатическія отношенія съ тъмъ или инымъ государствомъ. Конечно, можетъ-быть, и до Новоторговаго Устава можно было бы найти нъкоторыя ограниченія или привилегіи, свойственныя всёмъ иноземнымъ купцамъ (въ чемъ мы все-таки сомневаемся), но для этого прежде всего нужно было проследить торговыя сношенія Московскаго государства съ каждой напіей отдільно, выділить элементы случайности, опредълить общія черты правового положенія и только тогда говорить объ общихъ нормахъ, опредълявшихъ положение всъхъ иностранныхъ купцовъ. Авторъ пошелъ по иному пути. Онъ беретъ отдъльные факты изъ юридическаго положенія купцовъ различныхъ напіональностей, составляеть эти отрывочныя свёдёнія и строить на нихъ выводы.

Эти методологические недочеты приводять къ тому, что у автора мы не находимъ ни одного сколько-нибудь яснаго и опредвленнаго отвъта на поставленные имъ вопросы, и его выводы вносятъ только полную путаницу въ вопросъ о русской внёшней торговле. Но иногда историческая работа, несмотря на свои методологические недочеты, можеть все-таки быть сколько-нибудь полезной: это бываеть въ тъхъ случаяхъ, когда авторъ пускаетъ въ оборотъ новый историческій матеріалъ, т.-е. широко пользуется мало доступнымъ архивнымъ матеріаломъ. Но и съ этой стороны книга г. Мулюкина решительно ничего не даетъ. Ведь нельзя же серьезно считать вкладомъ въ науку три-четыре случайныхъ архивныхъ ссылки да 8, тоже случайно взятыхъ изъ богатаго фонда Архива Министерства Иностр. Дёлъ, документовъ, напечатанныхъ въ Приложеніи. По существу архивный матеріалъ остался для автора почти неизвъстнымъ.

Авторъ обнаружилъ и слабое знакомство съ литературой предмета (имъемъ въ виду только литературу на русском взыкъ). Даже съ тъми книгами, на которыя онъ дёлаетъ ссылки, знакомъ онъ поверхностно: на его изложение не оказала никакого вліянія статья Опрсова, на которую онъ ссылается. Не смогь онъ вполнѣ опредѣленно усвоить и

разницы между «заповъдными» и «указными» товарами и т. д.

Мы не будемъ затруднять внимание читателей разборомъ всёхъ главъ этой книги, остановимся только на одной изъ нихъ, характерной для способа составленія авторомъ своей книги. Неимфющая никакого отношенія къ темѣ глава «Русская прислуга у иностранныхъ купцовъ» изложена г. Мулюкинымъ и менъе обстоятельно и болъе сбивчиво, чъмъ соотвътственныя мъста въ указанной выше книгъ пр. Цвътаева («Протестанты въ Россіи», стр. 335-350). Въ ея фактическомъ содержаніи новаго почти ничего нътъ. Такъ, о привилегіяхъ англичанъ 1555 и 1567 гг. говориль еще Костомаровъ («Очеркъ торговли», стр. 242, 244); указъ 1628, не дошедшій до насъ, но вошедшій въ Уложенье очень подробно, изложенъ у пр. Цвътаева (стр. 335); челобитье причтовъ 11 московскихъ приходовъ 1643 г. извъстно изъ книги пр. Цвътаева (стр. 250-251), Соловьева («Ист. Рос.», кн. 2, стр. 1346); дёло 1647 года о запрещении держать иноземцамъ у себя во дворахъ русскихъ людей, возникшее по челобитью патріарха Іосифа, гораздо поливе изложено у пр. Цввтаева (стр. 336), но г. Мулюкинъ считаетъ нужнымъ сдёлать ссылку на архивъ; на стр. 119 конецъ этого же дъла авторъ излагаетъ почти буквально словами пр. Цвътаева (ср. стр. 336), а ссылается онять-таки на архивный матеріалъ. Такой же характеръ носить архивная ссылка на стр. 126 (дъло о разръщении нанимать иноземцамъ на Вологдъ русскихъ работниковъ 1652 г.), гдф авторъ только нфсколько иными словами излагаеть то, что изложено у пр. Цвътаева (стр. 336—337). Остальной фактическій матеріаль этой главы взять, какъ это видно изъ ссыдокъ самого автора (ср. 123, 124, 125 и сл.), г. Мулюкинымъ изъ книги пр. Цвътаева. Только два новыхъ факта сообщаетъ здъсь авторъ: одинъ касается извъстнаго запрещенія иностранцамъ вывозить съ собой за границу русскихъ людей, а другой—запрещенія 1628 г. Англійской компаніи держать у себя русских работниковь. Нельзя не зам'ятить, что г. Мулюкинъ полагаетъ, что о дёлахъ казанскихъ въ 1593 году челобитную Өедөрү Ивановичу подаеть патріарх Гермогень (стр. 115).

Остальныя главы этой книги составлены по такому же способу. Для науки эта книга имъетъ только отрицательное значеніе, ибо она служить прекраснымь примъромъ того, какъ не надо писать научной работы. Широкіе же круги читающей публики изъ знакомства съ этой книгой могутъ вынести только самое сбивчивое, а зачастую и невърное, представленіе и о внъшней русской торговлъ въ XVII въкъ и о положеніи иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствъ. Гораздо лучше оба эти вопроса освъщены, хотя и въ устаръломъ въ настоящее время, но ясномъ и точномъ трудъ Костомарова.

мя, но ясномъ и точномъ трудъ костомарова.
А. Гипеушевъ.

Вальденбергъ. «Государственныя идеи Крижанича». Спб. 1912 г.

Ц. 2 р. 50 к.

Юрію Крижаничу не посчастливилось въ русской исторіографіи. До сихъ поръ крупная мысль историковъ проходила мимо него, и до послѣдняго времени мы не имѣли ни одного изслѣдованія о знаменитомъ хорватѣ. Мало того, даже біографія Крижанича не была съ точностью выяснена, и только капитальный трудъ г. Бѣлокурова пролитъ на нее иѣкоторый свѣтъ. Между тѣмъ изученіе Юрія Кр., несомиѣнно, во многомъ интересно. Не говоря уже о томъ, что его «Политичны Думы» являются превосходнымъ первоисточникомъ для изученія внутренняго состоянія Россіи въ XVII вѣкѣ, они интересны и какъ политическій трактатъ, въ которомъ довольно своеобразно отразились его

теоретическіе взгляды и сужденіе. Въ своихъ «Думахъ» Крижаничъ и экономисть, и историкъ, и политикъ, и государствовѣдъ, и соціологъ, и во всѣхъ этихъ вопросахъ видна работа творческаго ума огромной силы,—ума, который на всѣ вопросы даетъ свой собственный отвѣтъ. Получивъ духовное, ультра - монтанское образованіе, Крижаничъ пополнилъ его посѣщеніемъ университетовъ, въ Вѣнѣ значительно расширившихъ его кругозоръ и давшихъ ему полную возможностъ выйти за предѣлы теологическаго міровоззрѣнія. «Политичны Думы» — прежде всего описаніе Россіи въ ХVІІ вѣкѣ, — описаніе, преломленное сквозъ призму опредѣленнаго политико-экономическаго міровоззрѣнія, и это послѣднее дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными. Свои теоретическіе взгляды авторъ высказываетъ въ тѣхъ практическихъ совѣтахъ, которые онъ даетъ московскому правительству и безъ исполненія которыхъ, по мнѣнію автора, московское государство обречено на гибель.

Изучать Юрія Крижанича — очень трудно. Помимо того, что нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣми политико-философскими вопросами, которые подымаеть авторъ, нельзя обойтись безъ изученія хорватской и сербской литературы. Г. Вальденбергу, очевидно, послѣдняя совершенно незнакома, какъ осталась ему неизвѣстна и исторія Хорватіи въ XVII вѣкѣ, благодаря чему ему не удалось уловить сущность руково-

дящихъ идей Юрія Крижанича.

Последній вопрось быль неоднократно предметомь изследованія. Одни видбли въ Криж. панславистскаго агитатора, другіе — агента католической церкви, сторонника уніи par excellence. Посл'яднее съ неопровержимой ясностью доказано г. Бълокуровымъ, и всъ попытки автора отстоять первое мифніе неубфдительны и мало доказательны. Да и самъ авторъ склоненъ думать, что унитарная идея и славянофильство такъ тъсно переплелись другъ съ другомъ, что одно безъ другого неотделимо. Изучая руководящія идеи Кр., необходимо иметь также въ виду и то, что Юр. Кр. приходилось занимать въ Москвф очень неудобную позицію и, чтобы удержаться на ней, нужно было балансировать то въ ту, то въ другую сторону, говорить не то, что думаль, и льстить, хотя бы лесть и не просилась на языкъ. Умѣніе полойти къ московскому правительству со стороны Кр. несомично. Достаточно указать на его ловкую дипломатическую диверсію, его трактать Putno opisanie od Moskwa do Lwowa, предварительно посланный въ Москву, въ которомъ дается рядъ совътовъ относительно политики Москвы на Украинъ и который далеко не объективно освъщаетъ внутреннее состояніе на Украинт XVII в. Во всякомъ случат «искренпость» Крижанича находится подъ подозреніемъ, и это необходимо имсть въвиду при изучении его «панславистскихъ идей». Другой спорный вопросъ, можно ли составить полное представление о его теоретическихъ взглядахъ? Работа г. Вальденберга является лучшимъ отвътомъ на это. Авторъ собралъ и привелъ въ систему разбросанныя мысли Юрія Крижанича, такъ что въ общемъ получается полная картина его міровозэрънія. Но далеко не всъ вопросы изслъдованы нолно. Философія исторіи, им'єющая огромное значеніе для его теоретическихъ взглядовъ, осталась безъ разсмотренія, а между темъ она во многомъ любопытна, и мъстами напоминаетъ собою теорію Вико. которая, впрочемъ, совмъщается здъсь съ теоріей провиденціализма. Оть, философіи исторіи зависять и практическіе сов'яты и теоретическія сужденія Юрія Крижанича.

Затъмъ едва затронуты его экономическія идеи. О нихъ писалъ Брикнеръ, и др. и автору не мъшало бы болъе детально познако-

миться съ литературой вопроса. Осталось неразсмотрѣннымъ отношеніе Крижанича къ Польшѣ, а между тѣмъ для «искренности» Юрія Крижанича это послѣднее очень интересно. Не мало найдется пробѣловъ и въ другихъ частяхъ работы. И это отъ того, что, по нашему мнѣнію, авторъ подошелъ къ Крижаничу пе такъ, какъ слѣдовало бы. Сначала было бы полезно изучить критически произведенія Крижанича, а потомъ уже начать теоретическое изученіе его идей.

В. Пичета.

Сочиненія С. Ө. Платонова. Статьи по русской исторіи (1883—1912).

Спб. 1912 г. Ц. 3 руб.

Новое изданіе статей проф. Платонова, конечно, можно только прив'єтствовать. Къ сожал'єнію, вс'є статьи переизданы въ томъ вид'є, въ какомъ он'є были впервые напечатаны, хотя бы даже посл'єдующія изысканія и пошатнули точку зр'єнія самого автора. Преимущественно, посл'єднее зам'єчаніе приходится сд'єлать относительно его статьи «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», въ которой авторъ полымаеть вопросъ принципіальной важности — объ ограниченіи царя

Михаила Өеодоровича.

Отношение автора къ этому вопросу безусловно отрицательное. Современныя данныя и извъстія иностранцевъ слишкомъ недостаточны и недостовърны для положительнаго сужденія по данному вопросу. Этому выводу остадся въренъ авторъ и во второмъ изданіи своихъ статей, несмотря на серьезныя возраженія, сдуланныя автору въ спеціальныхъ статьяхъ. Автору нельзя отказать въ мастерскомъ анализъ памятниковъ, говорящихъ о записи, но въ то же время нельзя не считать его критику излишне подозрительной. Къ тому же авторомъ не приняты во вниманіе ни настроеніе служилаго люда во время смуты, ни политическая идеологія тушинскаго кружка, ставшаго вносл'вдствій у власти, а послъ взятія Москвы проводившаго кандидатуру Михаила Романова. Можеть-быть, при этихъ условіяхъ выводы проф. Платонова не были столь категоричны. Вёдь такіе авторитеты, какъ покойный В. О. Ключевскій и М. А. Дьяконовъ, держась иного мнінія по этому вопросу, очевидно, имъли основанія, которыя ускользнули отъ проф. Платонова. Еще больше возраженій вызываеть статья «Священной памяти двънадцатаго года», появившаяся въ видъ предисловія къ книгъ, написанной г. Васенко (кстати сказать очень слабой, написанной безъ знакомства съ говымъ матеріаломъ и очень традиціонной по точкъ зрънія). Если въ другихъ статьяхъ авторъ бывалъ очень остороженъ въ выводахъ, то здёсь, наоборотъ, онъ слишкомъ поспешенъ въ нихъ, хотя бы дъйствительное знакомство съ матеріаломъ говорило бы совстмъ другое. Нельзя не удивляться своеобразному взгляду проф. Платонова на причины войны. Авторъ много говорить о «непримиримости обоихъ государствъ», но въ чемъ она заключалась, проф. Платоновъ обь этомъ умодчаль. Своеобрезень текже взглядь на причину разрыва между Александромъ и Наполеономъ послъ Тильзита. Непоразумъніе между союзниками авторъ объясняеть тъмъ, «что тревожная жизнь тогдашней Европы давала слишкомъ много прямыхъ причинъ и поводовъ для недоразумънія и ссорь между союзниками». Для выясненія поводовь авторъ отсылаеть къ первой главъ книги Васенко, -главъ, ничего не выясняющей и совершенно игнорирующей вопросъ континентальной системы, явившійся главной причивой разрыва и войны. Невърно также указаніе проф. Платонова, напр., во время войны «сколь ко-нибудь замѣтныхъ безпорядковъ не провзошло». Да и участіе крестьянъ въ войнѣ было далеко не пнтенсивно и только стало замѣтнымъ послѣ взятія Москвы. Зато совершенно игнорировалъ вопрось объ истинной природѣ накъ «дворянскаго» патріотизма, такъ и другихъ сословій. Во всякомъ случаѣ данную статью нельзя назвать научаымъ изслѣдованіемъ. Это рядъ сужденій проф. Платонова, — сужденій довольно смѣлыхъ, высказать которыя проф. Илатоновъ едва ли рѣшился бы, если бы онъ и въ данномъ случаѣ оставался бы на почвѣ науки. Но во всякомъ случаѣ, послѣдняя статья — большой минусъ въ сборникѣ статей проф. Платонова.

В. Пичета.

Арс. Ляховъ. «Основныя черты соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху императора Александра I». (Оныть опредѣленія общаго абриса народно-хозяйственнаго цѣлаго). М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Въ небольшой книжкъ (170 стр. небольшого формата) авторъ пытается обнять совершенно необъятное для такого размъра содержаніе. Кромъ общаго введенія объ условіяхъ развитія народнаго хозяйства, онъ даетъ «географическую и популяціонистическую характеристику страны», говоритъ о «народно-хозяйственномъ наслъдіи страны», вліяніи государства и права на ея экономическое развитіе, вліяніи сосъдства, земледъльческомъ и промышленномъ строть, общемъ характерть культуры эпохи, «отношеніи идей времени къ рабству», «отношеніи русской мысли эпохи къ существовавшему правовому и политическому укладу», о «самосознаніи эпохи», наконецъ о соціальныхъ мечтахъ и думахъ народа. Это трудъ новичка въ наукъ, который работаетъ не по источникамъ, а по пособіямъ, иногда даже не по основнымъ научнымъ трудамъ, а по составленнымъ на основаніи ихъ компиляціямъ. Авторъ прочелъ немало хорошихъ книгъ, но все же его знакомство съ литературой предмета далеко не полно.

Эта работа, очевидно, была сдълана съ цълью самообразованія, г.-е. не для того, чтобы дать популярную книжку для самообразованія, а съ цълью выяснить себъ самому перечисленные вопросы относительно первой четверти XIX въка, и послъ того, какъ эта цъль была до извъстной степени достигнута, авторъ поступилъ бы всего правильнъе, оставивъ свою рукопись въ письменномъ столъ и принявшись за самостоятельную разработку по источникамъ одного изъ многихъ интересовавшихъ его вопросовъ. Авторъ самъ сознаетъ, что «кажется преждевременнымъ писать общій обзорь всего народохозяйственнаго организма Россіи въ этомъ періодѣ». Но ему «хочется», собравъ тѣ уже многочисленныя черты и черточки, какія раскиданы по всёмъ многочисленнымъ работамъ литературы... уловить и изложить тоть обликь, который еще должень быть провъренз по архивным даннымз. Когда онь утверждаеть, что предлагаемый имъ путь — сначала группировка общихъ положеній и потомъ уже провърка ихъ по первоисточникамъ --- «обычный путь научныхъ исканій, когда работой живой и часто отвлеченной логической мысли по уже добытымъ осколкамъ прошлаго, быть-можетъ, съ большимъ участіемъ творчества, создается абрисъ и ткется основа для будущихъ обстоятельныхъ трудовъ», -- то онъ упускаетъ изъ виду, что такіе «абрисы», составленные при участіи «творчества», остаются для собственнаго употребленія, а не печатаются во всеобщее поученіе. Иначе можеть случиться, что раздача «земель и крестьянь» окажется прекращенною въ 1801 г. (стр. 68), тогда какъ прекращена была только раздача населенныхъ имфній, а не ненаселенныхъ земель, иначе съ крайнимъ

преувеличеніемъ будетъ отмѣченъ «переходъ отъ оброка на барщину» (въ земледѣльческихъ губерніяхъ) (стр. 91), тогда какъ уже во второй по- довигѣ XVIII в. въ этихъ губерніяхъ барщина преобладала (въ семи губерніяхъ Великороссіи $74^0/_0$ крестьянъ на барщинѣ и $26^0/_0$ на оброкѣ), иначе будутъ въ преувеличенномъ видѣ представляться заслуги нѣкото-

рыхъ ученыхъ, весьма мало поработавшихъ въ данной области.

Не можемъ отрицать добрыхъ намъреній автора, но посовътуемъ ему заняться болъе спеціальнымъ трудомъ, если онъ мечтаетъ оставить пъкоторый слъдъ въ наукъ: указывать пути другимъ ему еще нъсколько рано. Посовътуемъ также писать, избъгая такихъ выраженій, какъ «катящійся комъ денежнаго воздъйствія» (86, 87), «научныя генерализованныя понятія», а также и повнимательнъе слъдить за корректурой, чтобы не оказалось, что въ 1825 г. внъшній долгъ Россіи исчислялся милліардами (стр. 53).

В. Семевскій.

К. І. Зайцевъ. «Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ». Труды студентовъ экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института имп. Петра В. № 6. Спб. 1912.

Г. Зайцевъ въ своихъ очеркахъ разсматриваетъ самоуправленіе государственныхъ крестьянъ при Екатеринъ II и въ первую половину XIX в. Для времени имп. Николая I онъ пользовался и неизданными матеріалами архива Министерства Земледёлія и Государственныхъ Имушествъ. Къ сожалънію, онъ плохо освъдомленъ въ научной литературъ, посвященной предшествующимъ эпохамъ, и потому дълаетъ строгіе выговоры своимъ предшественникамъ, которыхъ бы онъ не сдълалъ, если бы былъ болъе начитанъ. Такъ, напр., ему кажется неправильнымъ отожествление волости и погоста въ Съверной России: «голословно отожествлять погость съ волостью нельзя, это нужно доказать», поучаетъ г. Зайцевъ. Однако на такое отожествление для данной части России дають полное право наказы черносощныхь (государственныхь) крестьянь Съверной Россіи ихъ депутатамъ въ комиссію сочиненія новаго Уложенія, напечатанные въ 123 т. «Сборн. Имп. Истор. Общества» и автору извъстные. Но если ему не удалось сдёлать этоть выводь изъ чтенія крестьянскихъ наказовъ, то онъ могъ бы найти его готовымъ въ извъстномъ труд'в проф. М. М. Богословскаго «Земское самоуправление на русскомъ съверъ въ XVII в.», первый томъ котораго напечатанъ въ 1909 г. и съ которымъ авторъ имълъ возможность познакомиться, такъ какъ писалъ свою работу въ 1909 — 10 г., а дополнялъ ее еще поздиже. И вотъ что говорить г. Богословскій: «Названіе мелкихь областныхь единиць, изъ которыхъ составлялись уъзды, очень различны; но среди нихъ наиболѣе частыми и обыкновенными являются три: погость, станъ и волость, при чемъ можно замътить преобладание каждаго изъ названий по различнымъ увздамъ... Всв эти двленія представляють изъ себя группы поселковъ, связанныхъ церковнымъ, хозяйственнымъ и административнымъ единствомъ и совершенно одинаковыя по своему значению» (стр. 28). Въ книгъ проф. Богословскаго г. Зайцевъ могъ бы найти много свъдъній о волостяхъ. Можетъ-быть, послъ этого онъ не будетъ удивляться, что одинъ изъ изслъдователей исторіи крестьянъ на съверъ Россіи во второй половинъ XVIII в. «говорить о волости, какъ о чемъ-то само собой разумъющемся» (стр. 19).

Если авторъ такъ строгъ къ своимъ современникамъ, которые могутъ за себя постоять, то нечего удивляться, что онъ очень строгъ и къ главному д'ятелю въ устроеніи быта государственныхъ крестьянъ въ

царствованіе Николая I — П. Д. Киселеву. Но нельзя м'трять историческихъ дъятелей съ точки зрънія современныхъ намъ взглядовъ, а следуеть брать ихъ въ томъ современномъ имъ окружении, при которомъ имъ приходилось работать. Уже одно горячее желаніе Киселева солъйствовать серьезному улучшенію положенія крупостных крестьянь, его борьба съ стремленіемъ лишить ихъ земли и освободить по остзейскому образцу, представителемъ котораго явился кн. Меншиковъ, заслуживаетъ великой признательности. Что же касается его д'ятельности относительно государственныхъ крестьянъ, то очень важно было уже то, что ему удалось прекратить, какъ это извъстно г. Зайцеву, обращение ихъ цълыми сотнями тысячь душь въ удёльные въ обмень на соответственное число государственныхъ крестьянъ, что вызывало среди нихъ волненія. Напрасно относительно Киселева авторъ довъряетъ показаніямъ М. А. Корфа, который въ своей запискъ о секретныхъ комитетахъ при Николаъ І по крестьянскому дёлу цинично разсказываеть, какь радовался онъ вмёсте съ другими членами комитета, если удавалось свести на-нътъ предподагаемыя мёры на пользу крёпостныхь. Учителемъ Киселева быль Пестель, съ которымъ онъ бесъдовалъ объ его «Русской Правдъ» и отъ котораго онь, в роятно, и почерпнуль свою вражду къ стремленіямь обезземелить пом'єщичьихъ крестьянь и свое пониманіе положительныхъ сторонъ общиннаго землевладёнія. Авторъ самъ отмъчаетъ (стр. 104), что Киселевъ считалъ государственныхъ крестьянъ людьми свободными и добивался того, чтобы была издана грамата, подтверждающая ихъ вольности. Если это ему не удалось въ виду нежеланія имп. Николая исполнить это, то нельзя обвинить въ томъ Киселева. Напрасно автора «не интересуетъ», улучшилось ли попеченіемъ Киселева матеріальное положеніе крестьянъ (стр. 104 — 105), и туть опять нельзя на слово върить Корфу (Заблоикій-Десятовскій, гр. Киселевъ, II, 155 — 156). Напрасно авторъ не считается и съ тъмъ, какъ много сдълалъ Киселевъ для улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ въ Западной Россіи.

Я считаю Киселева единственнымъ талантливымъ государственнымъ дъятелемъ времени имп. Николая I и, несмотря на возможныя во всякомъ общественномъ служении ошибки, заслуживающимъ болъ береж-

наго отношенія къ его памяти.

Несмотря на несогласіе мое во взглядахъ съ авторомъ разбираемой книги, я вовсе не желаю отрицать его способностей къ научной работѣ. Онъ можетъ быть полезнымъ работникомъ въ области изученія исторіи крестьянъ, особенно если будетъ стремиться не столько выискивать мнимыя ошибки другихъ изслѣдователей, сколько избѣгать своихъ собственныхъ.

В. Семевскій.

Шуазель - Гуффье. «Историческіе мемуары объ император'в Александр'в и его двор'в», переводъ З. Мировичъ съ вступительной статьей А. А. Кизеветтера. М. 1912 г. Книгоиздательство Н. Ө. Некрасова.

Ц. 1 р. 50 к.

Мемуары гр. Шуазель-Гуффье, изданные впервые на французскомъ языкъ въ 1829 г. и теперь появляющеся въ полномъ русскомъ переводъ, пользуются уже давно широкой и вполнъ заслуженной извъстностью. Къ нимъ неизбъжно долженъ былъ обращаться каждый, кто занимался эпохой Александра I, кто стремился дать исчерпывающую характеристику личности Александра, особенно въ связи съ событіями 1812 г. Конечно, въ этихъ разсказахъ читатель не встрътитъ вполнъ объективнаго отношенія къ центральной фигуръ воспоминаній императору Александру I,

но это уже общая черта всёхъ мемуаровъ, на которыхъ всегда лежитъ ръзко выраженный отпечатокъ субъективизма. Однако подъ перомъ гр. Шуазель эта черта принимаетъ какіе-то гипертрофированные размъры и все, что говорится въ ея мемуарахъ объ Александръ I, обвъяно какимъ-то восторженнымъ отношениемъ и даже прямо чувствомъ безграничнаго обожанія. «Факты говорять сами за себя, —читаемъ въ предисловіи къ французскому подлиннику, — и тъ, которые связаны со славнымъ именемъ этого государя, имъють такую притягательную силу, что для правдиваго ихъ изображенія достаточно выразить чувство благодарнаго сердца». Въ личности императора Александра, какъ она охарактеризована въ мемуарахъ, нътъ ни одной отрицательной черты, - даже нъкоторыя его слабости, о которыхъ упоминаетъ гр. Шуазель, подъ ея перомъ находять себъ оправданіе, и она ихъ сглаживаеть своей нъжной и любящей рукой. Если Сперанскій называль Александра «сущимь прельстителемь», то мемуары гр. Шуазель дають безконечное количество фактовъ для подтвержденія этой характеристики. Мягкій, вкрадчивый, любезный, удивительно тонкій въ обращеніи, особенно съ дамами, умінощій всіхть подчинять своему вліянію и внушить собесёднику чувство безграничнаго къ себъ довърія, —воть каковь обликъ императора Александра на страницахъ этихъ любопытныхъ мемуаровъ. «Въ его тонъ и манерахъ проявлялось безчисленное количество различныхъ оттънковъ, — говоритъ гр. Шуазель. — Если онъ обращался къ лицамъ высокаго положенія, тонъ его былъ полонъ достоинства и въ то же время привътливъ. Къ лицамъ своей свиты онъ обращался съ почти фамильярной добротой; къ пожилымъ дамамъ съ почтеніемъ; къ молодымъ особамъ — съ безграничной граціей, съ тонкимъ чарующимъ взглядомъ, полными выраженія». Подобнаго рода панегиристическимъ тономъ проникнуты всф разсказы гр. Шуазель-Гуффье, что даеть полное основание охарактеризовать эту книгу вслёдь за редакторомъ ея русскаго перевода двумя словами: «Александръ —прельститель».

Основнымъ фономъ всего повъствованія являются отношенія императора Александра къ нольскому великосвътскому обществу въ 1812 г. Вообще отечественной войнъ отведено наибольшее внимание въ мемуарахъ графини Шуазель. Много интересныхъ подробностей дають эти разсказы, и если отбросить субъективность освъщенія, то фактическая сторона данной книги можеть оказать значительную помощь въ деле выясненія н'ікоторыхъ моментовъ изъ эпохи Александра І. Немало интересныхъ деталей можно встрътить въ мемуарахъ и для характеристики личной жизни императора и людей къ нему близкихъ. Но эти окружающія императора лица стоять на заднемь планів и своимь появленіемь только оттъняють обворожительную фигуру того, кого гр. Шуазель называетъ «ангеломъ, составляющимъ счастье всъхъ окружающихъ». Теперь, когда особенно повышено вниманіе къ личности императора Александра и къ его эпохъ, мемуары прочтутся съ большимъ интересомъ. Но надо помнить всегда при ихъ чтеніи, что многія событія изображены въ нихъ далеко не такъ, какъ это освъщается современной исторической наукой. Такъ, напр., гр. Шуазель совершенно отрицаетъ участіе Александра въ переворотъ 11 марта 1801 г. и влагаетъ въ его уста слова, обращенныя къ участникамъ заговора: «Чудовища!.. я никогда не приму короны, залитой кровью моего отца». Она не допускаетъ мысли о томъ, что у Александра могло быть стремление въ первые годы своего царствованія осуществить политическую реформу. «Александръ быль слишкомъ разуменъ и уменъ, по ея словамъ, чтобъ не вилъть, что Россія представляла собой, — если можно сдълать это сравненіе, —

слишкомъ молодое дерево, чтобы прививать ему новыя учрежденія. Онь многаго ожидаль оть будущаго, оть своей собственной неусыпной д'вятельности, и въ особенности оть времени, которое одно могло совер-

шить и укрѣпить великую реформу въ образѣ правленія».

Обрисовывая самыми мрачными красками личность Наполеона и его роль въ войнъ 1812 г., гр. Шуазель противопоставляетъ Наполеону Александра и такъ характеризуетъ его настроеніе послъ разгрома великой арміи: «Я не раздъляю счастливую философію Наполеона, и эта несчастная компанія стоила мнъ десятка лѣтъ жизни». Государь назваль кампанію несчастной! Но въдь онъ быль побъдителемь! Онъ торжествоваль! Но это великодушное сердце не могло радоваться своимъ успъхамъ при видъ страданій всего человъчества». Отмъчая храбрость и даже военную геніальность Александра, авторь мемуаровъ приводить довольпо интересныя данныя объ отношеніи къ русскому императору французскаго общественнаго мнънія послъ взятія Парижа союзными войсками. Въ честь Александра слагались пъсни, въ которыхъ его сравнивали съ Генрихомъ IV; къ нему обращались многіе изъ парижскихъ жителей «по поводу своихъ семейныхъ несогласій».

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, въ какомъ разрѣзѣ изображены въ мемуарахъ факты и событія царствованія Александра I, но, несмотря на предвзятую точку зрѣнія и нѣсколько приподнятый, а подчасъ даже восторженный тонъ, эти мемуары являются довольно

цъннымъ историческимъ источникомъ.

В. Бочкаревъ.

С. В. Рождественскій. «Очерки по исторіи системъ народнаго просвъщенія въ Россіи въ XVIII — XIX въкахъ». Томъ первый. Спб.

1912 г., 679 + 48 стр. Цѣна 3 р. 50 коп.

Изученіе прошлаго нашихъ школъ и просв'єщенія вообще за посл'єдніе годы зам'тно двинулось впередъ. Особенно счастливымъ въ этомъ отношеніи оказался восемнадцатый віжь, преимущественно его вторая половина. Первая половина XVIII стол. уже давно нашла спеціальнаго изслъдователя въ лицъ проф. Владимирскаго-Буданова, еще въ 1874 г. издавшаго свою монографію «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII въка». Теперь особый научный интересъ привлекла къ себъ эпоха Екатерины II. Интересъ этотъ обнаруживается прежде всего въ стремленіи разыскать новые матеріалы, извлечь изъ архивовъ неизвъстные документы. И если раньше мы располагали болъе или менъе удачно и прозорливо построенными схемами (напр., въ извъстныхъ «Очеркахъ» П. Н. Милюкова), то теперь можеть итти рвчь о болве детальномъ и конкретномъ изученіи эпохи. Часто случайно найденный документь даеть возможность рисовать новыя перспективы. Примъръ г. Кизеветтера въ этомъ отношении достаточно поучителенъ. Ему удалось найтн донесеніе архангелогородскаго посада въ учрежденную въ 1760 г. при Высочайшемъ дворъ «комиссію о коммерціи». Интересенъ въ этомъ донесеніи голось м'єстнаго купечества, с'єтующій на отсутствіе у нась коммерческаго образованія, отчего страдають интересы русскаго купца, часто безграмотнаго, совствить неосвтомленнаго ни въ ариометикт, ни въ бухгалтеріи, ни въ географіи, ни, тімь боліве, въ законахъ, почему и «ввергающагося часто въ яму банкрутства». Но еще ценне въ этомъ донесеніи проекть «учрежденія гражданской гимназіи въ г. Архангельскъ», составленный передовымъ гражданиномъ Василіемъ Крестининымъ. Здёсь высказываются смёлыя мысли, показывающія, на какую обще-

ственно-педагогическую высоту могли подняться пожеланія лучшихъ людей того времени. Идеалы Крестинина таковы: «Необходимость общеобразовательныхъ предметовъ въ профессіональной школъ, предпочтеніе воспитательнаго воздъйствія убъжденіемъ и примъромъ передъ системою наказаній, важное значеніе внікласснаго чтенія на ряду съ класснымъ обученіемъ, безплатность обученія, доступность школы для всёхъ дётей школьнаго возраста или всеобщность обученія, установленіе тёсной связи школы, какъ культурнаго центра, съ мъстной общественной жизнью и широкое участіе общества во внутренней жизни школы, надъленіе педагогическаго персонала самостоятельной иниціативой въ установленіи порядка и пріемовъ преподаванія, видоизм'вненіе школьнаго устава примънительно къ даннымъ условіямъ» 1). Такъ мыслилъ Крестининъ въ 1760 году, за полтораста лътъ предвосхищая многое изъ того, что не осуществлено и въ наши дни.

А какова была практика школьнаго дела въ восьмилесятыхъ годахъ, когда у насъ уже стали возникать школы по австрійской системъ, наглядно показываеть другая работа г. Эйнгорна «Московское главное народное училище къ концъ XVIII въка» («Журналъ Мин. Нар. Пр.», 1910 г.). По архивнымъ матеріаламъ авторъ прослѣдилъ бытовую жизнь этого разсадника просвъщенія, показаль, какь убогь быль умственный, а часто и нравственный уровень первыхъ учениковъ училища, будущихъ учителей въ народныхъ школахъ: сюда поступалъ худшій элементь изъ семинарій — мало способные и исключенные ученики. Понятно, что такъ медленно шло подготовленіе къ педагогической д'ятельности этихъ лицъ и какъ враждебно могли быть встръчены такіе учителя на мъстахъ.

Монографія г. Майкова, посвященная Бецкому, также заключаеть въ себъ много свъжаго архивнаго матеріала. Читатель детально узнаетъ здісь, въ какой атмосферів нарастали реформаторскіе школьные планы императрицы и ея сотрудниковъ и какъ они реализовались въ жизни. Имя Бецкаго такъ неотдълимо сплелось съ жизнью этихъ закрытыхъ школь, что его біографія есть вмість съ тымь ихъ исторія.

Теперь появился новый трудь г. Рождественского, долженствующій прежде всего суммировать ранбе добытыя сведенія. Но авторъ взгля-

нулъ на свою запачу шире.

Онъ постарался предварительно разыскать въ архивахъ государственномъ, Государственнаго Совъта, Св. Синода и Министерства Народнаго Просвъщенія цълый рядъ неопубликованныхъ еще документовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ плановъ и проектовъ учебныхъ реформъ, какъ воплотившихся въ дъйствующее законодательство, такъ и совсёмъ неосуществленныхъ и вскорё забытыхъ. Эти локументы, изданные отдёльно 2), сами по себё представляють большую цённость для лицъ, изучающихъ исторію нашего школьнаго дъла. По нимъ мы можемъ легко судить, каковы были просвътительные идеалы представителей господствующихъ классовъ, какая между последними порой возникала борьба; можемъ знать, какое было соотвътствіе между пожеланіями общества и реформаціонными начинаніями правительства. Во всёхъ этихъ проектахъ видимъ первые робкіе шаги въ проявленіи общественной иниціативы.

¹⁾ А. Кизеветтеръ. «Школьные вопросы нашего времени въ документахъ XVIII въка». (Историческіе очерки, стр. 118).

2) Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX въкахъ. Составилъ С. В. Рождественскій при участіи В. Соломина и П. Тодорскаго. Спб. (Записки историко-филологическаго факультета Имп. С.-Петербургскаго университета. Часть XCVI. Вып. I).

Разсмотрѣнію этихъ проектовъ учебныхъ реформъ до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ г. Рождественскій и посвящаетъ центральную часть своего изслѣдованія. Онъ критически-объективно всматривается какъ въ исторію проектовъ 1760—70-хъ годовъ, такъ и въ самые принципы новой системы просвѣщенія; разбираетъ далѣе типы и систему общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ и выясняетъ условія осуществленія предполагаемыхъ повыхъ системъ. Читатель можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ этимъ обстоятельнымъ критическимъ очеркомъ: выводы автора всегда документально обоснованы, и въ тяжеловѣсныхъ, правда, разсужденіяхъ его читатель найдетъ достовѣрную историческую дѣйствительность.

Въ первой части труда авторъ разсматриваетъ вопросы народнаго просвъщенія, какъ они ставились въ первой половинъ XVIII въка. Если правительство ставило и ръшало эти вопросы узко-профессіонально, то, наоборотъ, въ публицистикъ того времени они намъчались шире, и опять любопытно прослъдить взаимоотношеніе взглядовъ правительства и общества. Та же разница во взглядахъ сказалась и при учрежденіи

перваго университета.

Въ послѣднемъ очеркѣ идетъ рѣчь о возникновеніи «комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ» и ея дѣятельности. Авторъ поступилъ совершенно правильно, показавъ своему читателю, какова была въ цѣльномъ своемъ построеніи австрійская система народныхъ училищъ, и какъ она была извращена у насъ. На Западѣ былъ въ первую очередь поставленъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи училищъ и нормальной подготовкѣ учителей; у насъ же эти вопросы разрѣшались неестественно-странно, чѣмъ тормозилось проведеніе самой реформы. Авторъ приводитъ много характерныхъ данныхъ, какъ распространяли у насъ новыя школы, какъ онѣ встрѣчались мѣстнымъ населеніемъ и какія мѣры принимались правительствомъ, чтобы придать новой учебной системѣ строгое единообразіс.

Трудъ г. Рождественскаго весьма содержателенъ и объективенъ. Но нужно сказать, что читается опъ очень нелегко. Всяческія длинноты и обширныя извлеченія изъ источниковъ утомляютъ вниманіе, за деталями часто ускользаєть главный планъ труда и основные выводы

автора.

И. Соловъевъ.

В. Всеволодскій (Геригроссі). «Театръ въ Россін въ эпоху отечественной войны». СПБ. 1912 г. Ц. 3 р. 75 к.

Наша литература о театрѣ такъ певелика, что каждое новое изслѣдованіе въ этой области невольно встрѣчается съ живѣйшимъ сочувствіемъ и интересомъ. Но истекшій годъ всѣмъ занимающимся исторіей русскаго театра и слѣдящимъ за ся научной разработкой доставилъ только одни непріятныя разочарованія. Послѣ совершенно уже ничтожной книги Э. фонъ Берга («Русская комедія до появленія Островскаго»), имѣющей нѣкоторое значеніе лишь по приложенному «Списку авторовъ и комедій», далеко, впрочемъ, неполному, появилась книга г. Всеволодскаго. Съ внѣшней стороны она издана безупречно: бумага, шрифтъ, форматъ, прекрасныя иллюстрація. — все это не позволяетъ желать ничего лучшаго. Но, къ сожалѣнію, содержаніе книги стоитъ въ полномъ контрастѣ съ ся внѣшнимъ обликомъ. Прочитавши книгу г. Всеволодскаго, остаешься въ совершенномъ недоумѣніи относительно того, какія задачи преслѣдовалъ авторъ и какихъ читателей пмѣлъ онъ въ

виду. Назвать «Театръ въ Россіи въ эпоху отечественной войны» научнымъ изслъдованіемъ нельзя, такъ какъ въ немъ нътъ ни новаго матеріала, ни новой постановки вопроса, пътъ, наконецъ, даже ни критическаго взгляда ни строго логическаго развитія мысли. Правда, авторь немало поработалъ по первоисточникамъ и извлекъ нѣкоторыя неизвѣстныя еще данныя по исторіи театра изъ старыхъ газеть, журналовъ, мемуаровь и т. п. Но эти новыя данныя, не крупныя сами по себъ и не снабженныя необходимыми комментаріями автора, а просто втиснутыя, какъ случайные факты, въ повъствование, тонутъ среди хорошо и издавна уже извъстнаго матеріала, которымъ не разъ пользовались историки театра. Поэтому, читая отдёльныя главы книги г. Всеволодскаго, прежде всего вспоминаешь болъе раннія статьи и изслъдованія по тъмъ же вопросамъ. Такъ, глава «Развлеченія и зрълища» невольно вызываеть въ памяти многія страницы изъ «Стараго Петербурга», «Старой Москвы» и «Стараго житья» Пыляева; глава «Русскій драматическій театрь» — статьи о кн. Шаховскомъ Зотова («Реперт. и пант.», 1842, № 5). Гариина («Ист. Въстн.», 1883, № 7), Ярцева («Ежегод. Ими. теат.», 1894—95), Б—ова («Русск. Въстн.», 1896, № 1), Сиротинина («Русск. Арх.», 1896, № 4), Смирновскаго («Исторія русск. литературы XIX в.», 1902), Варнеке («Ист. русск. театра», 1910); глава «Жоржъ Веймеръ» — статью «Актриса Жоржъ въ Россіи» Военскаго («Ист. Въстн.», 1901, № 11); глава «Провинціальный театрь» — «Полубарскія затви» Пыляева («Старое житье»), и отчасти «Любительскій театрь» Дризена («Матеріалы къ исторіи русскаго театра»), главы «Московскій театрь» и «Французскій театрь» — статьи Пыляева «Нашъ театрь въ эпоху отечественной войны» («Старое житье») и Бродскаго «Театръ и драма въ отечественную войну» («Отечественная война и русское общество», т. V). Въ сравнении со всей этой предыдущей литературой книга г. Всеволодскаго даеть такъ мало новаго, что ради него, пожалуй, и не стоило бы тратить время и трудъ на самостоятельное сочинение, тъмъ болъе, что оно не даетъ общей картины театра за время 1807 — 1814 гг., а представляеть собой рядъ довольно случайныхъ характеристикъ различныхъ театральныхъ дъятелей и явленій той эпохи.

Не входя въ детальный разборъ книги г. Всеволодскаго, ограничимся только некоторыми замечаніями. Книга носить названіе «Театрь въ эпоху отечественной войны», въ ней есть глава «Русскій праматическій театръ», въ предисловіи авторъ рамками своего изследованія ставить 1807 — 1814 гг. Почему же въ такомъ случат онъ почти совершенно не коснулся той театральной литературы, которая именно и была вызвана какъ предшествующими войнами съ Наполеономъ, такъ и отечественною войной? Этотъ вопросъ, затронутый Пыляевымъ, на основаніи новаго матеріала болже тщательно разработанный Бродскимъ, еще далекъ оть окончательнаго ръшенія. Несомнънно, что война служила сильнымъ импульсомъ для появленія новыхъ театральныхъ пьесъ: объ этомъ свидътельствують и многочисленныя драмы, комедіи, комическіе оперы и балеты на современныя темы, и неизвъстны г доселъ имена новыхъ авторовъ среди обычныхъ писателей-театраловъ (напр., Иванъ Крюковъ, Федоръ Вертеръ), и участіе въ этомъ откликъ провинціи (Орла, Казани), тогда какъ раньше почти вся литературная дёятельность ограничивалась преимущественно Петербургомъ и Москвой. Но какую роль играла эта новая литература на театральной сцень, мы пока точно не знаемь. Принято обычно приводить восторженные отзывы современниковъ объ этихъ пьесахъ, свидътельствующіе о необычайномъ успъхъ, но такъ ли было на самомъ дълъ? Свидътельства современниковъ, какъ бы искренни

они ни были, всегда слишкомъ субъективны и односторонни. Какъ примирить съ ними хотя бы тоть факть, что «Дмитрій Донской» и «Пожарскій», самыя популярныя пьесы того времени, идуть въ Москвъ въ 1812 году первая только 5 разъ, а вторая-4. А если брать данныя за первую четверть XIX въка, опять-таки для Москвы, то на 39 постановокъ «Дмитрія Донского» и 35 «Пожарскаго» мы насчитаемъ 38 постановокъ «Отелло», 31 «Танкреда» и 30 «Эдина въ Авинахъ». Если же обратиться къ комедіямъ и комическимъ операмъ, то увидимъ, что такая ничтожная комедія, какъ «Подложный кладъ» идеть 56 разъ, «Слуга двухъ господъ» 45, комическія оперы «Дівишникъ» 60, «Ямь» 48, а «Дибировская русалка» 194. Но на этотъ, какъ равно и на многіе другіе вопросы, связанные съ театральными пьесами эпохи отечественной войны, мы не найдемъ у г. Всеволодскаго никакого отвъта. Онъ въ своей книгъ обощель самый интересный и яркій факть въ исторіи русскаго театра за 1807 — 1814 гг., а заглавіе книги поставиль въ полное противоръчіе съ ея содержаніемъ. Во введеніи г. Всеволодскій говорить, что «именно бытовая сторона театра въ Россіи въ 12 году и интересна». Мысль совершенно върная, если только «12 годъ» замънить періодомъ болъе продолжительнымъ — первою четвертью XIX въка, такъ какъ съ бытовой стороны 12 годъ ничъмъ не выдъляется отъ ряда предшествующихъ и послъдующихъ годовъ, особенно, если самъ г. Всеволодскій не внесъ въ свою книгу наиболъе крупныя отраженія 12 года въ видъ патріотическихъ пьесъ. Въдь разгромъ русскаго театра и французскій театръ въ Москвъ во время пребыванія въ ней французовъ нельзя же считать за тыпичныя бытовыя черты въ исторіи русскаго театра того времени — это не болъе, какъ чисто случайные факты. Но «именно» бытовой исторіи театра въ книгъ г. Всеволодскаго мы и не видимъ. Въ очеркахъ г. Всеволодскаго не чувствуется ровно никакого критическаго отношенія къ передаваемымъ имъ фактамъ; они не объединены никакою руководящею мыслью автора; они механически передаются въ хронологической послъдовательности и факты важные съ бытовой стороны перемѣщаны съ фактами чисто случайными. Напримъръ, г. Воеводскій разсказываеть о занятіяхъ кн. Шаховского и Гнфдича съ актрисой Семеновой. Съ бытовой стороны изъ этого ровно еще ничего не слъдуеть. Но если бы г. Всеволодскій, кром'в того, упомянуль о занятіяхь Катенина съ Каратыгинымъ и Колосовой, Аксакова съ Мочаловымъ и т. п., то мы имъли бы тогда интересную бытовую черту. А ихъ можно было бы установить немало, такъ какъ александровская эпоха въ жизни русскаго театра является очень стройнымъ законченнымъ цёлымъ.

Наконець надо упомянуть еще и о крайне фантастическихъ заявленіяхъ автора о какой-то побѣдѣ въ 12 году русскаго искусства надъ иноземнымъ. Курьезнѣе всего то, что примѣры, приводимые авторомъ, доказываютъ какъ разъ противное. На стр. 121 г., напр., Всеволодскій рѣшительно говорить о побѣдѣ національнаго элемента въ области трагедіи и оперы, а доказательствомъ этого служитъ изъѣстная актриса Семенова, «погибшая отъ вліянія пагубнаго примѣра ложной методы, нагубной декламаціи г-жи Жоржъ и разныхъ учителей»... (стр. 92) или итальянецъ Кавосъ, написавшій музыку къ разнымъ комическимъ операмъ, и «вдохновлявшійся то Моцартомъ, то Керубини, то Спонтини,

то Мегюлемъ, то Чимарозой и Фіорованти» (стр. 113).

Книга г. Всеволодскаго, какъ можно видъть изъ сказаниаго выше, не выдерживаетъ никакой серьезной критики въ качествъ самостоятельнаго изслъдованія. Но было бы нъсколько рискованно рекомендовать ее и какъ популярную книгу для широкой публики. Популярная литера-

тура, не претендуя на новизну матеріала или его осв'єщенія, должна все же давать читателю лишь твердо установленные факты и строго провъренныя положенія. Въ «Театръ» же г. Всеволодскаго такъ много пустыхъ реторическихъ фразъ, недомолвокъ, неточностей, иногда и грубыхъ ошибокъ, что это изслъдование невольно можетъ ввести въ соблазнъ мало подготовленнаго читателя. Чтобы не быть голословными, возьмемъ, напримъръ, начало III главы, посвященной кн. Шаховскому. «Русскій теать эпохи отечественной войны-это, когечно, ганьше всего кн. А. А. Шаховской... онъ создалъ эпоху въ исторіи нашей сцены»... Но далъе ничего не говорится о томъ, какую же именно эпоху создалъ кн. Шаховской; да и можеть ли цёлая эпоха быть охарактеризована однимъ линомъ? Затъмъ, почему г. Всеволодскій считаеть кн. Шаховского забытымъ потомствомъ, разъ о немъ написанъ цёлый рядъ статей, часть которыхъ указана нами выше; въ такой же мъръ забыты и Княжнинъ, н Озеровъ, и Крыловъ (какъ драматургъ), и Загоскинъ, и Хмельницкій, и пълый рядъ другихъ писателей. Нельзя говорить, что до Шаховского у насъ не было драматической литературы, за исключениемъ произведений Фонвизина и Капниста; а пьесы Екатерины II, Плавильщикова, Крыдова, а бытовая комедія и комическая опера XVIII в.? Невърно, что трагедіи Сумарокова и Княжнина къ 12 году уже сошли со сцены: «Дидона» ставилась еще въ 1822 году, а «Синавъ и Труворъ» въ 1816 г. «Шаховской считаль себя послёдователемь Мольера». Но быль ли онъ на самомъ дѣлѣ, считаеть ли его таковымъ г. Всеволодскій — на это нътъ отвъта. Почему, «переходя къ характеристикъ Шаховского, нельзя не коснуться современной ему литературной кружковщины», разъ на слъдующей страницъ г. Всеволодскій говорить о «самостоятельности взглядовъ» Шаховского. Чего, дъйствительно, нельзя дълать, такъ это безъ всякихъ поясненій ставить рядомъ «Арзамасъ» и «Вольное Общество», такъ какъ первый быль просто шутливая паролія на общество, а во второмъ господствовали серьезные политические и экономические интересы. Невърно, что Шаховской «осмъялъ Жуковскаго и Карамзина въ комедіи «Новый Стернъ»: въ комедіи «Новый Стернъ» осм'вянъ Карамзинъ или его постедователи; въ то время, когда появилась эта комелія. Шаховской при всемъ желаніи не могь осмъять Жуковскаго. Послъдній затронутъ имъ въ комедіи «Урокъ кокеткамъ или Липецкія волы». Всѣ эти замъчанія относятся всего лишь къ 41/2 стр. текста книги г. Всеволодскаго.

К. Покровскій.

Горнфельдъ, А. Г. «О русскихъ писателяхъ». Томъ первый. Минувшій въкъ. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 коп.

Книгу г. Горнфельда о русскихъ писателяхъ слѣдуетъ не только привътствовать, но и горячо рекомендовать всякому, кто любитъ литературу и кто вмъстѣ съ тѣмъ стремится осмыслить свое отношеніе къ общимъ вопросамъ поэтическаго творчества. Въ лицѣ г. Горнфельда передъ нами не критикъ-импрессіонисть, находящійся всецѣло во власти своихъ капризныхъ настроеній и отражающій ихъ въ яркихъ, можетъбыть, но, въ концѣ-концовъ, надоѣдливыхъ, прихотливо-жеманныхъ лирическихъ арабескахъ. А. Г. Горнфельду, конечно, хорошо знакома живая сила непосредственнаго художественнаго впечатлѣнія, но онъ всегда даетъ отстояться этому впечатлѣнію; онъ ищетъ показать пе себя черезъ писателя, а писателя сквозь пеизбѣжпую призму личнаго воспріятія; нерѣдко въ тонкій и умный анализъ отдѣльнаго литературнаго явленія онъ вплетаетъ волиующіе его широкіе и сложные вопросы поэтики и ем

методологія. «Не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, какъ дошли до этого»—эти слова Л. Н. Толстого, дъйствительно, хорошо идуть по многимъ статьямъ разбираемой нами книжки. Авторъ, какъ извъстно, въ своихъ эстетическихъ сомивніяхъ нашелъ себъ твердую опору въ воззрѣніяхъ Потебни, въ его лингвистической поэтикъ: отсюда его интересъ къ стилю писателя, къ микроструктуръ поэтическаго произведенія, къ тъмъ кльточкамъ, изъ которыхъ слагаются цъльные художественные организмы; отсюда же его приное методологическое положеніе: «въ томъ, что называется формой, нъть ничего, что не было бы содержаніемъ». Съ этой точки зрінія онъ и разбираеть работу проф. Мандельштама въ статъъ «Книга о языкъ Гоголя» и оспариваетъ въ замъткъ о реализмъ г. Валерія Брюсова его попытку опровергнуть обычное представление Гоголя художникомъ-реалистомъ. Мы не всегла соглашаемся съ талантливымъ критикомъ; такъ, думается намъ, Мандельштамъ имъть право, въ полномъ къ тому же согласіи съ приведеннымъ выше положениемъ г. Г., разсматривать юморъ Гоголя, какъ явление поэтическаго стиля; пусть юморъ прежде всего «элементь міровозэр'внія и личности», но въ процессъ художественнаго творчества сама личность опредъляетъ себя именно въ формахъ и краскахъ поэтическаго языка. Равнымъ образомъ насъ не убъждаеть опасеніе г. Г. остаться безъ писателей реалистовъ, если изъ числа ихъ вычеркнуть Достоевскаго и Гоголя; въдь, съ другой стороны, если принять для реализма критерій г Г. искание правом, то у насъ едва ли не всъ писатели окажутся реалистами. Оставаясь въ кругъ тъхъ же вопросовъ стиля, какъ носителя хуложественной мысли, отмътимъ въ особенности небольшую статейку «Объ одной фамиліи у Льва Толстого»; здёсь авторъ съ редкимъ мастерствомъ вскрываеть таинственную работу сознательнаго и безсознательнаго въ процессъ созданія геніальнымъ писателемъ одного только собственнаго имени (Халтюнкина въ роман'в «Воскресеніе»). Не будемъ останавливаться на другихъ статьяхъ: «Литература и героизмъ» (полемика съ С. А. Венгеровымъ по поводу его книги «Героическій характеръ рус. литературы»), «Моцарть и Сальери», «Русскія женщины Некрасова въ повомъ освъщеніи» (почти исчернывающій комментарій поэмы на основаніи «Записокъ» кн. Волконской и другихъ свѣжихъ матеріаловъ), «Эстетика Глѣба Успенскаго», «На порот'в двойного бытія» (Ө. И. Тютчевь), С. Т. Аксаковь, — все это этоды, обильные живыми возбужденіями для вдумчиваго читателя. Задержимся и всколько на одной изъ большихъ статей сборника, посвященной Н. А. Кущевскому, талаптливому и несправедливо забытому писателю 70-хъ годовъ, автору въ свое время популярнаго романа «Николай Негоровъ или благополучный россіянинъ». Нельзя не согласиться съ г. Г., что мы очень гръщимъ забвеніемъ прошлаго, что мы слишкомъ торопимся отказаться отъ «наслъдства», въ томъ числъ и литературнаго,-и рядъ писателей: кн. В. Ө. Одоевскій, Дружининъ, Гирсъ, Папаевъ, Кулрявцевъ и др. — давно ждутъ къ себъ вполнъ ими заслуженнаго интереса и изученія. Для характеристики определенной исторической эпохи талантливый писатель можетъ дать иногда больше любопытнаго матеріала, чімь даже писатель первостепеннаго дарованія, творчество котораго естественно вырастаеть изъ рамокъ данной действительности къ въчнымъ запросамъ человъческаго духа; второстепенный писатель ниже и ближе къ уровню текущаго момента. А. Г. Горифельдъ въ своей стать в ярко характеризуеть своеобразный стиль и технику романа Кущевскато, его героевъ и героинь на фонъ бурной эпохи 60-хъ годовъ. Пегоревъ -- «поистип'в исторический романь», и поэтому хотвлось бы, чтобъ авторъ еще интимиве и крвиче связалъ инсателя и его героевъ съ

въяніями времени; было бы интересно также услышать подлинные голоса тогдашней критики, откликнувшейся на произведение К. Слъдовало бы сравнить тексть журнальный и отдёльнаго изданія романа, и тогда Горнфельду сталъ бы понятенъ большій успѣхъ отдѣльнаго изданія (1872), и онъ не сказаль бы, что въ романъ нътъ «волнующихъ сценъ и эффектныхъ положеній». Въдь отказавшись отъ «антиисторической манеры въ опънкахъ», мы должны будемъ признать, что въ отдъльное изданіе были введены авторомъ имена и сцены, полные жгучаго захвата пля тоглашняго общества. Такъ, вмъсто Писарева — тамъ, гдъ ръчь идеть о выработкъ у молодежи новыхъ убъжденій — стало для многихъ оліозное и для всѣхъ волнующее имя Чернышевскаго; значительно рѣзче и подробнъе обрисована революціонная пропаганда Овърина среди крестьянь, завершающаяся даже вооруженнымь столкновеніемь съ казаками; въ конив романа добавлено изображение обряда публичнаго объявления приговора Овърину, воспроизводившее до деталей подобный же обрядъ, совершенный надъ Н. Г. Чернышевскимъ въ 1864 г. Невольно напрашивается предположение, не привнесъ ли К. нъкоторыхъ чертъ Чернышевскаго въ самый характеръ Овърина, этого «мыслителя по преимуществу»? Такимъ образомъ, романъ К. явился, между прочимъ, характернымъ пля своего времени выражениемъ остраго вниманія къ личности и судьбъ замъчательнаго писателя, котораго въ шестидесятыхъ годахъ такъ или иначе зарисовывали: Писемскій въ лицъ Проскриптскаго въ ром. «Взбаламученное море», Суворинъ — въ Самарскомъ, геров сожженной по судебному приговору повъсти (1866 г.) «Всякіе» (здъсь также спена на эшафотъ), П. М. Ковалевскій въ своемъ стихотвореніи (1864 г.) «Преступникъ»:

«На людной площади, привязанный къ столбу, Безтренетно встръчалъ онъ грозную судьбу...».

Въ заключение пожелаемъ, пользуясь выражениемъ г. Горифельда, «непосредственнаго возвращения романа Кущевскаго читающей публикъ», а этой послъдней еще разъ порекомендуемъ сборникъ превосходныхъ этюдовъ А. Г. Горифельда.

Н. Сидоровъ.

M.~M.~C тасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискъ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Спб. 1911 — 1912. Томы І и ІІ ц. по 3 руб.,

т. III ц. 4 р.

Покойный редакторъ-издатель «Въстника Европы» Михаилъ Матвъевичъ Стасюлевичъ оставилъ послъ себя громадный архивъ переписки съ множествомъ выдающихся дъятелей литературы и общественности. Предпринятое вдовою покойнаго изданіе этой интереснъйшей переписки, подъ редакціей М. К. Лемке, двигается довольно быстро впередъ и дало уже въ трехъ вышедшихъ большихъ томахъ массу богатаго матеріала. Онъ важенъ какъ для личной характеристики и біографіи Стасюлевича и его корреспондентовъ, такъ и для исторіи общественности и литературы за послъднія сорокъ-пятьдесятъ лътъ, въ которыя «Въстникъ Европы» и его редакторъ-издатель занимали очень опредъленное и видное мъсто.

Планъ изданія, какъ объясняеть редакторь, опредвлился частью хронологически, частью именами корреспондентовъ Стасюлевича. Въ хронологической послъдовательности скомпилированы первые два тома, обнимающіе жизнь и дъятельность Стасюлевича, кончая первыми годами изданія «Въстника Европы», когда его программа не была еще развернута вполить. Третій томъ объединяется именемъ И. С. Тургенева и его бли-

жайшихъ друзей, корреспондентовъ Стасюлевича. Четвертый уже вышель и является томомъ Гончарова 1), пятый будеть томомъ Салтыкова, Некрасова и друг. и т. д. Все изданіе разсчитано на одиннадцать томовъ. Въ него войдеть около 6.000 писемъ и разнообразный документальный и литературный матеріаль съ ними связанный.

По мысли редактора, настоящее издание предназначается не только для спеціалистовъ, но для читателей «преимущественно вообще изъ интеллигентной публики», при томъ разсчитано на такого читателя, «который будеть прочитывать томъ отъ начала до конца». Утвердительно можно сказать, что такого читателя, не-спеціалиста, изданіе не найдеть и найти не можеть. Каждый томъ его обременень множествомъ писемъ, мало интересныхъ для широкой публики, и въ мелочахъ, деталяхъ тонетъ множество богатаго матеріала, то черты, характеризующія зам'ячательнаго человъка, то выдающіеся факты общественности, то блестящія сужденія того или иного корресподента о достойномъ вниманія всякаго образованнаго человъка психологическомъ, литературномъ, общественномъ явленіи. Читать сплошь эти громадные томы нізть никакой возможности: даже спеціалисть по исторіи литературы и общественности ограничится просмотромъ изданія, чтобы впослёдствіи обращаться къ нему для

изученія отдёльныхъ моментовъ и для справокъ.

Личные алфавитные указатели, приложенные къ каждому тому, въ этомъ отношении весьма полезны. Нельзя сказать того же безусловно о комментаріяхъ и примъчаніяхъ редактора. Редакторъ говорить: «зная по опыту, что сколько-нибудь громоздкихъ комментаріевъ и примъчаній публика вовсе не читаетъ, и съ другой стороны, не разсчитывая сказать что-нибудь новое и важное для спеціалистовъ, я свелъ эту свою работу къ тому минимуму, который не обременитъ никого изъ читателей самыхъ разнообразных в круговъ». Къ сожалению, въ этомъ стремлении къ «необременительности» редакторъ мъстами доходить до совершенной безсодержательности: что, напр., кому бы то ни было можеть сказать комментарій къ фамиліи А. А. Андреева — «писательница» и только (стр. 443 перв. тома), и въ этомъ родъ «необременительныхъ» поясненій весьма много. Нъкоторыя поясненія вызывають даже недоумьніе: напр., П. В. Анненковъ въ письмъ Стасюлевичу называетъ его въ обращении: «многоуважаемый нашъ патронъ и Brodherr» (стр. 294 тома III). Къ нъмецкому слову «Brodherr» (господинъ-кормилецъ) находимъ пояснение: «ошибочно написанное англійское brother—брать». Съ другой стороны, иногда остаются неразъясненными факты, упоминаемые въ письмахъ, и для читателя изъ большой публики едва ли ясные. Въ письмъ Побъдоносцева, очень характерномъ, отъ 6 янв. 1881 г., напр., упоминается корресподенція о какой-то проповъди преосв. Амвросія, а что и какъ было сказано въ корреспонденціи предоставляется отыскать читателю въ газетъ «Порялокъ» (т. І., стр. 484), или положиться на явно пристрастнаго ея критика. Въ то же время редакторъ находить мъсто для комментаріевъ, чисто полемическихъ и направленныхъ противъ несимпатичныхъ ему липъ. напр., противъ П. В. Валуева. Совершенно ясное въ своемъ злорадствъ письмо Валуева по поводу смерти Каткова и хвалебныхъ о немъ некрологовъ «Новаго Времени» (т. I стр. 489) сопровождается фразой редактора: «Валуеву въ 1866 году было очень непріятно, что Катковъ сумълъ выскользнуть изъ-подъ его предостереженій и даже былъ еще польщенъ особымъ вниманіемъ свыше», самыя же отношенія

¹⁾ Этотъ томъ вышелъ во время печатанія настоящей книги журнала. О немъ дадимъ рецензію особо.

Валуева и Каткова только этою фразой и пояспены, и далъе редакторъ

еще попрекаетъ Валуева возвышеннымъ слогомъ его писемъ.

Какъ бы то пи было, г. Лемке далъ возможность русскому обществу ближе познакомиться съ повыми данными, важными для исторіи русскаго общества и литературы. Текстъ, повидимому, переданъ имъ точно, явныхъ неточностей намъ не попадалось. Неизбъжные же при такой огромной работъ, исполняемой притомъ столь быстро, дефекты и маленькія слабости редактора, какъ комментатора, не умаляютъ его круп-

ной заслуги.

Первый томъ открывается статьями о Стасюлевичѣ К. К. Арсеньева, А. Ө. Кони и Л. Слонимскаго. Наиболѣе видное мѣсто по объему занимаетъ здѣсь переписка Стасюлевича съ П. А. Плетневымъ, которая обнимаетъ десять лѣтъ съ 1856 г. и заканчивается привѣтственнымъ (предсмертнымъ) письмомъ Плетнева «Вѣстнику Европы». Далѣе идетъ обширная переписка съ М. С. Куторгою, ученикомъ котораго былъ Стасюлевичъ, какъ историкъ. И та, и другая переписка важны, преимущественно, для біографіи Стасюлевича, вводя насъ въ кругъ его занятій и интересовъ въ молодости. Рядъ писемъ и документовъ касается профессорской дѣятельности Стасюлевича и въ частности исторіи его преподаванія Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ письмахъ къ женѣ за 1862 годъ, въ которыхъ видимъ много отраженій тогдашняго тревожнаго времени (пожары въ Петербургѣ и пр.), М. М. говоритъ

и объ урокахъ Наслъднику.

Очень замъчательно, напр., письмо 17 іюня (стр. 410), излагающее лекцію или річь Насліднику русскаго престола о причинахъ франпузской революціи. «Я уб'яждаль его (Насл'ядника) не в'врить, что въ революціи н'ять ничего, кром'я дурных страстей, и просиль его усвоить себъ великую истину, что стремление къ свободъ есть не результатъ праздной мысли философовъ, но потребность физіологическаго развитія общества; что задача правительства состоить въ томъ, чтобы дълать себя все болье и болье излишнимь, и тогда само общество найдеть для себя такое правительство необходимымъ. Я заключилъ свою лекцію словами Маколея, который сравниваеть свободу съ тою феею, которая является людямъ въ отвратительномъ видъ революцій и мятежей; тотъ, кто не обманулся внъшнимъ видомъ феи и обласкалъ ее, для того она обращалась въ прекрасную женщину, а прогнавшихъ ее она бросала на погибель. Обвиняють общество, говориль я, что оно не хочеть признавать действительных условій жизни и мечтаеть о небываломь, однимъ словомъ, страдаетъ утопіей будущаго; но и правительство часто не хочеть признавать действительных условій и старается управлять обществомъ на основаніи отжившихъ условій и, слідовательно, страдаеть утопіей прошедшаго. Об' утопім происходять оть нев' жества, и если общество можетъ быть невъжественно, то и правительство можетъ страдать тымь же. Для предупрежденія революціи нужно, чтобы хорошо и основательно изучены были настоящія условія жизни, и потому образованность, а не военная сила спасеть правительство оть потрясеній... Я просиль его (Наслъдника) всегда имъть храбрость не бояться свъта науки; пусть онъ не въритъ коварству тъхъ, которые увъряютъ, что либеральные государи XVIII въка, какъ Фридрихъ II, Іосифъ II и Екатерина В., ускорили революцію; эти лица не были искренни въ своихъ реформахъ, они хотъли воспользоваться философскими теоріями для утвержденія деспотизма; переписывались съ Вольтеромъ и гнали тъхъ. которые читали его. Вотъ что бываетъ источникомъ революціи. Но обо всемъ этомъ я говорилъ полтора часа».

Это — цёлая программа и той дёятельности, которой съ теченіемъ времени посвятилъ себя Стасюлевичь въ своемъ журналѣ, когда профессура для него закрылась.

Второй томъ занятъ письмами сотрудниковъ «Въстника Европы», вступившихъ въ него въ течение первыхъ трехъ лътъ журнала (1866 -1868 гг.), или близкихъ къ нимъ лицъ. Письма В. Д. Спасовича (съ 1862 г.) становятся весьма пространны и живы, начиная съ начала нын вшняго в вка и особенно любопытны за время революціи. Одно изъ виднъйшихъ мъстъ въ этомъ томъ занимаетъ общирная переписка Стасюлевича съ К. Д. Кавелинымъ, извъстнымъ мастеромъ стиля писемъ. Переписка очень интересна для характеристики, какъ Кавелина, такъ и времени, особенно что касается писемъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Кавелинъ подробно говоритъ здёсь, что находитъ онъ новаго въ русской деревнъ со времени освобожденія, и подъ впечатлъніемъ растущаго объднънія и правительственнаго произвола у него вырывается такая, напр., фраза: «Живя въ деревнъ и видя, что кругомъ дълается, невольно самъ чувствуещь въ себъ нигилистическую (то-есть революціонную. — Ч. В-ій) струнку и понимаеть, что будь літь на тридцать моложе — сталь бы тоже нигилистомъ» (стр. 138). Впечатленіе, произведенное на Кавелина одною изъ статей Льва Толстого, въ итогъ вызываеть у него восклицаніе: «страна, гдф такіе вопросы такъ настойчиво занимають зам'вчательные умы, каковь умь Льва Толстого, не можеть быть названа сонной или апатичной» (стр. 161), но положение этихъ умовъ въ Россіи безнадежно характеризовано имъ въ другомъ нисьмъ: «Мы — тюремные сидъльцы, которымъ, въ видъ милости, позволяють иногда отвести душу вздохомь, да и то не слишкомь громкимь, чтобы не потревожить сна тъхъ, кому наши вздохи могуть быть непріятны» (стр. 169). Очень интересенъ планъ задуманной Кавелинымъ и до сихъ поръ никъмъ не выполненной элементарной энциклопедіи основныхъ началъ права, политики и экономической жизни, о чемъ всв разсуждають вкривь и вкось, «начиная оть мужика и оканчивая министрами, членами Государственнаго Совъта и высшимъ генералитетомъ» (стр. 179). Къ перепискъ съ Кавелинымъ примыкаетъ переписка съ его біографомъ Д. А. Корсаковымъ, доходящая до времени революціи. Очень много напечатано въ этомъ же томъ писемъ графа Алексъя Толстого, важныхъ для его біографіи и исторіи поэтическаго творчества. Далье здысь же имъются болъе или менъе любопытныя письма Д. Л. Мордовцева, В. В. Стасова, Александра Веселовскаго, А. Н. Островскаго, И. Е. Забълина и мн. др. лицъ.

Третій, Тургеневскій, томъ нѣсколько расхолаживаетъ ожиданія. 338 писемъ Тургенева въ большей своей части посвящены дѣловымъ отношеніямъ писателя и редактора журнала, и собственно для характеристики Тургенева и его біографіи даютъ очень мало новаго, такъ какъ масса писемъ его уже опубликована. Новыя письма обрисовываютъ извъстное щепетильное отношеніе Тургенева къ тексту своихъ писаній; говорятъ о всегдашнихъ деликатно добрыхъ отношеніяхъ его къ начинающимъ силамъ литературы; ихъ онъ постоянно рекомендовалъ и поддерживалъ, между прочимъ, здѣсь рѣчь о французскихъ писателяхъ Золя, Мопассанѣ и др.; извъстно, что онъ ввелъ ихъ, можно сказать въ русскую печать чрезъ «Вѣстникъ Европы». Подробно разсказана въ этомъ томѣ въ разныхъ письмахъ и исторія похоронъ Тургенева, которыя организовалъ Стасюлевичъ. Очень содержательны и интересны многими подробностями о замѣчательныхъ людяхъ литературы многочисленныя письма Анненкова, донолняющія его извѣстныя воспоминанія.

Къ этой перепискъ приложено еще не бывщее полностью въ печати письмо Карда Маркса Апненкову о Прудонъ, важное для исторіи идей вождя европейскаго пролетаріата. Не оправдывають ожиданій здісь же напечатанныя письма европейскихъ знаменитостей, сотрудничавшихъ въ «Въстникъ Европы» - Луэрбаха, Шпильгатена, Эмиля Золя, Мопассана, Цабеля и пр. Все это переписка совершенно дъловая. Изъ другихъ болъе или менъе громкихъ именъ, проходящихъ въ этомъ томъ, можно назвать Н. А. Бълоголоваго, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонскаго и пр. Значительный интересь представляеть напечатанная въ приложени брошюра Стасюлевича, изданная имъ въ 1882 году въ Берлинъ анонимно: «Черный передёль реформь императора Александра II», это-одинъ изъ выдающихся моментовъ той неутомимой идейной борьбы, которую всю свою жизнь велъ Стасюлевичъ съ реакцією, воплотившейся тогда въ лицъ гр. Д. Толстого. Сравнительно меньше интереса представляють тъ внутреннія обозрънія, которыя также приложены къ настояшему тому, и въ свое время были выръзаны усердной не по разуму цензурой изъ «Въстника Европы».

Мы могли только бъгло охарактеризовать здъсь все богатство архива Стасюлевича; безъ этого изданія не можеть обойтись теперь ни одинъ историкъ литературы и общественности за послъднія 50 лътъ.

Ч. Вътринскій.

А. Ө. Кони. «На жизненномъ пути». Спб. 1912. Томъ первый. Изъ записокъ судебнаго дъятеля. Житейскія встръчи. 679 стр. Ц. 2 р. 50 к. Томъ второй. Изъ воспоминаній. Публичныя чтенія. Въ Верхней па-

латъ. 792 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Книга извъстнаго нашего судебнаго дъятеля, академика Анатолія Өеодоровича Кони, принадлежить къ числу произведеній, говорящихъ сами за себя; на нихъ достаточно указать читателю. Широкій умъ, захватывающій разнообразнъйшіе интересы — судебной спеціальности автора, общественности, литературы и науки, замъчательная жизнь, полная стойкой борьбы за начала общественной справедливости и права; огромное разнообразіе встръчь и близость съ виднъйшими людьми Россіи въ ея литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ верхахъ: настоящій литературный талантъ стилиста и тонкаго наблюдателя людей и жизни, — всъ эти ръдкія въ отдъльности и еще болъе ръдкія въ такомъ сочетаніи качества и черты пройдуть предъ читателемъ въ двухъ томахъ книги А. Ө. Кони, подводящей какъ бы итоги его жизни.

Предъ нами рядъ разнообразнѣйшихъ набросковъ, этодовъ, портретовъ, характеристикъ, объединенныхъ мастерствомъ разсказа, всегда плавнаго, спокойнаго и внушительно-убѣдительнаго. Неизмѣнно серьезный и вдумчивый авторъ внимательнымъ окомъ слѣдитъ за проходившими предъ нимъ и шедшими рядомъ съ нимъ людьми и дѣлами. Какъ судебный дѣятель, имѣющій дѣло съ живыми людьми, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ, каждый требуетъ особаго вниманія, — А. Ө. Кони привыкъ тщательно индивидуализировать каждый подлежащій его разбирательству житейскій случай или правовой казусъ. И въ литературу онъ перенесъ тотъ же пріемъ: каждое явленіе, каждое живое человѣческое лицо, о которомъ онъ поведетъ разсказъ, подъ его перомъ является нѣкоторымъ перломъ творенія, какъ-то особенно внутренно законченнымъ міромъ. Это — художникъ портретистъ, болѣе всего дорожащій своеобразіемъ и отдѣльностью любовно и выпукло выписываемыхъ имъ фигуръ.

Отъ этого онъ кажутся иногда какъ бы оторванными одна отъ другой, описанныя имъ явленія не сведенными въ общую соціальную картину виденнаго и пережитаго авторомъ, въ отличе отъ такихъ цельныхъ картинъ жизни, какъ «Семейная хроника» С. Аксакова, «Былое и Думы» Герцена и т. п. Но такъ общирна и разнообразна галлерея портретовъ Кони, столько явленій пережито и схвачено имъ, что изъ отрывочно разсказаннаго у читателя, умѣющаго мало-мальски разбираться въ подобномъ матеріалъ, невольно складываются законченныя картины. При всей неизмънной корректности тона, А. О. Кони является прокуроромъобвинителемъ русскаго безправія, безтолочи и безнадежнаго бюрократизма нашихъ верховъ, съ чъмъ, такъ часто вполнъ безнадежно, боролись и борятся лучшіе русскіе люди. Эта борьба шла, начиная съ конца дореформенной эпохи, въ особенности въ восьмидесятые года, когда, по выраженію автора, «достаточно было не утратить способности краснъть за себя и за другихъ при столкновеніяхъ съ рабольпствомъ и предательствомъ единомышленниковъ или низостью противниковъ, чтобы получить кличку «краснаго», влекшую за собою иногда весьма осязательныя посл'єдствія» (т. І, стр. 2), и вплоть до нашихъ дней, когда автору приходится вести горячую и-увы!-столь часто безплодную по своимъ ближайшимъ результатамъ борьбу въ нашей «Верхней палатъ»,— Государственномъ Совътъ, --борьбу за тъ же элементарнъйшія начала права и справедливости, какъ и полвъка назадъ. Въ то же время книга обогащаеть и невольно заражаеть читателя тъми же чувствами сердечнаго волненія, какими тепло насыщены краски портретовъ автора, волненія и піэтета предъ воплощенными въ лучшихъ русскихъ людяхъ нравственными силами долга и любви къ родинъ и ближнему

Первый томъ «На жизненномъ пути» отведенъ преимущественно людямъ и явленіямъ и вопросамъ, связаннымъ съ судебною карьерою автора. Каждый судебный дѣятель найдстъ здѣсь не только разсказы о громкихъ судебныхъ дѣлахъ, въ свое время волновавшихъ общество (дѣло Овсянникова, игуменьи Митрофаніи, Вѣры Засуличъ — впрочемъ, послѣднее затронуто лишь мимоходомъ — и проч.), но и живое изложеніе итоговъ богатѣйшаго служебнаго опыта Кони. Нѣкоторыя главы, это настоящій vademecum для того, кому судебная дѣятельность не только карьера, но и, дѣйствительно, служеніе обществу. Таковы главы «Пріемы и задачи обвиненія», «Обвиняемые и свидѣтели», «Свѣдующіе люди и эксперты» — настоящіе уроки, едва ли не исчерпывающіе дѣло, трезваго, вдумчиваго и гуманнаго судьи товарищамъ и ученикамъ. Здѣсь же находять себѣ, хотя и косвенное, но суровое осужденіе тѣ пріемы обвинительной власти, въ которыхъ слѣпая Өемида проявляеть свои надіоналистическія, вѣроисповѣдныя или начальственныя симпатіи...

Но намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, которымъ трудно отдѣлаться отъ угла зрѣнія на судебный міръ, внушенный намъ «Воскресеніемъ» или «Смертью Ивана Ильича», все-таки нѣсколько холодно въ этомъ мірѣ, гдѣ такъ свободно и легко движется мысль и укладывается человѣческое чувство автора. Намъ все же нѣсколько чужда эта какъ бы олимпійская увѣренность автора въ томъ, что въ итогѣ игры судебнаго сита — если игра будетъ вестись по всѣмъ правиламъ закономѣрности добросовѣстности и искусства — отсѣется непремѣнно безусловная истина. Подлинный глубокій трагизмъ жизни какъ бы прикрытъ въ судебныхъ разсказахъ автора его вниманіемъ къ профессіональнымъ мелочамъ, и гез indicatae слишкомъ ужъ рго veritate habentur. Когда онъ, напр. (стр. 569 перваго тома), возмущается «изувѣрами», «прибѣгающими къ гпуснымъ противоправственнымъ дѣйствіямъ въ родѣ сваль-

наго грѣха» (имѣя въ виду соминтельныя обвиненія противъ «хлыстовъ»), невольно кажется, что авторъ слишкомъ ужъ близокъ къ той же плоскости, въ которой стоитъ и отрицательно имъ характеризуемый Реутскій,

вря илодившій скопческія и хлыстовскія д'вла.

Съ большей отрадой читатель отдастся власти таланта автора, когда тоть переходить къ явленіямъ и характерамъ непосредственно обаятельнымъ своею жизненною правдою или общественнымъ значеніемъ. Таковы въ первомъ томѣ характеристики графа П. Гейдена (ему посвящена книга) или А. И. Урусова, или «житейскія встрѣчи» съ колоритными и оригинальными людьми, воспоминанія о «домочадцахъ» автора, облики которыхъ напоминаютъ извѣстныхъ «слугъ» Гончарова. Особенно же захватываетъ и увлекаетъ г. Кони своими воспоминаніями и публичными чтеніями о литературныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ, помѣщенными въ первой большей части второго тома.

Левъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Писемскій, Апухтинъ, Чупровъ, Ключевскій, Стасюлевичъ, К. К. Арсеньевъ, гр. Д. Милютинъ, Вел. кн. Константинъ Николаевичъ, Дриль, Гротъ и многія другія лица, портреты которыхъ болѣе или менѣе живые и привлекающіе даны во второмъ томѣ, — это цѣлый вѣнокъ именъ, не только извѣстныхъ, но большею частью и безконечно дорогихъ каждому, кто не чуждъ интересовъ и обаянія русской литературы, общественности и гражданственности въ высшихъ проявленіяхъ послѣдней. Указанный уже нами рѣдкій даръ индивидуализаціи, теплое чувство и художественная полнота воспріятія придаютъ всѣмъ этимъ портретамъ незабываемую живость и красочность. Съ ними неминуемо будетъ считаться каждый изслѣдователь исторіи литературы и общественности, и въ предѣлахъ настоящей замѣтки возможно лишь бѣгло от-

мътить болъе выдающееся.

Въ воспоминаніяхъ о Львъ Толстомъ, кромъ личной характеристики Толстого, приведено многое изъ бесъдъ съ нимъ г. Кони. Среди литературы воспоминаній о великомъ писатель столько сообщено пустяковъ и опошленныхъ искаженій его ръчей, что на статьъ г. Кони прямо отдыхаешь душою, снова чувствуя въяніе живой великой луши. Особенно интересны записи нікоторыхъ мнівній Толстого о литературів. Здівсь также подробно разсказаны тъ житейские случаи, которые послужили толчкомъ къ созданію романа «Воскресеніе» и драмы «Живой трупъ». Первый изъ этихъ случаевъ дошелъ до Толстого чрезъ самого А. О. Кони. — Некрасовъ также воспользовался разсказомъ г. Кони для извъстной небольшой поэмы «о холопъ примърномъ. Яковъ върномъ».— Въ воспоминаніяхъ о Тургеневъ, между прочимъ, отмъчено, какъ тяжело переживалъ онъ свое ложное положение въ семъв Віардо. — Относительно Достоевскаго разсказано подробно его посъщение колоніи малолътнихъ преступниковъ подъ Петербургомъ, описанное, впрочемъ, и самимъ Достоевскимъ въ «Дневникъ писателя».-- Необыкновенно выпукло и живо изображенъ Писемскій. Это одна изъ тёхъ характеристикъ, которыя навсегда остаются въ исторіи литературы, какъ лучшее выражение основныхъ чертъ житейской и нравственной физіономіи писателя. Въ эти воспоминанія необходимо внести лишь небольшую поправку къ весьма точнымъ обыкновенно указаніямъ. Г. Кони говорить, что трагедія «Бывые соколы», которую онъ слышаль въ чтеніи самого Писемскаго, впоследстви была переработана вплоть до измененія сюжета, такъ что въ печати г. Кони почти не могъ ея признать. Очевидно, что въ чтеніи Писемскаго онъ слышалъ не собственно тратедію «Бывые соколы», а ея продолженіе --- «Птенцы послъдняго слета»; тамъ сохранены сцены, увлекція и поразившія г. Кони въ чтеніи Писемскаго. — Весьма тепло написана и характеристика Гончарова, съ которымъ г. Кони сблизился въ послідніе печальные годы его жизни, и не меніве содержательны всів остальным характеристики второго тома.

Вторая часть этого тома — рѣчи А. Ө. Кони въ Государственномъ Совѣтѣ. При всемъ самостоятельномъ интересѣ этихъ рѣчей, полныхъ убѣдительности и твердой настойчивости въ отстаиваніи интересовъ права и нашей неустойчивой гражданственности, эта вторая часть лишь механически связана съ первой половиной тома—восноминаніями и публичными рѣчами. Одно дѣло живая литература и общественность, въ лицѣ ихъ виднѣйшихъ представителей, другое — политическія рѣчи по поводамъ преходящимъ и иногда сравнительно мелкимъ. Второй томъ, вслѣдствіс такого объединенія въ немъ существенно различныхъ по содержанію произведеній, неестественно распухъ и возросъ въ цѣнѣ. Жаль будетъ, если высокая цѣна книги отпугнетъ кое-кого отъ близкаго знакомства съ «жизненнымъ путемъ» автора. Этотъ путь высоко цѣненъ и интересенъ для всѣхъ и самъ по себѣ, и по блистательно представленнымъ и славой.

Ч. Вътринскій.

А. и М. Круазе. «Исторія греческой литературы». Руководство для учащихся и для самообразованія. Переводъ съ 7-го фр. изданія В. С. Елисъевой подъ редакціей и съ предисловіемъ С. А. Жебелева. СПБ. 1912.

Стр. XIV + 785. Цѣна 2 р. 50 к.

Съ тъхъ поръ, какъ надъ русской школою пересталь тяготъть въ прежнемь объемъ гнеть обязательной классической выучки, сталь постепенно выясняться совершенно неожиданный факть — повышенія въ русскомъ обществъ интереса къ античному міру; и по преимуществу значеніе греческой мысли, на которую перестали смотръть сквозь призму грамматическихъ трудностей и филологическихъ тонкостей. стало вырисовываться предъ русскимъ образованнымъ читателемъ во весь колоссальный рость ея глубокой оригинальности и художественной красоты. Доказательствомъ этому можетъ служить и все увеличивающееся количество статей, посвященныхъ греческой культуръ, въ русскихъ журналахъ, и участившееся появленіе капитальныхъ переводныхъ книгъ по греческой литературъ, религии и философіи; за одинъ послъд ній годъ появилось у насъ въ перевод'є цілыхъ 4 крупныхъ работы по исторіи греческой мысли: 2 книги знаменитаго эллиниста Теодора Гомперца «Греческіе мыслители» и «Жизнепониманіе греческихъ философовъ», новый переводъ «Исторіи греческой философіи» не мен'я знаменитаго Эд. Целлера и появляющаяся уже второй разъ въ переводъ 1) «Исторія греческой литературы» бр. Круазе. На посл'ядней, какъ появившейся въ самое послъднее время, мы и остановимся прежде всего.

Въ русской исторической литературъ уже давно чувствоваласъ потребность въ такомъ обзоръ греческой литературы, который бы соединялъ строгую провъренность, научность и оригинальность выводовъ съ широтой взглядовъ, популярностью и доступностью изложенія. Изъ имъющихся у насъ книгъ по греческой литературъ — и оригинальныхъ, и переводныхъ— однъ уже устаръди (какъ, напр., прекрасная для своето

¹⁾ Первый (не оконченный, впрочемъ) переволъ, появившися еще въ 1907 г. принадлежитъ С. И. Радцигу; изъ 29 главъ имъ было переведено лишь 15.

времени «Исторія классическаго періода греческой литературы» Магаффи или «Великіе греческіе писатели» Штолля), другія слишкомъ кратки и сухи (какъ, напр., «Исторія греческой литературы» Джебба), третьи (по преимуществу принадлежащія русскимъ авторамъ) или недостаточно полны или недостаточно оригинальны. Этихъ недостатковъ книга бр. Круазе чужда болье, чъмъ какой-либо другой обзоръ греческой литературы на русскомъ языкъ. Во французскомъ оригиналъ она предназначена «для воспитанниковъ средней школы и для тъхъ читателей, которые пожелали бы оріентироваться съ существенныхъ пунктахъ греческой литературы». Уже эта популяризаторская задача заставляеть авторовь писать просто и доступно, не теряясь въ мелочахъ; къ этому присоединяется еще и та способность къ ръзко очерченнымъ обобщеніямь, которая вообще бываетъ присуща французскимъ авторамъ. Но за ясностью, простотою и доступностью изложенія въ книгъ бр. Круазе скрывается огромная изслъдовательская работа, и каждый ихъ выводъ, если и не всегда оригиналенъ, то всегда провъренъ на основаніи источниковъ. Ручательствомъ серьезности работы бр. Круазе служить уже одно то, что данное «руководство» является популяризаціей и сокращеніемъ болъе обширной и пользующейся заслуженной извъстностью иятитомной работы тъхъ же авторовъ «Histoire de la littérature Grecque» (Paris, 1896—99), гдъ интересующійся можеть найти больше и документальности, и подробностей и гдъ «изслъдовательскій» характеръ работы обоихъ братьевъ выступаетъ наружу въ болѣе ясномъ вилѣ.

Достоинствомъ разбираемой книги надо признать и широту охваченнаго авторами хронологическаго періода. Въ то время, какъ почти всё имѣющіеся на русскомъ языкѣ обзоры греческой литературы заканчиваются классическимъ періодомъ, книга бр. Круазе даетъ рядъ прекрасныхъ главъ не только объ александрійской поэзіи и наукѣ, но и о греко-римской эпохѣ, объ эллинскомъ возрожденіи послѣ Нервы до смерти Діоклетіана и даже о концѣ эллинизма въ IV и V вв. послѣ Р. Х.

При всёхъ этихъ достоинствахъ въ книгъ бр. Круазе есть одинъ недостатокъ. Французскіе авторы, несмотря на всю свою эрудицію, склонны придавать эволюціи греческаго духа слишкомъ самодовленній характеръ. Они дали объщание въ предисловии не вырывать разбираемаго писателя изъ «коллективной и анонимной основы, поддерживающей его» и ставить индивида «на очную ставку» съ окружающей его дъйствительностью, но нельзя сказать, чтобы исполнили это объщание въ полной мъръ. Для читателя было бы желательно и интересно увидёть въ главъ о Платонъ, напр., указаніе на ту соціально-политическую и культурную почву, на которой это ученіе выросло, на ту концентрацію капиталовь и ту аристократизацію жизни и мысли, которыя такъ характерны для Греціи времени Платона; для него было бы не менъе полезно прочитать въ этихъ главахъ о ранней греческой лирикъ — и объ экономическомъ переворотъ VII-VI въка, происшедшемъ въ связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ. Вообще надо сказать, что безконечныя нити, связывающія соціально-политическую исторію Греціи съ исторіей ея мысли, въ книгѣ бр. Круазе затронуты слабо, и часто чисто литературный разборъ произведеній греческой мысли заслоняеть собой ихъ общеисторическое значеніе.

Но и безъ этого книга бр. Круазе даетъ много русской читающей публикъ. Полнота свъдъній, ихъ провъренность, доказательность выводовъ, простота изложенія, — все это придаетъ книгъ большую цънность; а редакторъ русскаго перевода еще болъе увеличиль эту цънность.

дополнивъ библіографическія примъчанія къ книгъ и давъ этимъ возможность для желающихъ углубить ихъ знакомство съ греческой литературой.

В. Перцевъ.

Dr. Maurycy Straszewski. Dziefe filozoficznej mysli polskiej. Tom I.

Krakow. 1912. Ctp. 511.

Книга проф. Краковскаго университета Страшевскаго представляетъ собою первый томъ задуманной имъ исторіи польской философіи послъ паденія Польши. Первый томъ обнимаетъ періодъ отъ послъдняго раздъла Польши до 1831 г.; второй отъ 1831 до 1871 г. и послъдній отъ 1871 г. до нашего времени.

Такое странное на первый взглядъ дѣленіе исторіи философіи по политическимъ датамъ вытекаетъ изъ вполнѣ правильной основной мысли проф. Страшевскаго, что въ Польшѣ исторія философскихъ исканій какъ и всего духовнаго творчества находится въ тѣснѣйшей связи съ политическими событіями, съ потерей политической независимости и мечтами о ея возстановленіи. Въ философіи польскіе умы искали опоры для своихъ патріотическихъ чаяній, что и привело къ расцвѣту польской мессіанистической философіи. Послѣдняя является идейной основой романтизма въ Польшѣ и потому исторію философской мысли въ Польшѣ приходится разсматривать и въ связи съ поэзіей, въ образахъ которой она нашла свое самое яркое выраженіе.

«Философія выступила у насъ въ од'яніи поэзіи, — говорить г. Страшевскій, —и стыдиться этого од'янія не сл'ядуетъ. Нужно отказаться отъ предразсудка, что въ исторію философіи входять произведенія, написанныя только прозой. Къ ней относится все, что ведетъ къ обоснованію, углубленію и построенію міросозерцанія». Трудъ проф. Страшевскаго выходить, такимъ образомъ, изъ рамокъ исторіи философіи въ узкомъ смысл'я слова (изложенія философскихъ ученій и ихъ взаимной связи), это — исторія философскихъ исканій, въ которыхъ отвлеченныя теоріи являются лишь средствомъ для жизненныхъ и, главнымъ обра-

зомъ, патріотическихъ цълей.

Разсматривать исторію этихъ исканій независимо отъ политическихъ событій трудно еще и потому, что приходится считаться и съ внѣшними условіями, въ которыя была постановлена работа польскихъ мыслителей. Условія эти были таковы, что въ работѣ не могло образоваться преемственности, традиціи, школы. Не было очаговъ, вокругъ которыхъ могла сосредоточиться правильная и спокойная философская работа. Разсадники просвѣщенія въ Польшѣ первой половины XIX вѣка — университеты въ Вильнѣ и въ Варшавѣ существовали очень недолго, и въ особенности недолго продолжалось благопріятное для ихъ процвѣтанія время: оно скоро смѣнилось гоненіями на польскихъ ученыхъ. Въ высшей степени характерной является судьба Голуховскаго, о которомъ разсказываетъ Страшевскій въ первомъ томѣ своей работы.

Іосифъ Голуховскій высоко одаренный ученый и другъ Шеллинга, обратившій на себя вниманіе въ Германіи книгой объ «отношеніи философіи къ жизни» (Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben ganzer Völker und einzelner Menchen) прибылъ въ 1822 г. въ Вильно съ самыми радужными надеждами посвятить себя преподаванію философіи. Послѣ долгихъ стараній въ 1823 г. Голуховскому удалось добиться разрѣшенія начать курсъ философіи. Его первая же лекція о задачахъ философіи произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе. Голуховскій увлекалъ аудиторію тѣми широкими горизонтами, которые открыва-

лись, благодаря философіи. «Задача философіи — создать возвышенную Философія осв'яжаеть жизнь, расширяеть ея преинтуицію жизни. дълы, увеличиваетъ наше господство надъ жизнью, освобождаетъ нашъ духъ изъ цъпей, нашу дъятельность освобождаетъ изъ-подъ власти случайности и ведеть ее къ свободъ». Поэтому философія должна подготовлять и государственныхъ дъятелей и вождей народа. Такъ проповъдываль восторженный молодой философъ, но дъйствительность поспъшила охладить его преподавательскій пыль. Новосильцевъ, встревоженный растущей популярностью Голуховскаго среди молодежи, потребоваль изм'єненія программы и выражаль надежду, что «проф. Голуховскій при своихъ дарованіяхъ, богатомъ запасв знаній и высокой правственности безспорно сможеть оправдать надежды правительства». Очевидно, Голуховскій этихъ надеждъ не оправдалъ, такъ какъ въ 1824 г. былъ отстраненъ отъ каеедры и этимъ его преподавательская дъятельность окончилась. Еще болье нечальна судьба Гёне-Вронскаго, который при своихъ геніальныхъ дарованіяхъ, энциклопедическихъ знаніяхь и фанатической въръ въ свое призваніе сдълать переворотъ въ наукъ и философіи, долженъ былъ вести жизнь скитаній и лишеній. Гёне - Вронскій и Голуховскій — самые оригинальные представители илеалистической мысли въ Польшъ, оказавшіе сильное вліяніе на развитіе польскаго мессіанизма. Г. Страшевскій не даеть исчерпывающаго очерка философіи Вронскаго и Голуховскаго, т. к. развитіе ихъ идей закончилось после 1831 г., на которомъ останавливается онъ въ первомъ том'в своего труда. Но давая общую характеристику Вронскаго, Страшевскій опровергаеть распространенный взглядь на него, какъ на мистика, его философія, наобороть, проникнута върой въ разумъ, онъ--- «романтикъ разума, какъ Голуховскій — романтикъ чувства». М. Страшевскій, самъ сторонникъ идеализма, съ особенной любовью останавливается на представителяхъ идеалистическихъ теченій въ польской философіи, но онъ удёляетъ довольно много мъста и польскимъ кантіанцамъ и позитивистамъ, проникнутымъ завътами «въка просвъщенія», какъ Сташицъ и Снядецкій, страстный противникъ философіи Канта ¹). Вообще книга г. Страшевскаго интересна собраннымъ въ ней матеріаломъ; отрицательную ея сторону составляеть некоторую хаотичность изложенія, отсутствіе ссылокъ на источники и библіографическихъ указаній и м'єстами излишне панегирическій тонъ.

Л. Козловскій.

Н. Горбовъ. Донателло. (Москва, 1912).

Книга эта является цённымъ вкладомъ въ нашу литературу объ искусствъ. Ее съ удовольствіемъ прочтутъ и спеціалисты и не спеціалисты: авторъ въ доступной и вполнъ литературной формъ даетъ детальное историческое изслъдованіе о жизни и работахъ величайшаго скульптора Кватроченто. Паралельно съ художественнымъ разборомъ от-

¹⁾ Янъ Снядецкій хорошо быль извѣстень въ русскихъ общоственныхъ и литературныхъ кругахъ 20 годовъ XIX в., «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго охотно популизироваль его антикантіанскія идеи, желая опереться на его авторитеть въ снорномъ вопросѣ о значеніи нѣмецкой идеалистической философіи (см. «В. Е.», 1817, № 20; 1819, № 11; 1822, № 23 и 24; 1823, № 2). Снядецкому возражаль на страницахъ того же журнала одинъ изъ представителей нашего любомудрія В. Андросовъ («В. Е.», 1823, № 3—4, 6).—Нелишне отмѣтить, что мистическое ученіе Вронскаго сильно интересовало кн. В. Ө. Одоевскаго даже въ срединѣ сороковыхъ годовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ, напр., его «Русскія письма» (бумаги въ Имп. П. библіотекъ, переплетъ 26, л. 127).

дъльныхъ произведеній Донателло авторъ приводить исторію каждаго изъ нихъ, почти всегда любопытную съ культурно - исторической точки зрвнія, имвющую нервдко значеніе и для пониманія художественнаго смысла произведеній. Дінтельность Донателло авторь подраздівляеть на три періода, отмѣчая, впрочемь, схематичность такого значенія: 1) періодь какь бы подготовительный,—періодь раннихь, почти ученическихъ работъ, такихъ, какъ статуя Петра на Оръ-Санъ-Микеле: 2) періодъ свободнаго творчества и 3) періодъ пессимизма. Первый періодъ заканчивается фигурами пророковъ фасада собора во Флоренціи. Но и среди нихъ фигура Іоанна Богослога, особенно индивидуально трактованная голова его, является уже переходомъ къ свободнымъ произведеніямъ художника. Второму періоду авторъ естественно уд'вляєть наибольшее вниманіе: сюда относятся самыя крупныя и значительныя произведснія Донателло-тъ созданія, которыми онъ сказаль свое слово въ искусствъ, благодаря которымъ сдълался однимъ изъ крупнъйшихъ художниковъ: отъ св. Георгія (Оръ-Сань-Микеле) и Цукконе Джоттовской кампаниллы до намятника Гаттамелаты въ Падув-рядъ блестящихъ произведеній высшаго расцвіта художественнаго реализма.

Къ періоду расцвъта, кромъ многихъ работъ, исполненныхъ Донателло въ родномъ городъ его, относятся работы художника въ Сіенъ, поъздка его въ Римъ и отчасти пребываніе его въ Падуъ. Но здъсь же, въ Падуъ, въ его творчествъ начинаютъ звучать и новыя ноты, которыми характеризуется послъдній, совпадающій со старостью, періодъ его дъятельности. Характеристика произведеній этого послъдняго періода (ей посвящена въ книгъ Горбога послъдняя глава: «Страданіе») производитъ впечатлъніе нъкоторой поспъшности. Такая психологическая загадка, какъ полный переломъ въ творчествъ старъющаго художника, — переломъ, сопровождавшійся смъной жизнерадостнаго міросозерцанія глубочайщимъ пессимизмомъ и отразившійся даже на техникъ произведеній художника, заслуживалъ бы на нашъ взглядъ болье глубокаго разбора.

Во всемъ изложеніи авторъ придерживается хронологическаго метода. Въ этомъ и сила его и слабость: выигрывая въ последовательности, книга теряетъ въ цълостности. Тъмъ болъе, что г. Горбовъ не ограничивается характеристикой художественныхъ произведеній Донателло, а хочеть дать эти произведенія въ рамкъ біографіи художника и тъхъ историческихъ условій, въ которыхъ онъ жилъ и развивался. Попытка расширить тему, къ сожалѣнію, плохо удалась автору: отрывочныя картины культурно-бытового характера, которыми испещрена вся книга, не дають достаточно полнаго представленія объ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ въ жизни человъчества, какъ, повидимому, хотълъ авторъ. Они, съ другой стороны, нарушають цёльность изложенія, мёшають читателю сосредоточиться на центральномъ образъ самого Донателло и въ должной мъръ оцънить полноту и всесторонность характеристики его творчества. Это творчество авторъ трактуетъ въ связи съ работой другихъ художниковъ, современниковъ Донателло; кромъ упомянутой выше параллели между рельефными работами Донателло и Гиберти, авторъ касается дъятельности и Кверчіа, и Брунелеско (архитектора), и Вероккіо, и многихъ другихъ, съ къмъ Донателло соприкасался въ жизни и работахъ, при чемъ характеризуетъ ихъ и какъ самостоятельныхъ художниковъ. Съ этими бъглыми характеристиками не всегда можно согласиться; трудно, напримъръ, признать Вероккіо сентиментальнымъ, невозможно все искусство целаго ряда крупныхъ скульпторовъ Возрожденія назвать «лишь пріятнымь», какъ это ділаеть авторь. По, тімь не меніс. эти экскурсы въ исторію искусства очень оживляють и дополидють

изложеніе. Здёсь имъется только одинь существенный пробёль: ничего не говорится о дёятельности Мазаччіо, по духу самаго близкаго къ

Понателло художника его времени.

Лучшее въ книгъ — характеристика самого Донателло. Г. Горбовъ съ достаточной яркостью характеризуетъ и его реализмъ, далекій отъ реализма фотографическаго, и психологическую глубину его твореній, и героическую черту въ нихъ; наконецъ отношеніе Донателло къ античному искусству, отъ котораго онъ всю жизнь оставался внутренне независимъ, несмотря на то, что заимствоваль отъ него нѣкоторыя внѣшнія черты и научился отъ него высшей творческой свободѣ.

Къ книгъ приложено множество снимковъ; почти всъ произведенія самого Донателло, немало и вещей другихъ художниковъ. Качество

снимковъ очень посредственно, некоторые и совсемъ неудачны.

В. Степанова.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матеріалы. Москва. Сино-

дальная типографія. Выпуски І и II. 1912 г.

Благая мысль описать все, что еще сохранилось въ помъщичьихъ усадьбахъ интереснаго въ художественномъ и историческомъ отношеніяхъ, безспорно принадлежить редакціи «Старыхъ Годовъ», на страницахъ которыхъ появился въ теченіе посл'єднихъ л'єть рядъ интересныхъ изсл'єдованій какъ-то: «Пом'єщичьи усадьбы» Бар. Н. Н. Врангеля, «Останкино» П. П. Вейнера, «Ляличи» Н. Е. Макаренко и др. Въ настоящее время Тульскій Отділь Общества защиты и сохраненія памятниковъ искусства, основанный всего въ 1911 г., благодаря энергіи его предсъдателя гр. Ю. А. Ольсуфьева, ознаменоваль свою деятельность выпускомъ двухъ томовъ «Матеріаловъ», заключающихъ въ себъ снимки съ памятниковъ старины и церковной, архитектурной, а также съ произведеній масляными красками, художественной бронзы, серебра, мебели фарфора и т. д., заключающихся въ собраніяхъ гг. Давыдовскихъ, Нарышкиныхъ, гр. Олсуфьевыхъ, Писаревыхъ и Мясофдовыхъ; снимки исполнены превосходно; среди портретовъ и картинъ воспроизведены работы Тропинина, акварели Соколова, гуаши Орловскаго и т. д. Къ сожалънію, къ снимкамъ не приложено никакихъ описаній воспроизведенныхъ предметовъ, двъ странички примъчаній также даютъ очень мало, таблицы даже не перенумерованы, нъть указателя, а потому очень трудно отыскать тотъ или иной предметь, но въ общемъ появленіе этихъ «матеріаловъ» нельзя не привътствовать и можно пожелать, чтобы и другіе отдёлы Общества сохраненія памятниковъ старины последовали примеру Тульскаго Отдела.

В. Адарюковъ.

Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. 29-й. 1812 г. Въ послъднемъ выпускъ «Трудовъ» заслуживаютъ быть отмъченными, между прочимъ, интересные матеріалы изъ архивныхъ дълъ 1857 — 1867 гг., посвященные борьбъ съ сектантствомъ въ Аткарскомъ уъздъ. Матеріалы эти извлечены г. Коноваловымъ (Ф. П.) и переданы на храненіе въ Саратовскую Архивную Комиссію... Въ книгъ они напечатаны не полностью, а въ видъ болъе или менъе цъльнаго очерка, дающаго довольно образную иллюстрацію къ исторіи религіозныхъ гоненій въ Россіи. Дъло касается отношенія мъстныхъ властей къ мъстнымъ молоканамъ среди удъльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Передъ пами проходятъ рядъ хорощо знакомыхъ картинъ. Крестьянинъ Подсъ-

каловъ обвиняется «въ содержаніи молоканской секты» и, между прочимъ, «въ незаконномъ сожительствъ съ мнимою женою своей Ириной Анфиногеновой». Оба вызываются въ четвертый разъ въ увздный судъ, который постановляеть подвергнуть ихъ священническому вразумленію «для увъщаванія въ ихъ заблужденіи въ столь вредной ереси и, въ случав неоставленія ими оной, заключить ихъ подъ стражу». Последнее и выполняется 13 декабря 1860 г. Авторъ чрезвычайно ярко показываетъ, что стоило аткарскимъ сектантамъ практиковавшіяся консисторскія увъщанія ихъ въ Саратовъ. «Собереть, бывало, увздный судъ партію еретиковъ и стараго и малаго, мужчинъ и женщинъ, неръдко съ грудными дътьми на рукахъ... и цълыми недълями... тянетъ ихъ изъ дому въ Аткарскъ, изъ Аткарска въ Саратовъ этапнымъ порядкомъ въ духовную консисторію. Тамъ ихъ принявши держать въ заключеніи 10-15 сутокъ и тъмъ же порядкомъ возвращають обратно ни съ чъмъ: оказывается, что они не были еще на ув'ящаваніи у своего приходскаго духовенства, а безъ того консисторія увъщавать ихъ не имъетъ права. Едва такая партія возвращается, увздный судъ, несмотря на только что получившій прим'єрь, посылаеть другую партію, и та такимь же образомъ, совершивъ 500 верстный моціонъ, возвращается обратно съ тъмъ, чтобы послъ приходскаго увъщаванія еще разъ спутешествовать въ консисторію подъ командою сотскихъ и десятскихъ». Посл'є ув'єщаванія, какъ мы знаемъ, берутъ «подъ стражу».

Такова канцелярская сторона дѣла. За увѣщаваніемъ нерѣдко на мѣстахъ слѣдуетъ и продолженіе, въ которомъ дѣйствующими лицами участвуютъ мѣстное духовенство и сельскія власти. Авторъ приводитъ характерную выдержку изъ прошенія, поданнаго сектантами с. Судачья

и Березовки въ ноябръ 1860 г. министру внутреннихъ дълъ:

«Когда мы возвращены были на родину изъ консисторскихъ увѣщаваній и своимъ убѣжденіямъ мы не измѣнили и возвратиться къ православію отказались, тогда мѣстное духовенство съ сельскими властями подвергло насъ позорному поруганію и жестокимъ побоямъ. Староста с. Березовки и сотскій въ присутствіи священника четверымъ изъ насъ связали назадъ руки и били кулаками нодъ животъ; сидѣли въ Березовкѣ съ 17 по 25 мая, потомъ отправили насъ въ Краншевку, изъ Краншевки въ Елань; по истеченіи 6 сутокъ возвратили опять въ Краншевку и держали тамъ, безъ всякаго слѣдствія, шесть недѣль, нанося намъ ежедневныя истязанія и издѣвательства, лишивъ насъ свободы во все время ярового посѣва; сельскія власти съ духовенствомъ во главѣ довели насъ до крайняго разоренія, оставивъ насъ безъ посѣва хлѣба и годового пропитанія нашихъ семей».

Черезъ два года въ томъ же селѣ Судачьемъ развертываются еще болѣе жестокія сцены самосуда надъ сектантами. И опять въ роли активныхъ подстрекателей и руководителей избіенія сектантовъ выступаютъ мѣстное духовенство и волостное уже начальство. Сектантовъ все старались направить на лоно господствующей церкви, употребляя всѣ средства.

«Духовенство,—гласить докладная записка, поданная сектантами 12 мая 1862 г. губернатору,—силою заставляло ходить въ церковь для говънія, также поступають каждый праздникъ, говоря: если мы не пойдемъ, тотчасъ будуть съчь розгами и дадуть по 500 ударовъ. На Страстной недълъ сажали насъ въ холодную. На Свътлой пасхальной недълъ священникъ съ причтомъ и иконами насильно входили къ намъ въ дома и требовали приличной награды за служеніе. Въ тъхъ избахъ, которыя были заперты, сотскіе выламывали окна и отпирали двери и впускали духовенство.

Ничего, однако, не помогало. Тогда надъ сектантами была произведена другого рода экзекуція. 10 января староста арестовываеть всёхъ молоканъ и засаживаетъ ихъ въ холодную (въ полномъ смыслъ слова). Здъсь сектанты находятся трое сутокъ безъ ъды и питья. 12-го «изнуренныхъ 3-дневнымъ голодомъ и невыносимымъ холодомъ» сектантовъ

ведуть на сходъ для расправы.

«Выводили не сразу всѣхъ, а по одному. Ворвутся нѣсколько мужиковъ, схватятъ за волосы и поволокутъ насъ на площадь и сзади сопровождаютъ кулаками и пинками. Возлѣ волостного правленія ожидало насъ сугубѣйшее тиранство: тутъ приготовлена была огромная куча распаренныхъ розогъ длиной отъ 5 до 6 четвертей... По приказанію засѣдателя... сорвали съ насъ одежду, повалили совершенно голыхъ на снѣгъ, при жестокомъ морозѣ, придавили ноги и головы, сѣкли насъ до потери сознанія, безъ милости и счета; когда розги о наши тѣла обламывались, ихъ замѣняли новыми... Когда мы впадали въ обморокъ, поднимали насъ на вѣтеръ и, приведя въ чувство, спрашивали: «будешь ли креститься?» При отрицательномъ отвѣтѣ клали опятъ и снова начиналось истязаніе и такъ было разъ по пяти. Нѣкоторые изъ истязаемыхъ въ безпамятствѣ крестились: «на другой день тираны наши гнали полуживыми насъ къ священнику въ церковь и тамъ заставляли подписываться, что будто бы мы добровольно обращаемся въ православіе».

Послѣ экзекуціи надъ сектантами быль учреждень строгій полицейскій надзорь, чтобы не дать имъ возможности принести жалобу. Но, тѣмъ не менѣе, жалоба была принесена,—чрезвычайно любопытны ея послѣдствія. Губернаторь и уѣздный судъ въ данномъ случаѣ оказались на должной высотѣ. Но въ дѣло вмѣшалась Палата Государственныхъ Имуществъ, предложившая губернатору прекратить начатый судебный

процессъ...

Въ той же книгъ «Трудовъ» слъдуеть отмътить замътку «А. Н. Радищевъ, управляющій С.-Петербургской таможней».

C. M.

С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкъ. Вып. І. Новгородъ. 1912 г. Вып. ІІ и ІІІ. Новг. 1912 г. Вып. ІV

и V. Новг. 1912 г. Цена 2 руб., 2 руб. 50 к. и 1 руб. 50 к.

«Обзоръ» г. Минцлова, начатый имъ въ 1911 году, въ настоящее время законченъ съ выходомъ въ свътъ IV и V выпусковъ, посвященныхъ дарствованіямъ императоровъ Александра III, Александра III и Николая II. Въ подобномъ трудъ давно уже чувствовалась необходимость, и всѣ, занимающієся русской исторіей, не разъ, конечно, помянуть добрымъ словомъ г. Минцлова, значительно облегчившаго работу въ этой области: сколько времени и труда съэкономитъ онъ для каждаго въ первой стадіи его работы, въ періодъ подыскиванія матеріаловъ! Но какъ первый въ своемъ родѣ, трудъ г. Минцлова страдаетъ нъкоторыми недостатками, наличность которыхъ не даетъ возможности всегда положиться вполнъ на указанія составителя «Обзора». Самымъ существеннымъ недостаткомъ «Обзора» является нъкоторая его неполнота: онъ не даетъ исчернывающаго перечня матеріаловъ. Мы не имѣли возможности провърить страницу за страницей всѣ 5 выпусковъ «Обзора», содержащаго 4791 №№, и потому можемъ указать не всъ пропуски, а лишь нъкоторые. Полагаемъ, однако, что и это будетъ не лишнимъ. Въ вып. І, въ отдъль, отведенномъ Петру В., не названы «Записки о пребываніи Петра В. въ Нидерландахъ въ 1697 — 98 и 1716 — 17 гг.». Я. Н. Номена (Кіевъ, 1904 г., переводъ, введеніе и примъчанія В. Кордта) и «Записка о бъдной и суетной жизни человъческой» В. В. Головина; въ темъ же выпускъ, въ отдълъ, отведенномъ

Павлу I, пропущены донесенія Витворта («Р. Стар.», 1898 г., № 10), Въ выпускъ II и III не указанъ переводъ записокъ кн. А. Чарторижскаго на русскій ззыкъ въ «Р. Стар.», 1906 г., съ № 6; сейчасъ, съ выходомъ въ свъть этихъ записокъ отдъльнымъ изданіемъ этотъ пропускъ не является существеннымъ, но онъ подтверждаетъ, что не все въ «Обзоръ» г. Минцлова указано точно. Въ выпускъ IV и V не указаны воспоминанія г. Василича, относящіяся ко времени имп. Александра II и печатавшіяся въ 1911 г. въ «Русск. Въд.», «Очерки и воспоминанія» А. Ө. Кони (хотя названъ І-й томъ книги «На жизненномъ иути», вышедшей позже), книги В. Г. Короленко «Въ голодный годъ» и «Отошедшіе» (воспоминанія о Глъбъ Успенскомъ, Чернышевскомъ и Чеховъ). Съ другой стороны, для царствованія Петра В. даны «Записки» бар. Н. А. Корфа, цъликомъ относящіяся къ серединъ XIX в., такъ какъ бар. Ник. Александровичъ Корфъ род. въ 1834 г. а умеръ въ 1883 г. Его «Записки», дъйствительно, были напечатаны въ «Р. Стар.» въ 1884 г. (№№ 3-5), какъ върно указываетъ г. Минцловъ, но только къ царствованію Петра В. онъ никакого отношенія не имъють; судя по тому, что г. Минцловъ время жизни автора этихъ «Записокъ» относитъ къ 1710—1766 гг., очевидно, что онъ бар. Ник. Александровича Корфа смъщалъ съ бар. Ник. Андреевичемъ, дъйствительно жившимъ въ указанные г. Минцловымъ годы и бывшимъ петербургскимъ ген.-полип. при имп. Петръ III; принисавъ ему «Записки» бар. Ник. Алекс., г. Минцловъ и отнесъ ихъ къ царствованію Петра В. Кром'в того, въ «Обзоръ» г. Минцлова встръчаются иногда и другія неточности; такъ, напримъръ, «Записная книжка любопытныхъ замъчаній Великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 — 98 гг.», издававшаяся нъсколько разъ, отмъчена дважды, какъ нъчто различное: см. №№ 321 и 324 въ І выпускъ, изданный же въ редакціи же Горбунова «Журналъ путешествія» («Р. Стар.», № 5 за 1879 г.) приписанъ составителемъ «Обзора» кн. Б. Куракину, что вовсе еще не доказано, и потому поставленъ подъ № 329, охватывающемъ различные документы, принадлежащіе кн. Б. Куракину. Воспоминанія принца Е. Вюртембергскаго, указанныя въ изд. «Русской Были» и «Донской Ръчи», не указаны въ заграничномъ изданіи и въ «Р. Арх.», 1878 г., т. І.; записки кн. Д. Х. Ливень, указанныя въ изд. «Русской Были», не указаны въ «Истор. Вѣстникѣ», 1906 г., № 5; записки Саблукова, указанныя въ 3-хъ изданіяхъ (см. №№ 1061—63), не указаны въ «Истор. Въстникъ», 1906 г., № 1—3. Воспоминанія Н. А. Морозова «Въ началъ жизни», цъликомъ относящіяся къ царствованію имп. Александра II, почему-то отнесены въ отдълъ, посвященный царствованию имп. Николая II. Затъмъ въ «Обзоръ» г. Минцлова встръчаются ошибки въ годахъ и номерахъ разныхъ журналовъ и сборниковъ; напр., «Разсказы» Нартова о Петръ В. показаны въ 57 т. «Записокъ Имп. Академіи Наукъ», тогда какъ они помъщены въ 52 т. «Сборника отд. русск. языка и словестн. Имп. Академін Наукъ». Такія ошибки, можеть-быть, даже чисто корректорскаго свойства, въ трудахъ, подобныхъ «Обзору» г. Минцлова, очень существенны, и потому должны тщательно предусматриваться. вызываеть возражение система г. Минцлова относительно документовъ, охватывающихъ нъсколько царствованій: они помъщаются въ первомъ по времени изъ нихъ; поэтому, напримфръ, записки гр. В. Н. Головиной названы въ І выпускъ, въ отдълъ, отведенномъ царствованію имп. Екатерины II, но ихъ ніть въ отділахь, отведенныхъ царствованіямъ имп. Навла І и Александра І; заински Болотова показаны въ отделе, отведенномъ царствованию имп. Анны, и не показаны въ слъдующихъ и т. п. Этимъ, конечно, затрудняется подыскиваніе матеріаловъ для опредъленнаго въка и царствованія; г. Минцловъ рекомендуеть поэтому заглядывать всегда въ «Обзоръ» предшествующаго царствованія, однако, прим'єрь записокь Болотова показываеть, что при подборъ матеріаловъ для царствованія Екатерины II обращеніе къ отдълу, отведенному царствованію Петра III, не поможеть найти эти записки, — надо заглянуть много назадъ. Выло бы лучше, если бы составитель «Обзора», указавъ полностью сочинение, охватывающее нъсколько царствованій, въ первомъ по времени изъ нихъ, какъ онъ это дълаеть теперь, кратко называль его въ последующихъ отделахъ. къ которымъ оно имъетъ отношение, со ссылкой на предыдущую страницу, гдъ можно найти о немъ полныя свъдънія. Это, конечно, увеличило бы объемъ «Обзора», но зато ценность его поднялась бы весьма значительно.

К. Сивковъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Книгоиздательство «ЗАДРУГА»: Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ иностранцевъ. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Въ трехъ ча-

стяхъ. Ц. 3 р. 50 к. Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ воспоминаніяхъ, докуменвоина въ воспоминанияхъ, документахъ и художественныхъ произведенияхъ. Иллюстрированный сборникъ, составленный Н. Л. Бродскимъ, П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Ц. 1 р. 25 к.

Пересъ. О томъ, что Наполеона никогда не было. Съ послъсловіемъ

А М. Васкоминскато Ц. 20 к

А. М. Васютинскаго. Ц. 20 к.

Ц. Ложье. Дневникъ офицера великой арміи. Переведенъ подъ редак-

ликой арми. Переведень подъ редак-ціей Н. П. Губскаго. Сь предисловіємъ А. М. Васютинскаго. Ц. 80 к. Война и Миръ. Памяти Л. Н. Тол-стого. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Ц. 3 р.

50 к.

Книги для чтенія по древней исторім. Ч. І. Первобытная культура. Востокъ. Греція. Иллюстрированный сборникъ статей подъ редакціей А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. Ц.

2 р. 25 к. **К-во К. Ф. Некрасова: Моранъ П.** Павелъ I до восшествія на престолъ. Перев. съ франц. Н. П. Ширяевой. Ц. 3 р.

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго н его переписка съ имп. Александромъ І. Перев. съ франц. А. Дмитріевой. Редак. А. Кизеветтера. Т. І. Ц. 2 р. 50 к. Мемуары г-жи де Ремюза. Перев.

съ франц. О. И. Рудченко. Ред. С. Ф. Фортупатова. Т. І. Ц. 2 р.

Шуазель-Гуффье. Исторические мемуары объ императоръ Александръ и его дворъ. Перев. З. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к. Милицына Е. Разсказы. Т. III. М.

1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Нлингеръ Фр. М. Жизнь, двянія и гибель Фауста. Перев. съ нвмецк. А. Лютера. М. 1913 г. Ц. 1 р. 80 к. Кн. во «Современныя Проблемы»:

Фр. Нирхейзенъ. Наполеонъ І. Его жизнь и его время. Т. І. Пер. съ нъм. М. Кадишъ. Съ предислов. А. К. Дживелегова. М. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.

0. Пирлингъ. Россія и Папскій престолъ. Пер. съ франц. В. П. Потем-кина. Кн. І. Русскій и Флорентійскій Соборъ. Ц. 3 р. ж. Мишлэ. Въдьма. Перев. съ фр.

В. Фриче. М. Ц. 2 руб.

Изданія «Русской Мысли»:
Богучарскій В. Я. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг.

XIX в. Исторія «Народной Воли», ем происхожденіе, г судьба и гибель. Ц.

Целлеръ Зд. Очеркъ исторіи греческой философіи. Съ 9-го нъм. изд. перев. С. Л. Франкъ. Ц. 1 р. 80 к.

Гуревичъ Л. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. II. 1 р.

Т-во И. Д. Сытина:

Ильинскій А. Рихардъ Вагнеръ, его жизнь и твореніе. М. 1913 г. Ц.

1 р. 25 к.

А. Ф. Нони. На жизненномъ пути.
Т. И. И. 2 р. 75 к.
Кн-во «Звъзда». Популярная би-бліотека: 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 101, 104, 105; Наука, искусство, литература: 4, 6, 7, 8,

Изданія Т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ». Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. I — XI. Из-во «Грядущій День». Реми Гур-

монъ. Книга масокъ. Пер. съ фр. Е. М. Блиновой. Спб. 1913 г. Виллари П. Джир. Савонарола и его время. Пер. съ итальянск. Д. Н. Беребкова. Спб. 1913 г. Редакт. А. А. Волынскій. Т. І, т. II по 4 р.

Багалѣй Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской украйны. Харьковъ. 1913 г. Ц. 1 р. 80 к. Богучарскій В. Активное народниче-

ство 70-хъ годовъ. М. 1912 г. Изд. М. и

С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. Виноградовъ Н. Матеріалы по исторіи, археологіи, этнографіи и статистикъ Костромской губерніи. Вып. І. Писцовая и межевая книги по гор. Юрьевцу Поволжскому и Стрѣлецкой слободѣ 1676 г. Кострома, 1912 г. Цѣна не обозначена.

Вып. II. 1. Потомки Сусанина (очерки и матеріалы). 2. Сказаніе о спасеніи Михаила Өеодоровича Романова отъ руки поляковъ. Кострома. 1912 г. Цъна

не обозначена.

Двънадцатый годъ. Исторические документы, Собств. Канцеляріи главнок. 3-ю Зап. Армією г. А. П. Тормасова. Извлекъ изъ семейн. арх. и привелъ въ порядокъ Д. Ю. Ахлестышевъ. Спб. 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дельвигъ А. И., баронъ. Мои воспоминанія. Изданіе Моск. Публичн. и Румянцевскаго музеевъ. Ц. 2 р. Доброхотовъ А. Пъсни воли и тоски. 1900 — 1912 г. М. 1913 г. Стр. 336. Довнаръ-Запольскій М. В., проф.

Исторія русскаго народнаго хозяйства. Т. І. Ц. 3 р.

Изюмовъ А. Жилецкое землевладъніе въ 1632 году. М. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.

К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. Изд. В. Саблина. Тт. І — VIII.

Любомудровъ В. Эмбріологическія замътки. (О мальтузіанствъ). Спб. 1913 г. Ц. 10 к.

Иатвъевъ Н. Москва и жизнь въ

ней наканунъ нашествія 1812 г. М. 1912 г. Ц. 1 р. 20 к. Мелиховъ В. А. Культь римскихъ императоровъ и его значение въ борьбъ язычества съ христіанствомъ. Харьковъ. 1912 г. Ц. 30 к.

- Виргилій и его эклоги. Харьковъ.

1912 г. Ц. 15 к.

Мурашевъ Г. В. А. С. Пушкинъ. (1. Творчество и личность творца. 2. Политическія уб'єжденія А. С. Пушкина). Ц. 25 к.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстр. литературн. календарь-справочникъ. 1913 г. Подъ ред. Г. И. Сергъева и В. Е. Чешихина (Ч. Вътринскаго).

Отчеты Импер. Росс. Истор. Музея имени имп. Александра III въ Москвъ

за 1908, 1909, 1910 и 1911 гг. Пархоменко Вл. Христіанство Руси до Владимира Святого. Харьковъ. 1912 г.

Изна не обозначена.

Пиксановъ Н. К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Никола-евская. Темы и библіографія: Семинарій по новой русской литературъ. Спб. 1912 г. Ц. 35 к. Пинесъ М. Я., д-ръ. Исторія еврей-

ской литературы. Авторизов, Перев. съ французскаго, съ предисл. и примъч. С. С. Вермеля. Кн-во Столяръ Л. А.

Ц. 3 р. 50 к.

Сборникъ поэтическихъ произведеній по исторіи христіанской церкви. Вып. І-й. Общая церковная исторія. Составиль свящ. І. Жиловь. Юрьевь. 1912 г. Ц. 75 к.

Русская исторія съ древнъйшихъ времень. М. Н. Покровскаго при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Изд. Т-ва «Міръ». М. Кн. 1 — 8. Сборники Нижегородской Губернск. Ученой Архивной Комиссіи. Т. XII, вып. 1 и 2; т. XIII, вып. 3, 4. Н.-Н. 1912 г.

Сергъевъ А. Уходъ Таврическихъ ногайцевъ въ Турцію въ 1860 году. Симферополь. 1912 г. Цена не обозначена.

Ногайцы на молочныхъ водахъ (1790-1832 гг.). Историческій очеркъ. Симферополь. 1912 г. Цъна не обозначена.

Синьянъ Поль. Отъ Эж. Делакруа къ нео-импрессіонизму. Перев. съ фран-цузск. Ив. Дудина. М. Изд. І. Кнебель. Собраніе сочиненій Г. С. Сновороды.

Т. І. Съ біогр. Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго съ замъч. и примъчаніями В. Бончъ-Бруевича. Портретъ и факсимиле автора. Спб. 1912 г.

— Толстовскій музей въ Спб. І. Срезневскій В. И. и Тукалевскій В. Н. Описаніе музея. Спб. Ц. 50 коп.

Толстовскій ежегодникъ 1912 г. М.

Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. 29-й 1912 г. Са-

ратовъ. 1912 г.

Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнъ 1812 г. Изданіе Сарат. Учен. Арх. Комиссіи. Составилъ правитель дълъ Н. Ф. Хованскій. Ц. 1 руб.

Каталогъ масонской коллекціи Д. Г. Бурылина. Русскій отділь (съиллюстраціями). Составила Тира Соколовская.

Спб. 1912 г.

Новыя KHUГU.

Письма и бумаги имп. Петра Великаго. Т. VI. (іюль—декабрь 1707). Сиб. (Подъ редакц. И. А. Бычкова).

Архивъ Раевскихъ. Ред. и примъч. Б. Л. Модзалевскаго. Т. IV:

Грушевскій М. Иллюстрированная исторія Украйны. Пер. со второго украинскаго изданія. Спб.

Шмурло Е. Петръ Великій въ оцінкъ современниковъ и потомства. Вып. І

(XVIII въкъ). Спб.

Аваліани С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьъ. Т. І. Кръпостное право и исторія крестьянской реформы въ Тифлисской и Кутансской губ. Одесса.

П. Щеголевъ. Исторические этюды.

Спб.

Чернышевскій въ Сибири. Вып. II.

Моєковскій университеть и С.-Петербургскій учебный округь въ 1812 г. Документы изъ Архива Министерства Нар. Просв. Подъ редакціей К. Военскаго.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Т. III.

(М-Р.). Спб.

Нартевъ Н. И. Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи въ русской литературъ. Спб.

Гомперцъ. Жизнепонимание греческихъ философовъ и идеалъ внутрен-

ней свободы. Спб.

3. Нисъ. Основныя черты современ-

наго масонства. Переводъ съ фр.

Гвирцианъ А. М. Соціологія Уорда и ея отношеніе къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. Ц. 1 р. 30 к.

Карръ Уильдонъ. Философія Берг-

сона. Пер. И. Румеръ. **К. Зйгесъ.** Статьи по философіи музыки. Кн. І. **Кн. С. Н. Трубецкой.** Собраніе сочиненій. Т. V и VI. Курсъ исторіи древней философіи.

Н. К. Михайловскій. Полное собраніе сочиненій. Т. Х. Подъ ред. Е. Е.

Колосова.

0. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біограф. очеркомъ В. Я. Брюсова. Изд. 6-ое. Ред. В. Быкова.

Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Т. І. Подъ ред. А. Г. Фомина. Вступ. статья Ю. И. Айхен-

вальпа.

Е. В. Пътуховъ. Русская литература. Историческій обзоръ главнъйшихъ литер. явленій древняго и новаго періода.

Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дъятельность (1804-1836).

Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзій въ общественномъ и литературномъ обиходъ первой трети XIX въка. Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Мольеръ. Т. І.

Monografie w zakresie dziejow nowo-žytnych wydawca Szymon Askenazy. Tom XI. General Michal Sokolnicki, 1760-1815 przez Michaia Sokolnickiego. Tom XII. Kosciôl katolicki a Kataryna II. 1795 — 1797 przez Macieja Loreta. Tom XIX. Proby powstancze po trze-cim rozbiorze 1772—1774 przez Maryana

Kuklela. Warszawa. 1912. Kenryk Moscicki. Dzieje porozbiorowa Litwy o Rusi. Wilno. 1912. Zeszyt XIII.

Etudes etfantaisies historiques par M. S. Rcdo-

Авторъ описываеть пребывание Пія VII въ Парижъ, разыскиваетъ происхо-жденіе имени Наполеона, даетъ образъ венеціанской куртизанки поэтессы Возрожденія Вероники Франки, разсказываеть объ авантюрахъ флорентинца Бонаккорсо-ди-Питти. Его книга, гдъ Венеція, Флоренція и Феррара вырисовываются въ живыхъ и увлекательныхъ эскизахъ, найдеть себъ многочисленныхъ читателей, интересующихся прошлымъ Италіи. (R. d. d. Mondes).

L'âme athénienne - D'Eschyle à Aristophane, par M. Jean Richepin.

Это-исторія греческаго театра въ эпоху его расцвъта въ VI и V вв. до Х., въ эпоху, когда выступалъ илъ, Софоклъ, Эврипидъ, Аристо-Эсхиль, Софокль, Эврипидь, Аристофанъ. Въ этой, выросшей изъ конференцій автора, книгъ красноръціе Ж. Ришпена сочетается съ общирной эрудиціей. (R. d. d. Mondes).

Auerbach. La France et le Saint Empire Germanique depuis la paix de Westphalie

jusqu'à la Révolution.

Duchesse d'Escars. Souvenirs de la mar-

quise de Nadaillac, duchesse d'Escars. Hauser. Les sources de l'histoire de France, t. III. Les guerres de religion. Allard. Les origines du servage en France.

E. Cavalgnac. Histoire de l'antiquité. Athènes.

Fornlyol-du-Clos. Richelieu et le clergé de France.

Sall'ard. Florian, sa vie, ses œuvres. Caussy. Voltaire, seigneur de village. Rocheblave. Agrippa d'Aubigné.

Philippi. Begriff der Renaissance.

Tavkey R. H., The Agrarian Problem in the Sixteenth Century.

Въ книгъ разсматривается періодъ аграрной исторіи Англіи съ конца царствованія Генриха VII по конца гражданской войны. По вопросу объ огораживаньяхъ XVI в. авторъ приходить къ выводу, сходному съ результатами изслъдованій Gay'я: между 1455 и 1607 гг. аграрная революція охватила только 2,76 территоріи 24-хъ графствъ, и лишила земли отъ 30.000 до 50.000 человъкъ (Daily News).

Сіауton Joseph, Robert Kett and the Norfolk Rising Secker, 8 s. 6 d. Работа
Сіауton'а — спеціальное изслідованіе, посвященное возстанію Кета,
тісно связанному съ аграрнымъ переворотомъ XVI в. Сіауtоп ставить
чрезвычайно высоко благородную личность Кета, богатаго землевладізльна,
примкнувшаго къ возставшимъ крестъянамъ и руководившаго ими во
все время возстанія. Но вмість съ
тість онъ воздаеть должное и самой
крестьянской массі, проявившей чрезвычайную гуманность, составляющую
різкій контрасть съ свирізпостью усмиризгові. (Daily News).

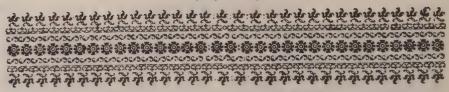
Wade, C. E., John Рум. Рутмап, 7 s. 6 d. Новая работа объ извъстномъ дъятелъ англійской революціи написана изслъдователемъ, относящимся къ нему

отрицательно, почти враждебно. Герои Wade'а—Страффордь и Лоодь, а не Пимъ. Тъмъ не менъе, въ книгъ собрано много новаго и цъннаго матеріала. При скудости литературы о Пимъ книгу Wade'а слъдуеть признать крупнымъ пріобрътеніемъ. (Daily News).

Gretton R. H., A modern History of the English People. Vol. I, 1880—1898. Richards, 7 s. 6 d. Книга Gretton'а отличается отъ большинства историческихъ сочиненій, посвященныхъ новъйшему времени, широтой своихъ рамокъ. Gretton излагаеть не только политическую исторію, исторію законодательства, министерствъ и партій, но также исторію общественныхъ настроеній и правовъ. Очень интересны главы объ зволюціи трэдъ-юніонизма и о соціалистическомъ движеніи (Times).

Недавно вышла въ Вънъ очень интересная книга извъстнаго писателя Артура Голичера объ Америкъ. Авторъ посвящаеть двъ главы русскимъ дужоборамъ, живущимъ въ Съв. Америкъ.

Новая работа объ Ялександръ I.

Нашумъвшее за послъднее время новое изслъдование Великаго Князя Николая Михайловича «Императоръ Александръ I» едва какъ спълалось почти библіографической появилось, ръдкостью. Успъхъ необычайный для работы, носящей спеціальный характеръ: надо имъть въ виду, что 3/4 книги посвящены документальнымъ приложеніямъ (на французскомъ языкъ), охватывающимъ въ значительной своей части дипломатическую переписку и не могущимъ поэтому представить интереса для широкихъ круговъ читателей. Можно было бы радоваться тому фавору, который имъетъ русская исторія на книжномъ рынкъ, если бы этотъ поистинъ головокружительный успъхъ книги не создался до нѣкоторой степени искусственно. Встрѣченная съ энтузіазмомъ нѣкоторыми органами печати, какъ изслѣдованіе, открывающее широкія историческія перспективы, новая работа объ Александръ I сразу обратила на себя внимание букинистовъ, скупившихъ выпущенное въ ограниченномъ количествъ изданіе и повысивщихъ продажную его цѣну съ 15 руб. на 40 1). Къ сожалѣнію, авторъ не повторяеть прекрасныхь сь внъшней стороны изданій своихь работъ, имъющихъ всегда первостепенное значеніе по матеріаламъ, включеннымъ въ нихъ; поэтому всѣ его труды, наиболѣе интересные для читателей, какъ, напр., работа, посвященная Елизаветъ Алексвевнв, быстро становятся библіографическими редкостями (послъдняя книга на рынкъ ходить уже по 100 р.). Та же судьба постигла и новое изслъдование автора. Быть-можеть, теперь уже не стоить знакомить читателей съ этой исторической новинкой, такъ какъ съ ней знакомили и газеты и журналы (историческіе), давшіе большіе подчась очерки, излагавшіе и точку зрвнія автора и тв матеріалы, которые включены въ его изследование. Но ознакомление съ этой книгой до сихъ поръ носило почти всегда или формальный характерь или характерь неудержимаго дифирама безъ всякой попытки дать ея критическую оцтику (нткоторыя бъглыя критическія замтчанія были сдъланы лишь А. А. Кизеветтеромъ въ статьъ, напечатанной въ № 213

¹⁾ Содъйствовали успъху и упорно державшіеся, напр., въ Москвъ слухи, что книга подверглась пегласному запрету, хотя, какъ увидимъ ниме, основанія для этого, конечно, никакого нъть. При современныхъ условіяхъ печати, однако, такіе слухи всегда содъйствують большему распространенію.

«Русскихъ Вѣдомостей»). Однако всякая серьезная историческая работа, къ каковымъ, несомнѣнно, относится цѣнное во многихъ отношеніяхъ изслѣдованіе В. К. Николая Михайловича, заслуживаетъ и серьезнаго къ себѣ отношенія, т.-е. указанія и положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. И тѣ и другія имѣются въ

указанной работъ.

Всѣ историческіе труды автора обладають одной большой цънностью. Имъя доступь къ архивнымъ хранилищамъ, закрытымь другимь историкамь, авторъ неръдко опубликовываеть драгоцьнившие матеріалы и тымь самымь пылаеть огромный вкладъ въ русскую историческую науку. Съ этой точки зрънія каждый изъ его трудовъ всегда бываеть дъйствительно почти научнымъ открытіемъ. И новое изслъдованіе богато новыми матеріалами, какъ это уже много разъ было указано въ появившихся отзывахъ. Среди многообразныхъ документовъ слъдуетъ выдълить особо тъ матеріалы, которые характеризують намъличность Александра І. Это, пожалуй, и наиболъе важное, что дается въ изследованіи В. К. Николая Михайловича. Въ немъ отчетливо прежде всего выступаетъ роль молодого Александра въ дворцовомъ переворотъ 1801 г. Въ приложеніяхъ авторъ напечаталь интересную переписку кн. А. Н. Голицына и Р. А. Кошелева съ Александромъ въ періодъ такъ называемаго мистицизма, которая многое даетъ для обрисовки характера Александра I, для его личнаго пониманія и для объясненія его политики въ эпоху священнаго союза. Много заслуживающаго вниманія найдемъ мы въ другихъ матеріалахъ, опубликованныхъ въ приложеніяхъ. Однако опубликованіе нѣкоторыхъ документовъ способно вызвать и нъкоторое недоумъніе. Напр., въ первомъ томъ публи-куются «Записки Александра I къ Лагарпу во время пребыванія послъдняго въ Петербургъ въ 1801 — 1802 гг.». Безспорно, матеріалъ интересный, но дъло въ томъ, что всъ эти письма давно уже опубликованы и хорошо извъстны занимающимся данной эпохой. Они напечатаны еще въ 1870 г. въ V т. «Сборника Русскаго Историческаго Общества», много разъ цитировались и цитируются въ общихъ историческихъ работахъ. Въ указанномъ сборникъ эти письма напечатаны полнъе, съ прибавленіемъ и болъе раннихъ и болъе позднихъ (напечатаны они къ тому же и на французскомъ и на русскомъ языкѣ). Непонятно, для чего слѣдовало вновь перепечатывать лишь часть этихъ писемъ. Во всякомъ случаѣ, для избъжанія недоразумьній надлежало бы оговорить то, что письма эти не новыя.

Такое же недоумѣніе вызываеть, напр., и напечатаніе матеріаловъ по исторіи волненій въ 1820 г. въ Семеновскомъ полку. Здѣсь перепечатывается (съ ссылкой на «Русскій Архивъ», 1875 г., № 6) донесеніе кн. И. В. Васильчикова императору о происшедшихъ волненіяхъ. Почему авторъ считаетъ необходимымъ перепечатать только это донесеніе? Можно подумать потому, что дальше слѣдуютъ собственноручныя «секретныя замѣчанія» Александра, но и они напечатаны въ томъ же номерѣ журнала. Понятна была бы перепечатка этихъ документовъ, если бы авторъ хотѣлъ собрать всѣ офиціальные матеріалы о волненіяхъ 1820 г., но этого нѣтъ. Къ указаннымъ документамъ прибавленъ лишь третій, представляющій копію письма императора къ гр. М. А. Милорадовичу. Эта копія была уже напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» (1897 г.

ки. II). Далѣе авторъ печатаетъ по рукописи изъ бумагъ гр. Закревскаго (приложеніе XI, къ II т.) «Собственноручные рескрипты государя императора Александра I къ графу Аракчееву съ 1796 г. по 1822 г.». Эти рескрипты были изданы нѣкогда самимъ Аракчеевымъ, и авторъ, перепечатывая ихъ, свѣрилъ рукописный матеріалъ съ печатнымъ изданіемъ. Многія изъ этихъ писемъ, частью перепечатанныхъ уже въ историческихъ журналахъ и частью въ общихъ историческихъ трудахъ (Шильдеръ, Богдановичъ), не являются большой новинкой. Цѣнность этой перепечатки можетъ заключаться, конечно, въ томъ, что здѣсь они собраны въ одномъ мѣстѣ. Однако все же это неисчерпывающее собраніе, какъ можетъ показаться на первый взглядъ: нѣтъ, напр., письма изъ Варшавы 2 марта 1818 г., нѣтъ письма 18 октября 1809 г. (напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1870 г., т. I).

За письмами Александра къ Аракчееву идутъ письма Аракчеева къ Александру съ 1810 г. по 1824 г. (приложеніе 12). Авторъ ихъ взялъ изъ архива канцеляріи Военнаго Министерства. Но они всѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ VI т. сочиненія Богдановича «Исторія царствованія императора Александра І» (кромѣ двухъ №№ 52 и 73, зато у Богдановича имѣются два письма (стр. 91 и 93), которыхъ нѣтъ у В. К. Николая Михайловича; у Богдановича помѣщены письма и болѣе раннихъ датъ—съ 1804 г., и болѣе

позднихъ-1825 г.).

Едва ли стоило, наконецъ, печатать отрывки изъ донесеній французскихъ дипломатовъ 1816—1818 гг., въ виду того, что они полностью напечатаны въ «Сборникъ Ист. Общ.», т. 112 и 119. Мы взяли нъсколько наиболъе яркихъ примъровъ.

Конечно, въ общемъ это не ослабляетъ значенія, которое

имъютъ вновь опубликованныя данныя.

Текстъ въ работъ автора занимаетъ приблизительно 1/4 изслъдованія. «Не намъ, —говорить предисловіе, —ръщать вопрось, возвеличить или понизить предлагаемое историческое изслъдование образъ Благословеннаго монарха. Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ займетъ первенствующее мъсто въ ивтописяхь общей исторіи; какь русскій государь, онъ быль въ полномъ расцвътъ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны; въ другіе же періоды двадцатичетырехлътняго царствованія интересы Россіи, къ сожальнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человъка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ». Изъ этого уже предувъдомленія видно, что авторъ не раздъляеть въ значительной степени той исторической легенды, которая утвердилась около Александра и изображаетъ его личность въ приподнятыхъ тонахъ и которая до сихъ поръ еще находить откликъ въ современныхъ историческихъ работахъ (напр., у проф. Н. Н. Өирсова, А. А. Корнилова и др.). Но потому и становится интересной личность Александра для историка, что она и теперь неръдко окружается таинственностью загадки. Какъ же разръшается эта загадка въ новомъ изследованіи? Работа В. К. Николая Михайловича не является полной біографіей; это и не исторія царствованія Александра І. «Мы давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться», говоритъ авторъ. Возможно, что именно

по этой причинъ и не получилось въ работъ вполнъ цъльной фигуры того, кто для нъкоторыхъ историковъ все еще неразгаданный сфинксъ. Анализируя «сложную личность» Александра, авторъ въ сущности приходитъ къ такимъ выводамъ. Александръ былъ отъ природы человъкъ чрезвычайно даровитый, добрый и благсжелательный къ ближнему. Но почти такимъ же природнымъ своїствомъ его характера является двуличность, дававшая ему возможность всегда дъйствовать на два фронта. Обстановка дътства и ранней юности внесла въ его голову путаницу понятій и идей. Отсюда столь большая расплывчатость въ эпоху либеральныхъ начинаній. Но Александръ вовсе не былъ слабохарактернымъ челов вкомъ, легко поддававшимся чужимъ вліяніямъ. Послъ Тильзита въ вожделѣніяхъ Александра твердо засѣла одна лишь мысль—низвергнуть могущество и первенство Наполеона. Александръ опредъленно съ этого момента ведетъ свою линію и достигаетъ желанныхъ успъховъ. Затъмъ пресыщенный славой, онъ отдается всецъло «зловредному мистицизму» (но и здъсь онъ самостоятеленъ) и, въ концъ-концовъ, совершенно отстраняется отъ заботы по внутреннему управленію. Такова, конечно, въ очень приблизительныхъ и грубыхъ формахъ схема автора, рисующая намъ «дъйствительную» фигуру «Благословеннаго монарха». Авторъ отметаетъ (не всегда, впрочемъ, какъ увидимъ ниже) пелену той чувствительности, которой любили окутывать фигуру коронованнаго Гамлета. Подобная трезвая точка зрънія, примыкающая къ новъйшимъ взглядамъ, начинающимъ господствовать въ исторіографіи Александра, является положительной стороной работы Великаго Князя Николая Михайловича. «Опредълить характеръ Александра І, какъ человъка, задача не изъ легкихъ», замъчаетъ авторъ. И это дъйствительно такъ, потому что моральная оцънка личности неизбъжно въ наибольшей дозъ страдаеть субъективностью. Здъсь всякаго рода выводы и заключенія легко могуть быть оспариваемы. Мы знаемъ поступки, факты, но какъ судить о внутреннихъ мотивахъ, ихъ вызвавшихъ, какъ проникнуть въ психологію человѣка? Лично мы во многомъ разойдемся съ авторомъ при оцънкъ Александра, какъ человъка и какъ монарха. По моему мнънію, «сложная» натура Александра чрезвычайно проста и прозаична, что я и старался показать въ общей характеристик в «Благословеннаго монарха», данной во II т. изданія Исторической Комиссіи Учебнаго Отдъла О. Р. Т. Зн. «Отечественная война и русское общество». Для выясненія личности Александра, какъ она рисуется мнѣ, пришлось бы повторить то, что излагалось тамъ. Но приходится оговориться, какъ разъ мое упрощенное пониманіе загадочнаго сфинкса начала Х!Х в. и вызвало возраженія въ печати 1). Трудно, однако, отръ-

¹⁾ Напр., въ рецензіи А. А. Кизеветтера въ «Русской Мысли», согласнаго въ общемъ съ точкой зрѣнія автора; въ рецензіи Б. И. Сыромятникова въ «Вѣстникъ Воспитанія», повидимому, склоняющагося къ старому пониманію и мало считающагося съ новыми данными. Наконецъ, совершенно отрицательно отнесся къ моей характеристикъ рецензентъ «Современника» г. Бороздинъ (съ чѣмъ, впрочемъ, не согласилась сама редакція). Не знаю компетентностъ г. Бороздина въ данномъ вопросъ, но не могу не отмѣтить одного курьеза: рецензентъ торжественно говоритъ, что мои взгляды являются шагомъ назадъ послъ работы Великаго Князя Николая Михайловича. Можетъ-бытъ, но только почтенный рецензентъ забылъ сдѣлать существенную оговорку, что моя статъя появилась въ свѣтъ за годъ слишкомъ до указапной работы. Насколько субъекъ

шиться отъ своего представленія при критикѣ другой точки зрѣпія, тѣмъ болѣе, что аргументы возражавшихъ не всегда предста-

вляются мнъ убъдительными.

Тъ, которые желають вырисовывать сложную натуру Александра, принуждены или затушевывать факты, или вовсе ихъ игнорировать, или придумывать очень сложныя конъюнктуры для объясненія смущающихъ ихъ историческихъ загадокъ. Йослъдняго не избъгъ и авторъ разсматриваемой работы. Не желая обольщаться чарующей по вившности фигурой «Благословеннаго монарха», не замалчивая и темныхъ сторонъ его характера (двуличности), авторъ хочетъ все же разгадать «сложную» натуру и разъяснить непонятныя загадки. Какимъ образомъ человъкъ, постоянно ссылавшійся «на слово Христово», могь «смотрьть сквозь пальцы на всь изувърства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ?» Это невъроятное противоръчіе автора объясняется не двуличностью Александра, а «особаго рода» религіознымъ фанатизмомъ (стр. 347). Неясно, однако, что слъдуеть подразумъвать подъ послъднимъ. Такъ, пожалуй, и звърства самого Аракчеева можно объяснить особаго рода религіозностью-вѣдь извѣстно, что у Аракчеева была сентименталььая и чувствительная душа. Не «особаго рода» религіознымъ фанатизмомъ приходится объяснить это «непонятное» противоръчіе, а проще: ханжество почти всегда бываетъ связано съ двуличностью и подчасъ жестокостью.

Никакой искренности у Александра не было отъ начала дней своихъ до конца жизни. Это былъ человѣкъ, только и думавшій о своей популярности, о славѣ и умѣвшій приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ въ жизни. Человѣкъ болѣзненно самолюбивый и упрямый, любившій лесть и фиміамъ, онъ былъ весьма чувствителенъ ко всякому порицанію и никогда его не забывалъ.

И въ періодъ своего либерализма (въ значительной степени основаннаго на стремленіи къ популярности) Александръ любилъ власть и не переносиль возраженій. Онь колебался, потому что не зналъ, какую взять линію поведенія при создавшемся положеніи, какъ соединить популярность реформатора съ незыблемостью деспотизма-не могъ онъ учесть и настроенія дворянства. Дипломатъ, готовый на всъ уступки, когда это нужно, и думающій въ то же время только о соперничествъ съ популярностью Наполеона, Александръ проявляетъ твердость, когда поставлено на карту его самолюбіе, та первенствующая роль, которую онъ стремился играть въ Европъ. Въ его послъдующемъ мистицизмъ также немало наноснаго: это подводило красивое идеологическое основание подъ ту реакціонную политику, которую въ значительной степени онъ вынужденъ былъ вести, какъ охранитель европейскаго спокойствія и стараго соціальнаго мира. Александръ былъ упрямъ, но онъ отнюдь не человъкъ сильной воли. Онъ ошибался, но никогда не склоненъ былъ признать своихъ ошибокъ. Изъ самолюбія онъ былъ еще болъе упрямъ. Онъ зарывался въ своемъ упрямствъ, теряль популярность, начиналь бояться -- отсюда противоръчія,

тивна оцѣнка личности, показываеть то, что если одинъ рецензентъ готовъ признать мого статью публицистическимъ упражненіемъ на историческую тему, почти намфлетомъ за отрицательное отношеніе къ личности Александра. то другіе (г. Рожковъ въ «Современномъ Мірѣ») упрекали меня за шаблонную идеализацію.

отсюда такая полная солидарность въ концъ царствованія съ дво-

рянской реакціей и разрывъ съ либеральными традиціями.

Возможно, что съ подобной харантеристикой Александра I, слишкомъ ръзко расходящейся съ обычнымъ представленіемъ, и нельзя согласиться. Но, тъмъ не менъе, едва ли можно согласиться и съ нъкоторыми выводами новаго изслъдованія. У автора много предвзятыхъ точекъ зрънія, которыя во всякомъ случать должны мъшать его объективности. И едва ли не главнымъ недостаткомъ работы является тотъ ръзко выраженный націонализмъ, который красной нитью проходить черезъ всю работу. Это сказывается и въ отдъльныхъ заключеніяхъ, и даже въ мелочахъ, въ простой терминологіи. Авторъ не можетъ спокойно говорить о Чарторижскомъ: «тщеславный панъ» (217), «потоки чернилъ польскаго князя» (131) и т. д. подобные эпитеты и термины сплошь и рядомъ пестрять въ работъ. Говоря о безтактности Лагарпа, обратившагося къ Александру съ непрошеннымъ совътомъ по поводу суда надъ убійцами Павла 1), авторъ замъчаетъ: «На Руси и государь и всъ подданные никогда не терпѣли такого рода вмѣшательства со стороны иностранцевъ» (18). И поэтому авторъ находитъ, что Александръ, замявши все дѣло, поступилъ «мудро и логично». Но вся эта громкая тирада ръши-

тельно не находить себъ подтвержденія въ фактахъ.

Въ вину Александру, главнымъ образомъ, будетъ поставлено то, что онъ не понялъ «духа русскаго человъка» (къ сожальнію, понятіе также слишкомъ произвольное) и не посл'єдоваль за Екатериной, давшей примъръ, «какъ нужно царствовать и управлять народомъ» (1). Для насъ царствованіе Екатерины — эпоха типичной дворянской монархіи, съ оттънкомъ просвъщеннаго абсолютизма, отнюдь не является идеаломъ, какъ «нужно управлять народомъ». Въроятно, наше понимание народныхъ интересовъ существенно разойдется съ представлениемъ автора. Но не въ этомъ дъло. Въ растяжимое понятіе «духъ русскаго народа» каждый вкладываетъ свое содержаніе. Въ пониманіи автора «духъ русскаго народа» недопускалъ, напримъръ, «конституціонныхъ началъ въ Финляндіи». «Императоръ всероссійскій проявиль большую «государственную мудрость», сумъвъ «отлично воспользоваться обстоятельствами для завершенія дъла достойнаго его предка Петра Великаго», т.-е. присоединивъ Финляндію. Но его «опыты либерализма», ограниченіе власти въ качествъ великаго князя Финляндіи, были ошибочны и повлекли за собой «рядъ недоразумѣній и постоянныхъ треній, трудно разрѣшимыхъ» (76). Конечно, само собой, что не «опытъ либерализма» александровскихъ дней, а позднъйшая политика создала эти недоразумѣнія, легко разрѣшимыя.

Не поняль «духа русскаго народа» Александръ и въ своихъ отношеніяхъ къ Польшь. Великій князь Николай Михайловичь считаетъ политику Александра I въ Польшѣ противной интересамъ Россіи. Въ конституціонномъ устройствъ Польши авторъ видитъ «воплощеніе идей либерализма годовъ юности и лагариовскихъ завътовъ» (341). Въ послъднемъ авторъ приближается къ той точкъ эрвнія, которая была нікогда высказана въ дитографированномь курсь покойнаго Ключевскаго. Мы думаемь, что въ конституціонномь

^{. 1) «}Sire! — писаль Лагарпъ. — C'est par une justice impartiale, publique sévère et prompte, que de pareils attentats pouvent et doivent ôtre réprimés» Другими словами Лагарпъ требовать безпристрастивсе и масшес суда.

устройствъ Польши Александръ вовсе не отдавалъ дани своему либерализму. Здёсь говорили и реальные интересы и обычная любовь къ попудярности. Авторъ видитъ въ проведеній конституціонныхъ началь въ Польшт полную послтдовательность и усматриваеть въ этомъ до нткоторой степени доказательства самостоятельности Александра, такъ какъ «всъ лучшіе русскіе люди того времени осуждали политику Александра» (215). Разсказывая, какъ «польскія дамы навзрыдъ рыдали отъ умиленія во время ръчи Александра» при открытіи третьяго сейма, авторъ не удержится, чтобы не сказать о «неутолимыхъ полякахъ». Въ сущности нетрудно показать, что воображаемой последовательности въ дъйствіяхъ Александра по отношенію къ Польшъ не было въ д'виствительности. Не думая никогда о выполнении объщаний, дававшихся когда-то Чарторижскому, и вынужденный отчасти обстоятельствами, отчасти изъ самолюбія дать конституцію Польшъ, Александръ, кажется, все сдълалъ, чтобы лишить эту конституцію реальной силы. Если не игнорировать действительныхъ фактовъ вь этой области, врядь ли можно удивляться недовольству поляковъ той фикціей, которая была имъ представлена. Стоитъ обратиться хотя бы къ работъ В. Й. Семевскаго: «Общественныя и политическія идеи декабристовъ», чтобы воочію въ этомъ убъдиться. И историку, являющемуся даже предубъжденнымъ противникомъ автономистическихъ принциповъ, нельзя отметать безъ критики въ своемъ изслъдованіи того, что не подходить къ его взглядамъ. Въ работ В. И. Семевскаго авторъ могъ бы почерпнуть, между прочимъ, и значительное количество фактовъ, свидътельствующихъ, что далеко не все русское общество такъ враждебно было настроено по отношенію къ политикъ Александра въ Польшъ. Припомнимъ хотя бы восторгъ, вызванный варшавской ръчью при открытіи перваго сейма, и надежды, которыя рождались не у Растопчина, конечно, а въ средъ молодой прогрессивной части русскаго общества. Политика Александра въ Польшъ подчасъ вызывала обиду за Россію, но это совсъмъ не то, что отмъчается авторомъ разбираемаго сочиненія. Очевидно, такимъ образомъ, авторъ или сознательно умолчалъ о подобномъ настроеніи или недостаточно о немъ былъ освъдомленъ, хотя вопросъ этотъ довольно опредъленно выясненъ въ исторіографіи. Въ концъ-концовъ, если польская конституція была аномаліей, возможной только въ «незрѣлой головѣ Александра», какъ выражался брать последняго Константинь, то эту аномалію вызывали не противоръчія польской конституціи конкретнымъ интересамь Россій или какому-то специфическому духу русскаго народа, а то, что дъйствительно нельзя было, по мъткому выраженію современника, пристраивать конституціонныя сти къ деспотическимъ казармамъ: нельзя было одновременно провозглашать въ салонахъ г-жи Сталь либеральныя идеи и давать carte-blanche Константину считаться или не считаться съ конституціей. Намъ вообще иногда представлялось при чтеніи книги, что авторъ, начитанный въ области дипломатическихъ вопросовъ (имъ и опубликованы часто наиболъ цънные документы), не всегда достаточно въ курсъ существующей русской исторической литературы. Напримъръ, по меньшей мъръ странно, говоря о проектъ Сперанскаго въ 1809 г., ссынаться только на устаръвшую уже работу Шильдера (къ тому же авторъ, любящій полемизировать съ покойнымъ Шильдеромъ, не придаеть его трудамъ научнаго значенія) и на статью г. Тимирязева, напечатанную въ 1897 г. (!) въ «Историческомъ Въстникъ». «О самомъ проектѣ мы не будемъ распространяться, —говоритъ авторъ. — Все извѣстно изъ книги Шильдера и изъ статей В. А. Тимирязева» (69). Смѣло, однако можно сказать, что далеко не «все извѣстно» изъ этихъ работъ.

Результатомъ такого отчасти игнорированія существующей литературы, отчасти же предвзятой точки зрѣнія является цѣлый рядъ положеній (помимо указанныхъ), съ которыми не всегда

можно согласиться.

Александръ, какъ мы знаемъ, не понялъ духъ русскаго народа. Была только одна пора, когда Александръ сумъль «приблизиться» къ этому духу, это была година Отечественной войны, пора «расцвъта недюжинныхъ способностей» Александра. Къ сожальнію, на этомъ періодъ, который быль лучшимъ изъ всъхъ годовъ царствованія Александра, авторъ останавливается лишь вскользь. Онъ констатируетъ, что въ 1812 г. Александръ «созналъ народную мощь, всегда существовавшую на Руси, и сплотился съ ней».— 1812 г. «сблизилъ царя съ народомъ» и «какъ жаль, — добавляетъ авторъ, -- что Александръ не отдалъ себъ въ этомъ настроеніи вполнъ яснаго отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ» (113). Авторъ доказываетъ, что Александръ былъ «главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома» французской арміи). Правда, не знаю, насколько основательно это красивоє построеніе о единеніи царя съ народомъ въ 1812 г., и въ чемъ оно реально выразилось. Можно было бы, пожалуй, говорить о единеніи царя съ дворянствомъ, выразившемся чрезвычайно отчетливо въ дворянской публицисткъ хотя бы Растопчина и въ недавно опубликованномъ секретномъ письмъ Александра къ псковскому губернатору. Припомнимъ, какъ Растопчинъ писалъ Александру 13 сентября: «О мир'в ни слова: то было бы смертным приговором для насъ и для васъ», т.-е. это быль бы смертный приговоръ тому соціально-политическому строю, который базировался на крѣпостномъ правѣ! Не даромъ масонъ Поздѣевъ отмѣтилъ, что дворянство и самодержавіе неразрывно связаны между собой. И въ письмъ Александра къ псковскому губернатору чернымъ по бълому написано: дворянство должно сорганизоваться для защиты своихъ правъ и своей собственности. Автору единеніе царя съ народомъ обрисовалось такъ опредъленно, въроятно, потому, что онъ слишкомъ довърился «мастерски» написаннымъ манифестамъ Шишкова. Въ этихъ неуклюжихъ и въ цействительности малопонятныхъ манифестахъ много говорилось на тему объ единеніи въ одну душу всѣхъ сословій. Въ 1812 г. это были красивыя фразы, лишенныя реальнаго содержанія, и врядь ли историку слъдуетъ ихъ повторять. Съ точки зрънія дворянской идеологіи, назначение Растопчина на постъ московскаго главнокомандующаго, возможно, и было удачно, но едва ли оно могло поднять народный духъ и возбудить любовь къ родинъ, какъ думаетъ авторъ. Плоха та любовь къ родинъ, которую надо было возбуждать фальшивыми растопчинскими афишами. Я думаю, что пора уже сдать окончательно въ архивъ легенду о патріотическихъ подвигахъ гр. Растопчина въ 1812 году. Впрочемъ, спорить съ авторомъ на этой почвъ трудно, такъ какъ онъ ограничился въ данномъ случаъ только установленіемь опредъленныхъ тезисовъ.

Такъ или иначе, но, и по мижнію автора, Александръ не удержался на той высоть, на которую его поставила Отечественная война. «Увлеченія успъхами политики и внъшней славы привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдё русскія войска всегда являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль русскаго государя была возвышенная и благородная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства» (340). Съ послъднимъ утвержденіемъ, конечно, нельзя не согласиться. Однако въ то же время нельзя вновь не указать на то, что «возвышенная и благородная роль» Александра въ событіяхъ 1813 — 15 гг. въ значительной степени сводилась къ удовлетворенію личнаго честолюбія, къ осуществленію давнишней завѣтной мечты о первенствѣ въ Европъ. Какъ было отказаться отъ заманчивой перспективы и неужели надо было считаться съ реальными интересами страны? Съ другой стороны, если внъшняя политика послъ 1812 г. и шла иногда подъ флагомъ освобожденія отъ деспотизма, когда нужно было оказать вліяніе на общественное мн'яніе въ Зап. Европъ и когда нужно было привлечь на свою сторону такихъ нъмцевъ, какъ знаменитый Штейнъ (которые, по выраженію автора (113), «копошились» около Александра 1); если это создавало въ- средъ русской молодежи миражъ возвышенной цъли войны, дъйствительности основной пружиной освобожденія Европы отъ наполеоновскаго деспотизма являлась борьба съ послъднимъ проблескомъ революціи, ненавистнымъ господствующимъ дворянскимъ кругомъ: деспотъ Наполеонъ все же былъ порожденіемъ революціи. И знаменательно, что къ новой войнъ, требовавшей новыхъ издержекъ, эти дворянскіе круги отнеслись въ общемъ сочувственно: надо было раздавить гидру революціи, замазать то окно въ Европу, которое грозило Россіи духомъ соціальныхъ преобразованій. Дворянская публицистика опред'яленно высказывала подобныя мысли, придавая иногда своимъ вождельніямь облагораживающую форму провиденціальной миссіи Россіи по пути, предоставленномъ Божественнымъ Провидѣніемъ. Если разсмотръть на этой соціальной почвъ мистицизмъ послъ 1812 г., онъ становится и глубже, и гораздо проще и понятнъе. Отдъльныя личности могли увлечься мистическими исканіями, но почему этотъ мистицизмъ пріобрѣтаетъ широкую популярность (авторъ, конечно, ошибается, полагая, что «все русское общество увлекалось» мистикой, «зная. что и императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвъ религіозной») (203)? Едва ли здъсь помимо подражательнаго чувства не играли роли и вопросы, совершенно посторонніе религіи: это быль флагь, подъ которымъ было очень удобно провести ликвидацію всёхъ нравственныхъ обязательствъ, принятыхъ въ періодъ единенія царя съ народомъ, т.-е. 1812 г., когда признавалось, что побъда «одержана не арміей, но бородами московскими и калужскими» (съ чъмъ, впрочемъ, мы лично совершенно не согласны) 2).

¹⁾ Любопытно, что въ своемъ презрительномъ отношеніи къ этимъ копо-шившимся около Александра нъмцамъ, авторъ на одну доску ставитъ и Штейна, и Пфуля, и др.

2) Настоящая точка зрънія на мистицизмъ въ связи съ войной 1812 г. болье подробно развита въ моей статъъ «Правительство и общество послъ войны»,

нанечатанной въ VII т. «Отечеств. война и русское общество».

Въ своемъ изслѣдованіи Великій Князь Николай Михайловичъ совершенно не затрагиваетъ соціальныхъ вопросовъ, которые, однако, какъ всегда, имѣли чрезвычайно существенное значеніе для опредѣленія общественныхъ настроеній въ разные моменты Александровскаго царствованія. Между тѣмъ соціальная идеологія можетъ отчасти пояснить и ранній либерализмъ Александра, общественныя настроенія въ эпоху Отечественной войны, а по связи съ ними и роль Александра I, и мотивы заграничныхъ походовъ, и мистицизмъ, и, наконецъ, ликвидацію войны (манифестъ 1816 г., гдѣ объявлялось, что благодарность воздастъ Богъ).

1816 г., гдъ объявлялось, что благодарность воздастъ Богъ). Психологія Александра во вторую половину царствованія намъ представляется наименъе отчетливо представленной у автора. Онъ глубоко правъ, ставя «аракчеевщину» въ связь съ свя-щеннымъ союзомъ и мистицизмомъ: послъднее привело къ первому. Но по отношенію лично къ Александру авторъ въ значительной степени примыкаеть къ старой школъ и впадаеть самъ съ собой въ противоръчіе. Александръ, какъ выясняетъ изслъдованіе, не любилъ поддаваться чужимъ вліяніямъ, между тъмъ оказывается, что именно Меттернихъ сбилъ «съ толку довърившагося ему такъ неосторожно русскаго императора» (340). Отдавшись «религіозномистическимъ утопіямъ», Александръ началъ «тяготиться всѣмъ тъмъ, что входило въ атрибутъ царской власти, и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботь по внутреннему управленію, довърившись одному только человъку — Аракчееву» (269). Аракчеевъ сталъ хозяиномъ Россіи, а «душевно-изстрадавшійся монархъ» молчалъ и все покорно подписывалъ. Едва ли въ настоящее время можно вполнъ присоединиться къ такому заключенію. Мы хорошо знаемъ, что въ дъйствительности Александръ не уклонялся отъ дълъ внутренняго управленія, какъ въ свое время казалось современникамъ. Александръ входилъ во мелочи управленія, часто Аракчеевъ д'виствовалъ лишь по иниціативъ Александра. И въ противоръчіи съ самимъ собой авторъ соглашается съ мижніемъ А. А. Кизеветтера, что Аракчеевымъ Александръ только прикрываль себя отъ отвътственности 1). Можно ли при существующихъ данныхъ утверждать, какъ это делаетъ авторъ, что Александръ у себя, въ Россіи, не боролся съ революціоннымъ настроеніемъ: «Какъ разгадать, отчего государь чуть было не вмъшался активно въ итальянскія дёла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя на Руси ничего не предпринималъ, чтобы пресъчь надвигающуюся бъду, и сказалъ такую фразу: «Ce n'est pas à moi à sévir». Авторъ объясняеть это противоръчіе тъмъ, что «душевно-изстрадавшійся монархъ вспоминалъ свои заблужденія молодости», и это дълало его снисходительнымъ «къ прегръщеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ»; «совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ» (меньшей братіи). Съ другой стороны, «душевно-изстрадавшійся монархъ, добровольно, вполнъ обдуманно сдалъ бразды правленія родиной Аракчееву» (261), слъдовательно, бороться съ революціей должень быль Аракчеевь, которому Вел.

¹⁾ Между прочимъ авторъ самъ указываетъ, что Александръ входилъ во всѣ «детали» военныхъ поселеній и приводить это въ доказательство абсурдности той мысли, что въ концѣ жизни Александръ хотѣлъ уйти отъ царства и сложить власть, которая его тяготила.

Ки. Николай Михайловичь даеть очень ръзкую оцънку. И больше всего онъ бичусть Аракчесва за то, что тотъ, зная о заговоръ среди офицеровъ, не принялъ соотвътствующихъ мъръ. Аракчеевъ «пренебрегь опасностью, въ которой находилась жизнь (?!) государя» (331). «Если унтеръ-офицеръ Шервудь, родомъ англичанинъ, пришелъ къ такого рода заключеніямъ, то пишущій эти строки, -говоритъ авторъ, только можетъ добавить чувство глубокаго негодованія и отвращенія къ роли Аракчеева... Здъсь вполнъ отчетливо выразилась вся подлая фигура грузинскаго помъщика». Безспорно, это вновь сильная тирада. Но неужели за эту наименьшую вину съ его стороны главнымъ образомъ надо клеймить Аракчеева? Во-первыхъ, никакая опасность жизни Александра не угрожала; во-вторыхъ, совершенно законно разстройство Аракчеева послъ Минкиной, отчего онъ сталъ пренебрегать государственными дълами. Авторъ удивляется, какъ могъ «такой государственный человъкъ, какъ графъ Аракчеевъ», пренебречь спокойствіемъ государства для «пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины». Спора нътъ, личность свиръпой любовницы Аракчеева отвратительна (не по внѣшнимъ, конечно, качествамъ, а по внутреннимъ). Но такой же свирѣпый и отвратительный Аракчеевъ ее любилъ... Но самое главное то, что Александръ вовсе не такъ слѣпо смотрѣлъ на тайныя общества и на ихъ дъятельность, какъ это представляется автору. «Се n'est pas à moi à sèvir» — только новая красивая фраза, если она была сказана въ дъйствительности, которая ръшительно опровергается фактической стороной дъла. По изложенію автора выходить, что Александръ лично вмъшался только въ семеновскую исторію, гдъ проявилъ излишнюю «строгость и жестокость». Къ этой жестокости привело Александра, по мнѣнію автора, «чувство любви и горечь разочарованія». Онъ любилъ Семеновскій полкъ, помнилъ заслуги полка при восшествіи на престоль въ 1801 г., онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ «уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто и дисциплина нахально (курсивъ автора) нарушена» (263). Надо сказать, что волненія въ Семеновскомъ полку у автора изложены формально. Если бы авторъ использовалъ данныя, имѣющіяся въ статьѣ В. И. Семевскаго: «Волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 году», напечатанной въ «Быломъ» (1907 г.), то, в вроятно, ему пришлось бы насколько изманить свою точку эранія. Авторъ совершенно забываеть о всёхъ мёрахъ сыска и преследованій. начавшихся по иниціатив в Александра посль волненій въ Семеновскомъ полку и опровергающихъ апатичность Александра въ борьбъ съ кажущейся революціей и отношеніе его къ врагамъ, «согласно ученію любви во Христѣ».

Такимъ образомъ, если авторъ и не очаровывается личностью Александра, то, тѣмъ не менѣе, онъ всегда стремится его нѣсколько реабилитировать, оставляя въ сторонѣ тѣ факты, которые накладываютъ черный фонъ на дѣйствительность Александра.

Оттънокъ такого, нъсколько оправдывающаго отношенія къ Александру, наложенъ на всю работу. Возьмемъ юность Александра, когда воспитанникъ Лагарпа вынужденъ мириться съ тяженымъ режимомъ павловскаго царствованія. Обладая «большимъ тактомъ и выдержкой», Александръ «безропотно покорялся фанта-

зіямъ Павла Петровича», хотя часто и приходилъ «въ отчаяніе отъ скуки общаго непригляднаго режима» (338). Авторъ ставитъ въ вину безпечность Александра, который «иногда вздыхалъ дома наединъ съ своей супругой и ничъмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покорно покоряясь судьбъ и не дълая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы» (2). Такимъ образомъ, авторъ занимаетъ промежуточное положение между тъми историками, которые любять останавливаться на душевныхъ страданіяхъ молодого, либеральнаго и просвъщеннаго наслъдника, принужденнаго подчиняться капральской палкъ гатчинскаго режима, и тъми, которые указывають, что при характеръ Александра, при его врожденной любви къ солдатской муштрѣ гатчинскій режимъ ему отнюдь не быль тяжель (въ нъкоторомъ противоръчіи съ самимъ собой авторъ указываетъ, что Александръ, «слыша о ропотъ и недовольствъ, продолжалъ усердно и безпечно свои любимыя военныя занятія»). Александръ прекрасно умѣлъ лавировать между салономъ Екатерины и казармой Павла, тамъ и здъсь чувствуя себя, какъ дома. При умѣніи жить «на два ума» и держать «двѣ парадныя физіономіи», онъ не попадаль въ «страдательное положеніе». Конечно, безпокойный режимъ Павла былъ тяжелъ для Александра, особенно при его склонности въ юныхъ годахъ къ лъни и къ спокойной жизни, какъ этотъ режимъ былъ тяжелъ ръшительно для всъхъ. Но въдь мы говоримъ о моральныхъ страданіяхъ это область иныхъ чувствованій. Чтобы опредълить положеніе Александра, стоитъ только заглянуть въ воспоминанія Чарторижскаго, человъка, искренно расположеннаго къ Александру, несмотря на всъ превратности судьбы, даже тогда, когда исчезли всѣ «иллюзіи». «Оба молодые великіе князя, — пишетъ Чарто-рижскій, — отдались обязанностямъ своей службы съ неутомимымъ рвеніемъ молодыхъ людей, которымъ въ первый разъ даютъ какоенибудь дъловое занятіе, и съ серьезнымъ сознаніемъ важности исполняемаго дѣла». Великіе князья подвергались насмѣшливымъ осужденіямъ за то, что они, не разсуждая, такъ горячо пристрастились къ этимъ причудамъ, но они, «не останавливаясь передъ порицаніемъ большинства, стремились лишь къ точному повиновенію желаніямъ и даже эксцентричнымъ капризамъ своего отца. Они входили въ мельчайшія подробности военной службы и исполняли ихъ съ безпримърнымъ усердіемъ». «Великіе князья, — добавляеть Чарторижскій, — жалѣли, что не могли переселиться туда (въ Гатчину) и, говоря о томъ, что делалось въ маленькой арміи Павла, принимали видъ павловскихъ солдатъ и самодовольно повторяли: «это по-нашему, по-гатчински». Весьма возможно, что это и извратило умъ Александра, который «за все время, пока былъ великимъ княземъ, не прочелъ до конца ни одной серьезной книги». Воспитаніе многое объясняеть, но факть остается фактомъ, и врядъ ли Александру поэтому такъ нравственно тяжело было переносить павловское царствованіе: любовь къ человъчеству, мечты о равенствъ и свободъ, - все это были лишь общія фразы, лишенныя конкретнаго содержанія.

Факты, приведенные авторомъ новаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, показываютъ, что Александръ, вопреки обычному представленію, принялъ довольно активную роль въ событіяхъ 11 марта. Но самъ авторъ объясняетъ дѣло свойственной Александру

«безпечностью»: «не задумываясь глубоко о возможныхъ послъдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора». Правда, лично для автора «мало понятно» «это нравственное состояніе двадцатитрехлътняго юноши». Впослъдствіи эта «полудремота» стоила Александру «ряда невыносимыхъ мученій совъсти». Можно соглашаться и не соглашаться съ послъднимъ заключениемъ, но во всякомъ случав, для опредвленія личности Александра его поведеніе въ данный моменть чрезвычайно характерно. Произошла катастрофа, и вновь чувство нравственной справедливости вошло въ коализію съ политикой. Мы уже знаемь, что авторь считаеть совершенно понятнымь «по сложнымъ обстоятельствамъ того времени» поведение Александра, не наложившаго никакой кары «ни на главарей, ни на прочихъ исполнителей кроваваго дъянія». Можеть-быть, это было и «мудро и логично». Но сдъланный авторомъ выпадъ противъ Лагарпа едва ли справедливъ: въдь Лагарпъ не могъ знать, что его ученикъ-соучастникъ заговора: знайонъ это, въроятно, осторожный Лагариъ и не высказалъ бы своего мнънія о возможной расправъ съ заговорщиками. Указывая, что фактически всѣ участники заговора были удалены отъ двора и подверглись «позднъйшей опалъ», автору приходится пояснить, почему въ дъйствительности это было спѣлано не со всѣми. Мотивы оказываются различными: на Уварова, напр., который «почти ежедневно былъ званъ къ столу государя», а также быль «persona grata» у Маріи Өеодоровны, смотръли сквозь пальцы, «благодаря его счастливому характеру и ничтожности его личности». Передъ нами и другая несимпатичная фигура непосредственнаго убійцы — Беннигсена, оставшагося на военной службъ и бывшаго виднымъ дъятелемъ во всъхъ наполеоновскихъ кампаніяхъ. «Государь и вдовствующая императрица его принимали у себя и писали ему дъловыя письма». «Думается,-говорить авторъ по этому поводу, если на эту личность смотръли сквозь пальцы, то благодаря тому только, что онъ быль иностранецъ... и ценили его военныя дарованія» (14). Если мы припомнимъ утверждение автора по поводу письма Лагарпа, что на Руси никогда не терпъли иностраннаго вмъщательства во внутреннія дъла, то, казалось бы, иностранное происхождение Беннигсена должно было привести какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ. У Беннигсена ценили военныя дарованія, но, быть-можетъ, и Н. П. Панинъ былъ хорошій дипломать. Очевидно, приходится подыскивать другія объясненія. Во всякомъ случать, по отношенію къ Беннигсену авторъ не совсъмъ правъ, указывая, что его терпъли, но не довъряли. Дъйствительно, Александръ его не любилъ. какъ не любилъ вообще самомнительныхъ людей, выступающихъ съ непрошенными совътами (за это именно не любилъ онъ и Растопчина). Но Беннигсенъ былъ довъреннымъ лицомъ Маріи Өеодоровны, не даромъ Александръ перелюстрировалъ письма своей тери (Дневникъ Г. Н. Вилламова 1807 г. «Рус. Ст.», 1912, 1, 38). Жаль, что авторъ вообще мало остановился на взаимныхъ отношеніяхъ матери къ сыну, которыя могутъ приподнять таинственную завъсу дворцовыхъ отношеній въ первые годы царствованія Александра и къ тому же чрезвычайно характерныхъ для обрисовки личности Александра — его поразительной неискренности. жизни Александра былъ еще случай, который остановилъ на себъ внимание автора - падение Сперанскаго. Авторъ вполнъ справедливо отвергаеть старыя «фантастическія предположенія» — никакой, конечно, измѣны не было. «Врядъ ли допустимо», чтобы Александръ въ нее върилъ, «но государь понялъ главное, что нужна жертва (?!) для успокоенія встревоженныхъ умовъ». «И тогда, пишетъ авторъ, -- станетъ понятнымъ выраженное государемъ суждение о Сперанскомъ, что «онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнялъ исключительно лично мнѣ». Другими словами, Сперанскій осм'єливался критиковать императора за его спиною, а иногда и острить насчетъ Александра. Вотъ въ чемъ заключалась личная измѣна. Тогда Благословенный монархъ рѣшился выдать Сперанскаго его врагамъ, съ грустью и болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, но выдалъ, зная, однако, что онъ не виноватъ и не предатель» (100). Согласимся съ авторомъ. Что приходится тогда сказать о человъкъ, который разстается «съ грустью и болью въ сердцъ, со слезами на глазахъ» и не раскроетъ истинной причины тому, кого ссылаеть, какъ предателя, и не будеть отвъчать лично на всъ оправданія сосланнаго...

Благодаря такой нѣкоторой двойственности въ характеристикѣ, Александръ для читателя, пожалуй, такъ и останется неразгаданнымъ сфинксомъ. Между тъмъ намъ кажется, что всякій нимбъ окончательно и всецёло должень быть снять съ имени Александра I. Въ итогъ своей работы авторъ задается вопросомъ: заслуживаетъ ли Александръ «быть причисленнымъ къ великимъ государямъ и правителямь?» (342). «Смъемъ думать, что да», —отвътъ нъсколько неожиданный. Неожиданный уже потому, что самъ авторъ, оцънивая внъшнюю постановку Александра, говоритъ: «Геніальность Наполеона отразилась, какъ на водъ, на немъ (на Александръ) и придала ему то значеніе, котораго онъ не имъль бы, не будь этого отраженія». Оцънивая дъятельность Александра въ Россіи, авторъ приходить къ такому окончательному заключенію: «Время его правленія нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ въ исторіи нашей родины». За что же причислять въ такомъ случа Александра къ сонму великихъ людей? Впрочемъ, понятіе «великій» весьма растяжимо: авторъ къ числу

великихъ причисляетъ и Людовика XIV.

Мы остановились преимущественно на критикъ изображенія личности Александра I въ трудъ Вел. Кн. Николая Михайловича. Можно было бы указать и другіе пробълы, вытекающіе, по нашему мнънію, изъ указанныхъ выше причинъ. Одно замъчаніе необходимо сдълать по поводу военныхъ поселеній. «Мы склонны видъть, -- пишетъ авторъ, -- связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха. Въдь основой введенія такого рода поселеній было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надълить ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко-гуманная, пропитанная великодушными стремленіями». Мы думаемъ, что основа военныхъ поселеній болъе прозаична, какъ и свидътельствуютъ всъ извъстные намъ офиціальные документы. Это была нѣсколько странная идея—обезпечить Россіи сильную и дешевую армію и создать фикцію вознагражденія за 1812 годъ. Безспорно, Александръ былъ творцомъ этой идеи въ ея русскомъ осуществленіи и очень упрямо проводиль ее въ жизнь, несмотря на всв возраженія и ужасы, творившіеся вокругь. Авторъ полемизируетъ съ Шильдеромъ и находитъ, что «въ общемъ крестьянство

не обнаружило того негодованія, которое старались изобразить впослъдстви въ литературъ». «Вначалъ не замъчалось особаго ропота. Впослъдствіи часто отношенія обострялись больше ради мелочей (!), какъ приказанія брить бороды, носить казенные мундиры, а иногпа вслъдствіе излишней строгости или безтактности мъстнаго, подчасъ слишкомъ ретиваго начальства» (232). Къ сожалънію, и здъсь приходится върить только на слово автору, такъ какъ имъ не приведено никакихъ фактовъ, опровергающихъ факты, ранъе опубликованные. Фактовъ объ ужасахъ въ военныхъ поселеніяхъ о ненависти къ нимъ населенія съ самаго начала ихъ возникновенія, о столкновеніяхъ на этой почвъ — болье чьмъ достаточно. Полемика невозможна до тъхъ поръ, пока не будутъ опубликованы тъ факты, которые заставляють автора опровергать прочно установившееся мижніе въ исторической литературь і). Правда, оцінка событій очень субъективна. Такъ, напримъръ, авторъ считаетъ «мелочью» насильственное бритье бороды (добавимъ, старообрядцамъ), а между тъмъ на почвъ этихъ въ сущности религіозныхъ гоненій въ Новгородской губ. вырастала эпидемія самоубійствъ, повторявшая въ миніатюръ то, что было въ Россіи въ массовыхъ размърахъ при гоненіяхъ на старообрядцевъ въ концъ XVII в. и- въ петровское время.

Авторъ не допускаетъ мысли, чтобы Александръ могъ бы сказать свою знаменитую фразу, «что военныя поселенія будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Онъ увъряетъ, что «Александру не были присущи ръзкости, особенно въ словахъ, и что упомянутое выраженіе вообще мало соотвътствовало его характеру». Съ этимъ, конечно, можно спорить. Нъчто подобное Александръ не разъ говорилъ, а отчасти и дълалъ, въ пылу гнъва и раздраженія. Александръ не разъ проявлялъ на ряду съ сентиментализмомъ и чувствительностью жестокость, которую нъкоторые изъ современниковъ готовы были считать даже его природной чертой. Впрочемъ, и самъ авторъ, какъ мы видъли уже, склоненъ считать, что Александръ «могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ», и приписываетъ это «особаго рода религіозному фанатизму» Александра, связаннаго «съ тъми нравами

и обычаями, при которыхъ протекала его жизнь».

Можно привести и другія болѣе мелкія положенія и неточности, вызывающія возраженія. Авторъ совершенно невѣрно излагаетъ извѣстный проектъ Аракчеева объ освобожденіи крестьянъ, говоря, что онъ основывался на «покупкѣ встять помѣщичьихъ крестьянъ» (235). Едва ли можно признать кн. А. Н. Голицына выдающимся государственнымъ дѣятелемъ (186). Нельзя, конечно, объяснять появленіе тайныхъ политическихъ обществъ покровительствомъ, якобы оказываемымъ масонамъ. Невѣрно по существу, что Бернадотъ первый указалъ Александру въ 1812 г. способъ веденія Отечественной войны (95): мысль отступленія была высказана еще Барклаемъ въ 1807 г. Характеризуя Сперанскаго и Аракчеева въ 1809 г., авторъ приводитъ позднѣйшій отзывъ Батенкова

¹⁾ За послъднее время вообще стали высказывать въ литературъ новыя точки зрънія на военныя поселенія. Такъ, А. А. Корниловъ считаетъ ихъ опытомъ «своеобразнаго военно-государственнаго соціализма». Точка зрънія оригинальная, но совершенно не убъдительная.

(безъ оговорокъ), отчего характеристика Сперанскаго получается, конечно, неправильная и т. д. Въроятно, нъкоторыя мелочи просто слъдуетъ отнести къ числу оговорокъ, напр., употребленіе термина Совътъ Министровъ вмъсто Комитета Министровъ (210): утвержденіе, что Голицынъ давно (1816 г.) управлялъ въ качествъ министра духовныхъ дълъ и просвъщенія всъми дълами церкви (177), что Кошелевъ при воцареніи Александра I сталъ дъятельнымъ членомъ Библейскаго Общества и пр. (181). Наконецъ, въ научной работъ можно было бы избъгатъ такихъ выраженій, какъ «нъкоторые изъ русскихъ тогда еще осмълились критиковать государя» и т. п.

Все это въ значительнои степени только мелочи, которыя не измѣняютъ общаго характера изслѣдованія. Оно можетъ вызвать много и общихъ и частныхъ возраженій. Но, во всякомъ случаѣ, оно будитъ мысль, ставитъ новые вопросы и даетъ новые матеріалы. Въ этомъ его большая заслуга. Оно, наконецъ, въ значительной степени отступаетъ отъ все еще держащейся въ литературѣ тради-

ціонной точки зрѣнія 1).

С. Мельгуновъ.

¹⁾ Въ настоящее время книга Вел. Кн. Николая Михайловича вышла повымъ изданіемъ—цъликомъ уже на французскомъ языкъ (ц. 15 р.).

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1. Статьи нъмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ историческомъ журналь Теодора Шимана.

Берлинскій профессоръ Шиманъ, изв'єстный спеціалистъ по новой исторіи Россіи, издаетъ съ 1911 года журналъ, посвященный исключительно исторіи государствъ восточной Европы, т.-е. Россіи, Польши и балканскаго славянства. Журналъ называется Seitschrift fur osteuropäische Geschichte. Въ немъ пом'єщаются научныя изсл'єдованія, историческіе документы, критическіе обзоры и, наконецъ, весьма подробно составляемая хроника, въ которой отм'єчаются текущія новости исторической литературы, и между прочимъ, дается обзоръ историческихъ статей общихъ и спеціальныхъ русскихъ журналовъ.

Такимъ образомъ, названное изданіе довольно широко знакомитъ нѣмецкую публику, интересующуюся исторической наукой, съ движеніемъ русской научно-исторической литературы. Для насъ журналъ Шимана интересенъ съ другой стороны: мы находимъ тамъ работы нѣмецкихъ изслѣдователей въ области русской исторіи. По этимъ работамъ мы можемъ судить о томъ, какого рода вопросы по исторіи нашего отечества привлекаютъ вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ и какъ ставится ими разработка этихъ во-

просовъ.

Въ настоящей замъткъ я и намъренъ вкратцъ изложить содержаніе наиболъе важныхъ статей по русской исторіи, принадлежащихъ нъмецкимъ сотрудникамъ шимановскаго журнала 1).

¹⁾ Въ журналъ Шимана печатаются также и русскіе авторы. Такъ, мы находимъ тамъ статьи: С. М. Горяинова о сношеніяхъ Россіи съ Тиролемъ въ 1812 и 1813 гг.; Великаго Князя Николая Михайловича о перепискъ Александръ I съ императрицей Маріей Өеодоровной; г. Фроловскаго о нъмецкомъ переводъ Наказа Екатерины II. Кромъ того, въ отдълъ рецензій приняли до сихъ поръ участіе А. С. Лаппо-Данилевскій, М. Вишницеръ, А. Пръсняковъ и друг. Въ нашей замъткъ мы остановимся только на статьяхъ нъмец. авторовъ.

I.

Среди этихъ статей только одна посвящена древней русской исторіи. Леопольдъ Гетцъ, авторъ новъйшей монографіи о Русской Правдѣ, помѣстилъ на страницахъ щимановскаго журнала обширную работу: «Титулъ Великій князъ въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ». Авторъ перебираетъ одно за другимъ всѣ мѣста лѣтописныхъ текстовъ, въ которыхъ употребленъ названный титулъ, и старается установить путемъ сопоставленія всѣхъ этихъ мѣстъ политическое и юридическое значеніе, которое придавалось этому титулу въ разныя эпохи и въ различныхъ мѣстностяхъ древней Руси. Помимо разрѣшенія этой спеціальной своей задачи Гетцъ попутно дѣлаетъ нѣкоторыя наблюденія, относящіяся до вопроса о взаимоотношеніи различныхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Всѣ другія статьи, подлежащія нашему разсмотрѣнію, сразу

переносять нась въ XVIII и XIX стольтія.

Вальтеръ Реке даль обстоятельную статью, посвященную новому пересмотру исторіи знаменательной политической борьбы, вспыхнувшей между «верховниками» и «шляхетствомъ» въ 1730 году передъ воцареніемъ Анны Іоанновны. Этому эпизоду нашей исторіи быль уже посвящень рядь спеціальныхъ работь гг. Кор-сакова, Загоскина, Милюкова, не говоря о томъ, что и всѣ авторы общихъ сочиненій и курсовъ по новой русской исторіи такъ или иначе касались связанныхъ съ нимъ событій. Казалось, вопросъ изученъ, что называется, вдоль и поперекъ. Тъмъ не менъе, Вальтеръ Реке, подвергнувъ самостоятельному изслѣдованію относящіеся сюда первоисточники, сумъль выдвинуть нъсколько свъжихъ соображений, возбуждающихъ немалый интересъ. Не всъ эти соображенія безусловно убъдительны, но имъ во всякомъ случат нельзя отказать въ серьезности и остроуміи. Говоря о событіяхъ 1730 г., теперь уже будеть невозможно не посчитаться такъ или иначе съ конструкціей названнаго нѣмецкаго автора. Я отмъчу лишь тъ пункты этой конструкціи, въ которыхъ Вальтеръ Реке наиболъе ръшительно расходится съ своими предшественниками по изученію даннаго вопроса. Во-первыхъ, Реке находитъ, что посланныя Аннъ Іоанновнъ въ Митаву «кондиціи» вовсе не были скопированы съ шведскаго образца. Мысль о шведскомъ происхожденіи этихъ кондицій, высказанная еще проф. Корсаковымъ, получила затъмъ сильное подкръпление со стороны шведскаго историка Іорне, къ которому всецъло примкнулъ и П. Н. Милюковъ. Реке оспариваетъ выводы этихъ изследователей. Прежде всего онъ считаетъ, что участіе Фика въ работахъ кн. Д. М. Голицына сильно преувеличено: послъдующая слъдственная комиссія не признала за Фикомъ никакой серьезной вины. Затъмъ, по мнънію Реке, всъ тъ «пункты», которые сближаются Іорне и Милюковымъ съ предполагаемымъ шведскимъ источникомъ, могли быть совершенно естественно подсказаны туземными историческими прецедентами, тъми притязаніями на властную политическую роль, которыми одушевлялось допетровское боярство и которыя цѣликомъ ожили въ душъ потомка и правовърнаго послъдователя этихъ бояръ князя Димитрія Голицына. Эти соображенія соотвътствують основной идеъ статьи Реке, который видить въ «затъйкъ»

Пимитрія Голицына исключительно запоздалый пережитокъ старинной борьбы московскаго боярства съ царской властью. Однако полемика Реке съ Іорне и Милюковымъ въ этомъ пунктъ не кажется намъ убъдительной. Реке, несомнънно, преувеличиваетъ зръпость политическаго сознанія московскаго боярства, а кром'в того, упускаеть изъ виду слъдующее важное обстоятельство: если бы даже Голицынъ и могъ почерпнуть всъ выраженныя въ «кондиціяхъ» притязанія въ историческихъ преданіяхъ русской родовитой знати, то и въ такомъ случаъ иноземный, въ данномъ случаъ, шведскій, образецъ могь оказаться для него крайне необходимъ, какъ руководство для формулировки этихъ притязаній въ ясныхъ и законченныхъ терминахъ. И въ этомъ отношении произведенное въ работъ Горне сближение текста кондиций 1730 г. съ текстомъ шведскихъ государственныхъ актовъ 20-хъ годовъ XVIII столътія сохраняеть все свое значеніе и послъ доводовъ Реке. Зато гораздо большій интересь представляють соображенія Реке о такъ называемомъ «конституціонномъ планъ» Димитрія Голицына. Предшествующіе изслідователи и въ особенности П. Н. Милюковъ очень подчеркивали то обстоятельство, что Голицынъ не остановился на выработкъ «кондицій», а составилъ затъмъ цёлый проекть конституціи, въ которомъ, въ отвёть на поднявшуюся среди шляхетства оппозицію его олигархическимъ планамъ, сдѣлалъ рядъ существенныхъ уступокъ шляхетскимъ притязаніямъ. П. Н. Милюковъ на основаніи этихъ уступокъ находитъ даже вообще невозможнымъ характеризовать Д. М. Голицына, какъ послъдовательнаго и непримиримаго одигарха. Реке, наобороть, считаеть Голицына олигархомь чистой воды и доказываеть, что Голицынъ никогда не сходилъ съ почвы «кондицій», составленныхъ въ ръзко олигархическомъ духъ. Что же касается до «плана конституціи» Голицына, которому П. Н. Милюковъ посвящаетъ такъ много вниманія, то Реке отвергаетъ самый фактъ его составленія. Воть его аргументы. Плань этоть нигдь не быль найдень. Протоколы Верховнаго Совъта хранять о немъ полное молчаніе. Большинство дипломатическихъ агентовъ въ своихъ донесеніяхъ не упоминають о немь. Всъ данныя объ этомъ «планъ» исчерпываются свидътельствами, которыя находятся въ донесеніяхъ испанскаго посланника де-Лиріа, англійскаго дипломатическаго агента Рондо и французскаго — Маньяна; при чемъ только одинъ Маньянъ приписываетъ составление этого плана именно Голицыну, а де-Лиріа и Рондо не обозначають, отъ кого вышель этотъ планъ. Совпаденіе показаній этихъ трехъ свидътелей и ставило до сихъ поръ внъ сомнънія вопросъ о появленіи этого конституціоннаго плана. Все, что говорили Корсаковъ и Милюковъ о содержаніи «плана», было основано на бъглыхъ и отрывочныхъ сообщеніяхъ трехъ выше названныхъ иностранныхъ дипломатовъ.

Реке считаетъ, что никакого «конституціоннаго плана», который можно было бы приписать Голицыну помимо «кондицій», не существовало. Прежде всего онъ доказываетъ, что передъ нами не три самостоятельныхъ извъстія объ этомъ планъ, а только одно, лишь трижды повторенное. Де-Лиріа, Рондо и Маньянъ какъ разъ составляли тъсный дипломатическій комплотъ, сообща дъйствовали, сообща добывали свъдънія, вели общую дипломатическую кампанію. Реке и доказываетъ далъе, что Маньянъ и Рондо получили свъдънія, о «планъ» отъ своего испанскаго кол-

леги, а де-Лиріа, передавая эти свѣдѣнія, самымъ певозможнымъ образомъ перепуталъ всѣ факты. Онъ вообще былъ чрезвычайно плохо освѣдомленъ о ходѣ событій, и его сообщенія кишатъ грубыми ошибками. Многія изъ этихъ ошибокъ воспроизведены затѣмъ и у Маньяна. Въ результатѣ подробнаго анализа донесеній де-Лиріа и Маньяна Реке приходитъ къ заключенію, что эти дипломаты, не будучи освѣдомлены о подлинномъ текстѣ «кондицій», не могли разобраться въ доходившихъ до нихъ отрывочныхъ слухахъ, совершенно произвольно составили себѣ представленіе о существованіи какого-то «плана конституціи», исходящаго отъ верховниковъ, при чемъ этотъ мнимый «планъ» они смѣшивали то съ кондиціями, то съ различными обрывками шляхетскихъ проектовъ: вотъ почему въ составъ этого мнимаго «плана» и попали черты, не вяжущіяся съ олигархическими стремленіями Голицына.

Мы не будемъ излагать анализа донесеній де-Лиріа и Маньяна, предложеннаго у Реке. Это потребовало бы довольно много м'вста. Скажемъ только, что наблюденія Реке представляются намъ не лишенными основанія, и что заключенія, изъ нихъ вытекающія, совершенно изм'вняютъ выдвинутую П. Н. Милюковымъ конструкцію роли Голицына въ событіяхъ 1730 г. Если отвергнуть вм'вст'в съ Реке существованіе голицынскаго «плана конституціи» и остаться при однихъ «кондиціяхъ», то придется согласиться и съ т'вмъ, что идеаломъ Голицына была нич'вмъ не смягченная

олигархія.

Въ статъъ Реке находимъ еще интересныя соображенія о дъйствіяхъ Василія Лукича Долгорукова, о взаимоотношеніи генералитета и рядового шляхетства во время событій 1730 г. и т. д. Излагать этихъ соображеній мы уже не будемъ, такъ какъ это

ввело бы насъ въ слишкомъ спеціальныя подробности.

XVIII въку посвящена еще статья Фридриха Андреэ объ отношеніяхъ Екатерины II къ Мерсье-де ла Ривіеру. Въ статът находимъ детальный разборъ всъхъ историческихъ свидътельствъ о пребываніи французскаго экономиста въ Россіи и о причинахъ недовольства Екатерины знакомствомъ съ этимъ самоувъреннымъ доктринеромъ. Наконецъ двъ статьи переносятъ насъ въ царство-

ваніе Николая І.

Шиманъ по архивнымъ матеріаламъ разсказываетъ о дипломатической повздкъ въ Берлинъ фельдмаршала Дибича въ 1830 г. Этотъ эпизодъ живо рисуетъ международную роль Россіи въ царствованіе Николая I. Лишь только въ Петербургъ были получены извъстія объ іюльской революціи во Франціи, императоромъ Николаемъ Павловичемъ овладълъ стремительный порывъ воинственности. Онъ ни минуты не сомнъвался въ томъ, что государственный перевороть въ Парижъ тотчасъ же объединить всъ монархическія правительства Европы для общаго выступленія противъ революціонной Франціи. Въ В'вну быль послань графъ Алексви Орловъ, въ Берлинъ — Дибичъ. Они должны были сообщить австрійскому и прусскому правительствамъ военные планы русскаго императора для согласованія ихъ съ операціями, намъченными-Австріей и Пруссіей. Что названныя державы объяты рѣшимостью сколь возможно скоръе наказать французскихъ мятежниковъ, въ этомъ при петербургскомъ дворъ не допускали и тъни сомнъція. Между тъмъ воинственный пыль Россіи испугаль Австрію и Пруссію въ гораздо большей мѣрѣ, нежели сама іюльская революція. Для императора Николая Павловича все казалось простымъ и яснымъ; въ его глазахъ положеніе исчерпывалось самой элементарной борьбой двухъ началь—революціи и легитимизма. Немудрено, что австрійскіе и прусскіе дипломаты, имѣвшіе на рукахъ рядъ деликатныхъ и сложныхъ вопросовъ международной политики, были чрезвычайно встревожены прямолинейными призывами изъ Петербурга и доносившимся оттуда бряцаніемъ оружія. Дибичъ встрѣтилъ въ Берлинѣ болѣе чѣмъ кислый пріемъ. Онъ расчитывалъ, что его встрѣтятъ, какъ ангела-хранителя. На самомъ дѣлѣ къ нему отнеслись, какъ къ незванному гостю, который своимъ неожиданнымъ появленіемъ вноситъ досадную безтолковщину въ планы хозяина и отъ котораго стараются отдѣлаться подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Въ статъѣ Шимана и данъ подробный разсказъ о томъ, какъ усиліями прусскаго пра-

вительства была ликвидирована миссія Дибича.

Не менъе интересна и статья Рихарда Саломона о той дипломатической суматохъ при европейскихъ дворахъ, которая предшествовала признанію европейскими правительствами Наполеона III въ качествъ французскаго императора. Въ 1908 г. въ Петербургъ вышла работа А. М. Зайончковскаго «Восточная война 1853—56 гг.». Эта книга прошла какъ-то незамъченной у насъ въ Россіи, между тъмъ, какъ она заслуживаетъ серьезнаго вниманія по богатству заключающихся въ ней архивныхъ данныхъ. Между прочимъ, тамъ находится не мало интереснаго матеріала и по вопросу о тъхъ обстоятельствахъ, при которыхъ произошло признаніе Наполеона III французскимъ императоромъ со стороны Россіи. Рихардъ Саломонъ и положилъ этотъ матеріалъ въ основу своей статьи, подвергнувъ въ связи съ этимъ пересмотру и всю остальную литературу даннаго вопроса. Въ результатъ получился очень живой очеркъ международнаго положенія въ Европъ въ началь 50-хъ годовъ XIX столътія. Воцареніе Наполеона III задавало для европейской дипломатіи чрезвычайно сложную и щекотливую задачу. Союзнымъ договоромъ 20 ноября 1815 г. Австрія, Англія, Пруссія и Россія торжественно установили, что ни одинъ Бонапартъ никогда не долженъ пользоваться во Франціи верховной властью и что всякой попыткъ къ нарушенію этого правила поименованныя выше державы противопоставять самое рышительное противодыйствіе. Итакъ, признать Наполеона III значило для этихъ державъ отречься отъ собственныхъ обязательствъ, отречься отъ защиты принципа легитимизма въ пользу династіи, выдвинутой государственными переворотами и плебисцитами. Но, съ другой стороны, европейскія державы, стоявшія за охрану монархизма и легитимизма, по ироніи судьбы оказывались передъ дилеммой: либо признать Наполеона III, либо отвергнуть въ его лицъ единственную силу, которая могла въ тотъ моментъ противостать успъхамъ республиканской идеи. Легко представить себъ, какая напряженная работа была задана этой дилеммой дипломатическимъ перьямъ. Съ самаго начала было ясно, что во имя борьбы съ республиканизмомъ монархическія державы пойдутъ на признаніе Наполеона III. Но это признание предстояло окружить дипломатическими фикціями, которыя должны были прикрыть флеромъ словесныхъ хитросплетеній фактическое отреченіе державъ отъ договора 1815 года. Рихардъ Саломонъ и прослъживаетъ въ своей стать в шагь за шагомъ филигранную работу динноматическихъ

искусниковъ въ этомъ направлении.

Англія съ самаго начала выказала рѣшительную склонность признать Наполеона III безъ дальнихъ оговорокъ и колебаній. На противоположномъ полюсѣ стояла Россія. Императоръ Николай Павловичъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы въ кругъ корснованныхъ особъ вошелъ полноправнымъ членомъ государь, достигшій власти при посредствѣ революціи.

Задачу построить золотой мость между договоромь 1815 года и признаніемъ Наполеона взяла на ссбя Австрія. Рихардъ Саломонъ изображаєть съ большой живостью, какъ изъ Вѣпы время отъ времени выходили одна за другой ноты, имѣвшія цѣлью убѣдить императора Николая Павловича въ томъ, что можно поставить дѣло на такую почву, при которой признаніе Наполеона не будетъ противорѣчить договору 1815 года. Эти измышленія вѣнской дипломатіи встрѣтили въ Пстербургѣ самый хмурый пріемъ, но, въ концѣ-концовъ, пришлось признать, что ничего лучшаго придумать невозможно, и пстербургское министерство иностранныхъ дѣлъ начинало оперировать фикціями, подсказанными изъ Вѣны.

Любители дипломатическаго спорта найдуть въ статъ Саломона не мало любопыти вішихъ его образчиковъ. Приведу здъсь два примъра. Сначала Австрія предложила стать на такую точку зръпія: договоръ 1815 г. устранялъ отъ французской короны всюхъ Бонапартовъ; но въдь теперь ръчь идетъ о признаніи права на корону лишь за однимъ изъ нихъ! Какъ будто понятіе всю не обнимаетъ въ данномъ случав и каждаго въ отдъльности!

Иначе говоря, Австрія предлагала признать Наполеона только лично, не распространяя признанія на его династію. Наполеонъ отвътилъ на это присоединеніемъ къ своему титулу цифры III, подчеркнувъ тъмъ два важныя обстоятельства: 1) что онъ смотритъ на себя, какъ на члена наполеоновской *династіи* и 2) *что* онъ игнорируетъ всю работу общесвропейской дипломатіи въ промежуткъ времени между 1815 и 1852 годами: въдь европейскія державы никогда не давали своего признанія Наполеону III Это обстоятельство создавало новое чрезвычайное осложнение для выполненія той задачи, которую преслѣдовала Австрія. Николай Навловичъ написалъ на донесеніи Бруннова по вопросу о цифръ III въ титулъ Наполеона: «Я предлагаю называть его Людовикомъ Наполеономъ и больше ничего. Если онъ разсердится на это, тьмъ хуже для него; а если онъ начнетъ грубить, то Киселевъ покинетъ Нарижъ». Всибдъ за этимъ подымался и другой деликатный вопросъ: возможно ли въ личной перепискъ монарховъ прилагать къ Наполеону обычное обращение «государь, брать мой»?

Западные дипломаты скоро изыскали способы мотивировать уступку и по этимъ двумъ пунктамъ. Цифру III было рѣшено признать съ оговоркой, что она принимается не въ политическомъ, а только въ ариөметическомъ смыслѣ! Формула, оказавшаяся удобной именно въ силу своей безсодержательности. Что же касается наименованія Наполеона «братомъ», то здѣсь сослались на прецеденты примѣненія такого обращенія къ выбраннымъ монархамъ, припомнивъ для этой цѣли и выборныхъ королей прежней

Польши.

Но по этимъ двумъ пунктамъ Николай Павловичъ рѣшилъ не итти на уступки. Киселевъ долженъ былъ предъявить Наполе-

ону свои върительныя грамоты, въ которыхъ не было злополучной цифры III, а слово Frère было замънено словами «Bon Ami». При содъйствіи Морни Киселеву удалось обезпечить принятіе этихъ грамотъ. Наполеонъ на аудіенціи сказалъ Киселеву, что въ виду настоящихъ обстоятельствъ онъ обращаетъ вниманіе на сущ-

ность дъла, а не на внъшнюю форму.

Русскіе дипломаты провозгласили этоть исходь, какъ крупную дипломатическую побѣду Россіи. Въ этихъ восторгахъ сказалось, однако, лишь полное непониманіе сущности политическаго момента. Саломонъ заканчиваетъ свою статью правильнымъ указаніемъ на то, что изложенная имъ дипломатическая кампанія явилась прелюдіей къ тѣмъ событіямъ 1855 года, которыя сулили самые тяжкіе удары международному положенію Россіи.

H.

Кромъ изслъдованій и статей въ журналь Шимана, какъ уже сказано, помъщаются и подлинные тексты или подробные обзоры неизданныхъ ранъе историческихъ документовъ. Отмъчу здъсь наиболье интересное и въ этой области. Шиманомъ опубликованы: 1) собственноручная записка императора Николая I о французской революціи 1848 г., написанная подъ непосредственнымъ впечатлъніемъ отъ только что разыгравшихся событій, 2) письмо великой княгини Александры Өеодоровны, будущей императрицы, къ своему брату отъ 13 декабря 1825 г., 3) записка маіора Ройеръ-Люнеса о русскихъ придворныхъ и политическихъ новостяхъ въ 1817 г. и 4) записка, составленная въ 1859 г. однимъ русскимъ

дипломатомъ о славянскомъ движеніи въ Австріи.

Въ запискъ 1848 г. императоръ Николай I отыскиваетъ причины февральской революціи. Коренную причину онъ видитъ въ томъ, что Европа по неизвинительному ослъпленію признала переворотъ 1830 года и этимъ подорвала принципъ легитимизма. Затъмъ онъ указываетъ на то, что во время польскаго возстанія Пруссія и Австрія предоставили свободный пріютъ польскимъ бъглецамъ и этимъ облегчили распространеніе мятежныхъ идей по всей Германіи, чему способствовало также пагубное направленіе дъятельности нъмецкихъ университетовъ. Николай Павловичъ не находитъ, далъе, словъ для достаточнаго порицанія парламентской реформы въ Англіи. «Въ силу этой реформы, —говоритъ онъ, — прежняя Англія исчевла съ лица земли и народилась новая, которая сохранила отъ былого времени одни только пороки и объявила себя повсемъстной покровительницей всякаго безпорядка, всякихъ революціонныхъ потрясеній и переворотовъ».

Записка заканчивается соображеніями о томъ, что предстоить дълать Россіи. «Если вспыхнеть война между Австріей и Пьемонтомъ, — пишетъ Николай Павловичъ, — Россія не будетъ вмъшиваться: «я никогда не соглашусь послать русскія войска въ столь отдаленныя мъстности». Но если пламя революціи охватитъ Германію, тогда намъ придется въ нашихъ собственныхъ интересахъ выступить со всъми нашими силами на подавленіе этого зла», —

таково заключение записки.

Письмо Александры Өеодоровны въ высшей степени интересно потому, что оно писано наканунт 14 декабря 1825 г. Великая кня-

гиня сообщаеть брату, какъ ея супругь присягнуль своему старшему брату Константину. «Этимъ поступкомъ, пишетъ Александра Өеодоровна,--Николя сразу завоевалъ высокое уважение націи: всъ убъдились въ величіи его характера». Когда вскрыли пакетъ съ отреченіемъ Константина въ пользу Николая Павловича, императрица Марія Өеодоровна пожелала лично говорить съ членами Государственнаго Совъта. Произошла, по словамъ Александры Өеодоровны, раздирающая душу сцена, но затъмъ всъ успокоились. Марія Өеодоровна заявила, что ей было извъстно отреченіе Константина и что Николай на основаніи этого отреченія можеть получить корону по праву и согласно желанію покойнаго императора, но она съ своей стороны можетъ только одобрить образъ дѣйствій Николая Павловича, который послідоваль чувству долга. Всъми было ръшено ждать окончательнаго разръшения вопроса отъ самого Константина. «Что предстоитъ намъ-мы не знаемъ,писала Александра Өеодоровна, но, главное, достигнуто общее спо-

койствіе». Это было написано наканунъ 14 декабря.

Донесеніе Ройеръ-Люнеса—прусскаго чиновника—представляетъ собою отчеть объ его поъздкъ въ Петербургъ въ 1817 г., изготовленный имъ для Гарденберга. Ройеръ-Люнесъ пробылъ въ Петербургъ нъсколько недъль и передаль въ отчетъ всъ тъ наблюденія и слухи о придворной и политической жизни въ Россіи, которые могли такъ или иначе интересовать прусское правительство. Въ этихъ сообщеніяхъ много очевидныхъ ошибокъ, но онъ интересны именно тъмъ, что по нимъ можно судить, съ какими надеждами и съ какими опасеніями взирала въ то время Пруссія на свою восточную сосъдку. Очень характерно то, что среди этихъ опасеній на первомъ планъ стояла боязнь передъ возможностью возстановленія самостоятельной Польши. Въ этомъ вопросѣ глаза у прусскаго страха были такъ велики, что Ройеръ-Люнесъ серьезно заговорилъ даже въ своемъ отчетъ о возможности провозглашенія Константина Павловича королемъ самостоятельной Польши и съ этою возможностью онъ ставилъ въ связь слухи о ръшении Константина Павловича отказаться отъ правъ на русскую корону.

Наконецъ записка 1859 г. о славянахъ въ Австріи, составленная русскимъ дипломатомъ, содержитъ въ себѣ доказательства необходимости оказанія со стороны русскаго правительства матеріальной и моральной поддержки дѣятелямъ славянскаго, преимущественно чешскаго, культурнаго движенія въ Австріи. Къ сожалѣнію, текстъ этой записки не снабженъ никакими указаніями на счетъ обстоятельствъ ея составленія, а также не выяснена и личность

автора записки.

Ал. Кизеветтеръ.

2. Изъ иностранныхъ журналовъ.

І. Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи.

Графъ Сегюръ заканчиваетъ вторую часть своего труда «На закатъ монархіи», посвященнаго исторіи монархіи Людовика XVI предъ революціей (Revue des Deux Mondes. 1912. C-te Segur. Au couchant de la monarchie). Главы этой части трактуютъ о первомъ министерствъ Неккера; съ обычнымъ мастерствомъ авторъ рисустъ на основаніи многочисленныхъ современ-

ныхъ мемуаровъ умъренную политику ловкаго финансиста, который задавался исключительно дёловой и практической программой реформъ въ противоположность теоретику Тюрго; подробно излагаеть всв перипетіи борьбы за власть Неккера съ восьмидесятилътнимъ министромъ-менторомъ молодого Людовика XVI, графомъ Морепа. Среди сутолоки и интригъ придворной жизни постепенно выступаетъ на первый планъ молодая легкомысленная королева Марія-Антуанетта, руководимая исключительно чувствами родственной любви и дружеской пріязни. Австрійская родня старается насильственно втянуть ее въ политику-и королева изо всъхъ силь стремится помочь «своей дорогой мамашъ» и «своему дорогому брату» Іосифу II, не останавливаясь даже предъ рискомъ войны Франпін съ Пруссіей изъ-за австрійскихъ интересовъ. Искусному царедворцу Морена приходится выдержать жестокую спену вследствие его отказа поддерживать австрійскія притязанія королевы. Постепенно молодая королева привыкаеть къ навязываемой ей роли руководительницы слабаго короля, но попрежнему остается върна интересамъ своего интимнаго кружка съ герцогиней Полиньякъ во главъ. Неккеръ, несмотря на свою бережливость, умъеть сблизиться съ кружкомъ королевы и воспользоваться ея вліяніемъ, чтобы низвергнуть безпорядочное хозяйничанье морского министра де Сартина и военнаго де Монбаре... Прошли годы... И - недавно опубликованная О. Гейденстамомъ переписка М.-Антуанетты съ Барнавомъ (O. G. Heidenstam. Lettres de Marie-Antoinette et de Barnave. Revue de Paris 1912. №№ 21, 23) знакомить насъ съ политикой королевы послъ неудачнаго бъгства въ Вареннъ (1791 г.). Въ замкъ Лефстадъ въ Швеціи Гейденстаму удалось найти большую связку писемъ (44)

королевы и столько же Барнава.

Во время перевзда изъ Варенна въ Парижъ, королева сумвла привлечь на свою сторону Барнава, сопровождавшаго королевскую семью въ числъ другихъ делегатовъ Національнаго Собранія. Онъ объщалъ королю свою поддержку при содъйствіи друзей, среди которыхъ первое мъсто занимаютъ Дюпоръ и А. Ламетъ. Чрезъ Марію-Антуанетту они стараются убъдить короля признать конституцію, добиться возвращенія эмигрантовъ и склонить императора признать конституцію, рекомендують осторожное поведеніе, чтобы остановить революціонное движеніе. Последнія два желанія оказываются неисполнимы. Благодаря стараніямъ Барнава Собраніе возстановляєть королевскую власть. Королева довольна и старается уб'ёдить своихъ тайныхъ сов'ётниковъ отказаться отъ остальныхъ требованій, — въ концъ-концовъ, уступаеть ихъ настояніямъ, но не достигаетъ ничего, кромъ уклончиваго отъъта Леопольда Австрійскаго. Республиканская демонстрація на Марсовомъ пол'є вызываеть у нея сомнівніе въ примиреніи съ революціонерами. Напрасно «тайный комитеть» объясняеть ей, насколько возвысится королевская власть отъ союза съ народомъ послів признанія конституціи: королева не надівется на прекращение анархіи и теперь старается извлечь возможную пользу отъ своихъ совътниковъ. Напрасно совътники уговариваютъ ее «примкнуть къ народу». Новое охлаждение вызываетъ назначение нежелательнаго кандидата министромъ и неудача свидания. Теперь «тайный комитеть» именуется королевой «эти господа». Личному вліянію Барнава удается восторжествовать на нъкоторое время, но отказъ короля утвердить декреть объ изгнаніи неприсягнувшихъ священниковъ способствуетъ разрыву: недоразумънія изъ-за мелкихъ вопросовъ, въ которыхъ «тайный комитеть» видить торжество придворныхъ реакціонеровъ, растуть и, наконецъ, 28 декабря переписка прекращается. Сильное вліяніе на королеву оказываеть Ферзень; убъждая тайныхъ совътниковъ въ своей мскренности, королева пишеть Ферзену, что «видить ихъ и сносится лишь для того, чтобы ими воспользоваться»... Такимъ образомъ окончательно дорисовывается ловкая, изворотливая, но недальновидная политика королевы, политика оттяжекъ и отсрочекъ, вопреки увъреніямъ автора статьи Гейденстама.

2. Наполеонъ и восточный вопросъ.

Послъднія отголоски юбилейной литературы доносятся къ намъ изъ

ушедшаго въ въчность 1912 года.

Статья Г. Шмидта «Наполеонъ и Балканскія дороги» (Revue de Paris. № 23. 1912 — Schmidt: Napoleon et les routes Balcaniques) на основаніи архивныхъ матеріаловъ изображаетъ стремленіе Наполеона въ 1810—1812 гг. захватить для французской промышленности турецкіе рынки, организовать новые караванные пути изъ Салоникъ въ Иллирійскія провинціи,—передовой постъ наполеоновской имперіи на востокъ, — чрезъ Македонію и Боснію для доставки хлопка изъ Малой Азіи. Невозможное состояніе горныхъ дорогъ, разбойничество сербовъ и арнаутовъ, интриги Англіи и Австріи, соперничество греческихъ купцовъ и духовенства, грабительство турецкихъ чиновниковъ парализовали всъ энергичныя усилія французскихъ консуловъ. Наполеонъ руководился одними экономическими соображеніями и потому отклонилъ просьбу Кара-Георгія о помощи сербамъ, несмотря на то, что послъдній объщалъ въ 1810 взамѣнъ поддержки 40.000 сербовъ и 20.000 черногорцевъ.

Совершенно иначе отнесся Наполеонъ къ донесеніямъ агентовъ своихъ о томъ, что венгерское дворянство недовольно политикой Франца I (Статья Людовика Горанскаго—Louis de Horanszky: Napoleon et la Hongrie—въ Revue de la Hongrie. 1912 №№ 9, 10). Онъ сдѣлалъ смѣлую понытку оторвать Венгрію отъ Австріи. Очень любопытную прокламацію его къ Венграмъ перевелъ на венгерскій языкъ и редактировалъ, повидимому, поэтъ Бачани. Но венгерская знать уже въ 1808 году на сеймѣ успѣла столковаться и помириться съ королемъ, и прокламація не имѣла никакого успѣха: лишь небольшая кучка горячихъ патріотовъ втайнѣ сочувствовала въ то время идеѣ венгерской независимости.

А. Васютинскій.

3. О значеніи эпоўи Отечественной войны.

Статья А. А. Корнилова «Эпоха Отечественной войны и ея значение въ новъйшей истории России» («Русская Мысль» 1912 г. ноябрь), ставитъ себъ чрезвычайно обширныя задачи. Статья начинается съ Екатерины II и кончается крестьянской реформой: таковъ ея хронологическій захватъ. Внутри этой широкой хронологической рамы читатель находитъ самый разнообразный матеріалъ: тутъ и попытка заново освътить личность Александра I, и стремленіе выяснить основныя тенденціи его внъшней политики — тоже, отчасти, по новому — и кое-что о литературъ двънадцатаго года, и очень много о военныхъ дъйствіяхъ— и особенно много, этому авторъ, видимо, придаетъ особенную важность, о соціально-экономическомъ развитіи Россіи въ первой половинъ XIX въка. Статья большая, болъе трехъ печатныхъ листовъ: но вмъстить туда столько фактовъ можно было лишь при необыкновенной компактности изложенія. Съ перваго взгляда можно было полагать, что компактность

изложенія можеть невыгодно отразиться на его замыслі. Поговорка: «коротко и ясно» такъ же мало върна, какъ и большинство поговорокъ, Короткое редко бываетъ вполне яснымъ и для того, чтобы выразить свою мысль съ достаточной ясностью, приходится иногда сказать довольно много словъ. Возьмемъ для образчика упоминавшуюся нами выше характеристику Александра І. Какъ извістно, въ нашей исторической литературъ эта характеристика прошла двъ фазы. дореволюціонное время, когда царствующія особы моложе Екатерины II не могли имъть недостатковъ, это былъ прекраснодушный мечтатель, вступившій на престоль съ мыслью облагод втельствовать своихъ подданныхъ; трудныя обстоятельства, дурные совътники, отчасти тупоуміе и неблагодарность самихъ благодътельствуемыхъ ожесточили прекрасное сердце — къ концу жизни отъ мечтателя остается мрачный мистикъ и коронованный хозяинъ Аракчеева. После 1905 года появилась возможность говорить и о недостаткахъ даже внуковъ Екатерины II; тутъ же кстати выяснилось участіе Александра Павловича въ заговоръ 11 марта 1801 года и нъкоторые другіе факты (выяснились, нужно прибавить, пля русской публики: европейская давно объ этомъ знала, хотя бы изъ мемуаровъ Чарторыжскаго). Нельзя же было не использовать новыхъ возможностей: прекраснодушнаго мечтателя смениль хитрый притворшикъ, игравшій роль чуть ли не изъ любви къ искусству, иногда, -даже тамъ, гдъ притворяться не было ни малъйшей практической необходимости. Об'в эти характеристики сами по себ'в цівльны и закончены; не будемъ настаивать, что онъ объ одинаково неисторичны-Александръ никогда не былъ ни шиллеровскимъ юношей, ни Макіавелли на престоль; это просто быль типичныйшій русскій баринь французскаго воспитанія, больше всего любившій намцевь за то, что они аккуратны, исполнительны и отъ нихъ ничъмъ не пахнетъ. Ясно одно: двъ характеристики исключають одна другую, либо «мечтатель», либо «хитрый десанть», но не то и другое сразу. Александръ г. Корнилова уже при вступленіи на престоль быль «челов' комъ не только необычайно много для своихъ лътъ вынесшимъ и пережившимъ, но и надломленвымъ жизнью. Къ этому времени онъ уже утратилъ послъднее довъріе къ людямъ и въ то же время окончательно выработалъ въ себъ способность носить личину, играть роль...» А пятью строками ниже узнаемъ, что «все это не мъшало ему» оставаться «попрежнему идіологомъ и мечтателемъ», который «началъ съ попытки осуществить свои старыя мечты объ облагодътельствовании России идеальнымъ политическимъ строемъ». Какіе мотивы могли побудить человъка «утратившаго последнее доверіе къ людямъ» призывать этихъ людей къ участію въ управленіи, то-есть оказывать имь, съ точки зрвнія государя, величайшую степень довърія, этого г. Корниловъ не объясняеть. Онъ вообщене приводить никакихъ фактовъ, которые обосновывали бы его характеристику Александра, или хотя бы иллюстрировали ее. Когда говорятъ вещи заурядныя, обыкновенныя, можно поступить и такъ: Х. былъ добръ, Ү. быль золь — ну и Богь съ ними. Правда, при такой манерт въ памяти читателя ничего не останется: но что было бы съ этою несчастною памятью, если бы она запоминала все прочитанное? Воть, однако, приходить историкъ и говорить: Z быль золь и добръ въ одно и то же время. Тутъ самый смирный читатель забунтуеть и потребуеть, чтобы ему показали такую необыкновенную вещь наглядно. Но г. Корнилову некогда: онъ спъшить къ внъшней политикъ своего необыкновеннаго героя, и его повъствование развертывается съ такою же «поразительной быстротой», какъ и эта последняя.

По оставимъ личныя характеристики. Пусть г. Корниловъ не просто «сложилъ» то, что инсалось въ разныхъ историческихъ книжкахъ объ Александрѣ I до и послѣ 1905 года, пусть для своей характеристики онъ продълалъ сложныя исихологическія операціи, скрывъ ихъ отъ насъ. Но вотъ эта самая вившияя политика: туть уже мы на ночвѣ настоящей исторіи. Когда-то, въ дин Рапке, международныя отношенія были главнымъ доменомъ исторической науки высокаго стиля. Все остальное, въ особенности злосчастная экономика, отбрасывалось на третій иланъ. А. А. Корниловъ уже не принадлежитъ къ этой школѣ: онъ щедрою рукой отдаетъ дань новъйшимъ ересямъ, и одинъ изъ первых въчислв историковъ, не состоящихъ подъ отлучениемъ, рвшается видъть въ экономических условіяхъ главный моменть политики Александра Павловича по отношению къ Англіи и Франціи (стр. 113 — 115 его статьи). Только непосвященные могли бы удивиться, что усвоивъ ересь, ортодоксальный авторъ остерегается назвать нервоисточники своего мивнія: подъ соотвітствующими странинами вы найдете имена Алобера Сореля, Вандаля, С. М. Соловьева и даже Файфа (отчего не Иловайскаго? у него тоже кое-что есть о Трафальгарскомъ сраженіи, напримъръ, и даже о континентальной блокадъ). Такъ и Лютеръ ссылался на ан. Навла и блаженнаго Августина — Гуса же, въ качествъ преднественника, заставила его назвать, какъ извъстно, лишь провокаторская выходка его недобросовъстнаго противника. Мы вовсе не хотимъ подражать этому последнему: важна победа миния, а не имена, еретики—люди по самому существу дёла безыменные. Напротивъ, мы даже склонны сожалеть, что иногда г. Коринловь не только вскрываеть свои источники, по и принимается ихъ критиковать. Возможно, что, будь у него въ распоряжения достаточно маста, это вышло бы и очень поучительно. При краткости же, на которую онъ осужденъ, выходитъ иногда не совс'ямъ хорошо. Такъ, на стр. 131-й г. Корниловъ читаетъ суровую потацію «легков'єрным» историкамъ подобнымъ Вандалю», думавшимъ, будто Александру Павловичу послъ Тильзита грозила участь его отца — такъ была возмущена русская знать разорявшимъ ее разрывомъ съ Англіей. Все это, по мифийо г. Корпилова, «плоды досужей фантазіи», главнымъ же образомъ «здостное изобрътеніе» Савари, нанолеоновскаго оберъ-сыщика, состоявшаго въ то время посломъ Франній въ Петербургв. Мемуары этого Савари, откуда, будто бы, почеринуть Вандалемъ этотъ фактъ, «источникъ не особенно надежный и требующій большой критики, для чего необходимо хорошее знаніе русских обстоятельствъ того времени». Все это такъ, бъда въ томъ, что, во-первыхъ, для критики Савари необходимо также и «хорошее знаніе» дипломатической, а отчасти и педипломатической, переписки того времени. Если г. Корииловъ дасть себъ трудъ сопоставить хотя бы показанія, сведенныя на стр. 68 — 71 I тома извъстной книги Шимана («Geschichte Russlands unter Nikolaus I».), онь увидить, что о критическомъ положеніи Александра и злов'вщемъ настроеніи русскаго дворянства говорила буквально вся Европа, при чемъ пессимизмъ начинался очень близко отъ императора — имъ пропикнуты письма императрицы Елизаветы Алексвевны этого періода. Эти письма намвиають и центръ оппозицін — императрицу Марію Осодоровну: кто всномнить роль этой государыни 11 марта 1801 года, тому одинь этотъ фактъ яркимъ свътомъ освътить всю ситуацію. А держалась эта ситуація долго: еще въ май 1809 г. преемникъ Савари, Коленкуръ, писалъ, что въ иныхъ домахъ «говорятъ о томъ, что нужно убить императора, такъ же хладнокровно, какъ говорили бы о дожде или хорошей погоде». Коленкуръ

по этому поводу еще пробуеть шутить, но въ следующемъ же донесеніи сообщаеть о полицейскихъ мърахъ, принимаемыхъ противъ «болтуновъ». А къ слову шутливое настроеніе почти вовсе оставляеть Коленкура: «о катастрофъ говорять громче, чъмъ когда бы то ни было» (см. изданіе В. Кн. Николая Михайловича, «Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи», СПБ. 1905 г., т. ІІІ, стр. 275, 287, 371). Какъ видимъ, дъло было гораздо сложнте, чъмъ представляется г. Корнилову. А вовторыхъ, и это, быть-можеть, самое главное, ибо изъ-за этого весь сыръ-боръ загорълся, Вандаль-то нигдте не выдаеть подозримій Савари за фактъ. Мы не знаемъ, какъ читается это мъсто въ русскомъ переводъ, на который ссылается г. Корниловъ, но въ оригиналъ книги Вандаля опредъленно стоитъ: «его (Савари) сыщицкія привычки (ses habitudes scrutatrices) заставляють его всюду видъть заговоры» 1). Легковърный французскій историкъ былъ куда осторожнтье своего русскаго

критика...

Мы были бы, однако, очень неправы, если бы стали утверждать, что г. Корниловъ, механически сопоставляя выводы другихъ авторовъ въ общемъ и цёломъ, лишь въ отдёльныхъ подробностяхъ пытается критиковать этихъ авторовъ, да и то неудачно. Ничего подобнаго: какъ разъ въ той области, гдв особенно сказывается его зависимость анонимныхъ его предшественниковъ, наиболъе сильна у него и тенденція къ самостоятельнымъ выводамъ и обобщеніямъ. Начиная и тутъ съ «поправокъ», онъ постепенно приходитъ къ концепціи, несомнінную оригинальность которой охотно признають злёйшіе изъ еретиковъ. «Поправки», начинаются по поводу паденія Сперанскаго. Сторонниками «экономическаго матеріализма» весь эпизодъ съ «проектами и реформами» Сперанскаго ставится въ связь съ экономическими условіями момента, но проследить эту связь въ деталяхъ очень трудно, за отсутствіемъ матеріала. Туть нужны новыя архивныя изысканія—безъ нихъ ничего не сдълаеть. Г. Корниловъ не хочеть, однако, остановиться на полдорогъ и смъло объясняеть, напримъръ, паденіе Сперанскаго, какъ результать краха его финансоваго плана. Сперанскій пытался поднять курсъ ассигнацій, страшно упавшихъ, благодаря континентальной блокадъ; но его мъропріятія не были осуществлены полностью, по независимымъ отъ него причинамъ: «понятно, что курсъ ассигнацій не могъ при этихъ условіяхъ повыситься. Публика имѣла полное основаніе считать себя обманутой, и гнъвь ся обрушился на того государственнаго человъка, который честно открылъ обществу глаза на дъйствительное положение дёлъ и отнюдь не былъ повиненъ въ неисполнении того финансоваго плана, который быль правильно имъ задуманъ и формулированъ» (стр. 129). Въ примъчании къ слъдующей страницъ г. Корниловъ подчеркиваетъ оригинальность своей точки зрвнія и въ этом смыслъ онъ, конечно, совершенно правъ. Но не все оригинальное върно. Въ только что появившейся (въ ноябрьской книжкъ «Журн. Мин. Народн. Просв.»), новой работ'в проф. Тарле («Экономическія отношенія Франціи и Россіи при Наполеон I») 2), основанной на богатомъ архивномъ матеріалъ, г. Корниловъ найдеть очень обстоятельный отвътъ на вопросъ: кому, въ первую голову, былъ невыгоденъ низкій, и все болье падавшій, курсь русскаго рубля? Оть этого, прежде всьхь другихъ, страдали французы. Всякая кредитная сдёлка съ русскими

^{1) «}Napoléon et Alexandre I, 3-me èd., I, p. 12 q.

²⁾ Статья эта представляеть главу изъ имѣющаго выйти вскорѣ на эту тему изглѣдованія Е. В. Тарле (въ изданіи Т-ва «Задруга»).

коммерсантами, — а какъ же вести торговлю, не прибъгая къ кредиту? была для нихъ чистымъ разореніемъ; вексель на тысячу рублей сегодня стоить три тысячи франковъ, а черезъ шесть мъсяцевъ только полторы. Наполеонъ былъ заваленъ слезными челобитными своихъ подданныхъ, онъ отпускалъ милліоны франковъ въ распоряженіе своихъ пословъ спеціально на поддержаніе курса русских ассигнацій. А когда ничто не помогало, и русскій рубль неудержимо падаль, Наполеонь въ отчаяній задался планомъ, во всей его величественной дикости, кажется, впервые опубликованнымъ на страницахъ изследованія г. Тарле: онъ ръшиль организовать торговлю съ Россіей на началахъ натуральнаго обмена. Русское сырье должно было непосредственно вымениваться на французские товары по фиксированной въ Парижъ цънъ. Можетъ-быть, если бы русскій рынокъ зависьль оть французскаго, Наполеону удалось бы, хотя на время, превратить Россію въ форменную французскую колонію. Но такъ какъ французы доставляли въ Россію предметы роскоши, а русскіе во Францію предметы первой необходимости, то зависимость была обратная. Реставрація натуральнаго хозяйства въ XIX въкъ кончилась неудачей (изъ данныхъ, приводимыхъ г. Тарле, не видно даже, чтобы къ осуществленію плана было приступлено), русскій рынокъ, въ конців-концовъ, сталь обходиться вовсе безъ французскихъ товаровъ — и это было одной изъ непосредственныхъ причинъ войны двёнадцатаго года. Итакъ, если бы паденіе курса ассигнацій было причиной паденія Сперанскаго, то нужно было бы ожидать, что его низвергла французская партія: между тъмъ, на самомъ дълъ онъ былъ низвергнутъ шовинистически-настроенными русскими помъщиками, которымъ, какъ поставщикамъ сырья на европейскій рынокъ, низкій курсъ ассигнацій, самъ по себ'є, могъ быть только выгоденъ. Ч'ємъ меньше стоилъ русскій рубль, тёмъ больше рублей получали они за каждый пудъ отпущеннаго за границу товара. Бъда была въ томъ, что, благодаря разрыву съ Англіей и закрытію, всл'єдствіе этого, морского пути, количество этихъ пудовъ падало еще быстре курса ассигнацій. Это именно — разрывъ съ Англіей — и было причиной негодованія помъщичьей массы противъ Сперанскаго, во внутренней политикъ бывшаго символомъ русско-французскаго союза. Тутъ мы опять имъемъ одинъ изъ образчиковъ того настроенія, которое г. Корниловъ склоненъ считать выдумкой Савари, и которое на самомъ дёлё было, въ 1807 — 11 гг., весьма реальнымъ фактомъ.

Къ этому надо добавить, что г. Корниловъ — можетъ-быть, опять-таки благодаря неестественно компактному изложенію, — не различаеть, какъ именно отражалась континентальная система на интересахъ различныхъ группъ и слоевъ русскаго общества. Онъ говоритъ о гнъвъ «публики», о начавшемся именно въ это время «разореніи дворянскихъ имъній во внутреннихъ и западныхъ губерніяхъ» — мы потомъ увидимъ, какую, совершенно исключительную, роль играеть этоть фактъ въ его общей схемъ — наконець, даже объ «экономическомъ разореніи страны», всей страны, всей Россіи. Между тъмъ, уже современники (Коленкуръ въ своихъ донесеніяхъ Наполену) сумъли подмътить, что больше всего терпъло отъ блокады высшее дворянство — главный покупатель заграничныхъ товаровъ и главный сбытчикъ русскаго сырья (въ то время не хлъба еще, какъ, повидимому, склоненъ думать г. Корниловъ — чередъ хлъбу пришелъ гораздо позже, — а желъза и пеньки: уральское жельзо, вывозившееся почти исключительно въ Англію, потеряло, благодаря блокады, 600/0 своей цѣны). «Для знати, за весьма немногими исключеніями, дёло непоправимо», писаль Коленкуръ. Но

онъ же констатируетъ, что промышленность, наоборотъ, сдълала крупные успъхи въ Россіи, благодаря континентальной системъ, и что въ этомъ промышленномъ процвътаніи были заинтересованы не только купцы, а и помъщики. Относительно промышленности, на нъкоторые факты, подтверждающие наблюдение Коленкура, обращалось ужъ вниманіе и раньше: на то, напримъръ, что первыя частныя бумагопрядильни появляются у насъ въ 1808 году, при чемъ къ 1812 г. ихъ въ одной Москвъ было уже 11 (Туганз-Барановский «Фабрика», 2-е изд., стр. 67). Питированная выше статья г. Тарле даеть нъсколько новыхъ, чрезвычайно любопытныхъ, подробностей. Онъ приводить цифры ввоза американскаго хлопка въ Россію, и ціны на хлопокъ на петербургской биржѣ. За три года, съ 1809 по 1811, ввозъ хлопка въ Россію увеличился въ 18 разъ — съ полумилліона фунтовъ въ 1809 г. до 9 слишкомъ милліоновъ въ 1811 г. При чемъ подвозъ шелъ такъ быстро, что обычное потребленіе и ціна хлопка за то же время упала вдвое: съ 45 р. асс. за пудъ до 25 р. И немудрено: ни одна страна Европы не ввозила въ эти годы столько хлопка, какъ Россія! Г. Тарле утверждаеть даже, что хлопокъ отчасти вывозился изъ Россіи на западъ; доказательствъ этому у него мы не нашли, и, во всякомъ случав, ясно, что полжны же были что-нибудь перерабатывать росшія, какъ грибы, прядильни. Но развитіе промышленности, удешевляя фабрикаты, уведичивая рость неземледъльческаго населенія и, стало-быть, расширяя рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, не могло быть безразлично для помъщиковъ. И не случайно къ этому именно времени (1809 г.) относятся хлопоты Вольнаго Экономическаго Общества о раціональной организаціи баршиннаго хозяйства — хлопоты, вызвавшія появленіе проектовъ Швиткова, Погодина и др. «Страна» шла не къ «разоренію», а скоръе наоборотъ: континентальная блокада «положила начало» промышленному подъему первой половины XIX столътія. Если же дворянство использовало подъемъ въ гораздо меньшей степени, чемъ купечество, то на это была своя причина, связанная не столько съ существованіемъ континентальной блокады, сколько съ ея прекращеніемъ: вскор' посл' наполеоновских войнъ хлібныя ціны въ Европ' стали быстро падать, начался затяжной аграрный кризись, разръшившійся только въ 40-хъ годахъ.

Какъ видитъ читатель, если разсматривать экономическое отраженіе наполеоновскихъ войнъ на внутреннемъ развитіи Россіи, придется поставить вопросъ: почему освобождение крестьянъ не произошло въ 20-хъ годахъ, а должно было ждать еще 40 лътъ? Суммарнымъ отвътомъ можетъ служить только что упоминавшійся аграрный кризись входить въ подробности не позволяють размёры настоящей замётки. Это излишне еще и потому, что задачей последней является— познакомить читателей со статьею г. Корнилова, а онъ, повидимому, и не подозръваетъ о существовании упомянутаго кризиса и его вліяніи. Въ то же время онъ очень хочетъ связать два крупныхъ момента русской исторіи: 1812 годъ и 19 февраля. Ставъ весьма аккуратно спиною къ единственному объясненію, которое ділало эту связь возможной, онъ, со свойственной ему быстротою изложенія, идетъ по избранному имъ пути все дальше и дальше: можно представить себъ, къ чему онъ приходитъ. Схема у него получается, приблизительно, такая: наполеоновскія войны и, въ частности, континентальная блокада разорила русскихъ пом'вщиковъ, положила начало ихъ колоссальной задолженности. Уже скоро по окончаніи войны ихъ кредить оказался исчерпаннымь — капиталовъ на дальнъйшее развитие хозяйства не оказывалось. Въ то

же время населеніе центральныхъ земледъльческихъ губерній росло очень быстро: въ помъщичьихъ имъніяхъ получалось «относительное перенаселеніе» крѣпостныхъ рукъ, которымъ ихъ владѣльцы, за отсутствіемъ капиталовъ, не могли дать никакого употребленія. «При такихъ условіяхъ дворянству центральныхъ черноземныхъ губерній было невозможно использовать съ выгодой для себя такой избытокъ кръпостныхъ людей, который получался отъ естественнаго роста населенія и который тъмъ не менъе приходилось кормить» (!!). Мы не будемъ задерживать внимание читателя на этой необыкновенной картинъ: помъщика, кормящаго на свой счетъ своихъ крестьянъ. По совъсти говоря, мы бы охотно обощли этотъ комическій пассажъ, ибо уже туть-то соверщенно ясно, что надъ почтеннымъ авторомъ лишній разъ подшутила сверхъестественная сжатость его изложенія. Не можеть же, въ самомъ дълъ, историкъ крестьянской реформы не знать, кто кого кормилъ при кръпостномъ режимъ. Но совсъмъ обойти нельзя, ибо только этой картиной мотивируеть г. Корниловь финаль всего изображеннаго имъ фантастическаго процесса: стремленіе пом'єщиковъ «развязаться со своими крѣпостными, ставшими для нихъ обузою» (стр. 153, курс. г. Корнилова). Объ «относительномъ перенаселеніи» крѣпостныхъ имѣній, какъ необходимомъ условіи эволюціи пом'єщичьяго хозяйства отъ феодальныхъ формъ къ буржуазнымъ столько было говорено пишущимъ эти строки, что онъ не видить никакой надобности повторять самого себя. Но онъ долженъ протестовать противъ злоупотребленія этимъ аргументомъ: даже добродътель, будучи чрезмърно преувеличена, можеть превратиться въ порокъ. Во-первыхъ, «относительное перенаселеніе» сильнъе давало себя чувствовать во второй половинъ XVIII въка, чёмъ въ первой XIX — ∂o наполеоновскихъ войнъ, чёмъ nocan нихъ. Пока имѣніе не превратилось въ «фабрику для производства хлѣба», пом'єщику центральной Россіи часто, д'єйствительно, неч'ємь было занять кръпостныхъ у себя дома и на землъ — и онъ или гналъ ихъ на заработки въ городъ, или устраивалъ въ имъніи фабрику, или просто давалъ труду крѣпостныхъ непроизводительное употребленіе (крѣпостныя трунпы, оркестры и т. под.). Но и туть онь не чувствоваль жгучей потребности «развязаться» съ ними. По мъръ же того, какъ сталъ развиваться хлъбный экспорть, каждая крестьянская душа стала находить себъ «производительное» примънение на барщинъ. Если бы центральныя губерніи и дъйствительно чувствовали «избытокъ» рабочихъ рукъ, имъ ничего не стоило бы избавиться отъ него, сбывая «лишнихъ» кръпостныхъ въ черноземныя губерніи юга и юго-востока, гдъ все время, вплоть до 19 февраля, чувствовался не избытокъ, а, наобороть, недостатокъ рабочей силы. Иди развитіе такъ, какъ представляеть его себъ г. Корниловъ, черноземный центръ занялъ бы въ кръпостной Россіи приблизительно то положеніе, какое заняла въ свое время Виргинія въ ряду рабовладёльческихъ штатовъ Северо-Американскаго союза, — положение громаднаго «рабскаго завода», поставляющаго рабочую силу на всю страну. Но наши помъщики центральныхъ губерній нашли для себя выгоднъе интенсифицировать свое собственное хозяйство, чёмъ «разводить» крестьянъ для чужого: они не были въ такомъ безвыходномъ положеніи, какъ виргинскіе плантаторы съ ихъ безнадежно истощенной землей. Они надъялись, что на буржузныхъ основаніяхъ дёло у нихъ пойдеть лучше и прибыльнёе — и были правы въ предълахъ предвидимаго для 60-хъ годовъ: кто же могъ тогда ожидать, что хлёбныя цёны, такъ бойко пошедшія въ гору съ середины столътія, въ послъдней его четверти такъ же быстро покатятся

подъ гору? Какъ видимъ, дъйствительная мотивировка крестьянской реформы не имъетъ ничего общаго съ тою, которую подставляетъ г. Корниловъ, увлекшійся «экономическимъ», какъ ему кажется, объясненіемъ. Ибо «экономизмъ» здёсь только кажущійся: что же экономическаго въ томъ, что помъщики, разоренные войной, быстро «исчернали свой кредить» и оказались не въ состояніи (на всё слёдующія 40 лёть)!) капитализировать свое хозяйство? Если бы такой факть быль возможень, это была бы капитуляція экономики передъ политикой — яркое доказательство того, что органическій рость народнаго хозяйства ничто передъ случайными политическими вліяніями. Къ счастію, «экономическому матеріализму» такая опасность вовсе не угрожаеть, ибо самый факть — sit venia verbo — выдумань А. А. Корниловымъ. Какъ мало быль «исчерпань» пом'ящичій кредить даже покол'янія два спустя посл'я наполеоновскихъ войнъ-покажетъ пара цифръ: въ 1833 году помъщичья залодженность выражалась пифрой 950 милл. р. ассигнаціями, т.-е. 270 милл. р. серебромъ; въ 1859 г. она составляла уже 425 милл. р. серебромъ, за четверть столътія номъщики смогли занять еще 155 мил. р., т.-е. увеличить свой долгь болье, чьмь вь полтора раза, т.-е это быловъ 30-хъ — 50-хъ годахъ, а г. Корниловъ увъряеть, что уже «исправка» послъ разоренія двънадцатаго года «исчерпала» ихъ кредить! А что задодженность пом'вщичьяго землевладвнія не стояда ни въ какой связи съ военными разореніями, показываеть скала губерній по степени ихъ задолженности. Десять первыхъ мъстъ, по даннымъ редакціонныхъ комиссій, занимали въ 1859 г. туберніи: Казанская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тульская, Пермская, Калужская, Тамбовская, Рязанская и Симбирская. Ни въ одной изъ нихъ, кромъ Калужской, «галлы» и ногой не были — зато всв эти губерніи черноземныя (кром'в Пермской — промышленной: уральскіе заводы), т.-е. всв принадлежать къ району хлъбнаго экспорта и интенсификапіи сельскаго хозяйства. Эта послёдняя и лежить въ основъ той эволюпіи, которая привела къ 19 февраля. Привходящую роль — въ направленіи эволюціи, а не противъ него — сыграла и континентальная блокада. Но роль второстепенную и какъ разъ обратную той, какую отводить этой блокадъ г. ниловъ.

Мы не будемъ касаться того, тоже весьма оригинальнаго, пониманія самой крестьянской реформы, какое даеть г. Корниловъ (на стр. 150). Онъ увъряеть, что «ликвидація кръпостного права въ Россіи произведена была на явно демократическихъ основаніяхъ и послужила затъмъ отправнымъ пунктомъ мощнаго развитія и укръпленія въ русской жизни демократическихъ началъ». Это, конечно, стоитъ кръпостныхъ крестьянъ, «объъдающихъ» своего помъщика. Но такъ какъ въпользу этой сентенціи не приводится не только фактовъ — ими г. Корниловъ вообще не очень балуетъ своихъ читателей, — но и скольконибудь обстоятельныхъ апріорныхъ разсужденій, то оспаривать ее едвали нужно — едва ли даже возможно.

М. Покровскій.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

† 2 ноября 1912 года.

«Во-первых», не слъдуеть подлаживаться подъ публику»... писаль Д. Н. Маминъ-Сибирякъ издательницъ журнала «Міръ Божій», Ал. Арк. Давыдовой, въ 1894 г., когда онъ завъдываль беллетристическимъ отдъломъ журнала. «Я пишу для самообразованія, а не для тъхъ, кто

ищеть только развлеченія. Какъ автору, мнъ выгоднъе пикантныя темы, но всему свое время и мъсто»... («Соврем. Міръ», 12 г., XI, 358). Это «во-первыхъ» чрезвычайно характерно въ устахъ Мамина: оно было для него и «во-вторыхъ», и «въ-третьихъ», и т. д., вообще, во всъхъ случаяхъ, опредъляя одну изъ основныхъ чертъ его облика, какъ писателя, шедшаго своимъ путемъ и задававшагося серьезными задачами «самообразованія», чуждаясь модныхъ и «пикантныхъ» темъ. Въ одномъ изъ своихъ романовъ — «На улицъ», появившемся еще въ 1886 г. (въ «Русск. Мысли»), Маминъ ръзко изобличаль вліяніе «улицы», налагающей свой отпечатокъ на все, что подчиняется ея власти. Между тъмъ, по мнънію автора, эта власть особенно ошутительна — «въ наше

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

несчастное время, (которое) есть время господства улицы по преимуществу, и нужно обладать настоящимъ геройствомъ, чтобы не поддаться этому всесильному вліянію. Есть, конечно, истинная и великая наука, есть великіе, истинные дѣятели, есть красота, поэтическое вдохновеніе, энергія, таланты, которые остаются незараженными этой уличной атмосферою, но вѣдь геройство необязательно»... Самъ Дмитрій Наркисовичъ во мпогомъ выказалъ это геройство, и приведенная цитата изъ его частнаго

письма отнюдь не была у него пустой фразой. Онъ обладаль достаточнымь мужествомь, чтобы бороться съ требованіями «улицы», а въ результать обрекъ себя на сравнительное одиночество еще въ лучшую пору расцвъта своего таланта. — Незадолго до смерти онъ, правда, получиль, по поводу исполнившагося 40-льтія литературной дъятельности, привътствія со всъхъ концовъ Россіи и могъ убъдиться, что его цънять и любять, но это позднее признаніе застало его больнымь, приговореннымь, еще не старымь, но уже изжившимь свой въкъ. Юбилей Мамина развъ что помогъ скрасить томительные часы неизлъчимаго недуга какъ бы прощальной улыбкой земли, сознаніемъ, что человъкъ жиль и трудился не даромь, что его будуть помнить, что его творенья живы, — весь онъ не умреть...

Конечно, не умреть созданное Маминымъ, какъ бы ни перемънялись общественныя настроенія и формы искусства. Онъ принадлежить исторіи. Его еще будуть изучать и по его произведеніямъ возсоздавать картины данной эпохи русской жизни, которую онъ воспроизводилъ

непосредственно въ художественныхъ перевоплощеніяхъ.

Маминъ, несомнѣнно, занимаетъ весьма почтенное мѣсто въ нашей новѣйшей литературѣ съ 70-хъ годовъ. Онъ былъ и выдающимся художникомъ и вдумчивымъ бытописателемъ восточныхъ окраинъ Европейской Россіи, но надо всей его литературной карьерой словно легла какаято пелена, не давшая ему возможности развернуться въ полномъ блескѣ первоклассной величины. Выли и другія причины, кромѣ вышеуказанной стойкости въ борьбѣ съ «улицей», обусловившія его не столь значительную популярность. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, когда въ зенитѣ творчества были «великіе»: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Толстой; болѣе ярко свѣтили и его сверстники «меньшіе» — Глѣбъ Успенскій и Гаршинъ; едва развернувшись, онъ уже оказался предтечей иныхъ, заслонившихъ его славу — и современниковъ и преемни-

ковъ — Короленко, Чеховъ, Горькій, Купринъ...

Маминъ словно не доходилъ до какой-то черточки, чтобы закръпить своимъ именемъ художественные образы и мотивы, которые, однако, онь первый умёль уловить и намётить. Такъ, напримёръ, есть у него цълый рядъ разсказовъ изъ жизни бродягь и бъглыхъ съ Сибирской каторги, но, когда появился «Соколинецъ» Короленко и его же «Разсказы Сибирскаго туриста», они отодвинули на второй планъ описаніе Мамина и за Короленко осталась слава наилучшаго изобразителя быта ссыльныхъ въ Сибири. Есть у Мамина талантливые и вдумчивые очерки о босякахъ и сбившихся съ круга людяхъ, но когда стали появляться яркіе, выпуклые, красочные разсказы Горькаго, предшественники героевъ Горькаго были какъ бы забыты, и ему вмънили честь открытія цълаго міра босяковъ и «бывшихъ людей». И самый этотъ терминъ «бывшихъ людей» не принадлежитъ Мамину, который добросовъстно выписываль и разныя названія оборванцевь, а Горькій остановился на одномъ обозначеніи, и терминъ «босякъ» облетёлъ всю Россію. Есть у Мамина и вполнъ чеховские настроения и мотивы, но «пъвцомъ тоски по идеалу» провозглашенъ былъ Чеховъ, а Маминъ не создалъ своей полосы творчества въ соотвътстви съ цълымъ періодомъ жизни русскаго общества. — Сравните описаніе самосуда крестьянь въ «Бойцахъ» Мамина тоже съ картиной самосуда надъ конокрадомъ у Куприна: у послъдняго много ярче, рельефиъе, сильнъе. И вопросъ не въ меньшемъ талантъ Мамина, а въ томъ, что, върно схвативъ и описавъ сюжетъ, онъ, какъ во многомъ піонеръ и иниціаторъ, еще не достигаеть нужной выразительности, вполнъ законченнаго образа; чего-то чуть-чуть не хватаеть, такъ, чтобы нельзя было ничего ни прибавить, ни убавить, какъ

въ наиболъе совершенныхъ образахъ у Куприна.

Конечно, идя сперва впереди, потомъ рядомъ съ названными писателями, Маминъ занимаетъ въ ихъ средъ самостоятельное мъсто. Онъ обладалъ крупнымъ художественнымъ дарованіемъ и выдёлялся также нъсколько исключительнымъ полемъ наблюденія, откуда черпалъ главный матеріаль для творчества. Это сознаніе своей какъ бы обособленности мъстнаго бытописателя было ему присуще, и мнъ довелось слышать отъ него весьма опредъленную самооцънку. Въ 1897 году пришлось миъ впервые съ нимъ встрътиться по одному литературному дълу, когда Дмитрій Наркисовичь жиль въ Царскомъ. Я живо помню это первое знакомство: сидёль онь за письменнымъ столомъ, покуривая короткую трубку, ласково, привътливо знакомясь съ новымъ для него лицомъ. «Читайте мои уральскіе разсказы, — говорилъ Дм. Нарк. — Это лучшее, что у меня есть. Выросъ тамъ, впиталъ въ себя. А то пишу я также романы, знаете, такіе большіе, длинные... но свои разсказы съ Урада я больше люблю. Вы что отъ меня хотите — новый разсказъ или романъ? Я отвътиль, что по типу изданія, которое желало его сотрудничества, форма разсказа была болбе подходящей. «Ну, воть и отлично: разсказъ дамъ, но въдь и разсказы теперь требують все покороче, ну какъ тамъ Чеховъ пишетъ, съ воробъиный носъ...» Черезъ два мъсяца Маминъ завезъ мнѣ небольшой прекрасный разсказъ «Грѣхъ» 1) — изъ воспоминаній объ Ураль — изъ быта духовенства — встрыча съ бродягой, но въ корректуръ хотъль непремънно сдълать еще сокращенія, противъ которыхъ я уже протестовалъ: то ему казалось, что есть длинноты, то слишкомъ опредъленно, какъ онъ выражался, поставлены точки на і,однимъ словомъ, онъ боялся расплывчатости, длиннотъ, недостаточной художественной экономіи, сжатой выразительности образовь, недочетовь, которые зналъ за собой, и шутя приговариваль: «хочу, чтобы было поновому, чтобы не отставать»... Онъ чувствоваль уже тогда, что кто-то его обгоняеть, или уже обогналь.

Расцвъть его дъятельности: 80-ые и 90-ые годы. Какъ разъ одно изъ раннихъ его произведеній — «Бойцы», появившіеся еще въ 1883 году, есть и одно изъ самыхъ удачныхъ: тутъ и бытъ, исторія и этнографія, преданья старины и живые образы современности, яркій діалогь и разсказъ — исповъдь невольнаго убійцы, — предтеча «убивца» Короленко, появившагося черезъ 5 — 6 лътъ. Но мы знаемъ, какъ трудны были самыя первыя начинанія Мамина, ибо кто же не читаль его «Черты представителя литературной богемы — Пепко, и въ жизни» милаго однофамильцъ Пепко-Поповъ, самомъ разсказчикъ, не узнавалъ тоже «черты жизни» автобіографическаго характера. Дмитрій Наркисовичь этого и не скрываль. Онъ медленно, проходя рядь последовательныхъ инстанцій, добрался до такъ назыв. большой литературы, двери къ которой не разъ передъ нимъ закрывались; и не передъ нимъ однимъ: возвращенная рукопись изъ редакціи «толстаго журнала» отнюдь не служить доказательствомь, что молодой авторь должень поставить кресть на свою литературную дъятельность. Маминъ, такъ же какъ въ аналогичномъ случать немного позже Короленко, передъ лицомъ того же редактора «Отечественных» Записокъ» — Щедрина, отказавшаго обонмъ принять ихъ раннія произведенія, не смутился первой неудачей, и благо ему за настойчивость и упорство въ работъ: сознание своего таланта вывело его на большую дорогу русской литературы, такъ же какъ впо-

¹⁾ Напечатанъ въ «Космополисъ» за 1897 г., октябрь-ноябрь.

слъдствіи, развернувшись и давъ то, что онъ могъ дать, онъ почувствоваль и нъкоторые предълы своего красиваго, богатаго, выдающагося,

но имъющаго свои опредъленныя рамки дарованія.

Маминъ — чрезвычайно объективный художникъ. На эту черту его манеры писать неоднократно обращали вниманіе. Онъ изображаеть жизнь съ наивозможной полнотой, не стараясь ни разжалобить васъ, ни привести къ какой-нибудь предвзятой идеъ. Онъ обладалъ главнымъ свойствомъ художественной натуры — умѣньемъ сочувственно переживать чужія жизни, и самъ видьль свое счастье въ томъ, чтобы-«жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердецъ» («Черты изъ жизни Пепко»). Его персонажи, положительные и отрицательные, дышать непосредственностью жизненныхь явленій, и авторь къ нимь относится безъ всякой предвзятости. Фальшивомонетчикъ бродяга. Иванъ — «лётный», кръпостникъ и деспотъ Бахиревъ, пьяница Савоська, сплавшикъ по Чусовой, воинственный попъ Андронъ временъ кръпостного права, и десятки другихъ дъйствующихъ лицъ въ разсказахъ Мамина освъщены ровнымъ свътомъ художественной правды, и кажется, что художникъ проникнутъ единственной заботой описать ихъ, какъ онъ видить ихъ непредвзятымъ глазомъ, выставить ихъ такъ, чтобы можно было какъ бы кругомъ ихъ обойти и всесторонне узнать. Это письмо реалиста, пріемъ въ духъ Джотто, художника, который не ставилъ себъ другой задачи, какъ описывать то, что есть. Очень ръдки замъчанія автора отъ себя. Онъ правда, высказываеть иногда личныя впечатлівнія, но скоріве огульнаго характера, относящіяся къ цізымъ группамъ человъческихъ особей. Напримъръ, разсказывая объ инородцахъ, о пермякахъ, скопляющихся во время сплава на Чусовой, Маминъ пишеть: «наблюдая этихъ позабытыхъ исторіей людей, эту живую иллюстрацію жельзнаго закона вымиранія слабъйшихъ пивилизацій подъ напоромъ и давленіемъ сильнъйшихъ, я испытывалъ самое тяжелое, гнетущее чувство, которое охватывало душу мертвящей тоской». Но въдьэто законъ природы, даже «желъзный законъ», неумолимый и неотвратимый: поэтому никакой протесть противь него, по сущности, немыслимъ. Безразсудно спорить противъ необходимости. Протестъ тутъ излишенъ, неумъстенъ. Законъ природы — это для Мамина борьба за существованіе, при чемъ сильнівшій одерживаеть неизмінно верхь: «одна букашка душить другую, червякъ точить червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ъстъ и букашку, и червяка, дълаясь въ свою очередь добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертъ пожиранія другь друга творится тайна жизни». И земля автору не разъ представляется совсёмъ «безсудной». Но главное то, что выше природы для него ничего нъть. Описывая ландшафть по берегамъ Чусовой, Маминъ замѣчаетъ: «такъ въ состояніи творить только одна природа... Челов'єку только остается безъ конца черпать изъ этого неизсякаемаго, всегда подвижного и въчно новаго источника». Реализмъ приведенъ къ натурализму, и это является какъ бы послъднимъ словомъ художника. Чувствуется въяніе доктринъ Золя.

Природу въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. ландшафтъ, внѣшнюю, окружающую насъ обстановку, Маминъ умѣлъ глубоко чувствовать и воспроизводить. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ «жизни Пепко»: «была одна область, въ которой я чувствовалъ себя до извѣстной степени сильнымъ и даже компетентнымъ, это — описаніе природы. Вѣдь я такъ ее любилъ и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургской слякотью, сыростью и, вообще, мерзостью. У меня въ душѣ жили и южное солице, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ».

Лучше всего и, скажу, проникновеннъе удавались Мамину описанія лъса. Это, вообще, какъ бы особое преимущество русскихъ художниковъ глубоко чувствовать своеобразную красоту и жизнь лъса. Маминъ — это какъ бы Шишкинъ въ литературъ, со всъмъ знаніемъ и пониманіемъ особенностей лъсной жизни, лъсного ландшафта, всей поэзіи лъсной глуши, и въ то же время со всей добросовъстностью, какъ и у Шишкина, точнаго воспроизведенія, почти копированія очертаній лъса въ разныя времена года и въ различные часы дня. Маминъ такъ же, какъ и

Шишкинъ, прежде всего удивительный рисовальщикъ. Не будучи лирикомъ по темпераменту, скоръе склонный къ юмору, стремясь быть наивозможно трезвымъ наблюдателемъ дъйствительности, Маминъ, однако, вносилъ и нъкоторый коррективъ къ тому, что есть, воображаемымъ — что могло бы быть: «жизнь въ возможности». Эту идею облюбоваль въ одномъ изъ разсказовъ Мамина — «Поправка доктора Осокина», своеобразный чудакъ-докторъ, жившій въ захолустномъ городкъ Пропадинскъ, работая надъ какимъ-то большимъ сочинениемъ въ досужее время отъ практики. Тридцать лътъ провелъ Семенъ Павловичь Осокинь одинокимъ холостякомъ, пользуя больныхъ, но почти нигдъ не бывая иначе, какъ на практикъ, и едва ли не единственной его личной знакомой, изръдка его посъщающей, была акушерка Матрена .Ивановна. И вотъ разъ случайно, заглянувъ въ одну изъ комнатъ холостой квартиры доктора, гдф помъщалась собака, Матрена Ивановна, упрекая хозяина въ его одиночествъ, замътила: «Вотъ тутъ бы у тебя и жила старшая твоя дочь. Къ стънкъ бы кроватку поставить, въ углу этажерочку, туть комодикь, письменный столикъ» и т. д. Семена Павдовича это указаніе поразило. Онъ какъ-то вдругъ спохватился, что — «цёлый отдёль жизни проглядёль, жизнь во возможености». Припомнилось ему одно его прежнее увлечение актрисой, которая отказала ему въ рукъ, а теперь, состарившись и виавши въ бъдность, грустно доживала дни на положеніи прихлебалки у доброй сердцемъ Матрены Ивановны. Идея, внезапно мелькнувшая въ головъ д-ра Осокина, постепенно охватываеть его до маньячества. Жизнь поправлять уже поздно; назадъ не вернешься, но остается — «жизнь въ возможности». Какъ бы въ назидание себъ Осокинъ заказываетъ полную обстановку комнаты молодой дъзушки, его воображаемой «старшей дочери», показываетъ ее нъкогда любимой имъ женщинъ, передълываетъ по иному свое сочиненіе и вскор'є окончательно сходить съ ума. «Поправки» могуть относиться только къ будущему, къ тъмъ, кто начинаетъ жить сначала. Тотъ же мотивъ встрвчается и въ другихъ произведеніяхъ Мамина: въ разсказъ «Папа» также стараго холостяка тревожатъ «незримыя дътскія тіни», какъ символь неосуществившихся существованій. Но они были возможны. И эту возможность теперь учитываеть д-ръ Осокинъ, измъняя формулу закона неуничтожаемости силы и матеріи добавочнымъ элементомъ: къ существующему нужно прибавить «нарастающую органическую жизнь». «За внъшнимъ міромъ въчно слагающихся и разлагающихся силь и матерій вырастаеть неизм'єримо большій внутренній міръ самыхъ сложныхъ и неуловимо тонкихъ проявленій діятельности». Въ бредовыхъ представленіяхъ душевно больного д-ра Осокина, такъ же какъ въ чеховской «Палатъ № 6», кроется указаніе на положительныя черты міропониманія автора. И хотя Маминъ самъ иронизируєть надъ «дочерью въ возможности» сошедшаго съ ума Семена Павловича, однако, это и есть тоть путь къ плодотворнымъ утопіямъ, которыя служать импульсомъ къ усовершенствованію формъ и условій жизни. Дібйствительность неприглядна. Грустные итоги жизни неоднократно подчер-

киваются Маминымъ въ драматическихъ или даже трагическихъ финалахъ въ большинствъ его романовъ и повъстей. Но за міромъ дъйствительности есть міръ возможный. Маминъ только указаль на него. Онъ не развернулъ намъ положительныхъ сторонъ своего міросозерцанія. Оно, по сущности, несомнънно гуманитарное, проникнуто и сочувствіемъ къ обездоленнымъ, и любовью къ правдъ и справедливости и участіемъ ко всёмь безъ различія самымъ малымъ, ничтожнымъ человеческимъ особямъ, принадлежащимъ къ населенію, обреченному «желъзнымъ закономъ» исторіи на вымираніе. Но, именно, этотъ «желѣзный законъ» какъ бы сковывалъ и творческую фантазію самого Мамина, мѣшалъ ему прояснить то лучшее, чего надо ожидать взамёнъ неудовлетворительной дъйствительности. Онъ далъ волю своей фантазіи лишь въ предестныхъ «Аленушкиныхъ сказкахъ», — умъя говорить съ дътьми дътски вразумительнымъ и въ то же время необыкновенно поэтическимъ языкомъ. Его самого посътили дишь «лътскія тъни», не выросшія въ могущественные, сильные и вполнъ сознанные идеалы, во имя которыхъ мы можемъ требовать исправленія д'яйствительности, не потенціально, а фактически.

Но за нимъ есть другія заслуги: я уже указывалъ, что будущій историкъ найдетъ въ произведеніяхъ Мамина богатый матеріалъ для изученія современной ему дъйствительности. С. Я. Елпатьевскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о Дмитріи Наркисовичъ («Русск. Богатство» № 11) предполагаеть, что его признаеть и народь. Этому можно только порадоваться. «Придеть къ нему коренная Россія... — пишеть С. Я. Елпатьевскій, — придеть къ такому родному и близкому, такому яркому и художественному, такъ ясному и понятному для широкихъ массъ». Онъ, дъйствительно, въ своихъ произведеніяхъ обращается ко всему народу, пишетъ доступно и ясно для всъхъ, чуждъ партійныхъ предубъжденій. И даже когда его причисляють къ «народникамъ», то въ условномъ смыслѣ: по интересу къ народной жизни, по внимательному и сочувственному отношенію къ жизни широкихъ массъ, а совсъмъ не въ силу усвоенной отвлеченной доктрины народничества. Какъ настоящій художникъ, Маминъ думалъ только о правдъ изображенія: онъ не прославлялъ и не изобличалъ, а только описывалъ. И накопился у него за 40 лёть илодотворной дъятельности огромный матеріаль такихъ описаній — все челов'яческіе документы, подлинные, заправскіе. — Два момента въ жизни широкихъ слоевъ русскаго общества, народа, въ тъссномъ смыслъ слова, особенно привлекали его внимание: первый моментъпереходъ крестьянства отъ кръпостной зависимости къ волъ, второй ростъ капиталистическихъ предпріятій и отношеніе населенія, рабочей силы, къ захватамъ предпринимателей. «Три конца», «Братья Гордеевы». «Горное гнъздо», «Хлъбъ» и «Золото» останутся вмъстъ съ многочисленными уральскими и сибирскими разсказами Мамина неувядаемыми страницами русской художественной литературы новъйшаго періода. Такова сила правды, таково значеніе объективно-художественнаго воспроизведенія жизни, таковъ смыслъ внимательнаго изученія современной дійствительности — они въчны. И не можеть быть примънень къ такому художнику-изображателю жизни недавно пущенный въ оборотъ эпитетъ «напрасный таланть», такъ какъ онъ именно всего менъе «напрасный». а, наобороть, нужный, всегда полезный, служа и болъе непосредственно цёлямъ прогресса: нужно прежде всего знать то, что есть, чтобы знать, что и какъ улучшить. На реальномъ знаніи опирается реальное поступленіе впередъ.

Вячеславъ Евгеніевичъ Якушкинъ (1856—1912 г.).

3 декабря скончался В. Е. Якушкинъ — солидный ученый, видный общественный дъятель, прогрессивный публицисть и человъкъ душевной чистоты. Онъ съ честью продолжаль традиціи своего деда-декабриста и отца, наибол ве извъстнаго трудомъ по обычному праву. Дъдъ-декабристъ, Иванъ Дмитріевичъ, убъдившись въ неправильности своихъ первоначальныхъ предположеній о безплатномъ освобожденіи своихъ крестьянъ съ одною усадебною землею (на что они не согласились), занять былъ проектомъ о выкупъ правительствомъ помъщичьихъ крестьянъ съ землею. При этомъ онъ былъ убъжденнымъ сторонникомъ общиннаго землевладънія. Отецъ, Евгеній Ивановичъ, доказалъ свою любовь къ народу не только своем научною работою, но и тъмъ, что свое смоленское имъніе въ полномъ его объемъ отдаль безвозмездно крестьянамъ во время реформы 1861 г., а фактически еще раньше ея 1). Понятно, что Вячеславъ Евгеніевичъ, воспитанный отцомъ и матерью въ духъ горячей любви къ народу, посвятилъ значительную часть своей жизни служенію его интересамъ.

Ученикъ Ярославской гимназіи, студентъ Московскаго университета, по окончаніи курса въ немъ В. Е. Якушкинъ былъ оставленъ для подготовленія къ каеедрѣ русской исторіи и началъ научную дѣятельность въ 1879 г. Достаточно однѣхъ семейныхъ традицій, не говоря уже о теченіяхъ того времени въ русской исторической наукѣ, чтобы понять, почему одна изъ первыхъ болѣе крупныхъ его паучныхъ работъ была посвящена Радищеву, именно суду падъ нимъ, по неизданному

матеріалу («Рус. Стар.» 1882 г., т. 35).

Слъдя за литературнымъ синодикомъ молодого ученаго въ восьмидесятые годы, мы видимъ, что его вниманіе раздвояется между Пушкинымъ, пристальнымъ изученіемъ его рукописей, эпизодическими работами надъ нъкоторыми декабристами (Рыльевъ, Матв. Ив. Муравьевъ - Апостолъ) и подготовкою диссертаціи по исторіи крестьянъ, вышедшей въ свъть въ 1890 году. Молодой ученый какъ будто колеблется, чему отдаться, — русской исторіи или исторіи русской литературы, и это колебаніе неблагопріятно отразилось на его главномъ, спеціальномъ трудь. Русская исторія и исторія литературы такъ тъсно связаны между собою, что одновременное изученіе ихъ могло бы быть только полезно, но дъло въ томъ, что Якушкинъ погрузился въ самое кропотливое изученіе пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго музея.

Само по себъ эта детальнъйшая работа, въ которой чувстьуется вліяніе школы Тихоправова, оказала очень большія услуги дѣлу изученія пушкинскаго текста (см. «Рус. Стар.» 1884 г., т. 41—44); по отвлеченіе въ сторону отъ главной своей задачи — труда по исторіи крестьянъ. привело къ тому, что свою магистерскую диссертацію — «Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв.»—онъ ограни-

t) Объ Евг. Ив. Якушкинъ см. мой некрологъ въ «Русск. Богатствъ» 1905 г. № 5.

чилъ лишь первымъ выпускомъ, посвященнымъ XVIII вѣку, и притомъ, положивъ во главу угла своей работы одно «Полное Собраніе Законовъ», онъ, по собственнымъ его словамъ, «не задавался изученіемъ поземельныхъ отношеній» и «долженъ былъ сосредоточиться на памятникахъ

офиціальнаго законодательства».

Правда, авторъ не ограничился своимъ главнымъ печатнымъ источникомъ и къ 204 страницамъ текста книги прибавилъ 150 стр. приложеній, почерпнутыхъ изъ Архива Министерства Юстиціи, но онъ самъ признаеть, со свойственною ему добросовъстностью и великою скромностью, что въ основъ его «изслъдованія дежать данныя изъ «Полн. Собр. Законовъ», архивный матеріалъ, дополняя эти данныя, нисколько не повліялъ на существенное измѣненіе» его «выводовъ; исторія нашей поземельной политики очерчена.... на основании «П. С. З.», —ни одной новой черты не внесено въ нее изъ архивнаго матеріала». Авторъ признаеть что этоть офиціальный печатный матеріаль уже быль изучень Неволинымъ, но указываетъ на то, что его собственная работа «отличается особенностью въ постановкъ вопросовъ». Однако первая половина работы, касающаяся ограниченій права частнаго землевладінія, настолько исчернана Неволинымъ, насколько это можно было сдёлать по «Полному Собранію Законовъ», а во второй половинѣ книги авторъ напрасно распространилъ понятіе «надъла» на помъстное владъніе, относительно же крестьянъ государственныхъ и помъщичьихъ не пожелалъ задаться изученіемь и фактическихь поземельныхь отношеній и формъ крестьянскаго землевладенія. Выводы Якушкина въ этой второй половинъ труда вызвали весьма серіозныя замъчанія со стороны такого талантливаго критика, какъ П. Н. Милюковъ (см. его статью «Русская аграрная политика прошлаго столетія», въ «Руск. Мысли», 1890 г., № 5, стр. 198 — 213). По указаннымъ причинамъ изследование Якушкина, не получившее значительнаго распространенія и всл'ядствіе крайней сухости его изложенія, не оставило зам'єтнаго сліда въ наукі.

Съ другой стороны, въ статъв «Радищевъ и Пушкинъ» («Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1886 г.), составляющей результатъ изученія политическаго міросозерцанія Пушкина, Якушкинъ пожелалъ доказать, что геніальный поэтъ въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ; но и этотъ трудъ автора, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ перепечатанъ въ сборникѣ его статей «О Пушкинѣ» (М., 1899 г.), встрѣтилъ серіозныя возраженія со стороны другого талантливаго русскаго историка В. А. Мякотина (см. его книгу «Изъ исторіи русскаго общества», изд. 2-е. СПБ.

1906 г., статья «Изъ пушкинской эпохи», стр. 260 и слъд).

По полученіи магистерской степени за свою диссертацію Якушкинъ нѣсколько лѣтъ читаль въ званіи приватъ-доцента курсы по исторіи русскаго просвѣщенія, русской журналистики и русскихъ университетовъ. Въ этихъ областяхъ у В. Е. были весьма солидныя знанія, и если эти лекціи были имъ написаны, то было бы чрезвычайно желательно, чтобы люди, близкіе покойному, издали ихъ: они, несомнѣнно,

сослужать полезную службу широкимъ кругамъ общества.

Съ 1887 г. начинается сотрудничество В. Е. въ такомъ вліятельномъ, распространенномъ и принципіальномъ органѣ, какимъ являются «Русскія Вѣдомости»; затѣмъ, Якушкинъ становится членомъ редакціи этой газеты вплоть до 1899 г., сотрудничество же его продолжается еще десять лѣтъ послѣ того. Здѣсь онъ работалъ по весьма разнообразнымъ вопросамъ политическимъ, экономическимъ, народнаго просвѣщенія, осо-

В. Е. Якушкинъ.

В. Е. Якушкинъ съ отцомъ и женой.

Комната въ квартиръ Е. И. Якушкина; на стънахъ портреты декабристовъ. Снято въ 1899 г. во время пребыванія В. Е. въ Ярославлъ послъ высылки изъ Москвы за ръчь, произнесенную на Пушкинскихъ торжествахъ.

бенно же охотно писалъ онъ на темы, касавшіяся крестьянства и земскаго самоуправленія. Распространенію въ широкихъ кругахъ общества знаній по русской исторіи и исторіи литературы онъ послужилъ и особыми статьями въ этой газетѣ, и обзоромъ въ ней новинокъ въ историческихъ журналахъ (очень часто подъ всевдонимомъ В. Веденѣевъ). Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ заслуживаютъ того, чтобы люди близкіе собрали ихъ въ особый сборникъ. Газетная работа — дѣло трудно-совмѣстимое съ серьозными научными трудами, однако, В. Е. стремился поработать въ это гремя и въ научной области, преимущественно въ области исторіи литературы, обыкновенно сообщая при этомъ новый, никъмъ еще не использованный матеріалъ, или и прямо печатал тексты (прекрасное изданіе первоначальной рукописи: «Горе отъ ума», 1823 г., изданіе нѣколькихъ неизданныхъ статей Бълинскаго).

Въ 1899 г. Якушкинъ пострадалъ за желаніе почтить память своего главнаго любимца въ прошлой русской литературъ. Его ръчь въ засъданіи Общества Любителей Россійской Словесности 27 мая объ «Общественныхъ идеалахъ Пушкина» послужила поводомъ къ административной высылкъ В. Е. изъ Москвы. На мое привътствіе ему по этому поводу, онъ отвъчалъ 27 іюля: «Съ 19 іюня я сижу въ Ярославлъ подъ гласнымъ надзоромъ, который выражается только однимъ стъсненіемъ: я не могу выходить за черту города. Въ министерствъ мнъ объщали освободить меня и возстановить во всъхъ правахъ къ декабрю. Теперь, когда въ Петербургъ начнутъ съъзжаться, можно будетъ хлопотать объ ускореніи дъла, — послъднее осложивется тъмъ, что иниціатива шла москвы, такъ что для отмъны принятой мъры, нужно, если не согласіе Москвы, такъ сношеніе съ нею. Все-таки теперь есть надежда ускорить ходъ дъла; такъ какъ въ концъ сентября у меня уъздное земское собраніе, то мнъ очень важно къ тому времени освободиться отъ надзора и получить право передвиженія».

Мы видимь, такимъ образомъ, что Якушкинъ мало огорчается личными для себя стъсненіями, но очень безпокоится о тъхъ помъхахъ, которыя стоятъ на пути его новаго общественнаго служенія,—на этотъ разъ въ формъ земской работы. Только въ февралъ 1890 г. онъ дождался прекращенія административной ссылки: 18 февраля 1900 г. онъ писалъ мнъ: «Послъ восьмимъсячнаго сидънія въ Ярославлъ я теперь, наконецъ, возстановленъ въ правахъ свободнаго передвиженія и пр.; съ меня сняты всъ ограниченія, и сегодня я уъзжаю въ Москву».

Съ 1899 г. Якушкинъ становится гласнымъ курскаго губернскаго земства, и, вмъстъ съ другими прогрессивными гласными, онъ много поработалъ надъ дъломъ народнаго образованія въ этой губерніи. Это естественно привело его къ участію въ земскихъ събздахъ и въ Союзъ Освобожденія. Между прочимъ, онъ вошель въ составъ общеземскаго бюро, созвавшаго ноябрьскій земскій съёздъ 1904 г. и принималь въ работахъ бюро и съвзда самое дъятельное участие. Имъ былъ написанъ основной докладъ этого бюро ноябрьскому съёзду по вопросу объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни, обсуждение котораго закончилось открытымъ заявленіемъ о необходимости конституціи. На учредительномъ собраніи конституціонно - демократической партіи онъ не могъ присутствовать вслъдствіе жельзнодорожной забастовки, тымь не менье его участіе въ совъщаніяхъ, созываемыхъ освобожденцами и земцами - конституціоналистами, было настолько значительно, что онъ почти единогласно избрант быль членомъ центральнаго комитета кадетской партіи. Наибол'є энергично было его участіе въ аграрной комиссіи при этомъ комитетъ.

Чрезвычайно цънно для характеристики міросозерцанія В. Е. свилътельство г. А. Максимова («Русскія Въдомости» 1912 г. № 279. 4 лек.), что Якушкинъ «занималъ мъсто на крайнемъ лъвомъ флангъ» кадетской партіи, «быль выразителемь наиболье демократическихь теченій», имъвшихся въ ея средъ, и это «съ наибольшей опредъленностью сказывалось именно въ разработкъ аграрнаго вопроса. В. Е. былъ сторонникомъ наиболъе полнаго и коренного ръшенія этого вопроса, и его не пугала... мысль о націонализаціи земли. Окончательная форма, въ которую выдилась программа кадетской партіи, не вполнъ отвъчала пожеланіямъ Якушкина. Естественнымъ и заслуженнымъ увънчаніемъ высоко полезной общественной работы В. Е. было избрание его въ члены первой Государственной Думы курскимъ губернскимъ собраніемъ, при чемъ ръшающую роль сыграли выборщики отъ крестьянъ. Проектъ аграрной реформы, внесенный въ Думу (такъ называемое «заявленіе 42-хъ»), было выработано при его дъятельномъ участіи, и онъ первый подъ нимъ подписался. По свидътельству г. О. Кокошкина («Русск. Въд.» 1912 г., № 280), воззрѣнія Якушкина на аграрный вопросъ «казались слишкомъ радикальными и ему приходилось выдерживать не мало споровь, въ которыхъ онъ отстаивалъ» свои взгляды «со стойкостью и жаромъ человъка, твердо убъжденнаго и вложившаго въ вопросъ всю свою душу».

Въ Думъ онъ выступалъ на защиту записки, внесенной по этому предмету кадетскою партією. Въ засъданіи 27 мая, во время преній по земельному вопросу, Якушкинъ произнесъ ръчь, въ которой не отрицалъ, что кадетская записка есть «компромиссь съ жизнью», но, указывая на то, что въ основу ея положено «сознаніе земельной тъсноты, отъ которой страдаеть русскій народь», онь утверждаль, что проведеніе реформы на указанныхъ въ запискъ основаніяхъ приведеть къ совершенному обновленію деревенской жизни, къ улучшенію быта крестьянь, а это отразится на улучшении положения и всего государства въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Онъ поясняль, что составители записки не задавались цёлью «провозгласить право каждаго гражданина на извёстный участокъ земли», а только утверждали, что «малоземельные и безземельные земледёльцы должны получить дополнительный надёлъ»... «Если бы мы составляли», продолжаеть Якушкинь, «теоретическій трактать, а не имъли бы въ виду составлять законопроекть, имъющій возможность осуществиться на дёлё, мы бы не только съ другими нашими товарищами по Думъ провозгласили необходимость трудовой нормы для населенія, мы бы пошли и дальше. Мы бы сказали, что необходимо обезпечить и будущій приростъ населенія. Мы бы признали, что сельское общество или отдёльная семья, получающая надёль, должны получить землю выше трудовой нормы для того, чтобы былъ запасъ на будущее. Но мы считались съ дъйствительными условіями, съ тъми размърами земли, которыми можно воспользоваться для надёленія крестьянъ». При этомъ Якушкинъ высказалъ «свое личное мнѣніе», что, въ виду трудности въ большинствъ случаевъ опредълить потребительную норму, ее правильнъе было бы замънить въ законопроектъ, въ видъ «обязательной нормы» «указаніемъ на высшій надъль 1861 г. «Конечно», продолжаеть онъ, «для этого потребуется пожертвовать частнымъ землевладъніемъ... (т.-е. частью его). Но мы не задавались вовсе цёлью уничтоженія всей частной собственности (на землю)... «Нашъ проектъ признаетъ, что частная собственность должна быть отчуждена на основании справедливой оцънки...., въ исчисленіи которой устраняются всь условія, связанныя съ кабальными цѣнами, какъ на аренды, такъ и на рабочій трудъ». Упомянемъ еще, что въ засъдании Думы 27 іюня во время обсужденія

запроса о крестьянскомъ союзѣ, Якушкинъ горячо поддерживалъ запросъ.

Въ 1906 г. В. Е. послужилъ интересамъ крестьянства не только какъ депутатъ въ Государственной Думѣ, но и какъ редакторъ двухъ хорошихъ и дешевыхъ газетъ, имѣвшихъ цѣлью датъ хорошее чтеніе пароду. Влижайшее участіе въ ней принимали А. А. Мануиловъ и В. А. Розенбергъ, а также И. П. Бѣлоконскій, И. И. Щенкипъ и другіе. Въ ней сотрудничали А. С. Носниковъ, И. Дружининъ, С. П. Мельгуновъ, А. Выкова, И. И. Карѣевъ, В. Дерюжинскій, И. В. и П. В. Якушкины и др. Въ ней разсматривались вопросы о земъв, народномъ образованіи, о выборахъ, объ исключительныхъ законахъ, смертной казии, рабочихъ союзахъ, фабричномъ законодательствѣ, свободѣ слова, о многихъ другихъ явленіяхъ русской и занадно-европейской жизни, давались характеристики иѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей и общественныхъ дѣятелей русскихъ и иностранныхъ. Носяѣ роспуска первой Думы газета была прекращена администраціей.

Въ томъ же году, съ 16 септября, также подъ редакцією В. Е. Якушкина, стала издаваться, совершенно аналогичная первой, газета «Народими Путь», гдѣ, между прочимъ, печатались такія статьи: «Другъ рабочихъ (Р. Оуэпъ)», А. Выковой «Король Людовикъ XVI и неудачная попытка реформь», А. С. Посникова «Разрушеніе общины (по поводу указа 9 поября), В. Е. Якушкина о Рылѣевѣ, С. П. Мельгунова «Государство и церковъ въ Россіи» и т. п. Газета могла просуществовать только до конца года.

Въ 1905 г. Якушкинъ вмѣстѣ съ В. А. Розенбергомъ воспользовались удобнымъ временемъ для того, чтобы свести счеты съ цензурой въ интересной книгѣ «Русская нечать и цензура въ прошломъ и настоящемъ», гдѣ перу В. Е. принадлежитъ статья «Изъ исторіи русской цензуры». Въ томъ же году для широкихъ круговъ читателей Якушкинъ папнеалъ брошюры о Сперанскомъ и Аракчеевѣ и о Государственной Думѣ, а въ 1906 г. брошюры «Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество», «Въ Государственной Думѣ о землѣ» (включенная затѣмъ въ списокъ книгъ, изъятыхъ изъ обращенія) и «Дскабристы, кто они быличего они хотѣли». Въ этомъ же году появилась въ свѣтъ его книга «Государственная власть и проектъ государственныхъ реформъ, съ приложеніемъ конституціи П. Муравьева» (послѣдняя, къ сожалѣнію, напечатана не совсѣмъ исправно). Все это показываетъ, съ какою готовностью В. Е. служилъ распространенію знаній и правильныхъ съ его точки зрѣнія обществепныхъ взглядовъ въ обществѣ и народѣ.

За процессомъ депутатовъ, подписавшихъ выборгское воззваніе посл'є роспуска первой Думы, посл'єдовало трехм'єсячное заключеніе Якушкина въ Таганской тюрьм'є, въ Москв'є, совершенно подорвавшее его здоровье. Зд'єсь опъ продолжалъ работу падъ редактированіемъ академическаго изданія сочиненій Пушкина. Опъ редактировалъ весь П т. и подготовилъ

часть матеріала для III тома 1).

Изъ тюрьмы Якушкинъ вышелъ совершенно больнымъ. Кромѣ причинъ физическихъ, вызвавшихъ первный ударъ, песомпѣнно, окончательному разрушенно его здоровья должно было содѣйствовать и крушеніе падеждъ, которыя онъ возлагалъ на Думу. Горячему защитнику общиннаго землевладѣнія должна была глубоко претить столынинская «ставка на сильныхъ», онъ пошималъ, какъ дорого она обойдется русскому кре-

¹⁾ Предоставляя судь надь этимъ трудомъ спеціалистамъ но Пушкину, позволяю себі высказать свое личное мизініе, что лучше было бы кропотивый трудъ Якушкина надь текстомъ поэта напечатать въ видъ особаго изслідованія, каксь, папр., есть особое изслідованіе Доманицкаго о тексті Т. Г. Шевченка, а въ изданіе произведеній поэта внести лишь главные результаты изслідованій.

стьянству, онъ печаталъ статьи противъ указа 9 ноября и въ своем газетъ (выше уже было упомянуто о статьъ въ «Народномъ Пути» на эту тему А. С. Посникова). При все болъе надвигавшемся тяжеломъ

безвременьи Якушкинъ уже не могъ поправиться.

Я не пишу панегирика Якушкину, — онъ принадлежитъ къ числу тъхъ людей, память которыхъ не нуждается въ преувеличенныхъ похвалахъ; желая быть правдивымъ, я долженъ сказать, что В. Е. Якушкинъ не заняль мъста въ первыхъ рядахъ русскихъ историковъ, онъ не былъ блестящимъ публицистомъ, онъ не выдълился какъ замъчательный ораторъ ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ земскихъ събздахъ, ни въ собраніяхъ Союза Освобожденія, ни въ собраніяхъ Думы, но онъ вездѣ, въ области науки, журналистики и общественной дъятельности былъ чрезвычайно полезень: и какъ историкъ въ широкомъ смыслъ этого слова, и какъ университетскій преподаватель, и какъ публицисть, и какъ усердный работникъ въ Обществъ Любителей Россійской Словесности, и какъ земскій д'ятель, и какъ редакторъ газеты для народа и, наконецъ, какъ представитель народа, требующій для него земли: этоть посл'ядній моментъ былъ апогеемъ его деятельности, подготовленнымъ всею предшествующею его жизнью. Спеціализированіе въ какой-нибудь одной области, въроятно, сдълало бы въ ней имя Якушкина гораздо болъе замътнымъ, но онъ былъ слишкомъ отзывчивый человъкъ, чтобы замкнуться въ ученую или иную скорлупу. И тъмъ не менъе сумма сдъланнаго имъ въ разныхъ областяхъ весьма велика, и онъ былъ достойнымъ великой хвалы носителемъ своего жизненнаго тягла. Якушкинъ былъ мірской, общинный челов къ, онъ охотно несъ невидную жоллективную работу. Какъ далеко шагнуло бы наше общество, если бы у насъ было побольше такихъ людей! В. Семевскій.

Памяти П. И. Бартенева.

(† 22 октября 1912 г.).

Смерть П. И. Бартенева — несомнѣнно, и смерть «Русскаго Архива». Во всей исторіи русской литературы я не знаю другого такого случая полнаго воплощенія личности редактора, во всемъ ея объемѣ, въ журналѣ, —такого томсдества человѣка и книги. Жизнь П. И., органически срослась съ жизнью «Архива». И такъ естественно было, что П. И. уже смертельно больной, до послѣдней минуты сознанія подбиралъ матеріалы и правилъ корректуры для своего журнала; и такъ естественно будетъ, что 50-ми годами, въ 1912 г., закончится и существованіе «Русскаго Архива».

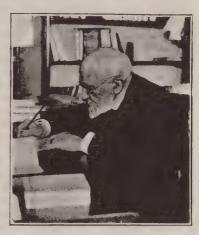
Вмѣстѣ они росли и старѣлись. Незамѣтный, никому почти неизвѣстный «домашній учитель» семьи Жуковскаго, позднѣе — библіотекарь Чертковской библіотеки сдѣлался редакторомъ перваго историческаго въ полномъ смыслѣ этого слова журнала на Руси, занялъ видное положеніе въ Москвѣ сдѣлался одною изъ ея достопримѣчательностей; «Архивъ» обратился въ цѣлую библіотеку томовъ, безъ которой уже никогда не обойдется русская исторіографія. До конца она сохранила «особый отпечатокъ» Старой Москвы, уже отходящей въ прошлое.

Редакторъ, который при первомъ свиданіи съ сотрудникомъ отбираль у него самыя точныя біографическія и генеалогическія справки о немъ самомъ, его женѣ и т. д., который въ своей богатой памяти бла-

тоговъйно хранилъ всъ «анекдоты прежнихъ дней», для котораго всъ преданія прошлаго были жизнью души; журналь, который 50 льть намеками или открыто, въ примъчаніяхъ «П. Б.», твердиль о томь, что Елизавета Петровна была обвънчана съ Разумовскимь, а Екатерина II — съ Потемкинымъ, и вель изъ-за этихъ изобличеній, давно уже обросшихъ мохомъ, крайне энергичную борьбу съ цензурой — это ли не «особый отпечатокъ»? Извъстное преданіе разсказываеть о великосвътской дамъ, любительницъ исторіи, которая послъ смерти, представъ на судъ, прежде всего хотъла узнать у судіи тайны «Жельзной Маски», княжны Таракановой и т. д. Къ подобнымъ «историческимъ загадкамь» всю

жизнь тянуло и П. И. Раскапывая родственныя связи современниковъ, ихъ семейные архивы, онъ все время собиралъ крохи для освъщенія этихъ загадокъ. И на молодыхъ современниковъ какъ-то странно дъйствовали всъ эти его ссылки на устныя свидътельства Жуковскаго, Вяземскаго, цълаго Пантеона дъятелей далекаго прошлаго, которое для П. И. было живымъ...

Онъ любиль пикантность полной неожиданности. Увидъвъ въ собесъдникъ интересъ къ Радищеву, Новикову, Тургеневу, онъ не возражаль по существу — всякій интересъ къ прошлому даже у людей «инако мыслящихъ» былъ для него, послъдовательнаго консерватора, всегда цъненъ, — но сообщалъ, напр., со словъ Жуковскаго, Вяземскаго и другихъ именитыхъ покойниковъ, что они — истязали крестьянъ,

II. И. Бартеневъ.

что въ личной жизни они были очень далеки отъ своихъ «завиральныхъ идей» и т. д. Въ то же время консерватизмъ не мъщалъ ему съ увлеченіемъ цитировать очень злыя, даже убійственныя для высокопоставленныхъ лицъ эпиграммы Соболевскаго — именно потому, что онъ были убійственно-злы и остроумны. И онъ приводилъ факты, мъткіе и яркіе, за которые могъ съ радостью ухватиться не только либералъ, но и радикалъ, и которые въ кор в были его собственное міровоззрѣніе, потому что историческій анекдотистъ билъ въ немъ въ данную минуту консерватора...

Все или очень многое было создано имъ изъ ничего. У него было изумительное чутье для розысковъ и добычи нужныхъ матеріаловъ. Передъ нимъ открывались завѣтные сундуки, шкапчики, шифоньерки, изъ которыхъ извлеклись благоговѣйно хранимые семейные документы. Волей или неволей умножали они богатый архивъ «Русскаго Архива»—тому, что только случайно сдѣлалось частною собственностью, давно бы ужъ пора сдѣлаться собственностью общественною...

50 лътъ журналъ жилъ безплатными матеріалами и безплатнымъ, за самыми ръдкими, больше анекдотическими тоже исключеніями, сотрудничествомъ. И это казалось простымъ, естественнымъ не только редактору, но и подавляющему большинству сотрудниковъ. Когда «Архивъ» сталъ хирътъ вмъстъ съ П. И., обезпокоенный редакторъ какъ-то заговорилъ со мной о томъ, что нужно его поднять. Сдержанно я указалъ ему на главную причину упадка: теперь уже нельзя базировать дъла на безплатномъ трудъ. — «Я и самъ объ этомъ давно и много думалъ,

В. В., ръшилъ все измънить... платный гонораръ». Но и гонорары вы-

шли анекдотичными и падающаго дъла не подняли...

Я всегда удивлялся работоспособности и памяти П. И. Онъ никому, по последней минуты, не уступиль не только редакторской, но и корректорской работы. Я бываль у него въ разные часы, и неизмънно заставаль его за столомь, за рукописями и корректурами, за новыми историческими книгами — ничто не ускользало отъ его бдительнаго глаза. Больной старикъ, онъ могь работать по 12 — 15 часовъ въ сутки, сохраняя свъжесть головы, оживленность, повышенный интересъ ко всему

крупному и мелкому въ области нашего прошлаго.

Всегда въ немъ чувствовался историкъ стараго закала — «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма». «Исторіософію» онъ не любиль такъ же, какъ и иностранныя слова (изъ нихъ онъ, кажется, только и признаваль слова «архивъ» и «исторія», а остальныя всячески старался замвнить: помню, напр., что онъ обидпълся на меня за слово «анонимный» въ одной моей статъв и вездв своимъ характернымъ почеркомъ измвнилъ его на «безыменный»). Больше всего цениль онь личную переписку, мемуары («воспоминанія»), интересовался не процессами, а конкретными явленіями, не отвлеченными разсужденіями, а характеристическими анекдотами, живыми штрихами прошлой жизни, ея интимными подробностями. Именно имъ онъ и давалъ всего больше мъста въ своемъ журналъ, который еще долго будеть неисчерцаемымъ источникомъ такого рода матеріаловь для историковь.

Трогательна была въ немъ любовь къ русской поэзіи. Часами могъ онъ питировать наизусть Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Соболевскаго, не дълая ни одной ошибки, передавая весь своеобразный аромать старой дикціи со всіми ея нюансами. За поэтическій таланть онъ готовъ быль простить всю «завиральность» идей, тепло говориль даже о «либерализмъ» Пушкина и Соболевскаго и никогда не упоминалъ о

томъ, что онъ «истязалъ своихъ крестьянъ»...

Это была живая лътопись нашей литературы за XIX въкъ, на «ветшаномъ» пергаменъ, со странными подчасъ интерполяціями, всегда своеобразная и интересная, даже тогда, когда ручь заходила объ «истязаніи крестьянь»; то и діло онь проговаривался колоритными, живыми фактами, часто воскрешаль прошлое до полной осязательности.

Слушая П. И., я чувствоваль Жуковскаго, Вяземскаго, Соболевскаго... даже тогда, когда они являлись неожиданными свидътелями-

изобличителями...

Въ П. И. умеръ одинъ изъ последнихъ могиканъ старой Москвы. со всёми ея противорёчіями, психологическими и жизненными диссонансами. Въ «Русскомъ Архивъ» онъ оставилъ и поставилъ для себя драгоцінный памятникъ — огромный по виду, смітшанный по содержанію. изъ золота и свинца, съ дътски - наивными украшеніями и глубокими по смыслу надписями. Невинную слабость къ анекдотамъ ему, конечно, ској о простять; за опубликование тысячь интереснъйшихъ воспоминаний. писемъ, литературныхъ произведеній, біографическихъ свъдъній ему всегда будуть благодарны всё тё, кто любить прошлое. Какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ (не изслидованій) «Русскій Архивъ» не превзойденъ еще ни однимъ журналомъ — не только потому, что онъ издавался 50 лътъ, но и потому, что П. И. раньше всъхъ вышелъ на ниву, больше всёхъ работаль самъ, собираль удачливо все, что только можно было собрать, жаль тогда, когда колосья ломились отъ зеренъ. Потомкамъ придется имъть дъло съ уже сильно оскудъвшею почвою...

В. Каллашъ.

П. И. Щукинъ.

(12 октября 1912 г.).

12 октября 1912 г. смерть унесла одного изъ видныхъ Московскихъ гражданъ: умеръ П. И. Щукинъ. Происходя изъ купеческаго рода, онъ былъ извъстенъ не только въ томъ кругъ, къ которому принадлежалъ по рожденію и какъ участникъ общирнаго торговаго дъла, но не менъе того его хорошо знали и въ интеллигентныхъ кружкахъ, гдъ ему приходилось вращаться, особенно въ послъднія 20 лътъ, какъ владъльцу превосходнаго, основаннаго имъ, музея древностей и богатаго архива, привлекавшихъ къ Петру Ивановичу

людей науки. Собраній древностей, конечно, не такихъ крупныхъ и разнообразныхъ, какъ щукинское, но все же значительныхъ, не мало, но владъльцевъ таковыхъ, подобныхъ покойному П. И. Щукину, встрътить можно ръдко. Петръ Ивановичь не представляль того типа коллекціонеровъ, для которыхъ собираніе фарфора, бронзы, серебра, монетъ и т. п. есть одинъ изъ видовъ спорта, у П. И. любовь къ собиранію предметовъ древности вытекала изъ чувствъ болѣе возвышенныхъ, чъмъ чувства спортсмена: онъ собиралъ старину, какъ матеріалъ для научныхъ изслъдованій, что и доказалъ какъ своими многочисленными изданіями, такъ и тъмъ, исполненнымъ величія, фактомъ — принесеніемъ при жизни въ даръ государству своего превосходнаго

П. И. Щукинъ.

собранія со всѣми зданіями и землею. Такіе гражданскіе подвиги не часты, ими должно гордиться, и имя ІІ. И. Щукина отнынъ за-

несется на страницы исторіи русскаго просв'єщенія.

О многихъ внѣшнихъ фактахъ жизни П. И. мы бы, конечно, никогда не узнали, если бы два послѣднихъ года своей жизни онъ не посвятилъ «Воспоминаніямъ», напечатаннымъ въ Х и не въ вышедшемъ, за смертью издателя, ХІ томѣ «Щукинскаго сборника». Эти безхитростныя записки, безъ всякой претензіи на литературную форму, тѣмъ не менѣе даютъ живой очеркъ жизни ихъ автора и той среды, гдѣ онъ жилъ или вращался. Родился П. И. въ 1853 г. въ Москвѣ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ отцомъ въ Бемскую нѣмецкую школу въ Выборгѣ, гдѣ пробылъ около 4 лѣтъ, и оттуда перешелъ въ петербургскій пансіонъ Гирста, въ которомъ пробылъ до 1871 г. Выйдя изъ пансіона Гирста, П. И. мечталъ о высшемъ образованіи, ради чего ѣздилъ съ отцомъ къ извѣстному педагогу Стоюнину, который его проэкзаменовалъ, но нашелъ не достаточно подготовленнымъ для поступленія въ какоенибудь высшее учебное заведеніе и совѣтовалъ заниматься науками дома. Повидимому, недолго бралъ П. И. уроки у Басистова, Сту-

пина, Дюфора и др. педагоговъ 70-хъ годовъ — ему пришлось перейти къ практической жизни: онъ сталъ заниматься у отца торговымь дъломъ и уже въ 1872 г. впервые потхалъ съ отцомъ за границу, гдъ прожилъ въ разныхъ торговыхъ учрежденіяхъ нъсколько лъть сначала въ Берлинъ, потомъ въ Ліонъ, предпринимая экскурсін въ Парижъ, Лейпцигъ и др. города. Надо отдать долгъ справедливости II. И-чу, что онъ не былъ поглощенъ за границею только одной матеріальной стороной жизни, подобно большинству людей его круга; его духовные интересы заставляли употреблять свободное отъ занятій время на слушаніе популярныхъ лекцій въ берлинскихъ ремесленномъ и купеческомъ ферейнахъ, гдѣ, между прочимъ, читали по разнымъ отраслямъ знаній такія знаменитости, какъ Вирховъ, Шпильгагенъ и др. По «Воспоминаніямъ» можемъ судить, какъ у П. И. начала за границей появляться жилка собирателя, развившаяся впослъдствіи въ настоящую страсть. Первое, что онъ сталъ собирать, были книги, которыя покупалъ у букинистовъ Ліона, а затъмъ эстампы, рисунки и т. п. Въ 80-хъ годахъ П. И. сталъ увлекаться собираніемъ восточныхъ предметовъ — персидкихъ, японскихъ, китайскихъ; такъ, на Парижской выставкъ 1889 г. имъ были куплены великолъпныя японскія ширмы со сдъланными изъ разноцвътной шелковой матеріи фигурами, изображающими бытовыя сцены. Ширмы эти привлекають внимание своей своеобразной красотой всъхъ посътителей музея. Впослъдствіи, въ 1907 г., П. И. часть своей восточной коллекціи, именно персидскій отдібль, издаль на 32 табл. рисунковь съ краткимъ текстомъ. Собраніе восточныхъ предметовъ П. И. пополнялъ до самой смерти; онъ придавалъ большое значеніе изученію орнамента и формъ Востока, у котораго мы многое заимствовали. Параллельно съ предметами восточнаго издълія собирались не менъе ревностно и западные; не мало превосходныхъ образцовъ западнаго серебрянаго дъла украшаютъ его витрины. Поясняя цёль собиранія предметовъ Востона и Запада, П. И. въ своей статьъ «Щукинскій музей за 18 льтъ своего существованія (1892— 1910 гг.)» выражается такъ: «Я поставилъ себъ задачею собирать не только русскіе предметы, но также восточные и западные, и, собирая последніе, наглядно показать, какое вліяніе имъли Востокъ и Западъ на русскую культуру. Собранныя такимъ образомъ коллекціи служатъ не только научнымъ, но и учебнообразовательнымъ цѣлямъ».

Въ этихъ словахъ прекрасно выразилась вся цѣль собиранія II. И., вся осмысленность, съ какою онъ составилъ свое драгоцѣн-

ное собраніе.

Начало 90-хъ годовъ можно считать началомъ поворота къ общественной музейской дѣятельности П. И. Начиная съ этого времени, П. И. главныя средства употреблялъ на покупку предметовъ древняго русскаго быта и искусства, кромѣ курганныхъ древностей, которыхъ въ его собраніи лишь незначительное количество. Собраніе его къ этому времени настолько разрослось, что частная квартира стала тѣсна, и онъ задумалъ выстроить спеціальное зданіе, для чего и пріобрѣлъ обширное мѣсто на Малой Грузинской улицѣ, гдѣ воздвигъ въ 1893 г. по про кту арх. Б. В. Фрейденберга первое зданіе музея, одно изъ лучшихъ сооруженій Москвы въ русскомъ стилѣ XVII в. Читая вышедшее въ 1895 г. «Краткое описаніе Щукинскаго музея», можемъ видѣть, съ какою любовью и заботливостью относился П. И. къ внѣшней и внутренней отдѣлкѣ

своего дѣтища. Всѣ архитектурныя детали, вся орнаментація были взяты П. И. съ древнихъ русскихъ памятниковъ и частью изъ его собственной коллекціи: напр., роспись потолка музейнаго входа воспроизводить орнаментацію грамоты, пожалованной Петромъ Великимъ Якову Брюсу въ 1710 году. Впослѣдствіи П. И. выстроилъ другое зданіе музея, которое соединилъ съ первымъ подземнымъ ходомъ, и, наконецъ, построилъ обширное помѣщеніе для архивныхъ бумагъ.

Заботливость П. И. о сохраненіи своего собранія выразилась не въ одной только постройкъ зданія музея; онъ отлично понималь, что однъ стъны не могутъ быть гарантіей для цълости собранія въ дальнъйшемъ будущемъ, поэтому онъ еще въ 1891 г. составилъ духовное завъщание, по которому всъ старинныя вещи завъщалъ Историческому музею. Черезъ нъсколько лътъ завъщание это было уничтожено и свою завътную мысль — передать все собранное имъ на пользу наукъ — П. И. осуществилъ въ 1905 г. на дълъ: онъ принесъ въ даръ все собраніе предметовъ древности и искусства архива и книгъ вмъстъ съ владъніемъ, т.-е. землею и музейными и другими постройками, Историческому музею, оставаясь пожизненнымъ распорядителемъ своего собранія и продолжая пополнять его на свои средства. Теперь, когда этотъ достойный гражданинъ преждевременно умеръ и все собранное имъ стало достояниемъ науки, мы, казалось бы, могли теперь же оцънить результаты его двадцатилътнихъ трудовъ и заботъ, но одного поверхностнаго взгляда на все содержимое въ музеъ достаточно, чтобы сказать, что не только на научную оцънку, но на простое приведение въ систему этого огромнаго собранія потребуется много времени и много труда, такъ оно велико. Изданія покойнаго П. И. какъ по вещественнымъ памятникамъ, такъ и по рукописному и архивному отдъламъ даютъ понятіе лишь о меньшей части его собранія; богатыя коллекціи великол впныхъ древнихъ м вдныхъ крестовъ и иконъ, превосходнаго шитья, облаченій, старинныхъ матерій, издёлій изъ стекла, табакерокъ, перстней, печатей и проч. и проч. совсъмъ почти не тронуты въ изданіяхъ ихъ покойнымъ владъльцемъ и въ будущемъ изданіе таковыхъ дасть отличное понятіе о многихъ отрасляхъ русскаго искусства, такъ какъ всъ предметы собранія представлены въ лучшихъ образцахъ какъ по издълію, такъ и по сохранности, что характеризуетъ вкусъ и пониманіе П. И.

Въ заключение скажу нъсколько словъ объ изданіяхъ П. И. Все изданное имъ свидътельствуетъ объ его скромности. Не чувствуя себя достаточно компетентнымъ для археологическихъ и вообще научныхъ изысканій, П. И. во всъхъ изданіяхъ, какъ вещественныхъ, такъ и архивныхъ памятниковъ, никогда не пускался въ объясненія, зная хорошо этотъ скользкій путь, а описывалъ или издавалъ все «по натуръ», предоставляя своими изданіями матеріалъ для изслъдованія спеціалистамъ. Изъ всъхъ его изданій только «Опись» рукописнаго собранія имъетъ научный комментарій, составленный

А. И. Яцимирскимъ.

Всѣ люди науки, которымъ случалось прибъгать къ П. И., какъ къ владъльцу научныхъ сокровищъ, находили въ немъ отзывчиваго человъка, готоваго съ великою охотой прійти на помощь. Это его драгоцънное качество заставляеть еще болье пожальть объ утратъ, какую понесло русское интеллигентное общество въ лицъ П. И. Щукина.

А. Оргошниковъ.

Артуръ Гёргей.

Гёргей умеръ два-три мѣсяца тому назадъ, а принадлежитъ онъ исторіи уже болѣе шестидесяти лѣтъ. О немъ давно говорили, какъ о человѣкѣ, котораго нѣтъ въ живыхъ. И немногіе знали, что онъ еще не умеръ и доживаетъ послѣдніе дни въ Будапештѣ. Ему было 95 лѣтъ въ моментъ смерти (род. въ 1817 году).

Гёргей быль однимъ изъ вождей венгерскаго повстанья 1848— 1849 гг. Годъ, который онъ находился въ рядахъ венгерской революціонной арміи и во главъ ея, сдълалъ его имя безсмертнымъ, а долгую

его жизнь — несчастной.

Венгерская революція 'могла быть успѣшной, если бы мадьярамъ приходилось имѣть дѣло только съ Австріей. Твердую надежду на побѣду-давали два условія: во-первыхъ, то, что судьба крестьянской реформы въ Венгріи была тѣсно связана съ судьбою революціи и не могла быть отъ нея отдѣлена, какъ въ Пруссіи и Австріи; во-вторыхъ, то, что у

Венгріи была обученная армія.

Но мадьяры сдѣлали одну ошибку, которая поставила передъ ними рядомъ съ обезсиленной Австріей новаго, сильнаго врага. Въ январѣ 1849 г. главнокомандующимъ венгерской арміей былъ назначенъ польскій генералъ Іосифъ Дембинскій, наполеоновскій солдатъ, даровитый полководецъ, но — польскій патріотъ. Онъ ненавидѣлъ Россію, и для него венгерская революція имѣла одинъ главный смыслъ. Онъ видѣлъ въ ней пламя, способное зажечь революціоннымъ огнемъ и Польшу. Онъ носился и съ болѣе широкимъ планомъ: сдѣлать независимую, освобожденную Венгрію, опорою для массоваго возстанія славянъ противъ русскаго самодержавія. Для императора Николая именно планы Дембинскаго, которые находили восторженныхъ сторонниковъ въ Польшѣ, нослужили главной побудительной причиной итти спасать изнемогавшую Австрію.

Гёргею пришлось стать во главѣ венгерской арміи тогда, когда русскія войска вторглись уже въ страну (весною 1849 года), т.-е. когда побѣда сдѣлалась невозможной. До тѣхъ поръ, пока онъ не былъ главно-командующимъ, онъ обнаружилъ два качества: большой военный талантъ и большое своеволіе. Теперь, когда отъ согласнаго образа дѣйствій у мадьяръ зависѣло все, Гёргей сталъ держать себя совершенно непозволительно, до такой степени непозволительно, что навлекъ на себя обвиненіе въ измѣнѣ. Онъ ссорился съ Кошутомъ, не хотѣлъ столковываться съ другими генералами, не подчинялся правительству. Въ самый критическій моментъ для страны онъ слушался только голоса своего тще-

славія.

Въ концѣ-концовъ, Кошутъ во имя патріотизма, который безмолвствоваль въ душѣ Гёргея, уступилъ ему диктатуру. Это было 11 августа. Два дня спустя, 13 августа, онъ сдалъ русскому генералу Ридигеру, при Вилагошѣ, главную венгерскую армію въ 23,000 человѣкъ при 130 орудіяхъ. Сдача была «безусловная», но Николай упросилъ Франца-Іосифа «подарить» ему жизнь Гёргея.

И сдача, и помилованіе (всть остальные высшіе офицеры венгерской арміи, не успѣвшіе бѣжать 1), были либо повѣшепы, либо, въ лучшемъ случаѣ, разстрѣляны) усилили разговоры объ измѣнѣ. Еще двадцать лѣтъ спустя Гёргею приходилось громко протестовать противъ этихъ обвиненій.

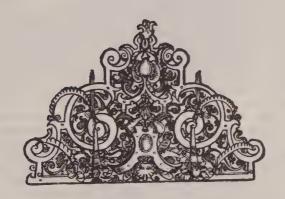
«Вы утверждали и продолжаете утверждать,—писаль онь въ 1867 году,—что вилагошская капитуляція была актомъ измѣны. Это — ложь. Катастрофа 13 августа была только конкретнымъ, потрясающе естественнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго положенія».

Только въ 1885 году его прежніе боевые товарищи торжественно засвидѣтельствовали передъ страною, что въ 1849 году Гёргей исполнилъ свой долгъ передъ родиною, и что обвиненія въ измѣнѣ не основаны

ни на чемъ.

Исторія уже произнесла свой приговоръ надъ Гёргеемъ. Она тоже отвергаетъ обвиненіе въ измѣнѣ, но она сурово осуждаетъ человѣка, которому родина ввѣрила одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ въ одиу изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ жизни народа, и который не захотѣлъ забыть себя для блага родины.

А. Дживелеговъ.

Сюда не вошли еще офицеры отряда Кланки, который завосвалъ себъ свободный пропускъ за твердынями Комориа.

П. А. Кропоткинъ, какъ историкъ французской революціи.

(Къ семидесятилътію его рожденія).

«По богатымъ матеріаламъ Британскаго музея я принялся за изученіе французской революціи,— именно, какъ зачинаются революціи. Но это меня не удовлетворяло: мнъ нужна была болъе живая дъятельность, и я скоро отправился въ Парижъ» (1878 г.)... («Записки Революціонера» стр. 372).

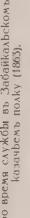
Политическій мыслитель, и соціальный реформаторь не можеть не быть историкомъ. Страстное желаніе оправдать свои общественные идеалы, найти ихъ предвозвъстники и въ далекомъ прошломъ и въ близкомъ настоящемъ ведеть его неминуемо къ изученію тъхъ историческихъ событій, въ которыхъ онъ можеть или хочеть найти доказательства и иллюстраціи своей теоріи общественной эволюціи.

Прямымъ примъромъ является послъдній трудъ П. А. Кропоткина. Едва ли чья иная жизнь обильна такими ръзкими и яркими контрастами. Исконный Рюриковичъ (прямой потомокъ Ростислава Мстиславича Смоленскаго), камеръ-пажъ императора, скромный офицеръ Амурскаго казачьяго войска, искусный сибирскій администраторъ, ученый изслъдователь невъдомыхъ сибирскихъ окраинъ, студентъ, участникъ революціоннаго кружка Чайковскаго, политическій заключенный и, наконецъ, эмигрантъ — таковъ его необычный жизненный путь. Сама судьба настойчиво толкала къ соціологическимъ обобщеніямъ.

Уже въ Сибири среди инородцевъ Кропоткинъ сознаетъ «созидательную работу невъдомыхъ массъ, о которой ръдко упоминается въ книгахъ», понимаетъ «значеніе этой работы въ ростъ общества»... Путемъ прямого наблюденія онъ постигаетъ «роль, которую неизвъстныя массы играютъ въ крупныхъ историческихъ событіяхъ», и приходитъ къ такимъ же мыслямъ о вождяхъ и толпъ, которыя высказываетъ Л. Н. Толстой въ своемъ великомъ произведеніи «Война и миръ» («Зап. Революціонера» стр. 194). «Хожденіе въ народъ» и жизнь за границей среди Юрской федераціи Интернаціонала окончательно опредълили его соціальную философію.

«Послѣ долгихъ безсонныхъ ночей я пришелъ къ убѣжденію, что въ великой соціальной революціи народу придется бороться съ противниками гораздо болѣе сильны и и умственно и физически—съ средними классами: и никакая революція не можетъ совершиться безъ того, чтобы новые идеалы не проникли глубоко въ тотъ классъ, котораго экономическая и политическія привилегіи придется разрушить» (ibidem 261 стр.).

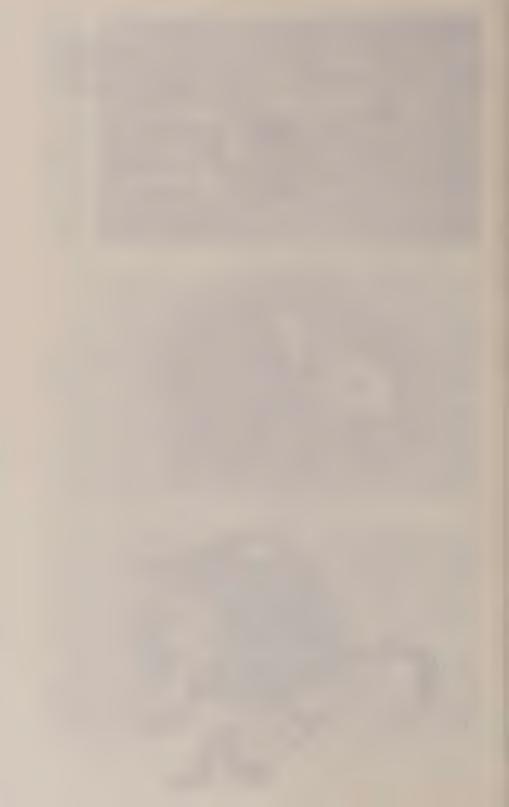
ванио савдовъ дедниковаго периода.

Во время службы въ Забайкальскомъ казачьемъ полку (1865).

А. Кропоткинъ при окончаніи Пажескаго корпуса (1861).

Теперь ему ясно представляется процессъ историческаго развитія человъчества. «Оно никогда не совершается тъмъ медленнымъ и однообразнымъ шагомъ, который ему приписываютъ... безпрестанно прерывается мъстными революціями. а эти революціи, эти періоды ускоренной эволюціи, точно такъ же необходимы для гармоніи природы, какъ и эпоха замедленной эволюціи» («Новыя времена», 13). Отнынъ идеаломъ человъческаго общежитія для него становится федерація объединенныхъ между собой свободнымъ соглашеніемъ самостоятельныхъ общинъ, члены которыхъ связаны между собой солидарностью и взаимностью.

Такъ выдающійся естественникъ-эколюціонисть, одинъ изъ блестящихъ представителей индуктивнаго метода въ геологіи и географіи, преображается въ страстнаго соціальнаго мыслителя-революціонера; уб'вжденный пламенный революціонный агитаторъ становится историкомъ. И, естественно, его вниманіе рано останавливаетъ на себ'в эпоха

революціонная по преимуществу.

И если въ «рѣчахъ революціонера» любимыми иллюстраціями являются событія великой французской революціи, если они представляются намъ типическими, то вполнѣ понятно, что уже въ 1878 году, П. А. Кропоткинъ принимается за изученіе интересующихъ его матеріаловъ.

Шли годы... По словамъ П. А. Кропоткина, онъ съ 1886 года изучалъ отдѣльныя событія революціи по литературнымъ матеріаламъ Британскаго музея, и, наконецъ, на закатѣ дней, почти семидесятилѣтнимъ старикомъ, въ 1909 году онъ издаетъ свою «Великую Французскую Революцію»—большой томъ въ 750 стр. слишкомъ.

Трудъ П. А. Кропоткина быль встръченъ съ большимъ одобреніемъ французскими учеными (Aulard) и съ ироніей нъмецкими (A. Wahl), но нашелъ лишь въ Россіи серьезный анализъ проф. Н. И. Каръева; да онъ и не могъ не вызвать разнаго отношенія критики, не могъ

остаться незамъченнымъ по своему оригинальному построенію.

По воззрѣнію автора, французская революція слагается изъ двухъ теченій: идеи политической реорганизаціи исходять отъ буржуазіи, которая сознала свою силу и стремится къ захвату власти; отъ народныхъ массъ,—городского пролетаріата и крестьянства,—которыя желаютъ немедленно улучшить свое экономическое положеніе, исходять активныя революціонныя выступленія.

Но едва сломана власть, союзъ буржуазіи съ народными массами прекращается; и буржуазія, представляемая Національнымъ Собраніемъ,

стремится использовать революцію въ свою пользу.

Тогда дёло революцій беруть въ свои руки массы. Рядъ революціонныхъ выступленій перемежаєтся періодами реакціи вплоть до 1794 года.

Народъ «великій незнакомець» создаеть самовольныя революціонныя организаціи, коммуны, которыя и являются «душой великой рево-

люціи».

Эти пародныя коммуны не отдёляются отъ народа и чрезъ посредство дистриктовъ, секцій и «трибъ» поддерживають съ нимъ непрерывную связь. Главными типическими представителями новаго свободнаго строя съ непосредственнымъ народнымъ самоуправленіемъ, съ организаціей общественнаго производства и потребленія являются 60 дістриктовъ, потомъ 48 секцій Парижа.

Буржуазія, представленная Жирондой, вступаеть въ борьбу съ Парижской коммуной, объединившей секціи, и Горой, защищающей на-

родную революцію.

Возстаніе 31 мая приводить къ гибели Жиронды. Слѣдствіемъ его является рѣшеніе земельнаго вопроса. Послѣ этого народъ, руководимый коммунистами, хочетъ итти дальше по пути обобществленія земли, промышленности и средствъ существованія, но встрѣчаетъ сопротивленіе Горы. Центральному правительству Копвента удается бюрократизировать коммуны и секціи, обратить ихъ, равно какъ и народныя общества, въ подчиненные органы.

«Такимъ образомъ народный организмъ революціи поражень въ самомъ корнѣ» (стр. 683), «революція, остановленная на полпути, гибнетъ» (стр. 686), и авторъ послѣ этого ограничивается сжатымъ изложеніемъ дальнѣйшихъ событій, «находя скучнымъ разсказывать объ интригахъ различныхъ партій...» «Революція кончена и народъ потерялъ

къ ней интересъ» (705 стр.).

Такимъ образомъ «Исторія Великой Франц. Революціи» Кропоткина является яркой иллюстраціей его соціальныхъ теорій, итогомъ умствен-

наго труда его жизни, лебединой пъснью писателя.

Многія положенія весьма спорны (напр., вопросъ обобществленія производствъ въ секціяхъ), иное освъщено весьма тепденціозно (эволюція Якобинскаго клуба и роль Робеспь ра), почти обойдено (дѣятельность Дантона), опущено (народные клубы),—но рѣзкая постановка вопроса о коммунъ и секціяхъ уже принесла пользу исторической наукъ: предъ нами цѣлый рядъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій объ этихъ революціонныхъ организаціяхъ.

Исполняются слова самого П. А. Кропоткина: «Будь силень, думай и дъйствуй со страстью,—тогда твой умъ, твоя любовь, твоя энер-

гія передадутся другимъ...»

A. M.

Тадеушъ Корзонъ.

(Къ пятилесятилътію научной дъятельности).

3-го ноября варшавское «Общество любителей исторіи» (Towarzystwo miłosnikow historyi) чествовало выдающагося польскаго историка Тадеуша Корзона, автора труда, составившаго эпоху въ новъйшей польской исторіографіи, «Внутренняя исторія Польши при Станиславъ Авrycrъ» (Wewnctrzne dzieje Polsкi za króla Stanislawa Augusta), первое изданіе котораго появилось въ 1882 — 1884 гг. Въ этомъ году исполнилось 50 лътъ съ начала литературно-научной и преподавательской дъятельности Корзона, и этоть юбилей совпаль съ 50-лътией же годовщиной другого событія въ жизни историка: въ 1862 г. Корзонъ восинымъ судомъ въ Вильнъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ этотъ, на которомъ настаивалъ ковенскій губернаторъ адмиралъ Кригеръ и который былъ вынесенъ съ нарушеніемъ формальностей военно-уголовнаго процесса, быль, однако, отмѣненъ, и Корзонъ былъ лишь сосланъ въ Оренбургъ на 5 лѣтъ; въ вину ему ставилось то, что его рукой были сдъланы помътки на прокламаціи патріотическаго содержанія, найденной у него во время обыска. Вернувшись изъ ссылки, Корзонъ поселился въ Варшавъ и занялся преподавательской деятельностью. Не занимая канедры въ университетъ, не будучи допущеннымъ къ преподаванію въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Корзонъ вынужденъ былъ давать частные уроки и запять м'всто преподавателя всеобщей исторіи въ коммерческомъ училищ'в

Кроненберга. Неблагопріятныя условія не пом'вшали, однако, сму вступить на путь самостоятельных научных изл'єдованій, основанных на
богатомъ архивномъ матеріалѣ. Основываясь на повыхъ матеріалахъ, Корзонъ выступилъ съ пересмотромъ положеній господствовавшей въ 80-хъ,
годахъ краковской школы историковъ (Шуйскій, Бобржинскій, Каминка).
Краковская школа, проводившая въ историческихъ трудахъ свое консервативное политическое міросозерданіе, доказывала, что паденіе Польшн было нензбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что она не создала сильной
монархической власти. Противъ этой точки зрѣнія и выступилъ Корзонъ, показавшій на эснованін богатаго цифрового матеріала, что въ
разныхъ областяхъ земли Польши конца XVIII вѣка замѣчалось
прогрессивное развитіе, несмотря на слабость королевской власти,—развитіе, которое и было прервано вмѣшательствомъ монархическихъ государствъ.

Корзонъ, видифишій представитель варшавской школы историковъ,

отличается отъ названныхъ выше историковъ краковской школы и пріемами изследоваонъ больше последнихъ обращаетъ вниманія на факты хозяйственные, широко нользуется статистическимъ матеріаломъ. Въ этомъ, быть-можетъ, сказалось то юридическое образованіе, которое Корзонъ получилъ въ Московскомъ университетъ. Корзонъ былъ студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета въ 1855 — 1859 гг. Онъ обратилъ на себя вниманіе работой «Сравнительный взглядъ на уголовное судопроизводство Англіи и Франціи». Ему предлагали заграничную командировку для приготовленія къ профессорскому званію, но онъ отказался, уфхаль на родину и поступиль на мъсто преподавателемъ исторіи Ковенской гимназін.

Въ Ковиѣ онъ и подвергся аресту съ описанными выше трагическими послѣдствіями. О пребываніи въ Москвѣ Корзонъ сохранилъ

T. Корзонъ. (Изъ Tygodn., Illust).

очень пріятнія воспоминанія, хотя сильно бідствоваль въ эти годы. Польская студенческая біднота, къ которой принадлежаль и Корзонъ, ютилась въ дешевыхъ квартирахъ Малой Бронной, Козихи и Патріаршихъ прудовъ, гді комнату можно было получить за 3 р. въ місяцъ, и обідала въ самой дешевой столовой, хозяйка которой за два рубля въ місяцъ, и обідала въ самой дешевой столовой, хозяйка которой за два рубля въ місяцъ отпускала обідъ изъ двухъ блюдъ; благодітельница эта иногда. впрочемъ, разрішала себі «льготные дни» и заявляла столовникамъ, что «сегодня обіда не будетъ, такъ какъ печь развалилась». Лістомъ жили на дачі въ Богородскі и питались молокомъ. Большой популярностью, вспоминаетъ Корзонъ, пользовался среди студентовъ ніскій Чистяковъ, который держалъ для впду бакалейную лавочку, но больше занимался ссудой денетъ подъ высокіе проценты и подъ залогъ часовъ и платья Воспоминанія Корзона о студенческихъ годахъ въ Москві напечатаны въ сборникъ, изданномъ польскимъ благотворительнымъ обществомъ въ Москві въ 1905 г. подъ заглавіемъ «Znicz».

Л. Козловскій.

М. О. Казаковъ.

(По поводу столътія со дня смерти).

Царствованіе Екатерины II—это царствованіе классическихъ идеаловъ

въ русскомъ искусствъ, русскомъ зодчествъ.

Ръдко когда искусство было такъ органически связано съ жизнью того общества, особенно пышнаго общества той былой, екатерининской эпохи. Это искусство не было ненужной прилъпой, не было только украшениемъ жизненнаго уклада, а было нужно тогдашнему обществу.

Главной законодательницей культурныхъ настроеній во второй половинъ XVIII въка являлись, безспорно, Франція, отчасти Англія; но Франція вся отдалась этому классическому въянію и такъ ярко

М. Ө. Казаковъ.

этому классическому выянно и такь ярко выражала его въ стихахъ Расина и Корнеля, и въ искусствъ все блестящее, все, чъмъ была полна эпоха Ватто,—теперь уступило мъсто строгому, простому и античному.

Въ архитектуръ эта античность стала идеаломъ, воскресъ духъ Палладіо и появился цълый рядъ блестящихъ художниковъ.

Не могла стоять особнякомъ Россія въ этомъ стремленіи къ классическому и простому и, разъ искусство ея было занесеннымъ, заимствованнымъ, то и естественнымъ стало и у насъ въ Россіи это изученіе классическихъ формъ, и измѣненіе ихъ въ такомъ искусствъ, какъ зодчество, теперь стало вполнъ понятнымъ.

Къ концу екатерининскаго царствованія у насъ быль цёлый рядь архитекторовь, русскихъ зодчихъ, отлично усвоившихъ въ него классическео направленіе и внесшихъ въ него

свое своебразное пониманіе красоты и по-своему выразившихъ эту красоту. Среди русскихъ зодчихъ имя Матвъя Өедоровича Казакова останется навсегда памятнымъ и славнымъ именемъ.

Этотъ художникъ затмилъ собой славу многихъ своихъ собратій и во многомъ превосходить прославленнаго В. И. Баженова. Москвичъ, никогда не бывавшій за границей, не учившійся въ Академіи — Казаковълично себъ обязанъ, своему творческому духу, своему въ высшей степени ръдкому художественному интеллекту.

Это не бы в только строитель—нъть, это быль огромный художникъ, сумъвшій изучить классическую архитектуру и перевозсоздать ея кра-

соту и выразить такъ просто, такъ благородно эту красоту.

Глядя теперь на сохранившіяся его творенія, изумляешься, съ какой легкостью они выстроены, какъ изящны эти зданія, воздушны, несмотря на ихъ монументальность.

Сынъ «подканцеляриста главнаго комиссаріата» Казаковъ, обучившись въ школѣ кн. Ухтомскаго — тогдашней единственной академіи и единственной художественной школѣ Москвы, — вышелъ изъ нея сформировавшимся талантомъ. Тамъ въ этой школѣ или, какъ именовалась она тогда, «командѣ», Казаковъ почерпнулъ знакомство съ классической архитектурой; кн. Ухтомскій былъ поклонникомъ античнаго зодчества, и онъ сумѣлъ заинтересовать и выдѣлить своего талантливаго ученика.

Конечно, Казакову извъстны были всъ тогдашніе увражи, выходившіе въ свъть главнымъ образомъ во Франціи; по Казаковъ не перечертиль только эти увражи, не занялся повтореніемъ готовыхъ формъ, нѣть—онъ посмотръль на нихъ съ иной стороны, онъ вдохнулъ въ нихъ какую-то теплоту, придалъ всему монументальному тоть оттънокъ чего-то уютнаго, чъмъ была такъ полна Москва въ концъ XVIII въка. Эту уютность Казаковъ передалъ и зданіямъ чисто офиціальнымъ, и зданіямъ «партикулярнымъ»,—а, создавъ рядъ красивыхъ формъ, онъ тъмъ самымъ подготовиль тотъ типъ милыхъ особняковъ и барскихъ усадебъ, которые и до сихъ поръ плъняютъ насъ своей красивостью.

Этотъ великій зодчій разсказаль намъ въ такихъ простыхъ словахъ такую возвышенную поэтическую повъсть о красотъ; онъ показалъ намъ истинную красоту—истинную потому, что она проста, и простота казаковскихъ твореній надолго останется намъ идеаломъ, почти такимъ же, ка-

кимъ являлся въ ту эпоху великій Палладіо и Витрувій.

Сохранился рядъ зданій, исполненныхъ Казаковымъ, и изъ нихъ лучшее твореніе — это зданіе Окружнаго Суда въ Кремлѣ, съ его очаровательной «круглой» залой, такой воздушной, такой граціозной и такой простой. А еще большей простотой вѣетъ отъ другого зданія — это Голицынская больница (1794), храмъ которой надолго останется образцомъ зодчества XVIII вѣка.

Невдалекъ отъ Голицынской больницы была выстроена Казаковымъ «публичная галлерея» — красивое зданіе, предназначавшееся ея строителемъ кн. Д. М. Голицынымъ подъ музей; это былъ первый музей съ произведеніями искусствъ, но, къ сожальнію, сокровища, въ немъ бывшія, были распроданы въ 1818 г. на нужды больницы и само зданіе перестроено было для больничнаго корпуса.

Казаковъ, выстроивъ зданіе университета (теперь измѣненное зданіе «стараго» университета), выстроилъ великолѣпную залу Благороднаго Собранія, выстроилъ цѣлый рядъ дворцовъ частнымъ лицамъ, какъ, напр., домъ Безбородко (впослѣдствіи Слободской дворецъ)—домъ, отъ котораго

приходиль въ восторгъ Августь Понятовскій.

Искренне восхищалась утонченная художница Виже-Лебренъ другимъ интереснымъ домомъ—это домомъ кн. А.Б. Куракина, восторгались современники, глядя на домъ гр. А.К. Разумовскаго на Гороховомъ полъ (теперь отд. Сиротск. Николаевскаго института); домъ этотъ былъ «украшенъ всъмъ, что только можетъ придумать зодчество, соединяя пышность съ простотою» — такъ описывали творчество Казакова современники.

Когда быль задумань Баженовымь Кремлевскій дворець, который не быль осуществлень, но граціозный проекть котораго изумляль даженностранцевь, то къ «прожектированію» этого дворца быль приглашень

Казаковъ, какъ архитекторъ значительный и талантливый.

Но въ Кремл'я Казаковъ усп'ялъ построить только домъ для митрополита Платона—теперь перестроенный Николаевскій дворецъ, а ц'ялому ряду другихъ его интересныхъ проектовъ («экзерцицъ-гауза», дворцовыхъ построекъ) не суждено было осуществиться ¹).

Но въ рядѣ разныхъ казенныхъ строеній Казаковъ проявилъ ори-

гинальное уклонение своего творчества.

Это уклоненіе выразилось въ исканіи новыхъ какихъ-то полурусскихъ, полуготическихъ формъ, что сказалось такъ ярко въ зданіи Петровскаго дворца, Царицынскаго и неосуществившихся проектовъ дворцовъ въ с. Булатниковъ и Коньковъ (недалеко отъ Царицына).

Но эта экзотичность только еще разъ показала богатство духа великаго зодчаго, его недовольство своими созданіями, его стремленіе къ новымъ формамъ. Но великимъ Казаковъ останется въ своихъ совершенныхъ классическихъ твореніяхъ, въ которыхъ такое ему только присущее пониманіе античной красоты.

Изумительна д'ятельность Казакова! Не было ни одного казеннаго и частнаго зданія, въ которомъ Казаковъ не участвовалъ или своими д'я-

лами или совътами.

Рѣдкая работоспособность, рѣдкое усердіе, «неутомимое во всю жизнь снисканіе ученѣйшихъ познаній», приводили въ изумленіе современниковъ и радуютъ теперь насъ тѣмъ, что Москва дала намъ такого великаго зодчаго, сто лѣтъ тому назадъ окончившаго свою долгую жизнь тамъ, гдѣ-то въ Рязани, куда уѣхалъ Казаковъ при нашествіи французовъ и при сожженіи дорогой ему Москвы, которую онъ изукрасилъ лучшими зданіями.

Да и не одна Москва обязана своей былой красотой Казакову — сколько вліянія было его и въ провинціи, куда часто командировался онь: то для отстройки сгоръвшей Твери, гдъ сохранился имъ перестроенный дворець (теперь губернаторскій домъ), то Казаковъ ъздилъ въ Калугу, когда было образовано Калужское намъстничество и гдъ Екатерина хотъла строить себъ дворець. Въ Калугъ сохранился домъ Кологривовой — прелестное Казаковское созданіе.

Быль цёлый огромный проекть выстройки всего города по указанію Казакова— это г. Екатеринославь, тогда только что зародившійся,

гдъ Потемкинъ желалъ выстроить цълый авинскій акрополь.

Нужно удивляться еще тому, какъ Казаковъ среди такой массы дълъ находилъ время заниматься, напр., гравированіемъ и до насъ дошли три офорта, имъ гравированные, въ духѣ пиралези, — ихъ подробно описалъ Ровинскій и передалъ ихъ вмъстъ съ своимъ богатымъ матеріаломъ въ Румянцевскій музей.

Возникла цізлая школа послівдователей и учениковъ Казакова, — школа, оставившая намъ рядъ красивыхъ зданій уже слівдующей эпохи — эпохи Етріге, эпохи, довершающей собою блестящую пору екатерининскаго классицизма, — лучшимъ выразителемъ котораго былъ забытый

геніальный Казаковъ.

И. Бондаренко.

Акварель E. Lami въ Румянцевскомъ музењ.

Въ картинной галлереъ Румянцевскаго музея (залъ 11-ый) выставленъ недавно акварельный рисунокъ Е. Lami изъ собранія рисунковъ, принадлежащихъ музею. Акварель (разм.: 50 с. ш., 33 с. в.) изображаетъ

 $^{^{1)}}$ См. о нихъ подробно пашъ очеркъ «Архитекторъ» М. Ө. Казаковъ (1833—1812) изд. Моск. Архитект. Общ.

«Русскій отдѣлъ на Всемірной Лондонской Выставкѣ 1851 года». На рисункѣ справа подпись «Eugène Lami 1851. Londres».

Прямой наслёдникъ французскихъ иллюстраторовъ XVIII века, Eugène Lami родился въ 1800 г. (12 янв.) въ Парижѣ и, проживъ долгую жизнь, полную непрерывной творческой работы, скончался тамъ же въ 1890 г. (19 декаб.) 1). Этотъ человѣкъ былъ свидѣтелемъ по крайней мъръ десяти политическихъ режимовъ, смънившихъ другъ друга въ теченіе XIX в. во Франціи. Онъ пережиль и рядь духовныхь революцій, направлявшихъ исторію французскаго искусства въ XIX въкъ. Онъ видълъ битвы и слышалъ лозунги романтиковъ, реалистовъ, импрессіонистовъ. Не примыкая ни къ одной изъ этихъ группъ всецёло, онъ всегда оставался самъ собой. Ни Horace Vernet съ его рутиннымъ мастерствомъ, ни Gros съ его запоздавшимъ классицизмомъ, первые учителя Lami, не могли заглушить въ немъ полнаго жизни, изящнаго бытописателя. Громадное вліяніе оказали на Lami огненный, въ изображеніи движенія Gèricault и предшественникъ импрессіонизма англичанинъ Bonnington. По его совъту, Lami совершилъ въ 1824 г. первую поъздку въ Англію, куда неоднократно возвращался впоследствіи. Онъ подолгу вглядывался въ Англіи въ произведенія Ванъ-Дейка, Reynolds'a, Lawrence'a и Constable'я, и эти впечатлънія развивали его какъ колориста. Акварель сдёлалась излюбленной техникой Lami, въ которой онъ достигъ зам'вчательнаго мастерства. Движеніе и изящная гармонія красокъвотъ типичныя черты его таланта. Въ изображеніяхъ баталій, модномъ тогда родъ живописи, прославившемъ его учителя Vernet, Lami умълъ схватить красоту живописнаго движенія и использовать цвътныя пятна мундировъ какъ элементы колоритныхъ сочетаній. Онъ былъ, по преимуществу, изобразителемъ высшаго придворнаго свъта, всего, что радовало глазъ красотою красокъ и движенія: блестящихъ празднествъ (зам'вчательна его большая акварель «Праздникъ, устроенный Наполеономъ III въ честь королевы Викторіи въ залъ Версальскаго театра въ 1855 г.), парадовъ и баталій, скачекъ, жизни замковъ, soirées de galas при дворахъ Луи Филиппа и 2-ой имперіи, обнаженныхъ плечъ, строгихъ фраковъ и блистающихъ мундировъ, люстръ и колоннадъ. Любезный, скромный, изящный и уравновъшенный, принятый и при дворъ, и среди художниковъ, и за кудисами театровъ, и въ спортивномъ мірѣ, онъ самъ быль человькь этой эпохи и казался близкимь и своимь въ томь обществъ, которое онъ изображалъ. Дэнди Lami и буржуа Daumier взаимно дополняють другь друга. Lami быль извъстень и своими литографіями (Collections des uniformes dés armées françaises; Voyage a Londres; Quadrille de Marie Stuart, danse devant la duchesse de Berry), и какъ иллюстраторъ (иллюстраціи къ произведеніямъ его друга Alfred de Musset и къ изданіямъ Janin «L' Hiver» и «L' Eté à Paris»). Въ теченіе послъднихъ 20 лътъ жизни Lami нисалъ исторические жанры, изображавшие дворъ Людовика XIV и эпохи Регентства.

Какъ всъ произведенія Е. Lami, и акварель изъ собранія Румянцевскаго музея— безцънный документь въ смыслъ бытовой картинки. Въ яркихъ и правдивыхъ чертахъ воскресаетъ передъ зрителемъ внъшняя культура эпохи и особенно своеобразная красивость формъ и линій, созданныхъ модой того времени. Lami тонко понималъ красоту и прелесть современныхъ ему нарядовъ; опъ былъ настоящимъ живописцемъ

современности.

Недавно вышла превосходно и роскопно изданная монографія о творчествъ Lami P. A. Lemoisne Eugène Lami (1800—1890) Paris, Manzi, Joyant et C-e 1912 См. также I. Laran Eugène Lami, Gaz. des Beaux-Arts 1912.

Эта эфемерная условная краса моды, точно легкая капризно-своевольная и опьяняющая пъна, безпрестранно умираетъ и рождается на поверхности житейскаго моря, какъ отражение самыхъ разнородныхъ силъ, кинящихъ въ глубинъ его. Міросозерцаніе эпохи, ся психическое настроеніе, случайное событіе, возбудившее общее вниманіе, причудливая выдумка отдъльнаго лица — все питаетъ моду въ тысячъ ея разнообразныхъ вилоизмененій. Исторія быта и культуры давно отметила и изучила всь смънявшія другь друга фазы моды, но объяснить научно и убъдительно для всёхъ внутренюю логику данной фазы, связать ее съ опредъленной психологіей эпохи, съ той или другой общею причиной, короче, выяснить законом'трность каждаго явленія моды еще не удавадось до сихъ поръ историкамъ. Впрочемъ, можетъ быть отмъчена одна ловольно постоянная особенность въ развитіи моды — это стремленіе подчеркивать, преувеличивать 1). Безсознательно присуще каждой модъ стремленіе выд'влить то ту, то эту часть фигуры. Преувеличеніе продолжается до твхъ поръ, пока не переходить въ полную безсмыслипу, недопустимую по внъшнимъ условіямъ дъйствительности. Тогда наступаеть ръзкій повороть къ противоположному принципу. Длинныя узкія женскія фигуры въ платьяхъ empire, съ поднятою чуть не къ подбородку грудью, переходять въ 20 и 30-хъ годахъ XIX в. въ укороченныя и безмърно широкія въ плечахъ, съ «осиной таліей», при чемъ широта фигуры становится почти равной высотъ ея. Въ началъ 40-хъ годовъ наступаетъ сравнительно короткое затишье, когда фигура женщины приблизилась къ ея нормальному виду въ модахъ того времени, съ узкими рукавами, тъсно прилегающимъ корсажемъ и умъренною широтою юбки. Но дальше начинается тъмъ болье неудержимое стремленіе къ новымь крайностямь. Объемь юбки постепенно начинаеть расширяться и достигаеть къ 1860 году 10 метровъ въ окружности. Чтобы придать линіямъ округлость, на помощь призывались конскій волось, тростникъ, китовый усь, крахмалъ и безконечное количество надътыхъ одна на другую юбокъ, пока всю эту громоздкую тяжесть не смениль наконець легкій кринолинь (отъ стіп — конскій волосъ). Эту клітку изъ стальныхъ полосъ всего полфунта въсомъ (Thomsons «cage diamant») привътствовали какъ освобожденіе, и она доставила своему изобрътателю въ теченіе 4-хъ недъль 250.000 fr. Воланы (volant), оборки кругомъ юбки, изъ кружевъ, тюля или тарлатана также были средствомъ расширять объемъ юбки. Въ 1840 году еще довольствуются однимъ воланомъ, въ 46-омъ году число ихъ достигаетъ 9-ти, въ 52-омъ году — 15-ти, въ 58-омъ году — 25-ти. Въ 1859 году на одномъ балу на императрицъ Евгеніи было платье изъ бълаго атласа съ 103-мя воланами изъ тюля! Воланы красиво подбирались въ различныхъ оттънкахъ и цвътахъ и богато украшались еще сверхъ того кружевами, рюшами, лентами и вышивками. Много нужно было ловкости, вниманія къ себъ и выдержки, чтобы носить такое платье съ тъмъ изяществомъ и граціей, которыя присущи всъмъ этимъ фигуркамъ въ произведеніяхъ Е. Lami и другихъ художниковъ той эпохи. Протянуть руку своему ребенку, пройти въ обыкновенную дверь, прилечь на софу, усъсться въ экипажъ для дамы въ кринолинъ было трудною задачей, требовавшей терпъливаго характера. Особенно должны

¹⁾ См. *M. von Bochn. O. Fischel* Die Mode im 18-ten Jahrh и тъхъ же авторовъ Die Mode im 19-ten Jahrn München 1908, одно изъ лучшихъ изданій послъдняго времени по этому вопросу; изъ него взяты приводимыя ниже фактическія данныя изъ исторіи моды.

Акварель Е. Гаті въ Румянц. музет.

Русскій отдълъ на всемігной выставкѣ въ Лондонъ въ 1851 году.

были страдать отъ этой моды мужчины. Между все шире раздувавшихся кринолиновъ имъ почти не оставалось мъста на свътъ. Всюду и во всемъ имъ приходилось уступать и отступать передъ новой модой. Естественно, что ея фантастическія и необычайныя формы вызывали безконечные нанадки и насмъщки современниковъ и давали обильный матеріалъ для карикатуристовъ той эпохи. Но мы, потомки, не знающіе неудобствъ кринолина и волановъ, можемъ отнестись къ нимъ болъе спокойно. Въ качествъ типичнаго явленія эпохи, придающаго ей опредъленный стиль, мода получаеть для насъ цённый художественный смыслъ. Какъ въ каждой изжитой формъ прошлаго, историкъ цънить въ ней печать времени, ея своеобразность, индивидуальность, то, что она вообще существовала нъкогда, независимо отъ раціональности ея формъ. Тъмъ болже, если эти формы прошли черезъ призму творчества Е. Lami. Тогда ихъ линіи и краски образують чудныя гармоніи, слагаются въ проникнутый внутреннимъ единствомъ организмъ искусства. Тогда и отрицательное въ жизни претворяется искусствомъ въ обаяние эстетически

прекраснаго.

Примъромъ служить акварель Lami въ Румянцевскомъ музеъ. На ней изображенъ выставочный павильонъ изъ стали и желъза. На фонт его стыть, обтянутыхъ краснымъ, выдъляются издълія изъ малахита, вазы разныхъ формъ и величинъ и посреди нихъ фагфоровая ваза императорскаго завода, съ написанной на ней сфровато-розовыми красками картиной. Но вещи сами только фонъ для людей, тонко и любовно представленныхъ художникомъ. Впечатлъніе легкости, изящества и жизни наполняеть всю картину. Чертами полными характера, стиля и движенія передаеть Lami каждую фигурку: даму съ такой хрупкой тоненькою таліей и рядомъ съ нею господина въ костюмъ, многоцвътномъ и вмъстъ мягко-гармоничномъ, или другую даму справа въ ярко-лазоревыхъ перчаткахъ, на которой отъ легкаго и быстраго движенія плавно колеблется пышное облако волановъ на слегка подобранномъ рукою платьъ. Замъчательно использовалъ Lami прозрачность акварели для изображенія глубины воздушнаго пространства и эффектовъ свъта въ общирномъ павильонъ. Но что особенно красиво и типично для Lami — это серебристо-сърая гамма его красокъ, въ которой сочетались съ поразительной гармоніей разнородныя цвътныя пятна. Тона розовый и сфрый, который мъстами сгущается до синяго, составляють самую основу этой гаммы; въ живомъ контрастъ съ ними выступаютъ иятна золотисто-палевыхъ тоновъ въ платьяхъ, въ канделабрахъ, въ вазахъ. Естественнымъ и лучшимъ дополнениемъ къ этимъ основнымъ цвътамъ служитъ красный цвътъ, особенно любимый Lami. По своеобразному характеру краснаго тона всегда можно узнать его произведенія. Сильный красный тонъ, нъсколько холодный отъ света, образуетъ фонъ для надписи вверху; онъ сгущается въ тени, подъ навесомъ красной панели, до темно-малиноваго тона; тотъ же красный цвътъ, освъщаясь постепенно, снова выступаеть въ слегка коричневатой шали (слъва, рядомъ съ вазами), въ эффектномъ пятнъ офицерскато мундира, и ярко и тепло загорается подъ солнечнымъ лучомъ, озарившимъ правый уголъ картины. Завершая эти сочетанія, художникъ переходить къ песочной полось пола внизу, къ коричневымъ и синеватымъ балкамъ жельзныхъ переплетовъ вверху и, для усиленія глубины пространства, къ темной фіолетово-коричневой одеждѣ дѣвочки справа. Какую-то особую повышенную остроту жизни вносять сверхъ того разбросанныя кое-гдъ пятна свътло-зеленоватаго и ярко-голубого тона (шаль, перчатки, зонтики, полосы справа на стѣнъ). И объединяя все это богатство и въ то же

время повышая по контрасту силу всёхъ тоновъ, сверкаютъ пятна абсолютно бёлаго въ буквахъ надписи, въ лосинахъ офицера, въ круг-пыхъ лампахъ канделабровъ. Прибавьте къ привлекательности красокъ нервный и изящный рисунокъ Lami, блескъ и легкость ударовъ его кисти, глубину и мягкость точно еще влажныхъ и насыщенныхъ пятенъ, п вся картина покажется вамъ полною движенія, нѣжной и воздушной точно тюлевый воланъ, изящно оживленный цвѣтистою гирляндой.

Такъ оживаетъ въ толкованіи Е. Lami, преображающаго жизнь въ своемъ творчествъ, красивая причудливость этой моды, столь абсурдной по общему ея характеру. Но «въчно женственное» смягчало въ жизни жесткую нелъпость этихъ линій исходящимъ изъ него изяществомъ и граціей, а искусство ловило эти отраженія живой человъческой души и собрало ихъ въ своемъ «магическомъ кристаллъ». Тогда, отраженный въ его граняхъ, весь этотъ базаръ житейской суеты и тщеславія засверкаль новой высшей красотой, и свъть ея сталь озарять исканія жизни.

Больше, чёмъ къ кому-нибудь, подходятъ къ Е. Lami мёткія слова Гонкуровъ: «Талантъ, это способность влагать въ то, что ты дёлаешь, часть рисунка, который зам'ячаешь ты самъ,—и только ты одинъ.— въ чертахъ современной жизни,—это сила и, я бы сказалъ, см'ялость отважиться на цв'ятъ, который ты видишь своимъ зр'яніемъ парижанина XIX в'яка».

Н. Романовъ.

Музей изящных искусствъ императора Александра III въ Москвъ.

Музей правильние было бы назвать музеемъ скульптуры: и живопись и архитектура представлены въ немъ пока въ очень незначительномъ объемъ, какъ бы случайно. Зато собрание гипсовыхъ слъпковъ скульптуры богато до роскоши въ отдълъ греческаго искусства и довольно полно для итальянскаго Возрождения.

Такое собраніе пресл'вдуеть ц'вли двоякаго рода: чисто-педагогическія и эстетическія. Насколько велико его педагогическое значеніе, какъ нагляднаго пособія при изученіи исторіи, объ этомъ говорить не приходится. Каждый день по заламъ его проходять экскурсіи учащихся, количество которыхъ показываеть, до какой степени назр'вла потребность

въ учрежденіи такого рода.

Но на ряду съ этимъ возникаетъ вопросъ о художественной цѣнности коллекціи, состоящей преимущественно, а въ большинствѣ отдѣловъ даже исключительно изъ слѣпковъ. Слѣпки, конечно, не копіи; въ нихъ не можетъ быть ни грубыхъ, ни мелкихъ опибокъ, ни отступленій отъ оригиналовъ, которыя такъ непріятны всегда въ работахъ копистовъ. Въ слѣпкахъ дается чисто-механическая перепечатка оригиналовъ. Это своего рода скульптурная фотографія; передъ обычной свѣтовой фотографіей техника слѣпковъ имѣетъ преимущества пластичности и точнаго воспроизведенія размѣровъ оригинала, зато уступаетъ ей въ тонкости передачи: гипсъ слишкомъ грубый матеріалъ, въ немъ теряются неуловимыя черточки, невидимыя глазу и все же вліяющія на впечатлѣніе неровности поверхности; въ истинномъ произведеніи искуства нѣтъ главнаго и второстепеннаго, есть только единое цѣлое, и малѣйшее нарушеніе художественной гармоніи можетъ уничтожить впечатлѣніе.

Воть, напримъръ. чудесный архаическій рельефъ—рожденіе Афродиты. На оригиналѣ всѣ подробности кажутся созданными причудливой игрою волнъ, изъ которыхъ выходитъ богиня. Достигается такое впечатлѣніе тѣмъ, что не только въ контурахъ фигуръ, но и въ мельчайшихъ деталяхъ преобладаютъ волнистыя линіи. Эти линіи на слѣпкѣ сгладились, потеряли пластичность, и вся композиція застыла въ мертвенной неподвижности. Печально то, что въ слѣпкахъ больше другихъ теряютъ лучшія произведенія искусства: скульптуры Пареенона, Гермесъ Праксителя и всѣ безъ исключенія произведенія Микель Анжело. Зато древніе Аполлоны съ Іонійскихъ острововъ, или безпомощныя скульптуры романскаго стиля вышли такъ хорошо, что ихъ трудно было бы отличить отъ оригиналовъ. Удачны и замысловатыя бездѣлушки эллинистической эпохи и произведенія римской подражательной скульптуры. Пропасть, отдѣляющая искусство творческое отъ искусства, близкаго къ ремеслу, здѣсь сильно уменьшилась.

Бронзы передаются лучше, чёмъ мраморъ, фактъ понятный самъ по себё: художникъ, готовящій модель, считается съ неизбёжнымъ при отливаніи статуи въ форму исчезновеніемъ тончайшихъ подробностей и соотвётственно измёняеть пріемы. Большое значеніе имѣетъ раскраска

гипса «подъ бронзу».

Комнаты въ обоихъ этажахъ музея расположены вокругъ центральныхъ залъ, широкой, цвътнымъ мраморомъ выложенной лъстницы

главнаго входа и двухъ внутреннихъ двориковъ.

Оба очень эффектны, но произведенія искусства, разм'єщенныя въ нихъ, сильно пострадали. Въ «греческомъ» дворик'є особенно неудачна попытка воспроизвести уголъ Пареенона; три колонны его, ушедшія основаніемъ въ подвальный этажъ, сдавленныя стѣнами и потолкомъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе и, конечно, не могутъ дать и отдаленнаго понятія о строгой гармоничности самаго логичнаго изъ всѣхъ архитектурныхъ стилей. Нѣсколько удачнѣе каріатиды Эрехтейона, поставленныя, къ сожалѣнію, гораздо выше угла Пареенона. Лучше всего изящный памятникъ Лизикрата съ легкими колоннами и граціозными

капителями коринескаго стиля.

Въ «христіанскомъ» дворикѣ преобладаетъ эпоха Возрожденія. Онъ весь напоминаль бы своимъ видомъ внутренній дворъ флорентинскаго палаццо, если бы не нарушали гармоніи тяжелый романскій порталь собора Фрейберга Саксонскаго, да полуготическая работа Петера Фишера — гробница св. Зебальда. И здѣсь же произведенія итальянскихъ мастеровъ Возрожденія; среди нихъ Давидъ Микель-Анжело, и конныя статуи кондотьеровъ работы Донателло и Вероккіо—произведенія, предназначавшіяся не для закрытыхъ помѣщеній; оригиналы двухъ послѣднихъ до сихъ поръ стоятъ на площадяхъ, на возвышенныхъ постаментахъ. Въ двухъ дворикахъ сосредоточено все, что даетъ пока музей по исторіи архитектуры, если не считать стильной декораціи потолковъ отдѣльныхъ залъ и нѣкоторыхъ дверей да отдѣлки египетскаго зала, занимающаго въ музеѣ совсѣмъ особое положеніе.

Въ немъ помъщена оригинальная египтологическая коллекція В. С. Голенищева. Значеніе ея, главнымъ образомъ, культурно-историческое. Для изученія исторіи искусства древняго Египта собраніе Голенищева даетъ только небольшое число работъ, такъ что и здѣсь пришлось прибъгнуть къ слѣпкамъ; ихъ выставлено, впрочемъ, немного. Среди оригиналовъ преобладаютъ надгробныя стелы съ рельефами и іероглифами.

За выразительными художественными изображеніями челов' ка на рельефахъ времени пирамидъ (особаго вниманія заслуживаютъ рельефы изъ мастаба чиновника Иси), слъдують грубо натуралистическія, приземистыя фигуры средняго царства, которыя, въ свою очередь, уступають мъсто изящнымь, но неръдко формально трактованнымъ рельефамъ новаго царства. Свободныя группы древняго царства, къ сожалѣнію, посредственной работы. Изъ эпохи средняго царства имжется прекрасно сдъланный небольшой портретный бюсть Аменемхета III-дъйствительно. художественная работа, въ которой условность, обычная въ египетской скульптуръ, не мъщаетъ ни тонкой характеристикъ, ни очевидному портретному сходству. Среди обломковъ менъе интереснаго не самостоятельнаго искусства позднёйшихъ эпохъ видное мёсто занимаетъ собраніе портретовъ изъ Фаюма. Портреты эти, шзображенія умершихъ, рисованныя красками на тонкихъ деревянныхъ дощечкахъ, -- клались въ могилы вмѣстѣ съ муміей. Они относятся къ началу нашей эры и особенно цѣнны, какъ отголоски погибшей греческой живописи и выросшей изъ ея духовнаго наследія живописи эллинистической. На многихъ изъ этихъ портретовъ видно добросовъстное стараніе художниковъ сохранить черты умершаго. Краски сохранились превосходно. Умълое пользование ими показываеть высокое развитие техническихъ приемовъ.

Главное богатство египетской коллекціи музея составляють всф ть хуложественныя и нехуложественныя мелочи: статуэтки, амулеты, украшенія, предметы культа и роскоши, которыя позволяють заглянуть въ бытъ страны Нила. И эти произведенія расположены тоже по эпохамъ въ строгомъ порядкъ. Ихъ сохранилось больше отъ позднъйшихъ временъ, но есть и предметы очень древніе, въ род'в относящихся къ эпохъ средняго царства моделей лодокъ, въ которыхъ мертвый съ богомъ Ра пробажаетъ по загробному міру, или древнихъ папирусовъ-списковъ «книги мертвыхъ» и описаній загробной жизни временъ новаго царства. Къ этому же времени относятся муміи Озириса, статуи ушебти-отвътчиковъ за умершаго въ загробномъ міръ. Особенно велико количество всевозможныхъ амулетовъ, отъ дурного глаза, отъ укуса змъй и др., скорабеевъ-печатей и скорабеевъ-замъстителей серденъ мумій: много статуэтокъ Горуса и Беза — безобразнаго покровителя красоты. Разрисованные ящики для мумій и самыя муміи. Канопы-сосуды, въ которыхъ сохранялись внутренности умершихъ. Различныя украшенія и туалетныя безд'ілушки. Ц'ілый міръ сложной и своеобразной культуры. Своей отдёлкой залъ напоминаетъ крытый ипостиль египетскаго храма. Тяжелыя колонны, поддерживають потолокъ, — звъздное небо съ летящими въ среднемъ полъ коршунами верхняго Египта.

За азіатскимъ заломъ слѣдуетъ самый обширный въ музеѣ отдѣлъ греческаго искусства. Начинаясь внизу двумя залами раннихъ архаиковъ и эгинетовъ, онъ занимаетъ еще 9 залъ верхняго этажа. Передъ зрителемъ въ послѣдовательномъ развитіи проходятъ произведенія ранняго архаизма, улыбающіеся застывшею улыбкою Аполлоны, которые не умѣютъ еще согнуть колѣни; дальше расцвѣтъ архаизма: научившіеся свободному и сильному движенію эгинеты; фронтоны храма Зевса въ Олимпіи и рельефъ рожденія Афродиты. Рядомъ нарождающееся новое искусство: реализмъ Мирона и исканія пропорціи Поликлета. Большой залъ Фидія и скульптуръ Пароенона; по карнизу его длинной лентою тянется фризъ — процессія идеализированнаго авинскаго парода. Вся исторія неутомимо идущаго впередъ развитія греческаго искусства въ VI, V и IV вѣкѣ представлена очень полно, даже роскошно: если произведеніе художника извѣстно въ нѣсколькихъ репликахъ — даны

часто слѣпки со всѣхъ (мироновскій Дорифоросъ); если оно сохранилось въ испорченномъ видѣ и кромѣ оригинала имѣются реставраціи, мы видимъ слѣпки и оригинала и реставраціи (Нике Пейонія). Собрано почти все, что можно было собрать, что заслуживало вниманія и въ этой полнотѣ коллекціи — главная цѣнность ея. Послѣ залъ Праксителя, Скопаса и Лизиппа начинаются эллинистическія школы, представленныя въ ихъ лучшихъ произведеніяхъ, но уже съ меньшей полнотою; великолѣпный пергамскій алтарь воспроизведенъ пока только отчасти, недостаетъ и многихъ извѣстныхъ статуй.

Римской скульптуръ посвящень одинь залъ: здъсь собраны бюсты римскихъ императоровъ, нъсколько статуй и помпеянскія бронзы (въ наибольшемъ, сравнительно, количествъ). Всего интереснъе оригинальное собраніе римскихъ монеть отъ Юлія Цезаря до паденія имперіи. Прекрасная чеканка даетъ представленіе о томъ, какими хорошими портретистами были римляне. Во времена Константина и послъ него техника грубъетъ, понижается и художественная пънность выдълки. Об-

щій упадокъ искусства отражается и здёсь.

Гораздо бѣднѣе представлены средніе вѣка: въ одномъ залѣ размѣщены (и даже довольно просторно) и ранне-христіанское искусство и романскій стиль и готика. Надо надѣяться, что въ будущемъ отдѣлы эти будутъ расширены. Здѣсь особенно останавливаютъ вниманіе стоившіе колоссальнаго труда рисунки, воспроизводящіе живопись въ катакомбахъ и великолѣпно скопированныя мозаики Равенны и Венеціи. Готическая скульптура много теряетъ внѣ связи съ архитектурой. Странно тоже видѣтъ Никколо Пизано въ обществѣ сѣверныхъ мастеровъ.

Скульптура итальянскаго Возрожденія занимаеть 2 зала. Въ первомъ собраны произведенія кватрочентистовъ, Донателло и его современниковъ. По счастью, туть много бронзы: бронзовыя двери Гиберти, рельефы сіенскаго баптистерія, рельефы алтаря падуанскаго собора работы Донателло, его же распятіе, два изображенія Крестителя и маленькій Давидъ. Все это, какъ всѣ бронзы коллекціи, выполнено очень удачно и близко къ оригиналамъ. Гораздо слабѣе мраморная кафедра и гробница Лука делла Роббіа, произведенія Кверчіа, Бенедетто да Майяно и всѣ вещи Донателло, сдѣланным не изъ бронзы. Донателло представлень всего богаче, но далеко не всѣ вещи его воспроизведены. Творчество другихъ художниковъ характеризовано часто очень немногими ихъ вещами.

Зала чинквеченто во всемъ музет производить едва ли не самое грустное впечатленіе. А между темъ, въ ней помещены почти все. за немногими исключеніями, произведенія величайшаго художника Возрожденія — Микель-Анжело. Къ сожальнію, творчество его оказалось совершенно непередаваемымъ въ слъпкахъ. Извъстно, что художникъ работалъ непосредственно на мраморъ. Передать великое богатство его скульптурныхъ обертоновъ никогда не удавалось копистамъ; въ слъпкахъ отпечаталось тоже только внъшнее, за контурами нътъ движенія и позы безжизненны. Всь сльпки производять на всякаго, знакомаго съ оригиналами, непріятное впечатлівніе, не меньше чівмъ Давидъ «христіанскаго» дворика, оказавшійся неожиданно тяжелымъ непропорціональнымъ, почти безобразнымъ. Особенно неудачна группа Pieta. Лучше другихъ статуя Вакха, но это произведение начинающаго художника въ оригиналъ песравненно слабъе позднъйшихъ созданій. Здъсь же слъпки вещей другихъ художниковъ: Сансовино, Челлини Джованни да Болонья. Но, что особенно ценно, такъ это оригинальная группа Джакопо Сансовино — мадонна съ Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ, прелестная вещица изъ темной бронзы, каждой подробностью, каждой линіей говорящая о свътломъ духъ Возрожденія: и поза Мадонны склонившейся надъ раскрытой книгою, и движеніе маленькаго Христа, тянущагося къ Іоанну, и веселый здоровый мальчикъ Креститель, который поднялся на цыпочки, чтобы обнять Христа.

Къ христіанскому дворику, примыкаетъ залъ «Съвернаго Возрожденія», въ которомъ собраны часто очень далекія по духу произведенія

французскихъ и германскихъ школъ XV и XVI в.

Въ настоящее время музей еще не вполнъ оборудованъ; многіе намятники еще только устанавливаются. И цълые отдълы закрыты пока для публики, въ томъ числъ египетскій залъ.

В. Степанова.

Выставка 12-го года.

Въ промежутокъ 12-го іюня 1812 года по 26 марта 1814 потокъ французскихъ войскъ успѣваетъ докатиться до Москвы и, быстро тая въ огромныхъ снѣжныхъ равнинахъ, покатился обратно; за нимъ Россія, въ роли освободительницы порабощенной Европы, вмѣстѣ съ союзными войсками, побѣдоносно совершаетъ путь въ Парижъ и вновь мѣняетъ карту Европы. Тяжкія испытанія смѣняются гордымъ блескомъ военной славы. Величіе и быстрота событій, связь съ трагическою судьбою величайшаго изъ людей данной эпохи дѣйствуютъ на современные умы, будятъ національное чувство и глубоко врѣзываются въ память народовъ. Закрѣпить эти событія въ памяти грядущихъ поколѣній, стать ихъ нагляднымъ памятникомъ — такова идея музея 12-го года.

Къ юбилейному 1912 году Комитетъ по устройству музея собраль большой и интересный матеріалъ, который теперь и выставилъ на устроенной имъ выставкъ 12-го года въ залахъ Историческаго музея, присоединивъ для полноты картины рядъ предметовъ, временно данныхъ на

выставку учрежденіями и отдёльными лицами.

Матеріалъ логически долженъ былъ распредѣлиться по отдѣльнымъ группамъ: лица, принимавшія то или другое участіе въ событіяхъ данной эпохи; войско; военныя дѣйствія; все, относящееся къ непріятелю и его пребыванію въ Россіи; наконецъ, отраженіе событій въ искусствѣ и бытѣ. Приблизительно такъ и распредѣляется матеріалъ на выставкѣ.

Иконографическій матеріаль, не давая ничего выдающагося въ художественномь отношеніи, собрань въ большомь количествь и для своихь цёлей представлень хорошо. Заль Александра I, посвященный ему и царской семьь, заключаеть въ себь много портретовь самого і мператора, начиная съ младенческихь лёть и различныхь типовь, портреты популярной императрицы Елизаветы Алексвены, Константина Павловича и др. членовъ царствующаго Дома, предметы обстановки и личные предметы представленныхъ лицъ. Общирный слъдующій заль заполнень собраніемь портретовь военныхъ дъятелей, а также собраніемь предметовъ и бумагь, относящихся къ тёмъ или другимъ лицамъ. Отдъль войска и военныхъ дъйствій представленъ не такъ полно, какъ это должно было бы быть. Войско пока представлено генералами и офицерами по преимуществу. Не говоря о томъ, что въ эту войну «сърая масса» очень ясно показала, что опа не только «пушечное мясо», но съ чисто военной точки зрёнія интересно было бы показать возможно

наглядно оргинизацію, состояніе русскаго войска, походное снаряженіе и военный быть въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь на выставкѣ даже формы обмундированія русскихъ войскъ представлены хуже, чѣмъ французскихъ. Военныя дѣйствія показаны картою движеній войскъ, двумя планами Бородинской битвы, составленными теперь, и однимъ современнымъ; планы вполнѣ ясны и наглядны. Планы другихъ сраженій нарисованы въ маленькой раскладной книгѣ. Очень желательно въ будущемъ, чтобы планы, хотя бы важнѣйшихъ сраженій, были вычерпаны подобно Бородинскому, по возможности, съ наименованіемъ главныхъ дѣйствующихъ частей и указаніемъ ихъ численности.

Походъ 1813—1814 гг., который далъ Россіи такое значеніе въ концертъ европейскихъ державъ, представленъ и разработанъ недо-

статочно.

Отраженіе событій въ искуствъ и бытъ представлено картинами рисунками, скульптурой и интереснымъ собраніемъ бытовыхъ предметовъ

съ рисунками, портретами и надписями.

Кромѣ матеріала, входящаго въ непосредственныя задачи музея, комитетомъ привлечено на выставку много бытовыхъ предметовъ, относящихся собственно ко всей александровской эпохѣ. Мысль сама по себѣ хорошая, но вырванные изъ обстановки и помѣщенные въ голые и неуютные залы они сильно теряютъ въ своей прелести. Заканчивается выставка «юбилейною» комнатою, устроенною П. Н. Миллеромъ, гдѣ выставлены главнымъ образомъ изданія и мелкія вещи, выпущенныя къ юбилейному 1912 году.

Кромъ краткаго путеводителя, выставочнымъ комитетомъ изданъ большой подробный каталогъ для любителей и спеціалистовъ. Составленъ и изданъ онъ хорошо. Каждому отдълу предпослано введеніе.

Отдѣламъ военнаго характера предшествуютъ хорошо составленныя статьи генерала В. А. Петрова. И. Е. Бондаренко картинно вводитъ въ старую Москву эпохи Ампиръ ¹). Александровской залѣ предпосланъ В. Божовскимъ обстоятельный очеркъ иконографіи этой залы. Нельзя только согласиться съ такою краткою характеристикою, которая приложена къ Лагарпу: «съ 18 лѣтъ онъ (Александръ I) попалъ въ руки Лагарпа, отчаяннаго революціонера и якобинца», и больше ничего. Можетъ-быть, въ серьезномъ изданіи лучше было бы опустить лирику и «слезу» послѣдней страницы, а также и изслѣдованіе о томъ, была ли табакерка № 285 Наполеона и его любимой. Оно съ лучшей стороны рекомендуетъ добросовъстность автора, но должно оставаться за кулисами.

Въ заключение должно сказать, что тѣ недочеты, о которыхъ говорилось въ обзорѣ выставки, является только desiderata по отношению къ будущему музею, но не могутъ, конечно, быть поставлены въ упрекъ устроителямъ, т. к. весь матеріалъ собранъ путемъ различныхъ пожертвованій, что неминуемо вносить элементь случайности и неравномѣрности; въ смыслѣ же разборки его и изученія сдѣлано все возможное. Генералъ В. А. Петровъ, В. Божовскій, И. Е. Бондаренко, П. Н. Миллеръ и др. лица не за страхъ, а за совѣсть потрудились для выставки; своимъ теперешнимъ состояніемъ и своимъ отличнымъ каталогомъ она обязана ихъ любовному отношенію къ дѣлу.

Е. Кории.

¹⁾ Авторъ слишкомъ преувеличиваетъ, однако, культурную роль дворянства: увлекаясь эстетикой дворянскаго быта нач. XIX в., авторъ забываетъ тъневую сторону быта, очень далекую отъ настоящихъ «цвътовъ французской просвъщенности». $Pe\theta$.

Мелкія сообщенія.

С. Кржемницкій. (Изъ Tugodn. Illust).

+ Станиславъ Кржежницкій.

Въ Варшавъ въ ноябръ умеръ критикъ и историкъ литературы Станиславь Кржемницкій, участникь возстанія 1863 г. Онъ входиль въ составъ революціоннаго правительства и стоялъ во главъ секціи печати. Благодаря строгой конспираціи эта дізтельность его осталась неизвъстной, и послъ окончанія возстанія Кржемницкій могь остаться въ Варшавъ и отдаться мирной литературной и журнальной работв. Въ послъдніе годы Кржемницкій быль однимъ изъ редакторовъ очень ценнаго для изученія исторіи польской литературы пособія коллективнаго труда «Sto lat mysli polskij» («Сто лъть польской мысли»).

† Профессоръ Ө. Гомперцъ.

Въ преклонномъ возрастъ скончался въ Вънъ извъстный профессоръ философіи Ө. Гомперцъ, обогатившій нъмецкую литературу цълымъ рядомъ цънныхъ сочиненій. Гомперцъ разсматривалъ философію лишь какъ средство для опредъленной цъли, лишь для

выясненія развитія античной духовной жизни. Его главное сочиненіе, въ которомъ онъ, по собственному заявленію, «подвель итоги своего жизненнаго труда,—«Греческіе мыслители» (Griechische Denker), написано не для философовъ.

Гомпериъ въ отличіе отъ предшествовавшихъ философовъ не отстаиваетъ опредъленной точки зрвнія. Онъ даеть въ этомъ капитальномъ произведеніи изложение всей греческой философіи не съ точки арънія философскаго идеализма — онъ сторонникъ безусловнаго эмпиризма, опытной философіи. Съ особенной любовью онъ психологически расчленяеть добытыя простыя истины и старается вывести изъ нихъ заключеніе, въ чемъ собственно заключается человъческое познаніе, въ какомъ отношеніи оно находится къ всеобъемлющему человъческому «мышленію». Этоть методъ приводить философію въ соприкосновение съ отдъльными науками и оттесняеть ее оть пережившихъ себя философскихъ методовъ.

Книга Гомперца переведена на русскій языкъ.

Л. Соколовскій.

Новое историческое общество въ Москвъ.

11 декабря въ Москвъ начала функціонировать «секція соціальной исторіи» молодого научнаго общества имени А. И. Чупрова.

«Общество имени Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетв», какъ оно офиціально называется, или, попросту, какъ его зовутъ въ Москвъ, «Чупровское общество»— учрежденіе слишкомъ мало извъстное, особенно за предълами Москвы, чтобы можно было ограничиться однимъ его упоминаніемъ. Возникло оно только въ прошломъ году (уставъ утвержденъ 11 мая 1911 г.) по иниціативъ, главнымъ образомъ, молодыхъзкономистовъ, груп-

пировавшихся въ университетъ вокругь каеедры А. А. Мануилова. Широко задуманный семинарій по вопросамъ теоріи экономической науки скоро превратился въ научный кружокъ не только студентовъ, но и, главнымъ образомъ даже, лицъ изобравшихъ политическую экономію и связанныя съ ней дисциплины своей спеціальностью. Когла «независящія», обстоятельства заставили А. А. Мануилова, а за нимъ и рядъ другихъ профессоровъ, покинуть университеть ни эти профессора, ни ихъ ученики не собирались порвать своей связи съ наукой и другъ съ другомъ. Пріютившіеся первое время въ секціи экономіи сельскохозяйственной раго Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества, экономисты скоро пришли къ мысли о необходимости основать свое общество, въ котромъ соціально научныя работы явились бы главной цълью, а не побочной только, теоретической функціей. Работа сразу пошла живымъ темпомъ, цълый рядъ интересныхъ докладовъ и не менъе интересныхъ и оживленныхъ преній по доказываеть живучесть молопого общества и наличность значительнаго круга лицъ, которымъ близки вопросы общественной жизни и науки, ее изучающей.

Секція соціальной исторіи, образовавшейся при общества подъ предсъдательствомъ проф. Д. М. Петрушевскаго, начала функціонировать 11 декабря. Быль прочитань докладь Н. М. Никольскаго: «О феодализмъ въ древнемъ Израилъ». Докладчикъ далъ нъкоторые штрихи своей спеціальной работы, выдвигая только тв стороны, которыя казались ему доказанными и несомнънными. Общее впечатлъніе оть доклада, однако, сильно проигрываеть оть того, что главный вопрось -въ чемъ научный интересъ, въ чемъ характерныя особенности древне-израильскаго феодализма-остался совершенно неподчеркнутымъ. Можно быть различнаго мнънія объ извъстной работъ покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго «Феодализмъ въ удъльной Руси», но сравнение съ ней невольно возникало при слушаніи доклада г. Никольскаго, и намъ кажется это сравнение-не въ пользу докладчика. Книга Павлова-Сильванскаго въ методологическомъ отношеніи и интересна и поучительна. Но, чтобы подобная работа была интересна и плодотворна, необходимо соблюденіе двухъ основныхъ условій: надо точно опредълить характерную систему, ясную форму общественнаго уклада, какъ основаніе для сравненія, и не менве точно и полно ту среду, тоть болве или менве сложный комплексъ, къ которому мы эту форму собираемся приложить. Въ докладъ г. Никольскаго не выяснилась, по нашему впечатленію, ни эта основная форма, которую докладчикъ съ увъренностью считаеть характерной для общественной структуры древняго Израиля, ни тоть комплексь историческихъ фактовъ и отношеній, который требуеть примъненія къ себъ классификаціи явленій феодализма, чтобы предстать въ стройномъ, цъльномъ и болъе понятномъ видъ. Въ возникшемъ послъ доклада обмънъ мнъній, въ котор. принимали главное участіе, кромъ докладчика, пр. Д. М. Петрушевскій, проф. П. И. Гензель и С. Б. Веселовскій, основной методологическій вопросъ доклада тоже не получилъ полнаго развитія и необходимость говорить о феодализмъ въ древнемъ Израилъ осталась недоказанной.

B. K.

Общество исторіи и древностей россійскихъ.

Въ засъданіи 30 ноября 1912 года было сдълано собщеніе С. Б. Веселовскимъ: «Мірская раскладка податей на посадахъ и въ черныхъ волостяхъ въ XVII въкъ». Давши детальный анализъ мірской раскладки податей, С. Б. Веселовскій пришелъ къ выводамъ, что установившееся въ наукъ противоположеніе мірского оклада правительственному сошному не основательно и не выдерживаетъ критцки. Мірской и сошный окладъ стоятъ въ тъсной связи. Поэтому служилое землевладъніе, разрушая старые порядки мірского оклада, одновременно раз-

рушало и правительственное сошное письмо.

Славянская Комиссія Московскаго Археологическаго Общества.

Въ засъданіи 1 ноября были сдъланы сообщенія:

а) игуменомъ о. Никаноромъ: «Сокрашеніе «Великой Науки» Раймунла Люллія Андреемъ Денисовымъ». Докладчику удалось найти два списка (Публич. Биб. изъ собранія Тихонова № 659 и Хлудов. Биб. № 235) «Великой Науки» въ обработкъ Андрея Денисова, извъстнаго старообрядца безноповца старо-поморскаго согласія. Работа Денисова состояла, главнымъ образомъ, въ сокращении текста «Великой Науки», отчасти въ заимствованіяхъ изъ «Краткой науки» и въ замѣнъ діалогической формы монологической. Очевидно, Денисовъ хотълъ создать учебную книгу по философіи, логикъ и этикъ.

b) А. А. Покровскимъ: «Къ біографіи Антонія Подольскаго». А. А. Покровскій, на основаніи только что опубликованныхъ новыхъ данныхъ («Приходо-расходныя книги московскихъприказовъ», кн. I, Русс. Ист. Биб., т. XVIII), освътилъ его общественное положеніе: Подольскій быль подьячимъ «Разряда», служившимъ по денежному столу. Подольскій, на ряду съ другими современниками, интересенъ по своей склониссти къ церковно-богословскимъ вопросамъ. Его сочиненія какъ бы подготовляють ту почву, на которой въ половинъ XVII въка возникаеть дело Никона, а въ конце стольтія — споры Сильвестра Медвъдева съ его противниками. Подольскій интересенъ и по одной изъ первыхъ въ Москвъ попытокъ стихосложенія.

Въ засъданіи 8 декабря были сдъланы сообщенія:

а) А. А. Покровскимъ: «Русская проповъдь въ началъ XIX въка и старый печатный дворъ въ 1812 году». Въ первой части своего доклада А. А. Покровскій далъ характеристику русской проповъди начала XIX въка преимущественно въ связи съ современными политическими и военными событіями. Въ отличіе оть эпохи 1805—1807 гг., въ 1812 году чуть ли не каждое событіе отечественной войны нашло себъ отраженіе въ словахъ многочисленныхъ проповъдниковъ того времени.

b) Б. С. Пушкинымъ: «Синодальная

типографія и 1812 годъ».

с) К. В. Покровскимъ: «Изъ переписки Селивановскаго». К. В. Покровскій сообщаль нівсколько документовъ изъ собранія бумагь извъстнаго типографа С. І. Селивановскаго. Всъ эти документы рисують положение Москвы въ послъдніе дни пребыванія въ ней французовь и въ первое время по ея освобожденіи. Изъ нихъ особенно интересно письмо приказчика Селивановскаго Тимоеея Захарова; онъ очень живо и образно разсказываеть о грабежахъ въ Москвъ подмосковныхъ крестьянъ, которые «нещетно» прівзжали въ городъ «на парахъ, на тройкахъ» «для поднятія непозволительныхъ товаровъ». Этоть грабежъ продолжался три дня и быль прекращень Гельманомъ, который «успълъ наказать болве 600 человъкъ бунтующаго чернаго народа».

Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетъ.

17 ноября В. В. Сиповскій сдівлаль докладь «О сіверных сказкахь (по поводу сборника Н. Е. Онучкова)», въ которомъ разсматриваль вопросы о происхожденіи и классификаціи сказокь, о переході ихъ въ народные романы и объ эволюціи народныхъ сюжетовъ въ изящной литературів. 8 декабря быль заслушань докладь П. Н. Сакумина подъ заглавіемъ «Русская Икарія». Річь шла объ утопическомъ романів кн. В. Ө. Одоевскаго «4338 годъ» (1837 — 1839 г.), отразившемъ какъ идеалы автора, такъ и характерныя черты николаевской эпохи.

Общество исторіи литературы въ Москвъ.

17 ноября М. А. Петровскій прочель докладь: «О вліяніи Гофмана на русскую литературу». Докладчикъ про-

следиль вліяніе Гофмана съ 20-хъ годовь по 80-ые, останавливаясь болже подробно на Погоръльскомъ, славянофилахъ, В. Ө. Одоевскомъ, Ал. Толстомъ, Григоровичъ и Вл. Соловьевъ.

1 декабря Е. Н. Елеонская прочла докладъ: «Сказки въ Россіи въ XVIII в. ». Возводя сборники сказокъ XVIII в. къ двумъ источникамъ: литературнымъ про-изведеніямъ и устной традиціи, Е. Н. Елеонская сопоставила сказки перваго рода съ французскими и др. иностранными, относительно же устной традиціи указала рядъ данныхъ для выясненія состоянія ея въ XVIII в.

15 декабря Н. С. Арсеньевъ прочель доклады: «Опытъ характеристики Кальдерона (по его Comedias)». Докладчикъ высказалъмнъніе, что Кальдеронъ, уступая многимъ изъ испанскихъ драматурговъ въ изображеніи современной ему національной дъйствительности, превосходитъ ихъ, однако, въ силъ идеализма и въ идейной глубинъ, являясь, такимъ образомъ, наиболъе яркимъ выразителемъ національнаго идеала.

Новое изданіе.

Книгоиздательство «Задруга» предприняло большое трехтомное изданіе съ

иллюстраціями подъ заглавіемъ «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ»,

Въ изданіи участвують: Н. Л. Бродскій, А. М. Васютинскій, М. О. Гершензонт, М. В. Довнаръ-Запольскій, Л. С. Козловскій, Н. К. Кульмант, С. П. Мемггуновъ, Н. К. Пиксановъ, В. П. Обнинскій, Е. И. Тарасовъ, Е. В. Тарле, В. Н. Тукалевскій, И. С. Рябининт, В. И. Семевскій, А. В. Семека, Н. П. Сидоровъ, Т. О. Соколовская, И. М. Херасковъ, П. Е. Щеголевъ.

Этотъ трудъ долженъ подвести какъ бы итоги того, что сдълано въ настоящее время по исторіи русскаго и западно-европейскаго масонства. Центромъ сборника будетъ масонство русское.

"Русскій Архивъ".

Въ настоящее время, какъ выяснилось, изданіе журнала «Русскій Архивъ» будетъ продолжаться. Журналъ будетъ выходить «на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ». Въ видъ приложенія издатели дадутъ собраніе статей и примъчаній П. И. Бартенева.

Къ роману Лили Браунъ.

Выбирая беллетристическое произведеніе для «Голоса Минувшаго», редакція остановилась на только что появившемся романъ Лили Браунъ «Die Liebesbriefe der Marquise». Романъ написанъ крупной общественной дѣятельницей, самой тонкой и самой образованной изъ представительницъ соціалъ-демократіи въ Германіи. Она много лѣтъ изучаетъ исторію и современное положеніе женскаго вопроса и выпустила цѣлый рядъ изслѣдованій и памфлетовъ въ этой области. Какъ психологическій типъ Лили Браунъ — явленіе необычайно яркое. Въ ея жилахъ течетъ королевская кровь, и выросла она на самыхъ верхнихъ ступенькахъ общественной лѣстницы. Внутренній переворотъ, бросившій ее изъ раззолоченныхъ аристократическихъ салоновъ въ станъ обездоленныхъ, поназываетъ, что у нея страстная душа, богатая порывами, чуткая къ добру, не затвердѣвшая въ свѣтской фальши.

До сихъ поръ ея единственнымъ беллетристическимъ произведеніемъ былъ автобіографическій «романъ» «Метогіеп einer Səzialistin». «Письма маркизы» такимъ образомъ ея первая проба въ сферъ художественнаго вымысла. Проба—блистательно удавшаяся. Такъ глубоко проникнуться настроеніями XVIII въка, такъ сжиться съ психикой людей стараго порядка, такъ усвоить себъ тягучій и томный языкъ того времени, капризный и въ то же время безконечно - богатый

оттънками - могъ только писатель съ незауряднымъ талантомъ.

Но это не все. Въ «Письмахъ маркизы» не одни крупныя художественныя достоинства. Для редакціи «Голоса Минувшаго» особенно цѣнно было то, что съ этими крупными художественными достоинствами соединяется вѣрность исторической правды. Отдѣльные факты, черты быта, малѣйшія подробности такъ точно отвѣчаютъ исторической дѣйствительности, что предполагаютъ очень тщательное изученіе эпохи. И, быть-можетъ, еще другое. Мы боимся утверждать съ опредѣленностью, но сопоставленіе «Писемъ маркиза» съ нѣкоторыми данными «Мемуаровъ соціалистки», какъ будто, даетъ право предполагать, что эта «пожелтѣвшая связка писемъ»—не цѣликомъ продуктъ вымысла.

Героиня нашего романа эльзаска. Княжество Монбельеръ (Мёмпельгардъ)—одинъ изъ нѣмецкихъ клиньевъ въ тогдашнихъ французскихъ владѣніяхъ. А въ «Мемуарахъ соціалистки» разсказывается, что бабушка автора, незаконная дочь короля, была родомъ изъ Эльзаса и всю жизнь не могла согрѣться въ сыромъ и холодномъ климатъ Помераніи. Кто знаетъ, быть-можетъ, въ какомъ-нибудь потайномъ ящикъ бабушкинаго секретъра и хранились эти листки, письма обожателей дъйствительно существовавшей, дъйствительно блиставшей эльзасской

красавицы.

Но если даже прекрасная Дельфина—вымысель, то это вымысель яркій и правдивый. А весь романт, на посл'єднихъ страницахъ котораго авторъ представить намъ и картины великой революціи, такъ пропитанъ любовью къ народу и написанъ такъ увлекательно съ внёшней стороны, что можеть тягаться съ произведеніями самыхъ крупныхъ современныхъ нёмецкихъ писателей.

ЛИЛИ БРАУНЪ.

* * * *

ПЕРЕВОДЪ Э. К. ПИМЕНОВОЙ.

— приложение къ журналу — "ГОЛОСЪ МИНУВШАГО".

МОСКВА. Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ. 1913.

Когда старая графиня Лаваль, удобно развалившись въ своемъ глубокомъ креслѣ, заговаривала о Дельфинѣ Монжуа, при чемъ на ея тонкихъ губахъ играла веселая, чувственная улыбка, то ея строгая дочь, многозначительно взглянувъ на собравшуюся въ комнатѣ молодежь, неизмѣнно восклицала предостерегающимъ тономъ: «Но, мама!..»

Графиня умолкала, и на лицѣ ея, цвѣта слоновой кости, появлялась легкая краснота. Было ли то выраженіемъ досады или смущенія неизвѣстно, но только всю остальную часть вечера она бывала необыкновенно молчалива.

Если же которая-нибудь изъ ея внучекъ приходила къ ней, когда она бывала одна, то ее не приходилось долго упрашивать. Она охотно разсказывала слушавшей ее съ жадностью внучкъ о Дельфинъ, обладавшей чудеснымъ свойствомъ приковывать къ себъ всъ сердца. Игривый геній Рококо, наполовину богъ любви, наполовину Фавнъ, наиъвалъ свои пастушескія пъсни надъ ея колыбелью, героическая эпоха Наполеона наполняла своимъ шумомъ ея старость. Вокругъ ея благоухающей кудрявой головки бушевалъ ураганъ 89-го года, а гроза іюльской революціи коснулась уже ея съдыхъ волосъ. Скользящая поступь менуэта, шелестъ шелковыхъ платьевъ, стукъ каблучковъ, звонъ набата, громъ пушекъ, а въ промежуткахъ — топотъ, тихій смъхъ, сдержанное рыданіе — вотъ была ея исторія!

Въ одну изъ зимъ, когда мягкій глубокій снътъ, окружавшій ея замокъ у подножія Вогезъ, заглушаль всъ звуки, ея жизнь тихо угасла.

— Незадолго до своей смерти, — разсказывала графиня Лаваль, — Дельфина еще разъ тщательно занялась своимъ туалетомъ. Мнё показалось даже, что она слегка нарумянила свои щеки и чуть-чуть подвела свои красивые черные глаза. «Мой послъдній гость, — сказала она, — не долженъ имъть повода жаловаться на недостатокъ благовоспитанности съ моей стороны...»

Ея внуки получили въ наслъдство старый замокъ, откуда отлетъло, казалось, всякое дыханіе жизни, а длинныя нити жемчуга потускити, словно тоскуя по бълоситьжной шет и рукамъ, которыя онъ иткогда украшали...

Графиня Лаваль, племянница Дельфины Монжуа, взяла оттуда только пачку старыхъ писемъ. Для нея они были болъе цънными, чъмъ всъ мертвыя сокровища, потому что въ этихъ пожелтъвшихъ листкахъ она чувствовала біеніе сердца маркизы...

годы дъвичествя.

Приниг Фридрихг-Евгеній Монбельярг Дельфинь.

Замокъ Этюпъ, 16 іюня 1771 г

Прелестная Дельфина, граціознъйшая изъ всъхъ нимфъ!

Со вчерашняго дня я не смыкаль глазь. Я постоянно видъль вась передъ собой, —васъ, ускользающую отъ меня, самаго влюбленнаго изъ всъхъ пастуховъ, и исчезающую въ аллеяхъ, за водопадами, точно погружаясь въ ихъ прохладныя струи. Но тотъ мигъ, когда толпа геніевъ, спасаясь отъ преслъдованій, искала защиты въ храмъ Венеры, — именно тамъ я заслужилъ васъ, побъдивъ въ борьбъ своего соперника барона Вурмсера, — этотъ чудный мигъ я не осмъливаюсь вызывать въ своемъ воспоминаніи. Біеніе моего сердца, трепетаніе пульса, жгучій румянецъ моихъ щекъ слишкомъ ясно указываютъ лихорадку, которая овладъла мной.

Мой дядя, герцогъ, не хотъть върить, что это мы, дъти, импровизировали этотъ праздникъ въ честь его, и онъ совершенно не допускаетъ мысли, что Дельфинъ Лаваль, этой граціознъйшей изъ всъхъ танцовщиць, было бы только тринадцать лътъ! «Версаль почелъ бы за счастье открыть ей свои двери, и король былъ бы первымъ ея почитателемъ», сказалъ онъ. Я слышалъ, какъ онъ уговаривалъ мою мать позаботиться о томъ, «чтобы прелестная Дельфина» была представлена ко двору въ Штутгартъ, въ свитъ моей сестры.

И вотъ, хотя меня все еще причисляютъ къ дѣтямъ, и г. фонъ Альтенау больше всего желалъ бы, чтобъ я былъ глухъ и слѣпъ порой (между прочимъ, я еще не знаю, какъ избѣжитъ это нисьмо его аргусовыхъ взоровъ), но одно я знаю навѣрное: моя прелестная подруга будетъ лучше оберегаться при дворѣ Версаля, гдѣ во главѣ находится старикъ, нежели при Штутгартскомъ дворѣ.

Я бы сумёль со шпагой въ руке защитить вась противь всёхъ навязчивыхъ поклонниковъ, хотя бы они занимали самое высокое положение въ свете, но я долженъ отъ васъ самихъ получить на это право. Я чувствую это: со вчерашняго дня мы уже не дети! Невинныя игры прошлыхъ лётъ смёняются уже другими, болёе сладостными играми...

Я уговорился съ Францемъ, моимъ самымъ молодымъ рейткнехтомъ. Онъ поклялся мнѣ, что передастъ это письмо вамъ лично и только отъ васъ приметъ отвѣтъ. Не заставляйте меня надъяться тщетно! Въ вашихъ глазахъ сіяло мнѣ снисхожденіе, когда я, бѣдный пастухъ, упалъ къ ногамъ своей богини. Не заставляйте же меня думать, что это было лишь отблескомъ огненныхъ фонтановъ, поднимавшихся къ небу вокругъ храма богини!

Моя сестра ждеть вась къ себѣ въ воскресенье. Если до тѣхъ поръ я получу отъ васъ нѣсколько словъ, гдѣ будеть заключаться хотя бы слабый отзвукъ того, что я пишу вамъ, то я постараюсь устроить такъ, чтобъ мы могли встрѣтиться съ вами одни, безъ свидѣтелей...

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинь.

Замокъ Монбельяръ, 12 декабря 1771 г.

Дорогая Дельфина! Вы глубоко ранили сердце, полное любви къ вамъ. Я могъ скорѣе вообразить себѣ всѣ несчастья въ мірѣ, ожидающія меня, нежели то, что горизонть моего счастья можеть вдругь такъ омрачиться! Неужели вы могли такъ быстро позабыть то, что обѣщали мнѣ въ гротѣ Посейдона, когда я собственными руками осмѣлился развязать розовую ленту на вашей шейкѣ, ослѣпительная бѣлизна которой заставляла лебедей, каждый разъ, когда наша ладья проплывала мимо нихъ, завистливо хлопать крыльями и грозно поднимать ихъ на васъ.

Это было двадцатаго іюня. О, я никогда не забуду тоть день и часъ и постоянно буду напоминать вамъ о немъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись въ Монбельяръ, и чудная свобода снова уступила мѣсто придворнымъ стѣсненіямъ, ваше обращеніе со мной совершенно измѣнилось.

Но я былъ слъпъ и не понималь этого. Я видълъ въ вашей осторожности только результатъ требованій церемоніала, въ вашей боязни встръчаться со мной наединъ — опасеніе попасться на глаза моему гофмейстеру и вашей гувернанткъ, а въ вашихъ стараніяхъ всегда находиться въ обществъ моей сестры — одну лишь хитрую уловку придать нашей встръчъ вполнъ невинный характеръ.

И вотъ, когда счастье, — или върнъе: восхитительное легкомысліе моего дяди, — почти насильно доставило намъ случай быть наединъ, то вы сами постарались избъжать этого, чтобы остаться въ обществъ моего гофмейстера, г. фонъ Альтенау. И онъ читалъ вамъ передъ каминомъ стихи да еще притомъ — нъмецкіе стихи!

Когда же я возвращался въ саняхъ моего дяди изъ своей поъздки, продливъ ее нарочно до самой ночи, — Боже, какъ пріятно было бы, если бъ я могъ увезти съ собой мою прелестную подругу, подъ бълой мъховой полостью, въ этихъ саняхъ, имъющихъ форму гигантскаго лебедя съ распростертыми крыльями! — то въ душть моей была надежда, что я увижу, по крайней мъръ, выраженіе тревоги въ вашихъ глазахъ, но вмъсто этого я услышалъ удивленный возгласъ: «Уже вернулись?» и увидалъ взоръ, затуманенный слезами, сопровождавшій пожатіе руки г. фонъ Альтенау.

Я былъ настолько безуменъ, что до сихъ поръ считалъ г. фонъ Альтенау своимъ другомъ. Мое довъріе къ нему и дътское восхищеніе богатствомъ его знаній было такъ безгранично, что я ничего такъ не желалъ, какъ познакомить съ нимъ и мою очаровательную Дельфину, для того, чтобы и она могла пользоваться тъмъ, чъмъ я пользуюсь.

И теперь такое разочарованіе! Мой другъ оказывается изм'єнни-комъ, а моя возлюбленная покидаеть меня ради него!..

Но не надъйтесь, что я такъ легко откажусь отъ вашего вътреннаго сердца. Ревность и ненависть научать меня какъ нанести чувствительный ударъ моему сопернику.

Іоганнъ фонъ Альтенау Дельфинъ.

Замокъ Этюпъ, 16 января 1772 года.

Всемилостивъйшая графиня! г-жа Ларошъ только что сообщила мнъ, что вы больны, и что мы не можемъ ожидать васъ на будущей недълъ въ Монбельяръ. Это глубоко огорчаетъ меня. Часы, проведенные съ вами, когда мнъ было дозволено развернуть передъ взорами вашей чувствительной души невъдомыя вамъ сокровища нъмецкой поэзіи, составляютъ свътлыя мгновенія въ моей печальной жизни.

Разрѣшите мнѣ прислать вамъ сегодня французскую книгу, принадлежащую къ самымъ прекраснымъ и возвышеннымъ произведеніямъ, созданнымъ французской литературой. «Это Новая Элоиза» Жанъ-Жака Руссо, того самаго непризнаннаго поэта, о которомъ я такъ часто разсказывалъ вамъ. Чтеніе его произведеній предъявляетъ большія требованія какъ чувству, такъ и уму, но я думаю, что вы уже находитесь на высотѣ этихъ требованій.

Я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, что приниъ Фридрихъ-Евгеній обнаруживаеть въ посл'яднее время еще большую склонность къ ученію, нежели прежде, что я и приписываю вашему вліянію и примъру. Онъ проводитъ больше времени въ моей комнатъ, нежели въ своихъ охотничьихъ владъніяхъ, и больше занимается книгами, нежели собаками и лошадьми. Если его легко воспламеняющееся серпие до сихъ поръ приходило въ восторгъ отъ всего возвышеннаго и красиваго, съ чёмъ я имёль возможность познакомить его, то теперь онъ уже начинаеть серьезно интересоваться высшими вопросами современной эпохи. Будемъ надъяться, что такое направление его ума не окажется скоропроходящимъ. По примъру короля Пруссіи, какъ разъ именно владътельные князья, мысли и дъянія которыхъ такъ ясно отражаются на міровой сценъ, должны выбирать своими спутниками геніевъ искусства и науки. Между тъмъ именно государи, привыкшіе только къ преданной покорности своихъ подданныхъ, склонны обращать и эти высшія существа божественнаго происхожденія въ простыхъ прислужниковъ своихъ наслажденій.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Монбельяръ, 19 іюня 1772 г.

Обожаемая Дельфина! Послъ столькихъ мъсяцевъ раздраженія и упрековъ самому себъ, я, наконець, получиль возможность снова припасть къ вашимъ ногамъ. Графиня де Шеврезъ гостить у насъ со своимъ сыномъ. У меня сердце остановилось въ груди, когда онъ заговориль со мной объ очаровательной графинъ Лаваль, съ которой этоть счастливчикъ имъль право танцовать на дътскомъ балу маркизы Мортемаръ. Я старался оставаться хладнокровнымъ. Я со скучающимъ видомъ слушалъ его, когда онъ мнъ описывалъ вашу прическу а l'amoureuse, ваше затканное золотомъ платье изъ голубой парчи, хвалилъ вами граціозныя движенія въ менуэть. Но когда онъ выразиль восхищеніе даже при одномъ только воспоминаніи о ямочкахъ на вашихъ щечкахъ, надъ улыбающимся розовымъ ротикомъ, у праваго угла котораго посажена была мушка — какъ будто вашъ ротикъ нуждается въ такомъ украшеніи! — то самообладаніе окончательно покинуло меня. Я довърился ему. Онъ далъ мнъ слово передать вамъ это письмо при первомъ же удобномъ случав.

Да, Дельфина, я виновень, но за свою вину я такъ страшно наказанъ вашимъ отсутствіемъ, что, по крайней мъръ, вы должны меня выслушать.

Когда я, при помощи моего рейткнехта, подкупилъ слугу г. фонъ Альтенау и такимъ путемъ открылъ вашу переписку съ моимъ гофмейстеромъ, то моему бъщенству не было границъ. Никакое средство не казалось мнъ слишкомъ низкимъ, чтобы достигнутъ цъли и охладитъ васъ. Я изъ всъхъ силъ старался поддълаться къ г. фонъ Альтенау, чтобы заслужить его довъріе, и отъ меня не остались скрытыми его тайныя сношенія съ парижскими философами. Я находилъ въ его библіотекъ однъ только книги, публично осужденныя и сожженныя парижскимъ парламентомъ, авторы которыхъ должны были, по указу короля, нести наказаніе въ Бастиліи, въ Венсеннъ и Форъ Левекъ за свои мятежныя ръчи. Я прочелъ эти книги и открылъ, что именно изъ нихъ г. фонъ Альтенау почерпнулъ всъ тъ мысли, всъ тъ знанія, которыя онъ передавалъ намъ въ своихъ урокахъ.

О Дельфина, я перенесъ тяжелую борьбу съ самимъ собой! Но страстное желаніе удалить отъ васъ г. фонъ Альтенау заглушило голосъ моей совъсти. Я сообщилъ герцогу о моемъ открытіи, и мой гофмейстеръ былъ уволенъ въ тотъ же день. Онъ ни удостоилъ меня даже взглядомъ и я, пристыженный и разстроенный, не осмълился выйти изъ своей комнаты, пока онъ не уъхалъ. Не я оказался побъдителемъ, — это я глубоко чувствовалъ прежде даже, чъмъ узналъ о томъ, что мой поступокъ заставилъ васъ страдать. Я бы отдалъ полжизни, если бы могъ вернуть это!

«Влагочестивая атмосфера монастыря быстро изгонить дыханіе ада, которое вдохнула наша милая графиня», умильнымь тономь проговорила ваша гувернантка, эта старая змѣя, сообщившая намь о вашемь отъѣздѣ въ аббатство О-Буа. Но когда Гюи нарисоваль намъ жизнь въ этомъ монастырѣ, когда онъ разсказалъ намъ, что Доберваль—первый танцоръ парижской оперы, и тамъ руководитъ танцами, и что вы, прелестная Дельфина, возбуждаете всеобщую зависть, такъ что даже сестра Гюя, получившая первый призъ за исторію, завидуетъ вамъ, когда онъ сообщилъ, что вы получили первый призъ за танцы и герцогиня Лавальеръ, придя въ восторгъ, подарила вамъ вѣеръ, который держала въ рукахъ (хотя онъ и не былъ украшенъ изображеніями святыхъ, а граціями и музами) — тогда М-те де Ларошъ набожно перекрестилась и пожаловалась на испорченность Парижа.

Мы сидѣли въ тоть вечерь (въ первый разъ въ этомъ году) на большой террасѣ замка Этопъ. Всѣ фонтаны были пущены. Позади послѣдняго боскета раздавалось мелодическое пѣніе,—это пѣли наши косари и косильщицы, работавшіе на лугу. Нашъ новый дворецкій научиль ихъ въ теченіе зимы этимъ граціознымъ напѣвамъ, чтобы веселить насъ и нашихъ гостей приводить въ восторгъ. Но не легко было этихъ, обыкновенно столь покорныхъ людей, заставить заниматься искусствомъ! Нѣкоторые, черезчуръ строптивые, имѣвшіе дерзость заявить, что «герцогу нужны ихъ руки, а не ихъ голоса», попали въ Монбельярѣ въ темницу. Съ тѣхъ поръ уже хоръ всегда оставался въ полномъ составѣ.

Число нашихъ гостей больше обыкновеннаго, но какъ ни много ихъ, а все же они не могутъ наполнить той пустоты, которую я постоянно ощущаю. И, тѣмъ не менѣе, какъ ни велика эта пустота, но маленькаго клочка бумаги съ тремя словами: «я прощаю васъ!» было бы достаточно въ этотъ моментъ, когда всѣ слишкомъ смѣлыя желанія должны умолкнуть, чтобы заставить меня забыть о ней. Неужели я буду тщетно ждать этого?

Іоганнъ фонъ Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 3 іюня 1772 г.

Самыя толстыя монастырскія стіны становятся тонкими какт шелковая бумага, если оні находятся въ Парижі и за ними воспитываются дамы высшаго круга! Я бы счель себя обязаннымь, конечно, тайно доставить вамь ті книги, нав-за которых мит пришлось оставить замокт Монбельяра. Я постарался бы избіжать на этотъ разъ того, чтобы еще какой-нибудь принць Фридрихъ-Евгеній злоупотребиль моимь довіремь, а другая М-те де Ларошъ паказала бы васъ. Но я не хочу безпоконть васъ теперь. Если бы я еще находился въ атмосфері

замка Монбельяръ, — гдѣ настолько царить духъ XVII вѣка, что только гроза восемнадцатаго вѣка могла бы разсѣять его, -то я бы низко склонился передъ вами и, поцѣловавъ вашу ручку, просилъ бы у васъ прощенія, потому что я безъ вины виноватъ и въ вашемъ изгнаніи. Но я, какъ и вы, нахожусь теперь въ столицѣ и поэтому знаю, что даже монастырь въ Парижѣ слѣдуетъ предпочесть старому замку въ Эльзасѣ!

Я прівхалъ сюда со своими запрещенными книгами и тотчасъ же увидълъ, что я напрасно затруднялъ себя такимъ образомъ. Идеи, заключающіяся въ этихъ книгахъ, уже наполняютъ воздухъ Парижа, такъ что каждый неизбъжно вдыхаетъ ихъ. Онъ проникаютъ даже въ салоны большого свъта, потому что прекрасныя дамы, — въ чьихъ бълыхъ ручкахъ каждое оружіє превращается въ интересную игрушку, а мысль—въ острое слово, — утомились, наконецъ, пастушескими играми и теперь жонглируютъ, точно сверкающими шариками, произведеніями человъческаго духа, не подозръвая, что въ нихъ заключаются взрывчатыя вещества.

Не бойтесь поэтому, милая маленькая графиня, если вы откроете у себя, въ своей головкъ, остатки мыслей Новой Элоизы, а въ своемъ сердечкъ найдете чувства, за которыя должна была бы краснъть дъвица, живущая въ монастыръ. Въ Парижъ это тенерь въ большой модъ. Нечего вамъ также бояться и свиданія со мной, бъднымъ нъмецкимъ барономъ, у котораго «Contrat social» находится не только въ карманъ, но и въ головъ. Подобно тому, какъ аристократы пользуются почетомъ въ высшихъ финансовыхъ кругахъ, такъ и литераторы пользуются такимъ же успъхомъ въ придворномъ обществъ. Они занимаютъ тамъ мъсто шутовъ и поэтому могутъ все позволять себъ, если только сумъютъ пріятно щекотать чувствительные нервы высокихъ и высочайшихъ особъ.

Но это, моя маленькая графиня, въ сущности васъ не касастся. Я вижу, что ваши глаза такъ же широко раскрываются отъ изумленія, какъ тогда, когда я разсказаль вамъ, что за изгородью розъ и лавровыхъ деревьевъ въ Этюпъ я видълъ дътей, которыя дрались съ собаками изъ-за старой сухой корки хлъба. Впрочемъ, то, что я тогда сказалъ вамъ, я повторилъ и родителямъ этихъ дътей: крестьяне не должны думать, что драться съ собаками изъ-за корки хлъба, — это судьба, предназначенная имъ Богомъ! Г. герцогъ, въроятно, будетъ удивляться, какое дъйствіе оказываютъ книги, хотя онъ и позаботился о томъ, чтобы его люди не умъли читать...

Графъ Гюи Шеврезъ Клариссы.

Парижъ, 8 августа 1772 года.

Дорогая сестра! Я посылаю вамъ объщанную бонбольерку. Надъюсь, что святая мать Батильда въ своей божественной простотъ приметь амурчиковъ за пебеспыхъ ангелочковъ и будеть думать, что единственное содержимое бонбоньерки составляеть сладкое драже. Вы знаете, однако, на какихъ условіяхъ я объщаль доставить вамъ отвъть Шевалье. Сегодня вы должны выполнить это условіе. Передайте маленькой Лаваль письмо, которое найдете на див коробки, и постарайтесь, какъ старшая подруга, употребить все свое вліяніе на нее и въ такихъ блестящихъ краскахъ изобразить мои внёшнія и внутреннія качества, чтобы мой образъ наполнилъ собой мечты Дельфины. Фридрихъ-Евгеній красивый юноша, но онъ слишкомъ німець, и мні было бы нетрудно вытъснить его, если бъ не та, въ нъкоторомъ родъ современная сентиментальность, которая приказываеть слово «любовь» произносить трагическимъ тономъ и которая теперь овладъла вашей подругой. Вы должны объяснить ей, что обаятельная сила влеченія, существующая между полами, предназначена не для того, чтобы отягощать жизнь, а чтобы дёлать ее легкой и пріятной. Амурь вёдь им'веть крылья! Только плънники со свинцовымъ грузомъ, привязаннымъ къ ногамъ, уныло топчутся на одномъ и томъ же пространствъ...

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинк.

Парижъ, 8 августа 1772 года.

Очаровательная Дельфина! Одна мысль о васъ могла бы заставить меня совершить величайшее преступленіе, не сдержать своего кавалерскаго слова. Можеть ли быть что-нибудь тягостніве для молодого человівка, какъ играть роль посланнаго любви у той, которую обожаєть его собственное сердце?!..

Но я подчиняюсь своему долгу, какъ вы видите, и посылаю вамъ письмо принца. Могу ли я надъяться, что вы, по крайней мъръ, будете вспоминать обо мнъ съ чувствомъ благодарности, которое все же не лишено нъкоторой теплоты.

Мы съ вами увидимся на балу герцогини Люксамбургъ. Даже рискуя навлечь на себя ваши упреки въ томъ, что я нарушаю права дружбы Фридриха-Евгенія, я все-таки долженъ вамъ сознаться, что мое сердце уже теперь трепещеть отъ радости. Если это правда, что вы будете участвовать въ спектаклѣ у М-те де Рошшуаръ, то я употреблю всѣ усилія, чтобы мнѣ передали роль любовника. Пусть вѣрность дружбѣ не позволяетъ мнѣ поклоняться вамъ такъ, какъ этого требуетъ мое восхищеніе вами, за то, по крайней мѣрѣ, на сценѣ, повинуясь требованіямъ поэта, я буду освобожденъ отъ этого тягостнаго долга.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Замокъ Монбельяръ, 29 сентября 1772 г.

Драгоцівнь відам Дельфина! Ваша записка привела меня въ состояніе восторга. Вы прощаете меня! Правда, когда я перечитываю ее, то эти четыре слова: «Я больше не сержусь», теряють то сладостное значеніе, которое я хотіль бы имъ придать, вслідствіе добавленія къ нимъ другихъ словъ: «потому что здісь чудесно!» Но я не хочу раздумывать объ этомъ, не хочу допускать мысли, что ваше прощеніе вызвано не теплотою вашего чувства, а холодомъ забвенія. «Что представляеть Этюпь въ сравненіи съ садами Версаля, что такое Монбельяръ въ сравненіи съ Парижемъ?» пишете вы и развертываете передо мной головокружительную картину баловъ, маскарадовъ, оперь и балетовъ. У меня бы хватило жестокости желать, чтобъ вы лучше оставались въ монастырів, какъ хотіла этого М-те Ларошъ, если бъ я не надівляся — я едва осмізливаюсь выговорить это и думать объ этомъ! — черезъ нісколько місяцевъ принадлежать къ числу тіхъ счастливцевъ, которые имізоть право окружать своимъ поклоненіемъ прекрасную Дельфину.

Помните ли вы маркиза Монжуа, котораго мы называли Людовикомъ XIV изъ-за его напыщенной важности? Онъ гоститъ теперь у насъ вмъстъ со своимъ отцомъ, и я, оставшись съ нимъ наединъ, попросилъ у него извиненія за всъ тъ шутки, которыя мы позволяли себъ съ нимъ, потому что именно онъ убъдилъ герцога взять меня съ собой, когда онъ поъдетъ въ Версаль, чтобы явиться ко двору. Представители стариннаго французскаго дворянства, по словамъ маркиза, должны своевременно сплотиться вокругъ дофина. Маркизъ не можетъ достаточно нахвалиться его простотой и благочестіемъ и говоритъ, что младшіе сыновья владътельныхъ князей, связанныхъ съ королевскимъ домомъ, должны непремънно поступить на службу дофина.

Долженъ ли я говорить вамъ, обожаемая Дельфина, что вовсе не мой интересъ къ дофину и его добродътелямъ привлекаетъ меня въ Парижъ? Но всъ соблазнительныя удовольствія Парижа, которыя мой другъ Гюи не устаетъ описывать мнъ, блъднъютъ передъ однимъ единственнымъ взоромъ вашихъ чудныхъ глазъ. И я снова имъю право надъяться увидъть ихъ!

Но я боюсь, что черныя звъздочки нетерпъливо пробъгають строки, продиктованныя моей любовью и тоской. Въдь я не знаю, человъческие ли это глаза, являются ли они зеркаломъ чувствительнаго сердца, или же это только брильянты, отражающие свътъ всего міра, но все жетолько камни?

Вы требуете новостей съ родины. О последнемъ долговременномъ пребывании герцога Вюртембергскаго въ Эрмитаже вамъ уже, вероятно,

писала моя сестра. Онъ вель очень замкнутую жизнь, желая отдохнуть отъ правительственныхъ дѣлъ. Мы пригласили танцовщицъ изъ Вѣны для его развлеченія. Онъ представили балетъ Новерра «Медея», который привелъ въ восторгъ всѣхъ зрителей. Герцогъ собственноручно роздалъ дѣвицамъ драгоцѣнные сувениры.

Въ честь его и многочисленныхъ другихъ гостей предполагалось устроить большой сельскій свадебный пиръ. Мой отецъ приказаль возвъстить, черезъ Этюпскаго каплана, что онъ подаритъ каждой изъ десяти молодыхъ дъвушекъ по свиньъ, если онъ согласны будутъ выйти замужъ, а моя мать уже разсказала нашимъ гостямъ объ идиллическомъ праздникъ, который имъется въ виду. Вмъсто этого, какъ вы думаете, что вышло! Одинъ изъ нашихъ форшнейдеровъ заявилъ дворецкому, настаивавшему на скоръйшемъ ръшеніи,—такъ какъ гости уже начали выказывать нетерпъніе,—что дъвушки и молодые парни, находящіеся въ брачномъ возрастъ, хотъли отказаться отъ брака въ виду господствующей среди крестьянъ сильной нужды. «Нашъ трудъ пожирается податями, и наши дъти могутъ погибнуть отъ голода», прибавилъ этотъ дерзкій человъкъ.

Наши гости были вознаграждены облавой за печальную неудачу этого сельскаго праздника. Пространство, отведенное для охоты, было громадно, но даже старый принцъ Конде, дрожащія руки котораго едва могуть держать ружье, все-таки не даль ни одного промаха. Правда, звърей гнали прямо къ нему. Потомъ ужинали на открытомъ воздухѣ въ палаткахъ. Всеобщее вниманіе возбудиль негръ-великанъ, котораго маркизъ Монжуа привезъ съ собой изъ своей послъдней африканской экспедиціи. Но хотя украшенія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, сверкавшія на этомъ негрѣ, стоятъ сотни тысячъ, все же они составляють лишь незначительную часть огромныхъ богатствъ маркиза. Онъ, одновременно съ нами, пріѣдетъ въ Парижъ, и я хочу открыть вамъ, что онъ намѣренъ поднести вамъ, какъ дочери своего стараго друга, драгоцѣнное жемчужное ожерелье, которое онъ пріобрѣлъ отъ одного индійскаго принца.

Моя сестра показала ему вашу миніатюру, которую я до сихъ порътщетно вымаливаю у нея. «Красота и невинность!» произнесъ съ восхищеніемъ маркизъ. Я молчалъ. Долженъ ли я былъ сказать ему, что портретъ мало похожъ и что вы въ тысячу разъ прелестнъе?

Вы видите, обожаемая Дельфина, сколько бы я ни старался говорить о чемъ-нибудь другомъ, мое перо, еще не научившееся скрывать и выводить придворныя фразы, чуждыя сердцу, постоянно возвращается къ вамъ вмъстъ съ моими мыслями. Но какъ ни дорого мнъ это, я все же не могу дождаться времени, когда живое слово сдълаетъ ненужнымъ мое перо.

Графъ Гюи Шеврёзъ Дельфинь.

Парижъ, 28 декабря 1772 года.

Изъ-за мадригала, преисполненнаго ивжности, которому могь бы позавидовать самъ шевалье Буфоле, — неужели же я буду лишенъ вашего присутствія, прелестная Дельфина? Ивтъ, мать святая Батильда, мы докажемъ вамъ, что Дельфина не монахиня, которая находится подъвашей командой. Чего бы это ни стоило, но моя обожаемая будеть на маскарадномъ балу въ отель дю Шатле! Не помрачайте же блеска вашихъ глазъ слезами...

Графа Гюн Шеврёзг Дельфинь.

Парижъ, 30 декабря 1772 г.

Все въ порядкъ. Пара луидоровъ превосходять своимъ блескомъ всякое сіяніе святости и раскрывають всякую монастырскую дверь. Сестра, которая передасть вамъ эти строки, скажеть вамъ все, что нужно. У маленькой садовой калитки будетъ ждать васъ портшезъ, который передъ этимъ доставить на балъ Клариссу. За ваше спокойное возвращеніе назадъ ручается намъ боязнь привидъній у матери святой Батильды. А цъна за мою рыцарскую услугу?..

Іоганнъ фонъ Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 31 декабря 1772 г.

Моя милая, маленькая графиня! Такъ какъ я могу только въ присутствии одной изъ вашихъ строгихъ надзирательницъ натянуто и церемонно освъдомляться о вашемъ здоровьи, а между тъмъ, послъ событій вчерашней ночи, я имъю многое сказать вамъ, чего вамъ не разскажетъ никто, то я и посылаю вамъ тайно это письмо.

Это была встръча, достойная того, чтобы Лагариъ изложиль ее въ своихъ легкихъ стихахъ, а Буфле описалъ ее въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ разсказовъ.

Темная ночь. Большіе бѣлые хлопья медленно ложатся на землю и тамъ постепенно превращаются въ клейкую грязь... Воть изъ-за угла улицы де Севъ показывается человѣкъ съ фонаремъ, наполовину скрытымъ подъ его плащемъ. Онъ робко оглядывается кругомъ, затѣмъ поднимаетъ фонарь и тогда показывается второй человѣкъ, за нимъ слѣдуетъ третій и, наконецъ, портшезъ, плотно завѣшанный, который песутъ посильщики. Они идутъ быстро, точно это бѣгство. Не знаю,

какая смутная мысль внезапно побудила меня, случайно повстрвчавшагося съ ними, повернуть назадъ и пойти той же дорогой. Вдругъ
небо передъ нами ярко освъщается огненнымъ заревомъ. Носильщики
мугаются и опускаютъ портшезъ на землю. Черезъ секунду запавъски
раздергиваются, и между ними показывается напудренная головка.
Два черныхъ глаза испуганно смотрятъ. Внезапно они узнаютъ меня.
Слуги грубо понукаютъ носильщиковъ, заставляя ихъ выполнить свой
долгъ. Они идутъ впередъ и съ этой минуты я точно прикованъ къ
нимъ. И вотъ какой-то оглушительный шумъ несется къ намъ навстрвчу. Звонъ колоколовъ раздается со всъхъ сторонъ, вызывая стократное эхо, и къ нему примъшиваются трубные сигналы, звуки которыхъ все растутъ и растутъ. Крикъ людей... Вотъ уже мы у Понъ
Нефъ. Сена окрашена краснымъ цвътомъ, какъ при восходъ солнца,
и справа пламя поднимается къ небу, точно хочетъ прорвать темный
небесный сводъ.

- Горитъ ратуша! взвизгнула какая-то старая баба возлѣ насъ. «Дитя мое, дитя мое!» кричитъ отчаяннымъ голосомъ другая и бросается въ сторону огня. «Къ Сартинѣ!» кричитъ какой-то мужчина и вырываетъ изъ рукъ слуги фонарь.
- Никто не можеть войти въ домъ!.. Больные горять!.. Четыреста больныхъ!.. Мы останавливаемся, одъпенъвъ отъ ужаса.

И воть маленькій портшезь открывается, и среди этой полной ужаса ночи появляется свётлый образь, окруженный облаками бёлаго шелка, въ розовомъ вёнкё на напудренной головке и въ золотыхъ башмачкахъ на нёжныхъ ножкахъ. Голыя ручки, дётская шейка сіяютъ среди ночной темноты.

Въ тоть же мигь на мосту появляется процессія, медленно двигающаяся къ намъ навстръчу. Слышны тихіе стоны и рыданія. Жалкія, оборванныя, полуголыя созданія, съ неподвужными взорами и лихорадочно горящими щеками... Они едва держатся на ногахъ, облокачиваясь другь на друга. Тамъ блъдная малютка прильнула къ старику, на котораго смерть уже наложила свою печать. Несчастная женщина съ лицомъ, представляющимъ одну гноящуюся рану, облокачивается на юношу, потухшіе глаза котораго уже не видять огня. Товарищи по несчастью, частью несли, частью волочили тъхъ, которые уже не могли итти. Двое мужчинъ, съ дрожащими колънями, держали подъруки дъвушку и тащили ее за собой...

Я хочу взять подъ свою защиту свътлое видъніе, стоящее передъ мной въ неръшительности, и протягиваю къ нему свои руки. Но дъвушка вырывается у меня и стоить уже въ толиъ бъгущихъ. Около нея собираются люди, слышатся грубыя слова, грубыя руки протягиваются къ ея ожерелью. Но она уже больше не боится...

— Возьмите мой портшезъ для этой дѣвушки!—восклицаетъ она.— Носильщики, сюда!—прибавляетъ она повелительнымъ тономъ.— Въ аббатство О-Буа! Всв повинуются ей, писто ее не трогаеть, всв слова умолкають. И въ своихъ золотыхъ башмачкахъ, въ своемъ бъломъ шелковомъ платьв, графиня Дельфина возвращается назадъ въ монастырь по липкой грязи улицъ. Она все тяжелве опирается на мою руку, она молчитъ и только киваетъ головой на всв мои вопросы. Лишъ у калитки она останавливается, смотритъ на меня широко раскрытыми глазами и произноситъ: «Бываетъ ли что-шибудъ подобное?.. Въ самомъ дълв?.. Это не сонъ?..»

Ваше наказаніе не будеть суровымь, маленькая графиня, потому что дёло милосердія искупаєть вашь проступокъ въ глазахъ благочестивыхъ монахинь. Но все же у васъ будетъ много времени, чтобы обо всемъ пораздумать. Вы въ первый разъ въ жизни взглянули въ глаза истинѣ, которую скрывали отъ васъ за высокими тесовыми изгородями и монастырскими стѣнами, и шелковыя занавѣски на вашихъ окнахъ заслоняли ее отъ вашихъ глазъ. Это все существуетъ въ дѣйствительности, это не сонъ, графиня Дельфина! Изъ этихъ несчастныхъ, которыхъ вы видѣли, сотни погибли въ огнѣ. Но, несмотря на такой ужасный конецъ, эти страдальцы, лежавшіе вчетверомъ и впятеромъ на одной кровати, еще не самые несчастные! Существуютъ сотни тысячъ такихъ, которыхъ голодъ медленно замучиваетъ до смерти и у которыхъ нѣтъ другой кровати, кромѣ камней на мостовой...

Когда же они проснутся, о, графиня Дельфина, тогда не поможеть и все ваще милосердіе!..

Смѣю ли я дать вамъ дружескій совѣть? Остерегайтесь графа Шеврёзъ. Несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, онъ уже законченный повѣса. Наставницей его въ дѣлахъ любви состоитъ знаменитая танцовщица Гимаръ. Быть соучастницей его проказъ принесетъ вамъ несомнѣнный вредъ.

При ныившнихъ обстоятельствахъ я не долженъ ждать отъ васъ отвъта, какъ бы онъ ни осчастливилъ меня. Но я надъюсь встрътиться съ вами, какъ только кончится ваше заточеніе, у герцогини Лавальеръ, въ кружокъ которой я получилъ доступъ, потому что нъмецкіе мыслители, со временъ барона Гольбаха, сдълались необходимой принадлежностью каждаго хорошо устроеннаго салона въ Парижъ.

Графъ Гюи Шеврёзь Дельфинь.

Парижъ, 30 января 1773 г.

Прекраснъйшая! Лучшая въ міръ! Вы видите передъ собой человъка, доведеннаго до отчаянія. Къ тому горю, которое постигло меня въ ту злополучную ночь, когда вы не явились на праздникъ, блескъ котораго пересталъ существовать для меня, потому что васъ не было, прибавлялось еще другое, болъе глубокое страданіе. Меня оклеветали

въ вашихъ глазахъ. Если бъ не сила вашего возмущения по поводу монхъ предполагаемыхъ гръховъ— Кларисса говоритъ: она пылаетъ гнъвомъ!—оставляющая мнъ надежду, что моя персона вамъ не вполнъ безразлична, то я посыпалъ бы пепломъ свою главу и подвергъ бы себя бичеванію, подобно святымъ отшельникамъ въ пустыни. Но я знаю: прелестнъйшая изъ всъхъ монастырскихъ воспитанницъ съ негодованіемъ отвергла бы меня, если бы я явился передъ нею во власяницъ аскета.

Поэтому я осмъливаюсь предстать нередъ ней въ своемъ обычномъ видъ, какъ придворный кавалеръ королевы, напудренный, раздушенный п въ желтомъ шелковомъ кафтанъ, какъ разъ въ томъ видъ, въ которомъ я нравлюсь прекраснымъ женщинамъ, и очень многимъ женщинамъ, очаровательная графиня, которыя не такъ строги, какъ вы, и се ставятъ мнъ въ вину, что я не избъгаю общества любовницы моего брата—слышите ли: моего брата!—общество которой находятъ пріятнымъ даже придворныя дамы, потому что она воплощаетъ въ себъ всъхъ добрыхъ геніевъ ума, остроумія, веселости и граціи.

Вы видите Парижъ только сквозь замочную скважину монастырскихъ дверей. Если въ кругъ вашего зрѣнія попадеть хромой нищій, грязный бродяга, женщина въ лохмотьяхъ, то вы думаете: воть это Парижъ! Между тѣмъ вы увидали только нѣсколько образчиковъ того сброда, который разсѣянъ по всему свѣту и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, вслѣдствіе пьянства, нежеланія работать и преступленій. Здѣсь больше было бы у мѣста презрѣніе, а отнюдь не милосердіе, потому что всякое соприкосновеніе съ подобными элементами можетъ только загрязнить васъ.

Оставайтесь, прелестная Дельфина, на вершинахъ человъчества, для которыхъ вы рождены! Достаточно грустно уже то, что вы такъ долго находитесь вдали отъ жизни, а также и отъ своего върнъйшаго и преданнъйшаго поклонника.

Парижская общественная жизнь теперь еще блестящье, чьмъ когда-либо. Вы знаете, въроятно, что нашъ общій другъ Фридрихъ-Евгеній ринулся въ ея водовороть. Я находился какъ разъ на дежурствъ у дофины, когда онъ былъ ей представленъ. Онъ понравился, этотъ добрый малый, только всъ немного посмъиваются надъ его откровеннымъ изумленіемъ передъ всъмъ, что онъ видитъ, отъ котораго въетъ провинціей. Впрочемъ, у него есть талантъ къ тому, чтобы сдълаться парижаниномъ. Когда я ввелъ его къ М-elle Гимаръ, то онъ, правда, сначала широко раскрылъ свои, къ сожальнію, такіе нъмецкіе! голубые глаза при видъ прозрачныхъ одеждъ столькихъ очаровательныхъ женщинъ, но зато потомъ съ пылкостью игралъ роль сёладона возлъ маленькой танцовщицы.

Чтобы помочь вамъ сократить время вашего заключенія—въ которомъ я, къ сожальнію, не вполнь безвинень— я посылаю вамъ прелестный романъ Дора «Жертвоприношенія любви», о которомъ теперь много говорять, а восторженные поклонники романа сравнивають его,

"PYCCKIA Bѣдомости",

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, Общественная и литературная газета, (Пятидесятый годъ изданія.)

Сотрудники "РУССКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ" сотоять: проф. Д. Н. Амучинь, К. В. Аркадакскій, К. К. Арсеньевь, Аврег (псевд.), Н. И. Астровь, И. П. Бълоконскій, А. С. Бълоруссовъ, И. Ө. Василевскій, («Буква»), С. А. Венгеровъ, В. И. Вернадскій, проф. А. Н. Веселовскій, RО. А. Веселовскій, проф. П. Γ . Виноградовъ, В. В. (певя.), Ө. Ө. Воропоновъ, А. Э. Вормсъ, А. Γ . Горифельдъ, А. Е. Грузинскій, Л. Я. Гуревичь, Н. В. Давыдовь, И. П. Демидовь, А. Деренталь, А. К. Дживелеговъ, Діонео (поевд.), В. І. Дмитрігва, кн. П. Д. Долгоруковъ, П. В. Егоровъ, С. Я. Елпатьевскій, П. Звъздичь (псевд.), Р. В. Ивановь-Разумникь, И. Н. Игнатовь, Инженерь (псевд.), Н. М. Іорданскій, проф. Н. А. Каблуковь, проф. Н. И. Карьевь, А. А. Кизеветтерь, проф. М. М. Ковалевскій, Л. С. Ковловскій, Ө. Ө. Кокошкинь, В. Г. Короленко, В. В. Корсаковь, проф. С. А. Котляревскій, Л. Ө. Крживицкій, Ө. Д. Крюковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, кн. Г. Е. Пьвовъ, А. А. Мануиловъ, В. А. Маклановь, П. Ф. Макланова, А. Н. Мансимовь, С. П. Мельгуновь, проф. М. А. Менгбирь, проф. И. И. Мечниковъ, Ө. Н. Митропольскій, Н. А. Морозовъ, проф. М. И. Назаревскій, проф. П. И. Новгородцевь, С. П. Ордынскій, М. А. Осоргинь, П. Ө. Пантельевь, А. Б. Петрищевь, Т. И. Полнерь, Н. И. Поповъ, проф. А. С. Посниковъ, М. М. Пришвинъ, А. С. Пругавинъ, А. В. Пъшехоновъ, В. А. Розенбергь, В. В. Романовь, М. В. Сабашниковь, П. А. Садыринь, П. Н. Сакуминь, Н. В. Самсоновь, В. И. Семевскій, А. Серафимовичь (повял.), Собесьдникь (повял.), проф. М. Н. Соболевь, В. М. Соболевскій, Н. В. Сперанскій, С. В. Сперанскій, Н. С. (пеевд.), проф. И. А. Стебуть, Стверянинь (псевд.), Тань (псевд.), проф. К. А. Тимирязев, А. Н. Трайнинь, проф. А. Ө. Фортунатовь, С. Ө. Фортунатовь, проф. М. И. Фридмань, проф. В. М. Хвостовь, В. Е. Чешихинь, проф. А. А. Чупровь, П. М. Шестаковь, А. И. Шингаревь, Артурь Шнитилерь, Н. Н. Щепкинь, Ю. Д. Энгель, Н. Е. Эфрось, Л. Н. Юровскій, Б. В. Яковенко, В. Е. Якушкинь, Н. В. Якушкинь, проф. И. И. Янжуль, проф. Л. Н. Яснопольскій, и многів другів.

Подписка на 1913 годъ.

	Въ М	осквѣ	1	На го	рода	За границу съ пересылкой:					
	съ дост	гавкой:		съ перес	ылкой:						
на	12 мѣсяц.	. 10 р. — к.	на 12	мъсяц.	11 р. — к.	на	12 мѣсяц.	18 р. — к.			
29	6 "	5 " 50 "	" 6	,,,	6 "— "	39	6 "	9 " — "			
29	3 "	3 "— "	,, 3	3 "	3 , 50 ,	99	3 "	4 , 80 ,			
**	1	1 ,	1, ,, 1	27	1 , 20 ,	99	1 ,,	1 , 90 ,			

Для гг. подписчиновь допускается разсрочка при усл. непоср. обращ. въ контору газеты: для иногороднихъ: а) при подп. 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подп. 5 р., къ 1-му мар. 3 р. и къ 1-му авг. 3 р.; в) при подп. 3 р., къ 1-му мар. 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сет. 2 р. для городскихъ: при подп. 3 р., къ 1-му мар. 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му окт. 2 р.

Для восп. высш. уч. завед., сельск. священ., учителей и уч-ць начальныхъ школъ, фельдшеровъ и фельд-цъ и акушерокъ въ Москвъ съ дост. на 1 мъс. 85 к., на годъ 8 р. 50 к., въ др. города съ перес. на 1 м. 1 р., на годъ 9 р. 35 к., при усл. непоср. обращ. въ к-ру газеты. Для рабочихъ въ Москвъ —55 к. въ мъс., въ провинцію, также и дл и крестьянъ—на 1 м. 80 к., на годъ 8 р. Почтовыя марки въ уплату не принимаются. Подписка принимается въ Москвъ, въ конторъ "Русскихъ Въдомостей"— Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7. Телеф. 319—97.

ЦЪНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: Передъ текстомъ—70 коп. строка петита (въ одну колонну), послѣ текста—40 коп. такая же строка. Лица, ищущія труда, платять 50 коп. за два раза при размѣрѣ не болѣе 5-ти строкъ и при непоср.обращеніи въ к-ру "Русскихъ Вѣдомостей".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на ежемъсячный литературный, политическій и научный журналъ

PUCCKOE BOTATCTBO.

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА съ доставкою и пересылкою: на годъ-9 р., на 6 мъс. — 4 р. 50 к., на 4 мъс. — 3 р., на 1 мъс. — 75 к. — Съ наложеннымъ платежомъ отдъльная книжка 1 р. 10 к. — Безъ доставки: на годъ-8 р., на 6 мѣс.-4 р. За границу: на годъ-12 р.; на 6 мъс. — 6 р.; на 1 мъс. — 1 р. (Уступка книжнымъ магазинамъ при подпискъ сразу на годъ-40 коп.).

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: Въ С.-Петербургъ—въ конторъ журнала, Баскова ул., 9. Въ Москвъ – въ отдъленіи конторы, Никитскій бульварь, д. 79, Мошкиной. Въ Одессъ-въ книжномъ магазинъ "Одесскія Новости", Дерибасовская, 20; въ магазинъ "Трудъ", Дерибасовская ул., д. 25.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г. на ежемъсячи, журналъ

П-й г. изданія.

,,3ABB1

II-й г. изданія.

Въ ближайш. кн. 1913 г. будутъ напечатаны произведенія: Гр. А. Н. Толстого (комедія въ 5 д. "Лънтяй"), Ю. Балтрушайтиса ("Кочевники" поэма, "Искры и Звъзды", "Шелестъ травъ" и др.), В. Винниченко ("Федоръ Биланъ"), Бориса Зайцева ("Гръхъ"), А. И. Иванчина Писарева (Изъ воспоминаній о "хожденіи въ народъ"), М. Пришвина ("Въ слоновой долинъ"), А. Ремизова ("Сказъ и росказни", "Вещь темная" и "Свътъ немерцающій"), С. Сергъева-Ценскаго ("Лерикъ"). Ө. Сологуба (разсказы), И. Шмелева ("Поденка") и др.

СТАТЬИ: А. Баха, С. А. Венгерова, Ф. Вольховскаго, А. Воронова, Н. Геккера, А. Гуковскаго, А. Дермана, С. Зака, Е. Звягинцева, Р. Иванова-Разумника, В. Лункевича, Г. Лягарделя, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, С. Метальникова, Н. Морозова, С. Мстиславскаго, Н. Огановскаго, Н. Ракитишкова, М. Ратнеръ, Н. Русанова (Н. Е. Кудрина), Скива, Н. Суханова, Б. Берненкова, Виктора Чернова, Гр. Шрейдера и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЪЛЫ; "Историческіе матеріалы по литературъ и общественному движенію": о A. Γ ерцень, H. Mихайловскомъ, H. Чернышевскомъ, Γ . Успенному движенію": о A. Γ ерцень, H. Mихайловскомъ, H. Чернышевскомъ, Γ . Успенному движенію": о A. Γ ерцень, H. Mихайловскомъ, H. Π ернышевскомъ, Π ерныше скомь, U. С. Тургеневно, Петрашевцахъ, Каракозовъ, П. Гоцъ и др. Дъла и дни. Я. Въчевъ (В. Черновъ). Литература и общественность — Р. Ивановъ-Разумникъ. По градамъ и весямъ—М. Пришвинъ. Свов и чужов (русск. жизнъ)—С. Метиславскій. Текущая жизнь.

ПОДПИСНОЯ ЦВНО. на 12 мвс.—10 р.; на 6 мвс.—5 р.; на 3 мвс.—2 р. 50 к.; на 1 мвс.—85 к. Отдвльная подписноя цвно, съ наложен. платежомъ 1 р. 20 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

Подписавш'еся на весь 1913 г. имѣютъ право получить комплектъ № № 1912 г., выѣсто 8 р. за 5 р. Въ виду ограниченнаго количества оставшихся № 1912 г., подписчики будутъ удовлетворяться въ порядкѣ псслѣдовательности подписки.

Въ 1912 г. напечатано: И. Бунина («Веселый дворъ»), В. Вининченко («Исторія Акимова зданія»), М. Горькаго («Рожденіе человъка»), М. Пришвина («Иованъ-Осляничекъ»), А. Ремизова («Бисеръ малый»), В. Ропшина («То, чего не было»), С. Сергъева-Ценскаго («Около моря»), И. Сургучева («Торговый Домъ») и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербург'в—въ контор'в журнала, Косой пер., 11, уг. Соляного.—Те леф. 193-27; въ Москв'в въ контор'в Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во вс'ях почт. учрежденіяхъ Россіи по ц'ян'в ред., безъ доплаты за перес. денегъ. Въ Москв'в складъ журнала—кн. маг. «Наука», Б. Никитская.

Издательница С. А. Иванчина-Писарева. Редактопа П. П. Инфантьевъ.

Открыта подписка на 1913 годъ на ежемъсячный журналъ

"УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ"

журнала; Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни

Программа журнала; Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни на Укравивъ. — Сужденія печати, превмущественно русской и польской, объ укравнекомъ вопрост. — Письма нать россійской Украины и изъ Галиціи. — Критическія статьм и литературныя обозрѣвіні; библіографія. — Украинское искусство. — Разымя извѣтетія и замѣтки. — Отефтъ редакціи на вопросы читателей, отпосицісея къ программѣ журнала. Въ теченіе 1912 года въ «Украинской Жизин» были напечатаны, между прочимъ, следующія статьи. Проф. М. с. Грушевскій. Украинские момекты въ холмскомъ вопрость. Ето ме. Lex Ріссійпала. — Старый Украинские Куранство. — Ето ме. Новое знамя выціоналистовъ. О Бѣтоусенно. Гибель «Проф. М. с. Грушевскій. Украинство. — Ето ме. Колмском вопросу. — А. С. Сарый Украинский Куранский языкъ и общерусская культура. — Ам. Васильно. Къ холмскому вопросу. — А. О. Салыковскій, М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово». — С. В. Петпора. Къ драмѣ жизни Шепченка. — Ето ме. Къ вопросу о кураннской курьтуръ. — Д. Сиромаха. Сосдиненіе Украины съ Москвою. — Проф. О. Е. Коршъ. Къ спору объ украинской культуръ. — Д. Сиромаха. Сосдиненіе Украины съ Москвою. — Проф. О. Е. Коршъ. Къ спору объ украинской культуръ. — Д. Сиромаха. Сосдиненіе Украины съ Москвою. — Проф. О. Е. Коршъ. Къ попросу объ зкономических отношеннях Украины. Т. Г. Шевченку. — Ето ме. Украина. Т. Г. Шевченку. — Ето ме. Украинъ — В. Политическіе вягляды М. П. Драгоманова. — М. Могилинскій. О культурнь — С. С. Ф. Руссовій избранни къ выстанни в проссей и Политическій вопросу объ зкономических отношеннях Украинь. — А. Хатченко. Герпенъ и Украина. — В. Политическіе вягляды М. П. Драгоманова. — М. Могилинскій. О культурны профектурнить профектурь. — Политическій вупаренний замографичь. — А. Катченко. Герпенъ и Украинской замографичь. — А. Катченко. Герпенъ и Украинской замографичь. — А. Катченко. Герпенъ и Украинской замографичь. — Осменный батографичь. — А. В. Пуначарскій. Онапіольный в нобреней кизни. — В. Саровскій. Онапіольний вобрень в претей доктуры по замогр

УСЛОВІЯ Съдостав, и перес. Годъ Въ Россія 6 р. ПОДПИСКИ: За границу. . . . 8 р. 2 мѣс. 6 мѣс. 3 мъс 1 р. 10 к. 1 р. 50 к. 4 p. 2 р. — к. 1 p. 50 R. — р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также лля учащихся, рабочихъ и крестьять допускается, при меносредственномъ обращения въ редакцию, ЛЬТОТНАЯ ПОДПИСНА: на годъ 5 руб., на 6 мбс. 2 руб. 50 коп. и на 3 мбс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ "УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ". Москва, Б. Дмитровка, 14.—Толоф. № 308-79.

открыта подписка на журналъ * 1913 годъ. * ъстникъ воспита

ЗКурналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духъ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этой цълью журналь слідить за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даеть отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикъ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дътскихъ книгахъ и друг. Кромъ того, въ журналъ помъщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогические очерки, разсказы, воспоминація и проч.

В мерриаль принимали участие: д-рь философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айгенвальдь, А. Д. Амферовг, д-рь Д. Д. Евкарпоковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, Ю. А. Веселовскій, прие.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Гругинскій, А. И. Д. Адрев, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. В. Изматевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. И. Любликскій, С. П. Мельеуновъ, проф. И. И. Мечиковъ, проф. Н. Ф. Милайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овекнико-бідликовскій, проф. И. Г. Ориманскій, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синцикій, Д. Д. Синцикій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. И. Улановъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, Н. В. Хастина - Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарномускій, Н. В. Чеговъ, кн. Д. И. Шаговской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ

Журналъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе льтнихъ мъсяцевъ журналъ не выходить); въ каждой книжкъ журнала болъе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цена: въ годъ безъ доставки—5 руб., съ доставкой и пересылкой—6 руб., въ полгода—3 руб., съ пересылкой за границу-7 руб. 50 коп.; для недостаточныхъ людей цена въ годъ съ доставкой и безъ доставки-5 руб. Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣс, чѣмъ на 5 экземпл. дѣластся уступка въ размѣрѣ 5%, подписной цѣны и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпл.— въ размѣрѣ 10%, Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ реданцію.

Плата за объявленія въ журналь: 30 руб. за страницу и 15 руб. за полстраницы. Подписка принимается: въ конторъ редакціи (Москва, Арбать, Старо-Конюшенный пер.. домъ № 32), во всъхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденияхъ и во всъхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. икогороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на ежемъсячный литературно-политическій журналъ

KHYDDRd M bl b Jl b.

Редакторъ-издатель П. Б. СТРУКС.

Въ литературно-критическомъ отдълъ ближайшее участіе приним. В. Я. Брюсовъ. Отдъломъ естествознанія завъдуеть профессоръ-академикъ В. И. Вернадскій. Въ 1913 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану, который былъ положенъ въ основу 1911 г. и осуществлялся въ 1912 г., и при участіи тъхъ же литературныхъ силъ.

Въ 1912 г. были и еще будутъ помъщены, между прочимъ, слъдующія беллетристическія произведенія.

Д. С. Мережиовскій. Александръ І. Романъ. З. Н. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. Повѣсть изъ современной жизни. В. Я. Брюсовъ. Алтарь побъды. Повѣсть IV вѣка. Борисъ Садовской. Яблочный царекъ. Историческая повѣсть. Гаванъ. Драма Стукена въ перев. Ө. Сологуба и А. Чеботаревской. Аявтъ-Бичепосецъ. Трагедія Софоила въ перев. Ө. Ф. Зѣлинскаго. Стихи В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, Н. Д. Бальмонта. А. А. Блона, З. Н. Гиппіусъ. Н. Клюева и другихъ.

Въ томъ же году были помъщены, между прочимъ, слъдующія статьи:

Въ томъ же году были помъщены, между прочимъ, слѣдующія статых:

С. Н. Андреевскій. Будушія задачи суда. Н. А. Бердяевъ. Націонализмъ и антисомитизмъ передъ судомъ христанокато сознанія. В. Я. Богучарскій. Земскій союзь или Священная Дружива? С. Н. Будгановъ. На выборахъ. В. И. Вернадскій. Изъ исторіи идей. Л. Я. Гуревичъ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Толстого.

Ф. Зѣлинскій. Идел возмездія въ античной трагсція и жизни. А. А. Наумань. Русская куроктка въ цифрахъ, А. А. Кизеветтеръ. Графъ О. В. Ростопчивъ. Б. А. Нистиювскій. Органъ Земскато Союза «Вольное Слово» и легемия о пемъ. А. А. Коримловъ. Эпоха Отечественной войны и ея заменей въ конфіншей которіи Россіи. В. А. Манлановъ. Левъ Толстой, какъ общественный дѣятель. Кн. В. А. Оболенскій. Очерки хуторской Россіи. С. Патрашининъ. Иліодоръ. П. Б. Струве. Общерусская культура и украизскій партикуляризмъ Т. Н. Тимовевеъ. М. А. Баламиревъ. Мн. Е. Н. Трубецкой. Старый и новый націозальный мессіонизмъ. А. И. Шингаревъ. Законопательная иниціатива членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Кромѣ того, постоянно печатались публицистическіх замѣтки А. С. Изгосва подъ общимъ заглавіемъ НА ПЕРЕВАЛЬ, ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ постоянныхъ загравичныхъ корреспондентовъ. ПИСЬМА О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ И ОБЛАСТЯХЪ Разнихъ пиць, въ томъ числѣ бкультурным и политическія проблемь Кобирть И. В. Некрасова.
Въ отдѣлѣ МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НУЛЬТУРЫ, между прочимъ, была и будутъ напечатаны некуданное коншеское произведеніе И. С. Тургенева, его же письма къ П. Віардо, матеріалы для інграфіи Л. Н. Толстого («Дѣло Самарскаго Пубернскаго Жъндармскаго Управленія объ ототъвномъ поручнкъ дъвъ Толстомъ»), пясьма К. Д. Навеляма.

Отдъль въ Россіи и за границей (обзоры и замътки) распадался на рубрики: ОТЛЕНТЬ ВЪ РОССІМ И ЗА ГРАНИЦЕИ (ООЗОРЫ И ЗАМЪТКИ) РАСПАДАЛСЯ НА РУОРИКИ.

1. Политика, общественная жизнь и хозяйство. И. Литература и искусство. ИИ. Философское движеніе. IV. Историческая ваука. V. Религія и церковь. VI. Школа и воспитавіє. VII. Всегетвовнаніе. VIII. Военное и морское дъло. IX. Некрологь. Въ этомъ отдълъ были помъщены обзоры и замѣтки: В. Я. Брюсова, С. Н. Буравкова, П. Г. Викоградова, Л. Габриловича, М. О. Гершиновоча, Рев Гиля (перев съ рукописы), Ф. О. Эльниновасо, А. С. Изгоева, А. А. Кизеветтвра, Антона Крайкіяго, А. М. Обудова, П. Я. Рысса, А. Н. Оваича, П. В. Стируве, К. Г. Н. Трубенкого, С. Л. Франка, В. В. Хименкувова, Г. Н. Шпильмана, А. С. Эліасберга, К. А. Эрберга и друг. Въ НРИТИЧЕСНОМЪ ОБОЗРЪНІЙ «Русской мысли» за 1912 г. быль пом'єщень рядь рецензій на русскія и яностранным книги (единичныхъ и еводныхъ), по всъмъ отраслямъ знавій и давался оборъ всей русской (книжной и журупальной) литературы по всеобщей исторія (поть редяжціей Д. Н. Егорова). Къ критическому Обозрѣнію прилагается расположенный въ систематичеси. порядиъ списонь всъхъ вновь выходящихъ на русскомъ языкъ инигъ

Условія подписки:

Годъ. 9 мъс. 6 мъс. 3 мъс. 11 р. 25 к. 12 " 75 " 7 р. 50 к. Съ дост. и перес. въ Россіи. . 15 р. 3 р. 75 к. 50 ,, 8 4 " 25 " На одинъ мъсяцъ только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 25 к.

Цена отдельнаго номера въ продаже 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа № мурнала въ Москве; въ отдъления конторы мурнала—Сиецевъ Враженъ д. 20, кв. 3 (С. В. Лысцовой), въ книжныхъ магазинахъ "Образованіе", М. О. Вольфа и Н. П. Нарбасиниюва, въ конторф Н. Н. Печновской; въ Слб.—втавной конторф: Нюстадская ул., д. 6 (близъ филлицискаго вокзала),—въ книжн. магаз. Н. П. Нарбасиниюва, М. О. Вольфа и кн. скл. "Право"; тъ Варшавф.—въ книжн. магаз. Н. П. Нарбасиниова; въ Кіевъ—въ книжн. магаз. М. Я. Оглобина «Трудъ»; въ Олессъ—въ книжн. магаз. "Трудъ"; "Одесскія Новости" и "Новаго Времени"; въ Харьковф—въ книжн. магаз. "Тотрудъм; въ Олессъ—въ книжн. магаз. "Тотрудъм; въ Слессъ—въ книжн. магаз. "Тотрудъм; въ Слессъ—въ книжн. магаз. "Сотрудникъ".

Пріемъ объявленій въ Москвъ у М. Д. Турубинера, 4-я Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Телефонъ 112-25.

Письма, рукописи и рецензіонные экземпляры надлежить направлять исключительно по новому адресу редакціи въ С.-Петербургъ, Нюстадская, 6.

Редакція просить гг. подписчиковъ своевременно извъщать главную контору о каждой перемънъ адреса, прилагая на 25 к. марокъ.

Савый дешевый, ежемасячный, доступный широкой массь читатевей, издающійся ШЕстой годъ

Открыта подписка да 1913 годъ.

H O B LI W

въ годъ.

ГРЕГЕНЬ сотрудниковъ **беллетр. отд.**: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Бунинъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондурушкинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, гр. А. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ, и др.; научно-попул. и критич. отд.: проф. Е. Аничковъ, П. Берлинъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, Н. Лернеръ, А. Луначарскій, Н. Рубакинъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Озеровъ, проф. В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, пр. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковскій и др. НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

> книгъ журнала, содержащихъ повъсти, разсказы, стих., статьи по вопросамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, рецензіи о новыхъ книгахъ и проч.

книгъ безплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въкоторыхъ будутъданы произведенія современ. изв'єстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як. Вассерманна и др.

картинъ безпл. приложенія въ три краски, на веленевой бумагь: снимки съ картинъ извъстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размъръ каждой картины-форматъ страницы журнала,

подписная цъна: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. Пробные №№ за двъ 7-коп. марки. Подписка во всъхъ книжныхъ магазинахъ и почтов. отдъл. Имперіи. Всъ обязательства за 1912 г. выполнены. АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19, "Новый Журналъ для Всвхъ". Ред.-изд. И. М. Розенфельдъ.

На самый дещевый изъ толстыхъ ежемъс. жури,, 300 стр. уборист. при шрифта, участіи чш, питератури, силъ,

Открыта подписка на 1913 годъ.

D. 90 K. БЕЗЪ ПРИЛОЖ.

D. 20 K.

кн. прилож. сотрудниковъ беллетр. отд: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Краткій ПЕРЕЧЕНЬ сотрудниковъ беллетр. отд: Леонидъ Андреевъ, м. Арцыоашевъ, В. Вересаевъ. З. Гиппіусъ, С. Городецкій, Д. Мережковскій, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сергъевъ-Ценскій, Өедоръ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др. Обществ.-полит., критич. и научн. отд.: проф. Е. / ичковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ, П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ, Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К. Чуковскій, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ идр. НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

> ким в журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы: А. Крандіевской, И. Потапенко, фантаст. ром. Н. Березина, новъйшіе романы выдающ. иностран. писат., повести, разсказы, статьи по вопрос. литер., науки, искусства, общ.-полит. и проч.

> книгъ безпл. прил. полн. собр. соч. попул. америк. беллетр., въ единств. авторизов. пер. І. А. Маевскаго, съ біогр. и портрет., стоющ. въ отд. продажъ-16 р. 12 книгъ сост. свыше 3840 стран. текста.

ЦЪНА: на 1 годъ-7 р. 20 к, на полгода-4 р.

(Разср.: 3 р.—при подп., 2 р. 20 к.—1 марта и 2 р.—1 іюля).

Безъ прилож.: на 1 годъ-4 р. 90 к., на полгода-2 р. 70 к. (Разср.: 3 р. при подп. и 1 р. 90 к.-1 іюля). СОВМ БСТНАЯ ПОДИНСКА на "Новый Журн. для Всѣхъ" и "Новую Жизнь" (съ прилож.) на 1 годъ-9 р. (Разср. 4 р – при подп., 3 р.—1 мар. и 2 р. 1 іюл.). На "Нов. Журн. для Всъхъ" (съ прил.) и "Новую Жизнь" (безъ прил.) на 1 г. 6 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при подп., 2 р.— 1 мар. и 1 р. 60 к.—

1іюл.). Подробн. просп.—безплатно. Пробные №№ за двѣ 7-ми коп. марки. Всв обязательства за 1912 выполнены. Подп. принимается во всъхъ книжн. магазинахъ и почтов. отдъл. Имперіи.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19. К-ра журн. "Новая Жизнь". Ред.-Изд. И. М. Розенфельдъ.

IV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

IV-й годъ изданія.

"ЖИЗНЬ для ВСБХЪ".

Редакторъ-Издатель В. А. ПОССЕ.

Редакція ставить своей і задачей облегчить мыслямь и чувствамь широкихь массь русскаго народа объединиться съ мыслями и чувствами выдающихся представителей человѣчества въ ихъ творчествѣ истины и справедливости.

"ЖИЗНЬ для ВСВХЪ" выходить въ двухъ изданіяхъ.

Подписчики 1-го изданія получають 12 книжень журнала (2000 страниць убор, печати сь иллюстраціями на отдітльных листах мітловой бумаги и 3 приложенія:

Н. А. Рубакинъ. Исторія земли.

М. Слобожанинъ. 50-льтіе земства (общиный трудь, дакції обзоръ дъятельности земства за 50 льть).

В. А. Поссе. Исторія парствованія проствованія Александра II и Александра II и Александра III и подписчики на 1913 годь могуть получать за примаату 50 ком.).

Цъна 1-го изданія на годъ съ дост. и перес. З руб. Допускается разорочка: при подпискъ 1 р.; къ 1 марта—1 р. и къ 1 сентября—1 р.

Подписчики II-го изданія получають тѣ же 12 книжекь журнала, тѣ же три приложенія и, кромѣ того, 12 томовъ, въ которые войдуть:

- 1) "Жизнь Россіи". (Подробное описаніе страны и ея населеня). Въ 1913 году Россія и съ подробныме описаніями Петербурга (влучный, художественный и общественный путеводитель), Сибнов и Дальняго Востока.
- 2) Сочиненія Фр. Ничше: "Такъ говориль Заратустра" въ переводъ ю. м. будеть праложень очеркъ "Жизпь и творчество Ничше".
 - 3) Максъ Штирнеръ. Полный перев, сочин: "Еданственный и его собственность"
 - 4) І. Фихте. Переводъ его популярнаго труда "Назначеніе человъка" и очеркъ его жизии и творчества.
 - 5) Л. Н. Толстой. "Путь жизне" Педагогическія статьи. Разсказы и переводы для датей. Ученіе Христа. Очеркъ жизна и творчества Толстого.

Цтна II-го изданія (12 книжень 6 руб. 60 коп. съ доставной журнала и 15 томовъ приложеній)

Допускается разорочка: при подписк \pm 2 р. 60 к.; къ 1 марта - 2 р. и къ 1 сентября- 2 р.

За приплату 3 руб. 60 ког. водивсчин, какъ І-го, такъ в ІІ-го взданія получають еще 12 томозъ соч. Л. Н. ТОЛСТОГО (всь художественныя произведенія, написанныя посль 1880 г. в гавить вил ревигово-фялософскія), вы взящчомы изданів съ илжестраціями.

Деньги сладуеть посылать ва С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 22, редакціи "ЖИЗНИ для вСЪХЪ".

"Въ ЖИЗНИ для ВСБХЪ" ежегодно печатаются отчеты о доходахъ и расходахъ по издацію. Чистый доходь издатель обязуется отдавать на культурныя дёла по указачію большинства подписчиковъ. Въ журналь принямають участіе на ряду съ навёстными литераторами и учеными народные учителя, земпы, рабочіе и крестьяне.

Связь между сотруднеками и подписченими поддерживается "Товарищеской беседой" и "Голосами Жизне".

За исполнение условій подписки принимаєть на себя отв'ятственность

Влад. Александр. Поссе.

С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 22.

Открыта подписка на 1913 г. на журналь

"ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ"

изданія годъ VII.

Редакція Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.

Выходить два раза въ мъсяць, кромѣ іюня и іюля, всего 20 разъ въ годъ, книжками отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ. Журналъ ставить своей задачей: 1) содъвствовать обновленію нашей школы на началахь, двигуемыхъ современной научной педагогикой и запросами русской жизни. 2) содъйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія нанбольшей уолённога въ ихъ работь Съ этой цёлью журналь сивдить за развитемъ новыхъ педагогическихъ ндей какъ у насъ въ Росеіи, такъ и на Западъ и даетъ венкаго рода сиравки и указаніи практическаго характера по вопросамъ школьеного и вібшкольнаго образованія. Постоянные отбълы се журналь: «Изъ школьной жизни за грамицей», «Школьная практика», «Библіотечная практика», «Библіо

практика», «Биолография», «А роника учительских» организации и присчотывшень обществов, А роника зетелога дъятельности по надродному образованию», «Изъ писемь учителей» и «Правительственных распоряжения». Съ предстоящаго 1913 года журналъ увелячиваеть свой объемь, вновь вводя «Обзор» періодической печати». Въ этомъ отдълъ читатель найдеть обзоръ, помъщаемыхъ въ лучшихъ журналахъ, статей: по исклологии, философіи, Въ этомъ отдълъ читатель найдеть обзоръ, помъщаемихъ всичиихъ журванхъ, статей: по исихологии, философии, погикъ, педагогикъ, методикъ преподавания, дътскому чтеню и вообще по вопросамъ воспитания и образования, пикольнаго. Открывая этотъ отдълъ, редакция имбеть въ виду представить читателю возможность бить освъдомленнымъ обо всемъ, что въ періодической печати появитея воваго по вопросамъ воспитания и обучения. Кромъ этого, звачительно будетъ распирешь отдълъ «Библіографіи». Здъсь будутъ дътаться сообщения о всехъ новыхъ книгахъ, могущихъ такъ или иначе интересовать учителя и педагод, въ сообенности дъятеля по народному образованию. Особенное винмание будетъ обращено ва учебную и дътскую литературу.

Въ 1913 году въ журналъ, между прочимъ, будутъ помъщены статьи: «Учебники по русск. истории для начальн. училищъ», «Учебники по русск. и всеобщ летории для народи. учил повышеннаго типа» (В. Н. Бочкаревъ). «Песталодци и его современное значене» (Г. К. Веберъ), «Зволюцониямъ и школа», «Алкоголиямъ, какъ бытово вявленіе», «Объщенное самоотравленіе» (А. О. Малициянъ), «Умътевное утомнейе». Нагладность въ обучения. Память и запоминавие» (М. М. Рубинштейнъ), «Тоноды по психологіи памяти», «Дътскіе идеалы», «Дътскіе рисунки, какъ матеріалы для наученія дътской психологіи» (Н. А. Рыбинковъ), «Воспитаніе воображенія» «Воспитаніе зостическаго чувствам (Н. В. Самсоновъ), «Національныя особенности подвижных» игръ и народный учитель» (Н. С. Филятись) и др.

Съ увеличеномъ объема журнала въсколько увеличивается и полименя пънва в меня объема журнала въсколько увеличивается и полименя пънва сътстическаго чувствам (Н. В. Самсоновъ), «Національныя особенности подвижных» игръ и народный учитель» (Н. С. Филятись) и др.

Съ увеличениемъ объема журнала изсколько увеличивается и подписная цізна, а именно: цізна въ годъ съ доставкой и пересылком 3 руб. (вмізеті съ «Практической Школьной Энциклопедіей» 6 руб.), на полгода 1 р. 50 к. Цізна отдільнаго № журнала 20 коп.

Подписчикамь журнала на 1913 годъ предоставлены льготныя условія при пріобр'втеніи новой книги: «Практическая Школьная Энциклопедія».

Тодовые поблисчики журнала получають «ПРАКТИЧЕСКУЮ ШКОЛЬНУЮ ЭНЦИКЛОПЕДІЮ» вывсто 3 руб. 50 коп. безъ пересылки, за 3 руб. съ пересылкой. Подписа принимается съ котпорт мурнала: Москва, В. Гругинская, д. 32, (телеф. 159-41), а также во

Подписка принимается во конторъ экурнала: Москва, Е. Грузинская, д. 32, (телеф. 159-41), а также во встко почтово-телеграфных в учрежденіях в Имперіи. Пробный № экурнала, подробныя свыдынія и отзывы печати объ «Энциклопедіи» высылаются безплатно.

XIX годъ

въ 1913 году

годъ XIX

"ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будеть выходить ежемъсячно, кромъ іюля и августа книгами, въ объемъ около 20 дистовъ. Подписной годъ начинается съ января 1913 года.

Въ «Журналѣ» печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената: 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыть книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель поридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства свъдънія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и изъ Парижа; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ «Мурнапъ» за 1894—1912 годъ были напечатаны, исмян прочинъ, статън спъдующихъ авторовъ; А. С. Алексъева. А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ө. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссковоскаго, Д. А. Дриля, М. В. Дуловскаго, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Неановскаго, И. А. Навноскаго, М. М. Ковальескаго, А. Ө. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина О. Н. Леонтовича, В. М. Ничелева, бар. А. Э. Нольбе, Д. А. Носекко, П. Н. Обнинскаго, Н. А. Понтураскаго, Г. А. Понтураскаго, Г. С. Поружова, А. В. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сертьевича, Н. Д. Сертьевскаго, В. К. Случескаго, В. Д. Сласовича, О. В. Таркновскаго, С. Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвинамана, Г. Ф. Шершеневича, В. И. Пиркова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловипова, И. Е. Энгельмана и мм. друг.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Главная контора: Книжный склада М. М. Стасюлевича, С.-Петербурга-Васильевскій острова, 5 линія, дома 28.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургъ, по Екатерининской улицъ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 г.

НА ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

"ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЪСТНИКЪ",

издающійся въ С.-Петербургѣ съ 1-го іюля 1912 г.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіє: проф. свящ. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ. А. Н. Брянчаниновъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгановъ, проф. И. М. Греевъ, чл. Г. Д. И. Н. Ефремовъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, чл. Г. Д. проф. Н. Ө. Каптеревъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, чл. Г. Д. Н. Н. Лъвовъ, проф. И. Х. Озеровъ, А. А. Папковъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, проф. И. В. Тихомировъ, проф. В. И. Экземплярскій и другіе.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: ез нонторъ журнала — С.-Петербурга, Васильев. остр., 11-я линія, д. № 36, нв. 11, ез ннижных магазинах "Новаго Времени" и Вольфа, ез почтовых отдъленіях Имперіи.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА: на годъ 4 рубля, на 1/2 года 2 руб., на 3 мѣсяца (по желанію)—1 руб., на 1 мѣсяцъ—50 коп., съ доставкой и пересылкой.

Цѣна № въ отдѣльной продажѣ 10 коп., съ пересылкой—15 коп.

Пробный № журнала можетъ быть высланъ безплатно по сообщеніи адреса.

Редакторъ-издатель *Е. П. ИВАНОВЪ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую НОВУЮ ежедневную, прогрессивную, безпартійную газету

"РУССКАЯ МОЛВА"

Въ газетъ принимаютъ ближайшее участіе:

кн. З. Д. Аваловь, С. А. Адріановь, С. В. Аникинь, С. Я. Арефинь, К. К. Арсеньевь, А. А. Блохь, А. Н. Брянчаниновь, С. Н. Булгаковь, Л. А. Велиховь, М. Н. Вовлюський, Д. Д. Гриммь, Э. Д. Гриммь, Н. А. Гредскура, П. П. Гронский, Любовь Гуревича, В. Ф. Геффинеь, И. Н. Ефремовь. И. В. Жимкинь, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовь, Н. Н. Львовь, А. Любимовь. В. А. Маклаковь В. В. Муймель, М. М. Новиковь, В. П. Обинискій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Олоденбургь, Т. И. Полнерь, А. С. Посниковь, А. Е. Пурсняковь, Д. Д. Протопоповь, А. М. Ремизовь, А. Н. ф. Рутцень, А. М. Рыкачевь, Борись Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичь, П. В. Струве, кн. Евг. Трубсикой, А. В. Тыркова (Верегосскій), М. В. Челноковь, С. П. Яремичь, Г. Н. Штильмань, А. А. Шахматовь, С. Д. Франкъ в друг.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА СЪ ДОСТАВКОЙ: На 12 м.— 12 р., на 6 м.— на 3 м.— 3 р. 40 к., на 2 м.— 2 р. 30 к., на 1 м.— 1 р. 20 к.

Для ознакомленія газета желающимъ высылается въ теченіе 2 недёль БЕЗПЛАТНО.

Въ такомъ случай на пересылку необходимо выслать 20 коп. почтовыми марками.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургь, Троицкая улица, 15-17, телефонъ 121-54. Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17, телефонъ № 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, "РУСМОЛВА".

Адресъ отдъленія конторы: Невскій пр., д. 27.

Подписка принимается также во всёхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всёхъ почтовыхъ конторахъ и отдёленіяхъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

(5-й г. изд.).

БЮЛЛЕТЕНИ

ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ ДВУХНЕДЪЛЬНЫЙ ЖУДНАЛЪ НОВАГО ТИПА.

3 р.

въ годъ **за 24** кн

Задача журнала—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни страны. Журналь печатаеть только то, что имѣеть длительный интересъ, интересъ, такъ сказать, въчности, что раскрываеть жизнь въ ел основъ, что углубляеть душу читителя и расширяеть его умственный кругозоръ. Библіогр. отдѣль представлень въ такомъ исчерпывающемъ видѣ, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ журн. Библіогр., какъ она ведется въ "Бюллет.", необходима для самаго широкаго круга читателей. О такомъ типѣ изданія мечтали Г. Успенскій (см. "Рус.Бог.", 111 кн. "Изъ переписки Успенскаго"). О За истекшій годъ въ журн. напечатано 350 статей и около 1,000 отзывовъ о мн., данъ перечень 2,500 новыхъ кн. и приведено содерж. 40 журн. за весь годъ.

проспектъ по требованію высылается безплатно.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подп. съ 1-го чис. кажд. мъс. Подписная цъна: на годъ—3 р. Разсрочка. 1 р.—при подп., 1 р.—къ 1-му янв., 1 р.—къ 1-му мая. Для сельск. учит. на годъ—2 р. 50 к.

Подписка принимается во всъхъ инижи. магаз. и почт. учрежд. Контора и ред.: Москва, Хлъбный, д. 1.

Изд.: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Ред. В. Крандіевскій.

2-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

2-й годъ изданія.

на ежемъсячный литературно-художественный и общественный журналъ

"ПУТЬ" подъ редакціей И. А. БѣЛОУСОВА.

Въ истекшемъ году въ журналъ "ПУТь" среди другихъ произведеній были напечатаны вещи слъдующихъ авторовъ:

Максима Горькаго, Ивана Бунина, Ильи Ръпина, Е. Чирикова, И. Бълоусова, В. Гофмана, И. Шмелева, Н. Д. Телешова, Скитальца, И. И. Попова, Л. Гальберштадта, Б. Лазаревскаго, С. Семенова. А. Кориноскаго, С. С. Мамонтова, Д. Ратеауза, К. Фофанова, В. Чешкина (Вътринскаго), Н. Мъшкова, Л. Зилова, Юрія Соболева, Н. Бернера, А. Чумаченко, Н. Льевови, М. Гальперина, С. Дрожовина, Н. Ашукина, Ю. Веселовскаго, П. Тулуба. М. Новиковой, А. Замиралова, Г. Вяткина, В. Сандомірскаго, П. Сухотина, В. Вътвицкаго и мн. другихъ.

Вступая во второй годъ изданія, журналъ значительно расширяетъ свою программу и помимо обычныхъ отдъловъ вводитъ слъдующіе новые:

I. ИЗЪ ДНЕВНИКА (мысли и впечатлънія)—живой откликъ на вов выдающіяся явленія литературно художеотвенной и общественной жизни.

II. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВЪ: раторовь, художниковь, артистовь и общественныхъ дъягелей.

Этоть отдъль будеть иллюстрировань портретами, снимками съ картинъ изъ жизни писателей и артистовъ и общественныхъ дъягелей.

Отдълы — общественный (обзоры русской и заграничной жизни) и научный будутъ значительно расширены.

Въ распоряженім редакцім для ближайшихъ №№ журнала имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ. И. А. Бунина, А. Федорова, Марка Криницкаго, И. Вълоусова, И. И. Попова, Н. В. Чекрасова, Л. И. Гальберштадта, И. Шмелева, Н. Телешова, С. С. Мамонтова, Н. Тимковскаго, С. Гусева-Оренбургскаго, И. Новикова. Н. Мпъшкова, Л. Зилова, Юрія Соболева и др.

подписная цѣна: на годъ 3 руб., на ⁴/_а г.—1 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—1 руб. съ перес. и дост.. За границу вдвое. Цѣна отдѣльн. №—35_коп. Съ пересылкой и въ провинціи—40 коп.

Редакторъ издатель И. А. Бълоусовъ.

Подписка принимается, кром'в редакціи и конторы, въ контор'в Н. Печковской— Москва, Петровскія линін, въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всёхъ почтово-телеграфныхъ отдёленіяхъ.

АДРЕСЪ РЕЛАКЦІИ. Москва, Соколиная улица, домъ 22.

Телефонъ 89-54.

Годъ изд. 6-й.

принимается подписка на 1912--13 г.

Годъ изд. 6-й.

(съ сентября 1912 г. по сентябрь 1913 г.) ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(ОРГАНЪ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ВОСПИТАНІЯ), подъ редакц. И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА, для городскихъ и сельскихъ учителей и для родителей.

Цъль журнала: разработка вопросовъ о такомъ воспитани и образовани, которое основано на самостоятельности, на удовлетворении свободныхъ запросовъ дътей и юношества и на производительномь трудь, какъ необходимой основь жизни.

программа журнала:

1/ Статьи по вопросамъ умственнаго, иравственнаго и физическаго вослитанія, образованія и самообразованія: 2) изъ семейной, школьной и общественной жизни съ точки връмія интересовъ воспитанія и обра-зованія: 3) о материнствъ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни; 4, по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплоатаціи; 5; о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ для трудового населенія: 6, по местоковти и эксплоатация; о; о свогодно-поразовательных в начинаниях дли грудового насоления; о; не ручному труду земпедъвческому, ремесленному и т. д.; ?, по природоварайно, устройству экскурсій и т. д.; В по вопросамъ гигіены дѣтства и юношества; 9; "Изъ книги и жизни"; обзого журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія; 10, переписка между лицами, интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія; 11, вопросы и отвѣты читателей; 12, библіографія.

Въ журналѣ принимають участіе: Е. М. Бемя, И. А. Беневскій, дера Г. М. Беркеневійкі, П. И. Бироковъ, дера А. С. Буркевика, пров. В. Н. Вагероковъ, дера Г. М. Беркеневійкі, П. И. Бироковъ, дера А. С. Буркевика, прод. В. Н. Вагероковъ, дера Г. М. Беркеневійкі, П. И. Бироковъ, дера А. С. Буркевика, прод. В. Весловская, дера А. М. Видуровъ, Е. Е. Горбунова, И. И. Торбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, А. Г. Дарев, дера А. Дераева, С. Н. Дуркима, Н. И. Живаго, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, дера А. Дераева, С. Н. Дуркима, Н. И. Живаго, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, дера Н. А. Кабанова, М. В. Кистаковскій, Н. С. Киричко, А. Китавев, М. М. Клечковскій, А. Н. Накомимъ, Н. В. Кротковъ, Н. А. Карковскій, А. И. Пуркавика, Д. И. Меновинская, И. И. Накомимъ, Н. В. Кротковъ, Н. А. Пороккій, А. И. Пуркавика, Д. И. Поповъ, С. А. Первушинъ, А. В. Ветришевъ, В. В. Нетришевъ, В. В. Рахминовъ, Н. А. Рубо-гобъ, проф. И. Е. Рамино, В. К. Сентишика, И. И. Клювевъ, Е. К. Сольмы, В. В. Сухова, Е. И. Фортунатовъ, 1-оръ А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, К. А. М. Хирьяковъ, Г. Г. Черкезово, С. Г. Чефрановъ, Е. И. Чижовъ С. Т. Шаккій, Т. К. Шлегеръ, дера А. Шкарванъ и дурк.

Подписная центи правини у правини у за границу за п. 60 к. Ля сельских учителей на 1 г. 12 2 р. за полгола 1 р. Подписна принимается: 1) въ резякий журата "Сподолно Восника" учителей на 1 г. 12 2 р. за полгола 1 р. Подписна принимается: 1) въ резякий журата "Сподолно Восника" учителей на 1 г. 12 2 р. за полгола 1 р. Подписна принимается: 1 посредняют (Москва, Даватовъ подписку ва журата». (Москва, Даватовъ М. Коншинъ.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 годъ. НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 5-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

12 кн., до 120) сто 12 прилож, до 500 иллюстрацій.

рубля въ годъ съ пересылкой.

ДЛЯ ДЪТЕЙ СТАРШАГО А СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА СЪ ОТДЪЛОМЪ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

При участій Е. И. Алькора, Е. М. Бёмь, Н. А. Буланове, Е. Е. Горбуновой, С. Н. Дурылина, В. И. Лукьян-ской, И. Ф. Наокивина, С. В. Покровского, С. А. Порожкого, С. Т. Семенова, Е. К. Соломина, А. К. Чертковой и другихъ постоянныхъ сотрудниковъ "Библіотеки И. Горбунова-Посадова для дітей и для юношества".

Редакція "Маяка" стремится дать д'тямъ здоровое, полезное и витересное чтеніе и способствовать развитію въ дѣтяхъ самодѣятельности, творчества, равной дюбви къ умственному и физическому труду и дѣятельной симпатіи ко всему живому. Въ этихъ стремленіяхъ редакціш "Маяка" ищеть поддержки со стороны всёхъ детскихъ друзей,

Въ журналѣ помѣщаются: 1) Разсказы, повѣсти и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путемествія. З) Историческіе очерки и біографія. 4) Бесады по естествознанію и наблюденіямь природы. 5) Объ изобратеніяхъ и открытіяхъ. 6) Переписка читателей и редакціи. 7) Смась (задачи, игры, шутки и т. д.).

Въ числѣ 12 приложеній даются руководства о томъ, какъ дѣтамъ самимъ дѣдать интересные для пихъ приборы, машины, какъ делать опыты и наблюденія, какъ рисовать и лепить, вообще руководства къ разнымъ занятіямъ, работамъ и играмъ въ комнатъ и на открытомъ воздухъ и т. д.

Въ текстъ журнала и приложеній помъщается множество иллюстрацій.

Журналъ допущенъ по предварительной подпискъ въ городскія училища, въ библіотеки ремесленныхъ, профессіональныхъ и техническихъ училищъ всъхъ типовъ и въ ротныя библіотеки 1-10 и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ; реномендованъ для пополнения библютекъ попечительствъ о народной трезвости.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ въ годъ 3 р. 50 к., на полгода 1 р. 73 к.

Подписка принимается: 1, въ конторѣ редакцій журнала "Маякъ": Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., л. № 5, 2., въ книгоиздательствѣ "Посредникъ" (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ), 3, въ книжномъ магазинѣ "Посредникъ" (Москва, Петровскій лип.) и во всёхъ др. книжн. магаз. и конт., принимающ. подписку на изурналы. Пздательница М. В. Горбунова. Редакторъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ.

Въ 1913 году БУДЕТЪ ПРОДОЛЖАТЬСЯ (37 годъ) изданіе журнала

"ИЗВЪСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ".

Журналъ выходить ежемъсячно книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздъляется на три отдъла, по 12 нумеровъ на каждомъ: отдълъ общій, посвященный разработкъ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, 2) отдълъ офиціально-справочный съ безплатными приложеніями: "Хроника ветеринарнаго и боенскаго дъла" и "Врачебно-Санитарная хроника" и 3) отдълъ "Народное Образованіе", въ которомъ помъщаются статьи по вопросамъ народнаго образованія и обзоры дъятельности въ этой области г. Москвы и другихъ русскихъ, а также и иностранныхъ городовъ.

Цъна журнала съ пересылкой во всъ города Россіи:

				Отдѣлъ	обш	общій.		Отдѣлъ офицсправоч.				Народное образованіе.			
За	12	мѣсяцевъ	4	руб.	40	коп.	4	руб.	40	коп.	3	руб.	. —	коп.	
, .	6	, ,	2	, .	20	٠,	2	,,	20	, ,	1	٠,	50	2.2	
,,	3	9.9	1	• ;	20	,.	1	,,	20	. , ,	_	,,	_	,,	
2.9	1	,,		9 9	4 0	,,		2.3	40	2.3		2.2	N0.	,,	

Подписка принимается

Москва, Городская Управа, Воскресенская плошадь, зданіе Думы. Телефонъ 262-91.

12 No No

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 Г.

(III г. изданія)

1 р. **50** к.

ВЪСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Ежемъсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. И. Чарнолускаго.

Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Дошкольное образованіе.—Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы.—Низшая профессіональная школа.—Образованіе учащаго персонала.—Витымольное образованіе.—Самообразованіе.—Дътское чтеніе.

ОТДЪЛЫ ЖУРНАЛА: —Заковы, циркуляры, севатск. разъясненія. — Библіографія новыхь книгь и статей по нар. образованію, учебниковь и учебн. пособій. — Рефераты и сводъ рецензій о новыхь книгахь и журналахь по нар. образованію. — Сводъ отвывовь: о научно популяры книгахь и общахь журналахь. о дітскихь книгахь и журналахь. —Списки: произведеній, допущ. въ учебн. заведенія; изъятыхь произведеній; прособтит. обществь и учрежденій. — Хроника. — Изъ литературы и жизни. — Изъ правтики для практики. — Изъ статистики прособщенія. — Вопросы и отвіты. — Сообщенія и заявлемія. — Объявденія.

подписная цъна: 1 р. 50 к. съ пересылкой. — Отдълън. номера—20 к. можно 2-хъ коп. марками). — Желающіе получить квитанцію, оплачивають герб. сборъ (5 к.). — Подписка принимается во всъхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подписн. цънъ. — Книжн. магазины удерживають 5^0 . — Подробн. проспекты— безплатно. Полный комплектъ журнала за 1911—1912 гг. (15 %%) — 2 р., для подписывающихся до 1 января 1913 г. — 1 р. 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Невскій, д. 126, кв. 12.

Ред.-изд. Е. Ф. ПРОСКУРЯКОВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА съ 1-го октября на 1912/1913 г. на еженедъльникъ

"ЗАПРОСЫ ЖИЗН

ЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ ОБОЗРЪНІЕ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ, изд. въ С.-Петербургъ,

изов. Във. С.-Петероургъ,

при ближайшемъ участіи проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО (чл. Г. С.) и Р. М. БЛАНКА и сотрудинчестић. С. В. Анижима. проф. Е. В. Анижкова, С. Ан.—скаго, акад. К. К. Арсеньева, В. Базарова, О. Д. Батюшкова, акад. А. Н. Венуа, проф. М. В. Бернацикаго, Н. Д. Бернитейна, Здуарда Бернитейна (Берлинъ, чл. Рейгстага), проф. В. М. Бахтерева, І. М. Бикермана, П. Д. Боборькина, В. Я Богунарскаго, А. И. Браудо, проф. Родовефа Брода (Патикова, Окаментова Прогрессая), И. К. Брусильоксаго, А. И. Браудо, проф. Родовефа Брода (Патикова, Окаментова Прогрессая), И. К. Брусильоксаго, А. Н. Бранчанинова, О. Е. Бурксаноксаго, А. Н. Баккова, А. М. Бталава, В. И. Вернадскаго, проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Сое.), С. А. Векерова, акад. В. И. Вернадскаго, проф. А. В. Витименскаго, В. В. Вобовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, акад. И. Е. Гизибурва. А. Г. Горифевада, Миксима Горькаго, проф. Н. А. Гредескура, Г. А. Гросмана, (Берлинъ), Л. А. Гуревичь, Эдуарда Давида (Берлинъ, чл. Рейгстага), И. Л. Деидома, проф. В. Э. Дена, В. И. Дяобинскаго (чл. Гос. Думы), Я. И. Душечкина, И. В. Жилкина, П. И. Зевадича (Ввъна), Ст. Изаковича, Г. В. Итименскаго (чл. Гос. Думы), Я. И. Душечкина, И. В. Жилкина, П. И. Зевадича (Ввъна), Ст. И. М. Койсева, проф. В. Д. Курмина-Караваева, М. И. Кулишера, В. В. Кусковой, проф. И. М. Кулишера, Д. А. Левина, Р. Г. Лемберкъ, С. И. Лисенко, А. В. Лунарскаго (Римь), проф. В. Я. Луницкаго (чл. Гос. Думы), Д. А. Исекса, М. П. Невадомскаго, Вас. И. Немировича-Данченко, К. М. Оберучева, проф. Осеннико-Куликовскаго, проф. И. А. Мерозова, С. Метиславскаго, М. П. Невадомскаго, Вас. И. Немировича-Данченко, К. М. Оберучева, проф. Осеннико-Куликовскаго, проф. И. В. Самера, Д. В. Сатурина (Перима), И. А. Сосерва, Н. И. Осеновича, В. С. Роденкова, Проф. И. В. Реминова, Проф. И. А. Мунакова, Проф. И. А. Мунакова, Проф. И. А. Исексара, Г. В. Тана (Богорая), Проф. В. В. Тарке, проф. А. А. Иреговова, С. Оберка, Р. М. Соболева, И. И. Сокольва, В. С. Тотомомана, А. В. Реговерти, И. А. Реговерка, С. О.

"Les Documents du Progés" (Парижъ), "Progress" (Лондонъ), "Dokumente des Fortschritts" (Берлинъ

ВЪ ПРОГРАММУ «ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ» ВХОДЯТЪ: () Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, эконовической, питературной и научной мизни Россіи и Запада, 2) Обзоръ событій постлѣдной недѣли.

3) Норреспонденцій, 4) Соціально-эконовическое обозрѣніе, 5) Литературное обозрѣніе, 6) Научное и техническое обозрѣніе, 7) Русская и иностранная библіографія, 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ (изоръ русскихъ и газетъ), 9) Театръ, 10) Искусство, 11) Фельетомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА съ перевывкой и дост: на 1 г. — 5 руб. на 4 у г. — 2 руб. 75 коп., на 4 \ г. — 1 руб. 50 коп., на 1 месяцъ— 50 коп., отд. нумеръ 15 коп. За границу; на 1 г. — 7 р. на 4 \ г. — 3 р. 50 к. на 4 \ г. — 1 р. 75 к. на 1 месяцъ— 50 коп. льготнАЯ ПОДПИСНА для овященнямось, учитеся, учащихся, крестьянъ и рабочихъ при подписке на годъ; 4 руб. въ годъ и разорочка платежа на 3 срока: 1 руб. 50 коп. при подписке, 1 р. 50 к — черезъ 4 \ года и 1 руб. — терезъ 5 \ года. Подписка принимается: въ главной конторъ, Запросовъ Жизик"— С. Петербургъ, Наколаевская ул., д. 37, въ почтовъкъ отдъловияхъ и въ книжныхъм магазиватъ.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мъсяца.

хху годъ изданія.

Большая ежедневная, политико-общественная, литературная и торгово-промышленная газета прогрессивнаго направленія, безпартійная,

Разнообразіе содержанія, полнота и всесторонность извѣстій. Въ газетѣ помѣщаются точныя и полныя свъдънія о всей мъстной астраханской, приволжской и прикаспійской жизни и дъятельности; фельетоны, обозрънія, отголоски столичной и провинціальной печати мнѣнія и отзывы газеть по разнымь вопросамь, летучія замѣтки на злобу дня и т. п. Кромѣ мным и отамом газоть по разлышь вопросмать, аступа замыти по отого, историческіе очерки, статьи, замытки и матеріалы, касающіеся Астраханскаго края вообще и въ частности г. Астрахани. Въ программу газеты входять всё отдым и рублики, необходимые въ большой газеты, имыющей широкій кругь читателей. Въ торговопромышлен. отдълъ даются ежедневно свъдънія о ходъ рыбнаго дъла (уловы, цъны, сдълки, привозъ и проч.). Точно такъ же всъ торгово-промышленныя свъдънія о персидскомъ рынкъ, о лъсномъ, хлъбномъ, фруктовомъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА—съ доставной въ городъ: 1 годъ—7 р., 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к. 3 мѣс.—2 руб., 2 мѣс.—1 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. Съ пересылной иногороднимъ: 1 годъ—7 руб. 50 коп., 6 мѣс.—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб., 2 мѣс.—1 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 3а границу: на годъ—13 руб., 6 мѣс.—6 руб. 50 коп.

Адресъ для писемъ: Астрахань, д. Ръпина, Почтовая ул. Адресъ для телеграммъ: Астрахань-Въстникъ. Издательница А. А. Штыльно. Редакторъ А. Н. Штыльнс.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г. на СТАРЪЙШІЙ каъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ журналовъ

"ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ",

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

49-й годъ изданія.

Въ неофиціальной части 1912 года были, между прочимъ, помъщены статьи: Я. Н. Ктитаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературъ. А. Барсовъ. Литература послъ Гоголя. «Обрывъ» Гончарова. А. Флеровъ. О типъ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы. М. Г. Попруженно. Матеріалы по методикъ анализа безконечно-малыхъ въ средней школъ. Вл. Шидловскій. О желательности сообщенія историческихъ свъдъній по исторіи математики въ нашей средней школъ. А. Постниковъ. Монометрическій способъ опредъленія коэффиціента истиннаго расширенія жидкостей. М. Фотъ. Иностранные языки и хоровыя упражненія. М. фонъ-Критъ. Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цъли, факторы и средства. В. Чернышевъ. Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. Евг. Лозинскій. Воспитаніе вождей. К. Житомірскій. Педагогическія увлеченія. В. Волынцевичъ. Психологія переходнаго гозраста. А. Щепинскій. Психологія футбола и другихъ игръ. М. В. Соболевъ. Наши дѣтскіе журналы за 1911-й годъ. К. Лѣпиловъ. Объ эстетическомъ развитіи учащихся. Ник. Жервъ. Къ вопросу о постановкъ внѣкласснаго чтенія въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ. И. С. Симоновъ. Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ө. Каптерева, Н. С. Дрентельна, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, К. Лѣпилова, М. Г. Попруженко, В. Буданова, С. Бернштейна, Н. Саввина, М. Приселкова; Н. Покотило, А. Налимова, Евг. Лозинскаго, Вл. Шидловскаго, Н. К. Михайловскаго, С. Траилина и др.

Подписная цена съ доставкой 5 руб.

Иногородніе адресують въ редакцію: Спб., Тучковъ пер., д. 11 кв. 11.

Редакторъ И. С. Симоновъ.

24-ŭ 2005 u3d.

Открыта подписка на 1913 годъ на общепедагогическій журналь для учителей и дѣятелей

на оощепедагогическій журналъ для учителей и дъятелей по народному образованію **24-**ŭ 2001 u30.

"РУССКАЯ ШКОЛА"

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новъйшихъ геченій изъ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и общесть, учрежденій по народному образованію (Росуд. Думы, земетвъ и пр.). Народное образованіе за граннцей. Нязшая и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кром'я статей по означенной программ'я, журналь даеть сладующія постоянные отдалы: І. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева. ІІ. Критика и библіографія, обзоры педагогических и д'ятскихъ журналовь, подъ ред. А. Я. Гуревичь ІІІ. Хроника общаго и професе. образованія въ Россіи и за границей. ІV. Хроника библіотечнаго д'яла и внашкольнаго образованія. V. Разныя извастія. VI. Новости литературы. VII. Нов'я правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ журналъ принимаютъ участіс: Х. Д. Алчевская, Ц. П. Валталонъ, проф. И. Бодуяъ-де-Куртень; Н. Борецкій-Берефельдъ, Н. Боукаревъ, д. В. Валтерова, В. П. Валталонъ, проф. В. Вейнберъв, д-ръ А. Владимурскій, Ч. Вътринскій, проф. И. Гревсъ, проф. А. Грунскій, Л. Я. Гуревичь, А. Гуревичь, Евг. Елачичь, проф. П. Заботосткій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, Н. Н. Іорданскій, П. д. Каттеровъ, проф. Н. И. Кортовъ, В. И. Катоневъ, В. Келтувла, чл. Г. Думы Ив. Клюзосевъ, проф. Н. М. Книповичь, Н. И. Коробко, проф. И. Дапишнь, проф. А. Лагурскій, Ф. Ф. Ольдежбургъ, Л. Орманскій, А. Н. Остросорскій, проф. А. П. Нечаевъ, М. Ньоврусскій, Ф. Ф. Ольдежбургъ, Л. Орманскій, А. Н. Остросорскій, проф. А. П. Печаевъ, Б. Райковъ, Г. Роковъ, прив. доц. Г. И. Россольцю, Н. А. Рубакинъ, Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, С. И. Савочовъ, Л. С. Севрукъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, А. Стасовичь, Ч. А. Т. Думы И. Титовъ, Н. А. Томилинъ, М. Тростниковъ, Г. Г. Тумимъ, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, Б. Р. Фромметть, проф. Г. В. Хлопинъ, В. И. Чарнолускій, В. И. Чернышевъ, Н. В. Чехоеъ, С. И Шохоръ-Троцкій, кн. Д. И. Шахооской, А. Ячимирскій, и др.

«Русская школа» выходять ежем*сячно книжками, не мен*е 15 печ. листовь. Подписная ц*ма: въ СПБ. безъ дост—семь р., съ дост.—7 р. 50 коп., для иногородн.—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годь. Съ дост.—2 курналъ за свой счетъ—шесть руб. въ годь. съ разрорскою (при подпискѣ—3 р. къ 1 iоля—3 р.). Городамъ и земетвамъ, выпискы. ве мен*е 10 жкз. уступка въ 15%. Книжн. магазинамъ за жомиссію 6% съ год. ц*вны. Подписка съ разерочкой и уступкой тольно въ нонторѣ редакціи (СПБ., Лиговская. д. 1).

光(1)(3) = 15(ПКОЛА M

ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА СЪ ЕЖЕМЪ-СЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

3-й г ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ. изданія.

3-й г. изданія.

Задача газеты: тъсное единеніе школы съ жизнью и семьи со школою; свободное развитіе всъхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей. Въ число безплатныхъ приложеній на 1913 г., не менье 80 печ. лист., входять, между прочимъ,

трактать о воепитаніи Джона Лонна, сборникь статей самаго выдающагося представителя эксперни, пси-хологіи Стэнли Холла и другів класонческія произведенія, необходимыя не только каждому педагогу, но и всёмь интересующимся школой и воспитаніємь.

и всёмь интересующимся школой и восинтаніемь.

Програвма газатель: 1) Статьи по вопросамь: а) организаціи школы и школьнаго законодательства.

б) Общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымь вопросамь образованія и восинтанія,
 фельетонь, характеризующій, по преимуществу, внутреннюю ижизы школы им популяризующій различным стороны знавіл. 4) Обзорь печати. 5) Хроника образованія; дёлтельность законодательных учрежденій правительства и т. д. 6) Хроника школьной жизни вь Россіи и за границей. 6) Обольнае ней литературы, русской и ниостранной. 8) Обольнаенія:

осиблинаю воего, что касается умственнаго, иравственнаго и физическаго воспитанія школьнаго и ошкольнаго, какть въ Россіи, такть и за границей, обезпечивается сотрудичествомь профессоровь, преподавателей средвей и низшей школы, земок. п город. дёятелей, членовь Г. Думы и Г. Совѣта, дѣятелей

разл. обществъ и родительскихъ организацій.

разл. обществъ и родительских организацій.
Въ газетъ участвуютъ, между прочимъ: Проф. М. Алекстенно, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Бъломосній, проф. В. Вагнеръ, В. Вахтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. И. Гердекулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Заягинцевъ, проф. П. Каптеревъ, проф. М. Каптеревъ, проф. М. Каптеревъ, проф. М. Ковалевскій, акад. А. Номи, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Лучицкій, проф. А. Мачумповъ, П. Милоковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Оссинико-Кулимовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петрамицкій, А. Петрищевъ, И. Петрумневичъ, проф. А. Посимовъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, И. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, П. Петрамьсь, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, И. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, П. Петрамьсь, А. Пругавинъ, Проф. Г. Чеплановъ, Н. Чеховъ, П. Шемгаревъ, акад. И. Янмулъ, и др. и изъ мностраиныхъ ученыхъ: проф. Ренз Вормсъ, Шарль Жидъ, извъстный французскій педаготъ Бысосонъ де Гревъ, Томассонъ м др. Редакція газеты кижетъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ Имперіи и за границей и спеціальныхъ корреспондентовъ въ Г. Совътъ и Г. Думъ.

подписная цъна: Съ доставкой и пересылкой на годъ-6 руб., на 6 мѣс.-3 руб. на 3 мѣс.-2 руб. ПОДІПИСНАН ДВНА: О доставком и пересылком на годь — 0 уст., на о мес. — 2 руст. на 5 мес. — 2 руст. для учащихъ въ начальныхъ училищахъ попусмается расерочия; при подпискъ 2 руст. и къ 1 февраля, 1-му марту, 1-му апръля и 1-му мая по 1 руб. Подписка принимается; въ Главной конторъ, Петербургъ, Набинетская, д. Губериснаго Земства, № 18, во вейхъ почт.-тел. отдъл. и въ солиди. книжи, магазинахъ. Объявленія: Строка нонпарели впереди текста 60 коп., позащан. О коп.. Издателя: Н. В. Мъшковъ и Г. А. Фальборкъ.

Открыта подписка на учено-педагогическій журналъ

въ 1913 г. (35 годъ изланія).

Цѣна за 4 книжки (№№), не менѣе 50 листовъ въ годъ, семь (7) рублей съ пересылкою. Журналъ выходить 4 раза въ годъ въ неопредъленаме сроки (примърно: февраль, май, сентябрь, декабрь). АДРЕСЪ: Варшава, ул. Натолинская, 4.

Предметы журнала-языкъ, народная поэзія, древняя и новая литература славянскихъ племенъ, преимущественно русского народа.

1. Матеріалы.

Изследованія и заметки.

2. Носиводовати и овизатили.
3. Критика, библютрафія, научная хроника.
4. Недагогическій отдёль: а) о преподаваніи русскаго языка и словесности; б) критика учебниковь по этимъ предметамы; в) пробные листы новыхъ учебниковь; г) разныя извъстія и замътки, имъющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

преподаванію языка и словесности.

Въ журналѣ принимають участіє своими учеными и педагогическими трудами слѣдующія лица—академнки, профессора и преподаватели высшихь и среднихь учебныхь заведеній: еписк. Анастасій (Александровъ), Л. Л. Бедржецикій, А. И. Белича, Э. И. фонъ Бергъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуонъ де Куртенъ С. Н. Брашловскій, Р. Ө. Брандтовъ, В. В. Вирисовъ, В. В. Вирисовъ, В. В. Варисовъ, В. В. Вогородицкій, И. М. Бізьоруссовъ, В. В. Дариловъ, Н. Н. Дуриово, А. М. Веладовъ, В. В. Даниловъ, Н. Н. Дуриово, А. М. Веладовъ, В. В. Даниловъ, Н. Н. Дуриово, А. М. Веладовъ, П. А. Заболотскій, И. И. Замотильъ, Д. К. Зеленинъ, Г. А. Илацинскій, Л. К. Нанинскій, В. А. Истоминъ, А. П. Кадафовоскій, С. П. Козанскій, В. А. Канинскій, Н. П. Кашинъ, А. В. Круковскій, П. А. Кулаковскій, Д. Н. Кудрявскій, С. М. Кульбажинъ, П. А. Ларовъ, А. М. Дукьяненко, Н. Н. Любовичь, Б. М. Запуновъ, А. А. Мазонъ, В. Манешкжа, еписк. Меводій, (Великановъ), Л. Милетичь, В. Ө. Мильеръ, А. В. Михайловъ, Ст. М. Ланиновъ, В. И. Профовенных П. П. Первовъ, В. Н. Профовенных П. П. Первовъ, В. Н. М. Петровскій, П. Л. Первовъ, В. А. П. Соборскій, П. Л. Первовъ, В. А. П. П. Помадовъ, Ст. М. А. Мазонъ, В. И. Розгойниць, В. А. Погориловъ, В. К. Поръзсенных П. И. П. Помадовъ, Ст. М. М. Петровскій, Н. О. Сумуовъ, В. И. Розгойниць, С. М. Соколовъ, М. Н. Сперанскій, Н. О. Сумуовъ, В. И. Реромовъ, М. Р. Фасмеръ, Т. Д. Флоринскій, Ф. Ф. Фортирнативовъ, В. А. Францевъ, В. И. Чриньшевъ, А. А. Ш. Янимирскій и мм. др. Въ редакцій можно цолучать "Русс. Фил. Вѣстн. За 1912 г. по 7 р.: За 1879—1911 г.

Въ редакціи можно получать "Русс. Фил. Въстн." за 1912 г. по 7 р.; за 1879—1911 г. въ продажь не имъется. Редакторъ-надатель Е. О. Карскій.

00

0

0

0

00000000000000000

0000

00

0

00

0

000

00

0000000000

0

0000

0

00

00000000

000000

00

0000

0

0

0

0

000000000000000000

0

0

00

0000

00000

0

000

0000

0

0

0

000000000000

00000

00

0

0

0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВЪСТНИКЪ

1913-й годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1913 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе "БОГОСЛОВСКАГО ВЪСТНИКА" на прежнихъ основаніяхъ, по нижеслъдующей программъ:

- Твореніе св. Отцовъ въ русскомъ переводъ (св. Максима Исповъдника).
- Оригинальныя изслъдованія, статьи и замътки по наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ и общественнымъ.
- III. Изъ современной жизни.
- IV. Хроника академической жизни.
- V. Библіографія, рецензія и критика.
- VI. Приложенія, въ которыхъ будуть печататься, съ отдъльной нумераціей страницъ, труды выдающихся представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ.
- VII. Протоколы Совъта Академіи за 1912 годъ.

Съ 1913-го года начнется въ "Б. В."

ПЕРЕВОДЪ ТВОРЕНІЙ Св. МАКСИМА ИСПОВЪДНИКА.

Въ качествъ приложенія къ журналу "Богословскій Въстникъ" подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ЕФРЕМА СИРИНА.

Подписная цъна на "Богословскій Въстникъ" совмъстно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній преподобнаго Ефрема Сирина ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

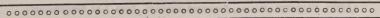
Примъчаніе. Безъ пересылки семь рублей, за границу— десять. Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цізна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока: при подпискъ 4 руб., и къ 1 іюля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискъ 4 рубля, и къ 1 іюля 3 рубля.

За перемъну адреса 20 коп.

Примъчаніе. Подписчики ,,Богословскаго Въстника" со всъхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размъровъ заказа.

Адресъ реданціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ ред. ,,Богословскаго Въстника".

Редакторъ священникъ Павелъ Флоренскій.

(4-й г. изданія). ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ (4-й г. изданія) На ежемъсячный иллюстрированный церковно-общественный журналъ

Старообрадческам Пысаь"

(органъ передовой, независимой мысли).

Журналъ выходитъ въ Москвъ ежемъсячно книжками въ 6—7 печатныхъ листовъ (96—112 страницъ)

ПО СЛЪДУЮЩЕЙ ПРОГРАММЪ: статьи богословско-философскаго и церковно-общественнаго характера, проповъди, историческія изслъдованія, очерки, документы и письма, бытовые разсказы по народному образованію, обзоръ событій въ старообрядчествъ (всъхъ согласій) и внъ его, обозрѣніе періодической печати, отзывы о новыхъ книгахъ, объявленія и т. п.

Въ журналь удъляется большое вниманіє

"ЦЕРКОВНОМУ ЗНАМЕННОМУ ПЪНІЮ".

Сотрудникими журнала состоять, какъ и прежде, какъ: Епископъ Михаиль, П. Д. Зенинь, В. Е. Макаровъ и другіе, а также и не старообрядцы: проф. А. И. Лебедевъ, проф. М. А. Рейснеръ, С. П. Мельгуновъ, П. Любомировъ, и др.

Кромъ 12 книгъ журнала, годовые подписчики журнала "Спарообрядческая Мыслъ" получатъ въ 1913 году **безплатно** послъднюю книгу.

В. Т. ЗЕЛЕНКОВА, "ВЫПИСКИ ИЗЪ СВЯТООТЕЧЕСКИХЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ КНИГЪ, СЛУЖАЩИХЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РАЗЛИЧНЫХЪ СТОРОНЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ. ЧАСТИ 1-Й ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ.

4 выпускъ книги: Бароній Цезарь. "ДЪЯНІЯ ЦЕРКОВНЫЯ И ГРАЖДАНСКІЯ ОТЪ РО-ЖЛЕСТВА ХРИСТОВА ДО ХІІІ ВЪКА".

подписная цъна на журналъ "СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ" на 1913 годъ съ книгою В. Т. Зеленкова ч. I, первая половина, съ доставкою и пересылкой во всъ города Россійской Имперіи;

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля и къ 1 іюля по 1 р. (съ кн. Баронія). Адресъ главной конторы, куда слѣдуеть направлять подписку, деньги, а также разныя требованія и матеріальныя претензіи: г. Егорьевскъ, Рязанской губ., Н. Д Зенину. Подписка на журналь также принимается ВО ВСБХЬ ПОЧТОВЫХЬ ОТДЪЛЕНІЯХЬ Имперіи, при

чемъ въ этомъ случат съ подписчиковъ не берутъ платы за переводъ. Кромъ того, подписка принимается и у гг. книготорговцевъ и агентовъ по разнымъ городамъ и селеніямъ Имперіи.

Редакторъ-издатель В. Е. Макаровъ.

(6 г. изданія). ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ. (6 г. изданія).

на старообрядческій церковно- ,, ЦЕРКОВЬ".

Журвалъ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЪЛЬНО, при участіи въ немь: еписк. Михаила, свящ. О. М. Гуслякова, В. Е. и О. Е. Мельниковыхъ, М. И. Брилліантова, А. С. Рыбакова, Я. А. Богатенко, Д. С. Варакина, В. Г. Сенатова, К. Н. Швецова, С. И. и Л. В. Быстровыхъ, И. С. Логинова, Тиханскаго, Шалаева и ми. др. Приложенія къ журналу. Въ 1913 году будетъ дана годовымъ подписчикамъ.

безплатно вторая половина книги "КОРМЧЕИ".
подписная цъна на журналь "церковь" съ безплатными приложеніями: "кормчей" (2-я полов.) и "Другомъ земли": на годъ 5 р., полгода—2 р. 50 к., на три м.—1 р. 50 к. на одинъ м.—50 к. Книга "кормчая" выдается только годовымъ подписчикамъ. Допускается разсрочка: къ 1-му января высылается—2 р., къ 1-му мая—2 р., и къ 1-му сентября 1 р. Первая половина "Кормчая" высылается немедленно по полученіи при подпискъ одного доплатнаго рубля.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІМ: Москва, Биржевая площадь, домъ Т-ва Рябушинскихъ.

TO ANY POWER DESCRIPTION OF THE PARTY NAMED AND POST OF THE PARTY NAMED AND POST OF THE PARTY NAMED AND PARTY

CTHPOORPARTSCHA ALLCHE

... UEPKODROMY ZRAMERROMY BYINDS

The same of the sa

CARROLL PROPERTY AND THE PERSON NAMED IN CO.

SOMEONAN GRANT OF STREET, STANDON STANDON STREET, STANDON STANDON STREET, STANDON STAN

Delicated and the second secon

The same of the sa

III CHEMINE TO THE TENTON LEEP TO BE

to open the Control of the Control o

Life of Paris Street, Square Street, and Too Street,